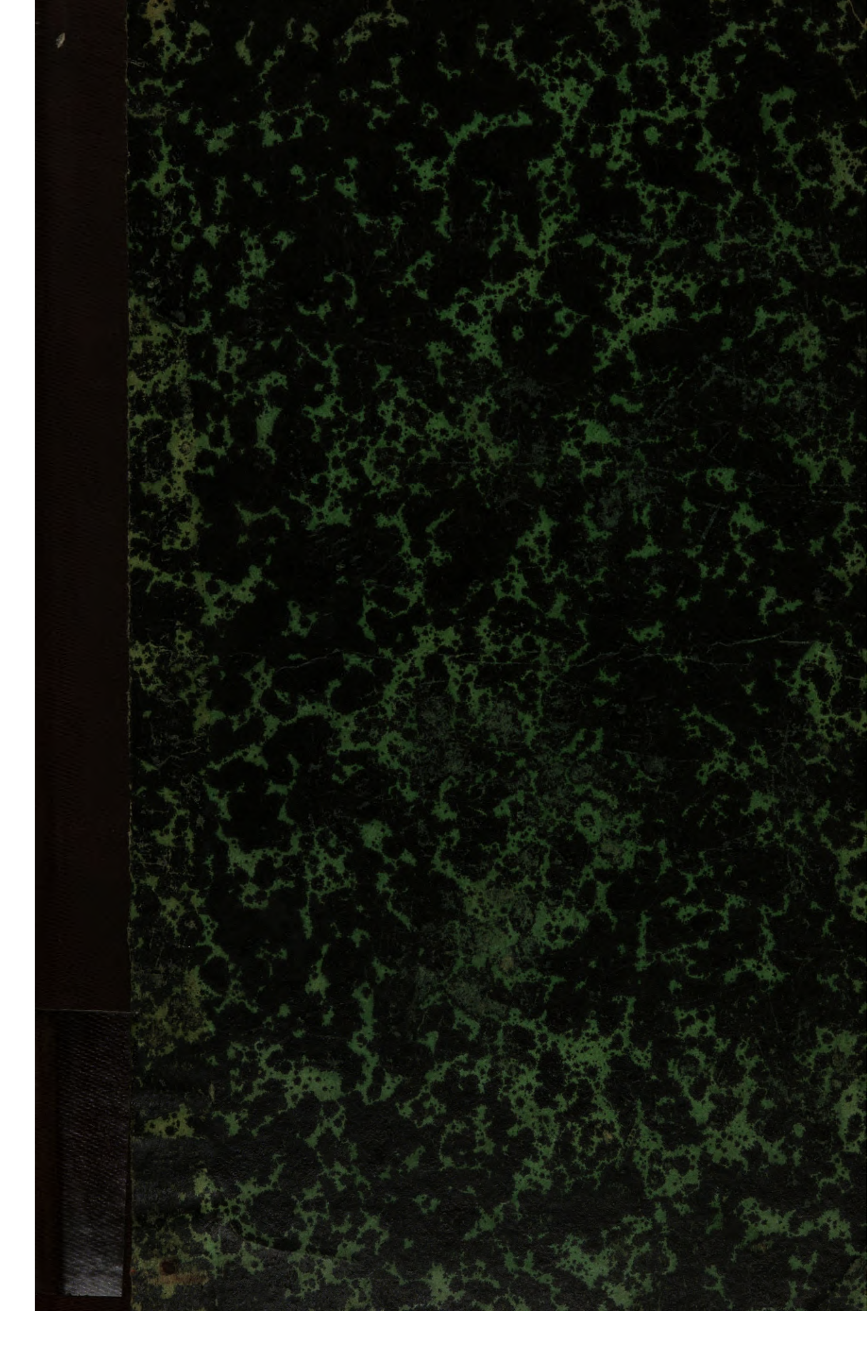
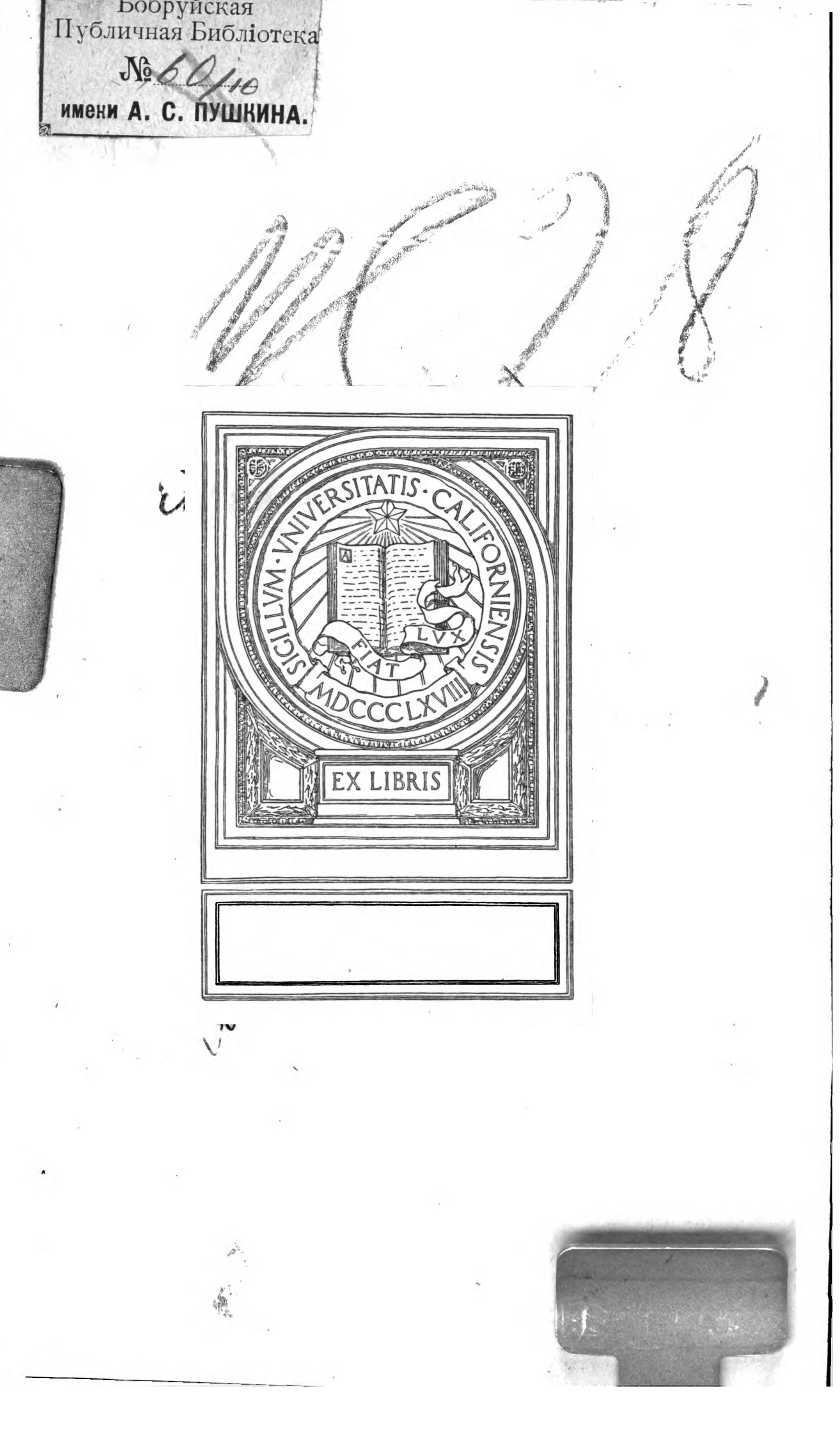

Бобруйская
Публичная Библіотека
№ 6010
имени А. С. ПУШКИНА.
SIGILLVM · UNIVERSITATIS · CALIFORNIENSIS
FIAT LVX
MDCCCLXVIII
EX LIBRIS

Годъ VI-й. № 10-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

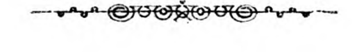
ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

ОКТЯБРЬ

1897 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1897.

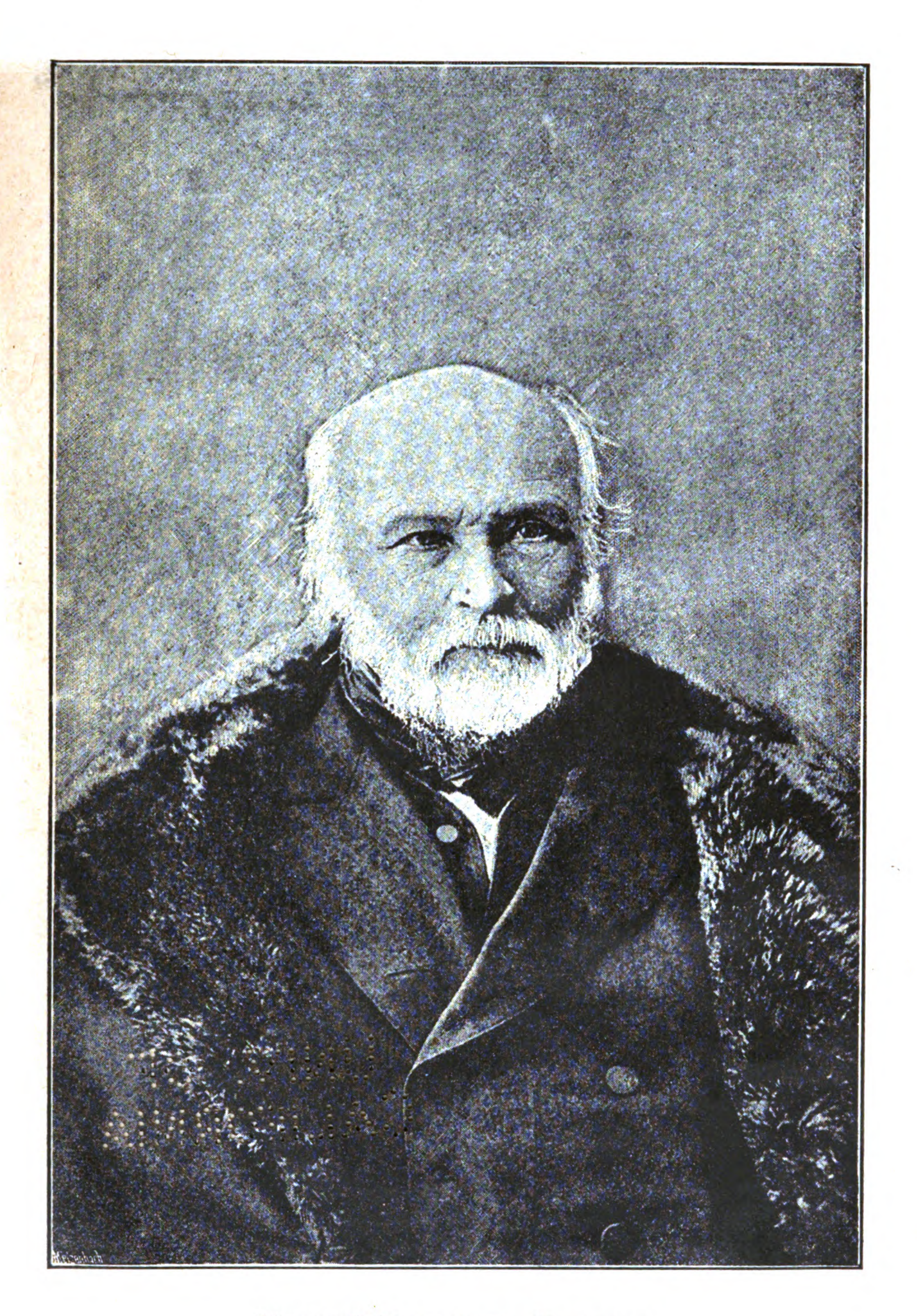
Дозволено цензурою 25-го сентября 1897 года. С.-Петербургъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

Николай Ивановичъ Пироговъ.

Николай Ивановичъ Пироговъ,

Его жизнь, научная и общественная дѣятельность.

3-го августа настоящаго года происходило въ Москвѣ, на Дѣвичьемъ полѣ, торжество истинно-культурнаго характера: русская интеллигенція, съ врачебнымъ сословіемъ во главѣ, въ этотъ день праздновала открытіе памятника знаменитому ученому, общественному дѣятелю и педагогу, Николаю Ивановичу Пирогову.

Настоящій очеркъ имѣетъ въ виду представить жизнь и заслуги этого выдающагося человѣка *).

I.

Николай Ивановичъ Пироговъ родился 13 ноября 1810 г. въ Москвѣ, въ Сыромятникахъ.

Дѣтство его протекло въ хорошей семейной обстановкѣ. Отецъ Пирогова, котораго онъ изображаетъ въ «Дневникѣ стараго врача», служилъ казначеемъ въ Московскомъ провіантскомъ депо. «Я,—говоритъ Николай Ивановичъ,—какъ теперь вижу его одѣтымъ, въ торжественные дни, въ мундиръ съ золотыми петлицами на воротникѣ и обшлагахъ, въ бѣ-

*) Матеріаломъ для даннаго очерка послужили: «Сочиненія Н. И. Пирогова», т. 1 и 2, 1887 г.—«Письма Н. И. Пирогова къ І. В. Бертенсону», см. «Русская Школа» 1896 г. № 1 и 2.—*І. В. Бертенсонъ*, «Н. И. Пироговъ, очеркъ его общественной дѣятельности, какъ профессора, врача-хирурга, писателя и педагога», 1881 г.—«Н. И. Пироговъ. Празднованіе пятидесятилѣтія его ученой и общественной дѣятельности, 24 мая 1881 г.», «Рус. Старина», № 9.—«Юбилей Н. И. Пирогова», «Истор. Вѣстн.» 1881 г., № 7.—*І. В. Бертенсонъ*, «Памяти Н. И. Пирогова», см. «Русская Старина» 1882 г., декабрь.—«Рѣчь Н. В. Склифасовскаго въ память Н. И. Пирогова, говоренная 12 января 1882 г.».—*Л. Ф. Змѣевъ*, «Русскіе врачи-писатели», 1886 г.—*В. М. Флоринскій*, «Воспоминаніе о дѣятельности Н. И. Пирогова въ С.-Петербургской медико-хирургической академіи», см. «Ученыя Записки Казанскаго университета», 1881 г., т. 3.—*Ю. Г. Малисъ*, «Н. И. Пироговъ, его жизнь и научно-общественная дѣятельность», 1893 г.—*Г. И. Волынцевъ*, «О Н. И. Пироговѣ, какъ профессорѣ и педагогѣ», см. «Врачъ» 1897 г. № 20 и 21.—*Острогорскій, В.*, «Русскіе педагогическіе дѣятели», 1887 г.—*В. Я. Стоюнинъ*, «Педагогическія сочиненія», 1892 г.—*Ушинскій*, «Педагогическія сочиненія Пирогова», см. «Журналъ Минист. Народн. Просв.», 1862 г.—*Л. Добровъ*, «Воспоминанія о Н. И. Пироговѣ», см. «Русская Старина», 1885 г., іюнь.

лыхъ штанахъ, большихъ ботфортахъ съ длинными шпорами; онъ имѣлъ уже майорскій чинъ, былъ, какъ я слыхалъ, отличный счетоводъ, ѣздилъ въ собственномъ экипажѣ и любилъ, какъ всѣ москвичи, гостепріимство. У отца было насъ *четырнадцать* человѣкъ дѣтей,—шутка сказать! — и изъ четырнадцати, во время моего дѣтства, оставалось на лицо шесть: трое сыновей и столько же дочерей».

Дѣтская привольная жизнь маленькаго Николая, общаго любимца, въ собственномъ домѣ, заново выстроенномъ послѣ нашествія французовъ, разукрашенномъ живописью, съ большимъ садомъ и играми въ немъ (кегли, крючки, кольца), ни чѣмъ не омрачалась.

Грамотѣ 6-ти-лѣтній Николай выучился играючи: въ то время распространены были каррикатуры на потерпѣвшихъ пораженіе французовъ, и вотъ по этимъ-то каррикатурамъ, въ видѣ картъ въ алфавитномъ порядкѣ, онъ почти самоучкой узналъ грамоту.

Дальнѣйшія занятія нисколько не обременяли любознательнаго мальчика, а чтеніе доставляло ему большое наслажденіе, особенно «Дѣтское чтеніе» Карамзина, «Людмила и Свѣтлана» Жуковскаго, басни Крылова; нѣкоторыя изъ нихъ онъ по собственной охотѣ выучилъ наизустъ.

На 9-мъ году обученіе изъ рукъ матери и сестры перешло къ учителю-студенту, обучавшему своего ученика грамматикѣ и латинскому языку; какъ этотъ студентъ, такъ и остальные два домашнихъ учителя не оказали какого-либо существеннаго вліянія на общее развитіе юнаго Пирогова. Онъ былъ живымъ, разбитнымъ, но прилежнымъ и не особенно шаловливымъ мальчикомъ; большое наслажденіе ему доставляло—собирать и засушивать цвѣты, разсматривать картинки животныхъ и растеній или же историческаго содержанія, по преимуществу относящіяся къ войнѣ 1812 г. Изъ любимыхъ дѣтскихъ игръ его можно отмѣтить одну, имѣвшую, такъ сказать, пророческій характеръ, именно «игру въ лѣкаря». Происхожденіе ея таково: послѣ безуспѣшнаго посѣщенія нѣсколькими врачами больного брата маленькаго Николая, приглашенъ былъ популярный въ Москвѣ профессоръ Мухинъ; вся обстановка этого посѣщенія—приготовленія къ его пріѣзду, величественный видъ профессора, карета четверней, ливрея лакея и особенно быстрый успѣхъ лѣченія, благодаря которому вопли и стоны больного скоро прекратились,—все это произвело сильное впечатлѣніе на маленькаго Пирогова. И вотъ онъ «попросилъ однажды кого-то изъ домашнихъ лечь въ кровать, а самъ, принявъ видъ и осанку доктора, важно подошелъ къ мнимо-больному, пощупалъ пульсъ, посмотрѣлъ на языкъ, далъ какой-то совѣтъ, вѣроятно, также о приготовленіи декокта, распрощался и вышелъ преважно изъ комнаты»; игру эту, «въ лѣкаря», онъ затѣмъ еще болѣе развилъ и нерѣдко повторялъ ее къ удовольствію домашнихъ.

Другая игра, «въ войну», относится ко времени пребыванія Пирогова уже въ школѣ; по поводу ея онъ говоритъ: «какъ видно, я былъ

храбръ, потому что помню рукоплесканія и похвалы старшихъ учениковъ за мою удаль».

Въ школу Пирогова отдали на 12-мъ году, въ частный пансіонъ Кряжева, полупансіонеромъ. Заведеніе это было наилучшимъ въ Москвѣ, и дѣло преподаванія было тамъ сравнительно не дурно поставлено. Какъ самъ Кряжевъ, такъ и большинство преподавателей были дѣльные педагоги и порядочные люди; преподаваніе въ этомъ пансіонѣ велось по русскому языку и словесности, по исторіи, новымъ языкамъ, латинскому, географіи и математикѣ. Значительное вліяніе на общее развитіе юнаго Пирогова оказалъ учитель словесности Войцеховичъ, талантливая личность, любившій свое дѣло и своимъ увлеченіемъ одушевлявшій и учениковъ.

Не суждено было Пирогову пройти всего курса въ этомъ пансіонѣ: причиной былъ рядъ несчастій, постигшихъ его семью—смерть сестры и брата, проигрышъ казенныхъ денегъ другимъ его братомъ и, наконецъ, воровство чиновника, отправленнаго на Кавказъ съ порученіемъ отвезти 30.000 руб. Старику Пирогову пришлось покрыть растрату и, такимъ образомъ, окончательно разориться. Воспитаніе сына въ пансіонѣ оказалось не по средствамъ семьѣ Пирогова, и его пришлось взять изъ заведенія послѣ двухлѣтняго обученія тамъ.

При такихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ отцу Пирогова пришла въ голову счастливая мысль попросить совѣта у пользовавшагося обаяніемъ профессора Мухина относительно дальнѣйшихъ занятій сына, и тотъ посовѣтовалъ подготовить его къ поступленію въ университъ. Съ большимъ рвеніемъ принялся юный Пироговъ за приготовленіе, подъ руководствомъ студента-медика, къ поступленію на медицинскій факультетъ. Въ сентябрѣ 1824 г., т.-е. когда Николаю Ивановичу не было еще 14 лѣтъ, наступило важное для него событіе—экзаменъ для поступленія въ московскій университетъ, который онъ блестяще выдержалъ.

Съ этого момента начинается въ жизни Пирогова новая эра,—онъ предается изученію медицины, той области знаній, въ которой онъ пріобрѣлъ впослѣдствіи такую громкую и почетную извѣстность.

Преподаваніе медицины въ то время стояло въ московскомъ университетѣ на весьма низкомъ уровнѣ. Громадное большинство профессоровъ были люди совершенно бездарные, относившіеся къ своему дѣлу чисто формально: вмѣсто лекцій, читался какой-нибудь устарѣвшій учебникъ, химія и физіологія, напр., проходились безъ лабораторныхъ занятій, а анатомія и хирургія—по книжкамъ и рисункамъ, безъ занятій на трупѣ. Благодаря такой постановкѣ дѣла, Пироговъ окончилъ университетъ, не отпрепаровавши ни одного мускула, не сдѣлавъ ни одной операціи даже на трупѣ. Особенно усердно Николай Ивановичъ, уже во время студенчества, занимался анатоміей, которую преподавалъ пользовавшійся европейской извѣстностью профессоръ Лодеръ. Къ хирургіи въ то время Пироговъ еще не питалъ особеннаго пристрастія.

*

Каѳедру эту занималъ Гильдебрандтъ, умный человѣкъ и опытный практикъ, но читавшій по-латыни и такъ сильно гнусившій, что, стоя въ 2—3 шагахъ отъ него, невозможно было разобрать ни слова. Профессоръ Мудровъ, извѣстный въ Москвѣ терапевтъ, обращалъ всегда вниманіе на значеніе патологической анатоміи и вскрытія труповъ.

Такова была лучшая часть московскихъ профессоровъ того времени, значительное же большинство было ниже всякой критики, и отношеніе къ нимъ студентовъ было весьма своеобразно. Для характеристики тогдашнихъ нравовъ достаточно указать, напр., какъ изгонялись изъ аудиторіи во время лекціи, такъ-называемые, «чужаки», посторонніе слушатели, умышленно приглашавшіеся для превращенія лекціи въ балаганное зрѣлище. «Профессоръ сидитъ на каѳедрѣ, а по скамьямъ аудиторіи бѣгаютъ слушатели, гоняясь гурьбою одинъ за другимъ съ восклицаніями: «чужакъ, чужакъ, гони его! а-ту!» или же среди лекціи студентъ подходитъ къ глухому профессору и кричитъ ему на ухо: «на лекціи есть чужакъ». Начинаются переговоры. «Гдѣ?» спрашиваетъ профессоръ. Въ это время задніе ряды студентовъ раздвигаются, и взору изумленнаго профессора представляется военный чинъ, сидящій смиренно и прямо на скамьѣ.—«Вставайте, вставайте скорѣе», шепчутъ ему сосѣди-студенты. Гарнизонный офицеръ вытягивается въ струнку, руки по швамъ. Начинается изгнаніе его изъ аудиторіи, сопровождающееся пѣніемъ «изыдите, изыдите, нечестивіи!».

Если вліяніе московскихъ профессоровъ на Пирогова слѣдуетъ признать незначительнымъ, то должно упомянуть еще о другомъ вліяніи того же періода его жизни, именно—студенчества, въ лицѣ такъ-называемаго «10-го номера», съ которымъ Николая Ивановича сблизилъ проживавшій тамъ казеннокоштный студентъ, приготовившій Пирогова къ поступленію въ университетъ. Въ этомъ 10 номерѣ на общемъ фонѣ кутежа и разгула, когда имѣлись деньги, Пироговъ встрѣчалъ и живую мысль: здѣсь обсуждались отвлеченные вопросы, современныя явленія подвергались критикѣ, живое слово науки и поэзіи восторженно подхватывалось; правда, все это проявлялось болѣе по инстинкту, и надъ всѣмъ этимъ царило пьянство и разгулъ, но все же Пироговъ такъ отзывается объ этой средѣ: «При ежедневномъ посѣщеніи университетскихъ лекцій и 10-го нумера все мое міровоззрѣніе очень скоро измѣнилось; но не столько отъ лекцій остеологіи Терновскаго (въ первый годъ Лодера не слушали) и физіологіи Мухина, сколько, именно, отъ образовательнаго вліянія 10-го номера». Здѣсь же Пироговъ получилъ кости скелета, вызвавшія большую тревогу среди домашнихъ и даже слезы на глазахъ нянюшки, въ томъ же 10 номерѣ онъ пріобрѣлъ прекрасный гербарій, состоявшій изъ 500 медицинскихъ растеній.

Матеріальное положеніе семьи Пирогова во время пребыванія его въ университетѣ было крайне тяжело: отецъ Николая Ивановича умеръ въ маѣ 1825 г., и семьѣ пришлось предоставить домъ и все въ немъ

находившееся кредиторамъ и остаться безъ всякихъ средствъ къ существованію. Ихъ пріютилъ у себя дальній родственникъ, самъ обремененный семьей и служившій засѣдателемъ въ одномъ изъ московскихъ судовъ. Здѣсь они прожили годъ, а затѣмъ мать Пирогова сняла квартиру и держала жильцовъ, а сестра поступила надзирательницей въ благотворительное дѣтское учрежденіе. Хотя семья и перебивалась, какъ рыба объ ледъ, но все же мать не допустила Пирогова сдѣлаться стипендіатомъ: «ты будешь,—говорила она,—чужой хлѣбъ заѣдать; пока хоть какая-нибудь есть возможность, живи на нашемъ».

Необычайно кстати для Пирогова, ко времени окончанія имъ университета, организуется, по идеѣ академика Паррота, при дерптскомъ университетѣ, лучшемъ въ то время по научнымъ силамъ и постановкѣ преподаванія, институтъ для приготовленія профессоровъ въ русскіе университеты: лучшихъ изъ окончившихъ курсъ въ разныхъ русскихъ университетахъ по выбору совѣта въ количествѣ 20, природныхъ россіянъ, предполагалось отправить для спеціализаціи на 2 года въ Дерптъ, а оттуда еще на 2 года за границу.

Въ числѣ избранныхъ для командировки былъ и Пироговъ, выдѣлявшійся своими дарованіями и усердіемъ. Обуреваемый жаждой знанія, онъ отнесся съ восторгомъ къ сдѣланному предложенію, открывающему ему путь къ истинно-научной работѣ и притомъ разрѣшающему его матеріальныя затрудненія (ежегодно выдавалось въ Дерптѣ каждому 1.200 руб. ассигнаціями).

Предъ отъѣздомъ изъ Москвы ему необходимо было сдѣлать выборъ спеціальности, и послѣ нѣкоторыхъ колебаній, онъ остановился на хирургіи. Хотя онъ питалъ особенное пристрастіе къ анатоміи, но избралъ не ее, а основанную на ней хирургію потому именно, какъ онъ говоритъ, «что гдѣ-то издалека, какой-то внутренній голосъ подсказалъ хирургію. Кромѣ анатоміи, есть еще и жизнь,—и, выбравъ хирургію, будешь имѣть дѣло не съ однимъ трупомъ». Какъ видимъ, его, 16—17-ти-лѣтняго юношу (дѣло происходило въ 1827 г.) уже одухотворяла не одна лишь жажда теоретической, научной работы, но и идея служенія живому дѣлу, ближнему.

Въ маѣ 1828 года, 17 съ небольшимъ лѣтъ, Пироговъ, блистательно выдержавъ лѣкарскій экзаменъ, отправился вмѣстѣ съ 6-ю товарищами въ Петербургъ, гдѣ имъ пришлось подвергнуться еще повѣрочному испытанію при академіи наукъ, а затѣмъ ужъ они отправились въ Дерптъ.

II.

Здѣсь Николай Ивановичъ очень близко сошелся съ профессоромъ хирургіи Мойеромъ и его семьей—между ними установились истинно дружескія отношенія. Мойеръ былъ личностью недюжинною: пройдя

школу знаменитыхъ хирурговъ—Скарпы, Руста и др., онъ возвратился въ Россію и принялся за работу въ госпиталяхъ, переполненныхъ раненными во время войны 1812 г. Какъ талантливый человѣкъ, искусный и образованный хирургъ, притомъ еще и прекрасная личность, Мойеръ, естественно, оказалъ значительное вліяніе на молодого Николая Ивановича. Въ то время Мойеръ чувствовалъ себя усталымъ и не обладалъ уже прежней энергіей, и появленіе молодыхъ людей, жаждавшихъ научной дѣятельности, оживило его, и онъ проводилъ съ ними цѣлые дни въ совмѣстной научной работѣ.

Какъ самъ Мойеръ, такъ и семья его полюбили Николая Ивановича; у нихъ онъ встрѣчалъ всегда самый радушный пріемъ и чувствовалъ себя, какъ среди родныхъ.

Дерптскій университетъ былъ прекрасно обставленъ, по тогдашнему времени, всѣми необходимыми пособіями для научныхъ занятій, и Пироговъ съ юношескимъ жаромъ принялся за работу. Онъ понималъ, что путь къ основательному изученію хирургіи лежитъ чрезъ анатомическій театръ. Изучивъ анатомію въ Москвѣ лишь по книжкамъ и рисункамъ, не прикасаясь къ трупу, онъ усердно принялся за препарированіе и за основательное изученіе описательной анатоміи; между прочимъ, онъ занимался частнымъ образомъ у прозектора анатомическаго института.

На ряду съ анатомическими занятіями онъ усердно занимался операціями на трупахъ. Но, прежде чѣмъ перейти къ операціямъ на живыхъ людяхъ, Пироговъ поставилъ себѣ задачу выяснить различные вопросы, такъ называемой, клинической хирургіи путемъ экспериментовъ на животныхъ—идея, въ тѣ времена совершенно новая.

Постоянныя занятія анатоміей и хирургіей и собственныя изслѣдованія въ этой области настолько увлекли Пирогова, что онъ прекратилъ посѣщеніе лекцій по другимъ наукамъ и даже рѣшилъ было не держать докторскаго экзамена, но этому воспротивился Мойеръ и ему удалось убѣдить Пирогова подвергнуться экзамену, который прошелъ благополучно, хотя Николай Ивановичъ и держалъ его безъ всякой подготовки.

Докторская диссертація Пирогова, выяснившая, какъ съ хирургической, такъ и съ физіологической стороны совершенно новый вопросъ о перевязкѣ аорты, произвела фуроръ среди профессоровъ и студентовъ, была удостоена золотой медали и переведена на нѣмецкій языкъ (оригиналъ писанъ по латыни).

Занятія въ Дерптѣ, вмѣсто предполагавшихся двухъ лѣтъ, затянулись на цѣлыхъ пять: вслѣдствіе происходившихъ въ то время на Западѣ революціонныхъ движеній, командировка заграницу кандидатовъ въ профессора была отложена. Пятилѣтняя неустанная работа въ Дерптѣ талантливаго Пирогова привела къ тому, что онъ отправился заграницу, хотя и юнымъ, на 23-мъ году, но уже съ именемъ извѣстнаго ученаго.

Не смотря на получаемую въ Дерптѣ стипендію и даровую квартиру

въ клиникѣ, Пироговъ не только не былъ въ состояніи оказывать поддержку своей семьѣ, но и самъ всегда нуждался, а подчасъ приходилось даже оставаться безъ чаю и сахару и довольствоваться настоемъ ромашки: увлеченіе наукой побуждало его значительную часть средствъ затрачивать на покупку и содержаніе телятъ, собакъ и другихъ животныхъ, необходимыхъ для его экспериментальныхъ работъ, и на дорого стоившія книги. Когда предъ поѣздкой заграницу онъ рѣшилъ было съѣздить къ семьѣ въ Москву, ему пришлось спустить разныя вещи, чтобы сколотить необходимыя на поѣздку деньги.

Въ маѣ 1833 г. Пироговъ былъ, наконецъ, командированъ въ Берлинъ. Здѣсь онъ нашелъ болѣе обширную арену для научной дѣятельности, чѣмъ въ Дерптѣ (обиліе клиническаго и анатомическаго матеріала), и нѣсколько высокоталантливыхъ профессоровъ, какъ, напр., знаменитаго окулиста и хирурга Грефе, истиннаго маэстро, по словамъ Пирогова,—до того искусно и быстро онъ оперировалъ,—далѣе, Руста, стоявшаго во главѣ хирургической клиники въ Charité, самой популярной въ то время во всей Германіи. Рустъ всегда проводилъ методъ опредѣленія болѣзни на основаніи однихъ лишь объективныхъ признаковъ, безъ разспросовъ больного; самъ онъ въ то время уже не оперировалъ, а всецѣло предоставилъ это дѣло Диффенбаху, пользовавшемуся громкой славой, какъ артистъ въ области, такъ называемыхъ, пластическихъ операцій. Особенно близко сошелся Пироговъ съ профессоромъ Шлеммомъ; ихъ сроднила общая любовь къ наукѣ—они ежедневно проводили вмѣстѣ по нѣскольку часовъ, препарируя и оперируя на трупахъ. Шлеммъ былъ симпатичнѣйшей личностью и большимъ знатокомъ своего дѣла. Таковы были тѣ крупныя личности, среди которыхъ Николай Ивановичъ проработалъ два года. Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что во многомъ онъ уже въ то время стоялъ выше своихъ знаменитыхъ учителей. Въ Германіи въ то время практическая медицина стояла особнякомъ отъ занятій анатоміей, физіологіей, патологической анатоміей и т. п., т.-е., отъ такихъ наукъ, которыя Пироговъ еще въ Дерптѣ положилъ въ основу клиническихъ занятій. Естественно, что Пирогову, до тонкости изучившему анатомію, оставалось лишь воспользоваться клинической опытностью берлинскихъ знаменитостей.

Слѣдуетъ упомянуть еще про одну интересную личность—madame Vogelsang, бывшую повивальной бабкой, а затѣмъ занимавшуюся вскрытіями труповъ въ Charité и самоучкой познакомившуюся съ анатоміей; Пироговъ считалъ ее очень цѣннымъ для себя человѣкомъ, ибо она предоставила ему для занятій не одну сотню труповъ.

Каникулярнымъ временемъ Николай Ивановичъ воспользовался, чтобы поработать у знаменитаго хирурга-анатома Лангенбека въ Геттингенѣ, пользовавшагося славой не только ученаго, но и чрезвычайно искуснаго оператора и притомъ возводившаго въ принципъ быстроту операцій, а это было особенно важно въ тѣ времена, когда о хлороформѣ и другихъ обезболивающихъ средствахъ еще и помину не было.

Срокъ пребыванія заграницей истекалъ, и Пирогову сдѣланъ былъ запросъ изъ министерства, въ какомъ университетѣ онъ желалъ бы получить каѳедру. Отвѣтъ его, разумѣется, былъ: въ Москвѣ, на родинѣ, гдѣ находилась его семья.

Съ такими отрадными надеждами молодой ученый, обогативъ себя среди европейскихъ свѣтилъ научными и практическими знаніями, оставилъ въ 1835 г. Берлинъ. Дорбгой Пироговъ сильно расхворался и съ трудомъ лишь могъ доѣхать до Риги. Здѣсь, благодаря живому участію жившаго въ Ригѣ дерптскаго попечителя, бывшаго вмѣстѣ съ тѣмъ и остзейскимъ генералъ-губернаторомъ, и д-ра Леви, Николай Ивановичъ былъ помѣщенъ въ госпиталь и окруженъ тамъ всевозможными удобствами. Ему пришлось прохворать цѣлыхъ два мѣсяца; во время выздоровленія Пирогова посѣтилъ генералъ-губернаторъ и сообщилъ, что онъ сносился по поводу его болѣзни съ министромъ, и Пирогову нѣтъ надобности торопиться съ отъѣздомъ.

Оправившемуся отъ болѣзни Николаю Ивановичу представился случай произвести здѣсь, въ Ригѣ, цѣлый рядъ весьма крупныхъ операцій, на которыя никто изъ мѣстныхъ хирурговъ не рѣшался. По просьбѣ ординаторовъ госпиталя, онъ прочелъ имъ нѣсколько лекцій по топографической анатоміи и оперативной хирургіи съ демонстраціями на трупахъ. «Вы насъ научили тому, чего и наши учителя не знали», сказалъ ему одинъ изъ ординаторовъ. Удачно произведенныя Пироговымъ операціи на живыхъ, дѣйствительно весьма серьезныя и даже въ наше время далеко не всегда дающія благопріятный исходъ, произвели фуроръ среди врачей и общества. Какъ видимъ, уже въ то время, по возвращеніи изъ заграницы, молодой, 25-лѣтній, Пироговъ былъ не только выдающимся ученымъ, но и искуснымъ практикомъ.

Въ сентябрѣ 1835 г. Николай Ивановичъ оставилъ Ригу и направился въ Петербургъ, чтобы представиться министру предъ занятіемъ каѳедры, но по пути заѣхалъ въ Дерптъ повидаться съ столь родной ему семьей Мойера. Здѣсь онъ былъ пораженъ неожиданнымъ печальнымъ извѣстіемъ: всѣ его лучшія мечты разбиты!—онъ оставленъ временно за штатомъ, а московская каѳедра предоставлена его товарищу и сожителю по дерптской клиникѣ, Иноземцеву, человѣку, не пользовавшемуся симпатіей Пирогова.

Но богато одаренная, дѣятельная натура Пирогова не позволила ему долго предаваться грустнымъ размышленіямъ, и онъ съ увлеченіемъ принялся за работу въ клиникѣ Мойера, который, будучи въ то время ректоромъ, удѣлялъ весьма мало времени клиникѣ; оперативный матеріалъ былъ предоставленъ всецѣло Пирогову. Клиника внезапно ожила, слава Николая Ивановича привлекала массу студентовъ, рядъ мастерски произведенныхъ операцій приводилъ ихъ въ восторгъ и изумленіе.

Вскорѣ Мойеръ обратился къ Пирогову съ такимъ предложеніемъ: «не хотите ли вы занять мою каѳедру въ Дерптѣ?» Предложеніе это

было совершенной неожиданностью для Николая Ивановича и, по настоянію Мойера, онъ его принялъ. Медицинскій совѣтъ дерптскаго университета отнесся весьма сочувственно къ предложенію Мойера, министръ народнаго просвѣщенія далъ свое согласіе, и такимъ образомъ дѣло было улажено; оставалось лишь представиться министру и подождать соблюденія разныхъ формальностей.

Николай Ивановичъ отправился въ Петербургъ; здѣсь онъ представился министру и, въ ожиданіи разрѣшенія своихъ дѣлъ, принялся за работу въ госпиталяхъ и больницахъ, гдѣ онъ, какъ пользовавшійся научной извѣстностью, былъ весьма радушно принятъ. По просьбѣ врачей, онъ сталъ читать имъ при Обуховской больницѣ курсъ хирургической анатоміи,—науки, совершенно незнакомой въ тѣ времена не только русскимъ врачамъ, но даже и профессорамъ. Курсъ продолжался недѣль шесть, слушателей было болѣе 20, среди нихъ были и профессора.

Пребываніе Пирогова въ Петербургѣ затянулось нѣсколько потому, что дерптскіе профессора-богословы упорствовали относительно назначенія его, на томъ основаніи, будто каѳедру въ Дерптѣ могутъ занимать лишь протестанты, но дѣло это уладилось, и Николай Ивановичъ въ мартѣ 1836 г. отправился въ Дерптъ, какъ первый русскій профессоръ тамошняго университета (до него были тамъ лишь профессора русскаго языка).

III.

Молодой, 26-лѣтній, талантливый профессоръ, съ увлеченіемъ и любовью относившійся къ своему дѣлу, сразу привлекъ къ себѣ симпатіи слушателей; лекціи его, несмотря на недостаточно гладкій нѣмецкій языкъ, производили такой фуроръ, что слушать ихъ стекались нетолько медики, но и студенты другихъ факультетовъ. Преподаваніе было обставлено такъ, какъ нигдѣ — нетолько въ Россіи, но, пожалуй, и въ Европѣ, — оно велось въ высшей степени демонстративно и наглядно, благодаря опытамъ на животныхъ.

Основнымъ девизомъ его преподавательской дѣятельности было не показывать, такъ сказать, товаръ лицомъ, а исповѣдываться предъ аудиторіей въ своихъ ошибкахъ.

Изданные имъ «Анналы хирургической клиники», двухтомный трудъ, на нѣмецкомъ языкѣ, представляющій сводъ его клиническихъ занятій, отличается, не въ примѣръ прочимъ подобнымъ изданіямъ, безпощадной самокритикой, чистосердечной исповѣдью въ сдѣланныхъ имъ промахахъ.

Когда одинъ петербургскій докторъ выпустилъ въ свѣтъ критическую брошюру на эти «Анналы», то Пироговъ принесъ ее въ аудиторію и показалъ, что промаховъ было сдѣлано еще больше, чѣмъ указано въ брошюрѣ. Естественно, такая выдающаяся добросовѣстность Николая Ивановича привлекала къ нему довѣріе и симпатіи слушате-

лей; да и не только ихъ: когда печетались эти «Анналы», цензоръ, одинъ изъ профессоровъ, подъ сильнымъ впечатлѣніемъ этой исповѣди, прибѣгаетъ къ Пирогову на квартиру растроганный до слезъ, жметъ руку, обнимаетъ его — такъ обаятельно дѣйствовала нравственная сторона этой выдающейся личности.

Отношенія между студентами и Николаемъ Ивановичемъ установились самыя дружескія: многіе изъ нихъ собирались у него на дому, и время проходило въ оживленныхъ научныхъ бесѣдахъ.

Кромѣ двухтомныхъ «Анналовъ», результатомъ его научныхъ изслѣдованій была «Хирургическая анатомія артеріальныхъ стволовъ и фасцій», на латинскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, удостоенная Демидовской преміи, и «Монографія о перерѣзкѣ Ахиллесова сухожилія», не считая ряда диссертацій, написанныхъ при его, самомъ активномъ, участіи.

Выдающаяся личность Пирогова вскорѣ была оцѣнена нетолько студентами и совѣтомъ профессоровъ, но и высшей администраціей, и онъ былъ командированъ съ научной цѣлью въ Парижъ. Тамъ онъ познакомился съ знаменитыми хирургами—Вельпо, Ру, Лисфранкомъ и др.; перваго изъ нихъ онъ засталъ за чтеніемъ «Хирургической анатоміи артерій и фасцій», и тотъ обратился къ Пирогову съ словами: «не вамъ учиться у меня, а мнѣ у васъ».

Посѣщеніе въ Парижѣ различныхъ курсовъ, лекцій и т. п. не могло дать Пирогову, такъ высоко стоявшему въ научномъ отношеніи, чего-либо новаго, поучительнаго; польза, полученная имъ отъ поѣздки въ Парижъ, заключалась лишь въ самостоятельныхъ занятіяхъ въ анатомическомъ театрѣ, госпиталяхъ и на бойнѣ, гдѣ производились живосѣченія надъ больными лошадьми. Пребываніе Пирогова въ Парижѣ имѣло иное значеніе для него. Здѣсь онъ помимо воли долженъ былъ сравнивать на каждомъ шагу печальныя условія русской тогдашней дѣйствительности съ парижской жизнью. Острый, наблюдательный умъ молодого ученаго, его живой энергичный характеръ получили богатую пищу, и здѣсь-то надо искать источника тѣхъ общественныхъ взглядовъ, которые потомъ Пироговъ проводилъ неуклонно въ своей дѣятельности.

Кромѣ поѣздки въ Парижъ, во-время пребыванія въ Дерптѣ, Пироговъ въ каникулярное время отправлялся обыкновенно въ Ригу, Ревель; эти экскурсіи въ шутку были названы «чингисхановыми нашествіями», въ виду обильно проливавшейся при этомъ крови; дѣло въ томъ, что слава Пирогова привлекала къ нему массы больныхъ, и сравнительно небольшая дерптская клиника не могла удовлетворить громадному спросу на хирургическую помощь со стороны окрестныхъ мѣстностей, и вотъ эти-то именно «нашествія» посвящались нуждавшимся въ хирургической помощи.

Не смотря на кипучую, чрезвычайно плодотворную дѣятельность въ Дерптѣ, Николай Ивановичъ съ удовольствіемъ откликнулся на пригла-

шеніе занять каѳедру въ Петербургѣ, въ медико-хирургической академіи: его дѣятельности открывались тамъ болѣе широкіе горизонты, его привлекала жизнь и работа среди своихъ, русскихъ.

Но приглашеніе въ Петербургъ онъ соглашался принять въ томъ лишь случаѣ, если будетъ принятъ его проектъ объ учрежденіи новой каѳедры — такъ называемой госпитальной хирургіи; онъ слѣдующимъ образомъ мотивировалъ необходимость подобной каѳедры: «молодые врачи, выходящіе изъ нашихъ учебныхъ учрежденій, почти совсѣмъ не имѣютъ практическаго медицинскаго образованія, такъ какъ наши клиники обязаны давать имъ только главныя основныя понятія о распознаваніи, ходѣ и лѣченіи болѣзней. Поэтому наши молодые врачи, вступая на службу и дѣлаясь самостоятельными при постели больныхъ, въ больницахъ, военныхъ лазаретахъ и частной практикѣ—приходятъ въ весьма затруднительное положеніе, не приносятъ ожидаемой отъ нихъ пользы и не достигаютъ цѣли своего назначенія». Будущіе врачи могутъ въ госпитальной клиникѣ знакомиться практически съ разными формами болѣзней, встрѣчающимися въ жизни, а не только съ типичными болѣзнями, демонстрируемыми въ такъ называемыхъ факультетскихъ клиникахъ.

Осуществленіе этого проекта облегчалось еще тѣмъ, что по сосѣдству съ академіей помѣщался 2-й военно-сухопутный госпиталь, принадлежавшій тому же вѣдомству, что и академія.

Проектъ этотъ, послѣ продолжительныхъ перипетій въ высшихъ административныхъ сферахъ, былъ принятъ, и Пироговъ, послѣ 5-тилѣтней дѣятельности въ Дерптѣ, переѣхалъ въ Петербургъ, въ 1841 г., въ качествѣ профессора госпитальной хирургіи и прикладной анатоміи медико-хирургической академіи и главнаго врача хирургическаго отдѣленія 2-го военно-сухопутнаго госпиталя на 1.000 кроватей; во врачебномъ и преподавательскомъ отношеніи ему была предоставлена полная самостоятельность въ госпиталѣ.

Независимо отъ этого, онъ былъ избранъ въ члены медицинскаго совѣта и медицинской коммиссіи при министерствѣ народнаго просвѣщенія.

Этой многосторонней, полной реформаторскаго духа, дѣятельностью открывается петербургскій періодъ жизни Пирогова, а дѣятельность эта была изъ особенно трудныхъ. Положеніе, въ которомъ онъ нашелъ госпиталь, привело его въ ужасъ: грязь, вонь, сырость, невѣроятная скученность больныхъ, притомъ еще заразныхъ, и сплошное, наглое воровство,—вотъ съ чѣмъ ему пришлось здѣсь встрѣтиться и бороться.

«Тряпки подъ припарки и компрессы переносились фельдшерами, безъ зазрѣнія совѣсти, отъ ранъ одного больного къ другому. Лѣкарства, отпускавшіяся изъ госпитальной аптеки, были похожи на что угодно, только не на лѣкарства. Вмѣсто хинина, напримѣръ, сплошь да рядомъ отпускалась бычачья желчь, вмѣсто рыбьяго жира—какое-

то иноземное масло. Хлѣбъ и вся вообще провизія, отпускавшіеся на госпитальныхъ, были ниже всякой критики. Воровство было не ночное, а дневное. Смотрители и коммисары проигрывали по нѣскольку сотъ рублей въ карты ежедневно. Мясной подрядчикъ, на виду у всѣхъ, развозилъ мясо по домамъ членовъ госпитальной конторы. Аптекарь продавалъ на сторону свои запасы уксуса, разныхъ травъ и т. п. Въ послѣднее время дошло и до того, что госпитальное начальство начало продавать подержанные и снятые съ ранъ: корпію, повязки, компрессы и проч., и для этой торговой операціи складывало вонючія тряпки, снятыя съ ранъ, въ особыя камеры, расположенныя возлѣ палатъ съ больными»,—такъ изображаетъ госпитальные порядки 40-хъ годовъ Николай Ивановичъ.

Понятно, сколько пришлось ему затратить труда и энергіи, какую вынести борьбу съ администраціей госпиталя, чтобы превратить эти авгіевы конюшни въ благоустроенную клинику. Злоба противъ нарушителя этихъ «порядковъ» дошла до того, что его пытались представить сумасшедшимъ: однажды главный врачъ госпиталя, Лоссіевскій, приглашаетъ въ контору доктора Неммерта, ассистента Пирогова, и вручаетъ ему запечатанный пакетъ съ надписью «секретно», въ которомъ значится: «замѣтивъ въ поведеніи г. Пирогова нѣкоторыя дѣйствія, свидѣтельствующія объ его умопомѣшательствѣ, предписываю вамъ слѣдить за его дѣйствіями и доносить объ оныхъ мнѣ. Главный докторъ Лоссіевскій». Поводомъ къ этой дикой затѣѣ послужило то, что однажды Пироговъ въ разговорѣ съ Лоссіевскимъ относительно употребляемыхъ имъ дозъ экстракта бѣлены, замѣтилъ ему: «велите-ка ваши экстракты приготовлять дѣйствительно изъ наркотическихъ средствъ, а не изъ золы разныхъ растеній». Николай Ивановичъ, узнавъ о возмутительной продѣлкѣ Лоссіевскаго, потребовалъ, чтобы дѣлу данъ былъ ходъ, въ противномъ случаѣ онъ выразилъ намѣреніе подать въ отставку. Дѣло было улажено такимъ образомъ, что Лоссіевскій при торжественной обстановкѣ, въ самыхъ унизительныхъ выраженіяхъ, просилъ извиненія у Пирогова.

При какихъ тяжелыхъ условіяхъ пришлось Николаю Ивановичу начать свою трудовую жизнь въ Петербургѣ, можно судить по слѣдующимъ его словамъ: «Въ теченіе цѣлаго года, по прибытіи моемъ въ Петербургъ, я занимался изо дня въ день въ страшныхъ помѣщеніяхъ 2-го военно-сухопутнаго госпиталя, съ больными и оперированными, и въ отвратительныхъ до невозможности, старыхъ баняхъ этого же госпиталя; въ нихъ, за неимѣніемъ другихъ помѣщеній, я производилъ вскрытія труповъ, иногда по 20 въ день, въ лѣтнія жары; а зимою, во время ледохода (ноябрь, декабрь), переѣзжалъ ежедневно по два раза на Выборгскую, пробиваясь иногда часа по два между льдинами».

На ряду съ дѣятельностью по клиникѣ Николай Ивановичъ проявилъ себя и какъ членъ медицинской коммиссіи при министерствѣ на-

роднаго просвѣщенія. Благодаря его живому участію въ работахъ этой коммиссіи, ему удалось провести нѣкоторыя важныя университетскія реформы: осуществленныя по проекту Пирогова при медико-хирургической академіи госпитальная хирургическая и терапевтическая клиники утверждены были для всѣхъ университетовъ; введены демонстративныя испытанія по анатоміи, терапіи и хирургіи; вмѣсто прежнихъ 6 медицинскихъ степеней учреждены лишь 3 степени, а Николай Ивановичъ желалъ даже лишь 2-хъ степеней; далѣе, онъ настаивалъ на изгнаніи отмѣтокъ при выпускномъ университетскомъ экзаменѣ—онъ считалъ достаточнымъ признанія достойнымъ или недостойнымъ искомой степени; наконецъ, всѣ наиболѣе важные вопросы и даже выборы профессоровъ медицинскихъ факультетовъ всѣхъ университетовъ, особенно открывавшагося въ то время кіевскаго, рѣшались въ названной коммиссіи.

Сознавая, какое громадное значеніе имѣетъ раціональное изученіе анатоміи, Пироговъ, послѣ настойчивой борьбы, добился утвержденія своего проекта объ учрежденіи при академіи анатомическаго института. Директоромъ его былъ назначенъ Николай Ивановичъ, и въ 1846 г. онъ былъ командированъ за границу для изученія иностранныхъ анатомическихъ институтовъ; въ помощники къ себѣ Пироговъ пригласилъ изъ заграницы талантливаго Грубера. Институтъ этотъ съ такими даровитыми работниками, какъ Пироговъ, въ качествѣ директора, и Груберъ, въ качествѣ прозектора, вскорѣ пріобрѣлъ научную извѣстность.

Благодаря стараніямъ Николая Ивановича возникъ при академіи также и музей патологической анатоміи: сперва онъ передалъ туда препараты, привезенные изъ Дерпта, а затѣмъ систематически пополнялъ его интереснымъ матеріаломъ, попадавшимся ему при вскрытіяхъ. Насколько этотъ матеріалъ былъ разнообразенъ и великъ, можно судить ужъ по тому, что за время пребыванія въ Петербургѣ (14 лѣтъ) Пироговъ произвелъ 12.000 вскрытій.

Лишь только появилось въ высшей степени благодѣтельное для человѣчества открытіе — возможность безболѣзненнаго оперированія, благодаря усыпленію больного, Пироговъ принимается за изученіе вліянія эѳира на организмъ животныхъ, примѣняетъ его при своихъ операціяхъ въ госпиталѣ и въ городскихъ больницахъ, гдѣ онъ состоялъ консультантомъ, и вырабатываетъ новый методъ примѣненія этого средства. Особенно велика его заслуга въ томъ, что онъ первый примѣнилъ эѳирный наркозъ на театрѣ военныхъ дѣйствій въ широкихъ размѣрахъ, будучи въ 1847 г. командированъ на Кавказъ. Здѣсь онъ осматривалъ госпитали, съ блестящимъ успѣхомъ проводилъ наркозъ на нѣсколькихъ сотняхъ раненыхъ и впервые проявилъ себя, какъ военно-полевой хирургъ, умѣло приспособляясь къ крайне неблагопріятнымъ условіямъ военнаго времени. Результатомъ его изслѣдованій и

наблюденій во время пребыванія на Кавказѣ былъ «Отчетъ о путешествіи по Кавказу», имѣющій выдающееся научное значеніе.

Въ 1848 г. Петербургъ былъ охваченъ холерой. Пироговъ устроилъ въ своей клиникѣ спеціальное отдѣленіе для холерныхъ, самоотверженно, безъ устали работалъ и изучалъ эту, въ то время почти совершенно неизслѣдованную, страшную болѣзнь. Между прочимъ, онъ произвелъ 800 вскрытій холерныхъ труповъ! Его «Патологическая анатомія азіатской холеры» представляетъ классическій трудъ, удостоенный академіей наукъ большой Демидовской преміи.

Пирогову принадлежитъ по истинѣ геніальная идея изученія топографической анатоміи на *замороженныхъ* трупахъ, на распилахъ ихъ въ разныхъ направленіяхъ; только благодаря этому методу удалось получить правильное представленіе о взаимномъ расположеніи частей и въ особенности органовъ и обогатить науку цѣлымъ рядомъ новыхъ данныхъ; его «Топографическая анатомія» и «Атласъ» понынѣ пользуются всемірной извѣстностью.

Изъ другихъ заслугъ Пирогова въ петербургскій періодъ его дѣятельности слѣдуетъ указать на его чрезвычайно остроумную операцію на стопѣ, такъ называемую пироговскую операцію, получившую широкое распространеніе и послужившую началомъ остеопластическихъ операцій вообще.

Введенная Пироговымъ въ широкихъ размѣрахъ гипсовая повязка представляетъ капитальный вкладъ въ хирургію: благодаря ей не только устраняются страданія больныхъ, но и сберегаются такія конечности, которыя до того подвергались ампутаціи.

IV.

Дѣятельность Николя Ивановича въ академіи была прервана крымской войной.

Когда непріятель вступилъ въ Россію и сталъ громить Севастополь, Пироговъ, не только ученый, но и человѣкъ, чутко относившійся къ общественнымъ интересамъ, естественно, не могъ оставаться безучастнымъ и предложилъ свои силы, знанія и опытъ на пользу арміи. Но, какъ говоритъ І. В. Бертенсонъ, «кто могъ бы повѣрить, что въ тяжелую эпоху Крымской войны, когда тысячи людей гибли за родину отъ жестокихъ вражьихъ снарядовъ, а всего болѣе отъ неурядицы и неумѣлости бывшихъ дѣятелей этой войны, долженствовавшихъ охранять здоровье и жизнь доблестныхъ защитниковъ знаменитой русской твердыни,—когда такой, уже въ то время, извѣстный хирургъ, какъ Пироговъ, самъ себя предложилъ къ услугамъ осады,—онъ только послѣ значительныхъ хлопотъ добился разрѣшенія отправиться въ Крымъ?!»

Живое участіе въ этомъ вопросѣ приняла Великая Княгиня Елена Павловна; она пригласила къ себѣ Пирогова и посвятила его въ за-

думанный ею широкій планъ помощи раненнымъ и больнымъ. Эта выдающаяся женщина вознамѣрилась осуществить совершенно новое, чрезвычайно благодѣтельное, дѣло—женскій уходъ за раненными и больными на театрѣ военныхъ дѣйствій. На призывъ Великой Княгини изъ разныхъ слоевъ общества откликнулись женщины, самоотверженно предложившія себя на трудный подвигъ, и такимъ образомъ возникла «Крестовоздвиженская община сестеръ попеченія о раненныхъ и больныхъ». Община эта представляетъ зерно, разросшееся впослѣдствіи въ обширное учрежденіе Краснаго Креста.

Во главѣ Крестовоздвиженской общины былъ поставленъ Николай Ивановичъ, и, независимо отъ того, Великая Княгиня возложила на него порученіе сформировать отрядъ хирурговъ, которые находились бы въ его непосредственномъ вѣдѣніи и были бы независимы отъ военной администраціи.

Въ ноябрѣ 1854 г. Пироговъ прибылъ въ Севастополь. Картина здѣсь была по истинѣ потрясающая. «Тысячи раненныхъ,—говоритъ Николай Ивановичъ въ своемъ сочиненіи «Начала общей военно-полевой хирургіи»,—которые цѣлые дни переносятся на перевязочные пункты, въ сопровожденіи здоровыхъ; бездѣльники и трусы, подъ предлогомъ состраданія и братской любви, всегда готовы на такую помощь, и какъ не помочь и не утѣшить раненнаго товарища! И вотъ, перевязочный пунктъ быстро переполняется сносимыми раненными; весь полъ, если пунктъ находится въ закрытомъ пространствѣ (какъ, напр., это было въ Николаевскихъ казармахъ и дворянскомъ собраніи Севастополя) заваливается ими; ихъ складываютъ съ носилокъ, какъ попало; скоро наполняется ими и вся окружность, такъ что и доступъ къ перевязочному пункту дѣлается труденъ; въ толкотнѣ и хаотическомъ безпорядкѣ слышатся только вопли, стоны и послѣдній хрипъ умирающихъ; а тутъ между раненными блуждаютъ, изъ стороны въ сторону, здоровые товарищи, друзья и просто любопытные! Между тѣмъ стемнѣло; плачевная сцена освѣтилась факелами, фонарями и свѣчами; врачи и фельдшера перебѣгаютъ отъ одного раненнаго къ другому, не зная, кому прежде помочь; всякій, съ воплемъ и крикомъ, зоветъ къ себѣ! Такъ бывало часто въ Севастополѣ на перевязочныхъ пунктахъ, послѣ ночныхъ вылазокъ и различныхъ бомбардировокъ».

А вотъ картина транспортированія раненныхъ, встрѣченная Пироговымъ при въѣздѣ въ Севастополь: «Дождь лилъ, какъ изъ ведра, больные и между ними ампутированные, лежали по двое и по трое на подводѣ, стонали и дрожали отъ сырости; и люди, и животныя едва двигались въ грязи по колѣно; падаль валялась на каждомъ шагу, изъ глубокихъ лужъ торчали раздувшіеся животы павшихъ воловъ и лопались съ трескомъ; слышались въ то время и вопли раненныхъ, и карканье хищныхъ птицъ, цѣлыми стаями слетавшихся на добычу, и крики измученныхъ погонщиковъ, и отдаленный гулъ севастопольскихъ пу-

шекъ. Поневолѣ приходилось задуматься о судьбѣ нашихъ больныхъ; предчувствіе было неутѣшительно. Оно и сбылось». Высшая степень безпорядка по снабженію больныхъ всѣмъ необходимымъ, злоупотребленія, доходившія до безстыдства,—вотъ что составляло общій фонъ дѣятельности военно-медицинской администраціи.

Что творилось въ то время, наглядно показываютъ слова, сказанныя впослѣдствіи Николаемъ Ивановичемъ: «Въ то время, когда вся Россія щипала корпію для Севастополя, корпіей этой перевязывали англичане, а у насъ была только солома».

Даже при такихъ, чрезвычайно неблагопріятныхъ, условіяхъ Пирогову удалось, благодаря его рѣдкому уму и беззавѣтной преданности дѣлу, сдѣлать многое.

Хаосъ и невообразимая сутолока, царившіе на перевязочныхъ пунктахъ, были устранены благодаря организованной имъ сортировкѣ раненныхъ, на 4 группы: смертельно-раненные препоручались сестрамъ милосердія и священнику; требовавшимъ по свойству ранъ неотложной помощи она была оказываема тотчасъ же на перевязочномъ пунктѣ; нуждавшіеся въ серьезныхъ операціяхъ, но не экстренно, помѣщались въ госпиталь, а легко раненныхъ перевязывали и отправляли обратно. Идея сортировки раненныхъ, осуществленная Пироговымъ, создала возможность раціональной помощи на войнѣ.

Здѣсь же, между прочимъ, онъ примѣнилъ въ широкихъ размѣрахъ свою гипсовую повязку, давшую чудные результаты, какъ въ смыслѣ лѣченія, такъ и транспортированія раненныхъ.

Въ февралѣ 1855 г. Николай Ивановичъ подалъ докладную записку главнокомандующему, кн. Горчакову, въ которой предлагалъ рядъ мѣръ для устраненія тѣхъ возмутительныхъ безпорядковъ, сплошь и рядомъ служившихъ тормазомъ для цѣлесообразной работы.

Но военно-медицинская администрація продолжала очень мало заботиться объ урегулированіи помощи раненнымъ и больнымъ: о выписанномъ, напр., хининѣ не получается цѣлый рядъ мѣсяцевъ никакихъ извѣстій, или отдается, напр., приказъ о переводѣ въ другое мѣсто 500 раненныхъ, подвергшихся уже операціи, для пріема же этихъ больныхъ не приготовлено даже никакого зданія. «И вотъ,—говоритъ Николай Ивановичъ въ письмѣ къ баронессѣ Э. Ѳ. Раденъ,—всѣхъ этихъ трудно-оперированныхъ свалили зря, какъ попало, въ солдатскія палатки... До сихъ поръ съ леденящимъ ужасомъ вспоминаю эту непростительную небрежность нашей военной администраціи. Но этого было мало! Надъ этимъ лагеремъ мучениковъ вдругъ разразился ливень и промочилъ насквозь не только людей, но даже и всѣ матрацы подъ ними... А когда кто-нибудь входилъ въ эти палатки, то всѣ вопили о помощи, и со всѣхъ сторонъ громко раздавались раздирающіе, пронзительные стоны и крики, и зубовный скрежетъ, и то особенное стучаніе зубами, отъ котораго бьетъ дрожь. Отъ 10 до 20 мертвыхъ тѣлъ

Памятникъ Н. И Пирогову.

можно было находить межъ ними каждый день. Здѣсь помощь и трудъ сестеръ оказались неоцѣненными. Стоя въ лужахъ на колѣняхъ предъ больными, наши женщины подавали посильную помощь, въ которой онѣ сами нуждались... И такъ онѣ трудились денно и нощно».

Совершенно разстроенный физически и нравственно господствовавшей неурядицей, Николай Ивановичъ въ іюнѣ 1855 г. отправился въ Петербургъ, надѣясь тамъ добиться улучшенія въ постановкѣ дѣла.

Мало успѣвъ въ этомъ направленіи, онъ въ сентябрѣ того же года возвратился въ Севастополь, пригласивъ съ собой С. П. Боткина, въ то время еще молодого врача.

Особенное вниманіе Николай Ивановичъ, по возвращеніи изъ Петербурга, обращалъ на организацію ухода за больными и транспортировки ихъ, подъ наблюденіемъ сестеръ милосердія, въ сосѣдніе города; насколько пути сообщенія дѣлали задачу транспортировки больныхъ трудно исполнимой, можно судить хотя бы по тому, что сѣно, отправляемое для арміи, во время продолжительнаго странствованія съѣдалось волами.

Въ декабрѣ, закончивъ осмотръ госпиталей, Николай Ивановичъ возвратился въ Петербургъ.

Много мучительнаго пришлось пережить Пирогову въ тяжелое время крымской кампаніи: помимо ужасовъ самой «травматической эпидеміи», беззастѣнчивыя злоупотребленія администраціи волновали его благородную душу. Онъ здѣсь убѣдился, какъ мало у насъ настоящихъ людей, какъ легко интересы общественные приносятся въ жертву личнымъ.

Но это тяжелое время не прошло безслѣдно для такой выдающейся личности, какъ Пироговъ.

Оно подарило человѣчеству классическій трудъ «Начала общей военно-полевой хирургіи», на нѣмецкомъ и русскомъ языкѣ, появившійся въ 1864 и 1865 гг.

Отсутствіе гражданскаго развитія въ людяхъ, замѣченное имъ во время той же войны, заставило его задуматься надъ вопросомъ о воспитиніи, результатомъ чего были появившіеся въ «Морскомъ Сборникѣ» въ 1856 г. «Вопросы жизни».

Не входя въ разборъ его «Началъ военно-полевой хирургіи», замѣтимъ лишь, что мысли, тамъ высказанныя, послужили руководящими началами не только для русскихъ, но и для иностранныхъ военно-полевыхъ хирурговъ. Мы уже видѣли, какое громадное значеніе имѣетъ сортировка раненныхъ, какъ велика заслуга примѣненной Пироговымъ гипсовой повязки. Отмѣтимъ еще предложенную имъ, такъ называемую, систему разсѣянія (названную нѣмцами Kranken-Zerstreungsystem), по которой раненные размѣщаются по сосѣднимъ городамъ и деревнямъ, а не скучиваются въ громадныхъ госпиталяхъ, дающихъ огромный процентъ смертности. Онъ изгналъ изъ употребленія пластыри, мази, губки, переносившія заразу съ одной раны на другую, и замѣнилъ все это орошеніемъ ранъ противогнилостными растворами. Онъ первый вы-

сказалъ мысль, что гнойное зараженіе крови (піэмія),—этотъ бичъ раненныхъ, обязано своимъ происхожденіемъ ферментамъ, и желалъ госпиталямъ своего Пастёра для точнаго изученія этихъ ферментовъ; ему, слѣдовательно, была уже совершенно ясна мысль, которая впослѣдствіи легла въ основу листеровскаго метода лѣченія ранъ. Далѣе, онъ пропагандировалъ нейтралитетъ врачей воюющихъ сторонъ, дающій возможность разъяснять путемъ совѣщаній и переписки научные вопросы, важные для всего человѣчества. Наконецъ, онъ уже въ то время, когда происхожденіе болѣзней весьма смутно понималось, пророчески высказался, что будущее принадлежитъ медицинѣ предохранительной. Все это данныя, наглядно обрисовывающія геніальность Пирогова, какъ ученаго.

Не меньшую глубину мысли мы находимъ въ его «Вопросахъ жизни». Крымская война воочію раскрыла предъ нимъ наши общественныя язвы; онъ понялъ, какое глубокое требуется пересозданіе нашего общества, на сколько не соотвѣтствуетъ выполненію этой задачи наша постановка воспитанія и преподаванія, готовящая моряковъ, врачей, юристовъ и т. п, но не людей. Въ статьѣ своей онъ съ глубокимъ чувствомъ высказалъ и съ выдающимся талантомъ развилъ мысль, что не тѣ или другія частности должны озабочивать педагоговъ, а «вопросы жизни»: всѣ усилія должны быть устремлены на достиженіе основной цѣли воспитанія—созданіе настоящихъ людей, истинныхъ гражданъ, а тогда уже само собой явится все остальное. Онъ мастерски изобразилъ разладъ, существующій между школой и жизнью и настаивалъ на устраненіи его.

Статья эта произвела сильное впечатлѣніе, и Н. И. Пироговъ въ 1856 г., когда наступили прогрессивныя вѣянія, приглашенъ былъ на постъ попечителя Одесскаго округа.

V.

Съ прибытіемъ Николая Ивановича въ Одессу, нравы и весь духъ учебныхъ заведеній рѣзко измѣнились. Онъ внесъ душу въ дѣло просвѣщенія, гдѣ до сихъ поръ царила формалистика, и своимъ отношеніемъ уже на первыхъ порахъ пріобрѣлъ любовь и уваженіе какъ со стороны учащихся, такъ и учащихъ; а застать ему въ Одессѣ пришлось не только такихъ педагоговъ, которые усердно прибѣгали къ розгѣ, какъ къ воспитательному пріему, но даже мордобитія до крови, площадную брань, клоки вырванныхъ волосъ—все это бывало спутниками преподаванія.

Съ пріѣздомъ Пирогова картина рѣзко измѣнилась — даже розга, оффиціально изгнанная лишь позднѣе, фактически уже была изъята изъ учебныхъ заведеній Одесскаго учебнаго округа.

Николай Ивановичъ сталъ въ самыя близкія отношенія къ жизни

учебныхъ заведеній. Весьма часто онъ посѣщалъ уроки, принималъ живое участіе въ веденіи ихъ, знакомился съ учениками, помогалъ совѣтомъ учителямъ,—и все это дѣлалось просто, задушевно, естественно. По словамъ бывшаго въ то время гимназистомъ Л. Доброва, «посторонній, войдя въ классъ, никогда бы не догадался, что здѣсь сидитъ попечитель, да еще какой: европейская знаменитость Пироговъ!—до такой степени обстановка класса, посадка учениковъ и манера учителя представлялись заурядными; въ классѣ никакого гимназическаго начальства не присутствовало».

Желая развить въ ученикахъ умственную самодѣятельность и доставить имъ пріятную и полезную духовную пищу, Пироговъ организовалъ литературные вечера для учениковъ старшихъ трехъ классовъ обѣихъ одесскихъ гимназій; дѣло это пошло весьма успѣшно, и вечера весьма охотно посѣщались учениками. Гимназистъ читалъ рефератъ, написанный на избранную имъ тему, по преимуществу изъ области исторіи и словесности, оппонентами обыкновенно являлись ученики, а иногда и кто-либо изъ учителей и профессоровъ, присутствовавшихъ на этихъ чтеніяхъ, главнымъ образомъ, въ качествѣ слушателей или свѣдущихъ людей на тотъ случай, если требовалось установить какой-нибудь научный фактъ, не достаточно извѣстный обѣимъ спорящимъ сторонамъ.

Не менѣе заботъ и вниманія онъ удѣлялъ Одесскому лицею и его студентамъ; онъ значительно поднялъ это заведеніе въ научномъ отношеніи, расширилъ и обогатилъ лабораторіи и кабинеты; студенчество, благодаря вліянію обожаемаго попечителя, стало съ болѣе живымъ интересомъ относиться къ своимъ научнымъ занятіямъ; онъ представилъ въ министерство проектъ о преобразованіи лицея въ университетъ, съ медицинскимъ факультетомъ, но осуществленіе этой идеи затянулось вслѣдствіе финансовыхъ затрудненій.

Какъ врачъ, Пироговъ пользовался въ Одессѣ небывалой популярностью: массами стекались къ нему страждущіе, и всѣмъ имъ одинаково, безъ различія состояній и общественнаго положенія, онъ оказывалъ помощь, самымъ безкорыстнымъ образомъ.

Наконецъ, онъ сослужилъ не малую службу и въ качествѣ публициста: благодаря ему, безцвѣтная провинціальная газетка «Одесскій Вѣстникъ» превратилась въ почтенный органъ съ профессорами лицея, въ качествѣ редакторовъ, и многими учителями округа, въ качествѣ сотрудниковъ.

Какъ смотрѣлъ Пироговъ на роль этого органа, въ которомъ онъ самъ принималъ дѣятельное участіе, видно изъ слѣдующихъ его словъ: «Я сравниваю васъ, гг. редакторы, съ артистомъ, выступающимъ на сцену предъ разнохарактерной публикой. Его публика такъ же, какъ и ваша, занимаетъ и партеръ, и ложи, и раекъ. Если артистъ человѣкъ съ талантомъ и призваніемъ, то станетъ ли онъ своею игрою заискивать благоволенія у сидящихъ во всѣхъ ярусахъ и рядахъ, вверху

и внизу? Истинный талантъ и истинное искусство привлекаютъ, не спускаясь».

Не долго, къ сожалѣнію, продолжалась плодотворная дѣятельность Пирогова въ Одессѣ. «За столкновеніе моихъ убѣжденій со взглядами другихъ властей, за свободу мысли и слова въ дѣлахъ научныхъ и общественныхъ, меня попросили оставить Одессу», говоритъ Николай Ивановичъ, и въ іюлѣ 1858 г. онъ былъ переведенъ попечителемъ въ Кіевскій учебный округъ.

Пріѣздъ его въ Кіевъ пробудилъ къ жизни учебныя заведенія всего округа; его благотворное, гуманное вліяніе вскорѣ отразилось какъ на учащихъ, такъ и на учащихся. Выдающійся просвѣтитель своимъ обаяніемъ создалъ атмосферу живой, прогрессивной дѣятельности учебныхъ заведеній. На попечителя Пироговъ смотрѣлъ, какъ на миссіонера, а не начальника; не предписаніями и циркулярами онъ долженъ дѣйствовать, а проповѣдью и заслуженнымъ нравственнымъ вліяніемъ.

Для избранія дѣйствительно достойныхъ преподавателей, онъ ввелъ принципъ конкурса для замѣщенія каѳедръ въ университетѣ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Онъ стремился вызвать самодѣятельность каждаго изъ преподавателей и осуществить гармонію въ ихъ общемъ дѣлѣ, чему въ значительной степени содѣйствовало возвышеніе роли педагогическихъ совѣтовъ.

Для устраненія разнообразія наказаній за одинъ и тотъ же проступокъ въ разныхъ гимназіяхъ, что вызываетъ въ умахъ дѣтей сознаніе несправедливости той или другой мѣры, были выработаны, по призыву Пирогова, однообразныя правила для всѣхъ гимназій округа.

На поставленный Николаемъ Ивановичемъ вопросъ, нельзя ли изгнать розги, значительное большинство высказалось противъ отмѣны; онъ видѣлъ, слѣдовательно, что ни педагоги, ни общество не созрѣли еще для совершенной отмѣны розги, и не счелъ возможнымъ отмѣну ея, хотя все его внутреннее «я» возмущалось розгой; но все же, благодаря его нравственному авторитету, уже въ слѣдующемъ году по введеніи правилъ число тѣлесныхъ наказаній уменьшилось въ 20 разъ!

Чтобъ развить въ гимназистахъ чувство законности и устранить самовольную расправу, сплошь и рядомъ встрѣчавшуюся среди нихъ, былъ организованъ судъ товарищей. Учреждены были литературныя бесѣды въ гимназіяхъ, имѣвшія большой успѣхъ.

Университетскій вопросъ Николай Ивановичъ принималъ близко къ сердцу и обстоятельно обсуждалъ въ печати вопросы, касающіеся реформированія университетовъ. Многое изъ высказаннаго имъ по этому вопросу легло въ основу университетскаго устава 1863 г.

Введеніе конкурса при замѣщеніи каѳедръ, устройство студенческой библіотеки и лекторіи, организація университетскаго суда; его живое участіе въ веденіи научнаго отдѣла университетскихъ извѣстій, — все это значительно содѣйствовало возвышенію университета.

Благодаря Пирогову, открыты были въ Кіевѣ, первыя въ Россіи, имѣвшія блестящій успѣхъ воскресныя школы, въ которыхъ преподавали студенты.

Какъ видимъ, дѣятельность Николая Ивановича въ Кіевѣ въ качествѣ попечителя является, не смотря на кратковременность ея (всего $2^1/_2$ года) и чрезвычайно неблагопріятныя внѣшнія условія, въ виду происходившихъ въ то время политическихъ броженій въ краѣ, систематическимъ выполненіемъ задачъ, провозглашенныхъ имъ въ «Вопросахъ жизни».

Считая возможной плодотворную дѣятельность лишь въ томъ случаѣ, когда она основана исключительно на нравственномъ авторитетѣ, а не на репрессаліяхъ, Николай Ивановичъ вынужденъ былъ оставить занимаемый имъ постъ, въ 1861 г.

Насколько оцѣнена была его дѣятельность со стороны сослуживцевъ, молодежи и общества, наглядно показываютъ исходившія изъ глубины души рѣчи, произнесенныя при чрезвычайно трогательномъ прощаніи съ нимъ. «Когда разнеслась вѣсть,—говорится, между прочимъ, въ одной изъ рѣчей, — горестная какъ бѣдствіе для каждаго разумнаго существа, способнаго любить добро и свѣтъ: «Н. И. Пирогова не будетъ съ нами»—студенты университета, всегда дѣлившіеся на самые разнородные станы, какою-то невѣдомою силою вдругъ сливаются въ единую семью—великороссіяне, малороссы, литвины, поляки, болгары, сербы, нѣмцы, евреи—одинъ человѣкъ!»

Не среди однихъ лишь студентовъ проявилось такое единодушіе: всѣ сослуживцы Николая Ивановича, его подчиненные, все общество слились воедино въ общей скорби по поводу вынужденнаго отъѣзда Пирогова.

Отмѣтимъ еще, насколько онъ былъ далекъ отъ какихъ-либо сословныхъ или національныхъ различій. «Съ тѣхъ поръ, —говоритъ Николай Ивановичъ, — какъ я выступилъ на поприще гражданственности путемъ науки, мнѣ всего противнѣе были сословныя предубѣжденія, и я невольно перенесъ этотъ взглядъ и на различія національныя. Какъ въ наукѣ, такъ и въ жизни, какъ между товарищами, такъ и между моими подчиненными и начальниками, я никогда не думалъ дѣлать различія въ духѣ сословной и національной исключительности. Эти же убѣжденія я перенесъ и на евреевъ, когда, по обстоятельствамъ жизни и службы, вступилъ въ прикосновеніе съ ихъ обществомъ. Эти же убѣжденія, какъ слѣдствіе моего образованія, выработавшись цѣлою жизнью, сдѣлались для меня уже второю натурою, и не покинутъ меня до конца жизни!» Не безъ горькой ироніи напрашивается вопросъ, многіе ли теперь, спустя 36 лѣтъ послѣ того, какъ были произнесены эти слова, положа руку на сердце, рѣшатся повторить ихъ!

Преждевременно прервалась въ высшей степени плодотворная дѣя-

тельность геніальной личности, рѣдкаго гражданина; ему оставалось удалиться въ деревню.

При прощаніи съ Кіевомъ онъ проводитъ такую параллель между предстоящей ему работой въ деревнѣ и своею дѣятельностью въ качествѣ попечителя: «То, что мнѣ теперь предстоитъ, сходно съ тѣмъ, что для меня прошло.

«Позднею весною, послѣ продолжительной и суровой зимы, я буду орать и засѣвать мои поля, запущенныя, засоренныя плевелами и съ закопавшейся вблизи саранчею.

«Я буду трудиться въ потѣ лица, буду разрыхлять и очищать землю; постараюсь дѣлать все какъ можно раціональнѣе, замѣню крѣпостной трудъ свободнымъ, буду обходиться и съ рабочими, какъ съ людьми вольными, а не крѣпостными.

«Но, разумѣется, законовъ природы и необходимости этимъ не измѣню.

«Растаявшій ледъ превратится въ потоки воды, которые во многихъ мѣстахъ разнесутъ мои сѣмена; саранча выведется тамъ, гдѣ она не была разрушена плугомъ и воздухомъ; рабочіе не сразу поймутъ, что для нихъ лучше такъ работать, чѣмъ по прежнему.

«И, можетъ быть, мои труды и заботы не удадутся на первый разъ. Это, конечно, не остановитъ меня, потому что я знаю, отчего сразу не можетъ все идти хорошо.

«Но найдутся, безъ сомнѣнія, и тутъ люди, которые скажутъ, что причина, почему у меня не все взошло, не потоки воды, разнесшіе мои сѣмена, не ледяная кора, покрывавшая слишкомъ долго землю, и даже не саранча, которая закопалась еще до меня, а то, что я началъ обрабатывать мои поля не по прежней рутинѣ и слишкомъ скоро замѣнилъ крѣпостной трудъ свободнымъ.

«Бывъ попечителемъ, я также оралъ и засѣвалъ мое поле позднею весною, едва оттаявшее отъ лучей вешняго солнца; на немъ была еще ледяная кора; въ немъ была закопавшаяся саранча; трудъ не былъ свободный и прибыльный для обѣихъ сторонъ.

«Мудрено ли, что могли и тутъ найтись такіе, которые не въ законахъ необходимости, не въ порядкѣ вещей, искали причину, почему мое поле не такъ скоро дало обильную жатву?

«Но неужели же я долженъ былъ остановиться, слушая толки и не вѣря болѣе въ то, что зналъ вѣрно; неужели долженъ былъ измѣнить весь планъ моихъ дѣйствій, промѣнять раціональность и здравый смыслъ на рутину и безсмысліе?»

Посѣвъ такого пахаря, какимъ былъ Пироговъ, не могъ быть разрушенъ: онъ не только внесъ своею работой свѣжую струю жизни въ районѣ своей миссіонерской дѣятельности, но данный имъ толчокъ пробудилъ къ жизни и работѣ лучшую часть всего культурнаго общества того времени.

VI.

Уже въ слѣдущемъ, 1862 году Пироговъ оставилъ деревню—новый министръ народнаго просвѣщенія А. В. Головнинъ командировалъ его за границу на 4 года съ цѣлью руководить тамъ занятіями молодыхъ ученыхъ, посланныхъ для приготовленія къ занятію профессорскихъ каѳедръ. Николай Ивановичъ охотно принялъ возложенную на него миссію, но съ условіемъ пользоваться вліяніемъ на выборъ командируемыхъ лицъ и всю вообще организацію этого дѣла.

При посѣщеніи заграничныхъ университетовъ, гдѣ работали наши молодые ученые, всюду устанавливалась тѣсная духовная связь между ними и Пироговымъ, онъ сближалъ иностранныхъ профессоровъ съ нашими кандидатами въ профессора и являлся для послѣднихъ идеаломъ человѣка и ученаго.

Съ вступленія на постъ мин. нар. просв. гр. Д. А. Толстого въ 1866 г. Николай Ивановичъ былъ уволенъ отъ исполненія возложенныхъ на него обязанностей, и тогда уже онъ окончательно поселился въ своемъ имѣніи, въ селѣ Вишнѣ, близь г. Винницы, Подольской губ., посвятивъ себя занятію сельскимъ хозяйствомъ и врачебной практикѣ.

Популярность его, какъ врача, общеизвѣстна: къ нему массами стекались больные, не только изъ окрестныхъ, но и весьма отдаленныхъ мѣстъ. Не ограничиваясь пріемомъ амбулаторныхъ больныхъ, онъ приспособилъ крестьянскія избы для хирургическихъ больныхъ, подвергнувшихся операціи; не рѣдко ему приходилось выѣзжать на довольно далекія разстоянія для консультаціи съ другими врачами.

Такъ шла жизнь Пирогова 4 года.

Наступилъ 1870 годъ, принесшій съ собою франко-прусскую войну.

Незадолго предъ тѣмъ возникшее у насъ Общество Краснаго Креста пригласило Николая Ивановича отправиться на театръ военныхъ дѣйствій, и онъ охотно откликнулся на этотъ призывъ.

Поѣздка его по Германіи, Эльзассу и Лотарингіи представляла сплошной тріумфъ—всюду встрѣчалъ онъ самый радушный пріемъ: ученые и врачи восторженно привѣтствовали его, лица - самыхъ различныхъ общественныхъ положеній, начиная отъ прусской королевы, пригласившей его на обѣдъ, и кончая желѣзнодорожными служащими, выражали по отношенію къ нему исключительное вниманіе и заботливость; такъ цѣнили Пирогова за границей...

Онъ осмотрѣлъ 70 военныхъ лазаретовъ; здѣсь ему доставило особенное нравственное удовлетвореніе наблюденіе благихъ результатовъ отъ примѣненія на дѣлѣ его взглядовъ, выработанныхъ во время Крымской войны и опубликованныхъ въ «Началахъ общей военно-полевой хирургіи».

Результатомъ этой поѣздки былъ, между прочимъ, появившійся въ 1871 г. «Отчетъ о посѣщеніи военно-санитарныхъ учрежденій въ Гер-

маніи, Лотарингіи и Эльзассѣ въ 1870 г.», въ которомъ Пироговъ даетъ много цѣнныхъ указаній на счетъ реорганизаціи военно-медицинскаго дѣла.

Выполнивъ возложённую на него задачу, Николай Ивановичъ возвратился въ деревню, гдѣ и продолжалъ свою жизнь попрежнему.

Общество Краснаго Креста, въ знакъ глубокой признательности за его труды, наградило его званіемъ своего почетнаго члена.

Прошло 7 лѣтъ, наступила русско-турецкая война, и Общество Краснаго Креста вновь обратилось къ многоопытному хирургу за совѣтами и указаніями.

Въ сентябрѣ 1877 г., будучи уже 67-лѣтнимъ старцемъ, Пироговъ отправился на театръ военныхъ дѣйствій. Болѣе полугода провелъ онъ, при самыхъ тяжелыхъ внѣшнихъ условіяхъ, въ Болгаріи и Румыніи. Здѣсь онъ вникалъ въ жизнь нашихъ лазаретовъ, бараковъ; обращалъ вниманіе на пригодность ихъ съ точки зрѣнія гигіены и военно-полевой хирургіи, на правильную постановку ухода за больными и ранеными, на раціональную сортировку ихъ и методы примѣняемаго лѣченія; онъ знакомился съ дѣятельностью медицинскаго персонала вообще и сестеръ милосердія въ частности; особенное вниманіе и заботливость онъ сосредоточилъ на весьма важномъ вопросѣ о способахъ транспортированія раненныхъ; осматривая склады Общества Краснаго Креста, онъ обращалъ вниманіе на количество запасовъ медикаментовъ, перевязочнаго матеріала, одежды, бѣлья и т. п. и на своевременное снабженіе всѣмъ необходимымъ лазаретовъ, онъ всегда проводилъ мысль, что «не медицина, а администрація, играетъ главную роль въ дѣлѣ помощи раненнымъ и больнымъ на театрѣ войны».

Результатомъ его дѣятельности во время русско-турецкой войны было появленіе въ свѣтъ двухтомнаго сочиненія «Военно-врачебное дѣло и частная помощь на театрѣ войны въ Болгаріи и въ тылу дѣйствующей арміи 1877 — 1878 г.» — послѣдній научный трудъ Н. И. Пирогова.

Въ 1879 г. Пироговъ началъ писать свои воспоминанія, имѣющія автобіографическій характеръ, въ видѣ дневника подъ заглавіемъ: «Вопросы жизни. Дневникъ стараго врача, писанный исключительно для самого себя, но не безъ задней мысли, что, можетъ быть, когда-нибудь прочтетъ и кто другой». Дневникъ этотъ имѣетъ не только автобіографическій интересъ, но даетъ также рядъ чрезвычайно поучительныхъ воспоминаній общественнаго характера; къ великому сожалѣнію, предсмертныя страданія прервали эту работу, которую Николай Ивановичъ успѣлъ довести лишь до періода своей дѣятельности въ Петербургѣ въ качествѣ профессора.

24-го мая 1881 г. праздновался въ Москвѣ 50-лѣтній юбилей общественной дѣятельности Н. И. Пирогова. Послѣ настойчивыхъ просьбъ онъ согласился пріѣхать въ Москву на это торжество, въ которомъ при-

няла участіе не только вся Россія, но отчасти и Западная Европа. Москва въ этотъ день назвала Н. И. Пирогова своимъ почетнымъ гражданиномъ. До глубины души растроганный восторженными привѣтствіями, юбиляръ замѣтилъ, что высшей честью онъ считаетъ признаніе человѣка почетнымъ гражданиномъ. Проводя параллель между 1831 г. и 1881 г., Пироговъ обрисовалъ происшедшій за этотъ періодъ времени прогрессъ въ общественной жизни Россіи.

Но одно обстоятельство омрачало это выдающееся торжество: злой недугъ, сведшій въ могилу этого великаго человѣка, давалъ уже о себѣ знать. Пироговъ совѣтовался здѣсь съ нашими выдающимися клиницистами, которые, понимая серьезный характеръ болѣзни, предлагали операцію. Совѣщаніе Николая Ивановича, отправившагося въ Вѣну, съ Бильротомъ лишь на короткое время успокоило его.

Болѣзнь продолжала развиваться и подтачивать организмъ. 23 ноября 1881 г. Н. И. Пироговъ, 71 года отъ роду, скончался отъ раковой язвы слизистой оболочки рта.

Въ память этой выдающейся личности періодическіе съѣзды русскихъ врачей названы «Пироговскими», въ Петербургѣ возникло «Русское хирургическое общество Пирогова», а въ Москвѣ открыта была подписка на памятникъ Н. И. Пирогову. На могилѣ его, въ с. Вишнѣ, воздвигнута церковь «по старанію Александры Антоновны Пироговой», какъ гласитъ надпись.

Какъ мы видѣли, въ теченіе своей 50-лѣтней общественной дѣятельности, несмотря на мрачныя условія, при которыхъ ему приходилось дѣйствовать, Пироговъ никогда ни на іоту не отступалъ отъ своихъ убѣжденій, всю жизнь прожилъ безъ малѣйшаго компромисса и сошелъ въ могилу такимъ же нравственно чистымъ, какимъ выступилъ въ жизнь.

Имя Н. И. Пирогова никогда не будетъ забыто: своими колоссальными заслугами на поприщѣ науки, своей дѣятельностью, какъ гражданина въ самомъ лучшемъ смыслѣ этого слова, онъ создалъ себѣ нерукотворный памятникъ — его имя, безспорно, заняло видное мѣсто въ исторіи науки и культуры не только его родины, но и всего человѣчества.

В. Бать.

ИЗЪ АНГЛІИ.

1.

Въ Оксфордѣ.

Словно усыпаны хлопьями снѣга,
Искрятся яблони, млѣя въ цвѣтахъ.
Вѣтеръ, о вѣтви ударивъ съ разбѣга,
Шепчетъ и прячется въ дальнихъ кустахъ.
Въ паркѣ мечтательномъ лунная нѣга,
Лунныя ласки дрожатъ на листахъ

Съ башенъ доносится бой колокольный,
Дремлютъ колледжи въ объятьяхъ тѣней.
Сладостный часъ для души недовольной,
Стройныя мысли сплетаются въ ней,
Къ небу уходятъ отъ горести дольной,
Бѣглость минутъ выступаетъ яснѣй.

Дышутъ деревья, ихъ пышность нетлѣнна,
Грезятъ колледжи о среднихъ вѣкахъ.
Зимнія думы промчатся мгновенно,
Воды проснутся въ родныхъ берегахъ.
Время проходитъ, мечта неизмѣнна,
Наше грядущее въ нашихъ рукахъ.

2.

Англійскій пейзажъ.

Въ отдаленной дымкѣ утопая,
Привидѣньями деревья стали въ рядъ.
Чуть замѣтна дымка голубая,
Чуть замѣтные огни за ней горятъ.

Воздухъ полонъ тающей печалью,
Все предчувствіемъ неяснымъ смущено.

Чтò тамъ тонетъ? Чтò за этой далью?
Тамъ какъ въ сердцѣ отуманенномъ темно!

Точно шопотъ ночи раздается,
Точно небо наклонилось надъ землей,
И надъ ней, беззвучное, смѣется,
Все какъ саваномъ окутанное мглой.

3.

Ручей.

„Кто печаль развѣялъ дымкой,
„Кто межъ тучекъ невидимкой
„Тусклый мѣсяцъ засвѣтилъ?
„Кто, шурша травой густою,
„Возмущаетъ надъ водою,
„Точно дальній дымъ кадилъ?

„Чья печаль въ твоемъ журчаньи?“
Я спросилъ въ ночномъ молчаньи
У звенящаго ручья.
„Чья печаль въ росѣ блестящей
„И въ осокѣ шелестящей?“
Мнѣ ручей сказалъ: „Ничья!“

„Но зачѣмъ же такъ печальны,
„Такъ уныло-музыкальны
„Трепетанья быстрыхъ водъ?“
„Я пою!“—ручей отвѣтилъ.—
„Я всегда пѣвучъ и свѣтелъ!
„Я всегда бѣгу впередъ!“

К. Бальмонтъ.

ЖИВАЯ ЖИЗНЬ.

Романъ въ 3-хъ частяхъ.

*(Окончанiе *).*

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

X.

Однажды, во время болѣзни Глѣба и когда всѣ были дома, раздался звонокъ и явился незнакомый господинъ. Это былъ человѣкъ средняго роста въ темнокоричневомъ пальто, въ черной шляпѣ. Онъ носилъ длинные усы и коротко подстриженную русую бороду.

— Я хотѣлъ бы видѣть отца Серафима Лауданова.

— Онъ здѣсь, не угодно ли войти!..

Его ввели въ гостиную. Въ кабинетъ нельзя было пригласить, потому что тамъ былъ больной. Отецъ Серафимъ вышелъ къ нему и вопросительно взглянулъ на него.

— Акинфiевъ, студентъ духовной академiи!—отрекомендовался гость.

— Очень прiятно,—сказалъ отецъ Серафимъ.—Садитесь, пожалуйста! Это, вѣроятно, что-нибудь касающееся моего племянника.

— Вотъ именно! — отвѣтилъ студентъ академiи. — Это касается Лозовскаго... Гермогена, какъ онъ теперь называется.

— Что нибудь непрiятное?—спросилъ отецъ Серафимъ и сѣлъ. Гость тоже сѣлъ противъ него.

— Не знаю, какъ вамъ и сказать. Непрiятное—нѣтъ, но странное.

— Такъ, пожалуйста, разсказывайте.

— Гермогенъ началъ вести себя странно. Онъ вовсе не выходитъ изъ своей комнаты и, главное—совсѣмъ молчитъ. Онъ не отвѣчаетъ даже на вопросы, съ которыми къ нему обращаются. Онъ почти отказывается отъ пищи, питается

---

*) См. «Мiръ Божiй», № 9, сентябрь.

Богъ знаетъ чѣмъ—однимъ хлѣбомъ и то въ весьма ограниченномъ количествѣ.

— Онъ вообще склоненъ къ странностямъ! — сказалъ отецъ Серафимъ,—но это у него проходитъ.

— Однакожъ... У насъ начали безпокоиться. Онъ какъ-то говорилъ одному изъ товарищей, что у него есть здѣсь родственникъ и даже назвалъ вашу фамилію. Мы справились въ адресномъ столѣ и вотъ узнали вашъ адресъ. Быть можетъ, вы пріѣхали бы къ нему и вамъ удалось бы отъ него чего-нибудь добиться. Явилось предположеніе, не боленъ-ли онъ умственно? Можетъ быть, онъ помѣшался...

— Это странно!—сказалъ отецъ Серафимъ,—странно, что явилось у васъ такое предположеніе. Вѣдь онъ монахъ, а монаху надлежитъ налагать на себя лишенія.

— Видите-ли, это небывалый примѣръ... Монахи налагаютъ на себя лишенія,—это вѣрно, но это, если они въ монастырѣ или гдѣ-нибудь въ пустынѣ; это совсѣмъ другое дѣло. А вѣдь онъ не просто монахъ, онъ ученый монахъ. Ученый монахъ готовится къ блестящей карьерѣ; его ожидаетъ большая будущность.

— Насколько я знаю,—отвѣтилъ отецъ Серафимъ,— Гермогенъ никогда не ставилъ на первомъ планѣ свою карьеру. Онъ человѣкъ особенный. Онъ постоянно стремится къ нравственному усовершенствованію.

— Да, но въ какихъ странныхъ формахъ... Такъ я могу сказать инспектору, что вы пріѣдете?

— Если вамъ угодно, я поѣду сейчасъ, вмѣстѣ съ вами!

— Это будетъ лучше всего!

Отецъ Серафимъ надѣлъ рясу и поѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ въ лавру. Онъ прямо прошелъ къ Лозовскому. У Гермогена былъ странный видъ. На немъ была надѣта старая затасканная ряса, которую онъ досталъ у какого-то монаха въ лаврѣ. Онъ былъ худъ до послѣднёй возможности. Лицо его было желто, а въ глазахъ какая-то слабость; видно было, что онъ истощенъ.

— Вотъ я пришелъ къ тебѣ, Гермогенъ,—заговорилъ, но довольно нерѣшительно отецъ Серафимъ, такъ какъ онъ не былъ увѣренъ, что Лозовскій будетъ отвѣчать и ему.

Гермогенъ всталъ, подошелъ къ двери и плотно притворилъ ее.

— Васъ вызвали, дядя,—тихимъ, утомленнымъ голосомъ произнесъ онъ.—Садитесь.

— Но что это значитъ, Гермогенъ? — ты удивилъ всю академію.

— Ихъ удивляетъ мое молчаніе! — сказалъ Гермогенъ. — Но о чемъ я буду говорить съ ними? Я пришелъ къ заключенію, что у меня съ ними ничего нѣтъ общаго, а если нѣтъ общаго, надо удалиться. Скажите, дядя, — промолвилъ онъ и посмотрѣлъ при этомъ на дверь: — вы видѣли Валентину?

Этотъ вопросъ глубоко поразилъ отца Сарафима.

— Да, она здѣсь! — отвѣтилъ онъ. — Но развѣ у тебя есть къ ней дѣло?

— Дѣла у меня къ ней нѣтъ! — сказалъ онъ, медленно качая головой, — но скажите ей, что я ни о чемъ ее не прошу, только объ этомъ: пусть она больше не приходитъ въ церковь.

— Гермогенъ, развѣ...

— Нѣтъ, скажите ей такъ, какъ я васъ прошу и больше ничего.

— Значитъ, это еще не кончено? — сказалъ отецъ Серафимъ. — Значитъ ты себя еще не поборолъ...

— Побороть себя? Но это такъ трудно, дядя, это такъ трудно! Это самый большій подвигъ, какой только можетъ совершить человѣкъ!.. Побороть себя, — говорилъ онъ, очевидно вдумываясь въ каждое свое слово, — вѣдь это значитъ уничтожить себя, это значитъ войти въ полное противорѣчіе съ самимъ собой...

— Значитъ это невозможно! — сказалъ отецъ Серафимъ.

— Возможно, дядя, — рѣзко возразилъ ему Гермогенъ. — А если и невозможно, то все-таки это необходимо...

— Значитъ, если бы даже пришлось уничтожить себя?..

— Да, дядя. Что жъ мнѣ дѣлать! У меня натура ужасная! Въ ней столько низменнаго, животнаго, грязнаго, она такъ противорѣчитъ всѣмъ моимъ стремленіямъ, моему идеалу и она тянетъ меня книзу. Но я не пойду за нею. Она хочетъ *меня* уничтожить, моя натура хочетъ уничтожить мою духовную сторону, но нѣтъ, пусть лучше я ее уничтожу...

— Но почемъ ты знаешь, что Валентина здѣсь? — спросилъ отецъ Серафимъ.

— Я видѣлъ ее въ церкви, мелькомъ. Она стояла въ дальнемъ углу, очевидно, пришла посмотрѣть, что со мной сталось. Я проходилъ мимо нея и вотъ во мнѣ зажегся прежній огонь. Всю силу логики я употребилъ на то, чтобы доказать себѣ нелѣпость этой страсти. Въ моемъ положеніи, дядя!.. А стѣна, стѣна каменная, о которой я говорилъ... Видно, и она не помогаетъ. У нея такіе пронзительные глаза, что взглядъ ихъ проникаетъ и черезъ эту стѣну... Ну,

вотъ я себя наказалъ, я рѣшился претерпѣть всѣ лишенія, какія только доступны здѣсь, въ этой обстановкѣ, и пока ничто не помогло... Но я буду вести страшную борьбу, дядя! Я ни передъ чѣмъ не остановлюсь. Только мнѣ трудно это здѣсь, они всѣ вмѣшиваются, ихъ это безпокоитъ, пугаетъ... Здѣсь такая мирная буржуазная обстановка... Можетъ быть, я уйду отсюда.

— Куда ты уйдешь?

— Я не знаю.

— Какъ? ты рѣшишься бросить академію, твою карьеру?

— О, академію!—съ усмѣшкой произнесъ онъ,—что она мнѣ дастъ эта академія? И о какой карьерѣ вы говорите, дядя? Когда я такъ слабъ, когда я каждую минуту убѣждаюсь въ своемъ ничтожествѣ, къ чему мнѣ эта карьера?..

— Послушай, Гермогенъ,—сказалъ отецъ Серафимъ,—мнѣ кажется, что ты напрасно истощаешь себя лишеніями. Вѣдь знаешь старую латинскую поговорку: mens sana in corpore sano; тебѣ бы въ деревню на свѣжій воздухъ... Поѣхалъ бы ты въ Кочедаровку, тамъ у насъ просторъ...

— Нѣтъ, дядя, эта пословица мнѣ не подходитъ. Въ томъ-то и дѣло, что я боюсь моего тѣла, оно—мой врагъ, и что же, вы хотите, чтобы я его укрѣплялъ, укрѣплялъ своего врага? Это не разсчетливо. Нѣтъ, я поступлю по своему; только одно, дядя: вотъ вы сейчасъ выйдете и васъ будутъ распрашивать... Не посвящайте ихъ въ мою душевную жизнь. Скажите имъ, что ничего отъ меня не добились.

Отецъ Серафимъ простился съ нимъ и вышелъ. Исполняя желаніе Гермогена, онъ на разспросы товарищей его, только развелъ руками и сказалъ, что ничего не могъ добиться. Сказать ему это было не легко. Онъ чувствовалъ, что беретъ на себя тяжелую отвѣтственность. Быть можетъ, Лозовскій и въ самомъ дѣлѣ просто боленъ умственно, его надо лѣчить. Можно было принять мѣры; а онъ своимъ отвѣтомъ какъ бы устраняетъ это. Но онъ считалъ своимъ долгомъ въ точности исполнить просьбу Лозовскаго.

Наступила Страстная недѣля. У Глѣба началось улучшеніе, температура упала. Онъ открылъ глаза и увидѣлъ передъ собой сидѣвшую у его изголовья Варю. Но ему показалось, что это бредъ. Онъ не повѣрилъ своимъ глазамъ, такъ страшно она измѣнилась.

— Неужели это ты?—слабымъ голосомъ спросилъ онъ и съ усиліемъ протянулъ ей руку.

— Глѣбъ, это я, я съ тобой!—подавляя слезы, отвѣтила Варя.—Я съ тобой буду всегда, вѣчно, если... если ты этого захочешь...

— Ты, значитъ, прежняя Варя?—слабо улыбнувшись, спросилъ Глѣбъ.

— Глѣбъ, я люблю тебя безумно.

И она прильнула къ его рукѣ, цѣловала ее и плакала; она говорила сквозь слезы.

— Скорѣй выздоравливай, Глѣбъ, будемъ работать... Мнѣ такъ хочется, чтобы ты поскорѣе кончилъ ученіе и мы бы поѣхали туда, въ наши мѣста, къ отцу Василію, гдѣ мы такъ нужны, гдѣ мы такъ можемъ быть полезны. У меня, конечно, не будетъ этихъ знаній, но все равно, они будутъ у тебя, а я—твоя вѣчная помощница. Я всегда буду тамъ, гдѣ ты, для того, чтобы поддерживать тебя...

— Значитъ, навсегда вмѣстѣ?—спросилъ Глѣбъ и слезы радости наполнили его глаза.

— Навсегда, Глѣбъ, навсегда!

Отецъ Серафимъ въ это время вошелъ въ кабинетъ и лицо его просіяло. Онъ подошелъ къ дивану, присѣлъ къ Глѣбу и, благословивъ его, сказалъ: вотъ у меня, значитъ, сегодня два выигрыша: Глѣбъ выздоравливаетъ да и Варя... Варя тоже выздоравливаетъ.

— Я уже выздоровѣла, папа!—отвѣтила Варя.

— Ну, дѣти мои, съ нашимъ Гермогеномъ творится что-то необыкновенное!—разсказывалъ отецъ Серафимъ.—Не ѣстъ, не пьетъ и молчальникомъ сдѣлался. Одежда на немъ какая-то старая, а главное, главное... Впрочемъ, вотъ, кажется, пришла и Валентина.

— А что? Неужели опять?—спросила Варя.

— Вздумалось ей зачѣмъ-то въ лавру сходить, вотъ онъ ее въ церкви и увидалъ, ну и опять въ немъ этотъ бѣсъ вселился...

— Такъ вотъ она высота его духа!—сказала Варя.— Такой же онъ слабый, какъ и всѣ мы.

— Да, Варя,—отвѣтилъ Глѣбъ,—всѣ мы слабые; между нами и имъ только та разница. что мы скромны, а онъ гордъ...

Отецъ Серафимъ вышелъ въ гостиную, гдѣ въ это время Валентина о чемъ-то разговаривала съ Груней. Онъ поздоровался съ ней и сказалъ:

— Мнѣ надо васъ на два слова, Валентина Яковлевна! Пойдемте въ Варину комнату.

Они вошли въ комнату Вари и отецъ Серафимъ притворилъ дверь.

— Былъ я у Гермогена,—сказалъ отецъ Серафимъ,—и нашелъ его въ странномъ видѣ. Опять у него борьба. Увидѣлъ онъ васъ въ церкви и вотъ, говоритъ, прежній огонь

зажегся въ немъ. И просилъ онъ меня сказать вамъ отъ него, что единственное, о чемъ онъ васъ проситъ, это— чтобы никогда вы не искали съ нимъ встрѣчи. Онъ васъ боится, Валентина Яковлевна.

Она выслушала его безстрастно и отвѣтила:

— Нѣтъ, я и не думаю искать съ нимъ встрѣчи. Это кончено уже навсегда, отецъ Серафимъ!

— А если онъ придетъ къ вамъ страдающій, погибающій и нуждающійся въ милостынѣ духовной?

— Это кончено, отецъ Серафимъ!—повторила Валентина:—во мнѣ ничего не осталось, ничего... Покойники не возвращаются изъ могилъ. А я похоронила его...

Отецъ Серафимъ дивился такой твердости, но въ то же время думалъ, что это къ лучшему. Значитъ, она въ самомъ дѣлѣ уже не будетъ болѣе искать съ нимъ встрѣчи и, можетъ быть, Гермогену удастся излѣчиться отъ своей странной болѣзни.

Приближалась Пасха. Уже прошло три дня съ тѣхъ поръ, какъ Глѣбъ почувствовалъ себя лучше. Выздоровленіе пошло у него очень быстро; три дня такъ подкрѣпили его, что онъ уже сидѣлъ въ постели.

Груня страшно волновалась по поводу пасхальныхъ яствъ. Ей представлялось невозможнымъ, чтобы пасхальный столъ не былъ убранъ тѣми же кушаньями, какія она привыкла видѣть, на этомъ столѣ въ деревнѣ, въ теченіе всей своей жизни, и она бѣгала по Петербургу, стараясь достать наилучшаго качества продукты, заказывала куличъ, сырную пасху, покупала краски для яицъ, а главное, разыскивала какого-то необыкновеннаго поросенка, какого не отыскивалось во всемъ Петербургѣ. Отецъ Серафимъ вполнѣ сочувствовалъ ей. У него привычка въ этомъ отношеніи сидѣла еще глубже, такъ какъ онъ больше лѣтъ прожилъ при этой обстановкѣ. Въ прошломъ году въ это время Глѣбъ и Варя были заняты своими экзаменами и оставили его безъ пасхальнаго стола. Онъ промолчалъ тогда, не желая огорчать ихъ, но теперь радовался вдвойнѣ.

Но что всего больше удивляло Груню, такъ это то, что и Варя принимала дѣятельное участіе въ приготовленіяхъ. У нея тоже явилось какое-то идиллическое чувство, вызванное настойчивыми хлопотами Груни, она тоже вспомнила о своемъ дѣтствѣ, въ которомъ пасхальный столъ игралъ такую важную и серьезную роль. Кромѣ того, она знала вкусы Глѣба. Всякій разъ, когда онъ говорилъ о пасхѣ, то это связывалось у него съ пасхальнымъ столомъ. Обрядъ этотъ

былъ неразрывно связанъ со всею ихъ жизнью, со всей обстановкой ихъ дѣтскихъ лѣтъ.

И вотъ наступила ночь предъ пасхальнымъ воскресеньемъ. Глѣбу уже позволено было встать съ постели. Но онъ теперь спалъ. Груня и Варя дѣятельно убирали столъ, а отецъ Серафимъ пораньше отправился въ Сергіевскую церковь.

Къ нимъ забѣжала на минутку Чурилина.

— Развѣ вы не будете шляться по городу?—спросила она, не входя въ квартиру и оставаясь въ передней въ калошахъ и пальто.

— Намъ некогда!—сказала Груня съ самымъ серьезнымъ видомъ.

— Чѣмъ же это вы такъ заняты?

— А вотъ видите!

Она пріотворила побольше дверь, которая вела въ столовую, и указала на столъ, уже на половину установленный разными красивыми яствами.

— Ахъ, какая прелесть! — воскликнула Чурилина.— Право, это недурно. А я уже давно не видала такого стола... Такъ вы не пойдете?

— Нѣтъ, я устала!—сказала Варя.—Вы приходите къ намъ часа черезъ два; папа вернется...

— Непремѣнно приду. У васъ тутъ такъ вкусно!..

Часовъ около трехъ утра пришелъ изъ церкви отецъ Серафимъ. Проснулся Глѣбъ и, вспомнивъ, что сегодня день пасхи, одѣлся и всталъ съ постели первый разъ послѣ болѣзни. Явилась Чурилина, всѣ начали христосоваться. Глѣбъ вышелъ въ столовую и въ восторгѣ остановился передъ убраннымъ столомъ.

— Христосъ воскресъ, Глѣбъ,—сказала ему Варя.

— Во-истину, Варя, во-истину!—отвѣтилъ Глѣбъ и они поцѣловались.

Ни одинъ поцѣлуй его никогда не доставлялъ ей такого блаженства, какъ этотъ. Въ немъ чувствовала она братское примиреніе на всю жизнь. Онъ замѣнялъ собою самыя сложныя объясненія. Теперь имъ не надо уже было говорить о той размолвкѣ, которая уложила Глѣба въ постель и такъ дорого обошлась ему.

Всѣ сѣли за столъ; отецъ Серафимъ благословилъ трапезу; но Глѣбу можно было только смотрѣть, ѣсть ему такихъ вещей еще не позволялось.

XI.

На второй день Пасхи къ Лаудановымъ явился тотъ самый студентъ академіи, который уже приходилъ однажды къ отцу Серафиму. Появленіе Акинфіева испугало отца Серафима, для него оно означало, что опять что-нибудь непріятное на счетъ Лозовскаго.

Акинфіевъ вѣжливо извинился въ томъ, что является непрошеннымъ гостемъ и затѣмъ, когда его попросили сѣсть, спросилъ:

— Простите, пожалуйста, не былъ ли у васъ на этихъ дняхъ Гермогенъ?

— Нѣтъ, ни разу не былъ. Онъ вообще у насъ не бываетъ съ давнихъ уже поръ!—отвѣтилъ отецъ Серафимъ.

— Какъ странно!

— А что же съ нимъ?

— Да онъ еще въ пятницу вечеромъ покинулъ академію и съ тѣхъ поръ не возвращался.

— Да, это странно. Какъ же это могло случиться?

— Это совершенно неизвѣстно!—отвѣтилъ Акинфіевъ.— Утромъ въ субботу, когда слуга вошелъ въ его комнату, Гермогена тамъ не было. Но тутъ ничего еще не было удивительнаго, онъ могъ выйти. Но дѣло въ томъ, что привратникъ видѣлъ его наканунѣ часовъ около двѣнадцати ночи выходящимъ изъ воротъ. Ему показалось это страннымъ въ особенности потому, что Гермогенъ былъ не вь обычномъ своемъ платьѣ, а въ какомъ-то старенькомъ кафтанчикѣ и на головѣ у него была скуфья. Но привратникъ не посмѣлъ у него спросить куда онъ и зачѣмъ идетъ. Онъ подумалъ, что, по всей вѣроятности, Гермогенъ хочетъ прогуляться по улицѣ. И вотъ когда на другой день его не оказалось и когда потомъ онъ не являлся, то стали его искать вездѣ и не нашли. Къ вечеру онъ не пришелъ. Тогда окончательно стали тревожиться. Вѣдь извѣстно, въ какомъ состояніи духа онъ былъ, какъ онъ былъ послѣдніе дни страненъ. Явилось предположеніе, что онъ могъ помѣшаться и въ такомъ случаѣ мало ли что̀ онъ могъ совершить. Онъ могъ скомпрометировать академію... Пришлось сдѣлать, правда, конфиденціальное заявленіе полиціи. Его начали искать, но до сегодняшняго дня нигдѣ не нашли. Наконецъ, пришла мысль, что, можетъ быть, онъ рѣшилъ провести праздники у родственниковъ. Конечно, по правиламъ, онъ долженъ былъ бы отпроситься у начальства или, по крайней мѣрѣ, заявить; но, принимая во вниманіе его странный харак-

теръ, допустили это, и вотъ я теперь пришелъ къ вамъ справиться.

— Странно, странно!—говорилъ отецъ Серафимъ,—я ничего о немъ не знаю. Онъ у насъ не бывалъ.

— Мы всѣ,—продолжалъ Акинфіевъ,—и студенты, и начальство, глубоко потрясены этимъ событіемъ; его такъ у насъ любили...

— Его? Вы говорите, что любили? за что же?

— За его умъ и необыкновенный характеръ!

— За это едва-ли можно любить. Можетъ быть, его уважали, это пожалуй...

— Да, это правда, скорѣе такъ. Онъ дѣйствительно немного отталкивалъ отъ себя всѣхъ; въ немъ было что-то холодное, что-то даже нѣсколько враждебное; онъ самъ, кажется никого не любилъ... Но на него возлагались большія надежды; думали, что онъ очень далеко пойдетъ... Вѣдь онъ собирался ѣхать миссіонеромъ и ему рѣшено уже было поручить очень отвѣтственный постъ.

— Да, это правда, онъ собирался!—раздумчиво отвѣтилъ отецъ Серафимъ.

— Богъ знаетъ, чѣмъ это кончится! Я не думаю, чтобы онъ хорошо кончилъ!—сказалъ Акинфіевъ.

— Да, вы меня ужасно встревожили. Не могу придумать, куда онъ могъ уйти!

Въ это время въ передней раздался звонокъ. Пришелъ почтальонъ и принесъ письмо, адресованное отцу Серафиму. Едва отецъ Серафимъ взглянулъ на конвертъ, какъ узналъ почеркъ Лозовскаго.

— Какъ кстати!—сказалъ отецъ Серафимъ,—это письмо отъ него и странно, что марка загородная. Значитъ онъ, не въ Петербургѣ.

— Пожалуйста, прочитайте! — попросилъ Акинфіевъ.— Можетъ быть, въ этомъ письмѣ мы найдемъ ключъ къ его исчезновенію.

Отецъ Серафимъ распечаталъ письмо. Оно было написано на двухъ отдѣльныхъ бумажкахъ. На одной изъ нихъ сверху передъ началомъ письма стояло написанное наискось большими буквами: „это вамъ лично“. Отецъ Серафимъ наскоро сообразилъ, что это не можетъ касаться Акинфіева, и прочиталъ вслухъ то, что было написано на другой бумажкѣ.

„Прошу васъ, дядя, предпріимите трудъ успокоить начальство академіи. Скажите, что убѣдительно прошу не разыскивать меня. Я знаю, что надѣлалъ много хлопотъ и тре-

воги. Студентъ, ушедшій изъ академіи безъ вѣдома начальства, пропавшій безъ вѣсти, это небывалый случай, въ особенности, если онъ принялъ монашество. Но я не студентъ, я монахъ. Постригая меня, они думали, что я принимаю только форму, потому что такъ многіе дѣлаютъ, но это заблужденіе: я принялъ сущность. Я монахъ и всѣ мірскія связи чужды мнѣ; значитъ, и дѣйствительной связи съ академіей и какимъ-нибудь другимъ мірскимъ учрежденіемъ у меня быть не можетъ; значитъ, я свободенъ. Такъ и скажите имъ. И пусть не спрашиваютъ, гдѣ я. Я тамъ, куда гонитъ меня мой безпокойный духъ. Вотъ все, что нужно сказать въ академіи".

И это было все письмо. На другомъ листѣ письмо начиналось словами: „глубокоуважаемый дядя".

Отецъ Серафимъ прочиталъ это обращеніе, свернулъ листъ бумаги и положилъ въ карманъ.

— Вотъ, — сказалъ онъ, передавая Акинфіеву первый листъ,—это вы можете передать вашему начальству.

— Но то, другое?—спросилъ Акинфіевъ.

— Другого я не читалъ еще, но, должно быть, оно не можетъ быть показано, потому что на немъ есть надпись: „вамъ лично". Притомъ же, я думаю, что это уже достаточно разъясняетъ, именно на столько, на сколько самъ Гермогенъ желаетъ разъяснить.

Акинфіевъ выразилъ сожалѣніе, что не можетъ познакомиться вполнѣ съ письмомъ Гермогена, извинился за безпокойство и ушелъ.

Отецъ Серафимъ пошелъ въ кабинетъ и тамъ сосредоточился надъ чтеніемъ другого письма Лозовскаго.

Гермогенъ писалъ: „Глубокоуважаемый дядя! Это обращеніе не примите за простую формальность. Я дѣйствительно научился глубоко васъ уважать; за что, спросите вы, за что могу уважать я, который никого не уважаетъ? Отвѣчаю: за вашу способность все понимать и ко всему относиться терпимо. Все понимать, это—такая рѣдкая способность, которую надо цѣнить въ людяхъ. Все понимать, такъ, какъ есть, а не съ своей только точки зрѣнія. Люди обыкновенно понимаютъ явленія такъ, какъ это имъ подходитъ, а вы понимаете ихъ по существу и это дается вамъ безъ всякой учености, безъ всякаго изощренія ума. Нѣтъ другого человѣка, которому я рѣшился бы открыть все то, что происходитъ въ моей душѣ. Вы знаете, какой я не любитель дѣлать это. Но вамъ хочу раскрыть. Непонятная сила толкнула меня вонъ изъ академіи. Увѣряю васъ, и можете увѣрить въ этомъ

академію, что она здѣсь не при чемъ; она дѣлала для меня все, за что человѣкъ долженъ быть благодаренъ, и если я оказался неблагодарнымъ, то это, конечно, только благодаря моему дикому характеру. Она давала мнѣ познанія, кормила меня, поила, одѣвала и готовила мнѣ блестящую карьеру. Виновата, значитъ, въ этомъ не академія, а вотъ эта самая непонятная сила. Итакъ, эта сила вытолкнула меня изъ академіи. Я рѣшился пойти пѣшкомъ. Монаху это легко сдѣлать. Мой убогій кафтанъ, въ которомъ вы меня одинъ разъ видѣли, и жалкая скуфійка, едва прикрывающая мое темя, внушаютъ ко мнѣ довѣріе, и въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда мнѣ нужны и пища и питье (вы знаете, какой я неохотникъ до всего этого), въ деревняхъ мнѣ даютъ. По всей вѣроятности, я похожъ чѣмъ-нибудь на благочестиваго человѣка (хотя, видитъ Богъ, благочестіе далеко отъ меня!), потому что ко мнѣ всѣ относятся съ почтеніемъ, почти благоговѣніемъ. Куда же я иду? Я и знаю это, и не знаю. Я нахожусь между Петербургомъ и Тверью, но цѣль моя не Тверь, конечно... Я твердо далъ себѣ слово на сто верстъ обойти этотъ городъ, но, Боже мой, сколько разъ я давалъ себѣ слово еще болѣе твердое, и оно оказывалось безсильнымъ... Какой-то тайный голосъ говоритъ мнѣ, что я буду въ немъ, въ этомъ городѣ, что у меня не хватитъ силы не зайти туда. Изъ этого вы уже можете заключить, какія страшныя противорѣчія терзаютъ меня. Но ничего, ничего, жизнь есть борьба; чѣмъ больше пораженій, тѣмъ сильнѣе энергія, тѣмъ страстнѣе хочется бороться. По крайней мѣрѣ, у меня такъ бываетъ. Но если я обойду Тверь, то я буду торжествовать. Это будетъ моей первой дѣйствительной побѣдой. И тогда я сообщу вамъ объ этомъ въ торжественныхъ выраженіяхъ. А куда пойду я дальше, еще самъ не знаю. Какъ бы я хотѣлъ найти гдѣ-нибудь пустыню, гдѣ не было бы не только людей, но и звѣрей! Но гдѣ она, эта пустыня? Вездѣ живетъ человѣкъ съ его... хотѣлъ написать страстями, но нѣтъ, какія страсти? съ его маленькими чувствами. О, если бы у него были страсти, тогда еще можно было бы многое ему простить... Нѣтъ, такіе характеры, какъ я, на землѣ жить не могутъ. Здѣсь слишкомъ много людей, они заняли всю землю. Былъ у меня хорошій пріятель, одинъ во всемъ свѣтѣ—это Глѣбъ, но и тотъ для меня потерянъ. Его здоровая натура, здоровый умъ, здоровыя чувства, не переварили моей больной натуры, больного ума, больного чувства. Въ сущности, это такія враждебныя вещи: здоровый человѣкъ и больной, это—враги. И онъ уронилъ себя: онъ

былъ ко мнѣ несправедливъ. Онъ заподозрилъ мою искренность. Но это единственное, чего во мнѣ не слѣдуетъ заподозрѣвать. Можетъ быть, въ моей жизни много вычурнаго, это такъ, можетъ быть, она вся вычурная, и съ этимъ я могу согласиться. Но это уже такая организація. И такъ какъ онъ былъ не правъ и глубоко не правъ, то онъ этого никогда не проститъ мнѣ. Да и зачѣмъ? Я былъ одинокимъ и такимъ же и останусь. Надѣюсь, дядя, что вы больше обо мнѣ ничего не услышите и такимъ образомъ моя особа не будетъ больше смущать вашъ покой. Въ какомъ-то селѣ у дьяка дали мнѣ бумагу и чернилъ и вотъ я вамъ пишу. Можетъ быть, я никогда никуда не приду, а буду какъ тѣнь двигаться по лицу земли, безъ конца, пока не подкосятся ноги. Такимъ людямъ нельзя привязываться къ мѣсту. Отвѣчать вамъ мнѣ не придется; мой адресъ: одна изъ точекъ земного шара".

— О, какъ я хотѣлъ бы,—воскликнулъ Глѣбъ, прочитавъ это письмо:—на одну изъ точекъ земного шара послать это слово: „прости"! Но онъ никогда не узнаетъ, что я считаю себя глубоко виноватымъ.

— Но что съ нимъ будетъ теперь, вотъ вопросъ?—спрашивалъ отецъ Серафимъ.—Я думаю,—гадалъ онъ,—что онъ забредетъ въ какой-нибудь скитъ и тамъ будетъ совершать свою подвижническую жизнь.

— А я боюсь,—говорила Варя,—какъ бы онъ не появился опять здѣсь и не началъ преслѣдовать Валентину. Не даромъ его тянетъ къ Твери; тамъ вѣдь воспоминанія.

— Я хотѣлъ бы, чтобы совершилось чудо, — говорилъ Глѣбъ,—я хотѣлъ бы, чтобы вдругъ душа его прояснилась, и онъ явился передъ нами въ блескѣ своего тонкаго и глубокаго ума и взялся бы за науку. Вотъ у него умъ годится для чистой науки. Это былъ бы дѣйствительно замѣчательный ученый!

— Но этого никогда не будетъ, Глѣбъ, потому что чудесъ не бываетъ!—сказала Варя.

— Но, дѣти мои, думаете ли вы, что слѣдуетъ Валентину познакомить съ съ этимъ письмомъ?

— Къ чему?—промолвилъ Глѣбъ.

— Но она увѣрила меня, что у нея въ душѣ все кончено, что она похоронила его...

— О,—сказалъ Глѣбъ,—это ровно ничего не значитъ. У нихъ какія-то особенныя натуры, у нихъ все зиждется на неожиданностяхъ, на необъяснимыхъ порывахъ. Сколько разъ Лозовскій считалъ, что у него тоже все кончено, все похоронено! Однако, вотъ опять Тверь.

— Да, ты правъ, лучше не будемъ говорить ей...

Весна быстрыми шагами подвигалась впередъ. Глѣбъ уже совершенно оправился и съ новыми силами принялся за свои занятія. Варя тоже засѣла за свои лекціи, она такъ много пропустила.

Послѣднее время и Груня какъ-то оживилась. Она теперь уже чувствовала себя побѣдительницей. Суровые учебники, наконецъ, благодаря усиленнымъ стараніямъ Глѣба и ея собственной страшной настойчивости, проложили себѣ путь въ ея голову. Въ это время отецъ Серафимъ получилъ еще два письма, одно было отъ Леонида, другое отъ отца Василія. Леонидъ сообщалъ деревенскія новости: „Вотъ нашъ отецъ Троицкій добился-таки того,—писалъ Леонидъ,—что мужики стали ѣздить въ другіе приходы вѣнчаться. Каждый день идутъ съ прихожанами несогласія и раздоры. Онъ запрашиваетъ съ нихъ хуже, чѣмъ въ городѣ галантерейныя лавки. И никакого уже къ нему уваженія нѣтъ; передъ нимъ даже шапокъ не хотятъ снимать, а ужъ это для священника очень плохо. Ѣздилъ онъ въ городъ жаловаться въ консисторію на мужиковъ. А консисторія снарядила слѣдствіе. Допрашивали и переспрашивали да ни къ чему не пришли. Однако же, надо думать, что его-таки переведутъ отъ насъ. А какое у насъ солнце, отецъ Серафимъ. Какое яркое, да теплое! И травка зазеленѣла и хлѣбушекъ уже сѣемъ и скотъ выпустили на пашню, а садъ весь цвѣтетъ и такой отъ него ароматъ идетъ, какой, должно быть, бываетъ только въ раю!“

Отецъ Василій писалъ отцу Серафиму о разныхъ духовныхъ дѣлахъ, но, между прочимъ, въ концѣ письма было обращеніе къ Глѣбу: „Дерзай, Глѣбъ, дерзай,—писалъ отецъ Василій,—вотъ послушался ты меня и благо это ты поступилъ. Такая нужда у насъ, такая великая нужда въ врачебныхъ познаніяхъ; все на насъ новыя напасти валятся, народъ болѣетъ и сами не можемъ опредѣлить чѣмъ. Такъ вотъ ходитъ человѣкъ, ходитъ, а тамъ и свалится и одного изъ трехъ не стало. Ѣздилъ я въ земство, просилъ назначить намъ особаго врача; отказали, денегъ нѣтъ, говорятъ, да и правда, гдѣ имъ взять денегъ, коли платить некому: всѣ бѣдны нынче стали, и мужики, и помѣщики“.

Начались экзамены.

Никогда еще въ квартирѣ Лаудановыхъ не было такого глубокаго мира, какъ въ эту весну. Глѣбъ и Варя обращались другъ съ другомъ съ какой-то нѣжной бережностью. А отецъ Серафимъ радовался возвращенію мира въ его семью,

благословлялъ ихъ и говорилъ самъ себѣ: „Ну, слава тебѣ, Господи, значитъ-таки не даромъ я потревожилъ свои старыя кости! Слава тебѣ, Господи, слава тебѣ!“

XII.

Прошло нѣсколько лѣтъ. Былъ холодный осенній день. Въ томъ же домѣ на Сергіевской улицѣ, только въ другой квартирѣ, Лаудановы занимали шесть комнатъ. И въ этихъ шести комнатахъ теперь, очевидно, дѣятельно готовились къ отъѣзду. На этотъ разъ это было сдѣлать не такъ легко и просто, какъ прежде, каждый годъ. Уѣзжали надолго, можетъ быть навсегда.

Много въ ихъ жизни произошло перемѣнъ. Глѣбъ только что вернулся домой съ цѣлымъ ящикомъ медицинскихъ инструментовъ. Онъ говорилъ отцу Серафиму:

— Я всего по три экземпляра купилъ! Вѣдь тамъ, если что сломается, не достанешь!—придется, Богъ знаетъ откуда, выписывать.

Всякій, много лѣтъ не видавшій его, узналъ бы Глѣба, но при этомъ сказалъ бы: какъ вы, однако, перемѣнились. У него выросла изрядная бородка, только усы плохо росли: они были и густы, но коротки. Лицо ето возмужало, на лбу появились бороздки. Онъ былъ въ новой формѣ, на погонахъ красовались двѣ продольныхъ черныхъ полоски, которыя означали, что онъ уже врачъ. Большихъ трудовъ стоило ему выхлопотать назначеніе въ родной городъ. Служить ему было недолго. Сперва его очень печалило, что онъ долженъ отбывать эту повинность. Ему хотѣлось поселиться поскорѣе въ родныхъ мѣстахъ, гдѣ-нибудь въ Кочедаровкѣ или Богоявленскомъ. Но потомъ онъ сказалъ себѣ:

— Э, развѣ не все равно, кому и гдѣ помогать! Вездѣ люди, всюду болѣзни и страданія.

Онъ положилъ ящикъ на столъ и пошелъ налѣво. Пройдя столовую, онъ остановился въ спальнѣ. Варя была здѣсь; она стояла на колѣняхъ передъ кроватью и заливалась самымъ веселымъ смѣхомъ. На кровати сидѣлъ однолѣтній мальчуганъ, толстый, краснощекій, здоровый. Она дѣлала ему гримасы, всплескивала руками и оба они искренно смѣялись.

— Ну, Варя, накупилъ я инструментовъ на цѣлыхъ четыреста рублей! Совсѣмъ разорилъ тестя.

— Вотъ и отлично!—промолвила Варя.—Онъ все говоритъ, что у меня огромное приданое... Пусть не хвастается напрасно! Когда же мы поѣдемъ, Глѣбъ? Мнѣ такъ хочется поскорѣе туда!

— Дня четыре еще придется торчать здѣсь! А если бы ты видѣла, какъ старикъ радъ, что скоро будетъ дома! Какъ ребенокъ...

— Я полагаю!—воскликнулъ отецъ Серафимъ, появившійся въ это время на порогѣ.

Онъ тоже измѣнился: борода его стала длиннѣе и бѣлѣе. Но держался онъ ровно и много въ немъ еще сохранилось бодрости. Онъ продолжалъ:

— Подумать только, лѣто вмѣсто теплаго юга пришлось просидѣть въ вашей холодной Финляндіи; я думаю, возрадуешься...

Это лѣто они провели въ Теріокахъ. Глѣбу приходилось готовиться къ послѣднимъ экзаменамъ. Вотъ уже два года, какъ онъ, сдѣлавшись мужемъ Вари, переѣхалъ жить къ нимъ. Тогда они и квартиру перемѣнили. Груни здѣсь не было. Уже годъ, какъ она не пріѣзжала въ Петербургъ. Свои несложные курсы она прошла довольно легко и быстро и теперь жила въ родномъ городѣ. Недавно отъ нея было получено письмо, въ которомъ она сообщала, что дѣла ея идутъ отлично. У нея оказался талантъ къ акушерству. Всѣ духовныя жены въ городѣ къ ней обращались.

— Ну, такъ значитъ, черезъ четыре дня ѣдемъ?—спросилъ отецъ Серафимъ.

— Навѣрное,—отвѣтилъ Глѣбъ.—Я за это ручаюсь.

— А какъ ты думаешь, Глѣбъ, должна ли я сдѣлать прощальный визитъ Валентинѣ?

— Госпожѣ Эмертъ?—иронически спросилъ Глѣбъ.

— Да, мнѣ что-то не хочется... Мнѣ тяжело у нихъ.

— Такъ не ѣзди!—сказалъ Глѣбъ.

— А по моему, надо поѣхать!—сказалъ отецъ Серафимъ.—Валентина, она, конечно, странная женщина, но она тебя любитъ; зачѣмъ же обижать ее?

Уже два года прошло съ тѣхъ поръ, какъ Валентина оставила сцену. Она ѣздила въ Италію, голосъ ея немного поправился, но вернуть прежнее она не могла. Пріѣхавъ въ Петербургъ, она оставила сцену, но она именно „оставила“ ее добровольно. Благодаря связямъ Эмерта, ей было предоставлено возобновить контрактъ, но она отказалась. И тотчасъ повѣнчалась съ Эмертомъ. Теперь она вела свѣтскую жизнь. Домъ ихъ вѣчно былъ полонъ народа, все большею частью были ея поклонники. Валентина не была красавицей; въ ея глазахъ было что-то холодное, и тѣмъ не менѣе она пользовалась страшнымъ успѣхомъ. Эмертъ попрежнему былъ у нея какъ бы въ услуженіи, надъ нимъ у нея была вѣчная

власть. Онъ былъ въ восторгѣ уже оттого, что могъ называть ее своей женой. Онъ получилъ еще большое наслѣдство и купилъ маленькій особнякъ на Сергіевской, недалеко отъ Таврическаго сада. У нихъ были свои лошади и жили они широко. Валентину это тѣшило.

Къ Лаудановымъ она сохраняла какое-то особенное пристрастіе, часто заѣзжала къ нимъ, чаще даже, чѣмъ къ роднымъ; но Варя рѣдко бывала у нихъ. Ее все больше и больше что-то какъ бы отталкивало отъ этой женщины. Варѣ казалось, что у Валентины нѣтъ сердца, что ей все равно для всѣхъ. Ея отношеніе къ Эмерту возмущало Варю. Теперь она окончательно рѣшила не ѣздить къ Валентинѣ.

Но у Мазуриныхъ знали, что они скоро уѣзжаютъ, и вотъ за два дня до ихъ отъѣзда Валентина сама заѣхала къ нимъ.

— Злая, жестокая!—говорила Валентина Варѣ, цѣлуя ее.—Вы хотѣли уѣхать, не простившись со мной. Хорошо это съ вашей стороны, какъ вы думаете, и какъ это называется?

Варя смутилась.

— Вы знаете, Валентина, что я постоянно съ ребенкомъ!—сказала она.

— Да, это у васъ прекрасная отговорка. Неужели вы думаете, Варя, что я не замѣчаю, какъ вы ко мнѣ холодны? А между тѣмъ, я вотъ теперь прощаюсь съ вами, какъ съ самыми близкими родными. Мнѣ прямо больно разставаться съ вами, и знаете почему? Потому что всегда, когда мнѣ бывало не по себѣ, когда на меня нападала тоска, мнѣ стоило зайти къ вамъ и мнѣ сейчасъ же становилось легче; такое у васъ счастливое мѣсто! А ужъ теперь у меня такого мѣста не будетъ. Ахъ, Варя, я вѣдь никогда не была еще у себя дома!

— Вы?—съ изумленіемъ спросила Варя.—Но, кажется, вы пользуетесь полной свободой.

— Да, я ею пользуюсь, но это такого рода свобода, которая не доставляетъ мнѣ никакого удовольствія. Ну, впрочемъ, что объ этомъ говорить? Я вѣдь знаю, вы считаете меня пустой женщиной, взбалмошной, можетъ быть, жестокой, безсердечной, можетъ быть, даже безсовѣстной... Ну, Богъ съ вами. А знаете, Варя, я вѣдь къ вамъ пріѣду...

— Вы?

— Вы удивились? Вотъ увидите... Вы думаете, я долго могу выносить такую свободу? О, нѣтъ, я когда-нибудь сорвусь и улечу... Вѣдь я, въ сущности, цыганка. И если я могу удовлетвориться свободой, то только цыганской...

— А мужъ?—спросила Варя.

— О, пусть дѣлаетъ, что хочетъ. Впрочемъ, онъ пріѣдетъ искать меня и, вѣроятно, найдетъ. Ахъ, мнѣ иногда такъ хочется убѣжать куда-нибудь, гдѣ меня совсѣмъ, совсѣмъ не было бы видно!

Варя дивилась этому признанію. Валентина крѣпко поцѣловала ее.

— Ну, прощайте и не забывайте. Я никогда не была въ вашихъ мѣстахъ, но меня страшно тянетъ туда, не знаю что... Мнѣ кажется, что тамъ еще долженъ совершиться какой-то роковой эпизодъ въ моей жизни!

— Тамъ? Едва ли! Тамъ ничего рокового не случается. Тамъ и люди, и жизнь слишкомъ просты.

— Не знаю!—задумчиво сказала Валентина, — но мнѣ такъ кажется. Ну, прощайте, моя милочка! И вотъ что,— прибавила она тихо: — если что узнаете о немъ, извѣстите меня... Всякая вѣсть о немъ можетъ наполнить мою жизнь!..

Валентина поспѣшно простилась со всѣми и уѣхала.

Наконецъ, наступилъ день отъѣзда. На вокзалѣ ихъ провожали Мазурины. Валентина не пріѣхала. Не было здѣсь ни Чурилиной, ни Руничъ. Онѣ еще въ прошломъ году вмѣстѣ съ Варей кончили курсы и разъѣхались по провинціи. Чурилина взяла гдѣ-то мѣсто учительницы, а Руничъ вернулась къ мужу. Чурилина поклялась, что какъ только откроются медицинскіе курсы, то она сейчасъ примчится. Было два товарища Глѣба, тоже въ военныхъ мундирахъ, и больше ни души.

Поѣздъ двинулся и все было кончено съ Петербургомъ. Отецъ Серафимъ переживалъ особенное ощущеніе. Онъ чувствовалъ, что кончаются его скитанія, что онъ опять можетъ засѣсть на своемъ старомъ мѣстѣ и пустить корни. И онъ крестился съ глубокимъ чувствомъ благодарности, что этотъ тяжкій періодъ его жизни миновалъ и что онъ можетъ умереть дома.

Три дня пути пролетѣли быстро, какъ сонъ. Возня съ мальчикомъ, который требовалъ много вниманія къ себѣ, значительно сокращала время, а съ нимъ возились всѣ, не только Варя и Глѣбъ, а даже отецъ Серафимъ. По мѣрѣ движенія на югъ, осень переходила въ весну и отецъ Серафимъ чувствовалъ, какъ оживали его тѣло и духъ. Вѣдь онъ потерялъ цѣлое лѣто! Ну, можетъ быть, еще успѣетъ наверстать. Какъ еще здѣсь тепло! А тамъ, на сѣверѣ, уже стужа, идутъ холодные дожди и люди спѣшатъ укрыться въ дома.

Вотъ они сѣли на пароходъ и пріѣхали въ родной городъ. Тутъ они остановились въ той самой гостинницѣ, гдѣ

и прежде уже останавливались; отецъ Серафимъ занялъ отдѣльную комнату, а Варя и Глѣбъ поселились рядомъ съ нимъ, въ двухъ комнатахъ.

Безъ сомнѣнія, тотчасъ же неизвѣстными путями половина города узнала о ихъ пріѣздѣ. Уваженіе родственниковъ къ Глѣбу дошло до того, что отецъ Лаврентій, не дожидаясь визита, поспѣшилъ явиться въ гостинницу самъ. Онъ обнялъ Глѣба и Варю по родственному и расцѣловалъ мальчика. Глѣбъ теперь былъ уже докторъ, онъ представлялъ изъ себя опредѣленную единицу, онъ достигъ того, къ чему стремился, и даже большаго, потому что тогда его стремленія были неопредѣленны и никто не зналъ, что собственно изъ него выйдетъ и, значитъ, его нельзя было не уважать.

Но Глѣбъ и Варя оставили отца Лаврентія въ гостинницѣ съ отцомъ Серафимомъ и поспѣшили отправиться къ матери. Мальчика они оставили на попеченіе отца Серафима.

— Ну, вотъ, мамаша,—говорилъ Глѣбъ, обнимая Ирину Власьевну,—я и вернулся. Теперь совсѣмъ ужъ, совсѣмъ... Видите, все кончилось хорошо. Теперь,—продолжалъ онъ,—милости просимъ жить къ намъ, домой, потому что нашъ домъ будетъ вашимъ. Вотъ и Варя со мной, и внука вамъ привезли... Помните, вы такъ хотѣли, чтобъ мы женились... Вотъ и вышло по вашему.

Ирина Власьевна расплакалась отъ радости.

— Слава тебѣ Господи, что дожила я до этого,—говорила она, вытирая слеты.—Ахъ, какъ я передъ тобой виновата, Глѣбушка, милый Глѣбушка! Вотъ и Груню мою до разума довелъ. Она теперь у насъ госпожей живетъ, звала меня къ себѣ жигь, да я сказала: нѣтъ ужъ дождусь моего Глѣба...

Вообще, она была страшно растрогана свиданіемъ. Прибѣжала Груня, запыхавшись. Она гдѣ-то случайно узнала о пріѣздѣ брата и бросилась въ его объятія и расцѣловала Варю. Ее было не узнать. Она потолстѣла и стала самоувѣренна и развязна. Ирина Власьевна шепнула Варѣ на ухо: у Груни есть женихъ... Чиновникъ одинъ, хорошій человѣкъ... Тоже изъ духовныхъ...

Здоровье Ирины Власьевны теперь было гораздо лучше. Она свободно ходила и даже старалась помогать въ несложномъ хозяйствѣ отца Лаврентія. Но зато матушка отца Лаврентія страшно измѣнилась къ худшему. Время окончательно смирило ее, наложивъ на нее свою тяжелую руку. Она растолстѣла и обрюзгла, лицо ея расплылось и украсилось гигантскимъ добавочнымъ подбородкомъ. Она носила теперь ши-

рокія блузы и больше уже не кокетничала съ кавалерами. Она сдѣлалась домосѣдкой. Отецъ Лаврентій, пользуясь этимъ, могъ бы поправить свои сильно пошатнувшіяся финансовыя дѣла, но какъ разъ въ это время у него подросла дочь, которая усвоила всѣ вкусы мамаши и въ домѣ не уменьшилось количество гостей, отчасти измѣнился только ихъ составъ,—они были помоложе и всѣ годились въ женихи.

Какъ-то разъ на улицѣ Глѣбъ видѣлъ Стрѣтенскаго. Наружность у него была блестяща: закрученные усики, эспаньолка, свѣтлый галстучекъ, модное пальто. Онъ ѣхалъ все въ томъ же экипажѣ своего отца и, замѣтивъ Глѣба, крикнулъ кучеру, толкая его въ бокъ: „стой, стой, стой!“ и тотчасъ же соскочилъ на мостовую. Тутъ онъ поспѣшилъ объяснить Глѣбу, что онъ адвокатствуетъ въ Одессѣ и пріѣхалъ домой дня на два къ отцу.

— Практика пока не важная, но надо терпѣніе! это все придетъ! благо, у отца есть средства.

Онъ былъ безконечно доволенъ собой.

— Эхъ,—говорилъ онъ,—какъ это хорошо, Глѣбъ Назаровичъ, что мы тогда бросили духовное званіе и пошли въ университетъ! совсѣмъ другое дѣло, совсѣмъ другая жизнь!

Наконецъ, они поѣхали въ Кочедаровку, по дорогѣ останавливались у отца Василія; тамъ были самыя искреннія, дружескія объятія.

— Только вотъ жалко,—говорилъ отецъ Василій, осматривая Глѣба,—что ты принужденъ мундиръ носить и службой связанъ, а то перетянули бы мы тебя къ себѣ. Но, однако, ничего, будемъ тормошить тебя и такъ. Все-таки ты свой. Въ какой бы мундиръ ни залѣзъ, а все свой человѣкъ.

— Это не долго, отецъ Василій,—сказалъ Глѣбъ,—отслужу свой срокъ и тогда буду вашъ. Мы съ Варенькой только и мечтаемъ о томъ, чтобы поскорѣе зарыться въ деревню... Въ живую работу, отецъ Василій, въ живое дѣло!..

Леонидъ устроилъ имъ торжественную встрѣчу.

— Ужъ, ей-Богу, я просто хотѣлъ въ колокола звонить! — говорилъ онъ: — ужъ теперь навсегда, отецъ Серафимъ, а?

— Навсегда, Леонидъ, навсегда, — отвѣчалъ отецъ Серафимъ.

— Ну, и что жъ, хорошо я вамъ тогда посовѣтовалъ?

— Хорошо, правильно... Только ты не думай, что я тутъ буду хозяйствомъ заниматься. Нѣтъ, братъ, я на покой пріѣхалъ...

— Ну, и безъ васъ обойдемся! вы можете себѣ лежать на боку, сколько угодно.

— Теперь я буду мечтать,—сказала Варя,—какъ бы и намъ поскорѣе сюда забраться.

XIII.

Глѣбъ на другой же день вернулся въ городъ одинъ; ему надо было начинать службу и, кромѣ того, онъ искалъ и скоро нашелъ квартиру. Къ этому времени прибыла изъ Петербурга ихъ обстановка, и вотъ онъ сидитъ одинъ въ квартирѣ въ ожиданіи возвращенія Вари.

Онъ ждалъ ихъ въ этотъ день вечеромъ. Онъ уже началъ свои служебныя обязанности и, придя домой, часа въ четыре, онъ увидалъ въ передней сидящаго на скамейкѣ старенькаго дьячка въ засаленномъ порыжѣвшемъ кафтанѣ, высокаго, сутуловатаго, съ лысой головой.

Дьякъ поднялся и отвѣсилъ поклонъ. Глѣбъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него.

— Здравствуйте, Глѣбъ... Назаровичъ!—промолвилъ гость.

Глѣбъ присматривался къ нему и отвѣтилъ:

— Здравствуйте... Но, право, не узнаю.

— Ну, гдѣ жъ таки узнать!.. Раза два всего меня видѣли...

— Пожалуйста, войдите въ комнату! — пригласилъ Глѣбъ,—войдите.

Они вошли въ комнату. Въ передней было полутемно, а здѣсь весь старенькій дьякъ сразу освѣтился. Глѣбъ пристально разсматривалъ его и въ самомъ дѣлѣ въ этомъ гостѣ было для него что-то знакомое.

— Садитесь и разскажите, въ чемъ дѣло!—сказалъ Глѣбъ.

— И неужто же совсѣмъ-таки не признаете?—сказалъ дьякъ, занимая мѣсто на стулѣ.

— Нѣтъ, не могу признать...

— Антона Простодуменко не помните? Дьяка съ кладбища—помните?

— Съ кладбища?

— Ну, да... Помните, лѣтъ семь тому назадъ жилъ у меня на квартирѣ вашъ товарищъ, Григорій Лозовскій, вы приходили къ нему.

— Боже мой!—воскликнулъ Глѣбъ:—Антонъ Евграфовичъ! Но какъ вы измѣнились!

— Постарѣлъ?..

— О, да.

— Время, Глѣбъ Назаровичъ,. время!

— Я очень радъ, что вы пришли,—промолвилъ Глѣбъ,—надѣюсь, просто повидаться? Узнали, что я здѣсь, вотъ и зашли.

— Да,—повидаться, конечно.

— Да,—говорилъ Глѣбъ,—а нашъ Григорій всѣхъ насъ поразилъ своею жизнью. Помните, какой это былъ блестящій умъ, какой своеобразный характеръ, и что же?—принялъ монашество на третьемъ курсѣ, оставилъ академію и съ тѣхъ поръ о немъ ничего не слышно. Чѣмъ онъ кончилъ, никто не знаетъ.

— Да, Гермогенъ надѣлалъ чудесъ!—сказалъ дьякъ.

— Гермогенъ? А вы знаете его монашеское имя? Развѣ онъ писалъ вамъ?—съ живостью спросилъ Глѣбъ.

— Писалъ ли? Нѣтъ, не писалъ. А только я знаю... Ахъ, Глѣбъ Назаровичъ, хотя я и словомъ связанъ, а вотъ не могу выдержать, затѣмъ и пришелъ къ вамъ.

— Такъ вы что-нибудь знаете про Гермогена?

— Только, Глѣбъ Назаровичъ, никому не сказывайте. Я не только знаю, а вижу его каждый Божій день...

— Какъ? онъ здѣсь?—порывисто воскликнулъ Глѣбъ.

— Позвольте мнѣ вамъ разсказать все по порядку.

— Пожалуйста, пожалуйста, говорите!

— Это было года полтора тому назадъ. Въ зимнюю ночь, знаете, я уснулъ. На дворѣ стоялъ морозецъ, помню—это было на второй день Рождества Христова. Только я, знаете, первымъ сномъ сомкнулъ глаза, слышу—кто-то стучится. Я всталъ, отворилъ дверь, гляжу: высокій и худой человѣкъ, кожа да кости на немъ, только глаза на лицѣ горятъ, какъ угли, и кафтанишко на немъ драный, на ногахъ стоптанные башмаки, чуть что не однѣ подошвы. А на головѣ скуфійка—грязная, и весь бархатъ на ней вытерся... волоса длинные, скомканные, висятъ до самыхъ плечъ. Вижу,—странникъ, и думаю: холодъ его мучитъ, а, можетъ быть, и голодъ; а самъ онъ молчитъ, да только смотритъ на меня, да такъ странно и такъ пронзительно, и говорю я: войди въ домъ, рабъ Божій; не знаю, говорю, какъ тебя зовутъ, и откуда ты, но все равно—время ночное и зимнее, войди. Вошелъ онъ и сталъ обогрѣваться въ сѣняхъ; я его въ комнату зову, тутъ, говорю, теплѣе. Вотъ онъ и въ комнатѣ. Гляжу я на него и чувствую—сердце такъ вотъ и ёкаетъ у меня. Что въ немъ, не пойму? Словно я его уже когда-то во снѣ видалъ... Ну, знаете, подобралъ коечто съѣстное, не хотѣлъ, знаете, будить ни жены, ни дѣтей; сталъ онъ ѣсть да съѣлъ самую малость и такъ это отъ

себя тарелку и отодвинулъ. А все молчитъ. Спрашиваю я его: откуда ты, отче?—такъ, говоритъ, съ земной, говоритъ, поверхности; я не имѣю дома.—Что жъ, говорю, значитъ, во имя Божіе ходишь? обѣтъ далъ?—Да, говоритъ, далъ обѣтъ. А сердце у меня все ёкаетъ, все ёкаетъ, и голосъ его такой, будто тоже я во снѣ слышалъ; а зовутъ какъ, спрашиваю я.—Зовутъ, говоритъ? давно уже меня никто никакъ не звалъ; а имя мнѣ въ монашествѣ дано Гермогенъ.—А въ міру какъ названъ былъ?—Въ міру, говоритъ, Григоріемъ звали.—Ну, ложись говорю спать, Гермогенъ, ты иззябся и утомился; поспать, говорю, тебѣ не вредно; а онъ качаетъ головой.—Вотъ, говоритъ, значитъ, въ домѣ жить не то, что по лицу земли изъ края въ край ходить.—А что, говорю?—Да вотъ я, говоритъ, тебя узналъ,—ты дьякъ Антонъ Евграфовичъ Простодуменко; а ты меня не узналъ.—Я, знаете, сперва опѣшилъ, а тамъ вдругъ чувствую, что въ головѣ моей все кубаремъ пошло. И такъ это мнѣ ясно стало вдругъ, что это нашъ Григорій, а въ то же время думаю: гдѣ-жъ таки, чтобъ это былъ онъ? Въ этакомъ видѣ? вѣдь въ академію онъ пошелъ, можетъ, теперь архимандритъ и вдругъ... А онъ говоритъ:—Ну, говоритъ, теперь вижу, что ты узналъ, да только боишься признать. Такъ оно, говоритъ, и есть; не бойся, признавай: Григорій я Лозовскій, а въ монашествѣ Гермогенъ. Я, знаете, бросился къ нему и ну его цѣловать, а самъ дрожу. Не зналъ я, что и дѣлать, что и подумать.—Да какъ же? да что же? Ну, знаете, начинаю разспрашивать человѣка.—Э, говоритъ, это долго разсказывать; когда-нибудь отъ другихъ людей узнаешь. А теперь ты мнѣ милость окажи. Ходилъ я по свѣту и ходилъ бы еще долго, да ноги что-то слабы стали, больше носить не хотятъ. Помнишь ты, много лѣтъ назадъ разговоръ у насъ былъ съ тобой, насчетъ будки,—тамъ у васъ по срединѣ кладбища стоитъ, деревянная, пустая. Она цѣла еще, я первымъ дѣломъ на нее посмотрѣть пошелъ. Помнишь, говоритъ, я хотѣлъ тогда еще поселиться въ этой будкѣ, ты еще крестился тогда, какъ отъ нечистой силы. Вотъ теперь выхлопочи мнѣ эту будку и буду я въ ней жить. Я опять къ нему съ вопросомъ: что, молъ, такое значитъ? что, молъ, ты такое сдѣлалъ? отчего эта жизнь твоя такъ перевернулась? А онъ на все отвѣчаетъ: да ужъ что тамъ было, то было, а ты мнѣ будку достань, вѣдь даромъ кресты да памятники буду стеречь. И только одна къ тебѣ будетъ просьба: никому ты не сказывай про меня и не называй ты прежняго моего имени. Такъ, молъ, странный че-

ловѣкъ живетъ, и болѣе ничего. Вотъ объ этомъ я тебя прошу: никому. И еще я тебѣ скажу, чтобъ ты не боялся: никакого я злого дѣла не совершилъ и никакой тебѣ за меня отвѣтственности не будетъ. Подивился я крѣпко, а не могъ не исполнить. Уговаривалъ я его сперва: живи у меня, тутъ тебѣ и тепло, и пища, и одежда; такъ нѣтъ, только рукой машетъ и слушать ничего не хочетъ. На другой день пошелъ я къ настоятелю нашему и все устроилъ ему. Не соглашался отецъ настоятель: говоритъ, Богъ его знаетъ, что онъ за человѣкъ; можетъ, злодѣй какой-нибудь; еще могилы въ ночное время станетъ разрывать, да въ склепы ходить, да богатыхъ покойниковъ обирать. Есть вѣдь и такіе. Долженъ былъ поручиться: я, молъ, его знаю и на свою совѣсть беру. И вотъ поселился онъ въ сторожкѣ. И что за жизнь, Глѣбъ Назаровичъ, что за жизнь! Въ зимнее время въ той же своей драной одежонкѣ, и пищу всего только одинъ разъ въ недѣлю приниметъ. Говорю я: ты бы, Гермогенъ, протопилъ у себя, печурка въ сторожкѣ имѣется.— А зачѣмъ? спрашиваетъ. Да теплѣе, говорю, будетъ.—Мнѣ не холодно, говоритъ.

— Какъ же не холодно, коли на дворѣ стужа?

— Э, говоритъ, тебѣ холодно, а мнѣ нѣтъ. У меня совсѣмъ не такое тѣло, какъ у тебя. Тоже на счетъ пищи. Мнѣ, говоритъ, пищу принимать вредно.

Посмотрѣлъ я на него и подумалъ себѣ: истинный ты подвижникъ Божій. И старался я подсмотрѣть: не истязуетъ ли онъ себя молитвами? Нѣтъ, ничего такого не видалъ. Раннимъ утромъ встанетъ, бывало, и начнетъ бродить по кладбищу и вдругъ передъ какой нибудь свѣжей могилой остановится и стоитъ неподвижно часъ, другой, третій и все глядитъ въ одну точку. А чуть завидитъ какого человѣка, сейчасъ въ сторону, къ себѣ въ будку. Только со мной и разговариваетъ, и то мало, и съ каждымъ мѣсяцемъ все меньше и меньше. А тутъ вотъ недавно таки сломило его. Слегъ у себя въ будкѣ, прямо на землю, и ходить не можетъ и ничего такого, никакой болѣзни у него не видать. Нѣтъ, чтобы простуда тамъ, либо кашель, либо что. Такъ, слабость. Придешь къ нему и скажешь:

— Ты бы, Гермогенъ, въ домъ ко мнѣ перешелъ, да на постелькѣ бы полежалъ!

А онъ въ отвѣтъ:

— Скоро, скоро, говоритъ, придетъ освобожденіе!

Вотъ и все, только это и говоритъ. И теперь я, Глѣбъ Назаровичъ, прослышалъ, что и вы, и сродникъ его, отецъ Се-

рафимъ Лаудановъ, изъ Петербурга вернулись и тутъ живете, и подумалъ я, что, хотя просилъ онъ меня не говорить, а все же я вамъ и отцу Серафиму сказать обязанъ. Помретъ онъ скоро, Глѣбъ Назаровичъ, помретъ и, я вамъ скажу—хотя я и не видалъ, чтобы онъ утруждался много молитвами, а почитаю я его, какъ святого. Подвижникъ онъ, истинный подвижникъ.

Глѣбъ слушалъ его съ напряженнымъ вниманіемъ. Онъ не могъ высказать дьяку тѣхъ мыслей, которыя зароились у него въ головѣ по поводу этого разсказа; онъ только сказалъ, что сегодня пріѣдетъ отецъ Серафимъ и что объ этомъ надо будетъ хорошенько подумать и поговорить.

— Только поторопитесь, Глѣбъ Назаровичъ, потому что близокъ его конецъ,—сказалъ дьякъ.

Антонъ Евграфовичъ посидѣлъ еще съ четверть часа и ушелъ. Глѣбъ крѣпко задумался. Какая поразительная жизнь! Сколько въ ней неожиданныхъ поворотовъ и скачковъ и всѣ они окрашены однимъ цвѣтомъ, который проходитъ черезъ все это странное существованіе: негодность, полная негодность для живой жизни. Блестящій умъ, непоколебимо настойчивый характеръ, способность къ страшному добровольному лишенію, и все это ушло ни на что! Все это для того, чтобы принести свое разбитое тѣло въ кладбищенскую церковь и тамъ кончить все. Такъ безплодно кончается эта блестящая, много обѣщавшая жизнь.

Онъ взглянулъ въ окно и увидѣлъ во дворѣ экипажъ— все тотъ же старый экипажъ отца Серафима, только нѣсколько подновленный. Отецъ Серафимъ и Варя возились съ узелками, а ребенокъ былъ на рукахъ у бабы, которую они привезли изъ деревни, очевидно, взяли въ няньки.

Глѣбъ, который былъ еще подъ сильнымъ впечатлѣніемъ исторіи Лозовскаго, выбѣжалъ къ нимъ и прямо сказалъ:

— Я узналъ поразительныя вещи, поразительныя!

— Что такое? и самъ ты взволнованъ. О комъ? о чемъ?

— О Лозовскомъ.

Отецъ Серафимъ замеръ на мѣстѣ.

— Неужели же онъ открылся?

— Да, и гдѣ? Здѣсь, въ нашемъ городѣ.

— Здѣсь? Но гдѣ же онъ? гдѣ? неужели у тебя?

— Нѣтъ, идемте въ комнату, я все разскажу. Онъ доживаетъ свои дни въ старой будкѣ, на кладбищѣ...

Они вошли въ квартиру и Глѣбъ разсказалъ подробно все то, что повѣдалъ ему дьякъ Простодуменко.

— Боже мой!—воскликнулъ отецъ Серафимъ,—такъ онъ

подвижникъ! Это бываетъ. Такіе люди являются разъ въ пятьдесятъ лѣтъ. Я зналъ одного такого, только тотъ былъ простой, неученый человѣкъ. Двадцать лѣтъ не перемѣнялъ одежды. Тѣло его было изъѣдено насѣкомыми. Такъ вотъ онъ гдѣ, нашъ Гермогенъ.

— Надо его повидать!—сказалъ Глѣбъ.

— Признаетъ ли? Они, эти подвижники, никакихъ мірскихъ связей не признаютъ.

— Все равно, надо, надо! быть можетъ, онъ захочетъ что-нибудь сказать намъ.

— А Валентина? спросила Варя,—въ послѣднее свиданіе она шепнула мнѣ на ухо: если что услышите о немъ (она не назвала, но ясно было, о комъ рѣчь), извѣстите меня. Она прибавила еще: всякая вѣсть о немъ можетъ наполнить мою безцѣльную жизнь!

— Съ этимъ подождемъ еще,—сказалъ отецъ Серафимъ.— Надо сперва его повидать. Ну, ныньче уже не успѣемъ; ночь близка. Завтра утромъ отправимся. Да пойдемъ ужъ вмѣстѣ, Глѣбъ; я думаю, что при такой жизни онъ стараго не помнитъ, и, ежели признаетъ меня, то и тебя признаетъ.

На другой день, часовъ въ семь утра, отецъ Серафимъ и Глѣбъ отправились на кладбище. Они зашли къ дьяку. Онъ вывелъ ихъ на кладбище и показалъ будку.

— Самъ я не пойду,—говорилъ онъ,—разгнѣвается онъ на меня, что я выдалъ его тайну, а какъ же мнѣ иначе быть? Вѣдь близка кончина его, близка. Такъ вотъ прямо такъ и идите.

Они пошли. Деревянная будка замѣтно покачнулась на сторону. Тонкая желѣзная труба, выходившая изъ нея, совсѣмъ оторвалась и держалась на тоненькой проволокѣ. Вѣтеръ колыхалъ ее изъ стороны въ сторону и она двигалась по крышѣ со скрипомъ. Цѣлый лѣсъ памятниковъ и крестовъ окружалъ будку. Кое-гдѣ въ маленькихъ палисадничкахъ стояли деревца и цвѣты, но они уже поблекли и пожелтѣли. Въ будкѣ было маленькое окошечко съ простымъ мутнымъ стекломъ.

Они остановились у низенькой двери. Отецъ Серафимъ перекрестился; у Глѣба сильно билось сердце. Отецъ Серафимъ потянулъ къ себѣ дверь, она легко открылась; они вошли.

Солнечный свѣтъ ворвался внутрь будки и освѣтилъ передъ ними странную картину. Половина будки была устлана деревяннымъ поломъ, а съ другой стороны старый полъ, вѣроятно, сгнившій, былъ сорванъ и выброшенъ. Гермогенъ

лежалъ на землѣ. Его постелью были клочья изодраннаго кафтана, они же покрывали и его тѣло. Это былъ длинный скелетъ, обтянутый кожей. Онъ лежалъ на спинѣ и глаза его были полузакрыты. Борода его значительно выросла и была скомкана какъ-то на сторону. Длинные волосы въ безпорядкѣ свѣшивались на плечи и на лобъ. Въ лицѣ не было ни кровинки. Большія вѣки его закрытыхъ глазъ казались восковыми. Блѣдныя тонкія губы были сомкнуты.

— Гермогенъ!—осторожно окликнулъ его отецъ Серафимъ.—Гермогенъ! Это я, твой дядя, Серафимъ!

Гермогенъ съ усиліемъ поднялъ вѣки и посмотрѣлъ на нихъ безъ удивленія, безъ малѣйшаго движенія въ глазахъ.

— Нѣтъ,—промолвилъ онъ какимъ-то страннымъ, беззвучнымъ голосомъ, — нѣтъ, я уже освобожденъ... я освобожденъ...

— Гермогенъ! Вѣдь ты страдаешь?..

— Страданіе—удѣлъ плоти... У меня уже нѣтъ плоти. Я освобожденъ...

— Гермогенъ!

— Да,—странно звучалъ все тотъ же голосъ,—я былъ когда-то Гермогеномъ, я былъ и Григоріемъ, но это давно уже прошло; я болѣе не Гермогенъ, не Григорій... Я освобожденъ отъ всѣхъ формъ и всѣхъ путъ... Я достигъ уже, я достигъ...

Отецъ Серафимъ перекрестился. Гермогенъ закрылъ глаза и, казалось, впалъ въ забытье.

— Онъ долженъ скоро умереть!—тихо сказалъ отецъ Серафимъ Глѣбу.—У него вовсе не осталось силъ.

— Но неужели же,—такъ же тихо отвѣтилъ ему Глѣбъ:— оставить его такъ, въ такой ужасной обстановкѣ?

— Это подвигъ, Глѣбъ, это подвигъ!—промолвилъ отецъ Серафимъ.

Они вышли, чтобы свободнѣе обсудить положеніе.

— Подвигъ!—говорилъ Глѣбъ,—но зачѣмъ этотъ подвигъ? Зачѣмъ? Вѣдь онъ безплоденъ, онъ никому не нуженъ, даже ему самому!

— Душѣ его нуженъ, Глѣбъ, душѣ! Я знаю, ты невѣрующій... Ты не вѣришь въ вѣчную жизнь...

— Но если и есть вѣчная жизнь,—возразилъ Глѣбъ,— если ее можно заслужить подвигомъ, то подвигъ долженъ быть не безплодный. Онъ долженъ быть для ближняго, для живого, страдающаго человѣка.

— Не суди, Глѣбъ, ибо никто не знаетъ тайны будущей жизни...

Отецъ Серафимъ крестился, а Глѣбу становилось какъ-то жутко.

— Что же намъ дѣлать?—спрашивалъ онъ.

— Глѣбъ, ничего намъ не остается дѣлать... Видишь, я всегда думалъ, что изъ Григорія выйдетъ что-нибудь замѣчательное, но изъ него вышло нѣчто бо̀льшее, чего я и не ожидалъ.

— Но это болѣзненное состояніе духа...—сказалъ Глѣбъ.

— Не знаемъ мы этого, не знаемъ. Остерегайся судить... Одно только: духъ его теперь дѣйствительно на высотѣ, и вѣрю я ему, что онъ уже не чувствуетъ страданій плотскихъ. О, Господи! Господи!

И отецъ Серафимъ всю дорогу, пока они ѣхали съ кладбища, все осѣнялъ себя крестнымъ знаменіемъ.

Варя подъ вліяніемъ какого-то сознанія неизбѣжности всего того, что случилось, тотчасъ послала въ Петербургъ телеграмму Валентинѣ. Она сообщила кратко: „Онъ здѣсь и умираетъ“.

Отецъ Серафимъ нѣсколько разъ въ день ходилъ къ кладбищенской будкѣ, но Гермогенъ уже ничего говорилъ. Когда къ нему обращались съ вопросами, онъ не открывалъ глазъ и въ лицѣ его постоянно было выраженіе какого-то страшнаго спокойствія, спокойствія камня, огромной каменной глыбы, которой суждено вѣка простоять на одномъ и томъ же мѣстѣ, для которой ничего не значитъ буря, дождь и громъ, и непогода. Но онъ жилъ еще; это было видно по движенію его груди.

XIV.

Дня черезъ три Варя получила отъ Валентины изъ Кіева телеграмму. Она сообщала, что ѣдетъ и проситъ встрѣтить ее. И вотъ Варя и Глѣбъ отправились на пароходную пристань. Видъ Валентины поразилъ ихъ. Она была вся въ черномъ и даже на головѣ маленькая дамская шляпка была прикрыта чернымъ кружевнымъ платкомъ. Она, должно быть, за время дороги сильно похудѣла и черное очень шло къ ней.

Она горячо поцѣловалась съ Варей.

— Какъ я счастлива! Боже, какъ я счастлива, что вижу васъ!—воскликнула она.—Ну, говорите же мнѣ о немъ!

Варя разсказала все, что ей было извѣстно о Гермогенѣ; каждое ея слово видимо поражало Валентину.

— Жизнь становится полной, когда узнаешь такого человѣка!—говорила Валентина.

— Но вѣдь это болѣзнь, Валентина Яковлевна,—возразилъ ей Глѣбъ.

— Эта болѣзнь—величіе, это—сила!

— Да, дурно, уродливо направленная сила! Онъ прожилъ какую-то мертвую жизнь. Всѣ его порывы, всѣ страстныя движенія души вращались въ какой-то мертвой атмосферѣ. Онъ изо всей силы стучался въ глухую стѣну, за которой не было ничего. Живая жизнь, полная страданій и слезъ, ключемъ била вокругъ него, а онъ ея не видѣлъ, потому что у него были мертвые глаза. Вотъ онъ и теперь ничего не видитъ, кромѣ гордаго сознанія, что онъ побѣдилъ плоть... А къ чему была побѣда?

— Поѣдемте къ нему!—воскликнула Валентина,—я умираю отъ нетерпѣнія...

Они на минуту заѣхали домой. Валентина повидалась съ отцомъ Серафимомъ.

Въ это время прибѣжалъ дьякъ и, путаясь въ словахъ, растерянный, объяснилъ, что Гермогенъ, видно, уже прощается съ жизнью.

— Двѣ недѣли ужъ онъ, голубчикъ мой, не принимаетъ пищи,—объяснялъ дьякъ.—До сихъ поръ меня, бывало, узнавалъ, а теперь даже и меня пересталъ узнавать. Говорилъ я ему сегодня: Гермогенъ, ты монахъ... Ты долженъ совершить послѣдній христіанскій обрядъ! Молчитъ, не слышитъ. Нѣтъ, ужъ онъ слышитъ что-то другое, ужъ онъ, должно быть, слышитъ небесные голоса... Отецъ настоятель былъ у него съ дарами, но онъ уже не въ сознаніи...

Всѣ торопливо одѣлись и поѣхали на кладбище. Около будки уже было нѣсколько душъ, между прочимъ, какія-то женщины. Они встрѣтили настоятеля, который шелъ оттуда.

Они вошли въ будку. Яркій лучъ свѣта освѣтилъ ее разомъ всю и упалъ прямо на лицо Гермогена. Онъ лежалъ попрежнему на спинѣ съ закрытыми глазами. Лицо его походило на мраморное изваяніе. Кто-то поправилъ его скомканную бороду и теперь оно было необыкновенно правильно строго и отъ него вѣяло чѣмъ-то неземнымъ.

Валентина подошла къ нему, упала на колѣни, сложила молитвенно руки и застыла въ этой позѣ.

Она глядѣла на это лицо и въ глазахъ ея теплился тихій свѣтъ. Въ эти минуты лицо ея было прекрасно. Слезы катились изъ ея глазъ и падали на его руки, на рубища и безконечно исхудалое обнаженное тѣло.

— Григорій! Григорій! Григорій! — тихо говорила она прерывающимся голосомъ.

И вотъ онъ открылъ глаза и, какъ ей показалось, посмотрѣлъ на нее. Она даже замѣтила, что губы его какъ будто сдѣлали движеніе, словно онъ вотъ-вотъ сейчасъ станетъ говорить.

— Григорій!—какимъ-то тономъ внушенія еще разъ повторила она, потомъ взяла его руку и приложилась къ ней губами, какъ къ иконѣ.

Гермогенъ слабо, быть можетъ, замѣтно только для нея одной, покачалъ головой, но не промолвилъ ни слова.

И вотъ грудь его, до сихъ поръ подымавшаяся мѣрно и плавно, поднялась порывисто и высоко, онъ весь вздрогнулъ, широко открылъ глаза и опять закрылъ ихъ. Грудь его перестала дышать.

Валентина положила руку на его лобъ, взяла его обѣ руки,—онѣ были холодны.

Вдругъ она вскрикнула и повалилась на его трупъ. Бросились къ ней, она была въ глубокомъ обморокѣ. Ее вынесли.

Богъ знаетъ, какимъ путемъ по городу разнеслась вѣсть, что въ кладбищенской будкѣ умеръ студентъ академіи, монахъ. И тысячи исторій, самыхъ невѣроятныхъ группировались вокругъ Лозовскаго.

И вотъ около бѣдной будки толпился теперь народъ. Среди несмѣтной толпы можно было замѣтить и ректора семинаріи, и учителей, и многихъ священниковъ, бывшихъ товарищей Лозовскаго.

Черезъ два дня хоронили Гермогена. Городъ представлялъ изъ себя картину необыкновеннаго оживленія. Тѣло Гермогена было положено сперва въ квартирѣ дьяка, потомъ его торжественно перенесли въ соборную церковь. Церковь была полна народу, народъ толпился въ оградѣ и на улицѣ. Множество священниковъ, подъ главенствомъ мѣстнаго архіерея, отправляли похоронную службу.

Когда гробъ несли изъ собора къ кладбищу, позади его шла Валентина, блѣдная, сильно похудѣвшая, печальная, но удивительно спокойная.

Никто изъ городскихъ старожиловъ не запомнитъ такого страшнаго стеченія народа. Откуда взялась эта толпа? Прошло всего двое сутокъ съ того момента, когда Гермогенъ испустилъ послѣднее дыханіе, и по городу успѣли распространиться сотни варіантовъ его легенды.

Простой народъ рвался впередъ къ его гробу, вѣруя уже, что въ этомъ гробѣ заключается какая-то таинственная сила. Онъ былъ привлеченъ сюда со всѣхъ концовъ города разска-

зами о его подвижнической жизни; другая сторона его мало интересовала. И исторія разсказывалась на тысячу ладовъ.

Говорили, что Гермогенъ совершилъ какой-то проступокъ, но былъ прощенъ судомъ; но душа его требовала возмездія, и вотъ онъ двѣнадцать лѣтъ ходилъ по свѣту безъ пристанища. Разсказывали, что онъ во время этихъ скитаній по свѣту забылъ даже свое имя, что онъ носилъ тяжелыя желѣзныя вериги на тѣлѣ и питался древесной корой. Наконецъ, передавали, что когда онъ жилъ вь будкѣ, то по ночамъ надъ этой жалкой лачугой видѣли сіяніе. Находились и очевидцы, которые сами собственными глазами видѣли это сіяніе. Иные шли гораздо дальше; разсказывали, что Гермогенъ обладалъ необыкновенной, невѣроятной способностью, которой не обладалъ еще ни одинъ человѣкъ во всѣ времена: онъ умѣлъ очищать души отъ грѣховъ. Души тѣхъ покойниковъ, по могиламъ которыхъ онъ пройдетъ, уже съ этого момента дѣлались безгрѣшными. И вотъ онъ нарочно поселился на кладбищѣ. Какъ только замѣтитъ онъ, что на кладбищѣ появилась свѣжая могила, въ ту же ночь отправляется, всходитъ на ея вершину и начинаетъ молиться, и уже всѣ грѣхи лежащаго подъ этой могилой прощены.

И эта будка была предметомъ особеннаго вниманія толпы. Пришлось поставить около нея нѣсколькихъ сторожей для охраны; цѣлости ея грозила опасность. Ее хотѣли разобрать по кусочкамъ, чтобы сохранить хоть какую-нибудь память о подвижникѣ Гермогенѣ.

Другая часть толпы, та, которая называла себя „интеллигенціей“, разсматривала легенду совсѣмъ съ другой стороны. Ее въ особенности занимало то обстоятельство, что этотъ блестящій студентъ академіи, стоявшій на виду у начальства и готовившійся быть архіереемъ, благодаря какимъ-то неисповѣдимымъ судьбамъ, кончилъ жизнь въ лачугѣ. Исторія эта напоминала о древнихъ мученикахъ, въ ней было такъ много таинственнаго.

И всѣ внимательно присматривались къ неизвѣстной дамѣ, которая шла за гробомъ, медленно ступая, съ блѣднымъ лицомъ, окаймленнымъ черными шелковыми кружевами, опустивъ долу глаза, которые такъ красиво оттѣнялись длинными рѣсницами.

Ея лицо казалось очень страннымъ. Всѣ находили въ немъ что-то роковое, что-то неразгаданное.

Въ городѣ никто не зналъ этой дамы, и вотъ уже вокругъ ея личности группировались фантастическія исторіи, въ которыхъ и она являлась важнымъ дѣйствующимъ ли-

цомъ рядомъ съ Гермогеномъ. Стали говорить, что блестящій студентъ академіи былъ загубленъ именно этой женщиной. Имъ приписывалась жизнь, еще болѣе странная и еще болѣе дикая, чѣмъ та, какая была въ дѣйствительности.

Она еще въ дѣтствѣ дала обѣтъ посвятить себя Богу и пошла въ монастырь, но дьяволъ искушалъ ее. Она была красавица. И вотъ горящіе глаза молодого академика зажгли въ ней страстный огонь. Онъ тоже воспламенился, но такъ какъ она была, посвящена Богу, то его настойчивыя домогательства были напрасны. Вотъ тогда-то именно онъ и принялъ монашество, чтобы застраховать себя отъ искушенія. Но бѣсъ продолжалъ дѣлать свое дѣло и въ глубинѣ келій тайно искушалъ обоихъ. Тутъ онъ появляется въ томъ монастырѣ, гдѣ была она, и производитъ настоящіе романическіе подвиги. Сущность этихъ подвиговъ ни для кого не была ясна, о нихъ говорили въ общихъ выраженіяхъ. Но затѣмъ, послѣ цѣлаго ряда безумствъ, онъ окончательно покинулъ монастырь и сталъ бродить по свѣту. Имъ овладѣло глубокоо раскаяніе и онъ началъ истязать себя, лишать себя пищи и крова; онъ былъ въ Іерусалимѣ, и на самой сѣверной точкѣ земного шара, и подъ экваторомъ, однимъ словомъ во всѣхъ тѣхъ географическихъ пунктахъ, которые были извѣстны обывателямъ города.

Глѣбъ шелъ вдали отъ гроба. Варя давно уже отстала и поѣхала на кладбище въ экипажѣ. Развертывавшаяся передъ нею картина этихъ странныхъ, ни для кого неожиданныхъ похоронъ производила глубокое впечатлѣніе на ея душу. Но страннымъ образомъ ея мысли сосредоточивались не на этомъ, а на отдаленномъ будущемъ, которое, повидимому, не имѣло никакого отношенія къ судьбѣ Гермогена. Она думала о томъ, что все это шумное движеніе, съ виду вызванное глубокимъ чувствомъ, охватившимъ всю эту толпу, въ сущности есть ничто; пройдетъ безслѣдно, не оставивъ послѣ себя даже воспоминанія. Забудется и Гермогенъ, и его сложная жизнь, полная неожиданностей и приключеній, забудется потому, что вся эта жизнь, не смотря на ея разнообразіе, протекла какъ-то внѣ простыхъ. обычныхъ людскихъ отношеній. Все, что онъ сдѣлалъ, было ни для кого не нужно и менѣе всего для него самого. Ей хотѣлось объяснить себѣ, почему такой значительный умъ, такой большой характеръ, не нашелъ никакого приложенія своимъ огромнымъ силамъ? И она припоминала тотъ моментъ изъ своей жизни, моментъ, казавшійся ей теперь страшнымъ, когда она находилась подъ вліяніемъ странныхъ идей Гер-

могена. Какъ тогда страдали всѣ близкіе люди, какъ она мучила всѣхъ и сколько было эгоизма и холода въ ея дѣйствіяхъ!.. Но что же, что именно заставило ее тогда свернуть съ той простой ясной дороги, на которой она стояла раньше и стоитъ теперь твердыми ногами? Вѣдь было же что-нибудь... Да, было. Въ Гермогенѣ было что-то обаятельное. Въ немъ была какая-то опасная сила, которой она тогда и подчинилась. „Слава Богу, что это прошло, слава Богу!—думала она.—Теперь все идетъ хорошо, теперь у насъ такая здоровая, ясная жизнь, полная простыхъ заботъ. Вотъ у меня есть сынъ, которому я отдамъ половину жизни, у меня есть мужъ, онъ постоянно работаетъ, вся его жизнь будетъ работой, и я буду помогать ему, поддерживать его... Сама я, къ сожалѣнію, ничего не умѣю, но что дѣлать? придется помириться съ ролью помощницы, мнѣ и этого довольно, по моимъ силамъ и этого хватитъ“.

И ей представлялось теперь все ихъ будущее. Вотъ Глѣбъ окончитъ свой срокъ службы въ полку, они переселятся въ родныя мѣста и начнется та тихая, скромная работа, о которой они мечтали, кажется, съ первой своей встрѣчи, и стремленіе къ которой сблизило и связало ихъ такими крѣпкими узами. Она больше всего радовалась тому, что у нихъ есть возможность поселиться и работать именно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ оба они родились и провели дѣтство.

Она возьметъ на себя воспитаніе сына, потому что Глѣбу некогда будетъ заниматься этимъ. Въ первое время, когда сынъ будетъ подростать, у нея, конечно, не будетъ времени заниматься чѣмъ-нибудь другимъ, она будетъ помогать Глѣбу только развѣ сочувствіемъ да ласковой улыбкой. Но настанетъ время, когда сынъ будетъ меньше нуждаться въ ея вниманіи и тогда, можетъ быть, осуществится ея завѣтная мечта: можетъ быть, откроютъ столь давно ожидаемые врачебные курсы, она поѣдетъ опять въ Петербургъ, выучится медицинѣ и станетъ уже дѣятельно облегчать огромный, хотя и незамѣтный, скромный трудъ Глѣба.

На кладбищѣ толпа была еще больше, чѣмъ около собора. Сюда пришелъ буквально весь городъ. Нѣсколько десятковъ душъ несли гробъ на плечахъ и каждый хотѣлъ протиснуться поближе и хоть пальцемъ прикоснуться къ нему. Его несли высоко надъ головами, такъ что онъ видѣнъ былъ издалека.

Глѣбъ стоялъ въ нѣкоторомъ отдаленіи, взобравшись на ступеньки какого-то большого памятника. Онъ смотрѣлъ на эту несмѣтную толпу и думалъ о той страшной силѣ,

которая погибла безплодно и безслѣдно и теперь навсегда замуравлена въ этомъ гробу.

И въ эти минуты, когда приходилось на вѣки разставаться съ человѣкомъ, который такъ долго былъ связанъ съ нимъ и игралъ такую важную роль въ его жизни, онъ какъ-то невольно припоминалъ все, что было въ теченіе многихъ лѣтъ. Похоронная процессія развертывалась передъ нимъ, но онъ уже ея не видѣлъ, а видѣлъ другія картины, которыя рисовало ему воображеніе. Прошла передъ нимъ вся жизнь съ того момента, когда впервые встрѣтился онъ въ школѣ съ блѣднымъ высокимъ мальчикомъ, съ большими, вѣчно горящими безпокойными глазами, и до послѣднихъ дней, когда Гермогенъ такъ внезапно для всѣхъ покинулъ Петербургъ.

И все, что припоминалось ему, каждая мелочь, каждое слово, сказанное умершимъ товарищемъ, каждый его поступокъ, все, рѣшительно все говорило за то, что это была большая сила. Да, это была сила, проявлявшаяся въ каждомъ движеніи, во всѣхъ мелочахъ, даже въ той далекой, почти еще дѣтской жизни, когда они были въ школѣ. И хуже всего то, что эта сила не заглохла, какъ это обыкновенно бываетъ, придавленная тяжелыми условіями жизни, нѣтъ. Она развернулась широко, даже слишкомъ, выразившись въ невѣроятныхъ добровольныхъ лишеніяхъ, въ безплодныхъ и безцѣльныхъ подвигахъ. А сколько добра она могла бы сдѣлать родинѣ, еслибъ была направлена на жизнь живую!..

Живая жизнь... Вотъ она передъ нимъ—въ этой сѣрой толпѣ, со всѣми ея слабостями и нуждами, со всею ея темнотой, со всѣми ея заблужденіями, среди которыхъ все-таки съ непобѣдимой силой прорывается стремленіе къ свѣту, къ чему-то высокому, къ незримому идеалу, къ божеству... Бѣдная сѣрая толпа! Она боготворитъ его, цѣлуетъ съ благоговѣніемъ доски гроба, въ которомъ лежитъ его исхудалое тѣло, его, который не захотѣлъ отдать ей ни одной капли своей богатой души. Она боготворитъ его только потому, что онъ былъ сильнѣе ея... О, живая жизнь—это не пустая игра словъ. Нѣтъ равенства въ природѣ. Одному дано много, другому мало; одинъ сильнѣе, другой слабѣе. Такъ пусть же сильный дѣлится своей силой съ слабымъ, а слабый пусть беретъ для себя часть силы у сильнаго не по милости его, а съ полнымъ правомъ, потому что такое взаимодѣйствіе уравновѣшиваетъ права живущихъ существъ. При ней только и возможна справедливость на землѣ, она только и дѣлаетъ людей не похожими на звѣрей...

Глѣбъ совершенно случайно очутился рядомъ съ Валентиной; онъ подошелъ къ ней близко и спросилъ:

— Что вы чувствуете, Валентина?

— Какое-то страшно торжественное чувство!—отвѣтила она, и въ ея глазахъ дѣйствилельно блеснуло какое-то торжество.—Я чувствую, что нравственная сила, даже когда она пропала безъ пользы, все-таки оставляетъ яркій слѣдъ... И отъ этого въ темнотѣ радостнѣй живется... Вы понимаете меня? Я не могу выразить словами того, что чувствую. Развѣ можно когда-нибудь забыть то, что здѣсь происходитъ? Развѣ это могло бы случиться, если бы онъ не былъ большимъ, огромнымъ?..

— Да,—сказалъ Глѣбъ,—это настоящій апоѳеозъ. Но вы представьте только себѣ, что Гермогенъ могъ бы вдругъ появиться среди насъ и присутствовать на этомъ торжествѣ... Какъ злобно смѣялся бы онъ надъ боготворящей его толпой! съ какимъ презрѣніемъ онъ отнесся бы къ этому наивному, искреннему увлеченію...

Когда гробъ внесли въ церковь, Глѣбъ и Валентина помѣстились вблизи его, у самаго изголовья, и они долго смотрѣли на лицо Гермогена, которое казалось изваянымъ изъ мрамора. Черты лица этого были удивительно тонки и строги. Рѣшительно, оно было прекрасно.

Похороны кончились, толпа разошлась, но память о монахѣ Гермогенѣ, блестящемъ студентѣ академіи, кончившемъ свою жизнь въ лачугѣ, въ сторожевой будкѣ, среди кладбища, долго оставалась въ городѣ.

Валентина прожила въ городѣ еще нѣсколько дней. Все это время она сохраняла и видъ, и настроеніе тѣ же самые, что были на похоронахъ. Она всякій свой день начинала съ того, что отправлялась утромъ на кладбище и клала цвѣты на могилу Гермогена.

Она при этомъ имѣла возможность наблюдать, какая толпа простыхъ людей приходила сюда, къ этой могилѣ, каждый день. Эти люди становились на колѣни и усердно молились, какъ святому. Когда же она появлялась, всѣ разступались и давали ей дорогу, словно понимая, что она имѣетъ право на первое мѣсто у его могилы.

Всѣ эти дни съ лица ея не сходило выраженіе сосредоточенной задумчивости и она ни разу не снимала своихъ черныхъ одеждъ и шелковыхъ кружевъ. Она часто заходила къ Щедротовымъ. За исключеніемъ могилы Гермогена, это было единственное мѣсто, гдѣ она могла проводить время.

Казалось, что она рѣшилась на всю жизнь остаться здѣсь и проводить свои дни такимъ образомъ. Она ничего не гово-

рила о своихъ намѣреніяхъ, а они считали себя не въ правѣ разспрашивать ее.

Но вотъ прошла недѣля. Однажды она явилась къ Варѣ въ обыкновенномъ цвѣтномъ платьѣ, въ большой шляпкѣ съ пестрыми цвѣтами. И лицо у нея было совсѣмъ не то, что вчера, какъ будто вся печаль сошла съ него разомъ.

Варѣ показалось это страннымъ и она спросила ее съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ ироніи, отъ которой она никакъ не могла удержаться:

— Значитъ, вы уже кончили вашъ трауръ?

Валентина сдѣлала брезгливую мину.

— Развѣ вы не знаете, что пріѣхалъ мой мужъ?—сказала она:—ну вотъ и все...

— Такъ что же?

— Да вѣдь онъ однимъ своимъ присутствіемъ внесъ въ мою жизнь столько пошлости, что, знаете, какъ-то оскорбительно было бы носить эту одежду, въ которой... въ которой я пережила такія чувства... Ахъ, онъ обладаетъ способностью разрушать всякую поэзію!

— А для васъ это было только поэзіей?—спросила Варя.

— Что жъ, милая Варя! въ жизни только и есть, что поэзія и проза. Гермогенъ со всею его удивительною жизнью развѣ не былъ сама поэзія? а все остальное, Варя, все остальное... пошлая проза.

— Вы уѣзжаете?

— Да, въ Петербургъ.

— Значитъ, у васъ все пойдетъ по старому?

— О, да, теперь уже ничего не будетъ новаго... Ахъ, какъ скучна жизнь, какъ невыразимо скучна! Неужели вы этого не находите, Варя?

Варя отрицательно покачала головой, но не сказала ни слова.

— Ну, прощайте, голубушка, едва ли мы когда-нибудь еще встрѣтимся! — промолвила Валентина, цѣлуя ее. — Я уѣзжаю сегодня вечеромъ.

— Вы развѣ не пойдете еще разъ на могилу Гермогена?

— Нѣтъ, это теперь уже невозможно. Теперь это будетъ... совсѣмъ ужъ не то. Теперь я не имѣю права, потому что я не такая, какъ надо... какъ была вчера.

Вечеромъ этого дня Валентина съ Эмертомъ уѣхала въ Петербургъ.

И. Потапенко.

КОНЕЦЪ.

ЭПОСЪ УМИРАЮЩАГО ЯЗЫКА.

I.

Мало найдется людей въ Европѣ, которые не были бы искренне удивлены, услышавъ, что на свѣтѣ есть довольно обширная и въ высшей степени самобытная и изящная ирландская литература. А между тѣмъ, въ ирландской королевской академіи, въ дублинскомъ университетѣ и въ двухъ-трехъ другихъ большихъ библіотекахъ Соединеннаго королевства наставлены цѣлыя полки и навалены цѣлыя кипы рукописей, писанныхъ въ продолженіи многихъ столѣтій забытыми теперь тружениками, учеными и поэтами, когда-то великаго кельтскаго народа.

Мало кто знаетъ о нихъ, мало кому приходитъ охота разобраться въ старинномъ творчествѣ языка, которому современные ирландцы образованныхъ слоевъ должны учиться, какъ иностранному. Но тѣ немногіе, которые имѣли смѣлость взяться за это кропотливое и неблагодарное дѣло, утверждаютъ, что въ этихъ рукописяхъ найдется все—исторія и поэзія, богословіе и миѳологія, астрономія и языковѣдѣніе, цвѣтъ средневѣкового знанія и письменности.

Ирландскій народъ думалъ, творилъ и пѣлъ въ тѣ далекія времена, когда его *олавы*, барды, разносившіе просвѣщеніе изъ центровъ кельтской жизни по самымъ далекимъ окраинамъ острова, отмѣчали главныя черты *сагъ* и поэмъ зарубками на своихъ посохахъ съ тѣмъ, чтобы потомъ развивать ихъ въ пѣсни, смотря по требованіямъ мѣстности и характеру слушателей, пользуясь ими, какъ сухимъ матеріаломъ, изъ котораго они умѣли создавать великолѣпныя эпопеи. Ирландскій народъ думалъ, творилъ и пѣлъ сравнительно еще недавно, въ первой половинѣ восемнадцатаго вѣка, когда его творчество изъ народнаго и безличнаго уже давно обратилось въ творчество отдѣльныхъ писателей, біографіи которыхъ ни мало не легендарны, каждый изъ которыхъ имѣетъ свою опредѣленную физіономію, свою личную заслугу, какъ Ломоносовъ, Фильдингъ или Руссо. Такихъ писателей «Chronological account of Irish writers» насчитываетъ больше четырехъ сотъ. Цѣлое богатство историческихъ, этнографическихъ и другихъ матеріаловъ.

А между тѣмъ, кто-нибудь слыхалъ о нихъ въ Европѣ въ наши дни?

Даже современные ирландцы, взрощенные на англійскій ладъ, и тѣ зачастую даже не подозрѣваютъ о ихъ существованіи, наивно утверждая

что по-кельтски «нечего читать», что поэтому кельтскій языкъ изучать не стоитъ, такъ какъ онъ, вдобавокъ еще, «портитъ чистоту англійскаго произношенія».

Исторія и гражданственность рода человѣческаго неудержимымъ потокомъ стремятся впередъ, поднимая на самый верхъ волны то одинъ народъ, то другой. Народы, создавшіе великую санкеритскую литературу, потомъ ассиро-вавилоняне, потомъ Египетъ, давшій основаніе греческому просвѣщенію, по свидѣтельству все еще существующихъ древнихъ писателей,—всѣ, одинъ за другимъ, перебывали на гребнѣ этой могучей волны. Пришелъ чередъ и кельтовъ.

Какъ раскопки Трои открывали Шлиману одинъ слой культуры за другимъ, свидѣтельствуя не только о длинномъ рядѣ вѣковъ, въ продолженіи которыхъ поколѣніе за поколѣніемъ селились на старыхъ пепелищахъ, но и о томъ, что народность, къ которой принадлежали эти поколѣнія, не все была одна и та же,—такъ и другія раскопки, въ самыхъ разнообразныхъ мѣстностяхъ Европы, вездѣ показываютъ, что прежде римскаго просвѣщенія тамъ господствовало просвѣщеніе кельтовъ.

Долина Зальцбурга, гдѣ находятъ знаменитое синее стекло, секретъ котораго потерянъ, и разные предметы, по рисунку и выдѣлкѣ, признанные кельтскими; Ліонъ, и по сей день носящій имя Луга (Lugh), полубога, одного изъ миѳическихъ первоучителей кельтской расы; сѣверъ Шотландіи, съ его живучими повѣрьями и сказаніями,—всѣ трое равно свидѣтельствуютъ о быломъ просвѣщеніи кельтовъ. Но въ Ирландіи оно просуществовало дольше, чѣмъ гдѣ бы то ни было, независимо отъ другихъ народовъ и не смѣшиваясь съ ними. Кельтскія вѣрованія и идеалы, ихъ законодательство и общественное устройство, ихъ искусство и литература царствовали долго и самодержавно—музеумы Европы въ томъ порука—отъ предѣловъ Греціи и до Испаніи, отъ Италіи и до Исландіи,

Но пробилъ и ихъ часъ. Волна человѣческаго прогресса, поднявъ ихъ на большую высоту, постепенно и незамѣтно, смѣшивая ихъ силу и культуру съ новѣйшими, менѣе просвѣщенными народами, замѣняя ихъ вѣрованія новыми вѣрованіями, оставила ихъ внизу и позади. И тогда, какъ съ горечью говоритъ Дугласъ Хайдъ (Douglas Hyde), ирландскій патріотъ и писатель, «ирландскій языкъ, самая необходимая изъ всѣхъ единицъ, составляющихъ отдѣльную національность, исчезъ; исчезъ какъ день поздней осенью, уступающій мѣсто ночи почти безъ промежуточныхъ сумерокъ,—исчезъ со своими пѣснями, балладами, сказаніями, романами и всей словесностью».

II.

Происхожденіе самаго древняго ирландскаго письма теряется во мракѣ языческихъ временъ. Это такъ-называемый *огамъ*. Онъ состоитъ

изъ разнообразныхъ совокупленій горизонтальныхъ и наклонныхъ линій, обыкновенно выдолбленныхъ вдоль угольной линіи на камняхъ, посохахъ и металлическихъ украшеніяхъ. Если посохи странствующихъ пѣвцовъ дѣйствительно состояли изъ многихъ длинныхъ и плотно прилегающихъ другъ къ другу дощечекъ, какъ утверждаютъ нѣкоторые ученые, и могли развертываться подобно вѣеру, то можно сказать, что каждый такой посохъ былъ цѣлой книгой весьма почтенныхъ размѣровъ. Впрочемъ, не смотря на значительное количество *огамовъ,* сохранившихся до нашихъ дней, о нихъ трудно сказать что-нибудь навѣрное, такъ какъ они все еще недостаточно изслѣдованы.

Относительно того, что еще до христіанства Ирландія была страною грамотной, всѣ старинные и новѣйшіе изслѣдователи одинаково согласны. Многіе приводятъ примѣръ вельможи Фіача, который, будучи обращенъ въ христіанство, могъ читать латинскій псалтырь на другой же день. Французскій ученый d'Arbois de Jubainville находитъ, что это возможно; Фіачъ не могъ не знать азбуки огамовъ, а латинская азбука и огамы отличались другъ отъ друга только формой буквъ.

Настоящая ирландская азбука, приписываемая св. Патрику, какъ и все остальное въ дѣлѣ христіанскаго просвѣщенія, на первый взглядъ кажется чѣмъ-то восточнымъ, не имѣющимъ ничего общаго съ другими азбуками западной Европы. Но при ближайшемъ знакомствѣ съ ней становится очевидно. что она, какъ и всѣ остальныя, только видоизмѣненіе азбуки латинской. Но трудно повѣрить, чтобы понятіе о буквахъ впервые было занесено въ Ирландію св. Патрикомъ, т. е. только въ III—IV вѣкѣ по Р. Х. Статочное ли дѣло, чтобы страна, которая, по свидѣтельству всѣхъ народныхъ сказаній, а также и рукописныхъ историческихъ матеріаловъ, была посѣщаема и греками, и финикіянами въ продолженіи цѣлыхъ вѣковъ, не имѣла бы письменнаго способа для своихъ внѣшнихъ торговыхъ и политическихъ сношеній? По всей вѣроятности, ирландская азбука старше ея христіанства; да очень возможно и то, что и самый огамъ не болѣе, какъ нѣчто въ родѣ стенографическаго изображенія буквъ, занесенныхъ въ Ирландію другими, болѣе культурными народами въ неизслѣдованныя исторіей времена.

Съ христіанствомъ теченіе ирландской письменности входитъ въ болѣе спокойное и вѣрное русло. Къ чести римскихъ просвѣтителей страны, исторія показываетъ, что они ни мало не навязывали ей своего языка, а напротивъ, позволили ирландской письменности идти и развиваться бокъ-о-бокъ съ латинской. Наступило время блистательнаго процвѣтанія монастырской науки и литературы. На искусныхъ книгописцевъ былъ великій запросъ и ихъ трудъ оплачивался такъ хорошо, что мастерство ихъ сдѣлалось въ высшей степени почтеннымъ. Бѣдняки, желавшіе учиться, легко получали поддержку и деньгами и книгами отъ самого народа.

Скандинавія, весь сѣверъ Европы, Франція и Испанія были въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Ирландіей. Ея монастыри, порты и ярмарки посѣщались южными кельтами, греками, саксонцами, бритами, римлянами и даже египетскими монахами. Широкая морская дорога пролегала въ Ирландію со всѣхъ сторонъ. Непроглядная тьма уже охватила остальную феодальную Европу, когда въ Ирландіи звѣзда просвѣщенія продолжала блистать съ неизмѣнной яркостью. Воспоминаніе объ этомъ времени живо еще и до сихъ поръ въ памяти народной. До сихъ поръ еще разсказываются по деревнямъ сказки и преданія о высокой степени просвѣщенія духовенства той эпохи.

До сихъ поръ сохранилось письмо монаха Куміана, жившаго въ началѣ седьмого вѣка, о которомъ профессоръ Стоксъ говоритъ слѣдующее: «По моему, это сочиненіе поразительно именно обширностью своей учености. Кромѣ св. писанія и латинскихъ авторовъ, оно упоминаетъ греческихъ писателей, какъ Оригенъ, Кириллъ, Пахомій, который стоитъ во главѣ реформъ въ монастырской жизни Египта. Куміанъ разсуждаетъ о календаряхъ македонянъ, евреевъ и коптовъ, употребляя греческія, еврейскія и египетскія названія мѣсяцевъ и цикловъ, и сообщаетъ, что онъ былъ посланъ за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ въ числѣ депутаціи ученыхъ, чтобы убѣдиться насчетъ обычая римской церкви относительно празднованія Пасхи. Достигнувъ Рима, они остановились на одномъ дворѣ съ грекомъ, евреемъ, египтяниномъ и скиѳомъ, которые сказали имъ, что во всемъ мірѣ принято праздновать Пасху римскую, а не ирландскую».

Установить время первыхъ писанныхъ документовъ Ирландіи едва ли возможно. Во-первыхъ, датчане и англичане были слишкомъ усердными ревнителями въ дѣлѣ уничтоженія всякой ирландской старины, и можно сказать безошибочно, что остатки ея письменности, существующіе въ нынѣшнихъ библіотекахъ, составляютъ очень и очень незначительную часть, по которой трудно судить о томъ, что въ былыя времена составляло достояніе всей съ незапамятныхъ временъ грамотной страны. Во-вторыхъ, старинные переписчики Ирландіи имѣли весьма скверную привычку: переписывая, они передѣлывали правописаніе словъ на новый ладъ и даже замѣняли всѣ выходившіе изъ употребленія обороты новѣйшими. Этимъ они оказывали услугу своей странѣ, дѣлая старинныя рукописи доступными пониманію своихъ современниковъ, и вмѣстѣ создавали непреодолимое затрудненіе для любознательности своихъ потомковъ. И самый искусный знатокъ не рѣшится теперь сказать, что та или другая рукопись дѣйствительно произведеніе *второго* вѣка, только подновленное и исправленное сообразно съ грамматикой и вкусомъ *двѣнадцатаго* или *тринадцатаго*,—такъ какъ весьма возможно, что въ ней просто-на-просто заключается произведеніе гораздо позднѣйшихъ вѣковъ, которое народная молва понапрасну приписываетъ какому-нибудь стародавнему любимому поэту.

Самымъ первымъ поэтомъ Ирландіи считается *Амерджинъ*, братъ Эвира, Ира и Эремона, милезійскихъ царей, покорившихъ страну за много сотъ лѣтъ до Р. Х. Благоговѣйныя чувства человѣка, познавшаго Бога въ природѣ, достигаютъ въ его стихахъ рѣдкой высоты и величія. Въ нихъ звучитъ что-то незнаемое и высокое, положительно напоминающее «голосъ изъ вихря», вѣщавшій многострадальному Іову: «развѣ вы присутствовали при построеніи основъ міра и отверзались ли когда предъ вами врата смерти»...

Вотъ построчный переводъ одной изъ его поэмъ:

«Я вѣтеръ, дышащій надъ поверхностью морской,
«Я волна океана,
«Я ропотъ валовъ морскихъ,
«Я телецъ семи сраженій,
«Я коршунъ на утесѣ,
«Я солнечный лучъ,
«Я самое прекрасное среди растеній,
«Я храбрость дикаго кабана,
«Я лосось въ водѣ,
«Я озеро на равнинѣ,
«Я слово познанія,
«Я остріе копья въ битвѣ,
«Я Богъ, творящій помысломъ своимъ.
«Кто озаряетъ свѣтомъ нагорную стычку, если не я?
«Кто возвѣщаетъ ростъ луны?
«Кто указываетъ солнцу мѣсто его заката?» и т. д.

Ради сравненія, привожу нѣсколько строкъ изъ Бхагавадгиты, священной книги индусовъ, написанной по опредѣленію европейскихъ ученыхъ, двѣ или три тысячи лѣтъ тому назадъ, хотя сами индусы и считаютъ ее гораздо древнѣе:

«Между сынами великой Матери, я тотъ, который все собою наполняетъ,
«Я лучистое солнце среди свѣточей небесныхъ,
«Между вѣтрами я царь-вѣтеръ,
«Я мѣсяцъ въ обители звѣздъ,
«Между способностями человѣка я разумъ,
«Я сознаніе существъ,
«... Между неподвижнымъ я Гималайскій хребетъ,
«Между деревьями я фиговое дерево, я пѣвецъ небесный...» и т. д.

Другой великій поэтъ языческой Ирландіи жилъ въ третьемъ вѣкѣ уже нашей эры. Впрочемъ, несмотря на сравнительную близость эпохи, его языкъ полонъ такихъ древнихъ словъ и выраженій, что современные переводчики никакъ не могутъ согласиться насчетъ ихъ точнаго смысла. Его поэзія можетъ служить образчикомъ пасторальной. Напримѣръ:

*

«Майскій день, прелестное время;
«Какъ прекрасны краски;
«Черные дрозды распѣваютъ свои саги,
«Ахъ, если бы Лагхай была здѣсь!
«Кукушки не умолкаютъ;
«Какъ пріятно встрѣчать великолѣпіе этого времени;
«На опушкѣ развѣсистаго лѣса, ласточки рѣютъ надъ потокомъ,
«Быстроногія лошади тянутся къ водѣ.
«Верескъ развѣваетъ по воздуху свои вѣтви, словно длинные волосы и т. д.».

Несмотря на то, что эти строчки не могли не пострадать отъ двойного перевода, довольно и ихъ, чтобы сказать, что народъ еще не достигшій высокой степени культуры, не могъ бы производить поэтовъ, подобныхъ ихъ автору. Просвѣщенность ирландцевъ начала христіанской эры, можно даже сказать, ихъ утонченный вкусъ станутъ еще удивительнѣе, если мы примемъ во вниманіе, что, по увѣреніямъ всѣхъ знающихъ людей, прелесть древнихъ ирландскихъ стихотвореній заключается гораздо больше въ изяществѣ и законченности внѣшней отдѣлки, чѣмъ въ глубинѣ и богатствѣ темъ.

Изысканность и прихотливость литературнаго вкуса, развитыя насчетъ дѣйствительнаго творчества мысли, всегда и вездѣ признакъ очень знаменательный, безошибочно указывающій на упадокъ жизненныхъ силъ народа. Раблэ, порою рѣжущій правду въ самыхъ грубыхъ выраженіяхъ и грязныхъ образахъ, но зато полный молодыхъ силъ, дышащій здоровьемъ мысли и нравственно-вѣрнымъ чутьемъ, и такая писательница, какъ m-lle де-Скюдери, манерная, изысканная, но совершенно пустая и глубоко-безнравственная, не могли бы умѣститься въ одномъ вѣкѣ. Величественный и глубокій, но бѣдный словами Амерджинъ долженъ быть отдѣленъ отъ автора «Майской пѣсни» не только длиннымъ рядомъ вѣковъ, но и коренным различіемъ, происшедшимъ въ духѣ народномъ, его вкусѣ, мысли, нравственной плодовитости. «Майская пѣсня» граціозна и мила; даже въ современномъ читателѣ она вызываетъ свѣжее, хотя немножко грустное настроеніе, словомъ, настроеніе весеннее. Но и только. Величественное въ природѣ уже не дѣйствуетъ на оскудѣвшій сравнительно съ Амерджиномъ духъ ея автора: у него только и есть глаза и уши для «хорошенькаго». Зато онъ много искуснѣе Амерджина. Все это, вмѣстѣ взятое, наглядно показываетъ, какъ старъ былъ ирландскій народъ въ третьемъ вѣкѣ по Р. Х., то-есть, уже тогда, когда другія страны Европы едва-едва начинали собирать этнографическія единицы, изъ которыхъ предстояло выработаться ихъ будущимъ національностямъ.

Нравственные идеалы языческой Ирландіи выражены очень ярко въ діалогѣ «Наставленія царевичу», о которомъ ученые говорятъ, что онъ существовалъ «задолго до христіанской эры».

Царевичъ спрашиваетъ отца:

«— Какъ ты велъ себя, когда былъ юношей?»

Царь отвѣчаетъ:

«— Я былъ веселъ на пирахъ, страшенъ въ сраженіяхъ, но бдителенъ и остороженъ. Я заботился о друзьяхъ своихъ, я былъ врачемъ больныхъ, я былъ милостивъ со слабыми, но взыскателенъ съ упрямыми. Несмотря на то, что я обладалъ познаніями, я былъ склоненъ къ молчаливости. Я былъ могучъ, но не высокомѣренъ. Я не былъ тщеславенъ, хотя былъ доблестенъ. Говоря о человѣкѣ въ отсутствіи его, я хвалилъ, а не бранилъ его, ибо только такимъ поведеніемъ мы показываемъ, что обладаемъ учтивостью и просвѣщеніемъ... Если захочешь исполнить завѣтъ мой, ты не будешь смѣяться надъ старыми, хотя самъ ты юнъ, ни надъ бѣдными, хотя самъ ты носишь богатое платье... Не будь ни безпеченъ, ни пристрастенъ, ни скупъ, ни празденъ, ни завистливъ, потому что всѣ таковые суть предметъ ненависти какъ для боговъ, такъ и для людей»...

Въ этомъ родѣ діалоги растянуты на многихъ страницахъ, и опять-таки показываютъ, что ирландцы языческихъ временъ были не дикарями, которые, подобно всѣмъ юнымъ племенамъ, только и умѣли сражаться, предаваться воровскимъ набѣгамъ да пьянымъ пирушкамъ, а, напротивъ, народомъ много пожившимъ, много подумавшимъ, собравшимъ богатый жизненный опытъ, который успѣлъ выработаться въ совершенно опредѣленный идеалъ нравственности.

Нельзя не замѣтить, однако, что, несмотря на свои неоднократные совѣты сыну придерживаться безпристрастности, самъ мудрый царь далеко не безпристрастенъ въ своихъ отзывахъ о женщинахъ. Впрочемъ, женщины могутъ утѣшаться тѣмъ, что всѣ черезчуръ строгіе ихъ судьи, начиная съ царя Соломона и кончая Шопенгауэромъ, находили въ вопросѣ слишкомъ личный интересъ, чтобъ оставаться безпристрастными. Очевидно, древнія ирландки «насолили»-таки порядкомъ царственному мудрецу, потому что на вопросъ «о, внукъ великаго Кона, какъ мнѣ распознавать характеры женщинъ?» онъ отвѣчаетъ:

«— Я знаю ихъ, но не могу найти словъ, чтобы описать ихъ. Сужденія ихъ неразумны, онѣ легко забываютъ любовь; онѣ въ высшей степени настойчивы въ своихъ причудахъ и любятъ все суетное; онѣ склонны давать неосновательныя обѣщанія и употреблять бранныя слова; онѣ кичатся другъ предъ другомъ числомъ людей, выражающихъ желаніе жениться на нихъ; онѣ упрямы во враждѣ и не умѣютъ веселиться на пирахъ; ихъ трудно склонить къ примиренію; онѣ сварливы и многословны. Пока зло не сдѣлается добромъ, пока солнце не скроетъ свѣта своего, пока звѣзды небесныя не падутъ на землю, до тѣхъ поръ женщина останется, какъ я описалъ ее. Горе тому, сынъ мой, вожделѣнія котораго стремятся къ дурной женщинѣ и который работаетъ на нее. Горе всякому, у кого злая жена!»

Это звучитъ ужъ совсѣмъ по современному. Никто бы не удивился, еслибъ подъ этимъ плодомъ «ума холодныхъ наблюденій и сердца горестныхъ замѣтъ» стояло имя Золя, Ибсена или любого изъ нынѣшнихъ спеціалистовъ по этому спорному вопросу.

III.

Поэзія Ирландіи до сихъ поръ сохранила достоинства, совершенно независимыя отъ исключительно археологическаго интереса. Законодательство ея, такъ называемые «Brehon Laws», отъ слова «brehon»—судья, надъ которыми работаетъ теперь профессоръ дублинскаго университета Аткинсонъ, обѣщаютъ привлечь вниманіе не однихъ юристовъ. Но ярче всего ея самобытное творчество сказалось въ ея великолѣпныхъ эпическихъ поэмахъ.

Ихъ очень много, а варіантовъ и пересказовъ на каждую изъ нихъ безчисленное количество; но, несмотря на мѣстныя племенныя разногласія, въ главныхъ чертахъ онѣ удивительно однородны. Писаны онѣ неровно, иногда стихомъ, иногда прозой, иногда и стихомъ, и прозой. Стихотворная часть, обыкновенно произносимая нараспѣвъ, какъ и у нашихъ былинщиковъ, носитъ характеръ болѣе древній. Это даетъ нѣкоторымъ ученымъ поводъ предполагать, что нѣкогда всѣ поэмы цѣликомъ были въ стихахъ, но что съ теченіемъ времени, по мѣрѣ того, какъ это наслѣдіе старины начинало позабываться, новыя поколѣнія олавовъ замѣняли утерянныя строфы прозою, передавая только самый смыслъ ихъ. Существуетъ такъ же предположеніе, что въ позднѣйшія времена олавы стали записывать и сочинять смѣшаннымъ стилемъ уже сознательно, такъ какъ ихъ слушатели были слишкомъ привычны къ нему.

Нѣкоторыя ирландскія поэмы дышатъ именно тою архаическою важностью и безстрастностью, какая найдется только въ очень древнихъ сказаніяхъ о чисто стихійныхъ герояхъ въ родѣ Прометея, или нашего Святогора-богатыря; другія берутъ происхожденіе уже въ христіанскихъ, можно сказать, почти историческихъ временахъ. Соотвѣтственно ихъ древности онѣ раздѣляются на три періода:

1) періодъ миѳическій;

2) періодъ войнъ между Конкобаромъ-Макъ-Нессой, царемъ Улы (нынѣшній Ульстеръ), и Мивъ, царицей Конота, или же по ирландски Конахта,

и 3) періодъ странствованій Оссіана.

Передвиженія и вражда до-историческихъ племенъ, вождей которыхъ потомство возвело на степень боговъ, составляютъ темы поэмъ *миѳическаго періода*. Нѣкоторые ученые думаютъ, что иныя изъ нихъ касаются выходцевъ съ погибшаго материка Атлантиды, которые искали убѣжища въ нынѣшней Португаліи, Испаніи и Ирландіи. Исчезновеніе

Атлантиды теперь признанный фактъ. Фактъ и то, что народамъ, населявшимъ когда-то этотъ громадный материкъ, надо было куда-нибудь дѣваться, когда ихъ земля начала рушиться и исчезать. И естественнѣе всего предположить, что они спаслись на ближайшія земли, къ числу которыхъ, конечно, принадлежитъ Ирландія. Но исторія родилась, быть можетъ, цѣлыя тысячелѣтія послѣ этого великаго событія въ жизни земного шара, и ничего положительнаго о немъ сказать не можетъ. Но если даже и допустить, что самыя древнія легенды Ирландіи ведутъ рѣчь о ближайшихъ потомкахъ тѣхъ людей, которые были свидѣтелями его, то все-таки намъ плохая надежда понять настоящій смыслъ этого темнаго въ своей ветхости языка, этихъ странныхъ и сложныхъ противорѣчивыхъ образовъ.

Миѳическій періодъ представляетъ слишкомъ безнадежную путаницу правдоподобнаго съ небывалымъ, жизни съ вымысломъ, боговъ со смертными и разобраться въ немъ чрезвычайно трудно, хотя матеріаломъ этотъ періодъ совсѣмъ не богатъ, сравнительно съ двумя послѣдующими даже бѣденъ. Отъ одного вида длиннѣйшихъ кельтскихъ именъ той эпохи у непривычнаго человѣка начинаетъ рябить и въ глазахъ, и въ мозгу, а изобразить ихъ русскими буквами совершенно превышаетъ мои силы. По этимъ двумъ причинамъ, я оставляю этотъ періодъ въ сторонѣ. Хотя, конечно, съ чисто научной точки зрѣнія, космогонія и миѳологія древнихъ кельтовъ имѣютъ громадныя, совершенно самобытныя достоинства, по значенію ни мало не уступающія греческимъ миѳамъ или норвежской Калевалѣ.

Перехожу къ царицѣ Мивъ и Конкобару.

Въ тѣ времена, то-есть, приблизительно незадолго до Р. Х., Ирландія дѣлилась на нѣсколько воинскихъ союзовъ, изъ которыхъ, подобно рыцарскимъ орденамъ среднихъ вѣковъ, каждый обладалъ особымъ уставомъ и тайными обѣтами, обязательными для каждаго новаго воина, при его посвященіи. Самымъ сѣвернымъ изъ этихъ союзовъ были воины Красной Вѣтви, во главѣ которыхъ стоялъ Конкобаръ-Макъ-Несса, такъ что второй періодъ ирландскаго эпоса извѣстенъ также подъ именемъ періода Красной Вѣтви.

Главный герой и богатырь этой эпохи Сетанта, сынъ Суалтама, по прозвищу Кахуланъ, «кроткій, прекрасный и непобѣдимый». Привожу о немъ нѣсколько сказаній, заимствуя ихъ изъ «Исторіи Ирландіи» Стандиша О'Грэди, а также и изъ другихъ источниковъ.

Посвященіе Кахулана. Темной ночью въ мѣсяцѣ Огней Белена, Катва, друидъ и звѣздочетъ, смотрѣлъ на небо, чтобы узнать будущее. Кахуланъ стоялъ подлѣ него. Кахуланъ горячо привязался къ старику друиду и радовался, когда тотъ позволялъ ему присутствовать при его таинственныхъ работахъ.

Старикъ спросилъ:

— Сетанта, исполнилось ли тебѣ шестнадцать лѣтъ?

— Нѣтъ еще, отецъ.

— Царь Конкобаръ будетъ противиться твоему посвященію въ воины его. Но звѣзды небесныя открыли мнѣ, что тотъ, которому сынъ Нессы пожалуетъ завтра оружіе, сдѣлается великимъ воиномъ, имя котораго будетъ памятно многіе вѣка во всѣхъ концахъ земли. Ты получишь оружіе завтра, но вслѣдъ затѣмъ ты вернешься въ кругъ подростковъ-товарищей. Сила твоя еще не достигла полной зрѣлости, и рано тебѣ становиться въ ряды взрослыхъ воиновъ.

Въ тотъ же день, окруженный дворомъ, воинствомъ царства и юными товарищами Кахулана, царь Конкобаръ, сынъ Нессы, выдалъ воину-мальчику полное боевое вооруженіе. А Кахуланъ произнесъ обѣты Красной Вѣтви и наложилъ на себя обычный тайный зарокъ. Получивъ оружіе изъ рукъ царя, мальчикъ долго осматривалъ его; потомъ онъ сталъ бить копья одно о другое и пробовать крѣпость щита остріемъ меча своего. И копья разбились въ мелкія дребезги, и погнулся мечъ, и щитъ испещрился дырами во многихъ мѣстахъ.

— Хрупкое оружіе ты выдалъ мнѣ, о царь! — сказалъ Кахуланъ.

Тогда царь пожаловалъ ему другое вооруженіе, которое было и тяжеле и крѣпче. Но и его Кахуланъ легко разбилъ на куски.

— Это оружіе еще хуже, о сынъ Нессы! Хотя я все еще не вышелъ изъ дѣтскихъ лѣтъ, но не пристало тебѣ, о предводитель Красной Вѣтви, издѣваться надо мною, да еще предъ лицомъ всего клана Рури, въ самый тотъ день, когда на меня возложены обѣты и оружіе воина Красной Вѣтви.

Конкобаръ былъ много утѣшенъ зрѣлищемъ великой силы въ такомъ юномъ тѣлѣ, а своеволіе дитяти много забавило его.

Кахуланъ стоялъ предъ царемъ, оглядывая быстрымъ окомъ толпу доблестныхъ мужей, окружавшихъ его, и глаза на дѣтскомъ лицѣ его сверкали ярче, чѣмъ отточенный клинокъ драгоцѣнной сабли. Конкобаръ подозвалъ одного изъ своихъ тѣлохранителей и послалъ его во дворецъ, откуда тотъ скоро возвратился, неся щитъ, мечъ и копья, которые могучій царь хранилъ въ запасѣ для себя самого. Кахуланъ долго потрясалъ ими, гнулъ ихъ и билъ ихъ одно о другое, но оружіе не поддавалось, не ломалось и даже не гнулось.

— Это хорошее оружіе, сынъ Нессы! — сказалъ Кахуланъ.

Вслѣдъ затѣмъ конюшіе подвели двухъ сильныхъ коней и боевую колесницу, и царь отдалъ ихъ Кахулану. Однимъ прыжкомъ юноша очутился въ колесницѣ. Широко разставивъ крѣпкія ноги, онъ долго топтался на мѣстѣ, и отъ тяжести его колесница нагибалась то налѣво, то направо, трясясь, скрипя и треща подъ нимъ. Наконецъ, ось треснула пополамъ и скоро весь тяжелый снарядъ распался на куски.

— Скверную колесницу ты далъ мнѣ, о царь! — сказалъ мальчикъ.

Одна за другой, три колесницы были подведены къ нему, и одну за другой онъ изломалъ ихъ всѣ три.

— Это плохія колесницы, о предводитель Красной Вѣтви! Неопытенъ тотъ воинъ, который согласится ринуться въ бой съ такою ненадежною гнилушкой подъ ногами.

Наконецъ, царь подозвалъ къ себѣ Кошря-Мендъ-Маху, сына своего, и приказалъ ему взять съ собою Лэга-воина и выкатить чудесную колесницу, находившуюся на его попеченіи, и запречь двухъ лошадей: сѣро-бѣлую кобылицу и еще другого вороного жеребца, который только-что былъ принесенъ въ даръ самому царю Келькаромъ, сыномъ Утера. А Лэгу-воину царь повелѣлъ быть возницей и оруженосцемъ Кахулана и выбрать себѣ всѣ доспѣхи и одѣяніе, соотвѣтствующіе этому званію, и облачиться въ нихъ. Ибо и самому царю, и всему его вѣрному воинству стало теперь ясно, что непобѣдимый орелъ воинской доблести былъ посвященъ въ тотъ день Конкобаромъ стать въ ряды ихъ.

Какъ соколъ, низвергающійся съ утеса, надъ главой котораго бушуетъ вѣтеръ, или какъ весенній вихрь, безпрепятственно несущійся надъ гладкой равниной, или какъ быстрый олень, впервые поднятый съ логовища стаей свирѣпыхъ псовъ и стремглавъ спасающійся отъ нихъ на открытомъ полѣ, такъ кони новаго воина предстали очамъ сыновъ Улы, и сильная рука Лэга не могла сдержать ихъ. Одна бѣлая, другая черная, лошади рвались впередъ, будто пламя растилалось подъ копытами ихъ. Земля подъ ними дрожала и трескалась. Отъ быстроты этого неудержимаго бѣга тяжелыя колеса цѣльной бронзы, сливаясь, мелькали какъ два круга красно-желтаго пламени, и вся колесница гудѣла и стонала, будто живая, ибо, воистину, полчища демоновъ войны вселились въ нее.

Дрогнуло сердце Кахулана, лишь только онъ заслышалъ далекій гулъ, громовые раскаты колесъ и бѣшеное ржаніе бѣгуновъ. Лэгъ, выпрямившись во весь ростъ, стоялъ въ колесницѣ, изо всей силы стараясь укротить коней. Поровнявшись съ собраніемъ, онъ умѣрилъ ихъ бѣгъ, но отъ разгорѣвшейся оси еще долго слышалось слабое гудѣніе. Такъ затихаетъ рыкъ дикаго звѣря, который только-что весь извивался и прядалъ въ припадкѣ бѣшеной злобы, а теперь отдыхаетъ, еще не придя въ себя.

Все сборище подняло радостный неумолчный кличъ въ честь Кахулана. А онъ самъ, Сетанта, сынъ Суалтама, съ разбѣга прыгнулъ въ колесницу, съ короткимъ восклицаніемъ воина-побѣдителя и сталъ, вертя копье надъ головою.

И не одни смертные дали волю шумному восторгу, когда величайшій изо всѣхъ великихъ богатырей Эрина, вооруженный съ ногъ до головы, будто для боя, впервые сталъ въ боевую колесницу предъ царемъ, доблестными князьями клана Рури, храбрымъ воинствомъ и всѣмъ народомъ столицы Эманіи *),—самый воздухъ гудѣлъ и стоналъ,

---

*) Эманія—римское имя Эмаинъ-Махи.

полный невидимыхъ зрителей: то кричали дикіе духи лѣсовъ и демоны, обитатели воздуха, ибо знали и они, что свершилось посвященіе того, имя котораго раздастся во всѣхъ концахъ земли и не забудется многіе вѣка.

Движеніемъ руки Кахуланъ приказалъ Лэгу дать полный бѣгъ лошадямъ, и колесница взвилась и исчезла въ одно мгновеніе ока. Три раза облако пыли, среди котораго сверкало оружіе, двигались ретивые кони и виднѣлся неясный образъ могучаго богатыря, исчезало и показывалось снова. Какъ птица на быстрыхъ крыльяхъ, такъ и юный герой на боевой колесницѣ три раза облетѣлъ вокругъ укрѣпленныхъ стѣнъ столицы Эманіи».

...Послѣ того его доспѣхи были повѣшены въ оружейной самого царя. А Кахуланъ вернулся къ мальчикамъ товарищамъ, игралъ, учился и спалъ, какъ и они, но долго еще не выходилъ сражаться вмѣстѣ съ остальными воинами Красной Вѣтви.

Борьба съ царицей Мивъ. Прошли года. Царица Мивъ, поссорившись съ Конкобаромъ-Макъ-Нессой изъ-за священнаго быка, поднялась на него. Съ нею шли всѣ подвластные ей князья и воины, и слава великолѣпной царицы была такова, что къ ней примкнуло много другихъ добровольныхъ союзниковъ. И по великолѣпію и численности, отъ начала вѣковъ не бывало въ Ирландіи войска, подобнаго этому. Воинамъ Красной Вѣтви, населявшимъ Улу, предстояла трудная задача одолѣть непріятеля, во много разъ превосходившаго ихъ числомъ. Но на нихъ было наслано бѣдствіе еще горше этого: отъ колдовства волшебницы, дружественной царицѣ Мивъ, на сѣверъ Ирландіи спустился «друидическій туманъ». Воины и правители Улы потеряли разумъ. Одинъ изъ нихъ принялся воздвигать высочайшій погребальный курганъ въ память друга, котораго онъ только воображалъ умершимъ, и такъ былъ занятъ этой работой, что не понималъ ни слова, когда съ нимъ заговаривали о чемъ-нибудь другомъ. Другой выѣхалъ, со всѣми слугами и вассалами, на великолѣпную охоту и, день за днемъ, билъ звѣря, съ превеликимъ успѣхомъ и увлеченіемъ, и не подозрѣвая, что звѣрь этотъ—его же собственный многочисленный скотъ, въ ужасѣ разбѣгавшійся отъ его лютыхъ псовъ по полямъ и лѣсамъ. Старый Суалтамъ, отецъ Кахулана, посланный сыномъ предупредить царя, что полчища вражьи нагрянули съ юга и стоятъ уже въ нѣсколькихъ шагахъ отъ границы, потерпѣлъ полнѣйшую неудачу: Конкобаръ не могъ взять въ толкъ, о чемъ болтаетъ старикъ, и продолжалъ пировать, окруженный празднымъ воинствомъ своимъ. Два сына Конкобаровы, забывъ, что оба они храбрые витязи-красавцы, о которыхъ слава шла не въ одной Ирландіи, вдругъ вообразили себя бѣлками и гонялись другъ за другомъ по верхушкамъ деревъ, прыгая и цѣпляясь за вѣтви, съ глупымъ стрекотаніемъ и смѣхомъ. Некому было защитить страну, некому даже понять, какая великая бѣда угрожаетъ ей.

Но Кахуланъ избѣгъ общей участи. «Друидическій туманъ» не подѣйствовалъ на него. Не успѣвъ захватить свое лучшее оружіе, даже не предупредивъ вѣрнаго Лэга, онъ поспѣшилъ къ рѣчкѣ Унъ-Дія, на южномъ берегу которой раскинулся вражій станъ. Воинская слава Кахулана, не смотря на его молодость, была такъ велика, что одного его имени было довольно, чтобъ смутить гордую Мивъ. Она послала ему навстрѣчу своего полководца Фергюсъ-Макъ-Роя, поручивъ ему предварительные переговоры.

Въ старые годы этотъ Фергюсъ-Макъ-Рой былъ на службѣ у Конкобара. Онъ былъ заслуженный воинъ Красной Вѣтви и обладалъ великой мудростью. Никто лучше его не могъ внушить юношеству правила совершенной воинской чести и доблести, и благородныя семьи Улы посылали своихъ мальчиковъ учиться у него. Кахуланъ былъ въ числѣ его питомцевъ съ ранняго дѣтства; его рѣзвость, великодушіе и громадная сила обратили на него вниманіе суроваго наставника и старый воинъ привязался къ мальчику всѣмъ сердцемъ.

Но несмотря на вѣрную службу Фергюса, Конкобаръ поступилъ съ нимъ коварно и, въ награду за великую услугу, вѣроломно обманулъ его. Не снеся кровной обиды, Фергюсъ ушелъ на югъ и царица Мивъ сдѣлала его вождемъ всей своей рати. Но сдѣлавшись врагомъ родной земли, Фергюсъ-Макъ-Рой не умѣлъ охладить свое теплое сердце: онъ не забылъ своихъ бывшихъ питомцевъ, которые теперь уже всѣ успѣли возрасти и сдѣлаться славными витязями, и, несмотря на годы разлуки, Кахуланъ продолжалъ быть его любимцемъ.

О встрѣчѣ этихъ двухъ большихъ людей старинная пѣсня разсказываетъ такъ:

«Еще и солнце не проснулось, а уже старый Фергюсъ отъѣхалъ далеко въ лѣсъ. Онъ спустился на землю и велѣлъ возницѣ чутко стеречь лошадей, не двигаясь съ мѣста и не отлучаясь отъ нихъ. А самъ пошелъ одинъ одинешенекъ въ частый лѣсъ, высматривая въ лѣсной глуши засаду, откуда Кахуланъ билъ враговъ по ночамъ, метая въ ихъ станъ камни изъ пращи, самъ оставаясь невидимъ. Фергюсъ вскарабкался на высокій пригорокъ и, глубоко вздохнувъ, зычнымъ голосомъ кликнулъ: Сетанта—дѣтское имя, старое имя! Услыхавъ тотъ призывъ, Кахуланъ и не вспомнилъ, что то кровный врагъ призываетъ его. Оружіе онъ забросилъ въ кусты, выбѣжалъ изъ тайника, гдѣ никто не могъ отыскать его уже столько дней, и стрѣлою понесся по лѣсу. Онъ упалъ на грудь стараго учителя своего и обнималъ его, со многими слезами и поцѣлуями... Онъ устроилъ мягкое ложе изъ звѣриныхъ шкуръ, чтобы Фергюсъ отдохнулъ на немъ. Въ чистомъ лѣсномъ потокѣ онъ накололъ на копье двухъ лососовъ, а въ болотѣ понизовью его убилъ изъ пращи двухъ дикихъ гусей. Онъ зажарилъ ихъ на яркомъ огнѣ и досталъ изъ колесницы сосудъ со сладкимъ медомъ. И до самой вечерней звѣзды шло пированіе, а разговорамъ не было конца»...

Сперва южная царица надѣется подкупить Кахулана, потомъ обѣщаетъ ему свою дочь, красавицу Фіонаваръ и цѣлое царство, но тотъ не сдается. По прежнему, по ночамъ онъ бьетъ воиновъ въ станѣ ея, а днемъ скрывается въ лѣсной дебри, забавляясь двумя дроздами, которыхъ онъ умѣлъ приручить такъ хорошо, что птички эти летали за нимъ даже въ битву. Фергюсъ-Макъ-Рой принужденъ нѣсколько разъ выѣзжать на свиданія съ нимъ и почти каждый разъ застаетъ его лежащимъ на спинѣ, съ черной красноносой птичкой на пальцѣ, которую онъ учитъ свистать свои любимыя пѣсни. Переговоры кончаются тѣмъ, что Кахуланъ обѣщаетъ не разить больше враговъ невидимой рукой, но на слѣдующемъ условіи: ни воинъ, ни союзникъ царицы Мивъ не долженъ переходить границы, пока Кахуланъ въ силахъ каждый день биться то съ однимъ, то съ другимъ изъ ея отборныхъ витязей въ открытомъ поединкѣ. Самый цвѣтъ южнаго войска гибнетъ въ этой борьбѣ, но сразить Кахулана, даже изнуреннаго ежедневной борьбой, опасеніями за родину и недоумѣніемъ, отчего ни одинъ воинъ Улы не является къ нему на помощь, никому не удается. Долгое время его одиночными усиліями полчища Мивъ задержаны на южномъ берегу Унъ-Діи, но спасти Улу отъ иноплеменнаго вторженія ему не удается даже тогда, когда чары колдовства разсѣиваются и вся Красная Вѣтвь спѣшитъ къ нему на помощь.

Смерть Кахулана. Война длится долго, и гдѣ бы ни показался Кахуланъ, жители, прятавшіеся по лѣсамъ, возвращаются въ дома и снова берутся за заброшенныя работы; они вѣрятъ, что имъ нечего бояться, пока Кахуланъ защищаетъ ихъ. Несмотря на свое громадное численное превосходство, войско Мивъ не завоевало бы Улы, если бы Кахуланъ не погибъ въ западнѣ, въ которую былъ завлеченъ сверхъестественнымъ вмѣшательствомъ.

Подобно Аѳинѣ Палладѣ, Афродитѣ и другимъ олимпійцамъ въ троянской войнѣ, за Кахулана и противъ него сражаются разные боги и полубоги кельтской рассы. Таинственный кланъ Кайлитинъ, злые волшебники, не принадлежащіе ни къ богамъ, ни къ смертнымъ, преслѣдуетъ Кахулана въ его послѣдней битвѣ, порою принимая видъ боговъ или предковъ, которыхъ боготворитъ родъ Кахулана.

Легенда о смерти Кахулана полна глубокаго мистицизма, врожденнаго въ каждомъ истомъ ирландцѣ, и до сихъ поръ она служитъ любимой темой для музыкальныхъ и стихотворныхъ произведеній.

Черный скакунъ Кахулана погибъ въ сраженіи, но бѣлая волшебная кобылица, посланная на землю служить одному Кахулану, исчезаетъ обратно въ «Страну Вѣчной Юности». Лэгъ находится при послѣднемъ издыханіи и самъ герой израненъ на смерть. Умирая, Лэгъ говоритъ:

«— Прощай, о, милый господинъ мой и товарищъ дѣтскихъ игръ! До самой кончины міра ни у одного слуги не будетъ господина лучше тебя.

«И наклонился Кахуланъ и поцѣловалъ Лэга и сказалъ:

«— Прощай, милый Лэгъ! Боги Эрина покинули насъ, нѣтъ больше удержу клану Кайлитинъ, и чего ждать намъ впереди—я не знаю. Но до конца ты оставался вѣренъ и преданъ мнѣ. Семнадцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, что началась наша дружба, и ни разу не обмѣнялись мы сердитымъ словомъ».

Тогда духъ вышелъ изъ Лэга и онъ умеръ. А Кахуланъ, поднявъ глаза, увидѣлъ на сѣверѣ малое озеро, называемое Лохъ-анъ-Танайгтъ *), и, шатаясь и падая, дошелъ до него и, припавъ на берегу, напился студеной воды. Тогда лихорадка, палившая его, пріостановилась на время.

Потомъ онъ поднялся и увидѣлъ на сѣверѣ высокій каменный столбъ, поставленный надъ могилой древняго воина, погибшаго въ невѣдомомъ бою. Имя тому столбу было Каригъ-анъ-Кампанъ. На верхушкѣ его сидѣлъ черный воронъ, съ сѣрою шеею, который отлетѣлъ, лишь только Кахуланъ приблизился. Достигнувъ камня, Кахуланъ прислонился къ нему, потому что, отъ слабости, разсудокъ его колебался и онъ плохо видѣлъ.

Потомъ онъ отстегнулъ пряжку **) на груди своей и стянулъ долой свой изорванный плащъ. Онъ обернулъ имъ верхушку камня, гдѣ было выбито углубленіе, и потомъ, продѣвъ концы его у себя подъ руками, привязалъ себя къ столбу. Слабо дѣйствовали его пальцы и узелъ вышелъ слабый, но, отъ тяжести богатырскаго тѣла, онъ скоро сталъ тугъ и крѣпокъ.

Такъ исполнилось пророчество древняго барда: чтобы умереть ему не сидя и не лежа, а чтобъ умереть ему стоя.

Увидѣвъ Кахулана издали, войско Мивъ отступило назадъ, ибо воины ея говорили, что Кахуланъ безсмертенъ, что Лу-Ламфада (богоподобный предокъ Кахулана) снова появился на землѣ, оставивъ волшебную страну, и что, соединившись, они отомстятъ врагамъ своимъ страшною местью. Отъ того воины Мивъ попятились, увидя, что Кахуланъ все еще на ногахъ. А лучи заходящаго солнца ярко горѣли въ его ужасъ наводящемъ шлемѣ. Такъ стоялъ Кахуланъ, даже въ предсмертныхъ мукахъ внося смущеніе во вражій строй и оставаясь до конца вѣрной защитой для родины.

«И стоялъ Кахуланъ, умирая, а кровь, сочившаяся изъ многихъ ранъ его, собиралась въ одну струю и пробиралась алой, извилистой полоской

---

*) Неподалеку отъ города Дундаякъ; но въ настоящее время оно также зовется Лохъ-анъ-Кладовъ, озеро Меча, потому что въ другомъ варіантѣ Кахуланъ забрасываетъ свой мечъ въ озеро передъ смертью.

**) Этихъ пряжекъ, о которыхъ такъ часто говорится въ сказаніяхъ этого періода, большая коллекція въ Дублинскомъ музеумѣ. Онѣ похожи на брошки, съ непомѣрно длинной булавкой и сдѣланы очень тонко и красиво изъ такъ-называемой золотой бронзы, которая почти не поддается сырости.

въ прозрачныя воды чистаго озера. Глаза его слѣдили, какъ текла по камнямъ жизнь его, а въ глубинѣ разума его было много разныхъ помысловъ. Тѣмъ временемъ, изъ прибрежнаго камыша выплылъ водяной звѣрекъ, привлеченный запахомъ свѣжей крови, и, проскользнувъ по камешкамъ къ тому мѣсту, гдѣ кровь втекала въ озеро, сталъ лакать ее, изрѣдка поглядывая вверхъ, какъ то дѣлаетъ кормящійся песъ. Увидѣвъ то, Кахуланъ улыбнулся въ послѣдній разъ и сказалъ:

— О, жадная водяная собаченка! Часто, въ дѣтскихъ годахъ, гонялся я за родичами твоими въ рѣкахъ и озерахъ Муртемніи. Ты отомстилъ мнѣ за нихъ: я умираю, а ты пьешь мою кровь. Но я не жалѣю, что доставилъ тебѣ кровавый пиръ. Пей, пей, счастливый звѣрекъ! И для тебя, въ томъ нѣтъ сомнѣнія, настанетъ часъ скорби.

«И было ему видѣніе. Онъ увидѣлъ, будто Лэгъ подъѣхалъ къ нему на его черномъ конѣ, и былъ радъ, потому что Лэгъ прикладывалъ къ его ранамъ цѣлебную жидкость. И Кахуланъ сказалъ:

— Скачи прямо въ Эманію, о, Лэгъ! Скажи Конкобару, что здѣсь, въ Муртемніи, я буду биться за родину свою до послѣдняго вздоха. Передай привѣтъ мой дядѣ моему, великому царю Улы, и всей Красной Вѣтви. А потомъ пойди къ Эмеръ (женѣ Кахулана) и скажи, чтобы она не плакала въ разлукѣ со мной и сократила срокъ своей печали. Пока живу, я никогда не забуду ея.

«Тогда Лэгъ сердито нахмурилъ брови и сказалъ:

— О, Кахуланъ! прекрасной Эмеръ, твоей несравненной жены, ты не долженъ забывать ни во вѣки вѣковъ.

«И отъѣхалъ Легъ, и, прислушиваясь къ конскому топоту, удалявшемуся на сѣверъ, Кахуланъ почувствовалъ тоску и одиночество несказуемыя. И снова кланъ Кайлитинъ окружилъ его. Со злобнымъ смѣхомъ злые волшебники дразнили его и говорили:

— Да погибнешь ты, собака! И всѣ, подобные тебѣ, будутъ покинуты и позабыты и погибнутъ въ скорби и отчаяніи. Ранняя смерть и бѣдствія—вотъ ихъ удѣлъ, ибо мы правимъ людьми и богами, и міръ видимый и міръ невидимый въ рукахъ нашихъ.

«И они кружились вокругъ него, выкрикивая срамныя слова и торжествуя.

«Но имъ не удалось устрашить Кахулана. Живой родникъ непоколебимаго мужества открылся въ душѣ его, и мощь его безпредѣльнаго духа поддерживала его.

«И вдругъ злые духи шарахнулись прочь и исчезли, будто имъ привидѣлось нѣчто страшное. Оглянулся Кахуланъ и увидѣлъ, что подлѣ него стоитъ невѣдомое дитя необычайнаго вида, и, взявъ Кахулана за руку, дитя сказало:

— Не слушай этихъ сыновъ зла, о братъ мой! Ихъ побѣда невѣрна и торжество ихъ кратковременно.

«А Кахуланъ сказалъ:

— Кто ты, о богъ, обратившій потомковъ злого Кайлитина въ бѣгство?

«Такъ умеръ Кахуланъ, кроткій, прекрасный и непобѣдимый»...

Этой поэмой и ея варіантами заканчивается эпосъ эпохи Конкобара и Мивъ. Собственно о Кахуланѣ легенды создавались еще долгое время. Напримѣръ, та, въ которой Христосъ посылаетъ ангела за нимъ въ адъ, чтобы вывести его оттуда, или та, которая разсказываетъ, что незадолго до проповѣди св. Патрика, во многихъ мѣстахъ Ирландіи народъ видѣлъ Кахулана и Лэга, несшихся на воздушной колесницѣ и громко возвѣщавшихъ пришествіе новой вѣры. Существуетъ также средневѣковое преданіе о монахѣ, которому, на молитвѣ, было дано видѣніе ада, гдѣ въ огнѣ неугасимомъ мучились многіе знаменитые язычники и между ними Кахуланъ.

Но такого рода произведенія, разумѣется, нельзя помѣстить на ряду съ остальнымъ эпосомъ Красной Вѣтви.

IV.

Женитьба, подвиги и смерть Кахулана окружены многими чудесными, смахивающими на сказку обстоятельствами, но самъ онъ считается достовѣрнымъ историческимъ лицомъ. Время его подвиговъ опредѣляется самымъ началомъ христіанской эры, такъ какъ въ годъ Рождества Христова ему было уже восемнадцать лѣтъ. А между тѣмъ, какъ не безъ гордости замѣчаютъ многіе ирландскіе писатели, несмотря на эту громадную давность, память народная сохранила образы, имена и событія, воспѣваемые этимъ древнимъ эпосомъ, съ замѣчательной отчетливостью. Анахронизмъ — явленіе, небывалое въ этомъ циклѣ сказаній.

Объясненіе этому удивительному явленію можно найти въ двухъ чертахъ ирландской исторіи: 1) олавы, вѣковые хранители старинныхъ преданій, были люди грамотные, которые записывали выдающіяся черты каждаго изъ нихъ, съ великимъ тщаніемъ, и школы которыхъ существовали въ Ирландіи чуть-что не до самыхъ среднихъ вѣковъ, бокъ-о-бокъ съ распространявшимся христіанствомъ; 2) древнія ирландскія сказанія—не дѣтскій неумѣлый лепетъ зарождающагося народа, а послѣднее слово старой годами и опытомъ расы, плодъ забытой нами, сошедшей со сцены житейской, но вполнѣ законченной цивилизаціи, у которой были твердо установившіеся идеалы и условія общественной жизни, а также великое умѣнье обращаться съ даромъ слова.

Не даромъ этруски, которыхъ зарождающійся Римъ засталъ уже вполнѣ возмужалымъ племенемъ, съ развитымъ искусствомъ и гражданственностью, считаются многими учеными только вѣтвью великаго кельтскаго племени.

Щедрый, привѣтливый, гостепріимный, но невѣрный въ дружбѣ и

нерѣшительный Конкобаръ или Коноръ-Макъ-Несса совершенно вѣрный типъ благороднаго кельта, вполнѣ отвѣчающій описаніямъ многихъ древнихъ римскихъ и греческихъ писателей. Веселость, общительность, добродушіе, великая страсть къ забавамъ, вмѣстѣ съ тѣмъ непостоянство и слишкомъ большая впечатлительность, порождавшія коварство — вотъ черты, которыя приписывались кельтамъ и Страбономъ, и Юліемъ Цезаремъ. Но не надо забывать, что Юлій Цезарь познакомился съ галлами, когда тѣ уже достигли эпохи упадка. Съ такими царями, какъ Конкобаръ-Макъ-Несса во главѣ, кельты встрѣтили свою дряхлость, вслѣдъ за которой скоро наступило уничтоженіе: въ его царствованіе воины Красной Вѣтви были стерты съ лица земли, чего не могло бы случиться съ народомъ молодымъ, полнымъ жизненныхъ силъ.

Фергюсъ-Макъ-Рой, «великій изгнанникъ», храбрый, мудрый и вѣрный въ дружбѣ, въ большой душѣ котораго какъ бы совмѣстились всѣ добрыя качества изъ «наставленій царевичу»; Оліоль, немощный и покорный супругъ царицы Мивъ; сама царица, честолюбивая жестокая и хитрая; молодой витязь Фердія, сынъ Домана, сынъ Дэри, задумчивый и скорбный, тоскующій по былому величію своего народа; Лэгъ, прибѣгающій къ пѣснямъ странствующаго барда, какъ къ средству размыкать грусть; Эмеръ, поэтически прелестная жена Кахулана, и десятки другихъ совершенно сложившихся опредѣленныхъ типовъ—вотъ богатство этого періода ирландской словесности. Ихъ жизненная правда, близость ихъ чертъ и чувствованій къ нашимъ просто паразительны, если вспомнить, какъ далеко ихъ время отъ нашего. Яркость описаній, вѣрность людскихъ характеровъ и великолѣпная образность языка должны бы доставить этимъ поэмамъ почетное мѣсто въ европейской литературѣ всѣхъ вѣковъ, быть можетъ, поставить ихъ совершенно заслуженно на ряду съ Гомеромъ.

Кромѣ Гомера, нигдѣ ежедневная жизнь языческой Европы не отразилась такъ ярко и такъ полно, какъ въ ирландскомъ эпосѣ.

Желающій познакомиться хотя сколько-нибудь съ народами, населявшими бóльшую часть Европы до Р. Х., поневолѣ долженъ смотрѣть на нихъ сквозь далеко небезпристрастные, а слѣдовательно, и невѣрные очки римскихъ и греческихъ писателей, которые смотрѣли на весь міръ съ высоты своего величія и даже сочинили слово «варваръ», въ его обидномъ смыслѣ, для всѣхъ, кто не былъ грекомъ и римляниномъ. У европейской читающей публики вообще до сихъ поръ не было иной возможности узнать, какъ жила, какъ думала, къ чему стремилась великая раса, представители которой находились и въ Галліи, и въ Бельгіи, и въ Сѣверной Италіи, и въ Германіи, и во всей остальной Западной Европѣ, которая воевала въ стародавнія, забытыя времена съ Римомъ и Греціей и посылала колонистовъ въ Малую Азію.

А узнать объ этомъ подробнѣе и, по всей вѣроятности, вѣрнѣе, наука можетъ, пока Ирландія не окончательно забыла свой старин-

ный говоръ, пока трудности ея стариннаго книжнаго языка все еще могутъ быть облегчены и объяснены родственными имъ живыми формами. Задавшись этою цѣлью, французъ de Jubainville много сдѣлалъ для науки, но область его изученія была недостаточно широка, чтобы дать результаты болѣе общаго интересы; онъ разработалъ только миѳологію ирландцевъ сравнительно съ миѳологіями другихъ кельтскихъ племенъ.

Познакомить Европу съ кельтской древностью по ирландскимъ источникамъ, конечно, прямое дѣло самихъ ирландцевъ. Но ирландцы ропщутъ на судьбу и ненавидятъ англичанъ, не дѣлая ничего, что бы сняло поклепъ хотя бы съ ихъ славнаго прошлаго.

А жаль. Описаніе битвъ и домашняго быта въ ирландскихъ сказаніяхъ полны подробностей, которыя способны пополнить множество пробѣловъ въ нашемъ знакомствѣ съ древней Европой, да и вообще пролить новый свѣтъ на тѣ исчезнувшія племена, отъ которыхъ пошла бо̀льшая часть европейскихъ народовъ. Картины общественной и семейной жизни, которыми изобилуютъ эти сказанія, изображаютъ не исключительно древнихъ ирландцевъ: онѣ сохранили память о многихъ чертахъ, общихъ всей кельтской расѣ, населявшей когда-то полъ-Европы. Творенія старинныхъ, но все еще не позабытыхъ писателей въ томъ порука.

Посидоніусъ, писавшій во времена Цицерона, мимоходомъ упоминаетъ, что у южныхъ галловъ былъ обычай на пирахъ отдавать самый лучшій кусокъ воину, который долженъ былъ бороться за него со всѣми желающими. Человѣкъ, знакомый съ ирландскимъ эпосомъ, вспомнитъ, что на этомъ обычаѣ построена одна изъ самыхъ распространенныхъ въ Ирландіи легендъ, въ которой завистливый Брикріу сѣетъ раздоръ между самыми дружными воинами Красной Вѣтви изъ-за этого «куска героевъ». Она даже разсказываетъ, что «кусокъ» этотъ состоялъ изъ «семилѣтняго борова и семилѣтней коровы, которые отъ рожденія были вскормлены пшеницей и свѣжимъ молокомъ», что на закуску вслѣдъ за ними герой получалъ «сто пшеничныхъ пироговъ, замѣшанныхъ на меду», которые запивались такимъ кувшиномъ вина, что въ немъ могли помѣститься «три воина родомъ изъ Улы».

Юлій Цезарь говоритъ, что во время его войнъ съ галлами, они уже перестали употреблять боевыя колесницы, но что прежде галлы всегда сражались съ колесницъ, какъ персы въ своихъ войнахъ съ греками. Ирландскія же сказанія не только подтверждаютъ слова римскаго историка, но даже даютъ подробное описаніе колесницъ и сообщаютъ, что возница ихъ былъ вмѣстѣ и оруженосцемъ и другомъ владѣтеля колесницы и что у него были совсѣмъ особыя воинскія обязанности, нѣчто въ родѣ нынѣшнихъ полевыхъ жандармовъ. Напримѣръ, Кахуланъ говоритъ Лэгу: «Если я начну уступать врагу, возбуждай, упрекай меня, издѣвайся надо мною такъ, чтобы ярость гнѣва и злобы

моей возросли во мнѣ; но если врагъ станетъ уступать мнѣ, ты долженъ хвалить и славить меня и говорить мнѣ ласковыя слова, чтобы мужество мое отъ того стало еще больше»...

Греческій писатель Діодоръ Сицилійскій говоритъ о друидахъ: «Эти философы и лирическіе поэты, называемые бардами, имѣютъ большое вліяніе какъ въ мирное, такъ и въ военное время. Друзья и враги покорны имъ. Когда встрѣчаются двѣ арміи, съ мечами наголо и копьями, готовыми къ дѣлу, они (друиды) бросаются промежъ сражающихся и успокоиваютъ ихъ, будто укрощая дикихъ звѣрей. Такъ, даже среди самыхъ дикихъ варваровъ страсти подчиняются правленію мудрости, и богъ войны платитъ дань музамъ»... Это показаніе тоже подтверждается не очень древней рукописью, разсказывающей, какъ во время страшной рѣзни, когда въ одну ночь погибло больше тысячи мужчинъ и женщинъ, «поднялся пророкъ-поэтъ, обладающій острымъ словомъ, славный пѣвецъ Фергюсъ-Финбхоль, и всѣ ученые люди поднялись вслѣдъ за нимъ и стали пѣть молитвословія, добрые стихи и прекрасныя преданія, чтобы смягчить и успокоить воюющихъ. Тогда они перестали умерщвлять и калѣчить, услышавъ музыку поэтовъ, и выронили оружіе на землю. А поэты подняли это оружіе и протѣснились къ нимъ и обняли ихъ объятіемъ примиренія»...

Въ особенности Юлій Цезарь упоминаетъ о многихъ обычаяхъ галловъ, о которыхъ ирландскій эпосъ говоритъ гораздо подробнѣе. Такимъ образомъ, классическіе писатели съ одной стороны и ирландскіе барды— съ другой часто указываютъ на поразительное сходство, даже одинаковость въ нѣкоторыхъ обычаяхъ кельтовъ, жившихъ въ разныхъ концахъ Европы.

V.

Третій періодъ ирландскаго эпоса, извѣстный подъ общимъ именемъ «*Странствованій Оссіана*», представляетъ большія затрудненія.

Сказанія этого періода были собраны и изданы шотландцемъ Макъ-Ферсономъ въ концѣ прошлаго столѣтія. Подъ названіемъ «Пѣсенъ Оссіана» они были очень распространены по всей Европѣ. Клопштокъ, Гёте и итальянецъ Сезаротти переводили ихъ; Вальтеръ-Скоттъ и Ламартинъ многое заимствовали изъ нихъ для своихъ собственныхъ произведеній; Наполеонъ возилъ за собой отдѣльный сундучекъ, въ которомъ хранились пѣсни Оссіана.

Но новѣйшія изслѣдованія показали, что Макъ-Ферсонъ, въ виду литературныхъ красотъ своего труда, не постѣснялся многое передѣлать по своему, многое присочинить. А главное, вольно или невольно, онъ совершенно перепуталъ эпохи различныхъ событій, и герои второго и даже перваго періода у него являются современниками дѣйствующихъ лицъ третьяго. Блестящій, образованный писатель надѣлалъ такихъ анахронизмовъ и ошибокъ, въ какихъ никогда не бывали

повинны даже неграмотные сказочники Ирландіи—явленіе, очень знаменательное. Современные ирландскіе изслѣдователи склонны сомнѣваться даже въ дѣйствительности кельтскаго происхожденія псевдолегендъ, изданныхъ Макъ-Ферсономъ. Но такіе строгіе обвинители заходятъ слишкомъ далеко. Трудъ Макъ-Ферсона не сплошная выдумка, а только апокрифъ, ловкій и даже почти невинный подлогъ, если на него смотрѣть съ чисто литературной точки зрѣнія.

Но несмотря на множество своихъ промаховъ и ошибокъ, обладая громаднымъ талантомъ и очень развитымъ художественнымъ чутьемъ, Макъ-Ферсонъ не могъ не создать цѣлой школы подражателей. И благодаря ихъ недостатку строгой критики и научной разборчивости, поэмы оссіаническаго періода много потеряли, исказившись порою до неузнаваемости. Самъ же Макъ-Ферсонъ былъ слишкомъ даровитъ, чтобы не оставить глубокаго слѣда и собственно на народной памяти. И собиратели народнаго эпоса, какъ въ Ирландіи, такъ и въ Шотландіи, и до сихъ поръ колеблются, чтó приписать подлинному творчеству древности, а чтó вліянію личнаго вкуса Макъ-Ферсона.

Въ дѣйствительности лицъ, упоминаемыхъ Оссіаномъ, историческіе ирландскіе писатели всѣхъ вѣковъ не сомнѣваются, или, по крайней мѣрѣ, пытаются не сомнѣваться. Китингъ, одинъ изъ лучшихъ старинныхъ историковъ, вставляетъ длинный аргументъ по этому поводу въ одно изъ своихъ сочиненій, чего онъ никогда не дѣлаетъ по поводу Кахулана, «по всей вѣроятности, считая его внѣ сомнѣнія», какъ замѣчаетъ Дугласъ Хайдъ.

Періодъ Оссіана также называется періодомъ феніевъ, то-есть, сподвижниковъ Фина, въ память которыхъ крайняя партія противниковъ англійскаго вліянія въ Ирландіи и до сихъ поръ зоветъ себя феніями. Финъ и его феніи, весьма возможно, были дѣйствительными лицами, боевые подвиги которыхъ дали основаніе множеству басенъ. Но Оссіана едва ли слѣдуетъ считать историческимъ лицомъ, хотя онъ и жилъ въ сравнительно историческія времена, нѣсколько вѣковъ позднѣе Кахулана и его современниковъ.

Скорѣе всего Оссіанъ просто антропоморфическое олицетвореніе языческихъ стремленій и понятій, продолжавшихъ кое-какъ доживать свой вѣкъ, когда золотой вѣкъ Ирландіи давно уже миновалъ.

Оссіанъ, сынъ Фина, иначе Фингала, продремавъ чудеснымъ образомъ нѣсколько вѣковъ въ «Странѣ Вѣчной Юности», возвращается въ среду смертныхъ ко времени св. Патрика. Къ его появленію новыя вѣянія, понятія и требованія римскаго христіанства уже успѣли окрѣпнуть. Приверженцы родной старины уже не могли встрѣчать поощренія отъ новыхъ вожаковъ народной мысли. Правда, католическое духовенство не мѣшало существовать школамъ языческой поэзіи бардовъ еще очень долгое время, но сторонники языческаго строя должны были скрывать свое тяготѣніе къ идеаламъ прошлаго и стыдиться ихъ.

Финъ, отецъ Оссіана, былъ послѣднимъ свободнымъ и невыродившимся представителемъ древней Ирландіи, послѣднимъ настоящимъ выразителемъ языческой доблести, безъ страха и упрека. Отъ этого онъ такъ дорогъ народу, что народная фантазія влагаетъ въ уста его сына неумолчныя рѣчи о подвигахъ отцовскихъ и его вѣрныхъ феніяхъ, приписывая этому сыну баснословно долгій вѣкъ.

Ученый іезуитъ, от. Киганъ, ирландецъ, жившій и умершій въ Америкѣ, насчитываетъ сто тысячъ строкъ въ эпическихъ твореніяхъ, относящихся къ періоду Оссіана. Но даже если мы уменьшимъ это число на половину, то выйдетъ нѣсколько увѣсистыхъ томовъ—замѣчательная плодовитость у народа, уже достигшаго дряхлости. Содержаніе поэмъ очень разнообразно. Въ иныхъ феніи сражаются съ драконами и волшебниками—черта, свойственная средневѣковымъ романсамъ и другихъ европейскихъ народовъ,—въ другихъ съ чужестранными рыцарями. Въ одной Оссіанъ описываетъ свое пребываніе въ «Странѣ Вѣчной Юности» въ продолженіи трехсотъ лѣтъ. Двѣ или три состоятъ почти исключительно изъ именъ рыцарей, падшихъ въ самыхъ значительныхъ сраженіяхъ этого цикла. Въ одной изъ самыхъ длинныхъ описываются, каждый въ отдѣльности, триста охотничьихъ псовъ, принадлежавшихъ Фину и его сподвижникамъ, и т. д.

Но во всѣхъ замѣтенъ большой упадокъ героическаго духа. Вообще, ихъ слогъ и общій характеръ представляетъ великую разницу съ характеромъ и слогомъ предъидущаго періода. Въ нихъ нѣтъ больше прежней шири и выси, нѣтъ прежняго размаха, нѣтъ великолѣпной образности языка. Ихъ масштабъ меньше, ихъ фабула и исполненіе слабѣе. Любовнымъ похожденіямъ, о которыхъ прежде не было и помину, отводится значительное мѣсто въ «Бѣгствѣ Дермота и Грани», самой распространенной легендѣ этого періода. Громадное количество совершенно ненужныхъ эпизодовъ и отступленій ослабляетъ силу общаго впечатлѣніе. Боевая колесница совершенно забыта, и феніи сражаются пѣшіе или конные и прибѣгаютъ къ защитѣ кольчуги, о которой нѣтъ ни слова въ періодѣ Красной Вѣтви. Да и самое повѣствованіе настроено не въ такомъ высокомъ тонѣ и постоянно сбивается на комическій и даже низменный тонъ. Юморъ начинаетъ проникать въ священную прежде область пѣснопѣній, слагать которыя могли только посвященные друиды и олавы; юморъ даже пытается помыкать былыми величавыми пріемами, отжившими свой вѣкъ.

Значительное мѣсто въ третьемъ періодѣ занимаютъ діалоги между Оссіаномъ и св. Патрикомъ. Въ подлинности ихъ нѣтъ сомнѣнія, хотя требовательность изслѣдователей, въ этомъ случаѣ, должна руководиться не столько языкомъ, много потерпѣвшимъ, какъ и всѣ литературные памятники Ирландіи, отъ вѣковыхъ переписываній, сколько весьма замѣчательнымъ тономъ, которому нѣтъ примѣра ни въ предъидущей, ни въ послѣдующей литературѣ страны.

Діалоги эти представляютъ послѣднія попытки умирающаго, но все еще не извѣрившагося язычества поспорить съ торжествующимъ христіанствомъ. Оссіанъ, сынъ послѣдняго изъ великихъ язычниковъ, и св. Патрикъ, христіанинъ, воспитанный въ понятіяхъ и предубѣжденіяхъ римской образованности, не совсѣмъ понимаютъ другъ друга. Но оба совершенно искренни и каждый изъ нихъ, въ своемъ родѣ, большой человѣкъ. Оттѣнокъ трогательной, примиренной, старческой кротости, смѣсь добродушнаго юмора и безнадежной печали—вотъ характерныя черты рѣчей Оссіана. Любопытство, не безъ примѣси сочувствія, и невольная почтительность со стороны гордаго римлянина; покорность и вмѣстѣ робкая, хотя и мѣткая насмѣшливость со стороны представителя древней Ирландіи, все вмѣстѣ заставляетъ звучать эти діалоги удивительно странно и отводитъ имъ совершенно обособленное мѣсто въ третьемъ періодѣ ирландскаго эпоса.

Въ одномъ изъ своихъ романовъ, Вальтеръ Скоттъ, самый извѣстный изъ послѣдователей Макъ-Ферсона, такъ изображаетъ эти діалоги:

Оссіанъ. Патрикъ, пѣвецъ псалмовъ, если ты не станешь слушать одинъ изъ моихъ разсказовъ, хотя ты никогда не слыхалъ его прежде, я буду принужденъ сказать тебѣ, что ты едва ли чѣмъ лучше осла.

Патрикъ. Говорю тебѣ, сынъ Фингала, когда я распѣваю псалмы,— выкрикиваемыя тобою росказни старыхъ бабъ мѣшаютъ моимъ благочестивымъ упражненіямъ.

Оссіанъ. Не смѣй сравнивать твои псалмы со сказаніями о голо-рукихъ феніяхъ, не то я не призадумаюсь отвинтить отъ плечей твою бритую голову (тонзура)».

Въ этомъ видѣ діалоги римскаго святого съ ирландскимъ язычникомъ извѣстны болѣе или менѣе всей читающей Европѣ. Но, сравнительно съ подлинникомъ, они не болѣе, какъ жалкое искаженіе. Въ подлинникѣ нѣтъ аляповатой грубости: Оссіанъ не сварливый дикарь, Патрикъ не заурядный ханжа. Патрику, христіанину и римлянину, должно было казаться невѣроятнымъ, чтобы у варваровъ-язычниковъ могли существовать добродѣтели, совершенно сходныя съ христіанскими. Для Оссіана, взрощеннаго въ пантеизмѣ друидовъ, былъ не менѣе невѣроятенъ и непонятенъ образъ Господа Вседержителя въ узкой римской формѣ личнаго божества, требовательнаго и гнѣвливаго. Тѣмъ не менѣе, говоря разными языками и плохо понимая другъ друга, Патрикъ и Оссіанъ сдержанны, даже изысканны въ своихъ рѣчахъ. И браннымъ словамъ, и грубымъ угрозамъ въ нихъ не было мѣста. Чтобъ убѣдиться въ этомъ, стоитъ только познакомиться со слѣдующими немногими отрывками изъ оригинальныхъ сказаній.

«*Патрикъ.* Не говори о Financial Финѣ, не говори о феніяхъ, ибо этимъ ты гнѣвишь Сына Божія, и Онъ никогда не впуститъ тебя въ крѣпость свою и не пошлетъ тебѣ хлѣба насущнаго.

Оссіанъ. Если бы я сталъ говорить о Финѣ и о феніяхъ между нами,

о Патрикъ, принесшій новое, и совсѣмъ не громко, то Онъ не могъ бы услышать, что я упоминаю имена ихъ.

Патрикъ. Финъ въ оковахъ ада. Ласковый человѣкъ, раздававшій золото, теперь находится въ обители мученій, въ наказаніе за непослушаніе Богу. За то, что онъ забавлялся псовой охотой, за то, что посѣщалъ школы бардовъ каждый день, за то, что не обращалъ вниманія на Бога, Финъ теперь въ цѣпяхъ. Горе тебѣ, древній старикъ, говорящій безумныя рѣчи. За общеніе съ Богомъ хоть одинъ часъ стоитъ отдать всѣхъ феніевъ Эрина.

Оссіанъ. О Патрикъ, опирающійся на кривой посохъ, дерзокъ отвѣтъ твой. Если бы Оскаръ былъ здѣсь, твой посохъ уже давно былъ бы изломанъ на куски. Если бы сынъ мой Оскаръ и Богъ встрѣтились для борьбы на Нокъ-на-Винѣ и я бы увидѣлъ своего сына опрокинутымъ, я сказалъ бы, что Богъ, дѣйствительно, обладаетъ великою силой. Какъ можетъ быть, чтобы Богъ и Его священство были лучше, чѣмъ Финъ, верховный царь феніевъ, великодушный и непорочный. Всѣ добродѣтели, которыя ты и твое священство называетъ законами Царя надзвѣзднаго, украшали феніевъ Фина, и крѣпко, должно быть, ихъ мѣсто теперь въ раю Божьемъ. Если бы выше его или ниже его было мѣсто лучше, чѣмъ рай, Финъ ушелъ бы туда и всѣ его феніи за нимъ... Патрикъ, спроси Бога, помнитъ ли Онъ то время, когда феніи были еще живы, и видѣлъ ли Онъ когда-либо, въ западныхъ странахъ или въ восточныхъ, людей, равныхъ имъ на полѣ брани?..».

Патрикъ усталъ спорить и, несмотря на предубѣжденіе, заинтересованъ людьми, которыхъ украшали «всѣ добродѣтели Царя надзвѣзднаго». Онъ говоритъ: «Оссіанъ, сладостенъ мнѣ голосъ твой, благословеніе да будетъ съ душою Фина», и проситъ его разсказать о феніяхъ.

«*Оссіанъ.* Мы, феніи, никогда не говорили неправды; никто не могъ укорить насъ во лжи. Правдою и силою нашихъ рукъ выходили мы цѣлы и невредимы изъ всѣхъ опасностей...

Патрикъ. Оставимъ споръ, немощный старикъ, лишенный разума. Пойми, что Богъ пребываетъ въ небесахъ, среди ангельскихъ ликовъ, а Финъ и его воины терпятъ вѣчныя муки.

Оссіанъ. Да падетъ великій стыдъ на Бога, который не хочетъ спасти Фина отъ узъ страданія, ибо если-бы не онъ, а Богъ былъ въ оковахъ, мой господинъ сразился бы за Него. Услышавъ, что кто-нибудь терпитъ боль или стѣсненіе, Финъ всегда спѣшилъ помочь ему серебромъ или золотомъ и боролся и бился за него, пока не выходилъ побѣдителемъ. Въ великой обидѣ я на вашего Бога, находясь среди его священства, безъ пищи, безъ одежды, безъ музыки, безъ золота для раздачи бардамъ, безъ омовеній, безъ охотъ, безъ Фина, безъ общенія съ благородными женщинами, безъ забавъ, безъ мѣста, подобающаго мнѣ, безъ новостей о подвигахъ брани и ловкости...

Патрикъ. Не говори ни о чемъ, кромѣ жертвъ Господу, ибо если ты будешь говорить о другомъ, ты не войдешь въ обитель святыхъ.

Оссіанъ. Я сдѣлаю такъ, какъ Онъ хочетъ, о Патрикъ! Я перестану говорить о Финѣ и феніяхъ, страшась навлечь на нихъ гнѣвъ Его, если правда, о священникъ, что прогнѣвить Бога такъ легко».

Творчество бардовъ и народный эпосъ кончаются этими діалогами. Вслѣдъ за ними въ ирландской письменности наступаетъ эпоха отдѣльныхъ авторовъ, продолжавшихъ писать по-кельтски вплоть до половины восемнадцатаго вѣка, когда англійскій языкъ окончательно вытѣснилъ кельтскій среди образованныхъ классовъ и сдѣлался книжнымъ языкомъ страны.

Кельтскій языкъ находится при послѣднемъ издыханіи и ему больше не создать новой народной словесности. Надписи на камняхъ, тлѣющія кучи обращающихся въ прахъ рукописей, да незамысловатый говоръ полуграмотныхъ людей—вотъ и все, что осталось отъ великолѣпія прежнихъ временъ. Тѣмъ не менѣе, говоря, будто кельтскій языкъ исчезъ, какъ осенній день, «уступающій мѣсто ночи, почти безъ промежуточныхъ сумерокъ», Дугласъ Хайдъ позволяетъ себѣ поэтическую вольность, весьма понятную въ скорбящемъ патріотѣ, но непростительную въ ученомъ.

Кельтская культура несравненно древнѣе римской, и, принявъ во вниманіе, что останки ея существуютъ еще и по сей день, человѣкъ, придерживающійся аналогіи, не можетъ не признать, что яркій «день» кельтскаго языка не только имѣлъ свои «сумерки», но что эти сумерки продолжались удивительно долгое время.

И, быть можетъ, именно въ этой продолжительности и заключается самое вѣское свидѣтельство въ пользу мощи и красоты, которыми этотъ языкъ обладалъ въ далекой, позабытой древности.

Вѣра Джонстонъ.

Дублинъ. 1896.

СИСТЕМА КЛАССИЧЕСКАГО ОБРАЗОВАНІЯ ВЪ ГЕРМАНІИ.

Ея исторія, современное положеніе и будущность по новѣйшимъ изслѣдованіямъ нѣмецкихъ ученыхъ.

F. Paulsen, «Geschichte des gelehrten Unterrichts auf den deutschen Schulen und Universitäten vom Ausgang des Mittelalters bis zur Gegenwart, mit besonderer Rücksicht auf den klassischen Unterricht». 2 B., 1897.

P. Nerrlich, «Das Dogma von klassischen Altertum in seiner geschichtlichen Entwickelung». 1894.

Th. Ziegler, «Geschichte der Pädagogik». 1895.

«За кѣмъ школа, за тѣмъ будущее. Это изреченіе, пущенное въ оборотъ, если я не ошибаюсь, Штилемъ *), гласитъ слѣдующее: Кто диктуетъ школьные циркуляры, тотъ диктуетъ указы будущему; онъ распоряжается учителями, а черезъ нихъ учениками, и такимъ образомъ опредѣляетъ образъ мыслей слѣдующаго людского поколѣнія. И наше общество этому вѣритъ! Но неужели не явится, наконецъ, на свѣтъ поколѣніе, которое откажется отъ погони за этимъ миражемъ,— погони, внесшей столько отравы и тиранніи въ наши школы,—и уразумѣетъ старую евангельскую истину: Духъ, идеже хощетъ, дышетъ?»

Авторъ этихъ скорбныхъ строкъ, знаменитый берлинскій профессоръ Паульсенъ не ограничился одними благими пожеланіями. Чтобы по мѣрѣ силъ расчистить путь тому новому поколѣнію, которое онъ такъ горячо призываетъ, онъ употребилъ двадцать лѣтъ упорной работы на истолкованіе судебъ школы въ родной странѣ и справедливо можетъ гордиться плодами своихъ трудовъ. «Исторія школъ и университетовъ въ Германіи», появившаяся недавно второй разъ въ новомъ, совершенно переработанномъ видѣ, представляетъ произведеніе, равнаго которому нѣтъ во всей историко-педагогической литературѣ.

Исключительное значеніе этой обширной работы опредѣляется прежде всего тѣмъ, что она дала совершенно новую постановку самому вопросу о задачахъ и методахъ школьной исторіи. Всѣ другія «Исторіи педагогики, образованія, воспитанія и т. п.», въ нескончаемомъ количествѣ выходившія изъ-подъ пера педагоговъ XIX-го вѣка, постоянно колебались между двумя крайностями, то являясь дѣльными, но донельзя су-

*) Видный нѣмецкій реакціонеръ 50-хъ годовъ, авторъ извѣстныхъ клерикальныхъ «Указовъ относительно учительскихъ семинарій и народныхъ училищъ».

хими словарями школьныхъ дѣятелей и школьныхъ учрежденій, гдѣ историческій духъ сводился къ хронологическому порядку, то превращаясь въ расплывчатые очерки по той расплывчатой области знанія, которая извѣстна подъ громкимъ названіемъ исторіи культуры. У Паульсена впервые разработка исторіи образовательной дѣятельности европейскихъ обществъ получила дѣйствительно научную основу. Онъ ставитъ своему изслѣдованію строгія рамки, онъ изучаетъ жизнь нѣмецкой *школы* за послѣдніе четыре вѣка, нисколько не смѣшивая этого вопроса съ вопросомъ о всемъ ходѣ умственнаго прогресса нѣмецкаго народа за данное время; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не довольствуется простымъ описаніемъ послѣдовательныхъ ея измѣненій: какъ истинный ученый, онъ стремится открыть ихъ причины, обнаружить ихъ внутреннюю связь, и путемъ такого анализа ясно показываетъ, что развитіе школы никогда не имѣло и не можетъ имѣть своего самостоятельнаго движенія, обособленнаго отъ общаго хода развитія народной жизни. Школа является для Паульсена отдѣльной, строго опредѣленной отраслью народной дѣятельности, но онъ тщательно разобралъ и тѣ многочисленныя нити, которыми отрасль эта связывается со всей народной жизнью въ одно неразрывное цѣлое. «Нѣтъ, можетъ быть, ни одной спеціальной области историческаго изслѣдованія,—говоритъ онъ,—которая стояла бы въ такой тѣсной связи со всѣми другими сторонами развитія общества, какъ исторія школы. Исторія умственной жизни, философіи и науки, религіозныхъ и литературныхъ движеній — все это отражается здѣсь, какъ въ зеркалѣ, но, конечно, въ своеобразныхъ сокращеніяхъ. Измѣненія соціальнаго строя нигдѣ, кажется, не проявляются такъ осязательно, какъ въ послѣдовательныхъ отношеніяхъ школы къ классовымъ дѣленіямъ общества. Наконецъ, въ организаціи школьнаго управленія ярко выражается ходъ развитія основныхъ формъ европейскаго общежитія—ростъ государства на счетъ церкви и общины. Въ такой связи и велъ я работу надъ непосредственнымъ предметомъ моего изслѣдованія».

Но помимо своего чисто-научнаго значенія, или, вѣрнѣе сказать, благодаря своему научному значенію, книга Паульсена имѣетъ и глубокую практическую важность. Строгое примѣненіе къ своему предмету эволюціоннаго метода позволило Паульсену найти истинный критерій для оцѣнки принциповъ, лежащихъ въ основѣ современной школьной политики европейскихъ государствъ. Въ безпощадномъ свѣтѣ выставляетъ онъ полную несостоятельность нынѣ господствующихъ абсолютныхъ точекъ зрѣнія на цѣнность различныхъ системъ образованія и необходимость замѣны ихъ единственно здѣсь приложимою, національно-историческою; мастерской рукой очерчиваетъ онъ, затѣмъ, границы полезнаго вмѣшательства организованной общественной власти во внутреннюю жизнь школы, за которыми оно переходитъ въ безрезультатное, но тѣмъ болѣе мучительное тиранство надъ учащими и учащимися.

Самъ Паульсенъ нисколько не скрываетъ, что въ этой прикладной сторонѣ, въ выясненіи того, насколько свобода служитъ жизненной атмосферой школы, заключается для него самого высшая цѣнность его книги. Но никто съ бо̀льшимъ правомъ не могъ написать и слѣдующихъ строкъ: «Послѣ этого признанія, что къ занятію прошлыми судьбами нашей школы меня привлекла прежде всего мысль о ея будущности, я позволю себѣ обратиться къ моимъ читателямъ съ такою просьбою: пусть они не ожидаютъ найти въ моей книгѣ чего-либо въ родѣ очень длинной исторической передовой статьи. Этотъ родъ литературы я считаю и томительнымъ, и безплоднымъ. Исторія учитъ лишь тѣхъ, кто ее слушаетъ, а не тѣхъ, кто ей подсказываетъ. Я надѣюсь, что каждая страница моей книги засвидѣтельствуетъ о моемъ ревностномъ стараніи быть здѣсь только внимательнымъ слушателемъ... По моему убѣжденію, историкъ только тогда можетъ успѣшно справиться съ своей задачей, когда онъ проникнется принципомъ Спинозы: neque ridere, neque flere, nec detestari, sed intelligere».

И скромность эта получила себѣ достойную награду: многому выучила исторія своего терпѣливаго и внимательнаго слушателя. При первомъ своемъ появленіи въ свѣтъ, около десяти лѣтъ тому назадъ, книга Паульсена вызвала цѣлую бурю въ нѣмецкомъ педагогическомъ мірѣ: главныя ея положенія представились правовѣрнымъ педагогамъ неслыханной ересью и тяжкой клеветой на прошлое и настоящее господствующей системы образованія. Но книга выдержала всѣ нападки самой придирчивой критики и послѣ тщательной провѣрки признана была всѣми безпристрастными учеными за одно изъ тѣхъ произведеній, которыя по богатству новыми идеями и фактами «составляютъ эпоху» въ своей области. Съ тѣхъ поръ вліяніе ея продолжало неуклонно расти, и въ предисловіи къ только-что появившемуся второму ея изданію авторъ могъ уже написать: «Быть можетъ, моя работа, при своемъ появленіи сочтенная революціонной и еретической, теперь покажется кое-кому слишкомъ умѣренной и отсталой. Такъ быстро успѣло перемѣниться время». Но такой быстрой перемѣной нѣмецкое общество обязано, конечно, въ самой крупной мѣрѣ тому же Паульсену: его идеями живутъ теперь въ сущности даже тѣ педагоги, которые продолжаютъ вести съ нимъ озлобленную полемику.

Одинъ изъ крупныхъ вопросовъ, получившихъ, благодаря Паульсену, совершенно новую постановку въ нѣмецкой педагогической литературѣ, близко соприкасается и съ русской школьной дѣйствительностью: это вопросъ о коренныхъ историческихъ причинахъ того глубокаго кризиса, который переживаетъ теперь въ самой Германіи заимствованная оттуда нашимъ отечествомъ система средняго образованія. На немъ я и позволю себѣ остановить вниманіе читателей «Міра Божія». Здѣсь все для насъ поучительно—и пріемы научнаго изслѣдованія, и конечные его результаты. Но, съ другой стороны, пусть мои читатели не

забываютъ приведенныхъ мною словъ Паульсена и не ожидаютъ найти въ предлагаемыхъ имъ очеркахъ историческихъ судебъ нѣмецкой школы «чего-либо въ родѣ очень длинной исторической передовой статьи». Этотъ родъ литературы, пользующійся въ настоящее время довольно широкимъ распространеніемъ, дѣйствительно, невозможно не признать и до-нельзя томительнымъ, и совершенно безплоднымъ, чтобы не сказать болѣе. Онъ неизбѣжно предполагаетъ историческую ложь, а нѣтъ лжи во спасеніе.

I.

Когда и какъ возникла въ Германіи современная намъ классическая гимназія? Отвѣтъ на этотъ вопросъ до послѣдняго времени звучалъ очень просто. Система классическаго образованія признавалась общимъ достояніемъ всѣхъ западно-европейскихъ странъ и всюду возводилась къ блестящей эпохѣ возрожденія наукъ, избавившей Европу отъ цѣпей средневѣкового варварства. Знакомая намъ нѣмецкая гимназія, французскій лицей и англійскій коллежъ одинаково считались ровесниками и вѣрными спутниками всей новой европейской культуры. Объ ихъ возрастѣ и объ ихъ историческихъ заслугахъ никто не спорилъ. Сами противники современной гимназіи первые признавали, что она очень стара, и только спрашивали, не слишкомъ ли она уже состарилась.

Множество популярныхъ историко-педагогическихъ трактатовъ и до сихъ поръ продолжаютъ выдавать все это за святую истину. Но область педагогики наравнѣ съ областью религіи, съ которой она была такъ долго слита воедино, представляетъ собой царство крайней нетерпимости и консерватизма. Если же мы заглянемъ въ помянутыя мною менѣе нравоучительныя, но болѣе правдивыя работы «еретическаго» характера, то намъ придется признать, что соблазнительная ясность и простота стараго взгляда на происхожденіе и на значеніе школьнаго классицизма въ Европѣ, обусловливалась, какъ то часто бываетъ, отчасти недостаточнымъ и одностороннимъ знакомствомъ съ относящимися сюда фактами, отчасти полной произвольностью въ обращеніи съ ними. О варварствѣ среднихъ вѣковъ можетъ теперь говорить только тотъ, кто незнакомъ съ новыми изслѣдованіями по ихъ культурѣ; о безусловной благодѣтельности гуманизма для европейскаго просвѣщенія—только тотъ, кто вѣритъ еще легендѣ о средневѣковомъ варварствѣ. Старо-гуманистическая школа XVI-го вѣка во Франціи сослужила, несомнѣнно, крупную службу развитію національнаго языка и литературы. Но чтобы приписывать ей безъ всякихъ околичностей ту же роль и въ Германіи, надо закрывать глаза на очень многое, хотя бы на то, что французскіе гуманисты вводили родной языкъ въ учебныя учрежденія, а нѣмецкіе его оттуда изгоняли. Наконецъ, чтобы отождествлять нѣмецкую классическую гимназію XIX-го вѣка съ «латинской школой» эпохи возрожденія, надо просто не знать какъ слѣдуетъ ни XVI-го, ни XVIII-го

вѣка въ Германіи. Въ дѣйствительности идеалъ классической гимназіи вовсе не имѣетъ за собой сколько-нибудь значительной исторической давности. Онъ созданъ былъ въ прямомъ антагонизмѣ съ предшествовавшимъ ему школьнымъ строемъ творческой силой эпохи революціи, и духовными своими родоначальниками современные его приверженцы должны, несомнѣнно, признавать не столько Эразма съ Меланхтономъ, сколько Руссо и Вильгельма фонъ-Гумбольдта.

Послѣднее утвержденіе звучитъ почти парадоксомъ. Что общаго можетъ быть, на первый взглядъ, между педагогическими фантазіями творца Эмиля и знакомой намъ гимназической дѣйствительностью, воплощенной въ трезвыхъ произведеніяхъ Курціуса, Эллендта, Зейферта и всей плеяды ихъ высоко-педантическихъ послѣдователей? А между тѣмъ историческая связь между ними стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія. Но чтобы уловить ее, чтобы выяснить себѣ генезисъ такъ-называемой системы классическаго образованія и вмѣстѣ получить твердыя данныя для сужденія о томъ, насколько примѣняемыя ею теперь средства находятся въ соотвѣтствіи съ поставленными ей нѣкогда идеальными цѣлями,—намъ необходимо прежде всего разсчитаться съ педагогическими легендами о нѣмецкомъ гуманизмѣ XVI-го вѣка и посмотрѣть, чѣмъ была прославленная старо-гуманистическая школа въ дѣйствительности.

Гуманистическое движеніе XV и начала XVI вѣка было обще всѣмъ западно-европейскимъ странамъ, но въ каждой изъ нихъ оно сыграло свою особую роль. Движеніе это было самобытнымъ въ романскихъ странахъ, прежде всего въ Италіи. Тамъ оно и повело къ дальнѣйшему развитію національной самобытности. Въ Германіи оно было подражательнымъ и завело нѣмецкое образованіе на очень кривые пути.

Въ крупныхъ и рѣзкихъ чертахъ дѣло можетъ быть представлено такъ. Къ концу XIV вѣка ходъ историческаго развитія приводитъ высшіе слои итальянскаго общества, далеко опередившаго тогда прочія европейскія страны и въ матеріальной, и въ умственной культурѣ, къ тому, что имъ становится тѣсно въ рамкахъ средневѣковой жизни и міросозерцанія. Въ поискахъ новыхъ жизненныхъ устоевъ вожди тогдашняго итальянскаго умственнаго движенія начинаютъ изучать по существу памятники древней литературы, сохранявшіеся въ средневѣковой школѣ ради узкоформальныхъ цѣлей, и быстро проникаются энтузіазмомъ къ нимъ. Духъ молодого античнаго міра съ его культомъ красоты и радости оказывается для нихъ гораздо болѣе родственнымъ, нежели та философія отреченія, которую античная древность усвоила себѣ въ эпоху торжества христіанства, и которую она передала вмѣстѣ съ христіанствомъ въ наслѣдство среднимъ вѣкамъ. Въ связи съ этимъ вся прошлая исторія родной страны представляется интеллигентнымъ классамъ Италіи въ такомъ видѣ. Италія—страна римлянъ. Римская

культура—это національная итальянская культура. Готы, разрушивъ римскую имперію, попрали ногами эту высокую цивилизацію и осквернили ее варварствомъ: они исказили благородный латинскій языкъ, они замѣнили высоко-развитое римское право своими дикими уставами, они внесли неуклюжесть и грубость въ изящные римскіе нравы. Стереть съ родной страны пятно германскаго варварства, возродить древній Римъ, римскую республику, римскій языкъ—вотъ задача новаго поколѣнія. Таково было состояніе чувства у Петрарки и его современниковъ. Въ глазахъ Петрарки Кола ди-Ріенци являлся національнымъ героемъ, изгонявшимъ изъ отечества варваровъ, т. е. происходившую отъ германцевъ римскую знать.

Отъ Италіи движеніе это передалось близкой ея родственницѣ—Франціи. Французы тоже вспомнили, что они происходятъ отъ римлянъ и съ свойственной имъ живостью принялись громить все «готическое». Но обѣ страны, стремясь возродить культуру своихъ предковъ, вовсе не считали необходимымъ отрекаться ради этой цѣли отъ своего настоящаго. Такъ, въ спеціально занимающей насъ области, ни Франція, ни Италія за изученіемъ языка латинскихъ авторовъ отнюдь не забросили разработки родныхъ нарѣчій. Ни французъ, ни итальянецъ эпохи Возрожденія не считалъ для себя стыдомъ говорить и писать на родномъ языкѣ: развѣ же то не были отпрыски стараго благороднаго латинскаго корня, нуждавшіеся только въ тщательной культурѣ? Такимъ образомъ, имена цѣлаго ряда видныхъ итальянскихъ и французскихъ гуманистовъ неизгладимо вписаны въ исторію развитія новой европейской литературы. Довольно припомнить Петрарку и Боккачіо въ Италіи и Раблэ во Франціи.

Совсѣмъ иначе отразилось это новое движеніе на Германіи. Бѣдные «готы» шли тогда въ хвостѣ европейской культуры. «Нѣмецкіе скоты—вотъ какъ зовутъ насъ наши сосѣди,—говоритъ своимъ современникамъ Лютеръ,—и они правы, такъ какъ мы совсѣмъ не хотимъ учиться». Упрекъ Лютера былъ, однако, несправедливъ. Германія усиленно работала въ концѣ среднихъ вѣковъ, чтобы сравняться съ опередившими ее націями-сосѣдками, и, чувствуя свою отсталось, постоянно посылала своихъ дѣтей къ нимъ за наукой. Нѣмецкіе рыцари ѣздили доканчивать свое рыцарское воспитаніе во Францію, Ломбардія являлась академіей молодого нѣмецкаго купечества, итальянскіе и французскіе университеты полны были нѣмецкихъ клириковъ, т. е. людей, готовившихъ себя къ духовной, юридической, административной или медицинской карьерѣ.

При космополитическомъ характерѣ средневѣкового образованія такое пилигримство въ иностранныя высшія школы было очень распространено, очень удобно и очень производительно. Но при новомъ оборотѣ дѣла, при пробужденіи въ Италіи горячаго національнаго чувства нѣмецкіе слушатели итальянскихъ университетовъ оказались въ довольно

затруднительномъ положеніи. Гуманистически образованное общество въ Италіи безпощадно противопоставляло романское начало германскому, «римское» — «готическому», отожествляя первое съ просвѣщеніемъ, второе—съ варварствомъ. Быть просвѣщеннымъ человѣкомъ и въ то же время нѣмцемъ оказывалось, такимъ образомъ, невозможностью. И вотъ нѣмецкіе клирики принимаютъ отчаянное рѣшеніе: они не хотятъ больше оставаться нѣмцами, они тоже хотятъ стать потомками Цицерона. Они отрекаются отъ родного языка, отъ родного права, и чуть не отрекаются даже отъ родной религіи. Имъ становится стыдно за свои «готическія» имена: магистръ Crachenberger спѣшитъ перекрестить себя въ Gracchus Pierius, Schlaginhaufen въ Turbicida, Walzmüller въ Hylacomus. Они бросаютъ счетъ времени по праздникамъ народныхъ святыхъ и начинаютъ считать по календамъ и идамъ. Попадая на родинѣ въ кругъ людей стараго воспитанія, не овладѣвшихъ тайнами изящнаго латинскаго стиля, они не щадятъ издѣвательствъ и брани. Конрадъ Мутъ—въ гуманистическомъ крещеніи Муціанъ Руфъ—вернувшись изъ Италіи домой, получаетъ спокойное и прибыльное мѣсто каноника. Онъ очень доволенъ своими доходами, но его несказанно терзаетъ то обстоятельство, что онъ долженъ вмѣстѣ съ другими каноникам пѣть въ церкви гимны, написанные на варварскомъ латинскомъ языкѣ. «Среди этихъ тупыхъ скотовъ я самъ превращаюсь въ осла. Моя изящная латынь и мое искусство вести бесѣду въ образованномъ обществѣ пропадаютъ благодаря тому, что я реву вмѣстѣ съ прочими ослами, съ которыми я влачу одно иго».

Отсюда—образовательный идеалъ ранняго нѣмецкаго гуманизма: школа должна смывать съ нѣмца грѣхъ его варварскаго происхожденія; она должна обращать человѣка, рожденнаго нѣмцемъ, въ подлиннаго греко-римлянина; ея питомцы должны являться истинными продолжателями геніальныхъ греческихъ и латинскихъ писателей. Все это звучитъ для насъ полной безсмыслицей, но творцамъ этой программы она казалась не только возможной, но даже сравнительно легко исполнимой. Дѣло въ томъ, что нѣмецкій гуманизмъ того времени, какъ всякое чисто подражательное движеніе, обращалъ главное свое вниманіе на внѣшнюю форму, и разъ кому-нибудь изъ его адептовъ удавалось вполнѣ перенять языкъ и манеру выраженія одного изъ классиковъ, то восхищенные собраты не соглашались признавать никакой разницы между оригиналомъ и спискомъ. Провозглашая жалкихъ виршеплетовъ Цельтиса и Эобана нѣмецкими Гораціемъ и Овидіемъ, ихъ современники уступали только чувству вполнѣ чистосердечнаго восхищенія.

Дружнымъ, жаркимъ натискомъ нѣмецкимъ гуманистамъ удалось сбить защитниковъ старины съ позиціи и проникнуть въ школы и университеты, гдѣ они скоро заняли первенствующее положеніе. Главнымъ оружіемъ ихъ въ этой борьбѣ за господство надъ школой служилъ литературный терроризмъ, замѣчательнѣйшимъ образчикомъ котораго

являются знаменитыя «Письма темныхъ людей». Но само собой разумѣется, что вліяніе такого искусственнаго теченія не могло быть ни широко, ни глубоко. Въ Италіи гуманистическія идеи волновали все образованное общество; въ Германіи гуманизмъ не вышелъ за предѣлы узкихъ школьныхъ кружковъ. Типъ итальянскаго аристократа-гуманиста, дѣйствительно, являлся въ извѣстной мѣрѣ возрожденіемъ древности. Но когда нѣмецкій нищій «поэтъ» начиналъ строить изъ себя античную фигуру и предаваться культу плоти, то ему удавалось воспроизвести развѣ только типъ древняго паразита. Въ громадномъ же большинствѣ случаевъ нѣмецкіе гуманисты не имѣли въ себѣ ровно ничего античнаго, являясь просто трудолюбивыми профессорами-филологами, проводившими жизнь надъ греческими и латинскими текстами. Ихъ гуманизмъ заключался почти всецѣло въ ихъ латинскомъ стилѣ.

Однако, глубокое недовольство средневѣковыми устоями жизни, приведшее въ Италіи къ гуманистическому движенію, существовало въ то же время и въ Германіи. Несмотря на свою отсталость, готы тоже не хотѣли больше поклоняться старымъ авторитетамъ. Но принесенный имъ изъ-за Альпъ новый язычески-эстетическій идеалъ совершенно не подходилъ къ ихъ нравственному складу, и они должны были искать самостоятельнаго отвѣта на волновавшіе ихъ вопросы. Такимъ отвѣтомъ явилась, наконецъ, въ Германіи церковная реформація.

Могучая волна новаго религіознаго движенія, поведшаго къ основанію національной церкви, скоро опрокинула хрупкое зданіе гуманистической образованности, не имѣвшее подъ собой въ Германіи прочнаго фундамента. Въ разгарѣ поднятой Лютеромъ борьбы противъ Рима только тѣ изъ гуманистовъ сохранили какое-нибудь вліяніе, которые согласились всецѣло отдать свою ученость и свой литературный талантъ на службу одной изъ религіозныхъ партій. Такимъ образомъ, когда кончился періодъ ломки всего стараго и началось созиданіе новаго порядка вещей, то строителями школы въ протестантской Германіи явились не свѣтскіе, а духовные люди: рѣшающій голосъ перешелъ здѣсь отъ гуманистовъ къ богословамъ.

Лишнее говорить, что о старомъ итальянскомъ гуманистическомъ идеалѣ воспитанія въ созидавшейся Лютеромъ школѣ не могло быть и рѣчи. Къ духу классической древности Лютеръ относился почти такъ же враждебно, какъ нѣкогда Савонарола. Самыя скромныя попытки примирить христіанство съ древней нравственною философіею приводили его въ полное негодованіе. Цвингли, любившій и цѣнившій древнихъ авторовъ, высказалъ однажды мысль, что по безконечной благости Божіей такіе добродѣтельные язычники, какъ Геркулесъ, Тезей, Аристидъ, Сократъ, Нума Помпилій, Катонъ тоже могутъ оказаться въ раю. Лютеръ отнесся къ этому, какъ къ богохульству. «На что бы нужны были крещеніе, таинства и Христосъ, Евангеліе, пророки и Св. Писаніе, если бы такіе безбожные язычники, Сократъ, Аристидъ и самъ

богопротивный Нума, который по откровенію діавольскому насадилъ въ Римѣ всякое идолопоклонство, оказались блаженными и святыми наравнѣ съ патріархами и апостолами на небесахъ?» И даже гораздо болѣе образованный и умѣренный Меланхтонъ, не обинуясь, заявляетъ, что «не можетъ тотъ называться христіаниномъ, кто претендуетъ на званіе философа». Если христіанское богословіе не будетъ началомъ, серединой и концомъ всей жизни и всякаго образованія, говоритъ въ другомъ мѣстѣ этотъ «наставникъ Германіи», то мы перестанемъ быть людьми и обратимся прямо въ звѣрей.

Однако, эпоха гуманизма не прошла безслѣдно для нѣмецкой школы. Извѣстно, какую службу сослужила филологія протестантизму, и протестантизмъ не отрекся послѣ своего торжества отъ своей прежней помощницы. И Меланхтонъ, и самъ Лютеръ безусловно признавали, что безъ основательнаго знанія классическихъ языковъ и безъ литературной начитанности нельзя сдѣлаться совершеннымъ богословомъ. «Свободныя науки и языки,—писалъ Лютеръ,—служатъ къ уразумѣнію Писанія и къ умѣнію вести свѣтское правленіе. Евангеліе писано Духомъ Святымъ, но онъ пользовался при этомъ языками: языки суть ножны, въ коихъ вложенъ мечъ Духа». «Если заниматься однимъ богословіемъ,—говоритъ Меланхтонъ,—то оно само скоро опять станетъ варварскимъ. Грамматика, реторика и діалектика нужны богослову больше, чѣмъ кому бы то ни было».

Изъ такого компромисса между протестантскимъ богословіемъ и гуманизмомъ и выросло то учрежденіе, которое принято называть старогуманистическою гимназіею. Ея идеальная цѣль точно опредѣлена была знаменитымъ Штурмомъ въ извѣстной формулѣ: sapiens et eloquens pietas—«мудрое и краснорѣчивое благочестіе». Духъ въ ней долженъ былъ царить богословскій, форма гуманистическая.

Внутреннее строеніе этой новой школы не отличается сложностью. Въ ней преподавалось всего три предмета: Законъ Божій, т. е. главнымъ образомъ курсъ протестантской догматики, греческій языкъ, въ подавляющемъ большинствѣ гимназій не выходившій за предѣлы чтенія Новаго Завѣта въ подлинникѣ, и, наконецъ, неизбѣжный латинскій языкъ. Законъ Божій и греческій языкъ служили цѣлямъ развитія благочестія; развитіе же мудрости и краснорѣчія всецѣло падало на преподавателей латинскаго языка.

Очень интересенъ путь, который имъ былъ для этого предначертанъ тогдашней педагогикой. Искусство изящно говорить по-латыни, являвшееся у первыхъ гуманистовъ результатомъ ихъ глубокой начитанности въ древнихъ авторахъ и связанной съ этимъ общей образованности, очень рано стало для ихъ послѣдователей совершенно самостоятельной цѣлью. Крайнее увлеченіе этой чисто формальной стороной дѣла привело, наконецъ, гуманистическую педагогику къ нѣкоторымъ выводамъ, которые звучатъ для насъ большой странностью. Мы

склонны думать, что ясность и изящество изложенія являются слѣдствіемъ глубокаго пониманія сути предмета и строгости мысли. Гуманисты утверждали совсѣмъ иное. «И сказать нельзя,—пишетъ Меланхтонъ,—какимъ жалкимъ ученымъ окажется человѣкъ, не овладѣвшій artes dicendi: *«разумѣніе слѣдуетъ за краснорѣчіемъ, какъ тѣнь за тѣломъ»*. «Изученіе предмета по существу,—говоритъ другой корифей старо-гуманистической педагогики, Штурмъ,—безъ умѣнья его изящно изложить—вещь варварская и уродливая». Такимъ взглядомъ на дѣло обусловливался и тотъ великій почетъ, которымъ пользовались у гуманистовъ XVI вѣка школьныя занятія поэзіей, или, непочтительно выражаясь, школьное «виршеплетство». «Поэзія» являлась вершиной «элоквенціи» и въ этомъ качествѣ должна была оказывать сугубо благотворное вліяніе на развитіе въ учащемся духа мудрости. «Кто не занимался поэзіей,—пишетъ Меланхтонъ,—у того ни въ одной научной области не будетъ здраваго сужденія, да и въ прозѣ его никогда не будетъ силы». Такимъ образомъ, поставленная новой гимназіи высокая цѣль, по мнѣнію работавшихъ тамъ педагоговъ, должна была достигаться сравнительно легко. Учитесь правильно и изящно выражаться на прекрасномъ языкѣ римскихъ авторовъ, такъ внушали они своимъ питомцамъ, «вся же прочая приложатся вамъ».

Чтобы внести нѣсколько больше конкретности въ представленія читателя объ этой старо-гуманистической школѣ, я изложу въ краткихъ чертахъ постановку преподаванія латинскаго языка въ знаменитѣйшемъ изъ протестантскихъ учебныхъ учрежденій XVI вѣка—въ страсбургской гимназіи, организованной на новыхъ началахъ самимъ Штурмомъ.

Въ гимназіи было 10 классовъ: два приготовительныхъ и восемь гимназическихъ. Самымъ благопріятнымъ возрастомъ для поступленія въ младшій приготовительный классъ считался семилѣтній: ребенка, готовившагося къ ученой карьерѣ, желательно было возможно раньше избавить отъ пагубныхъ послѣдствій «того общественнаго бѣдствія», что въ Германіи народъ говорилъ по-нѣмецки, а не по-латыни. Обученіе начиналось съ нѣмецкой грамоты (читать дѣти учились по Лютерову катехизису), но въ первый же годъ къ ней присоединялась и латинская. Первой книгой для латинскаго чтенія служила грамматика Меланхтона и письма Цицерона. То обстоятельство, что семилѣтнія дѣти ровно ничего не могли понимать въ этихъ книгахъ, нисколько не останавливало педагоговъ XVI вѣка. Въ этомъ отношеніи они оставались вѣрны худшимъ средневѣковымъ традиціямъ. Какъ въ средніе вѣка дѣти заучивали наизусть латинскій псалтырь и грамматику Доната, ни слова еще не понимая по-латыни, такъ теперь они должны были изучать съ самыхъ раннихъ лѣтъ звуки цицероновскихъ фразъ: въ обоихъ случаяхъ педагоги ссылались на то, что необходимо использовать возрастъ наибольшей свѣжести памяти; пониманіе же, говорили они, придетъ съ годами. Въ первомъ же приготовительномъ классѣ

дѣти начинали проходить латинскія склоненія и спряженія и усиленно заучивали латинскія «вокабулы». Съ этимъ надо было торопиться: число латинскихъ словъ, которыя ученикамъ Штурма полагалось знать въ старшихъ классахъ, доходило до 21.000. Во второмъ приготовительномъ продолжались тѣ же упражненія. Съ переходомъ въ 8-й гимназическій классъ ученики съ головой погружались въ занятія латинской грамматикой. Съ этой поры нѣмецкій языкъ безпощадно изгонялся изъ разговоровъ: въ классахъ и внѣ классовъ гимназисты не смѣли говорить иначе, какъ по-латыни. Въ этомъ же классѣ начинались и письменныя упражненія; изъ авторовъ попрежнему читались письма Цицерона. Въ 7-мъ классѣ начиналось систематическое прохожденіе синтаксиса, и усиленно велись переводы съ нѣмецкаго на латинскій: чтобы за краснорѣчіемъ не забывалась высшая цѣль школы—благочестіе, переводы эти обыкновенно выбирались изъ того же Лютерова катехизиса. Здѣсь же дѣти начинали заучивать латинскіе стихи. Въ 6-мъ классѣ заканчивался синтаксисъ и начиналась просодія. Изъ авторовъ читались опять-таки письма Цицерона, затѣмъ письма блаж. Іеронима, «полезныя для души», и наряду съ ними далеко не душеполезная комедія Теренція «Андрія». Въ 5-мъ классѣ продолжались упражненія въ латинской стилистикѣ, заучиваніе словъ и готовыхъ фразъ, чтеніе цицероновскихъ писемъ и комедій Теренція, и начиналось знакомство съ «поэзіей». Послѣ разбора нѣсколькихъ эклогъ Вергилія гимназисты приступали къ самостоятельнымъ поэтическимъ опытамъ. Послѣдніе четыре класса считались старшими. Тамъ дѣло шло уже не о стилистикѣ и метрикѣ, а о прозаической и поэтической реторикѣ. Всѣ эти четыре года главнымъ предметомъ занятій служили рѣчи Цицерона, тщательно разбиравшіяся съ реторической точки зрѣнія. Въ связи съ ними стояли теоретическіе курсы реторики и діалектики. Привилегированнымъ поэтомъ все школьное время оставался Вергилій: изъ Энеиды кончавшіе курсъ гимназисты должны были знать наизусть цѣлыя пѣсни. Вѣнцомъ практическихъ упражненій въ старшихъ классахъ служили «декламаціи», т. е. публичныя рѣчи, произносившіяся гимназистами по случаю различныхъ школьныхъ и церковныхъ торжествъ, и, наконецъ, театральныя представленія на латинскомъ языкѣ.

Насколько проста была программа, настолько опредѣлененъ былъ и методъ преподаванія. Во всѣхъ отдѣлахъ гимназическаго курса преподаватель шелъ однимъ путемъ. Сначала онъ давалъ правило, затѣмъ приводилъ на него примѣръ и затѣмъ заставлялъ учениковъ «подражать» данному примѣру. Такъ проходилась грамматика, такъ проходилась реторика, такъ же проходилось и поэтическое искусство. О томъ, какой характеръ носило это подражаніе, Штурмъ высказывается съ полной ясностью. Бываетъ, говоритъ онъ, подражаніе, пользующееся всѣми правами свободы и самостоятельнаго краснорѣчія, но такому подражанію въ школѣ не мѣсто. Школьное подражаніе должно быть роб-

кое, заботливое, можно прямо сказать—рабское. Ученикъ все долженъ красть у своего образца, но такъ ловко, чтобы его нельзя было уличить и поднять за кражу на-смѣхъ. Иначе говоря, всѣ самостоятельныя реторическія упражненія учениковъ должны были состоять изъ цицероновскихъ фразъ съ легкими измѣненіями и въ новомъ порядкѣ.

Надо отдать, впрочемъ, Штурму справедливость, онъ и не преувеличивалъ значенія подобнаго рода занятій для умственнаго развитія учениковъ. Linguae magis, quam mentis magistri atque doctores esse volumus,—мы въ гимназіи больше развиваемъ языкъ, нежели разумъ, категорически заявлялъ онъ, находя такой порядокъ вещей вполнѣ нормальнымъ: о развитіи разума, по его мнѣнію, долженъ былъ заботиться уже университетъ, но, конечно, опять-таки путемъ преподаванія высшей «элоквенціи».

Заглянемъ теперь во внутренность этой гуманистической школы и посмотримъ, во что обходилось ея преподавателямъ и ея воспитанникамъ исполненіе поставленныхъ имъ задачъ. Живую картину современной ему школьной дѣйствительности рисуетъ намъ Меланхтонъ въ своей рѣчи De miseriis paedagogorum. Эзоповскій оселъ, говоритъ онъ, навѣрное не посмѣлъ бы такъ жаловаться на свою горькую участь, если бы видѣлъ положеніе нашихъ учителей. Когда родителямъ дома приходится невтерпежъ отъ мальчишки, они отдаютъ его въ школу. Учитель начинаетъ показывать ему грамоту: мальчикъ не хочетъ ничего слушать. Учитель спрашиваетъ его урокъ: мальчику первое удовольствіе бѣсить своего наставника безбожнымъ враньемъ. Цѣлая вѣчность проходитъ, такимъ образомъ, пока онъ выучится читать. Но это еще цвѣточки: бѣда, когда дѣло доходитъ до латыни. Къ мальчику обращаются по-латыни: онъ отвѣчаетъ по-нѣмецки. Его заставляютъ отвѣчать по-латыни. Боже милосердый, что же за картину онъ изъ себя тогда являетъ! Сначала онъ стоитъ нѣмой, какъ статуя; но вотъ онъ собрался съ духомъ, онъ ищетъ словъ: глаза у него закатываются, и ротъ разѣвается, какъ у эпилептика. Наконецъ, изъ устъ его начинаютъ вылетать звуки, но чтобы не попасться въ ошибкѣ, малецъ бормочетъ очень неразборчиво; нѣкоторые изъ учениковъ доходятъ прямо до изумительнаго совершенства въ искусствѣ проглатывать конечные слоги. Ему кричатъ: яснѣе! Онъ повторяетъ, и тутъ до учителя доносится какая-то тарабарщина, гдѣ нѣтъ ни грамматики, ни латыни. Чистая мука! А затѣмъ слѣдуетъ искусство писать по-латыни. Ни къ чему ученики не питаютъ такой ненависти, какъ къ этимъ упражненіямъ. Каждый Божій день приходится съ ними изъ-за этого браниться, и еле-еле добьешься, чтобы они за семестръ написали по одному латинскому письмецу. Когда дѣло доходитъ до стиховъ, то все приходится подсказывать—и содержаніе, и выраженія. Даже подъ такую диктовку ученики насилу соглашаются заниматься стихосложеніемъ, и рѣдкій-рѣдкій изъ нихъ попробуетъ, наконецъ, свои силы самостоятельно.

Одинъ знаменитый полководецъ говорилъ, что для успѣшнаго сраженія необходимы три вещи: чтобы солдаты хотѣли сражаться, чтобы они были одушевлены чувствомъ чести и чтобы они повиновались. Школьный полководецъ не можетъ разсчитывать въ своихъ войскахъ ни на одну изъ этихъ трехъ вещей: его подчиненные не хотятъ учиться, не понимаютъ, что такое честь, и не слушаются. И вотъ тутъ учи ихъ по-латыни. Нѣтъ, легче было бы учить верблюда танцовать или осла играть на лютнѣ!

Можно усомниться, чтобы подобнаго рода занятія латинскимъ языкомъ могли много способствовать украшенію привитаго катехизисомъ благочестія вѣнцомъ премудрости, и въ жалобахъ, подтверждающихъ основательность этихъ сомнѣній, у насъ нѣтъ недостатка. Въ первой половинѣ XVIII-го столѣтія извѣстный филологъ Эрнести обратилъ всеобщее вниманіе на психологическое явленіе, которое онъ обозначалъ терминомъ stupor paedagogicus—«школьная дурость». Этотъ особый видъ глупости развивался, по наблюденію Эрнести, въ школѣ благодаря занятію латинскимъ языкомъ по сообщенному нами старо-гуманистическому рецепту: въ долголѣтней погонѣ за словами и за фразами ученики навсегда утрачивали способность интересоваться литературными произведеніями по самому ихъ содержанію. Любопытно, что тотъ же феноменъ долженъ былъ уже съ горечью констатировать самъ творецъ реформаціонной школы Меланхтонъ. Въ рѣчи De studiis adolescentium онъ настаиваетъ на томъ, чтобы на младшихъ курсахъ въ университетѣ студенты обязательно подвергались экзамену по философіи. Въ этомъ онъ видитъ средство удержать ихъ отъ безпорядочнаго чтенія ради одного собиранія запаса словъ, фразъ и сентенцій. «Зло это», говоритъ онъ, царитъ въ нашихъ школахъ: много можно встрѣтить теперь людей, которые за подобнымъ занятіемъ ничѣмъ не съумѣли воспользоваться отъ школы и вышли изъ нея позорными дураками и невѣждами.

Если мы остановимся здѣсь и, сравнивъ оффиціально поставленныя старо-гуманистической школѣ задачи съ ихъ выполненіемъ, произнесемъ приговоръ надъ подагогикой XVI-го вѣка, то приговоръ этотъ прозвучитъ, конечно, очень жестоко. Но такое отношеніе къ реформаціонной школѣ было бы, въ концѣ концовъ, несправедливостью. Чтобы оцѣнить ее по настоящему ея достоинству, намъ надо не упускать изъ вида тѣхъ общественныхъ условій, въ которыхъ ей приходилось работать.

Господство мертваго латинскаго языка въ европейской школѣ съ самаго начала обусловлено было вовсе не педагогическими соображеніями, а общественной необходимостью. Безъ присутствія въ обществѣ извѣстнаго числа лицъ, владѣвшихъ латинскимъ языкомъ, въ средніе вѣка не могли бы существовать ни церковь, ни государство, ни наука *). Такое же положеніе дѣлъ продолжалось до извѣстной степени и въ

*) Эти положенія подробно развиты мною въ «Очеркахъ по исторіи народной школы», гл. II.

XVI-мъ вѣкѣ. Латинскій языкъ, по крайней мѣрѣ, въ Германіи, отнюдь не могъ еще быть замѣненъ роднымъ ни въ наукѣ, ни въ главныхъ областяхъ государственнаго и церковнаго управленія, и не владѣя имъ, человѣкъ не могъ стать членомъ образованнаго общества. Но средніе вѣка отличались замѣчательною нетребовательностью къ формѣ: они интересовались только тѣмъ, что сказано, и почти не обращали вниманія на то, какъ это сказано. Ихъ латинскій языкъ былъ грубъ, кишѣлъ всякими неологизмами, но въ то же время отличался крайней вразумительностью — и съ нихъ этого было довольно. Въ эпоху гуманизма, напротивъ того, въ образованномъ обществѣ проснулся и болѣзненно развился вкусъ къ литературной формѣ. Латинскій языкъ продолжалъ оставаться языкомъ всей образованности; на немъ велась и страстно волновавшая общество XVI вѣка религіозная полемика; но общество не соглашалось болѣе слушать варварской латыни; оно требовало отъ своихъ ученыхъ, писателей и ораторовъ прежде всего безупречной чистоты языка.

А «кто хочетъ цѣли, тотъ долженъ принимать и средства». И съ этой точки зрѣнія старо-гуманистическую гимназію нельзя не признать довольно цѣлесообразнымъ учрежденіемъ. Если въ ней не было ни родного языка, ни ариѳметики съ геометріей, ни исторіи съ географіей, то вовсе не потому, чтобы общественная и педагогическая важность этихъ предметовъ ускользала отъ вниманія ея строителей. Тотъ же Лютеръ мечталъ, что хорошо было бы преподавать исторію даже въ начальной школѣ. Но разъ на школу прежде всего возлагалась задача довести своихъ питомцевъ къ 16—18-лѣтнему возрасту до умѣнья свободно и правильно говорить и писать по-латыни, безъ чего они не могли приступить къ университетскимъ занятіямъ, то всѣ эти желательные предметы по справедливости признавались недоступною для нея роскошью. Ежедневныя занятія латинской грамматикой, усиленное заучиваніе сначала отдѣльныхъ словъ и фразъ, а затѣмъ обширныхъ прозаическихъ и поэтическихъ отрывковъ, и, наконецъ, полное изгнаніе родного языка изъ стѣнъ школы—все это являлось при данныхъ условіяхъ горькой, но неизбѣжной необходимостью.

И надо замѣтить, что педагоги того времени ясно сознавали всю горечь такого положенія дѣлъ. Если вѣрить нѣкоторымъ изъ ревностныхъ приверженцевъ современнаго классицизма, то наши дѣти должны благословлять Бога за то, что не выучиваются латинскому языку дома, на колѣняхъ у матери, а должны изучать его въ школѣ: будь это иначе, у нихъ было бы отнято самое могучее орудіе «формальнаго образованія мышленія». Въ XVI-мъ и XVII-мъ вѣкахъ эта истина была еще совершенно неизвѣстна. Всѣ тогдашніе педагоги наивно думали, что изученіе чужихъ языковъ является крупною, печальной помѣхой на пути лицъ, стремящихся къ образованности. «Счастливы были римляне,—говоритъ Г. Вольфъ,—они учились одному греческому языку, да и то не по грам-

матикамъ, а легкимъ практическимъ путемъ разговоровъ съ греками. Еще счастливѣе были греки, которые могли обходиться съ однимъ роднымъ языкомъ и, выучившись читать и писать, сейчасъ же приступали къ занятіямъ науками и философіей. А намъ на долю выпала горькая участь. Крупную долю юности мы должны убивать на изученіе чужой рѣчи, и путь къ философіи весь усѣянъ для насъ преградами: ибо знаніе латинскаго и греческаго языковъ еще не даетъ образованія, а служитъ лишь дверью къ нему». «Греки,—говоритъ другой педагогъ XVI-го вѣка, Эберъ,—занимались однимъ роднымъ языкомъ. Римляне вдобавокъ къ нему еще греческимъ. А мы принуждены совсѣмъ оставлять въ забросѣ свой родной языкъ и вмѣсто него изучать съ великимъ трудомъ два или три иностранныхъ. И это у насъ великое зло».

Это было, дѣйствительно великимъ зломъ для Германіи—бо̀льшимъ даже, чѣмъ то думали Вольфъ, Эберъ и другіе педагоги XVI-го вѣка, и притомъ не такимъ неизбѣжнымъ, какъ они полагали. Признавъ старо-гуманистическую гимназію весьма цѣлесообразнымъ по своему времени учрежденіемъ, я вовсе не хотѣлъ этимъ сказать, чтобы мы должны были считать сами поставленныя ей обществомъ цѣли вполнѣ законными. Вотъ какъ говоритъ объ этомъ Паульсенъ въ замѣчаніяхъ, которыми я заключу настоящій очеркъ.

«Въ развитіи языка отражается внутреннее развитіе народа. Съ исхода среднихъ вѣковъ наша народная жизнь утрачиваетъ единство языка: съ этихъ поръ ученые говорятъ на другомъ языкѣ, нежели непричастная образованію масса населенія — именно по-латыни. Положимъ, и въ средніе вѣка латынь была уже языкомъ учености и отчасти общественной жизни. Но средневѣковая латынь не была языкомъ чужого народа; она была самобытнымъ произведеніемъ среднихъ вѣковъ, она развилась на почвѣ этой эпохи и не измѣняла способа мышленія у тѣхъ, кто ею пользовался. Она не являлась предметомъ гордости и похвальбы; это было просто небходимое орудіе науки и международныхъ сношеній. Она не отчуждала человѣка отъ народной жизни: клирики, понимавшіе ее и пользовавшіеся ею, оставались при общемъ народномъ міросозерцаніи. Совсѣмъ иное дѣло гуманистическая латынь. Это, дѣйствительно былъ чужой языкъ, и тѣ, кто на немъ говоритъ, сознаютъ это и не желаютъ, чтобы онъ утратилъ такой характеръ. Гуманисты отдѣляютъ себя отъ массы народа, какъ аристократію языка: они презрительно отказываются пользоваться роднымъ языкомъ, языкомъ черни, для всякихъ разговоровъ, сколько-нибудь выходящихъ изъ круга низменныхъ обыденныхъ предметовъ и интересовъ; разъ рѣчь заходитъ о чемъ-нибудь болѣе благородномъ, глубокомъ, духовномъ, они не допускаютъ другого языка, кромѣ одного изъ древнихъ. Гуманистъ Бушій въ стихотворномъ памфлетѣ противъ одного старозавѣтнаго ростокскаго магистра бросаетъ въ лицо своему противнику, какъ самыя позорныя вещи, прежде всего образованный тѣмъ неправильный звательный па-

дежъ (Buschie), а затѣмъ то обстоятельство, что «онъ комментировалъ своимъ слушателямъ Теренція на грязномъ языкѣ варваровъ»; и нѣтъ сомнѣнія, что въ глазахъ всѣхъ гуманистовъ то были подавляющей тяжести обвиненія. Въ сотняхъ рѣчей и школьныхъ постановленій проводился потомъ этотъ взглядъ, что позорно говорить на языкѣ черни о духовныхъ предметахъ, градомъ побоевъ вбивался онъ въ голову ученымъ въ ихъ дѣтскіе годы.

«Послѣдствіемъ этого было, что нашъ родной языкъ не только пересталъ развиваться, но какъ всякій органъ безъ употребленія сталъ чахнуть и бѣднѣть. Къ концу XVI-го вѣка въ тѣхъ случаяхъ, когда приходилось говорить по-нѣмецки о не совсѣмъ обыденныхъ предметахъ, никто не могъ уже справиться съ этимъ, не прибѣгая къ заимствованіямъ изъ латинскаго языка. Положимъ, дѣлалось это отчасти нарочно — человѣкъ показывалъ этимъ, что онъ не принадлежитъ къ черни—но главная причина заключалась, несомнѣнно, въ томъ, что нѣмецкія выраженія съ трудомъ приходили на языкъ, тогда какъ латинскія всегда были на готовѣ. Можно даже вообще сомнѣваться, чтобы средній человѣкъ способенъ былъ думать и говорить на двухъ столь различныхъ языкахъ, какъ нѣмецкій и древній латинскій. Презрѣніе и одичалость, въ которыя впалъ нѣмецкій языкъ благодаря гуманистической школѣ, подготовили и позднѣйшее торжество французскаго языка въ знатномъ нѣмецкомъ обществѣ XVII-го вѣка. Одно время могло даже казаться, что нѣмецкій языкъ навсегда погибъ, какъ культурное нарѣчіе. И когда онъ снова сталъ подвергаться литературной обработкѣ, то связь его съ живой разговорной рѣчью была почти уже порвана: хорошо еще, что Лютеровъ переводъ Библіи спасъ добрую долю средневѣкового народнаго языка для лучшихъ временъ.

«Такимъ путемъ произошло, что въ Германіи болѣе ста лѣтъ всѣ высшіе вопросы народной жизни почти никогда не обсуждались на родномъ языкѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, что въ теченіе всего этого времени народъ оказывался отстраненнымъ отъ участія въ нихъ: пренія шли только между учеными, и то при закрытыхъ дверяхъ. А слѣдствіемъ этого явилось обѣднѣніе духовной жизни прежде всего въ народной массѣ, а затѣмъ и въ самомъ образованномъ обществѣ; глубокія, великія мысли и чувства не зарождаются въ спертой атмосферѣ кабинетной учености. Вся литература двухъ послѣдующихъ столѣтій страдаетъ худосочіемъ. Научныя ихъ произведенія носятъ жалкій, искусственный характеръ; много мелкихъ ядовитыхъ споровъ, но никакого слѣда захватывающей жизнь борьбы идей; отъ нихъ вѣетъ душнымъ воздухомъ цеховой учености. Не лучше и изящная литература; она производитъ впечатлѣніе ненужности и придуманности, какъ все то, что не имѣетъ корней въ самой народной жизни. Условныя фразы, построенныя по схемамъ античной реторики и метрики—таковы тогдашнія поэзія и краснорѣчіе, которымъ люди выучивались въ гимназіяхъ и универси-

тетахъ у профессоровъ піитики и элоквенціи. Но съ естественностью способа выраженія утратилась и естественность самого воспріятія: громкими; надутыми фразами писатели того времени прежде всего стремятся обмануть самихъ себя, внушить самимъ себѣ вѣру въ реальность сочиненныхъ чувствъ. Несносная напыщенность и пустозвонство, дѣлающія для насъ смѣшными и нестерпимыми нѣмецкихъ поэтовъ и ораторовъ XVII-го в., идутъ изъ школы: всѣ эти произведенія представляютъ собой просто нѣмецкую версію стихотворнаго и не стихотворнаго гуманистическаго краснорѣчія. За безконечными занятіями тропами и періодами люди окончательно потеряли слухъ къ звукамъ, дышавшимъ природой; простота и правдивость звучали для ихъ уха слабостью и бѣдностью, надутость и вычурность—силой и благородствомъ. Парикъ, въ которомъ эта эпоха нашла, наконецъ, самую приличную внѣшность для всякаго благороднаго и вообще что-нибудь представляющаго собою человѣка, является самымъ яркимъ символомъ царившей тогда неестественности и искусственности во внутренней жизни.

«А съ другой стороны стоитъ народъ, массы; онѣ обѣднѣли, огрубѣли, одичали. Съ половины XVI-го вѣка въ народной жизни и въ народной литературѣ наступаетъ царство «гробіанизма», оно стоитъ въ прямой связи съ тѣмъ общимъ огрубеніемъ чувства и мысли, ужаснѣйшимъ выраженіемъ котораго служатъ процессы вѣдьмъ. Народная пѣсня умолкла. И когда въ эпоху просвѣщенія образованное общество снова заинтересовалось народомъ, то оно нашло его тупоумнымъ, неподвижнымъ, полнымъ ненависти и недовѣрія къ высшимъ классамъ. И не удивительно! Цѣлыхъ два столѣтія народныя массы жили въ загонѣ внѣ всякаго участія въ умственной жизни общества: съ ними никто не говорилъ, кромѣ школьнаго учителя, вдалбливавшаго имъ остававшійся непонятнымъ катехизисъ, да пастора, проповѣдывавшаго имъ непонятную догматику и преслѣдовавшаго, какъ сектантство, всякое проявленіе въ нихъ самобытной религіозной жизни.

«И развѣ можно отрицать, что послѣдствія такого порядка вещей до сихъ поръ даютъ себя чувствовать? что наша литература, въ особенности такъ называемые нѣмецкіе классики, въ крупной своей долѣ остаются и навсегда останутся чуждыми нашему народу? что наше искусство очень похоже на экзотическое растеніе, которое не можетъ развиваться подъ нашимъ небомъ и требуетъ для себя оранжереи? и наконецъ, что сама наша религіозная и церковная жизнь носитъ искусственный, полу-политическій, полу-ученый характеръ? И развѣ не приходится признать, что средніе вѣка въ этомъ отношеніи стояли счастливѣе, и что великій духовный расколъ въ нашемъ обществѣ начался именно съ эпохи возрожденія?»

(Продолженіе слѣдуетъ).

Н. Сперанскій.

ЗЛОЙ ДУХЪ.

Романъ Іонаса Ли *).

(Переводъ съ норвежскаго В. Фирсова.).

(*Продолженіе* *).

VIII.

Инспекторъ путей сообщенія, г. Финкенгагенъ, любилъ разъѣзжать по округу, не торопясь, съ частыми остановками и роздыхомъ. Его караковая лошадка знала это, плетясь по жарѣ лѣнивымъ шагомъ, подымая изъ-подъ ногъ густыя облака пыли и только подъ гору соглашалась бѣжать легонькой рысцой. При встрѣчѣ съ мужиками или проѣзжими она сама останавливалась, сообразивъ, что повстрѣчавшіеся люди были достойны разговора съ инспекторомъ. Въ этихъ случаяхъ она проявляла много такта, и никогда не останавливалась, если встрѣчный былъ грязно одѣтъ или походилъ на бродягу; во всякомъ случаѣ, она требовала, чтобы у лица было что-нибудь въ рукахъ, напримѣръ, узелокъ или корзина, и чтобы оно, по меньшей мѣрѣ, походило на честнаго рабочаго. Слоняющихся по дорогамъ матросовъ, нищихъ и другихъ бродягъ она узнавала издали, даже не давая себѣ труда замедлить шагъ.

Сѣдой инспекторъ со своимъ круглымъ, привѣтливымъ лицомъ, въ зеленой дорожной фуражкѣ съ огромнымъ козырькомъ, походилъ въ каріолкѣ на стараго моряка, плывущаго на суднѣ. Большая дорога была его привычнымъ фарватеромъ; хутора и деревни — островами и портами. При встрѣчахъ съ мужиками онъ всегда желалъ знать, куда и зачѣмъ они ѣдутъ, а также—нѣтъ ли въ ихъ мѣстахъ чего-нибудь новенькаго, при чемъ доставалъ изъ кармана большой синій платокъ, снималъ фуражку и вытиралъ потъ на лбу и на затылкѣ.

— Ну, что везешь, Каринъ? — спрашивалъ онъ, напримѣръ, ѣхавшую ему на встрѣчу бабу. — Телятину? Покажи-ка... Еще ягоды и яйца?.. А почемъ за сотню? Те-те-те! Да у тебя есть уже свѣжій го-

*) См. «Міръ Божій», № 9, сентябрь.

рохъ! Вотъ что, поѣзжай-ка ты на заводъ, къ госпожѣ Браттъ, и скажи, что я тебя послалъ... По крайней мѣрѣ, сразу развяжешься со всѣмъ возомъ.

— Ну, что, Маритъ? — пускался онъ въ разговоръ съ другой бабой. — Ты говоришь, въ городъ, къ адвокату?.. Это не хорошо, не хорошо... Хочешь судиться съ твоей арендаторшей?.. Видно, придется мнѣ какъ-нибудь заѣхать въ ваши мѣста и поговорить съ вами обѣими. Понимаешь?..

— Благослови васъ Господь, господинъ инспекторъ! Вотъ въ самомъ бы дѣлѣ вы заѣхали...

— Постараюсь. Полагаю, что буду у васъ въ концѣ слѣдующей недѣли.

— Ахъ, мы будемъ вамъ такъ благодарны! А то просто разореніе... Позвольте завезти къ вамъ на кухню лукошечко яичекъ и маслица?.. Не побрезгайте, будьте такъ добры...

— Спасибо, спасибо... Завези!

И такъ онъ ѣхалъ миля за милей, незамѣтно поднимаясь до самыхъ предгорій.

На обратномъ пути съ объѣзда онъ неизмѣнно заѣзжалъ на лѣсопильный заводъ Андерса Братта.

— Позвольте освѣдомиться, сударыня, о вашемъ здоровьѣ?.. Я позволилъ себѣ направить къ вамъ крестьянку съ свѣжимъ горошкомъ... Получили?.. Чрезвычайно счастливъ, что провизія пришлась вамъ кстати... А свѣжихъ яицъ завтра же пришлю. Признаться, я даже приторговалъ для васъ... Въ это время года съ постоянными гостями вамъ много требуется!

— Войдите же, Финкенгагенъ, посидите хоть минутку. Не хотите ли освѣжиться чѣмъ-нибудь... Сельтерской?.. Молока?.. Вина?.. Что предпочитаете? Закусить, не правда ли?

Появлялся директоръ.

— Здравствуйте, Финкенгагенъ! Я слышу, вы побывали въ Гейѣ?— сказалъ онъ въ одинъ изъ пріѣздовъ инспектора.

— Да, господинъ директоръ, и я имѣю удовольствіе передать вамъ поклонъ отъ госпожи Свибольдтъ, и отъ вашего зятя... Слава Богу, у нихъ все благополучно, и малютки въ вожделѣнномъ здравіи... Впрочемъ, обо всемъ этомъ, вѣроятно, найдете въ этомъ письмецѣ отъ нихъ.

— А нѣтъ ли какихъ новостей?

— Ничего особеннаго, развѣ, что господинъ Свибольтъ обдѣлываетъ теперь великолѣпныя дѣла. Но это, конечно, господину директору и безъ того извѣстно... хе-хе! Онъ только-что устроилъ покупку одного изъ прежнихъ Малькольмскихъ лѣсовъ для Іонстона...

— Да, да!.. Іонстонъ входитъ въ силу! — улыбаясь, замѣтилъ директоръ.—Выкупаетъ все, что было прежде въ ихъ роду... И все это выходитъ выгодно...

— Поистинѣ, великаго ума человѣкъ!—произнесъ инспекторъ почти благоговѣйно.—Какова предусмотрительность! Вотъ хоть бы съ углемъ... Господинъ Іонстонъ вдругъ оказался единственнымъ собственникомъ мѣстъ, пригодныхъ для каменноугольныхъ складовъ у новыхъ пристаней, и теперь вся торговля каменнымъ углемъ сосредоточилась въ его рукахъ!

— Это онъ слизнулъ изъ-подъ носа старыхъ каменноугольныхъ тузовъ!—разсмѣялся директоръ.

— Но, можетъ быть, вы... изволили посовѣтовать?..

— Я? Чортъ меня побери, если я подумалъ объ этомъ! Даже съ пустыремъ... Я и на половину не предвидѣлъ великолѣпія аферы!

— Да, господинъ Іонстонъ великаго ума коммерсантъ!

— Надо сказать, ему чертовски везетъ. А вѣдь въ торговлѣ фунтъ счастія дороже десяти фунтовъ ума. Это вамъ извѣстно?

— Гм... Гм! Бываетъ однако, что счастіе дается людямъ, которые имъ не умѣютъ воспользоваться. А знаете, господинъ директоръ, что отъ меня снова затребованы всякія свѣдѣнія относительно пассажирскаго движенія въ нашемъ округѣ. Съ прошлаго года, когда вы изволили привести столь вѣскіе доводы противъ устройства дилижансовъ, я совсѣмъ остылъ къ этому дѣлу... т. е., во всякомъ случаѣ, не предполагаю... Гм! Однако, господинъ директоръ, по долгу службы, мнѣ поневолѣ придется...

— Такъ вотъ оно какъ? Епископъ опять вмѣшивается въ наши дѣла и продолжаетъ хлопотать?.. теперь уже въ столицѣ! Да что онъ помѣшался на этомъ, что ли?

— Считаю долгомъ пояснить, господинъ директоръ, что многіе изъ вашихъ прошлогоднихъ сторонниковъ по вопросу о дилижансахъ перешли на другую сторону. Такъ, напримѣръ, Гордеръ... Только, пожалуйста, пусть это останется между нами! Гаррестадъ тоже стоитъ за дилижансы, и даже хлопочетъ черезъ своихъ друзей... Большое значеніе въ дѣлѣ имѣетъ то, что такой уважаемый человѣкъ, какъ Іонстонъ, высказался и всегда высказывается за устройство дилижансовъ. Онъ вѣдь славится безпристрастіемъ и теперь сдѣлался общимъ кумиромъ...

— Іонстонъ?—переспросилъ директоръ, поворачиваясь въ креслѣ и сдвигая брови.—Впрочемъ, вы ошибаетесь,—прибавилъ онъ, успокоиваясь,—Іонстонъ больше не занимается этимъ дѣломъ и никогда не интригуетъ втихомолку.

— Совершенно правильно! Но всѣмъ извѣстно, что господинъ Іонстонъ сочувствуетъ идеѣ и никогда не пойдетъ противъ нея... А такъ какъ онъ членъ совѣта, то, слѣдовательно, надо это принимать во вниманіе...

Директоръ поднялся съ кресла и сталъ шагать изъ угла въ уголъ, не обращая уже ни малѣйшаго вниманія на инспектора. «Іонстонъ!»—бормоталъ онъ въ раздумьи.—«Іонстонъ!»

Онъ хотѣлъ уже выйти изъ комнаты, но вспомнилъ объ инспекторѣ.

— Кстати,—сказалъ онъ.—Будете писать донесеніе, обратите вниманіе на то, что ваши прошлогоднія свѣдѣнія о пассажирскомъ движеніи положительно были преувеличены. Нечего прикрашивать дѣло, Финкенгагенъ.

Съ этими словами онъ вышелъ и, проходя черезъ столовую, сказалъ, обращаясь къ женѣ и дочери:

— Идите кто-нибудь занять инспектора въ гостиной. Мнѣ некогда съ нимъ возиться.

Нетерпѣливо распорядившись изъ окна, чтобы запрягали лошадь, онъ пошелъ переодѣваться и черезъ нѣсколько минутъ ѣхалъ уже въ городъ. По обыкновенію, онъ правилъ самъ.

«Такъ вотъ куда дѣло зашло!»—думалъ онъ.—«Что жъ это? меня хотятъ застать врасплохъ, что ли?—Пусть только тотъ, кто хочетъ сдѣлать это, будетъ похитрѣе разныхъ господъ Гордеровъ и Гаррестадовъ».

Онъ остановилъ кабріолетъ у сада Іонстона. Какъ и слѣдовало ожидать, въ это послѣобѣденное время, Іонстонъ въ широкой соломенной шляпѣ бродилъ по саду.

— Іонстонъ!

— А, добрый вечеръ, Браттъ! Отчего жъ не входишь?

— Некогда. Скажи, пожалуйста, что это за чертовщина такая затѣвается опять съ этими... съ этими дилижансами?

— Развѣ что-нибудь затѣвается? Мнѣ ничего не сообщали... Во всякомъ случаѣ, я былъ бы очень радъ, если бы дѣло опять ожило.

— Будто не слышалъ? Въ совѣтѣ они всецѣло разсчитываютъ на тебя... Да, да! Намъ предлагаютъ кататься въ дилижансахъ и этимъ на много лѣтъ затормозить вопросъ о проведеніи желѣзной дороги.

Іонстонъ покачалъ головой.

— Неужели, Браттъ, ты все еще такъ горячо стоишь противъ этой идеи? Я думалъ...

— Будь я проклятъ, если не стою! Теперь оказывается, что въ столицѣ исподтишка обработываютъ дѣло, и нашъ инспекторъ получилъ уже оффиціальный запросъ...

Іонстонъ стоялъ съ садовымъ ножомъ и пачкой нарѣзанной спаржи въ рукахъ. Но вдругъ онъ все это положилъ на траву и, подойдя къ директору, оперся на заборъ.

— Видишь ли, Браттъ,—заговорилъ онъ спокойно;—съ тѣхъ поръ, какъ я пустился въ предпріятія съ лѣсомъ, я не менѣе твоего... пожалуй, даже больше твоего... заинтересованъ въ осуществленіи задуманной тобой желѣзной дороги. Но...

— Наконецъ-то!—съ торжествомъ вскричалъ директоръ.—Теперь, когда дѣйствительность сдѣлалась твоимъ личнымъ дѣломъ, ты перестаешь фантазировать! Еще бы ты не былъ заинтересованъ! Это я и

старался тебѣ всегда втолковать. Итакъ, дѣло рѣшенное? Мы провалимъ этотъ проектъ о дилижансахъ и будемъ требовать желѣзную дорогу?

— Ты не далъ мнѣ договорить, Браттъ. Я именно хотѣлъ сказать, что несмотря на то, что я лично заинтересованъ въ скорѣйшемъ проведеніи желѣзной дороги и не желалъ бы тормозить этого дѣла, я не вижу ни малѣйшей причины противиться устройству дилижансовъ. Потому-то мнѣ и кажется, что ты могъ бы тоже уступить.

— Что?.. Уступить? Такъ вотъ чего ты хочешь?.. Но нѣ-ѣтъ!

Онъ схватился за возжи такимъ рѣзкимъ движеніемъ, что лошадь дернула впередъ, и потомъ стала осаживать назадъ. Ударомъ возжей онъ поставилъ ее на мѣсто.

— И ты... ты подашь голосъ за дилижансы?—вскричалъ онъ.

— Ты знаешь, что если дѣло дойдетъ до совѣта, я это сдѣлаю,—спокойно отвѣтилъ Іонстонъ.

— Гм!

Лошадь плясала на мѣстѣ, сдерживаемая желѣзной рукой.

— Хорошо же, Іонстонъ! Ты знаешь мое мнѣніе: твоя безграничная щепетильность въ общественныхъ дѣлахъ приноситъ больше вреда, чѣмъ пользы. Дѣло вѣдь доходитъ до наивности! Да, да—ужъ ты меня извини, Іонстонъ. Но вотъ что я скажу тебѣ: хотѣлъ бы я дожить до того дня, когда твой епископъ увидитъ здѣсь дилижансы! Этотъ день придетъ не скоро! Прощай, Іонстонъ.

Онъ далъ волю своей лошади, и кабріолетъ стремительно понесся по направленію къ конторѣ.

Полчаса спустя въ конторѣ появилась жиденькая фигурка господина Гаррестада.

— Господинъ директоръ посылалъ за мною? Не знаю, чему или кому я обязанъ этимъ удовольствіемъ?..

— Вѣрнѣе всего, чорту! Однако, прошу покорно садиться.

Пріемъ былъ, по меньшей мѣрѣ, весьма странный. Перетрусившій Гаррестадъ съ тоской посмотрѣлъ на дверь, однако повиновался и сѣлъ.

— Ну-съ, Гаррестадъ,—началъ директоръ,—вы уже не мало времени бьетесь въ этомъ городѣ и проникли даже въ общественныя дѣла. Но, сколько мнѣ извѣстно, живется вамъ не особенно красно?

— Благодаря вамъ, господинъ директоръ...

— Пожалуй, что такъ! Не отрицаю...

Они обмѣнялись пристальнымъ взглядомъ.

— Видите ли, Гаррестадъ... Всѣ ваши предпріятія довольно шатки. Эта «касса взаимопомощи», которую вы основали, не имѣетъ ни членовъ, ни капиталовъ. «Общество для распространенія полезныхъ знаній», которое должно было закупать книги у васъ, совсѣмъ не идетъ... Люди вѣдь не такъ глупы и насквозь видятъ такія «филантропическія» затѣи. Вотъ это и проваливаетъ васъ на выборахъ, на которые вы ежегодно возлагаете столько надеждъ. Не вамъ бороться съ директоромъ Браттомъ!

Краска все гуще и гуще окрашивала щеки Гаррестада, и при последнихъ словахъ директора онъ даже хотѣлъ встать и уйти. Но въ манерахъ и въ голосѣ директора было что-то необыкновенное, поражавшее столько же любопытство, какъ и лучшія чувства Гаррестада. И онъ остался.

— Что вы скажете, милѣйшій Гаррестадъ?—сказалъ директоръ послѣ довольно томительнаго перерыва;—что вы скажете, если бы я посовѣтовалъ вамъ бросить весь этотъ филантропическій хламъ и доставилъ бы вамъ дѣйствительно солидное мѣсто, которое сразу укрѣпило бы васъ въ обществѣ и въ адвокатурѣ? Напримѣръ, мѣсто смотрителя городскихъ больницъ, освобождающееся не далѣе, какъ къ новому году?..

Гаррестадъ даже привскочилъ на стулѣ, но тотчасъ же принялъ самый недовѣрчивый видъ.

— Позвольте спросить, господинъ директоръ, съ какой стати вамъ угодно шутить?..

— Я вовсе не шучу. Вы, кажется, не въ состояніи понять, что я могу поступать, не руководствуясь моими личными симпатіями?

— Признаюсь—не понимаю. Но, можетъ быть, вы желаете поставить мнѣ какія-нибудь условія?.. Въ такомъ случаѣ, если я могу исполнить ихъ свободно и по совѣсти... нельзя же пренебрегать своимъ счастіемъ! Это значило бы пренебрегать указаніями Провидѣнія...

— Гм!—откашлялся директоръ.

— Во всякомъ случаѣ, я желалъ бы доказать, господинъ директоръ...

— А слышали вы, что здѣсь снова поднимается вопросъ о дилижансахъ?—перебилъ директоръ.

Гаррестадъ насторожился, потомъ какъ-то странно вывернулъ шею и потупился.

— Вы хотите сказать, господинъ директоръ?..

— Вы отлично знаете, что я хочу сказать!

Директоръ потеръ себѣ подбородокъ, и Гаррестадъ почувствовалъ на себѣ его безпощадно-насмѣшливый взглядъ.

— По этому вопросу я могу только сказать,—началъ онъ, не поднимая глазъ и какъ бы нащупывая почву,—что ваше мнѣніе, господинъ директоръ, вполнѣ правильно. Устройство дилижанснаго сообщенія въ самомъ дѣлѣ затормозитъ проведеніе желѣзной дороги... Этотъ аргументъ простъ, ясенъ и убѣдителенъ, какъ все, что высказывается господиномъ директоромъ въ общественныхъ дѣлахъ!

— Вы находите? Хе, хе! Да вѣдь это именно то, что мнѣ хотѣлось услышать отъ васъ, Гаррестадъ! Въ самомъ дѣлѣ, это вѣдь просто и хорошо!

— Въ высшей степени, господинъ директоръ, и меня несказанно радуетъ, что, наконецъ, мнѣ представляется случай съ чистой совѣстью стать на сторону господина директора. Содѣйствовать скорѣйшему про-

веденію желѣзной дороги, по истинѣ, святое дѣло, которое должно объединить всѣ партіи въ городѣ. Притомъ, нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что вы, съ вашей чуткостью къ общественнымъ...

— Ну, и такъ далѣе! — перебилъ директоръ пренебрежительно.— Меня дожидаются дома, такъ ужъ вы меня извините... Очень радъ, что мы столковались. До свиданія, Гаррестадъ!

— Ужъ не слишкомъ красивый союзъ!—бормоталъ онъ себѣ въ бороду, садясь въ кабріолетъ.—За то теперь посмотримъ...

Онъ пустилъ лошадь крупной рысью и сдержалъ ее только у воротъ типографіи Трэана.

— Вотъ какъ?.. Нѣтъ дома?—вскричалъ онъ, выслушавъ объясненіе подбѣжавшаго дворника.—Такъ передай господину Трэану, что я покорнѣйше прошу его заглянуть ко мнѣ въ контору завтра, часовъ этакъ въ десять!

Пріѣхавъ домой, онъ бросилъ возжи подбѣжавшему мальчику и прямо прошелъ въ гостиную. Тамъ уже дожидался его Абрагамъ, недавно начавшій писать съ него портретъ и пришедшій для сеанса.

Директоръ молча опустился въ кресло и сразу принялъ позу, къ которой успѣлъ привыкнуть въ первые три сеанса. При этомъ онъ позаботился согнать съ лица всякіе слѣды недавняго волненія и принялъ такое оффиціальное, безличное, выраженіе, что Абрагамъ даже пришелъ въ отчаяніе.

Приготовляя кисти и краски, молодой человѣкъ сдѣлалъ было нѣсколько попытокъ оживить лицо директора смѣшными анекдотами; но лицо директора осталось то же.

Тогда онъ запѣлъ любимую пѣсенку директора:

Отрада сердца моего,
Дороже и милѣй всего
Вендела мнѣ!..

Но даже заключительныя строки этой пѣсни:

Отдай же мнѣ
Мой портмонэ,—

всегда возбуждавшія смѣхъ неразборчиваго въ литературѣ директора, на этотъ разъ не произвели обычнаго дѣйствія.

— Кстати о портмонэ!—снова сталъ шутить художникъ.—Обратили вы вниманіе на то, что каждый человѣкъ по своему вынимаетъ деньги и въ этомъ жестѣ много характерныхъ особенностей?

— Очень возможно...

— Мой отецъ, напримѣръ, лѣзетъ за деньгами въ разные карманы и только въ рѣдкихъ случаяхъ носитъ деньги въ портмонэ.

Директоръ усмѣхнулся, но остался равнодушенъ къ предмету разговора.

— Гертрудъ, Гертрудъ!—позвалъ Абрагамъ, заглянувъ въ сосѣднюю комнату.—Идите, пожалуйста, разсердить вашего отца. Онъ исчезъ безслѣдно. Мнѣ нуженъ въ лицѣ характеръ, а не оффиціальная маска.

— Что вы говорите! Я знаю, что сижу правильно!—возмутился директоръ и сдѣлалъ движеніе рукой, какъ бы указывая, что онъ не забылъ, куда ее слѣдуетъ положить.

— Да! но выраженіе вашего лица невозможное! Особенно подбородокъ... Въ этомъ подбородкѣ сегодня что-то совсѣмъ новое.

— Я полагаю, что мой подбородокъ придѣланъ къ лицу разъ на всегда... и крѣпко.

— Но въ немъ какая-то натянутость... Точно вы собираетесь бриться!

— Ну, вотъ еще!..

На этотъ разъ директоръ непритворно улыбнулся шуткѣ, но тотчасъ же опять застылъ въ прежней одеревенѣлости физіономіи.

Абрагамъ замурлыкалъ что-то подъ носъ, и больше ходилъ вокругъ мольберта, чѣмъ писалъ. По звуку его голоса Гертрудъ слышала изъ сосѣдней комнаты, что его работа сегодня не спорится.

Въ самомъ дѣлѣ, онъ никакъ не могъ на этотъ разъ уловить характерную черту въ лицѣ директора, и потому сходства не выходило. Онъ увеличилъ оспины и бородавку подлѣ носа, въ надеждѣ, что это наведетъ его на что-нибудь существенное, но и это не повело ни къ чему.

Между тѣмъ, директоръ задумался и въ его глазахъ появилось что-то острое, неумолимое. Все лицо приняло выраженіе человѣка, который цѣлится или подстерегаетъ, напримѣръ, птицу...

Абрагамъ привскочилъ и быстро повелъ кистью по полотну.

— Гертрудъ, дайте мнѣ, пожалуйста, какую-нибудь тряпку вытирать краску!—черезъ нѣсколько времени попросилъ онъ, не возвышая голоса.

Когда Гертрудъ принесла тряпку, онъ такъ былъ поглощенъ своей работой, что даже не обернулся и разсѣянно проговорилъ:

— Положите куда-нибудь.

Она осталась въ комнатѣ и невольно засмотрѣлась на Абрагама. Глаза его пылали; во всемъ лицѣ выражалась сила. Для него теперь существовало на свѣтѣ только то, что онъ творилъ...

Послѣдній лучъ заходившаго солнца догорѣлъ на стѣнѣ, и погасъ.

Часы пробили семь.

— Ну, достаточно?..

Директоръ поднялся съ кресла и потянулся съ видимымъ облегченіемъ. Ему надоѣло сидѣть на одномъ мѣстѣ, но сегодня, по крайней мѣрѣ, Абрагамъ работалъ, и хоть кое-что сдѣлано...

— Посмотрите, Гертрудъ!—сказалъ молодой человѣкъ, когда директоръ вышелъ.—Что скажете?

Онъ еще стоялъ передъ портретомъ и кое-гдѣ подправлялъ лицо.

Гертрудъ подошла.

— Да, это отецъ!—вскричала она.—Живой!.. Какъ хорошо вышелъ

ротъ!.. А, вѣдь, это красивый ротъ! Это ротъ человѣка, который знаетъ, чего хочетъ!

— По крайней мѣрѣ, я старался изобразить эту черту!—отозвался Абрагамъ скромно.—Можетъ быть, я уловилъ ее, подумавъ о васъ... Вы очень похожи на вашего отца, Гертрудъ.

— Это для меня очень лестно.

— Серьезно. Разумѣется, сходство не въ округленномъ глазѣ, не въ бородавкѣ на носу... Я говорю о выраженіи лица, о нравственной силѣ, превратившейся у васъ въ красоту. Напримѣръ, какая сила—прекрасная, человѣколюбивая сила—выражается въ складкѣ вашего рта! Это лучшее ваше украшеніе, уже не говоря о вашихъ темныхъ глазахъ. Глаза неотразимы, но одному Господу Богу извѣстно, что они выражаютъ...

— Благодарю васъ!

— А ваши волосы... Когда-то все мое счастье висѣло на черной косѣ, по счастью, надежной, какъ буксирный канатъ. Думая о васъ, я всегда вспоминалъ вашу косу... По колебаніямъ вашей косы можно было знать, въ какомъ вы расположеніи духа. Теперь эта коса скручена и превратилась въ вѣнецъ... Но, какъ подумаю, что она можетъ раскрутиться, и покроетъ ваши плечи...

— Я думала, что мы говоримъ о портретѣ моего отца?—перебила она, прищуриваясь.

— Да нѣтъ же, Гертрудъ, о васъ, о васъ, о васъ! Я всегда думаю о васъ, о чемъ бы ни говорилъ; а теперь я сталъ храбрѣе, и говорю, что думаю... Знаете ли, что изобразить блескъ вашихъ глазъ такъ же трудно, какъ вѣрно передать солнечный свѣтъ! Но вы должны позволить мнѣ сдѣлать попытку... Неужели не позволите? Я бы принялся за вашъ портретъ сейчасъ же по окончаніи этого?..

Она промолчала.

— Значитъ, не отказываетесь?—возликовалъ онъ.—Ну, однако, сегодня мнѣ повезло! И безъ того я былъ такъ доволенъ, такъ доволенъ, что, наконецъ, овладѣлъ этимъ сходствомъ... А тутъ еще...

Онъ не договорилъ, и даже засмѣялся отъ удовольствія.

Гертрудъ стояла въ раздумьи, и ничего не успѣла еще сказать, вошелъ Клаусъ.

— Начинаетъ получаться сходство?—спросилъ Абрагамъ, который уже завѣшивалъ портретъ, но, при появленіи Клауса, снова отдернулъ полотно.

— Да, похожъ... Очень похожъ! Хи, хи, хи, пари держу, что у него какія-нибудь непріятности въ конторѣ... Это такъ и бросается въ глаза!— Ну, братъ, если ты можешь изображать такія штуки, такъ... это просто чортъ знаетъ что! Честное слово!

И они оба ушли въ комнату Клауса.

— Послушай, Клаусъ!—заговорилъ Абрагамъ.—Помнишь Отту? Я встрѣтился съ нею на пароходѣ; она тамъ служитъ... Никогда не могъ

я забыть, что мнѣ такъ и не удалось написать ея портрета, а въ эскизахъ ничего не вышло... Теперь она еще интереснѣе прежняго... Настоящая переходная степень отъ животнаго къ человѣку, и въ довольно красивой формѣ. А я-таки напишу ее, а то воспоминаніе о неудачѣ всегда будетъ казаться мнѣ какой-то, когда-то полученной оплеухой. Я даже условился съ ней: она пріѣдетъ погостить на недѣлю къ матери, а этимъ временемъ я и воспользуюсь.

Гертрудъ все слышала изъ своей комнаты.

Когда Абрагамъ собрался домой и сталъ ее разыскивать, чтобы проститься, ее нигдѣ не оказалось: она, вѣрно, ушла въ садъ, и не откликалась.

IX.

Въ угловой комнатѣ ресторана госпожи Михельсонъ сидѣли трое самыхъ постоянныхъ ея посѣтителя: агентъ Тезенъ, аптекарь и господинъ Воге. Они только-что пообѣдали, и теперь играли въ вистъ съ болваномъ. Стояла ненастная осень, и въ комнаты, черезъ залитыя дождемъ окна, проникалъ только слабый, желтоватый, свѣтъ. Играющіе были сосредоточенны и молчаливы; съ телеграфной станціи въ томъ же домѣ ясно доносилось постукиваніе аппаратовъ.

Госпожа Михельсонъ была въ какомъ-то нервномъ настроеніи и безпокойно бродила изъ комнаты въ комнату.

— Что это вы все вздыхаете?—обратился къ ней аптекарь, когда она подошла къ ихъ столику.—Признайтесь лучше прямо: опять кто-нибудь сватаетъ васъ?

— Если бы только это...

— Вотъ и, по моему, такъ; о чемъ же тужить? Сватовство не женитьба...

— Э, у госпожи Михельсонъ теперь не то на умѣ! — вмѣшался только что вошедшій землевладѣлецъ Бергъ.

— Вы забываете, что сегодня здѣсь соберется сходка по поводу устройства дилижанснаго сообщенія, и что въ этомъ вопросѣ госпожа Михельсонъ столько же заинтересована, какъ и мы.

Онъ оглянулся по сторонамъ, ища, куда бы поставить мокрый зонтикъ, и, не найдя лучшаго мѣста, поставилъ его въ плевальницу.

— Рюмку англійской горькой!—крикнулъ онъ въ двери буфета и сѣлъ къ столу съ газетами.

— Да, дѣло съ дилижансами не клеится!—вздохнулъ Воге.—Какъ бы и въ самомъ дѣлѣ не повредили эти дилижансы вопросу о желѣзной дорогѣ...

— Слышите, мадамъ Михельсонъ?—улыбаясь, замѣтилъ ей Бергъ.—Вы все еще не выучились вырабатывать въ себѣ способности правильно мѣнять мнѣнія. Такъ вотъ, учитесь!.. Не осмѣлитесь же вы усомниться въ непогрѣшимости директора?

— Не мое дѣло высказывать свое мнѣніе въ такихъ важныхъ общественныхъ вопросахъ, господинъ Бергъ!—отозвалась вдова.—Притомъ, стоитъ ли разсуждать, когда все будетъ такъ, какъ хочетъ господинъ директоръ!

— О, какіе у васъ мятежные намеки, госпожа Михельсонъ!—подмигнулъ онъ ей.—А признайтесь, что вы были бы очень рады, если бы директоръ остался сегодня въ меньшинствѣ, и вашъ отель превратился бы въ дилижансную станцію... А? Между нами, конечно...

— Могу только сказать одно,—проговорила она съ достоинствомъ,— что я спрашивала мнѣніе самыхъ уважаемыхъ изъ нашихъ согражданъ и, по совѣсти, ни одинъ изъ нихъ не находилъ, чтобы дилижансы могли повредить городу.

— Ну, вотъ! Развѣ я не говорилъ, что вы мятежница?—Онъ выпилъ рюмку горькой и крякнулъ.—Не забывайте, однако, что всему на свѣтѣ есть предѣлъ, а значитъ, и безпристрастію—вѣрнѣе, безкорыстію!..

— Объясните хоть вы, господинъ агентъ,—не слушая шутника, обратилась она къ Тезену,—какъ могутъ люди серьезно предпочитать грязныя телѣги Эноксена ѣздѣ въ прекрасномъ дилижансѣ съ хорошими рессорами и мягкими подушками?

— Вы забываете самое главное!—съ притворной серьезностью замѣтилъ Тезенъ.—Здѣсь, вѣдь, разъѣзжаютъ преимущественно столичные туристы, которые путешествуютъ, чтобы встряхнуться. Ясно, что для этого ихъ надо садить въ наши тряскія таратайки...

Хозяйка не поняла шутки и съ важностью покачала головой.

— Мудреныя вещи приходится выслушивать объ этихъ дилижансахъ!—сказала она.—Тутъ и о здоровьѣ, и о порядкѣ, и о желѣзныхъ дорогахъ примѣшиваютъ... Пожалуй, все это правильно. Но, когда человѣкъ всего этого своимъ умомъ понять не можетъ, онъ долженъ полагаться на умныхъ людей... Не одинъ же директоръ у насъ уменъ?

Бергъ расхохотался.

— Ну, не прелесть ли эта кротчайшая мадамъ Михельсонъ!—вскричалъ онъ и возвелъ очи къ потолку.

— И у васъ была бы здѣсь роскошная дилижансная станція, отъ которой всего два шага до пассажирской пристани!—продолжала расходившаяся госпожа Михельсонъ.—Рѣшительно не понимаю, почему такое хорошее дѣло встрѣчаетъ столько препятствій... Притомъ, развѣ директоръ не знаетъ, что я взяла изъ его банка свои четыре тысячи кронъ, чтобы расширить мою гостинницу, гдѣ уже не хватало мѣста для путешественниковъ? Развѣ онъ не слышитъ постоянныхъ жалобъ этихъ путешественниковъ на наши невозможныя почтовыя телѣги?.. Нѣтъ, видите ли, все должно отступить передъ его фантазіей о желѣзной дорогѣ! А скоро ли она еще будетъ, эта дорога-то? Хорошо говорить о ней тѣмъ, у кого нѣтъ гостинницъ—имъ торопиться нечего...

— Вы разсудили, по истинѣ, мудро, мадамъ Михельсонъ!—замѣтилъ Бергъ.

— Да, дѣло не подвигается впередъ ни на шагъ!—согласился и засѣдатель Воге.

— Во всякомъ случаѣ, сегодня дѣло рѣшится!—вздохнула хозяйка.—Но вотъ что печально: всѣ соглашаются, что нужны дилижансы, и очень желаютъ этого, а когда дѣло доходитъ до рѣшенія—всякій устраняется и говоритъ—нѣтъ. Въ чемъ же тутъ загвоздка?

— Спросите это у засѣдателя!—посовѣтовалъ Бергъ.—Онъ силенъ въ алгебрѣ и можетъ въ точности вычислить, въ какую сторону наклонятся вѣсы, если на одну чашку посадить директора, а на другую желанія всѣхъ остальныхъ гражданъ города... А ну-ка, Воге?

— Не думаю, чтобы мы перетянули!—качая головой, отвѣтилъ засѣдатель.

— И я того же мнѣнія!—засмѣялся помѣщикъ.—Если сегодня вы одолѣете Андерса Братта, я согласенъ, чтобы впредь меня называли...

— Бергомъ?—предложилъ Тезенъ.

— Я вижу, что и вы отступникъ, милѣйшій Тезенъ!—засмѣялся Бергъ.—Ну, что жъ, если весь городъ страстно желаетъ покататься въ дилижансахъ, пророчить еще трудно...

— Тѣмъ болѣе, что Іонстонъ не хочетъ идти въ директорскихъ оглобляхъ!—усмѣхнулся аптекарь.—Какъ бы на этотъ разъ директоръ не обсчитался...

— Въ самомъ дѣлѣ, господа... Ужъ даже одно то, что возможны такіе разговоры въ клубѣ—это вѣдь знаменіе времени и своего рода революція!—замѣтилъ Бергъ.—Ужъ не суждено ли директору погибнуть подъ колесами дилижанса?..

Вбѣжалъ сильно взволнованный Гаррестадъ.

— Клянусь спасеніемъ моей души!—вскричалъ онъ.—Похоже на то, что большинство будетъ за дилижансы...

— А что? Можетъ быть, во имя «спасенія вашей души» вы опять перебѣжали?—ядовито спросилъ его Бергъ.

Онъ притворился, что не разслышалъ.

— Всѣ иногородніе и всѣ недовольные въ городѣ идутъ противъ директора!—продолжалъ онъ торопливо.—И ради минутнаго торжества всѣ эти господа забываютъ самое главное: желѣзную дорогу, которая обогатила бы каждаго изъ насъ... Не понимаю, о чемъ думаютъ власти... Впрочемъ, похоже на то, что инспекторъ путей сообщенія играетъ двойную игру, иначе говоря, служитъ и нашимъ, и вашимъ...

Грубое, но честное лицо Берга приняло выраженіе брезгливаго пренебреженія.

— Сами-то вы мечетесь изъ стороны въ сторону, Гаррестадъ,—проговорилъ онъ съ презрѣніемъ.—Ну, господа,—прибавилъ онъ, берясь за шапку и доставая изъ угла, изъ плевальницы, зонтикъ,—пойду-ка

посмотрѣть, что дѣлается въ конторахъ. Скоро увидимся здѣсь, на полѣ битвы...

Было уже поздно и совсѣмъ темно, когда директоръ крупной рысью возвращался изъ города домой. На улицахъ мерцали уже фонари.

Выѣхавъ на большую дорогу, директоръ вдругъ остановилъ лошадь и задумался, какъ бы соображая, не вернуться ли ему назадъ; но потомъ махнулъ рукой и погналъ лошадь впередъ еще шибче.

Къ ужину онъ явился мрачный, какъ ночь, и за столомъ водворилось полное безмолвіе. Всѣ чувствовали, что разговоры теперь неумѣстны.

— А что, Клаусъ,—внезапно обратился директоръ къ сыну,—былъ ты у кузнеца Эллингсена?

— Сегодня не успѣлъ. Ты, вѣдь, самъ видѣлъ, сколько народу было въ конторѣ...

— Не былъ! И Эллингсенъ ничего не знаетъ о заказѣ, который я велѣлъ ему передать?

— Я побываю у него завтра же утромъ.

— Завтра утромъ?—съ зловѣщей медленностью переспросилъ отецъ,— а, вѣдь, я еще до обѣда, Клаусъ, предупреждалъ тебя, что это спѣшно... что мнѣ это очень нужно.

— Все равно, отецъ, ничего не измѣнится оттого, что онъ получитъ заказъ завтра утромъ. Вѣдь, не могъ же онъ начать работу ночью...

— Ты хочешь сказать, что тебѣ «все равно», нужно это мнѣ, или нѣтъ?

— Этого я не говорилъ!

— Въ твоемъ лѣнивомъ равнодушіи къ моимъ дѣламъ ты нашелъ, что можно отмѣнить мое распоряженіе и сдѣлать завтра то, что я приказалъ сдѣлать сегодня.

— Не лѣнивое равнодушіе!—вспылилъ Клаусъ.—Съ утра я бился по конторскимъ дѣламъ и не имѣлъ ни минуты свободной. Наконецъ, если хочешь, я пойду къ нему сейчасъ... Разбужу его и дѣло будетъ исполнено «сегодня»,—прибавилъ онъ съ ироніей.

— И ты осмѣливаешься говорить это мнѣ... въ глаза?

Директоръ сдѣлалъ такое рѣзкое движеніе, что подъ нимъ затрещали ножки стула...

— Но, дорогой мой Браттъ... Не надо же такъ! — примирительно вмѣшалась жена.

Директоръ перевелъ духъ.

— Да, теперь мнѣ понятно, почему я остался въ меньшинствѣ на сходкѣ!—сказалъ онъ мрачно. — Я такъ твердо разсчитывалъ на кузнеца Эллингсена и на всю его партію рабочихъ... Къ сожалѣнію, мой сынъ разсудилъ, что совершенно безразлично, будетъ ли исполнено

мое приказаніе, или нѣтъ... Ему это, разумѣется, все равно! Ему надо отдохнуть и покурить послѣ завтрака, вздремнуть послѣ обѣда и дѣлать все спустя рукава...

— Нѣтъ, этого я не потерплю! — вскричалъ Клаусъ, весь красный отъ гнѣва.

— Ты предпочитаешь, чтобы я спокойно терпѣлъ пораженія?—съ злобной ироніей замѣтилъ директеръ.

— Да почемъ я зналъ! Ты ничего не объяснилъ!..

Онъ скомкалъ салфетку и гнѣвно швырнулъ ее на столъ.

— Я не говорю, что ты зналъ... Въ этомъ никто тебя не обвиняетъ. Но если бы ты не былъ равнодушенъ, если бы хоть чуточку интересовался нашими дѣлами, ты понялъ бы мои интересы безъ особыхъ указаній.

— Я отказываюсь служить въ твоей конторѣ, вотъ чтò я сдѣлаю!— въ бѣшенствѣ вскричалъ Клаусъ, поднимаясь съ своего мѣста и съ шумомъ отодвигая стулъ.

— Что же, и это придется перенести!.. Сегодня я и такъ понесъ жестокое пораженіе отъ согражданъ... Теперь въ семьѣ... Спасибо, сынокъ, за сердечное отношеніе и за труды!

— Это же, наконецъ, неблагородно! — чуть не скрежеща зубами, закричалъ сынъ.—Чортъ возьми... это низко взваливать вину на меня! Низко, низко, и я говорю это при всѣхъ, при матери...

— Что жь мнѣ расправиться съ тобой по своему, что ли?—прогремѣлъ директоръ, въ свою очередь, вскакивая со стула.

— Отецъ! — вмѣшалась Гертрудъ, грозно сдвигая брови. — Это ты оставь!..

— Да развѣ ты не видишь, что онъ точно радъ моему сегодняшнему пораженію?.. Онъ очень доволенъ, что подвелъ меня.

— Чортъ меня побери, если я не брошу все это... вмѣстѣ съ конторой!—кричалъ сынъ.—Отецъ, кажется, воображаетъ, что меня можно оскорблять, пожалуй, даже бить... Ну, нѣтъ! Я ухожу и не буду его больше подводить и ухожу отъ него съ величайшимъ удовольствіемъ...

Онъ ногой отшвырнулъ стоявшій на дорогѣ стулъ и выбѣжалъ изъ комнаты, совсѣмъ обезумѣвъ отъ гнѣва.

Послышались его торопливые шаги на лѣстницѣ, потомъ хлопнула наружная дверь, и все затихло.

— Этакій невоспитанный, бѣшеный щенокъ! — пробормоталъ дирдкторъ и въ сильномъ возбужденіи зашагалъ взадъ и впередъ по комнатѣ.—Ну, ему придется теперь порядкомъ покаяться, прежде чѣмъ я прощу его... Учись владѣть собой!

Онъ быстро вышелъ изъ столовой, посреди которой валялся уроненный сыномъ стулъ, и скрылся въ кабинетѣ.

— Подними стулъ, пока не вошла служанка!—обратилась мать къ Гертрудъ.

— Это, наконецъ, возмутительно, мама! Нападаетъ съ такимъ озлобленіемъ на Клауса, который изъ кожи лѣзетъ, чтобы ему угодить... Это такъ возмутительно, что, кажется, я...

— Не волнуйся, дитя мое! Видишь, отецъ самъ себя не помнитъ... Надо оставить его въ покоѣ и дать ему время перебѣситься... Отецъ не переноситъ пораженій!

— Онъ не переноситъ? А другіе могутъ переносить, что угодно? Другимъ не позволяется даже имѣть своего собственнаго мнѣнія!.. Говорю откровенно, что во всемъ этомъ дѣлѣ о дилижансахъ я стою за Іонстона. Отецъ до того меня раздражаетъ, что я рѣшительно во всемъ становлюсь противъ него. Стоитъ ему сказать «да», чтобы все во мнѣ возмутилось, и я хочу крикнуть «нѣтъ!»... Онъ самъ вооружаетъ насъ противъ себя...

Уже больше часа госпожа Браттъ тревожно переходила отъ одного окна къ другому, къ чему-то напряженно прислушиваясь. «Бѣдный Клаусъ!—думала она.—Съ его мягкой душой онъ не понимаетъ несправедливости... Притомъ, онъ такъ ужасно вспыльчивъ. Трудно, охъ, какъ трудно ему будетъ жить на свѣтѣ, и не скоро онъ научится житейской мудрости»...

Скрипнула дверь и въ комнату заглянулъ директоръ.

— Ты ничего, Гетта, не слышала о немъ?—спросилъ онъ подавленнымъ голосомъ.— Не понимаю, куда мальчишка убѣжалъ въ такой ливень...

— Я думаю, онъ немного размышлялъ о погодѣ, когда выбѣжалъ, Браттъ. Онъ былъ внѣ себя... Ты былъ слишкомъ жестокъ къ нему.

— Гм!.. У него ужасно вспыльчивый характеръ... Я даже начинаю безпокоиться...

Онъ прошелъ черезъ столовую, вышелъ на крыльцо и довольно долго всматривался въ потемки. Потомъ онъ снова ушелъ къ себѣ въ кабинетъ, но, немного погодя, снова появился передъ женой, на этотъ разъ уже въ шапкѣ.

— Гдѣ Гертрудъ?—спросилъ онъ.—У себя? Однако, барышня видно не очень-то тревожится о братѣ! Ахъ, вотъ она!.. Гертрудъ, дитя мое, пойдемъ со мной... Накинь на себя что-нибудь и помоги мнѣ поискать его. Пожалуйста! Надо посмотрѣть въ саду, не забрался ли Клаусъ туда... Меня начинаетъ тревожить... Онъ, вѣдь, такой горячій и способенъ надѣлать глупостей... Съ него станется остаться подъ дождемъ до утра. Одѣнься же скорѣе; я подожду тебя на крыльцѣ.

Когда она снова появилась въ накидкѣ, онъ взялся обойти дворы, а ее послалъ въ садъ. Черезъ нѣсколько минутъ она вернулась къ нему.

— Нѣтъ?.. Ты нигдѣ его не видѣла?—спросилъ онъ.—Понимаешь ли ты это?..

Они постояли нѣкоторое время молча.

— Развѣ разбудить людей?—проговорилъ онъ вдругъ глухо.—Или возьмемъ фонарь и сами пойдемъ его искать?.. А? Какъ ты думаешь, Гертрудъ? Пожалуй, лучше не поднимать лишней тревоги?..

Она молча пошла за фонаремъ.

Вскорѣ послѣ того директоръ бродилъ съ конюшеннымъ фонаремъ въ рукахъ по заводскимъ дворамъ и около плотины. Гертрудъ слѣдовала за нимъ.

Возлѣ большого водоспуска, гдѣ вода зловѣще чернѣла глубоко подъ мостомъ, онъ остановился, приподнялъ фонарь и обернулся къ дочери, блѣдный, какъ мертвецъ.

— Какъ могутъ тебѣ придти въ голову такіе ужасы?—вскричала Гертрудъ.

— А ты увѣрена, что онъ не дошелъ до полнаго отчаянія?—тихо спросилъ отецъ.

— Да, нѣтъ же!

Прошло еще не мало времени. Разбудили и послали на розыски кучера. Гертрудъ еще разъ обошла весь садъ и всѣ окрестности завода. Самъ директоръ только-что вернулся съ поисковъ по берегамъ рѣки.

— Гетта, Гетта!—проговорилъ онъ жалобно.—Не достаетъ только, чтобы я въ самомъ дѣлѣ довелъ его до отчаянія... Почемъ знать?.. Съ его ужасной впечатлительностью...

Онъ опустился на стулъ. Потъ градомъ катился съ его посѣрѣвшаго лица.

— Какъ ты думаешь, Гетта? А? Ты не говоришь только изъ жалости ко мнѣ... Или... или я преувеличиваю мои опасенія?

— Если бы не его вспыльчивость, Браттъ... Мальчикъ, вѣдь, былъ совсѣмъ не виноватъ...

Онъ сталъ учащенно дышать и заговорилъ отрывисто:

— Вотъ видишь... Ты сама не увѣрена... Я дѣйствительно напалъ на него, какъ злодѣй... Въ самомъ дѣлѣ, мальчикъ, вѣдь, примѣрный: славный, сердечный... И такой дѣльный, расторопный... А я вдругъ...

Онъ всталъ и схватилъ жену за руку.

— Меня такъ мутитъ, такъ мутитъ, Гетта!.. Неужели же случилось несчастіе? Если бы я только зналъ, куда онъ пошелъ!..

Былъ уже второй часъ ночи. Лампа, у которой они сидѣли, догорала. Онъ снова поднялся и опять зашагалъ изъ угла въ уголъ.

— Пусть Гертрудъ ложится спать,—сказалъ онъ.—Ты тоже не должна больше оставаться на ногахъ... еще заболѣешь. Я буду здѣсь, Гетта.

— Ты знаешь, Браттъ, что и мнѣ не уснуть. Я останусь съ тобой.

— Утромъ я велю начать правильные розыски!—пробормоталъ онъ,

едва слышно.—Если что случилось, я самъ отдамся въ руки правосудія...

Оба тупо смотрѣли прямо передъ собой.

Но вотъ послышались неровные шаги на крыльцѣ и наружная дверь скрипнула.

Директоръ приподнялся и весь насторожился. Въ лицѣ госпожи Браттъ появилось оживленіе.

Раздались подавленные голоса. Это была Гертрудъ, выбѣжавшая къ брату на встрѣчу... Клаусъ бормоталъ что-то невнятное и чему-то противился; она уговаривала... Наконецъ, ей удалось увести его наверхъ.

— Онъ былъ въ городѣ и напился до-пьяна!—проговорилъ директоръ, весь красный отъ волненія.—Но, Гетта, клянусь тебѣ, что завтра онъ не услышитъ отъ меня ни одного рѣзкаго слова!

Онъ обнялъ ее, и она почувствовала, что онъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ.

— Клаусъ вернулся и легъ уже спать!—раздался голосъ вошедшей Гертрудъ.

— Ну, пойдемте спать и мы,—распорядился директоръ, обращаясь къ дочери, прибавилъ понижая голосъ: — Видишь, Гертрудъ?.. Учись смолоду владѣть собой... Потомъ уже себя не передѣлаешь...

Онъ сказалъ это, думая о сходствѣ характера дочери съ его собственнымъ...

Всѣ уже спали; только директоръ все еще не ложился и ходилъ изъ угла въ уголъ по кабинету.

Пока одна гроза подавляла другую и всѣ помыслы директора были сосредоточены на опасеніяхъ за сына, онъ уже вовсе не думалъ о своемъ недавнемъ пораженіи. Но теперь оно снова представилось ему во всей своей неприглядности, и онъ снова переживалъ все, что произошло сегодня на сходкѣ.

Итакъ, онъ въ открытой войнѣ съ наиболѣе уважаемымъ и вліятельнымъ изъ всѣхъ своихъ соотечественниковъ, съ самимъ епископомъ, который вздумалъ вмѣшиваться въ ихъ городскія дѣла!.. Этотъ епископъ переманилъ на свою сторону главнѣйшихъ его сторонниковъ, одного за другимъ, почти всѣхъ!.. И Іонстона! Тотъ позволяетъ собой управлять, какъ дитя, и вѣритъ своему епископу и воображаетъ себя совсѣмъ правымъ... Гм!.. И какъ это все повернулось... вдругъ... Онъ предсѣдательствовалъ на сходкѣ спокойно и умно, какъ всегда... Только, когда онъ ясно понялъ, что остается въ меньшинствѣ, имъ овладѣло озлобленіе, и онъ наговорилъ имъ такихъ истинъ, какихъ они, небось, не забудутъ! Онъ предоставилъ имъ всю честь отъ величайшей глупости, когда-либо сдѣланной городскимъ совѣтомъ...

Онъ не безъ наслажденія припомнилъ рѣзкія слова, которыми клеймилъ своихъ согражданъ. Обрилъ ихъ, какъ бритвой!

Іонстонъ!.. Тотъ подошелъ къ нему послѣ сходки, какъ всегда!.. Гм!.. Онъ точно и не подозрѣваетъ въ своей наивности, что былъ предводителемъ тѣхъ, которые нанесли его другу позорное пораженіе... Онъ также невинно и съ тою же привѣтливой улыбкой на губахъ повторилъ бы это и продолжалъ бы находить, что несогласіе въ отдѣльныхъ взглядахъ на общественныя дѣла не должны мѣшать сердечности личныхъ отношеній...

«Однако, угодно ли ему это сознавать, или нѣтъ, а на сегодняшней сходкѣ не я, а онъ былъ распорядителемъ судебъ города!» — проговорилъ директоръ почти вслухъ.

Горечь поднималась въ немъ все сильнѣе и сильнѣе. Онъ чувствовалъ себя униженнымъ, опозореннымъ... Имъ начинало овладѣвать слѣпое озлобленіе.

«Вотъ пойдутъ-то теперь разговоры!»—раздумывалъ онъ.—«Начнется общее злорадство... Всякая дрянь дастъ волю языку... Можетъ быть, даже начнутъ травить...»

— Глупости!—вскричалъ онъ вдругъ энергично.—Найдемъ, небось, средство поправиться! И еще посмотримъ, чья-то перетянетъ!

X.

Гертрудъ втайнѣ находила, что это было лучшее лѣто въ ея жизни, все это время съ пріѣзда Абрагама Іонстона до наступавшаго уже дня его отъѣзда. Сколько радостныхъ часовъ провела она на прогулкахъ, на рыбной ловлѣ и во время недавней поѣздки въ новое имѣнье Іонстоновъ вмѣстѣ съ Абрагамомъ, Клаусомъ и сестрой!.. Были веселые дни и въ городѣ, особенно когда пріѣзжали родственники Іонстона, въ числѣ которыхъ были и тѣ двѣ хорошенькія кузины Абрагама, на которыхъ, впрочемъ, онъ не обращалъ особеннаго вниманія... Столько разъ она возвращалась домой съ сознаніемъ, что живетъ полной жизнью. А какъ было интересно, когда Абрагамъ писалъ портретъ ея отца и разгадывалъ его черты по ея чертамъ!.. Все это проходило теперь въ ея воспоминаніяхъ, какъ прекрасная панорама.

Абрагамъ уже нѣсколько разъ откладывалъ свой отъѣздъ, и она догадывалась,—почему...

Но вотъ онъ принялъ, наконецъ, твердое рѣшеніе уѣхать во Францію съ пароходомъ, отходившимъ на слѣдующій день вечеромъ.

Она чувствовала, что послѣ этого дня для нея померкнетъ свѣтъ и что жизнь со всѣми ея свѣтскими и домашними радостями потеряетъ для нея всякую прелесть. Она это сознавала еще съ самой весны и отдавалась счастливому настоящему, не думая о будущемъ.

Но теперь наступалъ конецъ ея счастью...

Онъ догналъ ее на улицѣ, когда она шла изъ города домой къ обѣду. Она сразу поняла, что онъ подстерегъ ее, чтобы переговорить

съ нею наединѣ, но это не обрадовало ея... Всѣ эти дни она была въ какомъ-то лихорадочномъ состояніи отъ мучившихъ ее размышленій; теперь это состояніе еще усилилось и у нея стало на душѣ такъ горько, что она бросилась бы охотно въ воду.

Абрагамъ былъ блѣденъ и взволнованно заговорилъ;

— Вѣроятно, вы давно поняли, Гертрудъ, чѣмъ вы стали для меня... И все-таки я не рѣшаюсь заговорить съ вами прямо, какъ бы слѣдовало... Вы такъ вооружились этими проклятыми товарищескими отношеніями и этой сестринской довѣрчивостью!.. Однако, выслушайте меня, Гертрудъ...

Онъ взялъ ее за руку и заглянулъ ей въ глаза.

— Эта рука, могла бы осчастливить меня навсегда!—продолжалъ онъ тихо.—Она такъ нѣжна, такъ тепла... Глядя на эту руку, невольно думаешь о счастіи, и на умъ приходятъ только честныя, хорошія мысли...

Она смотрѣла въ землю, и онъ не могъ уловить ея взгляда.

— Вы знаете, что я люблю васъ... много лѣтъ уже... Отчего вы отворачиваетесь отъ меня? Знаете ли, Гертрудъ, что я проплакалъ всю ночь... какъ нервная женщина... Я, вѣдь, видѣлъ вчера, какъ печально вы покачивали головой, когда думали, что на васъ не смотрятъ... Значитъ, вы меня отвергаете.

— А что, если я ясно сознаю, что со мною вы будете несчастливы?—вскричала она.—У меня нѣтъ въ характерѣ мягкости и безпечности, которыя необходимы женѣ художника... Я была бы для васъ только тяжелымъ жерновомъ, который потянулъ бы васъ ко дну. Развѣ мы не можемъ остаться друзьями, Абрагамъ?—честными, вѣрными друзьями... Я могла бы обѣщать вамъ это на всю жизнь... и не колеблясь...

— Я такъ и зналъ, что наткнусь на вашу честную разсудительность! Но, вѣдь, я люблю же васъ, Гертрудъ! Поймите, что это чувство большая сила!.. страшная сила, которая можетъ дать огромное счастіе, или погубить... Вы этого не допускаете? О, я, кажется, съ ума сойду, потому знаю, что и вы меня любите... Да, да, любите, и тѣмъ не менѣе...

Онъ помолчалъ и потомъ продолжалъ измѣнившимся голосомъ:

— Объяснитесь же! Неужели васъ удаляетъ отъ меня эта ненависть къ натурщицамъ?

Онъ сказалъ это наудачу, и даже не подозрѣвалъ, что коснулся дѣйствительно мучительной язвы. Объ эти «*необходимости искусства*» разбивались всѣ ея помыслы, какъ о нѣчто непреодолимое и глубоко ей ненавистное.

— Вы знаете, что у меня мѣщанскій характеръ!—сказала она.—Помните, лѣтомъ, когда вы такъ настойчиво добивались моего согласія, чтобы написать мой портретъ?.. Я отказалась потому, что не рѣшилась на это... Люди не всегда собой владѣютъ, Абрагамъ!..

— Что же, вы считаете меня какимъ-то негодяемъ, что ли?

— Нѣтъ, я только считаю васъ горячимъ артистомъ, Абрагамъ!— отвѣтила она съ горечью.—Я боялась, что превратилась бы для васъ въ натурщицу... интересную только ради красокъ.

— Гертрудъ, да вѣдь вы презираете меня!

— Неправда! Я цѣню васъ очень высоко... О! слишкомъ высоко...

Она не совладала съ собой и заплакала.

— И все-таки я знаю больше, чѣмъ вы, потому что я трезвѣе!— продолжала она сквозь слезы.—Вѣдь дѣло идетъ о цѣлой жизни, и я не думаю, чтобы вы удовлетворились любовью одной женщины... Я увѣрена, что пришелъ бы день, когда я оказалась бы для васъ только тяжелой обузой и вамъ пришлось бы потомъ долго влачить эту обузу только потому, что мы на минуту забылись.

— Возмутительно ошибочное разсужденіе, до того возмутительное, что во мнѣ вся душа переворачивается!—проговорилъ онъ сурово.— Но это ничего... вооружимся только терпѣніемъ, Гертрудъ! Когда два человѣка любятъ другъ друга, они могутъ ждать всего лучшаго.

Она подняла голову.

— Вы ошибаетесь!—проговорила она съ внезапной холодностью.— Я не изъ такихъ благородныхъ, безпритязательныхъ, женщинъ. Я не Витторія Колонна и, вообще, совсѣмъ не такое возвышенное существо какимъ вы меня считаете.

— Что съ вами?—вскричалъ онъ съ испугомъ.—Такой вы мерещились мнѣ этой ночью...

Она почувствовала, что твердость ее покидаетъ. Но вотъ вдали послышался стукъ колесъ, и надежда, что это ѣдетъ отецъ, или Клаусъ, и что сейчасъ прекратится мучительное объясненіе, ободрила ее.

— Я бы могъ сказать вамъ многое, Гертрудъ,—продолжалъ между тѣмъ Абрагамъ.—Я бы могъ сказать, что у художника, кромѣ чувствъ, тоже, вѣдь, есть душа, что моя душа уже давно принадлежитъ вамъ, что именно въ моемъ чувствѣ къ вамъ я черпалъ и буду черпать мои силы, какъ художникъ... Но стоитъ ли это говорить? Вы возразили бы мнѣ что-нибудь въ родѣ того, что я, вѣдь, пишу съ другихъ женщинъ, съ натурщицъ... Такая мелочность недостойна васъ! Неужели же вы не сознаете, что для меня вы то же, что сама жизнь, и что вамъ нелѣпо опасаться существъ, у которыхъ мы беремъ только контуры и свѣтовые эффекты? Наконецъ, все это опять-таки не то... Я вижу по выраженію вашихъ глазъ... О, Гертрудъ! Чего бы я только не достигъ. идя въ жизни рука-объ-руку съ вами. Мы, вѣдь, вмѣстѣ росли. Вы и такъ уже вдохновляли меня на многое...

— Господи, какая мука!—вскричала она.—Пощадите же меня, Абрагамъ! Развѣ вы не понимаете, что человѣкъ не отвѣтственъ за то, какимъ онъ созданъ? Я не болѣе, какъ ревнивая, мелочная женщина... Да я бы умерла отъ ревности ко всему, что окружало бы васъ, или

отравила бы вамъ всю жизнь, погубила бы вашъ талантъ. Да я и теперь терзаю васъ!—прибавила она глухо и, подавивъ въ себѣ подступавшія опять рыданія, быстро обернулась навстрѣчу догонявшему ихъ экипажу.

Это, дѣйствительно, былъ ѣхавшій домой отецъ...

— Гуляете? Въ послѣдній разъ? — послышался голосъ директора, который останавливалъ лошадь, чтобы принять въ кабріолетъ направившуюся къ нему дочь. — Ну, что же, заходили прощаться на заводъ?.. Какъ, не заходили?.. Ну, значитъ, простимся на пристани... До свиданія!

Говоря это, онъ какъ-то странно поглядывалъ то на мрачное лицо Абрагама, то на дочь.

Телѣжка покатилась дальше.

На слѣдующій день послѣ обѣда директоръ оставался дома. Двери въ корридоръ и въ кухню стояли настежь; служанки носили мохъ и песокъ. Директоръ самъ наблюдалъ за вставкой зимнихъ рамъ и приведеніемъ въ порядокъ погреба на зиму. Но среди всѣхъ этихъ занятій онъ оставался разсѣянъ и задумчивъ.

Проходя столовую, онъ вдругъ остановился передъ буфетомъ и долго смотрѣлъ на хорошенькій поставецъ съ золочеными графинчиками и такими же рюмками. Этотъ поставецъ, вмѣстѣ съ дорожнымъ погребцомъ, изъ котораго онъ былъ взятъ, подарилъ ему однажды Іонстонъ. Директоръ такъ пристально смотрѣлъ на золоченые разводы рюмокъ, точно хотѣлъ прочесть въ нихъ разгадку какого-то стоящаго передъ нимъ вопроса.

— Гм!.. Абрагамъ уѣхалъ, не попросивъ руки Гертруды... Значитъ, онъ чѣмъ-нибудь связанъ?.. Иначе, ничего нельзя понять, потому что оба они по уши влюблены другъ въ друга—это, вѣдь, было такъ очевидно!.. Нѣжничали, нѣжничали, и вдругъ ничего не стало: онъ уѣхалъ, и все разсѣялось, какъ дымъ... Что же это все означаетъ? Они мѣтятъ, вѣроятно, выше... Но въ такомъ случаѣ... въ такомъ случаѣ, это чортъ знаетъ что!

— Гетта!—нѣсколько позже обратился онъ къ женѣ.—Мнѣ кажется, Гертрудъ хорошо сдѣлала, что не поѣхала сегодня съ нами проститься съ молодымъ Іонстономъ.

— Ты находишь?—съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ переспросила его жена.

— Да, это было правильно.

Онъ сказалъ это съ удареніемъ и весь побагровѣлъ отъ сдерживаемаго гнѣва.

— Я вѣдь не отрицаю этого, Браттъ.

Онъ быстро зашагалъ по комнатѣ.

— Чортъ знаетъ, что такое!—ворчалъ онъ себѣ въ бороду.—Вѣдь, надо же было... Во всякомъ случаѣ это... это довольно гадко!

— Ты развѣ знаешь что-нибудь?—спросила жена, но тотчасъ же опустила глаза на свою работу.

Онъ остановился передъ ней,

— Позаботилась ли ты о ея нарядахъ, Гетта?—спросилъ онъ неожиданно.—Мнѣ не нравится, что она одѣвается слишкомъ скромно... Во всякомъ случаѣ, Гетта, не забывай, что я вбилъ себѣ въ голову... Однимъ словомъ, я желаю, чтобы у Гертрудъ было все самое лучшее, самое изящное... Чего не найдется здѣсь, выписывайте! Но чтобы все было какъ слѣдуетъ!

Онъ повернулся и, не оглядываясь, вышелъ изъ комнаты.

Около восьми часовъ вечера вернулся домой Клаусъ. Онъ былъ слегка навеселѣ.

— А жаль, что вы не остались до конца!—заговорилъ онъ.—Проводы мы устроили Абрагаму великолѣпные. Говорились рѣчи, выпито было пропасть шампанскаго!..

Онъ самодовольно поглядывалъ на родителей и улыбался при воспоминаніи о полученномъ удовольствіи.

— Можемъ по чести сказать, проводили его не скаредно! Пасторъ Сунде сказалъ ему напутственное слово и былъ чертовски остороженъ въ своихъ выраженіяхъ. «Вашъ талантъ, доставившій вамъ извѣстность заграницей»,—сказалъ онъ, и больше не распространялся насчетъ этого таланта. Хе, хе! Боялся сказать какую-нибудь неловкость, которая подвела бы его, какъ священника... Зато онъ много говорилъ о значеніи рода Іонстоновъ, о сплоченности нашихъ согражданъ, умѣющихъ цѣнить своихъ лучшихъ людей, и о томъ, что всѣ мы будемъ съ напряженіемъ и съ радостью слѣдить за успѣхами нашего дорогого соотечественника заграницей. А въ заключеніе выразилъ надежду дожить до того дня, когда имя Абрагама Іонстона будетъ гордостью его родного города и всего отечества.—А Тезенъ, такъ тотъ все больше острилъ и смѣшилъ насъ всѣхъ. Разсказывалъ, какъ разъ, зайдя въ контору Іонстона, онъ замѣтилъ, что Абрагамъ быстро спряталъ какую-то бумагу, затѣмъ, всякій разъ, когда онъ приходилъ, повторялось то же самое. Но разъ ему удалось увидѣть эту бумагу, и оказалось, что же? Рисунокъ: верблюдъ съ человѣческой головой, очень похожей на голову одной весьма близкой самому Тезену особы. Ха, ха! Такъ онъ и сказалъ! Да, въ концѣ концовъ я тоже не выдержалъ и самъ сказалъ тоже свою рѣчь Абрагаму... Вышло просто-на-просто краснорѣчиво!.. Да, да, скажу одно: мнѣ хлопали на каждомъ словѣ...

Онъ помолчалъ, давая своимъ словамъ произвести надлежащее впечатлѣніе.

— Но все это было только первымъ актомъ представленія, происходившимъ въ конторѣ Тезена у пристани. Второй актъ уже разыграли

на самой пристани. Вдругъ, откуда ни возьмись, появились одинъ за другимъ всѣ члены нашего хорового кружка, и вотъ, только что Абрагамъ ступилъ на палубу парохода, раздалось пѣніе. Пѣли: «Велите якорь поднимать», потомъ «Прощай, товарищъ!»... Теноръ Рингъ выдѣлывалъ настоящія чудеса.

Прощай товарищъ дорогой!
Умчатъ тебя морскія волны
Отъ береговъ страны родной,—

запѣлъ Клаусъ въ своемъ одушевленіи.

— Абрагамъ улыбался и раскланивался съ мостика. И вдругъ надъ домомъ госпожи Михельсонъ взвился большой флагъ, который поднимается только въ особыхъ случаяхъ. Это она сдѣлала въ честь отъѣзжавшему, и этимъ закончились проводы... Да, старуха Михельсонъ отличилась! Конечно, этимъ Абрагамъ обязанъ дилижансамъ, хе, хе! Съ тѣхъ поръ, какъ Іонстонъ устроилъ ей дилижансы, она просто-напросто влюблена во всю семью Іонстоновъ...

Директоръ всталъ съ кресла и отошелъ къ окну.

— Кабацкій флагъ, кабацкая почесть! — пробормоталъ онъ сквозь зубы.—Удивляюсь только, какъ самъ Іонстонъ не почувствовалъ себя пристыженнымъ!

— Пристыженнымъ?—широко раскрывъ отъ удивленія глаза, переспросилъ сынъ.

— Эхъ! Ты... ты только и умѣешь поддакивать да кричать ура, кому бы то ни было, Клаусъ!

Кинувъ это пренебрежительное замѣчаніе сыну, директоръ направился въ столовую, гдѣ уже подали ужинъ.

— Оказывается, нельзя и поминать о дилижансахъ въ этомъ домѣ! — шепнулъ Клаусъ сестрѣ. — Намъ просто-на-просто запрещено будетъ даже видѣть дилижансъ, когда онъ будетъ проѣзжать мимо оконъ!— прибавилъ онъ, хихикая.

За ужиномъ директоръ былъ мраченъ.

— Хороша, очень хороша эта мадамъ Михельсонъ съ своимъ развѣвающимся флагомъ!—проворчалъ онъ, протягивая руку къ блюду съ холоднымъ ростбифомъ. Но болѣе онъ уже не произнесъ ни слова.

Гертрудъ тоже была несообщительна и печальна. Только Клаусъ пребывалъ попрежнему въ праздничномъ настроеніи и не заражался общимъ недовольствомъ. Гнѣвъ отца ему казался даже забавнымъ, а въ горѣ сестры, очевидно тосковавшей по Абрагаму, онъ не видѣлъ ничего трагическаго... Однако пасмурныя лица ему надоѣдали.

Вдругъ на дворѣ послышался стукъ колесъ подъѣхавшаго экипажа, и всѣ оживились. Клаусъ бросился даже къ окну.

— Инспекторъ путей сообщенія Финкенгагенъ!—сообщилъ онъ.— Значитъ, послушаемъ новости...—и Клаусъ вышелъ въ переднюю...

Инспекторъ снялъ дождевой плащъ, но объявилъ, что заѣхалъ

только на минутку. Онъ взялъ на себя смѣлость побезпокоить господина директора своимъ посѣщеніемъ только для того, чтобы представить свою обычную рапортичку о прибыли воды въ рѣкѣ... Но докучать своей особой онъ отнюдь не желаетъ... тѣмъ болѣе, что господа ужинаютъ...

— Если бы господинъ Клаусъ взялъ на себя трудъ передать тутъ одну корзиночку... госпожѣ Браттъ,—прибавилъ онъ, не входя въ комнаты,—я прошелъ бы прямо въ кабинетъ, чтобы подать рапортичку...

Его не упрашивали и провели въ кабинетъ, куда тотчасъ же явился и директоръ.

— Все прибываетъ?—спросилъ директоръ.

— Да, вода не перестаетъ прибывать, господинъ директоръ.—У Фоссена дорогу такъ размыло, что дня на два, на три сообщеніе будетъ прервано...

— А больше нѣтъ ничего новаго, Финкенгагенъ?

— Развѣ вотъ только: покойную жену арендатора Федерода выкопали изъ могилы... Окружный врачъ настаиваетъ на своемъ подозрѣніи объ отравленіи и требуетъ слѣдствія... Весьма печально положеніе всей семьи!..

Онъ доложилъ это со скорбнымъ видомъ и даже склонилъ голову немного на бокъ.

— А то все въ округѣ благополучно, господинъ директоръ. Конечно, не вездѣ спокойно, потому что, какъ всегда бываетъ къ зимѣ, повсюду появились бродячіе матросы... А впрочемъ, ничего особенно худого не слышно. Вотъ еще не знаю, извѣстно ли вамъ, господинъ директоръ, о дилижансахъ? Дилижансамъ вѣдь оказалось страшно трудно подниматься на крутую горку къ воротамъ госпожи Михельсонъ...

— Какъ же, знаю! — оживился директоръ. — Они и не подумали о томъ, что гостиница на скалѣ, и что это неудобно... Они ни о чемъ, не подумали, когда требовали своихъ дилижансовъ, какъ дѣти требуютъ игрушки.

— Совершенно справедливо. Однако говорятъ—я передаю это только какъ слухъ—что препятствіе устраняется. Увѣряютъ, что господинъ Іонстонъ въ своей щедрости пожертвовалъ частью своего пустыря на устройство улицы въ объѣздъ скалы. Такимъ образомъ дилижансы будутъ удобно подходить къ гостиницѣ съ западной стороны.

Директоръ ударилъ кулакомъ по столу, и все лицо его перекосилось отъ гнѣва.

— Вотъ какъ!?—загремѣлъ онъ.—Они осмѣливаются употребить на это пустырь, который я же ему помогъ купить... Это вызовъ?.. Это оскорбленіе... Это пощечина!

Онъ остановился и тяжело перевелъ духъ.

— Н... н... но сильно ошибаются, если воображаютъ, что терпѣніе— величайшая изъ моихъ добродѣтелей! Я тоже и самъ стану бить! Клянусь жизнью, я сотру ихъ въ порошокъ, если это не прекратится!

Онъ опомнился и заходилъ взадъ и впередъ по кимнатѣ, стараясь овладѣть собой.

— Со стороны Іонстона это, конечно, очень щедро,—такъ вы изволили выразиться, господинъ Финкенгагенъ?—продолжалъ онъ немного погодя.—Очень, очень щедро и либерально! Какъ всегда, господинъ Іонстонъ весьма благожелателенъ ко всѣмъ, кто его проситъ... Гм!.. Въ особенности... въ особенности, когда всѣ пляшутъ по его дудкѣ!.. Ха, ха! А? Впрочемъ, вѣдь онъ долженъ чувствовать себя чѣмъ-то въ родѣ крестнаго отца всей этой затѣи, которая осуществилась только благодаря его вліянію... Я всегда говорилъ, что въ общественныхъ дѣлахъ Іонстонъ глупое дитя—и это—выражаясь очень снисходительно!

Онъ шагалъ еще нѣкоторое время по комнатѣ и снова сѣлъ на свое мѣсто у письменнаго стола. Оба молчали. Стало такъ тихо, что слышно было со двора пофыркиванье и встряхиванье хомутомъ привязанной лошади инспектора.

Вдругъ директоръ поднялъ голову.

— А знаете, что въ домѣ этой вдовы Михельсонъ ужасная скука!—сказалъ онъ неожиданно.—Теперь вся ея гостинница превратилась въ какой-то душный дилижансъ... Право, пора намъ позаботиться о лучшемъ помѣщеніи для нашего клуба.

Инспекторъ не нашелъ, что на это отвѣтить, и только улыбнулся мягкой, но ничего не выражающей, улыбкой. Онъ находилъ, что директоръ хваталъ черезъ край, и ему становилось страшно за себя... Не очень-то пріятно оказаться по середкѣ, когда столкнулись двѣ главнѣйшія силы въ городѣ!

Его безпокойство росло съ каждой минутой и, не переставая улыбаться самой вкрадчивой изъ своихъ улыбокъ, онъ сталъ подумывать объ отступленіи.

— Итакъ, если вы позволите, господинъ директоръ,—началъ онъ, поднимаясь съ кресла.—Имѣю честь откланяться... Я позволилъ себѣ... хе, хе!.. послать въ кухню госпожи Браттъ корзиночку съ форелями... Эти форели пойманы только сегодня и это ихъ единственное качество... Хе, хе!

Директоръ проводилъ его до крыльца.

— Мое нижайшее почтеніе госпожѣ Браттъ и барышнѣ! Имѣю честь откланяться!—доносилось изъ потемокъ, пока директоръ стоялъ на крыльцѣ. Затѣмъ прозвучали колеса удалявшейся телѣжки и все затихло.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ИЗЪ Н. БРАША.

(съ венгерскаго).

Я помню мракъ гнетущей ночи...
Тогда невольною слезой
Твои туманилися очи,
И былъ печаленъ голосъ твой.

Ты говорилъ: „луча разсвѣта
Съ тобою не дождемся мы,
И будетъ пѣсня недопѣта
Средь некончающейся тьмы.

„Замолкъ, какъ древле гласъ въ пустынѣ,
Призывъ свободы и любви,
И посмѣялися святынѣ
Давно растоптанной въ крови!“

Надъ нами мрачно мчались годы,
И смерть пришла,—и ты сраженъ,
И не тревожитъ кличъ свободы
Твой непробудный, вѣчный сонъ.

Но если спишь ты съ думой горькой,
Съ улыбкой скорби на устахъ,—
Знай,—засвѣтился алой зорькой
Восточный край на небесахъ.

И коль не мы, то наши внуки
Увидятъ радостный разсвѣтъ,
И тѣхъ, тоскуя, вспомнятъ муки,—
Кто ждалъ его, кого ужъ нѣтъ!

Вл. Ладыженскій.

ИСТОРІЯ РУССКОЙ КРИТИКИ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

(*Продолженіе* *).

XXXII.

При ближайшемъ, не идейномъ и историческоммъ, а *личномъ* сопоставленіи старыхъ русскихъ философовъ и молодыхъ, обрисовывается одна въ высшей степени любопытная черта.

Мы знаемъ, какъ и гдѣ напитывались философіей будущіе профессора, слышимъ даже о большой стремительности ихъ именно къ шеллингіанству, но намъ остается неизвѣстнымъ одинъ фактъ. Собственно для общей исторіи *философіи* онъ не имѣетъ большого значенія, но для характеристики *философовъ* и для точнаго представленія объ ихъ дѣятельности онъ безусловно необходимъ и поучителенъ, какъ никакая ученая книга.

Что влекло Велланскаго, Галича, Давыдова, Надеждина, Павлова къ системѣ Шеллинга?

Отвѣтовъ, конечно, можно представить не мало и вполнѣ основательныхъ: популярность системы, ея особыя достоинства. Но что собственно хватало за душу русскихъ студентовъ, слушавшихъ лекціи шеллингіанцевъ, читавшихъ сочиненія Шеллинга? Не было ли болѣе глубокаго *интимнаго* мотива предпочесть шеллингіанство другому ученію? Однимъ словомъ, не было ли именно въ этой философіи особенной нравственно-притягательной силы для всѣхъ, кто искалъ истины?

Мы знаемъ, было очень многое. Мы видѣли, какими идеями шеллингіанство шло на встрѣчу тоскѣ своего времени и могло превратиться для своихъ учениковъ въ философскую религію.

Одинъ изъ слушателей Шеллинга намъ разсказываетъ случай, возможный только при дѣйствительно пророческомъ авторитетѣ учителя надъ учениками.

Въ Мюнхенѣ, въ одной изъ лекцій Шеллингъ жестоко напалъ на Гегеля, успѣвшаго уже стяжать европейскую славу. Философъ

---

*) См. «Міръ Божій», № 9, сентябрь.

не поскупился ни на презрительную мимику, ни на унизительныя слова, и вся рѣчь вышла сопоставленіемъ его, шеллинговой, непогрѣшимой философіи съ «искусственной филигранной работой» Гегеля.

Аудиторія замерла отъ изумленія и восторга. Когда профессоръ кончилъ, студенты встали съ мѣстъ, и произошла бурная овація. Шеллингъ величественно поклонился и ушелъ походкой тріумфатора [77]).

Не существовало ли подобныхъ чувствъ и у русскихъ учениковъ германскаго философа,—чувствъ не по *разсудку*, а по *сердцу?*

Вѣдь отъ этого условія зависитъ энергія отвлеченной мысли и ея практическое направленіе. Ничто не дѣлаетъ умственнаго дѣятеля болѣе послѣдовательнымъ и чуткимъ, какъ *личный* энтузіазмъ во имя излюбленной идеи.

Былъ ли онъ у старшаго поколѣнія шеллингіанцевъ?

Врядъ ли. Мы много слышимъ о краснорѣчіи ученыхъ философовъ, но въ то же время или намъ прямо говорятъ объ ихъ «собственномъ безучастіи къ предмету», или мы сами должны предположить это безучастіе, встрѣчая на каждомъ шагу колебанія философа, будто оторопь предъ логическими выводами воспринятаго принципа и даже явное отступленіе отъ провозглашенной системы.

Въ біографіи единственнаго ученаго шеллингіанца мы находимъ живой отголосокъ любовнаго проникновеннаго чувства къ избранному философскому воззрѣнію. Легко угадать, кто этотъ философъ. Галичъ, при всѣхъ притязаніяхъ на недоступную толпѣ ученость, единственный изъ русскихъ ученыхъ философовъ обнаружилъ свободный публицистическій талантъ и даже нѣкоторые задатки художественной критики. Онъ именно и примыкаетъ къ молодому поколѣнію своеобразнымъ чувствительно-идейнымъ настроеніемъ.

Разъ одинъ изъ учениковъ Галича обратился къ нему съ такимъ запросомъ:

— Скажите, Александръ Ивановичъ, можно ли сказать, что шеллингова философія рѣшаетъ удовлетворительно задачи, составляющія ея программу?

Галичъ улыбнулся своей иронической улыбкой и спросилъ у своего собесѣдника:

— А вы сами какъ думаете? Находите ее удовлетворительною?

— И такъ, и сякъ,—отвѣчалъ онъ.—Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ она меня удовлетворяетъ, въ другихъ нѣтъ.

---

[77]) Karl Rosenkraz. *Schelling. Vorlesungen.* Danzig 1843, XXI.

— Ну, я поставлю вопросъ иначе: чувствуете ли вы, что вамъ съ нею нѣсколько лучше и вы сами, съ помощью ея, не сдѣлались ли немного лучшимъ?

— О, да!

— Ну, такъ и довольствуйтесь этимъ. Тотъ философскій образъ мыслей есть самый для насъ приличный, который наиболѣе содѣйствуетъ намъ къ достиженію мира съ самимъ собою и съ другими. Счастливъ тотъ, чьи убѣжденія ближе къ истинѣ, но безъ убѣжденій жить нельзя [78]).

Можетъ быть, профессору приходилось неоднократно высказывать этотъ взглядъ. Можетъ быть, именно благодаря такому *сердечному* толкованію отвлеченныхъ истинъ, Галичъ, опять одинъ изъ всѣхъ профессоровъ-шеллингіанцевъ, пріобрѣлъ, въ своихъ ученикахъ близкихъ, родныхъ друзей.

Когда надъ нимъ разразилось гоненіе, ученики немедленно пришли на помощь и съумѣли оказать ее любимому учителю въ такой формѣ, что Галичъ гордился своими обязательствами по отношенію къ молодежи.

«Отъ нихъ не стыдно принять помощь,—говорилъ онъ,—они мнѣ родные, насъ соединяетъ союзъ идей. И есть же въ идеяхъ какая-нибудь сила, когда вотъ и такой неискусный ловецъ, какъ я, уловляю ими сердца моихъ ближнихъ и становлюсь предметомъ ихъ любви и попеченій».

Да, сила была въ идеяхъ, и великая, и прочная, какой до философской эпохи не знало русское общество. Самыя понятія *идея*, *убѣжденія* явились во всемъ своемъ духовномъ величіи, облеченныя властью и чарующимъ свѣтомъ, только въ этотъ періодъ. При переходѣ изъ восемнадцатаго вѣка къ первой четверти девятнадцатаго мы попадаемъ будто въ другой міръ. Онъ не возникъ, конечно, изъ ничего: исторія не знаетъ чудесъ и внезапностей. Даже величайшія катастрофы всегда связаны многочисленными нитями съ прошлымъ, спокойнымъ порядкомъ вещей. Русскіе философы имѣютъ своихъ духовныхъ отцовъ и свои преданія. Отцы—рѣдкія отдѣльныя личности, преданія—скромныя и часто печальныя, но это только лишней яркой чертой оттѣняетъ энергію дѣтей, отнюдь не устраняя исторической преемственности въ ихъ идеальныхъ стремленіяхъ и умственной работѣ.

Сами дѣятели философской эпохи вполнѣ сознаютъ свои отношенія къ прошлому русской образованности. Они извлекутъ изъ забвенія своихъ предшественниковъ, поспѣшатъ увѣнчать ихъ хотя бы запоздалыми лаврами и скорѣе готовы будутъ преувеличить ихъ заслуги, чѣмъ пренебречь ими.

---

[78]) Никитенко. *О. с.*, стр. 78.

Новиковъ явится на первомъ мѣстѣ.

«Память о немъ почти исчезла; участники его трудовъ разошлись, утонули въ темныхъ заботахъ частной дѣятельности, многихъ уже нѣтъ; но дѣло, ими совершенное, осталось: оно живетъ, оно приноситъ плоды и ищетъ благодарности потомства».

Такъ будетъ писать одинъ изъ представителей философскаго направленія и разъ навсегда точно и достойно опредѣлитъ культурное значеніе новиковской дѣятельности: «Новиковъ не распространилъ, а создалъ у насъ любовь къ чтенію» [79]).

Другой современникъ не согласится даже съ такой оцѣнкой, найдетъ ее несоотвѣтствующей дѣйствительному историческому положенію Новикова въ екатерининскую эпоху. Онъ не станетъ понимать заслугъ просвѣтителя, но посмотритъ на него не какъ на героя и исключительное обособленное явленіе, а какъ на выразителя цѣлаго теченія, перваго среди многихъ. Взглядъ въ высшей степени важный. Онъ показываетъ, какой ясный отчетъ люди двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ отдавали себѣ въ постепенномъ развитіи русской общественной мысли и на какой, слѣдовательно, твердой почвѣ стояли, защищая извѣстныя идеи.

Нашъ авторъ съ исторической точностью изображаетъ смыслъ старой аристократической образованности, исключительнаго достоянія знатныхъ русскихъ учениковъ Европы и совершенно посторонней для русскаго народа и даже русскаго общества въ широкомъ смыслѣ.

Существовали разныя высшія ученыя учрежденія и не было народныхъ школъ, и «когда въ высшемъ обществѣ нашемъ спорили о софистическихъ задачахъ Руссо и Гельвеція, мужики наши не имѣли понятія о необходимѣйшихъ житейскихъ отношеніяхъ. Высшія точки нашего общественнаго горизонта были освѣщены яркимъ пламенемъ европейской образованности, а низшія закрыты густымъ мракомъ вѣкового азіатства».

Такъ продолжалось съ реформы Петра, до самаго конца восемнадцатаго вѣка. Пропасть казалась непроходимой и именно люди, озаренные европейскимъ свѣтомъ, менѣе всего были расположены устранить ее, разсѣять мракъ азіатства въ народной средѣ. Вѣдь тогда могли бы поколебаться самыя основы благоденствія и тонкаго просвѣщенія «высшихъ точекъ!»

Слѣдовало народиться людямъ, не заинтересованнымъ въ народномъ невѣжествѣ, напротивъ, лично раздѣляющимъ невзгоды существующаго порядка.

Это и была *интеллигенція*, *средній классъ*, непричастный со-

---

[79]) Кирѣевскій. *Обозрѣніе русской словесности за 1829 годъ. Сочиненія* I, 20—21.

словнымъ благамъ высшаго общества, но стоящій также и надъ народной массой и ея темнотой.

Это *третье сословіе* не въ западноевропейскомъ смыслѣ, это совершенно самобытное явленіе русской культуры, третье сословіе—не политическая сила, а исключительно умственная, точнѣе, просвѣтительная. Составъ его крайне разнообразный, постепенно мѣнявшійся въ зависимости отъ общихъ государственныхъ перемѣнъ.

Сначала то же дворянство, только не вельможное, дворянство мелкихъ чиновъ и скромныхъ служебныхъ карьеръ, потомъ «семинаристы», скоро стяжавшіе въ русскомъ обществѣ и въ литературѣ особую репутацію людей ученыхъ и педантовъ. Но именемъ «семинариста» будутъ по привычкѣ преслѣдовать и такихъ «педантовъ», какъ Бѣлинскій: очевидно, въ семинаристѣ было нѣчто помимо затхлой учености и рабьяго школьнаго духа, былъ нѣкій *контрастъ* легкому, блестящему просвѣщенію господъ благороднаго домашняго воспитанія.

И этотъ контрастъ—дѣйствительное *знаніе* и самостоятельная *мысль*. Недаромъ, первоисточникомъ русской философіи явились именно семинаріи и ея первоучителями семинаристы въ буквальномъ смыслѣ.

Съ теченіемъ времени интеллигенція пріобрѣтала новыя силы и классическое наименованіе *разночинецъ*, внѣ табели о рангахъ, все больше и больше сливалось съ другимъ именемъ новѣйшаго *литературнаго* происхожденія, но большой *исторической* давности—*интеллигентъ*. Реформы шестидесятыхъ годовъ закончили процессъ, но и до послѣднихъ дней можно еще нащупать старую пропасть между «высшими точками» и «средними людьми».

И вотъ этотъ-то процессъ ясно сознавался поколѣніемъ двадцатыхъ годовъ.

Московскій Телеграфъ, обозрѣвая путь русской образованности, писалъ:

«Около конца осьмнадцатаго столѣтія, не ближе—началъ образовываться у насъ классъ среднихъ людей между *бариномъ* и *мужикомъ* существъ, то-есть тѣхъ людей, которые вездѣ составляютъ истинную, прочную основу государствъ. Изъ среды сего-то класса вышелъ Новиковъ»...

Но онъ былъ не одинъ. Авторъ не желаетъ упустить ничьихъ заслугъ, не забываетъ даже вспомнить о немногихъ дѣйствительно просвѣщенныхъ меценатахъ, правда, не называя ихъ по именамъ:

«Не Новиковъ, а цѣлое общество людей благонамѣренныхъ, при подкрѣпленіи нѣкоторыхъ вельможъ, дѣйствовало на пользу насъ, ихъ потомковъ, распространяя просвѣщеніе. Новиковъ былъ только главнымъ дѣйствующимъ лицомъ».

Его заслуга, по мнѣнію *Телеграфа*, не въ изданіи нѣсколькихъ

полезныхъ книгъ и не въ умноженіи читателей *Московскихъ Вѣдомостей*, она гораздо шире и глубже: Новиковъ «первый создалъ отдѣльный отъ свѣтскаго кругъ образованныхъ молодыхъ людей средняго состоянія».

Все значеніе Карамзина исчерпывается именно его связями съ этимъ кругомъ, тѣмъ, что онъ въ обществѣ Новикова получилъ начатки умственнаго развитія и даже литературнаго таланта. Не всѣ обладали этимъ талантомъ въ равной степени, но всѣ работали на одномъ пути и съ одинаковыми цѣлями.

«Они-то внесли образованность въ тотъ отдѣлъ нашего общества, гдѣ она производитъ многозначащіе, прочные успѣхи. Въ первый разъ сочиненіями Карамзина и распространеніемъ понятій, общихъ ему и сверстникамъ его, русскіе средняго состоянія стали сближаться съ литературою. Это было начальнымъ основаніемъ общей образованности нашей, и съ сего-то времени такъ-называемый *низшій кругъ людей* сталъ сближаться съ высшимъ, разрушивъ преграды, заслонявшія общество русское отъ академій и большаго свѣта» [80].

Но Карамзинъ, литературный и журнальный органъ новиковскаго просвѣщенія, распространялъ понятія французскаго восемнадцатаго вѣка, только безъ его вольнодумства и безбожія. Онъ современникъ «стараго порядка», и за французскимъ горизонтомъ онъ не видитъ звѣздъ, или, по крайней мѣрѣ, не понимаетъ ихъ блеска и величины.

Въ *Письмахъ русскаго путешественника* онъ много толкуетъ о Кантѣ, о Гёте, но онъ, въ сущности, равнодушенъ къ нимъ: Гёте его занимаетъ преимущественно своей внѣшностью, а Кантъ—философской славой. Но въ чемъ смыслъ этой славы, Карамзинъ не понимаетъ и въ качествѣ свѣтскаго человѣка и француза, повидимому, и понимать не стремится.

«Домикъ у него маленькой», разсказывается о Кантѣ, «и внутри приборовъ немного. Все просто, кромѣ его метафизики».

Это страшное слово освобождаетъ русскаго путешественника отъ всякаго безпокойства на счетъ нѣмецкой философіи. Его настроеніе вполнѣ подходитъ подъ извѣстное намъ изображеніе французскаго ума у г-жи Сталь. Карамзина гораздо больше интересуетъ Лафатеръ и его физіогномическія открытія, чѣмъ Кантъ и его «метафизика». Карамзинъ даже не дошелъ до азбучнаго представленія о философіи Канта, направленной именно противъ метафизики. Очевидно, для русскаго юноши это слово просто «жупелъ» и самъ философъ—курьёзъ или, самое большое, любопытная знаменитость.

---

[80]) *Моск. Тел.* 1830, № 2, стр. 206—208.

Естественно, Карамзинъ спѣшитъ отмѣтить столь же знаменитаго соотечественника Канта, *не поклонника* кантовской метафизики.

Позднѣйшее поколѣніе отлично понимало смыслъ этихъ фактовъ. Карамзинъ «щеголеватый французъ душою», мало того, по природѣ даже не способный развиться до иного культурнаго идеала и до конца дней оставшійся въ предѣлахъ своихъ юношескихъ сочувствій [81]).

Раздвинуть ихъ съумѣлъ другой писатель, младшій современникъ Карамзина, искренній его почитатель, но по натурѣ совершенно на него непохожій.

Жуковскій—не по разсудочнымъ соображеніямъ, а по врожденнымъ влеченіямъ принялся за нѣмецкую поэзію, и мы указывали, какое это имѣло значеніе для распространенія вообще германскихъ идей въ русскомъ обществѣ.

Но мы въ то же время объяснили, какъ ограниченъ въ сущности былъ романтизмъ русскаго поэта и какое незначительное мѣсто занималъ въ мечтательной и меланхолической поэзіи Жуковскаго первостепенный мотивъ новой европейской литературы и мысли—*національный*. А потомъ, и собственно идеи, т. е. философія, не нашли въ сердцѣ поэта сочувствія, и его современникамъ оставалось обширное поприще для изученія германскаго генія и для преобразованія отечественной литературы въ духѣ новаго умственнаго и художественнаго направленія.

Все это было ясно самимъ свидѣтелямъ литературной дѣятельности Жуковскаго. Тотъ же Полевой, отдавая полную справедливость таланту Жуковскаго, указывалъ на неподвижность этого таланта, на неизмѣнность поэтическихъ настроеній и мыслей Жуковскаго въ теченіе десятковъ лѣтъ. Не укрылось отъ критика и полное незнакомство поэта съ дѣйствительной русской народностью, и непониманіе западнаго романтизма во всемъ его художественномъ и идейномъ содержаніи.

«Поэтическая мечтательность» — все, что усвоилъ Жуковскій, въ сущности—нашелъ въ ней отвѣтъ на тоску своей души. Но это только одинъ изъ лучей романтическаго міра, другихъ поэтъ не распозналъ и не схватилъ. Онъ овладѣлъ лишь «первоначальной идеей міра не классическо-французскаго», и остался въ самомъ началѣ новаго пути.

Естественно, въ критикѣ Жуковскій не могъ создать ничего значительнаго въ томъ самомъ направленіи, какое представляла его поэзія. Не было сознательнаго проникновенія въ *идеи*, а только

---

[81]) Н. Полевой. *Баллады и повѣсти В. А. Жуковскаго. Очерки русской литературы*. Спб. 1839, I, 104.

сочувственный откликъ на *вдохновеніе*, и романтизмъ и «германическій духъ» могли остаться мимолетными явленіями, если бы за нихъ не всталъ рядъ борцовъ *убѣжденыхъ* и *живущихъ убѣжденіями*.

Галичъ своей рѣчью о необходимости убѣжденій для самой жизни подчеркивалъ основную черту современнаго молодого поколѣнія, идейно-послѣдовательнаго и практически-преобразующаго.

Если человѣку «безъ убѣжденій жить нельзя», значитъ убѣжденія приходятъ не извнѣ, а ихъ жадно ищутъ, за нихъ отдаютъ свой покой, ради нихъ готовы на борьбу и растрату силъ.

Не со всѣми, конечно, осуществляется сполна этотъ законъ: часто борьба остается только душевной, незримой и, слѣдовательно, не вразумительной для общества. Но она непремѣнно существуетъ, формы ея зависятъ отъ разныхъ внутреннихъ и внѣшнихъ условій, характера и мужества личности. Мы увидимъ многообразные примѣры, и мыслителей-аристократовъ, не приспособленныхъ къ открытой людской сценѣ и теряющихся при первомъ столкновеніи ихъ идеальнаго духа съ «духомъ земли»... Но рядомъ съ ними явятся и настоящіе дѣлатели жизни, не отступающіе ни передъ шумомъ и пестротой толпы, ни передъ неудобствами боевой арены. Но и у тѣхъ, и у другихъ будетъ одно общее, дѣлающее ихъ родными по духу и превращающее силы отдѣльныхъ личностей въ великое движеніе эпохи: отвлеченная мысль, оживотворенная личнымъ горячимъ участіемъ, убѣжденіе, совпадающее съ вѣрой.

Это до такой степени типичныя, всѣмъ одинаково свойственныя черты, что *основы* міросозерцанія русскаго философскаго поколѣнія мы можемъ разбирать, не разбивая нашего разсужденія по отдѣльнымъ философамъ и ихъ произведеніямъ.

Единодушіе въ частностяхъ недостижимо: на этомъ настаивалъ еще Галичъ. Не было единодушія мыслителей и въ германской мысли какого бы то ни было направленія. Даже больше—не было неуклонной послѣдовательности въ собственномъ философствованіи Шеллинга. Но это не мѣшало существовать вполнѣ опредѣленнымъ *принципамъ* системы, для всѣхъ одинаково обязательнымъ.

Естественно, у каждаго изъ русскихъ шеллингіанцевъ, у Кирѣевскаго, Одоевскаго, Веневитинова явятся свои собственныя соображенія и выводы, особенно касательно практическаго приложенія философскихъ данныхъ. Но всѣ они и для себя самихъ, и для исторіи—исповѣдники одного толка и общественные просвѣтители во имя одного и того же идеала.

XXXIII.

Перечитывая воспоминанія, записки, сочиненія современниковъ философской эпохи, мы безпрестанно встрѣчаемся съ разсказами

на одну и ту же тему, какъ въ былые годы молодежь увлекалась философскими спорами, сколько страсти и увлеченія вносила въ рѣшеніе вопросовъ, повидимому, совершенно безстрастнаго и неличнаго характера. Азартъ начался съ Фихте и Шеллинга и во всей полнотѣ и свѣжести перешелъ на гегельянство.

Много обыкновенно говорятъ о русскомъ равнодушіи, нелюбопытствѣ, безъидейности русской жизни, а вотъ предъ нами сцены часто умилительной наивности, самаго подлиннаго донкихотства и въ то же время сцены, преисполненныя напряженной мысли и безкорыстнѣйшаго увлеченія надеждами на личное и общественное совершенствованіе.

Слово философія для этихъ людей заключаетъ въ себѣ «нѣчто магическое». Оно говоритъ будто о невѣдомомъ, только что открытомъ мірѣ, зажигаетъ жажду проникнуть въ его тайны, заставляетъ читателей набрасываться на самыя невразумительныя и запутанныя книги только потому, что въ нихъ идетъ рѣчь о нѣмецкомъ «любомудріи» [82]).

Спорамъ и разговорамъ нѣтъ конца. Они завязываются всюду, при малѣйшемъ поводѣ, въ университетской аудиторіи, въ квартирѣ товарища, даже на улицѣ при разставаньи юные философы не могутъ окончить бесѣды и способны «всполошить всю улицу» [83]).

Ни тяжкая болѣзнь, ни даже приближеніе конца не угашаетъ священнаго огня. Друзья приходятъ къ больному, проводятъ цѣлые дни у его постели, но философія не сходитъ со сцены, и, можетъ быть, именно печальное зрѣлище недуга и грядущей смерти еще выше поднимаетъ стремительность юношей къ «задачамъ, коихъ разрѣшеніе скрывается въ глубинѣ таинственныхъ стихій, образующихъ и связующихъ жизнь духовную и жизнь вещественную» [84]). И авторъ этихъ строкъ даетъ подлинное изображеніе нравственной природы своихъ сверстниковъ, изображая неотразимость и неизмѣнность «сего стремленія»:

«Ничто не останавливаетъ его, ни житейскія печали и радости, ни мятежная дѣятельность, ни смиренное созерцаніе; сіе стремленіе столь постоянно, что иногда, кажется, оно происходитъ независимо отъ воли человѣка, подобно физическимъ отправленіямъ».

Никакія историческія перемѣны и перевороты не устраняютъ его. Все исчезнетъ—нравы, идеи, привычки, а «чудная задача всплываетъ надъ усопшимъ міромъ». Часто осмѣянная, развѣнчан-

---

[82]) Кирѣевскій, въ ст. о кн. Надеждина *Опытъ науки философіи*. «Москвитянинъ» 1845, кн. II, отд. *Библіографія*, стр. 33 etc., подписано *К.*

[83]) Одоевскій. *Русскія ночи. Сочиненія*. Спб. 1844, II, 10.

[84]) Такъ происходило во время предсмертной болѣзни Веневитинова. *Воспоминанія* Кошелева. Колюпановъ. *О. с.* II, 120. Одоевскій. *Сочин.* II, III—IV.

ная сомнѣніями, она у новыхъ поколѣній опять находитъ страстное сочувствіе и снова съ прежней силой волнуетъ умы.

И не только умы избранныхъ, оставляющихъ прочный слѣдъ въ умственномъ движеніи эпохи. Великіе вопросы захватываютъ людей обыкновенныхъ, среднихъ способностей, и именно они своимъ большинствомъ еще ярче окрашиваютъ извѣстнымъ идейнымъ цвѣтомъ цѣлую эпоху.

Намъ описываютъ не только блестящія сраженія первостепенныхъ талантовъ, философскій бой идетъ по всей линіи молодежи тридцатыхъ годовъ. Кирѣевскій находитъ достойнаго соперника въ лицѣ будущаго дерптскаго профессора Розберга, отнюдь не блестящаго и многоученаго, но сильнаго общей силой времени, ловкаго діалектика въ популярныхъ философскихъ темахъ и неутомимаго подъ вліяніемъ всеобщаго увлеченія.

Очевидецъ разсказываетъ:

«Помню, что разъ, какъ-то вечеромъ, завязался споръ, не кончившійся до глубокой ночи, и, чтобы окончить его, согласились собраться на другой день у Кирѣевскаго. На другой день явились тамъ всѣ спорившіе, но жаркое состязаніе длилось, наконецъ, до того, что, наконецъ, Розбергъ, усталый, утомленный, перемѣнившійся въ лицѣ отъ двухъ-дневнаго спора, съ глубокимъ убѣжденіемъ и очень торжественно произнесъ:

— Я не согласенъ, но спорить больше нѣтъ силъ у меня» [85]).

Увлеченіе не минуетъ людей съ совершенно положительнымъ практическимъ направленіемъ. Именно это направленіе и окрылитъ современныхъ ловителей момента, сообщитъ ихъ дѣятельности возвышенный идейный характеръ, и достаточно обладать извѣстной культурностью натуры, общественными инстинктами, чтобы въ это столь фанатически-философствующее время превратиться въ серьезнаго работника на пути просвѣщенія и прогресса.

Именно это произошло съ Николаемъ Алексѣевичемъ Полевымъ. Впослѣдствіи мы подробно оцѣнимъ его литературныя заслуги, пока намъ достаточно указать въ немъ одного изъ любопытнѣйшихъ витязей новаго умственнаго движенія.

Полевой явился въ Москву съ большимъ запасомъ энергіи, съ наслѣдственными практическими талантами купеческаго сына, съ рѣшительнымъ желаніемъ пробить себѣ видную и не заурядную дорогу не въ коммерческомъ мірѣ, а въ высшей интеллигенціи.

Очевидно, подобный человѣкъ — наилучшій пробный камень своей современности, точный показатель ея духовныхъ нуждъ и стремленій. И Полевой на первыхъ же порахъ принимается за философію, за шеллингіанство.

---

[85]) Ксеноф. Полевой. *О. с.*, 154.

У него нѣтъ школьной подготовки, онъ самоучка, и если впослѣдствіи Бѣлинскому придется довольно окольными путями доходить до гегельянства, — для Полевого задача еще болѣе усложняется.

Но она должна быть разрѣшена во что бы то ни стало, даже если журналистъ разсчитываетъ на самую обыкновенную публику, просто на подписчиковъ и читателей своего изданія.

Разсчеты Полевого вполнѣ практичны и основательны. Онъ ихъ и не скрываетъ ни отъ кого, разъясняетъ въ своемъ журналѣ, твердо убѣжденный въ ихъ достоинствѣ и цѣлесообразности. По его мнѣнію, въ журнальной дѣятельности «главное сыскать скользскую дорожку, которая вьется между излишнею важностью и ничтожною легкостью», не душить читателя длинными сухими статьями, списанными съ огромныхъ книгъ [86]). Удобочитаемость, общедоступность, новизна и свѣжесть содержанія—идеалъ журнальнаго писателя.

Легко оцѣнить, какая честь будетъ оказана философіи, если на нее обратитъ вниманіе такой искусный и дѣятельный работникъ литературы. Это значитъ, внѣ философіи буквально нѣтъ спасенія, какъ бы публика ни любила «легкія какъ пухъ книжечки».

И Полевой быстро превращается въ усерднѣйшаго шеллингіанца.

Усердіе, повидимому, практикуется исключительно въ бесѣдахъ съ людьми свѣдущими, пріятелями и даже случайными знакомыми. Эта стремительность вызоветъ насмѣшки многихъ очевидцевъ и въ томъ числѣ Пушкина [87]). Журналисты будутъ укорять издателя *Телеграфа* въ «неясномъ безпокойствѣ объ одномъ всеобщемъ началѣ», въ «безотчетномъ желаніи дать во всемъ себѣ отчетъ», «въ безсильномъ стремленіи къ неопредѣленнымъ общимъ идеямъ, въ какой-то міръ пустоты абсолютной, проистекающемъ не изъ внутренняго убѣжденія, не отъ богатства силъ и знаній, не отъ чтенія идеалистовъ-философовъ, но пріобрѣтенномъ по невѣрнымъ слухамъ о германскихъ теоріяхъ» [88]).

Мы увидимъ, насколько справедливы эти обвиненія и до какой степени серьезно Полевой успѣлъ ознакомиться съ современными идеями, необходимыми для его критики и публицистики. Для насъ важенъ фактъ, свидѣтельствующій о нетерпѣливой жаждѣ популярнѣйшаго журналиста — познать тайны германскаго любомудрія.

---

[86]) *Моск. Телеграфъ.* 1825, I.

[87]) Дѣтскія сказки. *Вѣтреный мальчикъ.* Сочин. V, 107.

[88]) *Московскій Вѣстникъ*, 1828 г., ср. Весинъ. *Очерки исторіи русской журналистики.* Спб. 1881, стр. 101.

Изъ источника, безусловно благосклоннаго къ Полевому, мы узнаемъ, какъ ловились эти тайны на лету, брались приступомъ съ одного натиска, будто единственное спасеніе для ума и сердца.

Напримѣръ, любопытенъ путь, какимъ шеллингіанство дошло до Полевого. У извѣстнаго намъ проф. Павлова былъ сослуживецъ по земледѣльческой школѣ Андросовъ. Онъ, постоянно встрѣчаясь съ Павловымъ, увлекся философіей Шеллинга. Съ нимъ познакомился Полевой, и въ результатѣ новый прозелитъ. Полевой жадно набросился на новыя для него идеи, по обыкновенію, слѣдовали цѣлые вечера споровъ и этого довольно для «воспріимчиваго» слушателя. «Онъ усвоилъ себѣ нѣкоторыя идеи трансцедентальной философіи,—прибавляетъ разсказчикъ, — сталъ читать книги, написанныя въ духѣ ея, и былъ уже приверженцемъ новыхъ взглядовъ, когда судьба сблизила его со многими молодыми людьми, изучавшими нѣмецкую философію» [89]).

Эта простая исторія можетъ считаться типичной. Весьма многіе современники философской эпохи именно такимъ путемъ превращались въ философовъ и горячихъ распространителей философіи.

Если извѣстное міросозерцаніе можно усвоить помимо книгъ и лекцій,—явное доказательство, что оно само превратилось въ общественную школу, овладѣло не только умами, но самой жизнью наиболѣе развитыхъ людей и стало насущной духовной пищей цѣлаго поколѣнія.

Это превращеніе и совершалось съ шеллингіанствомъ. Оно переполняло атмосферу двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ и неизмѣнно встрѣчало каждаго ученаго и литературнаго дѣятеля въ самомъ началѣ его пути.

Впослѣдствіи гегельянство станетъ рядомъ съ философіей Шеллинга, успѣетъ вытѣснить ее изъ оборота русской молодежи, но та же напряженность философскихъ страстей останется во всей неприкосновенности, пожалуй, даже усилится. Гегель на нѣкоторое время займетъ положеніе непогрѣшимаго учителя и найдетъ послѣдователей среди даровитѣйшихъ русскихъ искателей истины. Это будетъ новой волной стараго теченія, и съ нею отнюдь не изсякнетъ самый потокъ. Гегеля смѣнятъ другіе, менѣе властные вожди русскихъ молодыхъ поколѣній, но и имъ будутъ принесены обильныя жертвы чисто-ученическаго энтузіазма, часто даже болѣе беззавѣтнаго, въ честь Конта или Бокля, чѣмъ раньше—Шеллинга и Гегеля.

Слѣдовательно, молодые русскіе шеллингіанцы въ полномъ смыслѣ родоначальники великаго періода въ исторіи русскаго про-

---

[89]) Кс. Полевой, 89.

свѣщенія. Къ нимъ, увлекающимся и юнымъ, вполнѣ приложима патріотическая мысль Леопарди, обѣщавшаго «патріархамъ» своей родины вѣчную хвалу «дѣтей».

Наши «патріархи» часто далеко не доживали до внушительнаго возраста, преждевременная смерть полагала конецъ блестящимъ надеждамъ друзей такихъ людей, какъ Веневитиновъ, Станкевичъ, и наименованіе «патріарховъ» можетъ произвести на насъ впечатлѣніе грустной ироніи. Но дѣло не въ продолжительности жизненнаго пути: на этотъ счетъ судьба русскихъ писателей извѣстна своей безжалостностью, а въ его нравственномъ значеніи и изумительной содержательности.

Эти люди умѣли очень рано *начинать* и многое *передумать* уже въ тѣ годы, когда для иныхъ поколѣній едва одолима школьная наука и часто совершенно непреодолима душевная истома и умственный холодъ—плоды этой науки. Умѣть не учиться, а учить себя, не «получать образованіе», а искать и находить его, не «удовлетворять требованіямъ современнаго просвѣщенія», а ставить ихъ,—вотъ въ чемъ существенная разница философскаго поколѣнія отъ его предшественниковъ и преемниковъ. Она коренится на совершенно опредѣленной нравственной почвѣ, составлявшей, повидимому, исключительный завидный удѣлъ философской эпохи. Ее объяснили сами же молодые философы: это невольное и непреодолимое стремленіе, будто физическое отправленіе, разрѣшить высшія задачи личной и общественной жизни.

XXXIV.

Шеллингіанство, по своему составу какъ нельзя болѣе приспособлено стать философіей молодости. Въ немъ столько поэзіи, столько задачъ воображенію и творчеству, такой неисчерпаемый запасъ величественныхъ идей и увлекательнѣйшихъ перспективъ, что самое поверхностное знакомство съ системой можетъ сообщить сильнѣйшее возбужденіе всѣмъ духовнымъ силамъ отзывчивой юношеской натуры.

Такъ происходило съ русскими шеллингіанцами.

Первыя начала «любомудрія» они пріобрѣтаютъ еще въ школѣ или даже во время домашняго воспитанія.

Главной философской школой въ Москвѣ является не университетъ, а университетскій благородный пансіонъ. Здѣсь жизнь и ученье отличались гораздо большей свободой, чѣмъ въ университетѣ, воспитатели и профессора тѣснѣе сживались съ воспитанниками, вносили въ свои занятія больше личнаго интереса и идейнаго содержанія, чѣмъ въ университетскія лекціи.

Въ этомъ отношеніи пансіонъ занималъ привилегированное и

въ высшей степени выгодное положеніе. Въ его стѣнахъ даже такіе сановитые подвижники оффиціальной учености, какъ Давыдовъ, превращались въ гуманныхъ и разумныхъ руководителей юношества.

Собственно всѣ сочувственныя извѣстія о Давыдовѣ связаны съ его пансіонской дѣятельностью. Онъ давалъ воспитанникамъ читать книги, бесѣдовалъ съ ними, даже издавалъ ихъ рѣчи и стихотворенія въ особомъ пансіонскомъ альманахѣ, знакомилъ молодежь съ философіей и шеллингіанствомъ.

Эти факты показываютъ, на какой путь могла бы направиться и университетская служба Давыдова, если бы внѣшнія силы не помогли превратиться ему въ *чиновника* и компилятора.

Во всякомъ случаѣ, пансіонеры многимъ были обязаны Давыдову, и именно въ литературномъ развитіи. Въ пансіонѣ происходили засѣданія Общества любителей россійской словесности, его предсѣдатель, Прокоповичъ-Антонскій, состоялъ въ тоже время директоромъ пансіона, человѣкъ добрый, сердечный, религіозно-мечтательный и даже мистикъ, но истинный другъ юношества. Давыдовъ одно время исполнялъ должность инспектора, и во главѣ съ этими двумя руководителями пансіонъ преуспѣвалъ. Съ 1821 г. къ нимъ присоединился Павловъ, и въ пансіонѣ окончательно водворилась философія.

До какой степени лекціи Павлова воздѣйствовали на слушателей, показываетъ произведеніе одного изъ пансіонеровъ, кн. Одоевскаго.

Автору было всего девятнадцать лѣтъ, и онъ призвалъ всю силу юношескаго увлеченія для прославленія философіи. Она, что̀ солнце среди планетъ, источникъ свѣта для всѣхъ наукъ. Она—единственное средство опредѣлить вѣрность или ошибочность нашихъ идей. Она одинаково необходима и полезна и въ политической жизни, и въ частной, и въ семейной [90]).

Эти мысли могли быть непосредственнымъ отраженіемъ лекцій Павлова. Но одновременно у пансіонеровъ существовалъ другой, не менѣе глубокій интересъ. Общество словесности дѣйствовало на ихъ глазахъ, они привлекались къ живому участію въ его засѣданіяхъ и между собой, подъ руководствомъ Давыдова, составляли свои засѣданія.

Естественно, русскій языкъ и русская литература заняли первенствующее мѣсто въ пансіонскомъ образованіи. Начальство поощряло и самостоятельную дѣятельность воспитанниковъ, давало имъ темы для публичныхъ рѣчей, печатало эти рѣчи. Пансіонеры жили въ литературной атмосферѣ, лично безпрестанно сталкиваясь съ представителями современной науки и словесности.

---

[90]) Сумцовъ. *Кн. В. Ѳ. Одоевскій.* Харьковъ. 1884, стр. 5.

Болѣе цѣлесообразной школы для подготовленія будущихъ литературныхъ дѣятелей трудно и представить, и кн. Одоевскій всецѣло обязанъ пансіону своими авторскими стремленіями

По выходѣ изъ пансіона, столь тщательно развитыя наклонности не могли заглохнуть. Общія сочувствія невольно единили молодежь, нашелся и человѣкъ, какъ нельзя болѣе достойный быть центромъ единенія.

Раичъ, сохранившій въ исторіи литературы извѣстность какъ переводчикъ *Освобожденнаго Іерусалима*, лѣтами былъ много старше университетской молодежи, но душой стоялъ на одномъ уровнѣ съ ея идеалистическими стремленіями, можетъ быть, даже многихъ превосходилъ отрѣшенной мечтательной поэтичностью натуры. Современники называютъ Раича поэтомъ-младенцемъ, добродушнѣйшимъ человѣкомъ, безкорыстнымъ, чистымъ, олицетворенной буколикой. Страстная преданность литературѣ соединялась въ немъ съ серьезной ученостью [91]). Лучшаго объединителя молодежь не могла и желать.

Въ кружкѣ съ самаго начала встрѣчаются имена съ будущей громкой литературной извѣстностью: кн. Одоевскій, братья Кирѣевскіе, Полевой, Погодинъ, кн. Вяземскій, Веневитиновъ, Кюхельбекеръ. Цѣли преслѣдовались исключительно литературныя. Общество собиралось по два раза въ недѣлю и члены читали свои произведенія и переводы. Общество выпустило нѣсколько альманаховъ съ избранными стихотвореніями современныхъ поэтовъ, и естественно напало на мысль объ изданіи журнала.

Какіе же планы представлялись начинающимъ писателямъ и во имя какихъ идей они готовились выступить на путь публицистики, столь неблагодарный и многотрудный въ ихъ время?

Мы знаемъ, какъ Полевому рисовалась дѣятельность журналиста и въ чемъ издатель *Телеграфа* полагалъ свои нравственныя обязанности и общественное просвѣщеніе. Основная цѣль — доступность и свѣжесть мыслей и фактовъ, популяризація въ совершеннѣйшемъ смыслѣ слова. Журналистъ долженъ вмѣшаться въ толпу, приноровиться къ ея пониманію и языку, потому что его идеалъ—быть понятымъ и создать своей дѣятельностью не избранный кружокъ сочувственниковъ, а публику, аудиторію, охватывающую, по возможности, всѣхъ читателей.

И мы увидимъ, съ какимъ успѣхомъ Полевой достигъ своей цѣли.

Его журналъ не только не открещивался отъ философіи, но, напротивъ, полагалъ ее въ основу своей критики, съ самаго начала изданія журналъ переполненъ шеллингіанскими идеями, но

---

[91]) Барсуковъ, I, 161—2.

предлагались онѣ публикѣ въ самыхъ изящныхъ и привлекательныхъ уборахъ: ни бойкость пера, ни ясность мысли не измѣняли писателямъ *Телеграфа*, все равно, описывали они моды или вводили читателя въ таинство абсолюта.

Въ результатѣ выходило очень искусное практическое и въ то же время безусловно литературное предпріятіе. Полевой обнаружилъ истинный талантъ общественнаго дѣятеля совершенно исключительнымъ умѣньемъ слить культурныя задачи журналистики съ ея широкимъ вліяніемъ. И мы раздѣляемъ похвалу хотя бы очень заинтересованнаго лица политикѣ *Телеграфа*: его философія «незамѣтно усвоивалась читающей публикой» [92]).

Нѣчто другое на томъ же пути произошло съ молодыми современниками Полевого и его сотоварищами по кружку Раича.

Полевой, при столь ловкомъ приложеніи своихъ не особенно глубокихъ и обширныхъ философскихъ познаній, сохранилъ большой запасъ сдержанности и трезвости въ увлеченіяхъ шеллингіанствомъ. Онъ ни на минуту не питалъ намѣренія журналъ свой сдѣлать исключительнымъ органомъ нѣмецкой философіи и душу свою положить за «любомудріе». Онъ съумѣлъ удержаться на рединѣ между простой эксплуатаціей модныхъ идей и беззавѣтной рыцарской преданностью имъ. Недаромъ, говорятъ, его любимымъ присловіемъ была французская фраза, означавшая: «это сообразно съ обстоятельствами», «это глядя по дѣлу»... Большой секретъ уловить *относительное* значеніе вопроса въ кругу другихъ и разрѣшать его въ данномъ направленіи!

Полевой именно такъ воспользовался философіей.

«Журнальная смѣтливость издателя», говоритъ его ближайшій сотрудникъ была такова, «что онъ никогда не увлекался въ однообразное направленіе всегда имѣя въ виду общность своихъ читателей» [93]).

Товарищи Полевого также выступили впослѣдствіи на поприщѣ издателей, и не имѣли тѣни успѣха сравнительно съ Полевымъ.

Дѣло объясняется просто, изъ *психологіи* философскихъ увлеченій издателя *Телеграфа* и его конкуррентовъ.

Прежде всего, даровитѣйшіе изъ нихъ—Одоевскій, Кирѣевскій, Веневитиновъ—по происхожденію благородные юноши, изящнаго и даже тонкаго воспитанія, въ высшей степени культурные и просвѣщенные, но въ такой же степени удаленные отъ *дѣйствительности* и *толпы*.

Эти два термина для двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ, и даже позже, въ полномъ смыслѣ техническіе, означаютъ особый міръ, противоположный другому,—не дѣйствительности и не толпы, міру идей и исключительныхъ существъ, міру философіи и поэзіи.

---

[92]) Ксеноф. Полевой, 158.

[93]) *Ib.*, 157.

Мы очень часто можемъ слышать отъ молодыхъ шеллингіанцевъ слова дѣйствительность, народъ, но мы не должны поддаваться сладкимъ звукамъ. Мы должны помнить, дѣйствительность имѣетъ многообразныя значенія, и впослѣдствіи, въ періодъ гегельянства, именно это понятіе принесетъ величайшія бѣдствія русской критикѣ.

Вопросъ, чтò разумѣть подъ дѣйствительностью? Вѣдь, и профессора-шеллингіанцы, въ родѣ Галича и Надеждина, твердили о ней, и это не помѣшало одному гордо парить въ заоблачныхъ высотахъ «изящнагò», а другому — уничтожать какъ разъ самыя дѣйствительныя произведенія отечественной поэзіи и возмущаться ихъ излишней близостью къ землѣ.

То же самое понятія народъ, нація.

Эти слова съ большимъ эффектомъ произносились еще Карамзинымъ, ихъ постоянно повторяли теоретики романтизма, и тотъ же Надеждинъ въ основу литературнаго прогресса полагалъ, между прочимъ, *народность*.

Но мы знаемъ, чего стоило народолюбіе чувствительныхъ сочинителей, видѣли также, до какихъ предѣловъ доходило народничество московскаго профессора. Онъ все-таки аристократъ книги и кабинета, онъ для себя самого единственно взрослый и *сознательно-творящій* человѣкъ, а народъ—лепечущій младенецъ или даже свистящій соловей.

Молодые шеллингіанцы будутъ одарены слишкомъ развитымъ художественнымъ чувствомъ, органической и принципіальной гуманностью,—они уйдутъ далеко сравнительно съ профессорами въ идеяхъ о дѣйствительности и народѣ. Но это будетъ преимущественно *теоретическое* движеніе.

Наши философы, въ ближайшихъ своихъ намѣреніяхъ, живо напомнятъ намъ «старенькихъ романтиковъ» Тургенева.

Они вполнѣ искренно стремились и сближаться съ народомъ, и благодѣтельствовать ему, принимались даже за предпріятія на пользу народа по самымъ послѣднимъ словамъ науки, и результаты далеко не соотвѣтствовали ни планамъ, ни дѣламъ. И вы помните, въ какое траги-комическое положеніе попадаетъ Павелъ Кирсановъ съ своими фермами и комитетами.

Такой неистощимый запасъ доброй воли, такая бездна благороднѣйшихъ идей и такіе жестокіе уроки дѣйствительности!

Очевидно, нѣтъ,—въ самой природѣ романтиковъ нѣтъ силъ одолѣть эту дѣйствительность, потому что отвлеченныя идеи о ней не стоятъ на уровнѣ съ ея жизненнымъ смысломъ.

Эти замѣчанія потребуются намъ на каждомъ шагу при точной оцѣнкѣ философскихъ и критическихъ идей русскихъ шеллингіанцевъ, и въ результатѣ, рядомъ съ великими заслугами, предъ

*

нами откроется и великій изъянъ. Мы поймемъ, на сколько для Полевого оказалось цѣлесообразнѣе быть меньше философомъ и больше публицистомъ, а Пушкину даже мало интересоваться теоріями и слѣдовать внушеніямъ своей творческой природы—запускать руку въ самую подлинную дѣйствительность и класть на свои картины самыя яркіе фламандскіе штрихи.

XXXV.

«Въ началѣ XIX вѣка Шеллингъ былъ тѣмъ же, чѣмъ Христофоръ Колумбъ въ XV. Онъ открылъ человѣку неизвѣстную часть его міра, о которой существовали только какія-то баснословныя преданія—*его душу*».

Таковъ смыслъ шеллингіанства, по мнѣнію Одоевскаго [94]). Мы знаемъ, то же самое писала Сталь о всей германской философіи. Если русскій философъ приписываетъ заслугу только Шеллингу, очевидно, это плодъ исключительнаго увлеченія извѣстной системой.

И тотъ же Одоевскій объясняетъ, почему Шеллингъ удостоился привилегіи.

«Для счастья человѣка необходимо одно: свѣтлая, обширная аксіома, которая обняла бы все и спасла бы его отъ муки сомнѣнія: ему нуженъ свѣтъ незаходимый и неугасаемый, живой центръ для всѣхъ предметовъ; словомъ, ему нужна истина, но истина полная, безусловная».

Авторъ отличительной чертой своего времени считаетъ «желаніе выйти изъ скептицизма, чему-либо вѣрить».

И предметъ вѣры, несомнѣнно, существуетъ. «Потребность свѣтлой истины свидѣтельствуетъ о существованіи сей истины». Даже больше. Сомнѣнія противны человѣческой природѣ, именно вѣра, истина, аксіома—не только возможны, но законны и естественно необходимы.

Но истина недостижима для наукъ и особенно для современныхъ, разрозненныхъ, мелочныхъ, сплошь скептическихъ. Вѣрный путь указанъ Шеллингомъ, и русскій авторъ, объясняя идеи германскаго философа, почти буквально повторяетъ упомянутое нами выше разсужденіе Платона о совершенномъ знаніи, превосходящемъ даже математику. Она связана съ чертежами, т. е. внѣшними явленіями, а совершенное знаніе должно достигаться *внутреннимъ* путемъ, у Платона—діалектическимъ, у Шеллинга—созерцательнымъ.

Шеллингъ, по мнѣнію Одоевскаго, поставилъ задачу всему девятнадцатому вѣку, и разработка этой задачи «должна наложить

[94]) *Сочиненія.* I, 15.

на него характеристическую печать, и гораздо вѣрнѣе выразить его внутренное значеніе въ эпохахъ міра, нежели всѣ возможные паровики, винты, колеса и другія индустріальныя игрушки».

Сравненіе въ высшей степени краснорѣчивое, когда мы дальше узнаемъ смыслъ задачи. Практическая дѣятельность вѣка въ глазахъ русскаго шеллингіанца блѣднѣетъ предъ отвлеченнымъ вопросомъ и притомъ не разсудочнымъ и не логическимъ, а неуловимымъ и таинственнымъ.

Шеллингъ «отличилъ безусловное, самобытное, свободное самовоззрѣніе души отъ того воззрѣнія души, которое подчиняется, напримѣръ, математическимъ, уже *построеннымъ* фигурамъ: онъ призналъ основу всей философіи во внутреннемъ чувствѣ, онъ называлъ первымъ знаніемъ знаніе того акта нашей души, когда она обращается на самую себя и есть вмѣстѣ и предметъ, и зритель».

Эта дѣятельность можетъ быть возбуждена отнюдь не логическимъ путемъ, не при помощи силлогизма или факта, потому что силлогизмомъ можно *доказать*, но не *увѣрить*.

Обратите вниманіе на это точное различіе: доказательство не есть увѣренность и научная истина не есть истина, достойная вѣры. Къ такой истинѣ единственный путь — *эстетическій*, т. е. *вдохновеніе* [95]).

Во всѣхъ этихъ разсужденіяхъ для васъ ничего нѣтъ новаго, и Одоевскій самъ приводитъ цитаты изъ сочиненій Шеллинга.

Любопытно другое: русскій шеллингіанецъ съ восторгомъ идетъ за учителемъ и, признавъ эстетическую способность высшей, впадаетъ въ самый подлинный *символизмъ*.

Слово получило громкую популярность только въ наше время, но всѣ данныя для символической теоріи искусства заключались въ романтизмѣ и шеллингіанствѣ, именно въ ихъ общей идеализаціи творчества, какъ откровенія совершенныхъ истинъ.

Отсюда послѣдовательно вытекаетъ, во-первыхъ, крайне выспренное представленіе объ избранникахъ, обладающихъ даромъ творчества, а потомъ—благоговѣйное отношеніе къ самому творчеству.

Вся философская литература тридцатыхъ годовъ переполнена апоѳеозами поэта, поэтическаго таланта, геніальной личности. А такъ какъ всякій апоѳеозъ, естественно, требуетъ контраста для своего блеска, этимъ контрастомъ явится толпа, будничная дѣйствительность, и аристократическое настроеніе проникнетъ въ литературную дѣятельность именно тѣхъ благородныхъ юношей, которые менѣе всего способны были питать сословные предразсудки по происхожденію и страдать цеховой нетерпимостью—по своей учености.

---

[95]) *Ib.* I, 283 etc.

Веневитиновъ, краснорѣчивѣйшій ораторъ философскаго кружка, очень ярко выразилъ ходячее понятіе своихъ сверстниковъ о поэтѣ въ слѣдующемъ стихотвореніи:

О, если встрѣтишь ты *его*
Съ раздумьемъ на челѣ суровомъ,
Пройди безъ шума близъ него,
Не нарушай холоднымъ словомъ
Его священныхъ тихихъ сновъ;
Взгляни съ слезой благоговѣнья
И молви: это сынъ боговъ,
Любимецъ музъ и вдохновенья.

Другіе поэты не отставали отъ Веневитинова въ усердіи возвеличивать свое назначеніе среди смертныхъ и даже безсмертныхъ. Насъ безпрестанно увѣряютъ во всемогуществѣ поэтическаго таланта, въ родствѣ поэта съ ангелами, звуки лиры отожествляются съ перунами Зевса, а чародѣй, ихъ извлекающій — имѣетъ свободный доступъ къ тайнамъ ада и рая.

Журналы печатаютъ статьи *О достоинствѣ поэта*, студенты, съ одобренія профессоровъ, говорятъ рѣчи на тѣ же темы съ университетской каѳедры въ присутствіи высшаго начальства [96].

Можно ли, послѣ этого, укорять Пушкина, если онъ—дѣйствительный поэтъ цѣлой эпохи — заявитъ о преимуществахъ поэта надъ толпой? Пушкинъ могъ имѣть безчисленные поводы къ личному гнѣву на современную ему толпу—и читателей, и болѣе всего критиковъ. Но и безъ этого гнѣва онъ имѣлъ право въ *своей* поэзіи дать мѣсто идеѣ, считавшейся философской общепризнанной истиной.

Но разъ поэзія не только литература, а своего рода божественное откровеніе, она далеко не всегда можетъ быть доступной, понятной во всей своей глубинѣ, т. е. не всегда можетъ найти соотвѣтствующую форму. Все равно, какъ научный опытъ не даетъ истины, а только созерцаніе, такъ и слова не въ силахъ выразить идеи, а только развѣ намекнуть на нее, навести на мысль, но отнюдь не представить ее во всей полнотѣ и точности.

Душа невыразима рѣчью, и Одоевскій ссылается на Бетховена. Геніальный музыкантъ сѣтовалъ, что онъ никогда не могъ передать бумагѣ своихъ чувствъ и своего воображенія. Онъ въ исполненіи своей музыки слышалъ не то, что чувствовалъ, даже не то, что написалъ.

То же самое творческія идеи: онѣ никогда не могутъ быть переданы словами.

Каждая рѣчь обманъ и для насъ, и для нашихъ собесѣдниковъ. Каждому слову мы прибавляемъ понятіе, не выражаемое сло-

---

[96]) Ср. Весинъ, 176. Прозоровъ. *О. с.*, стр. 13.

вами и созданное не внѣшнимъ предметомъ, а «самобытно и безусловно исшедшее изъ нашего духа». Единственная возможность для двухъ даже единомышленныхъ людей понять другъ друга— «говорить искренно и отъ полноты душевной». Надо, такъ сказать, взаимно сблизить души, установить связь безсознательную, непосредственную, и тогда идеи собственно будутъ не выясняться, а внушаться, не передаваться, а инстинктивно восприниматься.

Въ бесѣдѣ можетъ не быть видимой логической связи и стройности, а между тѣмъ именно этотъ процессъ передачи идей и будетъ самымъ цѣлесообразнымъ. Мы его должны имѣть въ виду, особенно при объясненіи философическихъ понятій: они, выраженныя словами, простые звуки и могутъ имѣть тысячи произвольныхъ значеній, но одно настоящее достижимо только путемъ внутренняго проникновенія въ смыслъ понятія.

Отсюда — необходимость аналогій и сопоставленій, т. е. *символовъ.*

«Ты знаешь мое неизмѣнное убѣжденіе, — говоритъ Фаустъ у Одоевскаго, — что человѣкъ, если и можетъ рѣшить какой-либо вопросъ, то никогда не можетъ вѣрно поревести его на обыкновенный языкъ. Въ этихъ случаяхъ я всегда ищу какого-либо предмета во внѣшней природѣ, который по своей аналогіи могъ служить хотя приблизительнымъ выраженіемъ мысли».

Когда мы читаемъ эти разсужденія, мы чувствуемъ себя въ самой современной атмосферѣ символизма. Совпаденіе доходитъ до тожественности старыхъ шеллингіанскихъ идей съ «откровеніями» новѣйшихъ авторовъ.

У Метерлинка, напримѣръ, есть въ высшей степени любопытная статья *Le Réveil de l'âme — Пробужденіе души.* Начинается она заявленіемъ, что наступитъ и уже наступаетъ удивительное время: наши души будутъ сообщаться другъ съ другомъ безъ посредства физическихъ чувствъ. Произойдетъ освобожденіе нашей духовной стихіи и люди приблизятся другъ къ другу, взаимно проникая въ думы и чувства, безъ помощи словъ и внѣшнихъ выраженій. Знаки и слова утратятъ значеніе, все будетъ рѣшаться таинственнымъ воздѣйствіемъ *присутствія* одного человѣка на другого. И уже теперь люди стали неизмѣримо болѣе чуткими къ психической жизни другъ друга, уже теперь многое угадывается и невольно понимается, что раньше требовало вмѣшательства рѣчи [97]).

Несомнѣнно, отъ этихъ соображеній не отказались бы и наши философы тридцатыхъ годовъ: такъ мало новаго подъ солнцемъ!

Кирѣевскій идетъ еще дальше. Онъ прямо защищаетъ права

---

[97]) Maurice Maeterlinck. *Le Trésor des Humbles.* Paris. 1896, p. 20 etc.

гиперлогическаго знанія, *невыразимаго.* По его мнѣнію, слово не только не въ силахъ охватить содержаніе идеи, но оно въ сущности убиваетъ жизненную силу идеи. Мысль и чувство тогда только могущественны, пока они не *вполнѣ* высказаны. Разъ они совершенно уяснились для разума и нашли выраженіе въ словѣ,—они превратились въ цвѣтокъ, изображенный на бумагѣ: онъ не растетъ и не пахнетъ. Такъ и совершенно изъясненная мысль утрачиваетъ свою власть надъ душой человѣка. «Она родится втайнѣ и воспитывается молчаніемъ» [98]).

Опять поразительное совпаденіе съ мечтаніями того же современнаго символиста. Метерлинкъ въ похвалу *Молчанію* написалъ цѣлую поэму въ прозѣ. Здѣсь, между прочимъ, говорится: «лишь только уста засыпаютъ, души просыпаются и принимаются за дѣло; потому что молчаніе—стихія, полная неожиданностей, опасностей и счастья; въ этой стихіи души пріобрѣтаютъ совершенную свободу» [99]). И здѣсь же настоятельно подверждается, что слова никогда не въ силахъ выразить дѣйствительныхъ отношеній между двумя существами. Поэтому *молчаніе любви* краснорѣчивѣе всякихъ любовныхъ *рѣчей,* и именно въ немъ заключена глубина и сила чувства.

Для насъ эти сопоставленія любопытны въ одномъ отношеніи, отнюдь не для исторіи символическихъ идей, а для полнаго освѣщенія философскихъ настроеній русской молодежи. Система Шеллинга, мы видимъ, дѣйствовала чрезвычайно энергично въ направленіи эстетическихъ теорій. Основной принципъ—художественное творчество, высшая ступень познанія—былъ цѣликомъ усвоенъ русскими шеллингіанцами со всѣми послѣдствіями, вплоть до мистическаго углубленія въ человѣческую душу и таинственнаго самоизслѣдованія путемъ созерцанія и вдохновенія.

Фактъ вполнѣ естественный. Русскіе шеллингіанцы ясно поняли господствующее идейное направленіе своего вѣка и лично восприняли это направленіе со всею страстью мятущейся молодости, и погрузились въ неотразимо влекущую даль полупредчувствуемыхъ, полусознаваемыхъ истинъ. Какою жалкой въ сравненіи съ этимъ необъятнымъ міромъ должна была казаться старая французская философія!

И русскіе писатели, начиная съ сотрудниковъ *Телеграфа* и кончая тѣмъ же Кирѣевскимъ, въ порывѣ увлеченія германской мыслью произнесутъ смертный приговоръ «французскому направленію».

Гельвеція и Гольбаха можно называть философами только развѣ «въ насмѣшку». Вся французская литература XIX вѣка живетъ

---

[98]) Кирѣевскій къ Хомякову. Письма. *Сочиненія*, стр. 90—1.

[99]) *O. c. Le Silence,* p. 17.

исключительно чужимъ вдохновеніемъ. Кузэнъ, Виллъмэнъ, даже Гизо—всѣ усердные ученики и подражатели нѣмецкихъ философовъ [100]).

Очевидно, для русскихъ нѣмецкая философія должна быть также источникомъ просвѣщенія, и русскіе читатели шеллинговыхъ сочиненій не отступятъ предъ самымъ рискованнымъ путешествіемъ въ туманное, для самого Колумба не вполнѣ изслѣдованное царство «абсолютнаго тожества».

И мы только-что видѣли диковинныя рѣдкости, вывезенныя иными путешественниками изъ своего странствія.

Но мы знаемъ, въ самомъ шеллингіанствѣ заключались не одни поиски за высшими тайнами. Даже эти поиски были въ сильной степени вдохновлены совершенно опредѣленными фактами, быстрыми и поразительными открытіями естественныхъ наукъ. Можно думать, именно успѣхи естествознанія возбудили ревность философіи и она поспѣшила развернуть свои силы въ томъ же направленіи, но только съ большей смѣлостью: открыть не законы, обобщить не факты, а весь міръ духовный и матеріальный заключить въ стройную, разумную систему.

Русскіе ученики Шеллинга прекрасно поняли исходную точку шеллингіанства и оцѣнили ея значеніе при новѣйшемъ развитіи положительныхъ наукъ. Не отказываясь отъ всеобъемлющей аксіомы, они не упустили изъ виду и историческаго положенія новой системы въ ряду другихъ философскихъ системъ.

Положеніе это наши шеллингіанцы опредѣлили крайне просто, какъ могла сдѣлать таже Сталь, дававшая бѣглый очеркъ исторіи германской философіи.

Шеллингъ совмѣстилъ въ своемъ міросозерцаніи всѣ предшествовавшія системы, вобралъ въ свою философію и матеріализмъ и идеализмъ, т. е. утвердилъ единство двухъ міровъ. А это значитъ идею слить съ дѣйствительностью, философію съ жизнью, и, слѣдовательно, литературу превратить въ практическую силу.

Этотъ выводъ, логически вытекающій изъ принципа тожества, въ своемъ развитіи, повидимому, совершенно расходится съ основной задачей шеллингіанства созерцательной и мистической. И мы указывали на эту двойственность системы, съ одной стороны неразрывно связанной съ положительной наукой, съ другой, въ качествѣ философской религіи своего времени, стремящейся къ верховной истинѣ.

Теперь предстоялъ вопросъ, какая изъ этихъ основъ шеллингіанства возобладаетъ у русскихъ послѣдователей системы? Увлекутся ли они безповоротно неизглаголанными тайнами и «полупо-

---

[100]) Ксеноф. Полевой, 158. Кирѣевскій. *Обозрѣніе русской словесности за 1829 годъ. Сочин.* I, 34.

дозрѣнными» чувствами, падутъ ли они ницъ предъ нестерпимо величественнымъ образомъ поэта-пророка и тайнамъ принесутъ въ жертву жалкую земную жизнь, а ради поэта пренебрегутъ толпой и всѣмъ заурядным и будничнымъ?

Если бы вопросъ рѣшился въ такомъ смыслѣ, въ ту же минуту отлетѣлъ бы отъ русской литературы геній свѣта и правды, и она заполонилась бы безплоднымъ фантазерствомъ и отрѣшеннымъ кабинетнымъ священнодѣйствіемъ брезгливыхъ эпикурейцевъ. Результаты вышли бы вполнѣ сходные съ ограниченными практическими воздѣйствіями академическаго шеллингіанства на литературу и критику.

Молодыхъ философовъ спасла извѣстная намъ *нравственная сила* философскихъ увлеченій, напряженный *личный* интересъ къ новымъ истинамъ; именно на этой психологіи и выросла побѣда жизненныхъ задачъ шеллингіанства надъ чисто отвлеченными и мечтательными.

XXXVI.

Какъ бы высоко ни стоялъ авторитетъ Шеллинга въ глазахъ его русскихъ послѣдователей, какими бы восторженными наименованіями ни награждали они и самого философа и его систему, мы безпрестанно встрѣчаемъ оговорки, ограниченія и даже возраженія. Фактъ новый послѣ безусловно вѣрноподданнической преданности германскому философу Велланскаго и даже Галича.

Старые шеллингіанцы обнаруживали гораздо меньше расположенія критиковать и анализировать, чѣмъ вѣрить и созидать. Мы видѣли, Велланскій и Павловъ самоотверженно пустились вслѣдъ за своимъ учителемъ въ безбрежное море натурофилософскихъ теорій и загадокъ, Галичъ усиливался оправдать Шеллинга отъ обвиненій въ мистицизмѣ и излишнемъ произволѣ воображенія въ ущербъ логикѣ. Ничего подобнаго у молодыхъ шеллингіанцевъ.

Они, конечно, охвачены общимъ интересомъ къ естественнымъ наукамъ. Кн. Одоевскій занимается химіей и ведетъ длинныя рѣчи о систематизаціи положительныхъ знаній. Но мы не знаемъ откуда это стремленіе? Оно могло быть внушено сенъ-симонизмомъ еще успѣшнѣе, чѣмъ шеллингіанствомъ, и мы склонны думать, что именно французскій источникъ долженъ занять первое мѣсто.

Выше мы указывали на совпаденіе нѣкоторыхъ идей у князя Одоевскаго съ разсужденіями Сенъ-Симона, въ раннюю эпоху его дѣятельности. Еще любопытнѣе мысли русскаго философа о научномъ методѣ въ исторіи, т. е. о самомъ рѣшительномъ приложеніи принциповъ опытныхъ наукъ.

Уже въ одной изъ статей Мерзлякова встрѣчается неожидан-

ное для классика выраженіе—«умственная химія» [101]), т. е. анализъ психологическихъ явленій. Очевидно, даже стараго словесника коснулись соблазны времени,—у его учениковъ не случайныя обмолвки, а цѣлые въ высшей степени отважные планы.

Одоевскій отказывается понять, почему никто не догадался *къ исторіи* примѣнить «аналитическую методу», ту самую, какую «употребляютъ химики при разложеніи органическихъ тѣлъ».

Слѣдуетъ описаніе «методы»: оно будто заимствовано изъ какого-нибудь самаго отчаяннаго позитивистскаго трактата, въ родѣ философскихъ статей Тэна, или изъ его руководящей книги о французской философіи XIX-го вѣка. Тотъ же разговоръ о столь же строгомъ и послѣдовательномъ анализѣ нравственныхъ явленій, какъ и физическихъ.

«Химики,—пишетъ Одоевскій,—сначала доходятъ до ближайшихъ началъ тѣла, каковы, напримѣръ, кислоты, соли и проч., наконецъ, до самыхъ отдаленныхъ его стихій, каковы, напримѣръ, четыре основные газа... Для этого рода историческихъ изслѣдованій можно было бы образовать прекрасную науку съ какимъ-нибудь звучнымъ названіемъ, напримѣръ, *аналитической этнографіи*. Эта наука была бы въ отношеніи къ исторіи тѣмъ же, чѣмъ химическое разложеніе и химическое соединеніе въ отношеніи къ простому механическому раздробленію и механическому смѣшенію тѣлъ».

Автору рисуется удивительное будущее химіи. Она теперь задыхается въ удушливой атмосферѣ, ее давитъ «технологическій соръ», но она все-таки приближается къ своей настоящей цѣли: «навести ученыхъ на химію высшаго размѣра».

«Она должна заниматься внутренними, сокрытыми элементами природы», она не создана для «узды матеріалистовъ», ея назначеніе—*испытывать глубину*.

И русскій философъ не отступаетъ предъ крайнимъ предѣломъ испытанія, въ сущности, вполнѣ шеллингіанскимъ. Если на основаніи философіи тожества можно весь міръ построить по законамъ разума, вновь создать его по началамъ духа, отчего же въ результатѣ *аналитической этнографіи* не *возстановить исторію*? Это значитъ, «открывъ анализисомъ основные элементы народа, по симъ элементамъ систематически построить его исторію».

При такомъ возсозданіи исторія дѣйствительно стала бы наукой, а теперь она только романъ, исполненный прежалкихъ и неожиданныхъ катастрофъ [102]).

Дальше идти невозможно въ увлеченіи наукой и положительнымъ

---

[101]) *Труды Общ. Люб. Росс. Словесности.* 1812, I., стр. 59, въ *Разсужденіи о Росс. Словесности въ нынѣшнемъ ея состояніи.*

[102]) *Ib.* 370—373.

мышленіемъ. Позднѣйшіе прямолинейные позитивисты не открыли другой высшей цѣли, чѣмъ разложеніе сложнѣйшихъ нравственныхъ и соціальныхъ явленій на простѣйшіе факты и *логическое* возсозданіе ихъ, вполнѣ совпадающее съ *дѣйствительностью*.

Такимъ путемъ шеллингіанецъ приходилъ къ точной наукѣ и къ фактамъ. Онъ до конца оставался въ границахъ своей системы, весь вопросъ заключался только въ его преимущественномъ сочувствіи *натурѣ* или *философіи*, т. е. естественно-научной стихіи шеллингіанства или его метафизикѣ. Увлеченія въ обѣ стороны, повидимому, одинаково сильны: тамъ чистѣйшій символизмъ, здѣсь—позитивистскія надежды на химическій анализъ нравственнаго міра человѣка.

И та, и другая перспектива безгранична и соблазнительна, и естественно въ разсужденіяхъ нашихъ философовъ безпрестанно чередуются идеи того и другого порядка, тѣмъ болѣе, что всѣ онѣ могли одинаково тѣшить молодое воображеніе и давать неистощимый матеріалъ возбужденной юношески-энергической мысли.

И мы не должны смущаться, встрѣчая столь, повидимому, непримиримыя теченія рядомъ. Мы уже неоднократно могли отмѣтить чрезвычайно близкое сосѣдство философіи и мистики въ началѣ XIX-го вѣка, строгой науки и поэтическаго фантазерства. Мы указали и на исторически-повелительную причину этого сосѣдства—всеобщую нравственную потребность въ цѣльномъ міросозерцаніи при условіи чрезвычайно внушительнаго *наступательнаго* развитія естествознанія.

Заслуга русскихъ шеллингіанцевъ состояла въ томъ, что они на первыхъ же порахъ обняли все многообразное содержаніе излюбленной системы, и даже отдали ясный отчетъ въ несоотвѣтствіи ея теоретическихъ задачъ съ дѣйствительными разультатами.

Одоевскій, при всѣхъ своихъ восторгахъ предъ идеями Шеллинга, призналъ *неисполнимость* вызванныхъ философомъ надеждъ. Изъ чудной роскошной страны, открытой Шеллингомъ, «одни вынесли много сокровищъ, другіе лишь обезьянъ да попугаевъ». Авторъ не объясняетъ подробно своей аллегоріи, но ему, несомнѣнно, была ясна обманчивость безграничныхъ завоеваній человѣческой мысли, ослѣпившихъ нѣкоторыхъ учениковъ философа. И именно поэтому Одоевскій снова заговорилъ о фактахъ и опытномъ изслѣдованіи и горячо привязался къ естествознанію [103]).

Кирѣевскій еще яснѣе опредѣлилъ неудовлетворительную, по его мнѣнію, черту нѣмецкой философіи. Есть одно качество, ста-

---

[103]) Біографъ приписываетъ кн. Одоевскому даже совершенно неосновательную заслугу, будто «онъ предсказалъ дарвиновскую теорію развитія органической жизни». Сумцовъ, стр. 40. Мы видѣли, эта теорія логически вытекала изъ шеллингіанскаго воззрѣнія на природу и русскому философу оставалось только извлечь ее изъ сочиненій своего учителя.

вящее французскую литературу выше всѣхъ другихъ: «это тѣсная связь литературы съ жизнью» [104]).

Шеллингъ наполнилъ этотъ пробѣлъ, но не до такой степени, чтобы могли получиться выводы русскихъ философовъ.

«Стремленіе къ существенности», «сближеніе духовной дѣятельности съ дѣйствительностью» —таковы основныя черты новой литературы. «Часъ для поэта жизни наступилъ», говоритъ Кирѣевскій, узаконяя, очевидно, безусловный реализмъ искусства. Мало этого.

Разъ мысль должна сблизиться съ дѣйствительностью, все направленіе умственнаго развитія должно быть *практическимъ*. А это значитъ, «общее мнѣніе» должно достигнуть уровня высшихъ современныхъ идей, иначе жизнь разойдется съ успѣхами ума. Отсюда необходимость широкаго общественнаго развитія и просвѣщенія, необходимость неограниченной и глубокой цивилизаціи [105]).

Во главѣ движенія должна стать литература, писатели будутъ просвѣтителями народа. Еще въ школѣ у юныхъ философовъ всѣ интересы сосредоточены на русской литературѣ; съ теченіемъ времени они растутъ и находятъ твердую опору въ той же философіи.

Германская мысль была всецѣло пропитана національными инстинктами. Учитель Шеллинга всю свою систему приспособилъ къ этимъ инстинктамъ и создалъ теорію германизма, какъ міровой культурной стихіи. О фихтіанскихъ идеяхъ мы очень рѣдко слышимъ отъ русскихъ философовъ тридцатыхъ годовъ, имя Фихте исчезаетъ въ лучахъ шеллинговой славы, но не можетъ быть сомнѣнія, что тотъ же Шеллингъ ввелъ своихъ учениковъ въ систему своего учителя. По крайней мѣрѣ, понятіе о культурномъ прогрессѣ въ связи съ развитіемъ національностей—прямое наслѣдство Фихте. Естественно, это понятіе у русскихъ философовъ должно преобразоваться въ другомъ, также національномъ направленіи, и съ самаго начала одновременно съ исповѣданіемъ *германской* философіи мы слышимъ настойчивое провозглашеніе *русскаго* просвѣщенія. Собственно идея національности явилась неизбѣжнымъ выводомъ изъ принципа *практическаго* сближенія *ума* съ *жизнью*. Сама жизнь требовала этой идеи и даже предупредила философовъ фактами, не особенно глубокомысленными и значительными, но, тѣмъ не менѣе, шумными и въ высшей степени популярными.

XXXVII.

Исторія всегда была и будетъ лучшей учительницей народовъ. Ея уроки всегда отличаются ясностью и непререкамой авторитетностью. Понять ихъ могутъ даже многіе изъ «малыхъ сихъ» и

---

104) *Сочиненія* I, 34, прим.

105) *Ib.*, 69—70.

порывомъ взволнованнаго чувства предвосхитить глубокія и трудныя думы великихъ и сильныхъ.

Одинъ изъ такихъ уроковъ былъ данъ всѣмъ европейскимъ народамъ въ началѣ XIX вѣка, и посмотрите, въ какомъ удивительномъ единодушіи оказываются люди совершенно различнаго образованія и литературныхъ вкусовъ!

Мы упоминали о *Русскомъ Вѣстникѣ* Глинки. Въ 1808 году у будущаго издателя заговорило «сердце вѣщунъ» и онъ рѣшилъ издавать журналъ именно противъ французскаго просвѣщенія XVIII вѣка, «нравы и добродѣтели праотцевъ нашихъ» противоставить чужеземному растлѣвающему вліянію. Много лѣтъ позже съ не менѣе горячимъ чувствомъ заговорятъ противъ «софистовъ» и молодые философы, чуждые всякой національной нетерпимости и патріотической воинственности.

Четыре года спустя у Глинки является послѣдователь—Гречъ, издатель *Сына Отечества*. Внукъ нѣмецкаго выходца, онъ теперь проникнутъ стремительнымъ желаніемъ служить русскому отечеству, изъ своего журнала сдѣлать «народный вѣстникъ русскій» и иноземнымъ заниматься исключительно только въ связи съ отечественнымъ.

И *Сынъ Отечества*, по свидѣтельству самого издателя, стяжалъ огромный успѣхъ, поддерживался «вельможами патріотами» и сочувствіемъ обширной публики. И успѣхъ этотъ Гречъ приписывалъ настроенію общества, «обстоятельствамъ».

Они до такой степени соотвѣтствовали разсчетамъ и чувствительныхъ, и просто ловкихъ предпринимателей печати, что и тѣ, и другіе могли ссылаться даже на восторги иностранцевъ предъ патріотизмомъ русскихъ. Рѣчь короля прусскаго о высокихъ подвигахъ русскаго мужества, о русскомъ народѣ, какъ примѣрѣ для всѣхъ другихъ, была переведена и встрѣтила, конечно, всеобщую признательность. Патріотическая волна захватила и науку. Мы знаемъ горячія рѣчи Мерзлякова, одновременно Павловъ и Давыдова внушали пансіонскимъ воспитанникамъ любовь къ родному языку, и Павловъ потомъ эти внушенія перенесъ въ свой журналъ.

Въ *Атенеѣ* о народной поэзіи высказывались идеи, несравненно болѣе послѣдовательныя, чѣмъ извѣстныя намъ разсужденія Надеждина. Въ первой же книгѣ журнала появилась статья *О направленіи поэзіи въ наше время* съ необычайно смѣлой и редактору-шеллингіанцу даже несвойственной проповѣдью *реализма* и *народности* искусства.

Статья напечатана въ самомъ началѣ 1828 года, но, несомнѣнно, мысли ея могли одушевлять и раннія лекціи Павлова въ пансіонѣ.

Авторъ статьи возстаетъ противъ *идеаловъ* въ поэзіи, т. е. слишкомъ возвышеннаго, не реальнаго содержанія. «Вѣкъ ихъ, кажется, минулъ безвозвратно. Мы требуемъ теперь человѣка

дѣйствительнаго, съ его слабостями, страстями, заблужденіями, странностями. Новыя потребности указали и на новые источники».

Гдѣ же ихъ искать?

Тѣ же «обстоятельства» дали отвѣтъ. Великія историческія событія, независимо отъ какихъ бы то ни было художественныхъ теорій, подняли цѣну національнаго прошлаго, и только съ эпохи отечественной войны въ Россіи нашла почву важнѣйшая идея романтизма: уваженіе къ дѣйствительной народной старинѣ, не украшенной и не видоизмѣненной идиллической чувствительностью пресыщеннаго тонкаго вкуса, изученіе народныхъ преданій и народнаго быта во всей подчасъ эстетически-неприглядной полнотѣ.

Авторъ статьи въ *Атенеѣ* именно и характеризуетъ этотъ новый интересъ къ національной стихіи,—строгій, научный и, слѣдовательно, практически-значительный.

«Мы начали отыскивать забытыя, кинутыя преданія, памятники народнаго невѣжества и легковѣрія, нестройной гражданственности или вымышленные причудливымъ младенчествующимъ воображеніемъ. Разсчетомъ вѣка охлажденные, не позволяя себѣ необдуманныхъ порывовъ души, мы зато съ бо́льшимъ жаромъ стали собирать, какъ нѣкое сокровище, неясныя, но живыя, свободныя чувствованія простой старины, звучащія еще въ народныхъ пѣсняхъ и преданіяхъ».

Авторъ, очевидно, историческое направленіе своего времени противопоставляетъ философической идеологіи предыдущей эпохи. Мы видимъ, изъ какихъ многообразныхъ побужденій поколѣніе начала XIX вѣка становилось народническимъ въ настоящемъ и прошломъ. Политическія событія, нравственный переворотъ въ умахъ послѣ революціи, логическіе выводы новой философіи,—все соединилось во имя національнаго принципа и выдвинуло на сцену культуры народъ, какъ великую историческую силу и невѣдомаго до сихъ поръ обладателя духовныхъ богатствъ.

Естественно, въ кружкѣ Раича національный вопросъ занималъ первое мѣсто.

Здѣсь не было разныхъ мнѣній, и даровитѣйшіе представители философской мысли съ удивительнымъ единодушіемъ доходятъ до крайнихъ выводовъ, ничѣмъ не уступающихъ германофильскимъ проповѣдямъ Фихте.

Россія должна имѣть и, несомнѣнно, имѣетъ свое особое *назначеніе* въ человѣческой культурѣ. Въ чемъ состоитъ оно—вопросъ сложный и еще нерѣшенный. Достовѣрно одно, міровая роль Россіи не уступаетъ значенію другихъ народовъ, и вѣроятнѣе всего, даже превосходитъ.

Философія должна представить полную картину развитія ума человѣческаго и въ этой картинѣ Россія увидитъ собственное

свое предназначеніе. Именно поэтому изученіе философіи и важно: оно должно служить русскимъ національнымъ цѣлямъ.

Такъ разсуждалъ Веневитиновъ, искуснѣйшій ораторъ кружка и подававшій едва ли не самыя блестящія надежды, какъ публицистъ и критикъ [106]).

Кирѣевскій безпрестанно свидѣтельствуетъ о своей глубокой, восторженной любви къ Россіи, всѣ силы свои посвящаетъ родинѣ и поприще писателя, какъ просвѣтителя народа, считаетъ достойнѣйшимъ изъ всѣхъ. «Куда бы насъ судьба ни завела,—говоритъ онъ о себѣ, о своихъ братьяхъ и друзьяхъ,—и какъ бы обстоятельства ни разрознили, у насъ все будетъ общая цѣль: благо отечества, и общее средство: литература».

Онъ рисуетъ эффектную сцену, какъ они лѣтъ черезъ 20 снова сойдутся въ дружескій кружокъ и отдадутъ другъ другу отчетъ, что̀ каждый изъ нихъ сдѣлалъ для просвѣщенія Россіи.

И для Кирѣевскаго философія необходима исключительно въ интересахъ независимаго національнаго прогресса.

Онъ пишетъ настоящую оду въ честь философіи, ея всемогущаго вліянія на поэзію и науку... Но откуда она придетъ для насъ, русскихъ?

Отвѣтъ любопытный. Его признали бы своимъ всѣ молодые шеллингіанцы: въ немъ нераздѣльно сливается высокое чувство уваженія къ европейской культурѣ и непоколебимая вѣра въ судьбы своей страны. Здѣсь нѣтъ ни западничества, ни славянофильства, какъ враждебныхъ крайнихъ партій. Философы конца двадцатыхъ годовъ умѣютъ оставаться подлинными русскими и даже горячими патріотами и, ни на минуту не колеблясь, отдавать должное старой западной цивилизаціи.

«Конечно,—говоритъ Кирѣевскій,—первый шагъ нашъ къ философіи, къ ней долженъ быть присвоеніемъ умственныхъ богатствъ той страны, которая въ умозрѣніи опередила всѣ другіе народы. Но чужія мысли полезны только для развитія собственныхъ. Философія нѣмецкая вкорениться у насъ не можетъ. *Наша* философія должна развиться изъ *нашей* жизни, создаться изъ текущихъ вопросовъ, изъ господствующихъ интересовъ *нашего* народнаго и частнаго быта».

Нѣмецкая философія, слѣдовательно, только переходная ступень отъ французской софистики къ настоящей умственной работѣ. Кирѣевскій превозноситъ благодѣянія германскаго вліянія на русскую литературу но онъ преисполненъ патріотическихъ чувствъ. Подчасъ его можно признать за подлиннаго славянофила, даже въ молодые годы: до такой степени близко къ сердцу онъ принимаетъ всякое малѣйшее посягательство со стороны иностран-

---

[106]) Веневитиновъ. *Нѣсколько мыслей въ планѣ журнала.*

цевъ на достоинство русскаго имени и на такой выспренней высотѣ ему рисуется цивилизаторская миссія его родины!

За границей онъ попадаетъ въ среду «первоклассныхъ умовъ Европы», начиная съ Шеллинга и Гегеля и кончая звѣздами второй величины, но тоже въ высшей степени яркими, для русскаго взора, ослѣпительными. Кирѣевскій дѣятельно посѣщаетъ лекціи профессоровъ, завязываетъ личныя знакомства, но ни на минуту не поддается гипнозу, столь часто подчинявшему въ старое время разныхъ русскихъ путешественниковъ предъ лицомъ той или другой европейской знаменитости.

Это не ученикъ, а просто любопытный слушатель, всегда способный распознать дѣйствительное золото отъ призрачнаго блеска. Онъ внимательно слѣдитъ за лекціями Шеллинга и сейчасъ же отмѣчаетъ несоотвѣтствіе возбужденныхъ надеждъ и осуществившихся фактовъ. То же самое, на чтò указывалъ и Одоевскій, только его сверстникъ дошелъ до истины у самаго ея источника.

«Гора родила мышь», пишетъ Кирѣевскій своему вотчиму Елагину, усердному шеллингіанцу. Елагинъ первый познакомилъ съ философіей своего пасынка и, очевидно, интересовался его заграничными успѣхами въ любимомъ предметѣ. Кирѣевскій долженъ пересылать ему философскія новости и, конечно, новыя лекціи Шеллинга, и вотъ оказывалось, — философъ два года подрядъ читалъ одинъ и тотъ же курсъ. Съ такой основательной подготовкой явился русскій студентъ въ заграничную аудиторію! Сравнивая настроенія Кирѣевскаго съ росказнями Карамзина о Кантѣ, мы попадаемъ будто въ двѣ разныя и чрезвычайно отдаленныя другъ отъ друга эпохи.

Естественно, Кирѣевскій еще осторожнѣе относится къ нѣмцамъ внѣ философіи. Онъ возмущается ихъ неуважительными отзывами о русскихъ по вопросу, повидимому, довольно сомнительному: есть ли у русскихъ энергія? Наконецъ, онъ переходитъ въ наступательное положеніе и *общій* типъ нѣмцевъ изображаетъ въ самыхъ безнадежныхъ краскахъ: и наклонность къ «нелѣпому восторгу», и тупость, и бездушіе, и въ заключеніе рѣшительный возгласъ: «Германіей ужъ мы сыты по горло!»

Возгласы, по формѣ, могутъ быть плодомъ минутнаго возбужденія, столь понятнаго у русскаго путешественника заграницей. Но у Кирѣевскаго имѣется цѣлая система культурныхъ воззрѣній. Они заслуживаютъ всего нашего вниманія, потому что такой цѣльности и по истинѣ философскаго безпристрастія и разносторонности русская общественная мысль могла достигнуть только въ отдаленномъ будущемъ, отчасти по винѣ самого Кирѣевскаго.

Онъ безпрестанно возвращается къ историческимъ судьбамъ Россіи. Мы знаемъ, вопросъ рѣшенъ на общихъ философскихъ

основахъ: «просвѣщеніе — условіе и источникъ *всѣхъ* благъ» и «судьба Россіи заключается въ ея просвѣщеніи». Но гдѣ же его источникъ?

Въ Европѣ. Это настойчивый и постоянный отвѣтъ нашего автора, *въ Европѣ*, а не въ Московіи, не въ допетровской Руси.

Кирѣевскій въ важнѣйшей своей статьѣ *Девятнадцатый вѣкъ* подвергъ жестокой критикѣ патріотовъ славянофильскаго толка.

Они обвиняютъ Петра, будто онъ далъ ложное направленіе русской образованности, заимствовалъ ее изъ просвѣщенной Европы, а не развилъ «внутри нашего быта».

Въ отвѣтъ Кирѣевскій прежде всего указываетъ *на заимствованіе чужихъ мыслей* со стороны самихъ пророковъ самобытности.

«Стремленіе къ національности есть ничто иное, какъ непонятое повтореніе мыслей чужихъ, мыслей европейскихъ, занятыхъ у французовъ, у нѣмцевъ, у англичанъ, и необдуманно примѣняемыхъ къ Россіи. Дѣйствительно, лѣтъ десять тому назадъ стремленіе къ національности было господствующимъ въ самыхъ просвѣщенныхъ государствахъ Европы: всѣ обратились къ своему народному, къ своему особенному. Но тамъ это стремленіе имѣло свой смыслъ: тамъ просвѣщеніе и національность одно, ибо первое развилось изъ послѣдней. Потому, если нѣмцы искали чисто нѣмецкаго, то это не противорѣчило ихъ образованности; напротивъ, образованность ихъ такимъ образомъ доходила только до своего сознанія, получала болѣе самобытности, болѣе полноты и твердости. Но у насъ искать національнаго, значитъ искать необразованнаго; развивать его на счетъ европейскихъ нововведеній, значитъ изгонять просвѣщеніе. Ибо не имѣя достаточныхъ элементовъ для внутренняго развитія образованности, откуда возьмемъ мы ее, если не изъ Европы? Развѣ самая образованность европейская не была послѣдствіемъ просвѣщенія древняго міра? Развѣ не представляетъ она теперь просвѣщенія общечеловѣческаго? Развѣ не въ такомъ же отношеніи находится оно къ Россіи, въ какомъ просвѣщеніе классическое находилось къ Европѣ?» [107]).

Это напечатано въ началѣ 1832 года; тѣ же идеи были высказаны въ статьѣ *Обозрѣніе русской словесности за 1829 годъ*, напечатанной въ сборникѣ Максимовича *Денница* на 1830 годъ: подъ статьей въ первый разъ подписано имя автора.

Ив. Ивановъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

---

[107]) *Сочиненія.* I, 82—3.

Эволюція рабства у различныхъ человѣческихъ расъ.

(*Продолженіе* *).

Шарля Летурно.

Переводъ съ французскаго Э. Пименовой.

Глава X.

Бѣлыя расы.

Расы первобытнаго Египта.—Происхожденіе египетской цивилизаціи.—Первобытные берберы.—Рабство у берберовъ.—Рабство у туареговъ.—Туарегская аристократія.—Положеніе свободныхъ женщинъ у туареговъ.—Независимые нравы.—Рабство у кабиловъ.—Рабство въ древнемъ Египтѣ.—Наслѣдственные нравы. — Постройка пирамидъ.—Абсолютная власть фараоновъ.—Трудъ женщинъ въ Египтѣ.—Рабство въ Эѳіопіи.—Древніе эѳіопы.—Работа женщинъ въ Абиссиніи.—Феодальный режимъ.—Слуги.—Причины рабства.—Торговля рабами.—Положеніе рабовъ.—Рабство въ Мадагаскарѣ.—Происхожденіе гавасовъ.—Причины рабства.—Смягченныя условія рабства.—Положеніе и трудъ женщинъ.—Земледѣльческій трудъ.—Эволюція рабства въ Египтѣ и сосѣднихъ странахъ.—Рабство, крѣпостничество и заработная плата.

Прежде чѣмъ говорить о первой великой цивилизаціи, появившейся на земномъ шарѣ, — объ египетской, мы должны сказать нѣсколько словъ о расахъ, создавшихъ Египетъ. Обыкновенно принято думать, основываясь на нѣкоторыхъ лингвистическихъ аналогіяхъ, найденныхъ однако съ трудомъ, что египетская цивилизація имѣетъ азіатское и даже семитическое происхожденіе. Между тѣмъ, основаніе Египта далеко предшествуетъ основанію древнихъ семитическихъ государствъ, и семиты, гиксы-пастухи, завладѣли царствомъ фараоновъ довольно поздно, когда оно уже насчитывало нѣсколько тысячъ лѣтъ существованія. Основатели Египта не были семитической расы, они не были и эѳіопской расы, такъ какъ египетская цивилизація двигалась вверхъ по долинѣ Нила, а не спускалась по ней, и потому ихъ надо причислить къ великой берберской расѣ, прототипами которой служитъ кроманьонскій человѣкъ и гуанши Канарскихъ острововъ. Эта раса до начала всякой исторіи, даже до начала исторіи Египта, населяла сѣ-

*) См. «Міръ Божій», № 9, сентябрь.

*

верную Африку, южную и западную Европу и острова Средиземнаго моря, раса первобытныхъ берберовъ, безъ сомнѣнія, бѣлая и долихоцефалическаго типа, являющаяся посредствующимъ звеномъ между семитами и арійцами, которая встрѣтилась въ долинѣ Нила сначала съ чернокожими эѳіопами съ курчавыми волосами, а затѣмъ уже, гораздо позднѣе, съ семитическими завоевателями. Вслѣдствіе ея смѣшенія съ тѣми и другими произошли копты и феллахи, но руководящіе классы Египта, лучше охранявшіе себя отъ неравныхъ браковъ, оставались всегда болѣе бѣлыми, чѣмъ другіе, и на египетскихъ саркофагахъ представители этихъ классовъ всегда изображены съ чертами лица и цвѣтомъ кожи кавказской расы, между тѣмъ какъ рабочіе и ремесленники тамъ же представлены съ выдающимися скулами, болѣе или менѣе сплющеннымъ носомъ и курчавыми волосами.

Берберы Канарскихъ острововъ, гуанши, извѣстны намъ съ соціологической точки зрѣнія только изъ разсказовъ древнихъ путешественниковъ, португальцевъ, испанцевъ, нормандцевъ, открывшихъ и завоевавшихъ ихъ. Мы узнаемъ изъ этихъ разсказовъ, что туземцы Канарскихъ островов находились еще въ вѣкѣ полированнаго камня, обитали въ пещерахъ, естественныхъ или искусственныхъ, и въ хижинахъ, какъ можно болѣе похожихъ на пещеры. Главныя средства къ существованію доставляли имъ стада козъ, но, кромѣ того, они воздѣлывали и хлѣбные злаки, и женщины ихъ размалывали зерно въ маленькихъ ручныхъ мельницахъ, до сихъ поръ еще находящихся въ употребленіи у кабиловъ. Когда они находили это нужнымъ, то наряжались въ платья и плащи изъ козловыхъ кожъ, тонкихъ, гибкихъ, хорошо выдѣланныхъ и выкрашенныхъ въ шафрано-фіолетовый и красный цвѣтъ; для шитья они употребляли нитки изъ кишекъ. У нихъ существовали касты жрецовъ, жрицъ и бальзамировщиковъ. Наиболѣе распространенная политическая форма у нихъ была монархическая. Они поклонялись своимъ князькамъ, точно божествамъ, и тѣ, между прочимъ, пользовались привилегіей, извѣстной подъ названіемъ «jus primae noctis». При воцареніи новаго князя всегда среди гуаншей находились охотники, которые добровольно жертвовали своею жизнью, бросаясь въ пропасти, чтобы умилостивить духовъ зла. Когда одинъ изъ этихъ маленькихъ властителей проходилъ по своимъ владѣніямъ, то впереди него шелъ офицеръ и несъ въ рукахъ жезлъ—эмблему его власти; завидѣвъ издали эту эмблему, народъ падалъ ницъ, лицомъ на землю. Князьки владѣли землей и отдавали ее въ пользованіе своимъ подданнымъ, смотря по ихъ положенію. При такой соціальной организаціи рабство не было необходимостью. Масса крѣпостныхъ послушно обрабатывала землю и такъ какъ главное богатства состояло въ стадахъ, то весьма вѣроятно, что какъ самъ господинъ, такъ и его прихлебатели захватывали въ свою пользу главную часть доходовъ, получаемыхъ отсюда.

Туареги Сахары, потомки древнихъ ливійцевъ и родичи гуаншей, намъ извѣстны лучше этихъ послѣднихъ. Мы знаемъ, что у нихъ преобладаетъ аристократическій режимъ и что высшій классъ живетъ насчетъ работы крѣпостныхъ, арендаторовъ и рабовъ. Рабы туареговъ, преимущественно негры, предназначаются главнымъ образомъ для домашнихъ работъ, но съ ними обращаются довольно милостиво. Однако Бартъ, во время своего путешествія по южнымъ склонамъ Сахары, видѣлъ однажды, какъ трое чернокожихъ рабовъ, запряженныхъ въ плугъ, ихъ господинъ туарегъ погонялъ ударами кнута, точь-въ-точь какъ животныхъ. Впрочемъ, рабство все-таки имѣетъ лишь второстепенное значеніе у туареговъ. Племена туареговъ раздѣляются на двѣ категоріи: на благородныя племена и подвластныя или крѣпостныя. Только благородные туареги имѣютъ политическія права, другіе же должны трудиться для руководящихъ классовъ и нужно не менѣе четырехъ крѣпостныхъ, чтобы прокормить одного туарегскаго вельможу. Жизнь этихъ послѣднихъ проходитъ въ странствованіяхъ по пустынѣ, либо съ цѣлью провожать караваны, либо съ цѣлью грабить ихъ, а крѣпостные туареги въ это время обрабатываютъ землю въ оазисахъ, воспитываютъ овецъ, козъ и верблюдовъ и ухаживаютъ за стадами вельможъ, которымъ они ежегодно должны выплачивать извѣстную дань масломъ, молокомъ и животными. Туареги вельможи являются къ своимъ крѣпостнымъ, чтобы поправить свои дѣла. Крѣпостные часто бываютъ богаче своихъ господъ и эти послѣдніе не мѣшаютъ имъ обогащаться, довольствуясь только взиманіемъ оброка, такъ какъ предпочитаютъ, конечно, пользоваться золотыми яйцами, не убивая курицы, которая ихъ несетъ.

Нѣкоторыя племена марабутовъ не имѣютъ рабовъ, такъ какъ этого не допускаютъ ихъ религіозные принципы, но рабовъ у нихъ замѣняютъ вѣрные слуги, которые служатъ имъ изъ чести, а сами въ то же время имѣютъ рабовъ, на которыхъ и возлагаютъ всѣ работы. Между благородными и крѣпостными племенами существуютъ еще смѣшанныя племена, которыя платятъ только извѣстный налогъ, составляющій, вмѣстѣ съ налогомъ, уплачиваемымъ караванами, главный доходъ благородныхъ туареговъ. Благородство происхожденія признается только съ материнской стороны. Ребенокъ, родившійся отъ матери изъ благороднаго племени и отца раба, все-таки будетъ благороднымъ, такъ какъ, по словамъ туареговъ, «утроба матери кладетъ печать на ребенка».

Чернокожіе рабы очень часто отпускаются на волю по смерти своихъ владѣльцевъ, тогда они превращаются въ крѣпостныхъ, могутъ вступать въ бракъ съ бѣлыми и уже болѣе не продаются. Положеніе крѣпостнаго у туареговъ не имѣетъ ничего общаго съ положеніемъ раба, только повинности, которые приходится нести крѣпостному, подчасъ бываютъ очень тяжелы, вслѣдствіе чего имъ зачастую

приходится довольствоваться лишь небольшою частью того, что добыто ихъ собственнымъ трудомъ. Притомъ же, хотя крѣпостные туареги и не рабы, но все же они представляютъ очень подвластный классъ и должны подчиняться цѣлому ряду правилъ. Такъ, всѣ крѣпостные, какъ мужчины, такъ и женщины, обязаны носить только кожаныя одежды, не имѣютъ права носить желѣзныя копья или шпаги, такъ какъ это оружіе предназначается только для людей свободныхъ. Крѣпостнымъ туарегамъ или такимъ, которые не происходятъ отъ чистѣйшей берберской крови, дозволяется вооружаться только кинжаломъ и деревянными «доисторическими» копьями.

Однако, несмотря на такіе видимые знаки порабощенія, между благородными и крѣпостными туарегами царитъ обыкновенно полная гармонія. Первые относятся благосклонно и даже порою выказываютъ дружбу своимъ крѣпостнымъ, вторые—преданны и порою доходятъ до самоотверженія, тѣмъ не менѣе благородные туареги номады презираютъ осѣдлое населеніе, такъ какъ, по ихъ мнѣнію, только свободная кочевая жизнь, которую они ведутъ, провожая или грабя караваны, достойна благороднаго происхожденія; осѣдлость же является признакомъ вырожденія.

Во всѣхъ странахъ, гдѣ обитаетъ населеніе берберской расы, положеніе женщинъ сравнительно не тяжело. Вообще женщины туареговъ, принадлежащія къ высшимъ классамъ, пользуются большою независимостью. Въ Тимбукту, напримѣръ, онѣ открыто посѣщаютъ мужчинъ, запросто разговариваютъ съ ними и даже покуриваютъ вмѣстѣ съ ними одну и ту же трубку, которая переходитъ изъ устъ въ уста на такихъ собраніяхъ. Что касается добродѣтели, то она не очень-то развита среди туарегскихъ женщинъ, по крайней мѣрѣ въ большихъ оазисахъ, и нравы туареговъ въ этомъ отношеніи очень отличаются отъ нравовъ арабовъ, хотя и тѣ, и другіе магометане. Эта относительная свобода, которою у нихъ пользуется слабый полъ, составляетъ, повидимому, расовую черту и вполнѣ согласуется съ тѣмъ, что намъ извѣстно о нравахъ древнихъ гуаншей на Канарскихъ островахъ. Нѣкоторые обычаи, до сихъ поръ существующіе у кабиловъ, напр. уваженіе женщины въ военное время и «право возмущенія», признаваемое за женщиной кабильскими уставами, въ случаѣ, если она подвергается извѣстнымъ оскорбленіямъ, подтверждаютъ еще разъ, что въ древнія времена женщина у этихъ племенъ пользовалась свободой, пока арабское законодательство не измѣнило или не уничтожило совсѣмъ старинные обычаи берберовъ.

Что касается рабства, то кабилы въ этомъ отношеніи вполнѣ усвоили себѣ обычаи арабовъ. Нѣкоторыя черты однако напоминаютъ отдаленныя времена, когда заимодавецъ могъ обратить въ рабство своего несостоятельнаго должника. И теперь еще случается, что кредиторъ забираетъ сына своего несостоятельнаго должника, или же ка-

билъ, обиженный какимъ-нибудь человѣкомъ изъ другой общины, хватаетъ перваго попавшагося, принадлежащаго къ этой общинѣ, и удерживаетъ его у себя въ отместку за обиду. И тотъ, и другой случай основываются на принципѣ коллективной отвѣтственности, могущей, при извѣстныхъ условіяхъ, послужить мотивомъ для рабства.

У независимыхъ берберовъ, какъ мы видимъ, рабство носитъ случайный характеръ и встрѣчается рѣдко. Оно замѣняется крѣпостнымъ состояніемъ у туареговъ и гуаншей, и несмотря на магометанство, встрѣчается все-таки въ маленькихъ республиканскихъ общинахъ, но во всякомъ случаѣ у всѣхъ народовъ берберской расы духъ рабства развитъ, повидимому, слабо. Точно также и въ древнемъ Египтѣ, по преимуществу берберской странѣ, рабство было довольно слабо развито. Повидимому, рабы были только у властителей и вельможъ. Древніе писатели сообщаютъ, что земля въ Египтѣ раздѣлена была на три части и доходы съ нея поступали въ пользу фараона, жрецовъ и воиновъ. Знатные собственники земли отдавали свои владѣнія въ аренду земледѣльцамъ, впрочемъ, за довольно умѣренное вознагражденіе, какъ это говорятъ историки.

Въ странѣ фараоновъ всѣ ремесла были наслѣдственными и переходили отъ отца къ сыну. Въ этихъ античныхъ монархіяхъ всего менѣе принимали во вниманіе индивидуальную свободу. Въ Египтѣ распространено было убѣжденіе, что земледѣліе, скотоводство и т. п много выиграютъ отъ того, если будутъ находиться въ рукахъ людей, которые къ своему личному опыту и знанію могутъ присоединить еще опытъ и знанія, перешедшія къ нимъ по наслѣдству и переходящія изъ поколѣнія въ поколѣніе. Ремесленники также были связаны наслѣдственностью и не могли переступить за предѣлы отцовской профессіи. Всякое другое занятіе, также какъ и общественныя должности, были для нихъ недоступны; они не могли предаваться честолюбивымъ мечтамъ и ничто не отвлекало ихъ отъ ручного труда.

Нѣкоторые папирусы указываютъ, повидимому, что трудъ египетскаго ремесленника далеко не былъ свободенъ. Ремесленникъ обязанъ былъ ежедневно выполнять извѣстное количество работы и за этимъ наблюдали особые чиновники, которые имѣли право даже наказывать его въ случаѣ нерадѣнія. «Ткачъ,—говорится въ одномъ изъ этихъ въ высшей степени любопытныхъ папирусовъ—гораздо несчастнѣе женщины. Его колѣни постоянно находятся на высотѣ его сердца; онъ никогда не дышитъ свѣжимъ воздухомъ. Если онъ однажды не приготовитъ установленное количество ткани, то его связываютъ, какъ болотную траву, и т. д.». Въ этой надписи нельзя не видѣть доказательства существованія промышленнаго крѣпостничества или, во всякомъ случаѣ, тяжелаго обязательнаго труда. Между тѣмъ въ Египтѣ существовали все-таки рабы, но это были, вѣроятно, домашніе рабы, услуживавшіе руководящимъ классамъ. Мы видимъ на египетскихъ

фрескахъ изображенія людей, несущихъ паланкинъ, въ которомъ возсѣдаетъ какое-нибудь знатное лицо. Притомъ, изъ древнихъ и библейскихъ сказаній видно, что рабовъ въ Египтѣ можно было продавать и дарить. Такъ, напр., знаменитая греческая куртизанка Родопа была выкуплена въ Египтѣ. По словамъ Библіи, фараонъ подарилъ Аврааму слугъ обоего пола, чтобъ утѣшить его и вознаградить за потерю жены, которую онъ у него отнялъ. Писатели древности разъясняютъ намъ также причины рабства въ царствѣ фараоновъ. До Псаметиха Египетъ былъ закрытъ для иностранцевъ, а эти послѣдніе, проникнувъ туда безъ предварительнаго на то разрѣшенія, подвергались смерти или обращались въ рабство. Въ Египтѣ, въ томъ видѣ, какъ его описываетъ Діодоръ, не существовало рабства за долги, но врядъ ли такъ было всегда; во всякомъ случаѣ юридическое рабство было и тамъ. Одинъ изъ фараоновъ придумалъ, вмѣсто того, чтобъ казнить приговоренныхъ къ смерти, утилизировать ихъ и, заковавъ въ цѣпи, заставить ихъ выполнять разныя общественныя работы: строить плотины, копать рвы и т. п. Съ другой стороны, законы въ Египтѣ ограждали все-таки рабовъ отъ жестокаго обращенія господъ и законъ даже не дѣлалъ различія между убійствомъ свободнаго человѣка и раба и въ обоихъ случаяхъ наказывалъ смертью.

Однако, общественныя работы выполнялись не одними только юридическими рабами. Послѣ завоевательныхъ войнъ цѣлыя толпы плѣнныхъ должны были трудиться въ Египтѣ надъ постройкою гигантскихъ памятниковъ, возбуждающихъ еще и теперь наше удивленіе. Побѣдоносный Сезострисъ заставлялъ плѣнныхъ работать надъ постройкою храмовъ и въ этомъ отношеніи онъ только слѣдовалъ примѣру своего отца, всегда употреблявшаго для этой цѣли военноплѣнныхъ. На стѣнахъ этихъ храмовъ была вырѣзана слѣдующая надпись: «Ни одинъ египтянинъ не утомлялъ себя этою работой». Подобная система такъ долго оставалась въ употребленіи, что фараоны въ концѣ концовъ превратили свои войны въ настоящіе набѣги съ цѣлью похищенія рабовъ, которыхъ они могли употреблять для построекъ грандіозныхъ зданій, льстившихъ ихъ самолюбію. Благодаря такому обыкновенію, вся долина Нила, отъ Четвертаго водопада вплоть до самаго моря, покрылась болѣе или менѣе внушительными постройками. Не занятые же этими работами плѣнники продавались въ рабство частнымъ лицамъ.

Если плѣнныхъ не хватало для выполненія такихъ работъ, то фараоны нисколько не смущались этимъ. Въ качествѣ абсолютныхъ властелиновъ, приходившихся сродни самимъ богамъ, они привыкли смотрѣть на своихъ подданныхъ почти какъ на рабовъ и нисколько не стѣснялись налагать на нихъ самыя тяжелыя повинности. Въ Библіи упоминается о жалобахъ евреевъ, которыхъ заставляли работать безъ устали. Но египетская чернь не менѣе евреевъ изнемогала подъ тя-

жестью этихъ повинностей. Геродотъ описываетъ дѣяніе нѣсколькихъ фараоновъ, прославившихся притѣсненіями несчатныхъ своихъ подданныхъ. Извѣстно, что Хеопсъ заставлялъ всѣхъ египтянъ трудиться надъ сооруженіемъ его колоссальной гробницы. Десять лѣтъ понадобилось только для сооруженія дороги, необходимой для подвоза камня, нужнаго для постройки пирамиды. Работа производилась партіями по 100.000 человѣкъ, смѣнявшихся каждые три мѣсяца, а постройка пирамиды продолжалась не меньше 20 лѣтъ. Другіе фараоны также изощрались въ этомъ направленіи и, по словамъ Геродота, не менѣе 106 лѣтъ въ Египтѣ продолжались такія безсмысленныя работы, ложившіяся тяжелымъ бременемъ на все населеніе и заставлявшія египтянъ терпѣть всевозможныя бѣдствія.

Но вѣдь государство не могло существовать только постройкою храмовъ да пирамидъ. Наиболѣе важнымъ соціальнымъ трудомъ въ Египтѣ, какъ и въ Китаѣ, было земледѣліе и скотоводство. Мы знаемъ, что и то, и другое лежало на обязанности низшихъ классовъ, но намъ не вполнѣ извѣстно, какую долю участія тутъ принимали женщины. Преданія и разные письменные документы и акты указываютъ, что египтянки пользовались большою независимостью, но это, вѣроятно, относится только къ женщинамъ высшихъ классовъ. Въ Египтѣ, какъ и вездѣ, чернь не имѣетъ исторіи, но положеніе женщины народа въ древнемъ Египтѣ, вѣроятно, мало чѣмъ отличалось отъ положенія женщины у феллаховъ въ наше время. На гробницахъ встрѣчаются изображенія женщинъ, работающихъ въ полѣ, и мужчины вмѣстѣ съ ними, такъ что, по всей вѣроятности, женщина изъ народа была также порабощена и въ Египтѣ.

Египтяне не отличались большою нѣжностью, если судить по тому, какъ они обращались съ рабами, которые присуждены были работать въ рудникахъ. Хотя древніе вообще привыкли къ дурному обращенію съ рабами, но Діодоръ, тѣмъ не менѣе, почувствовалъ состраданіе къ несчастнымъ, закованнымъ въ цѣпи, которые работаютъ въ золотыхъ копяхъ Египта, на склонахъ Эѳіопіи. По его словамъ, ни женщины, ни дѣти, старики, больные и калѣки не встрѣчали ни малѣйшаго снисхожденія, одинаково подвергались жесточайшимъ побоямъ и должны были работать безъ отдыха, днемъ и ночью подъ землей, пока смерть не избавитъ ихъ. Всѣ они грязны и наги, чистота представляетъ для нихъ непозволительную роскошь, и погибаютъ, доставляя огромные доходы своимъ господамъ. Несчастные рабы пополнялись военноплѣнными, приговоренными къ разнымъ наказаніямъ и заключенными вслѣдствіе ложныхъ доносовъ и обвиненій. Такимъ образомъ, различные факты и доказательства, заключающіяся въ историческихъ памятникахъ и документахъ, указываютъ внѣ сомнѣній, что рабскій трудъ существовалъ въ Египтѣ и притомъ даже въ довольно тяжелой формѣ.

Теперь мы должны перейти къ Эѳіопіи, гдѣ до сихъ поръ еще можно встрѣтить черты, сохранившіяся со времени египетскихъ завоеваній

или заимствованныя эѳіопскими народами у своихъ больше цивилизованныхъ сосѣдей. Намъ мало извѣстно о древнихъ эѳіопахъ, такъ какъ греческіе авторы, мало знавшіе ихъ, приписывали имъ такія качества, которыми они, быть можетъ, и не обладали. По словамъ древнихъ авторовъ, они пользовались свободой и имѣли королей, которыхъ очень почитали, и Діодоръ, напримѣръ, старательно отличаетъ ихъ отъ низшей росы чернокожихъ, съ курчавыми волосами и звѣрскими и свирѣпыми нравами. Но относительно современныхъ эѳіоповъ мы освѣдомлены гораздо лучше. Организація рабства въ Абиссиніи намъ также довольно хорошо извѣстна. Прежде всего надо помнить, что въ Абиссиніи до сихъ поръ еще существуетъ феодальный режимъ, и съ начала до конца соціальной лѣстницы между всѣми жителями Абиссиніи существуютъ отношенія сюзерена къ своимъ вассаламъ и обратно. Человѣкъ, стоящій внѣ этой цѣпи правъ и обязанностей, въ глазахъ абиссинца не болѣе какъ «бродяга»; по отношенію же къ своему властителю всѣ, безъ исключенія, не болѣе, какъ рабы.

Собственно рабство довольно распространено въ Абиссиніи и между простыми слугами и рабами различіе не велико. Слуги не имѣютъ права оставлять своихъ господъ подъ страхомъ ужасныхъ наказаній, какъ бы дурно съ ними ни обращались. Причины рабства въ Абиссиніи таковы же, какъ и въ другихъ мѣстахъ. Прежде всего война, результатомъ которой является масса военноплѣнныхъ, продаваемыхъ впослѣдствіи въ качествѣ рабовъ. Абиссинцы вообще отличаются крайне воинственнымъ нравомъ и готовы воевать безъ всякой уважительной причины и повода. У нихъ еще сохранился обычай, существовавшій въ древнемъ Египтѣ—изувѣчивать побѣжденныхъ спеціальнымъ образомъ. Человѣкъ, не совершившій ни разу подобнаго подвига, т. е. не изувѣчившій ни одного противника на своемъ вѣку, подвергается общественному презрѣнію и не имѣетъ права носить «прическу храбрыхъ». Но чтобы добыть необходимые трофеи, абиссинцу вовсе не нужно идти на войну. Абиссинецъ подстерегаетъ въ полѣ земледѣльца изъ другого племени и увѣчитъ его и даже не гнушается иной разъ калѣчить ребенка, если онъ попадется ему на пути. Понятно, что такое измѣнническое нападеніе вызываетъ, въ свою очередь, возмездіе, вслѣдствіе чего организуются набѣги, во время которыхъ уводятъ въ плѣнъ женщинъ и дѣтей и обращаютъ ихъ въ рабство. Древній обычай въ Абиссиніи воспрещаетъ христіанамъ имѣть рабовъ, но письменные законы, составленные позднѣе христіанами же, разрѣшаютъ, опираясь, притомъ на религіозныя основанія; рабы, если не будутъ куплены христіанами, могутъ попасть въ руки мусульманъ и подвергнуться опасности сгубить свою душу. И вотъ христіане покупаютъ ихъ ради спасенія ихъ души!

Кромѣ войны, причиною рабства въ Абиссиніи является также несостоятельность должника. Властитель можетъ продать дѣтей своихъ подданныхъ, если они не платятъ налоговъ; затѣмъ дѣти сироты могутъ быть проданы въ рабство своими опекунами и родственниками.

Родителямъ однако не разрѣшается прямо, продавать своихъ дѣтей. За это они наказываются смертью, если они христіане, и палками—если они мусульмане, такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ они не нарушаютъ закона своей религіи. Но если родители нуждаются, то они могутъ дѣлать заемъ подъ залогъ своихъ дѣтей, и въ случаѣ ихъ несостоятельности, дѣти становятся на законномъ основаніи рабами кредитора. Наконецъ, должникъ также можетъ сдѣлаться рабомъ на время, если будетъ присужденъ служить своему кредитору до уплаты долга работой, которая въ такомъ случаѣ оцѣнивается на деньги.

Переходя къ гавасамъ на Мадагаскарѣ, мы видимъ, что и тамъ рабство вызывается такими же точно причинами. Рабы—либо военноплѣнные, либо осужденные на рабство со всею семьей за какія-нибудь преступленія уголовнаго и политическаго характера, либо несостоятельные должники, проданные своими кредиторами. Потомки рабовъ, принадлежащихъ къ одной изъ этихъ категорій, въ свою очередь, также рабы. Но рабство на Мадагаскарѣ обставлено довольно мягкими условіями и даже въ общемъ рабы счастливѣе бѣдняковъ, принадлежащихъ къ низшимъ, хотя и свободнымъ классамъ населенія. Съ рабами обыкновенно обращались хорошо и ласково; они считались какъ бы членами семьи и даже могли быть собственниками и получить нѣкоторое образованіе, но, со введеніемъ торговли невольниками и подъ вліяніемъ европейской алчности, положеніе рабовъ сильно измѣнилось къ худшему.

Малгаши свободныхъ классовъ въ сущности пользуются лишь очень относительною свободой; они всѣ, въ большей или меньшей степени, подчинены правительству и должны выполнять обязательныя работы. Положеніе простыхъ солдатъ гораздо хуже, чѣмъ положеніе рабовъ, но, кромѣ военной службы, правительство и феодальные властители могутъ требовать отъ своихъ подданныхъ промышленныхъ услугъ, и чѣмъ искуснѣе какой-нибудь человѣкъ въ работѣ, тѣмъ большей подвергается онъ эксплуатаціи подъ всякимъ предлогомъ.

У всѣхъ этихъ народовъ, ливійскихъ или берберскихъ, египтянъ и эѳіоповъ, въ прошломъ и настоящемъ, по мѣрѣ развитія цивилизаціи, рабство заключалось въ болѣе тѣсныя рамки. Только часть военноплѣнныхъ обращалась въ рабовъ и эти рабы, довольно немногочисленные, были по преимуществу домашними рабами у вельможъ. Рабовъ замѣняли крѣпостные, на которыхъ возлагался земледѣльческій трудъ, а промышленныя занятія были удѣломъ ремесленниковъ, на которыхъ налагались извѣстныя повинности, часто совершенно произвольно. При такихъ условіяхъ не было настоятельной нужды обращать въ рабство всѣхъ военноплѣнныхъ и поэтому съ ними стали обращаться очень жестоко; ихъ убивали или изувѣчивали, какъ вздумается, какъ это и до сихъ поръ еще совершается въ Абиссиніи.

Въ древнемъ Египтѣ одновременное существованіе рабства, крѣпостничества и заработной платы указываетъ на то, что между этими тремя учрежденіями существуетъ очень тѣсная связь. Первое, рабство,

породило два другихъ, являющихся тѣмъ же рабствомъ, но лишь въ смягченной формѣ. Мы легко можемъ представить себѣ всѣ фазы этой эволюціи. Война породила рабство и въ огромныхъ размѣрахъ благопріятствовала соціальному неравенству, вызвавъ учрежденіе кастъ и классовъ. Съ одной стороны, меньшинство, являющееся во всемъ сіяніи власти, роскоши и престижа, съ другой — большинство, толпа, осужденная терпѣть лишенія, бѣдствовать и покоряться. Обладаніе рабами, находящимися въ полной и безконтральной власти у своихъ господъ и вынужденными сносить безпрекословно всѣ ихъ прихоти, пріучило привилегированные классы тираннизировать слабыхъ; вслѣдствіе этого имъ уже не трудно было обратить въ крѣпостное состояніе народъ, чернь, и безъ того уже порабощенную нравственно и находящуюся въ полной матеріальной зависимости у сильныхъ и богатыхъ. Съ этого момента рабство, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, перестало быть необходимымъ и рабы сдѣлались предметомъ роскоши. Но весь соціально-необходимый трудъ исполнялся крѣпостными обоего пола, такъ какъ только женщины высшихъ классовъ пользовались относительною независимостью и были избавлены отъ труда.

Что же касается ремесленниковъ, крѣпостныхъ или освобожденныхъ рабовъ, то въ сущности рабство ихъ только нѣсколько облегчилось. Не имѣя другихъ средствъ къ существованію, кромѣ собственныхъ рукъ, эти бывшіе крѣпостные или рабы остались все-таки въ зависимости отъ привилегированныхъ классовъ, не перестававшихъ ограничивать ихъ относительную свободу наложеніемъ на нихъ всевозможныхъ тяжелыхъ повинностей. Несчастные египетскіе ремесленники, о которыхъ упоминается въ папирусѣ, это именно «полурабы», таскающіе еще за собою кусокъ цѣпи, сковывавшей ихъ прежде, и такихъ же точно полурабовъ мы встрѣчаемъ и теперь еще у гавасовъ на Мадагаскарѣ.

Глава XI.

Рабство у арабовъ. — Первобытные арабы. — Доисламическое рабство. — Выкупъ и продажа рабовъ.—Рабство исламическое.—Война по Корану.—Рабство по Корану.— Продажа женщинъ рабынь въ Меккѣ.—Рабыни наложницы. — Право захвата.—Законное положеніе раба.—Причины обязательнаго отпущенія на волю. — Отпущеніе на волю женщинъ.—Освобожденіе по условію. — Крѣпостничество у мусульманъ.— Притѣсненіе сельскаго населенія въ Турціи.—Трудъ рабовъ при прорытіи Суэзскаго канала. — Рабство у евреевъ. — Библія и происхожденіе рабства. — Обращеніе съ военноплѣнными. — Обязательная жестокость. — Порабощеніе женщинъ и дѣтей.— Право обращать плѣнницъ въ наложницъ.—Общественные рабы.—Различныя причины рабства у евреевъ.—Юбилейный годъ.—Почему рабъ отказывался иногда отъ освобожденія въ день шабаша. — Выкупъ еврея раба. — Положеніе иностраннаго раба.—Суровость и доброта.—Трудъ свободныхъ женщинъ.—Доброта по отношенію къ наемникамъ.—Рабство въ Тирѣ, Сидонѣ и Карѳагенѣ.—Рабство у ассирійцевъ.

Писатели древности намъ сообщаютъ мало свѣдѣній о рабствѣ у арабовъ, которые, впрочемъ, имъ самимъ были недостаточно хорошо

извѣстны. Страбонъ однако говоритъ, что у арабовъ было мало рабовъ и они сами услуживали себѣ или же имъ служили ихъ родственники, не исключая даже царей. Очевидно, у этихъ древнихъ арабовъ существовалъ еще режимъ клана, дѣлающій рабство ненужнымъ; тѣмъ не менѣе, изъ древнихъ сказаній все-таки видно, что арабы имѣли рабовъ, преимущественно негровъ, и что въ Аравію постоянно доставлялись съ африканскаго континента плѣнные для продажи. Такихъ чернокожихъ рабовъ употребляли обыкновенно для ухода за стадами, которыхъ они пасли по близости лагерей. Этимъ, напримѣръ, занимались двѣсти рабовъ короля Зонира; кромѣ того рабы носили палатки и провизію, а женщины—рабыни обязаны были пѣть для развлеченія своихъ господъ. Во время набѣговъ другъ на друга арабскія племена убивали только мужчинъ, но обыкновенно щадили тѣхъ, за которыхъ надѣялись получить выкупъ, чаще всего похищали женщинъ, которыхъ всадники второпяхъ сажали на лошадей и увозили, и при этомъ иногда случалось, что одно племя, отправившееся, чтобы произвести нападеніе и ограбить другое племя, возвратившись съ добычей въ свой лагерь, не находило ни своихъ стадъ, ни женщинъ, которыя были похищены. Плѣнницъ обращали обыкновенно въ рабынь и продавали ихъ куда-нибудь далеко или же дѣлали ихъ наложницами. У доисламическихъ арабовъ рабъ всегда находился въ большомъ презрѣніи и даже послѣ отпущенія на волю ему не позволяли добиваться руки дѣвушки благороднаго происхожденія. Исламизмъ частью измѣнилъ, частью же только кодифицировалъ эти первобытные нравы. Въ первыя времена магометанства военноплѣнныхъ убивали безъ всякой пощады. Позднѣе нравы замѣтно смягчились. Коранъ предписываетъ вести войну съ невѣрными, главнымъ образомъ, за тѣмъ, чтобы облагать ихъ данью. По законамъ ислама, народъ, которому объявляютъ войну, можетъ избрать одинъ изъ слѣдующихъ трехъ исходовъ: 1) принять магометанство и тогда все будетъ спасено; 2) покориться и заплатить дань; 3) сражаться, но тогда уже въ случаѣ пораженія мужское населеніе предается смерти, если только магометанскій вождь не вздумаетъ распорядиться какъ-нибудь иначе его судьбой; женщинъ же и дѣтей прямо обращаютъ въ рабство, законъ предписываетъ щадить женщинъ, дѣтей и стариковъ, подъ условіемъ, впрочемъ, чтобы они не участвовали въ сраженіи. Существуетъ также правило, при распредѣленіи добычи, не раздѣлять мать съ ребенкомъ. По духу ислама война составляетъ священный долгъ, и исламъ долженъ подготовлять ежегодно достаточное количество войска для борьбы съ невѣрными. «Священная война»—это долгъ всѣхъ правовѣрныхъ, когда они достигаютъ такого возраста, что уже могутъ носить оружіе. Но рабъ не можетъ идти на войну безъ разрѣшенія своего господина; онъ считается недостойнымъ. Магометъ дѣлаетъ радикальное различіе между правовѣрнымъ и невѣрнымъ, какъ будто дѣло идетъ о существахъ совершенно разной породы. Каждый правовѣрный, говорится въ Ко-

ранѣ, убившій такого же правовѣрнаго, но принадлежащаго къ враждебной націи, долженъ отпустить на волю правовѣрнаго раба. Если же убитый принадлежалъ къ союзной націи, то, кромѣ отпущенія на волю раба, надо еще уплатить цѣну крови. Если нельзя найти раба, котораго бы можно было выкупить, то убійца искупаетъ свой грѣхъ постомъ. Такое правило явно вызвано желаніемъ пополнить убыль, происшедшую въ населеніи правовѣрныхъ свободныхъ классовъ, такъ какъ только эти послѣднія и идутъ въ счетъ. Но рабъ во всякомъ случаѣ существо низшаго разряда и законъ возмездія, положенный въ основу мусульманскаго правосудія, дѣлаетъ различіе между свободнымъ и рабомъ и жизнь ихъ не имѣетъ одинаковой цѣны.

Кромѣ войны, поставщицею рабства является торговля невольниками, а также случайныя обстоятельства, напр., кораблекрушеніе. Все выброшенное на берегъ моремъ, а также люди становятся собственностью эмира или губернатора, управляющаго округомъ; слѣдовательно. правовѣрные могутъ также становиться рабами, но большинство рабовъ все-таки негры. Арабскіе торговцы невольниками опустошаютъ тропическую Африку, чтобы доставить мусульманскому міру рабовъ, безъ которыхъ онъ не можетъ обходиться. Огромные караваны невольниковъ безпрестанно направляются къ магометанскимъ странамъ, гдѣ существуетъ постоянная потребность въ человѣческомъ товарѣ. Только въ одинъ Марокко прибываетъ ежегодно около трехъ тысячъ такихъ каравановъ. Въ Аравіи рабы обоего пола по преимуществу доставляются Абиссиніей. Большинство наложницъ, въ особенности въ Меккѣ, также вывезены изъ Абиссиніи. Жители Мекки даже предпочитаютъ брать въ жены абиссинокъ, находя, что онѣ менѣе расточительны и болѣе послушны, нежели арабскія женщины. Притомъ, общественное мнѣніе даже ставитъ въ обязанность бракъ съ наложницей, если эта послѣдняя сдѣлалась матерью. Между дѣтьми, рожденными отъ свободныхъ женщинъ и отъ рабынь абиссинокъ, не дѣлается никакого различія. Многіе обитатели Мекки занимаются перепродажей рабынь абиссинокъ, которыхъ они предварительно обучаютъ и развиваютъ въ нихъ разныя качества и таланты, имѣющіе цѣну въ глазахъ мусульманъ. Ремесло это очень прибыльное и мусульмане не гнушаются имъ, такъ какъ въ ихъ глазахъ всякій бракъ есть ничто иное, какъ покупка дѣвушки. Они покупаютъ женъ на чистыя деньги совершенно такъ-же, какъ и рабынь, и жены у нихъ спокойно живутъ бокъ-о-бокъ съ наложницами. Одинъ старинный писатель съ грустью сравниваетъ этотъ брачный и полигамическій міръ съ высокомѣрными претензіями европейскихъ женщинъ, на которыхъ женятся изъ за ихъ приданаго и которыя поэтому даютъ полную волю своему сварливому характеру, во-первыхъ, потому, что онѣ знаютъ, что связаны неразрывнымъ контрактомъ, а во-вторыхъ, потому, что вывели своими деньгами изъ нужды, окружили мужа достатками и т. д. Могущественнымъ оружіемъ въ рукахъ мусульманина является право прогнать жену. Обыкно-

венно даже мужъ при бракосочетаніи уплачиваетъ только половину цѣны родителямъ жены и остальную половину вноситъ лишь въ томъ случаѣ, если прогоняетъ ее. У кочевыхъ арабовъ деньги составляютъ рѣдкость и за дочерей уплачивается часто верблюдами, коровами и баранами, такъ что дѣвочки въ семьѣ представляютъ настоящій источникъ богатства.

Главное занятіе рабовъ — это уходъ за стадами. Но женщины, даже свободныя, не пребываютъ въ бездѣятельности и имъ приходится не мало работать. Часто бываетъ, даже въ Аравіи, что мужчины покупаютъ себѣ четырехъ установленныхъ закономъ женъ, чтобы затѣмъ ихъ эксплуатировать и жить, ничего не дѣлая.

Въ арабскомъ законодательствѣ существуетъ цѣлый рядъ предписаній, касающихся браковъ рабовъ; супружеская измѣна рабыни наказывается не такъ строго, какъ измѣна свободной женщины, такъ какъ рабыня считается ниже ея въ нравственномъ отношеніи, притомъ же она разсматривается какъ вещь и часто бываетъ одновременно собственностью двухъ владѣльцевъ. Свободный мусульманинъ не наказывается смертью за то, что убилъ раба, хотя бы мусульманина. Рабъ не обязанъ отправляться въ Мекку на поклоненіе, какъ всякій другой правовѣрный мусульманинъ, и вслѣдствіе своего рабскаго положенія избавляется часто отъ ужасныхъ наказаній. Такъ, напримѣръ, онъ не можетъ быть побитъ каменьями, такъ какъ въ принципѣ для раба полагается только половинное наказаніе, а вѣдь нельзя же побить каменьями на половину.

Арабскіе законовѣды ничуть не менѣе искусны, чѣмъ ихъ европейскіе коллеги, въ дѣлѣ толкованія текста законовъ и въ особенности щедры на всякаго рода коментаріи къ тексту, касающемуся освобожденія рабовъ. Въ этомъ отношеніи арабскіе законы допускаютъ много толкованій. Между прочимъ, рабъ освобождается закономъ, въ случаѣ жестокихъ истязаній со стороны своего господина, и законъ даже перечисляетъ эти истязанія, дающія представленіе объ изобрѣтательности арабскихъ рабовладѣльцевъ. Однако, покровительственное значеніе законовъ ослабляется тѣмъ, что достаточно простого отрицанія со стороны господина раба, чтобы обвиненіе въ жестокомъ обращеніи рушилось, если только этотъ господинъ вообще не имѣетъ репутаціи звѣря.

Отпущеніе на волю рабынь дало поводъ къ спеціальному законодательству. Прежде всего законъ допускаетъ освобожденіе вслѣдствіе материнства. Рабыня, имѣющая ребенка отъ своего господина, называется уже закономъ «Oumam el—onded» т.-е. «мать ребенка», и должна быть отпущена на волю по смерти господина; ребенокъ же ея рождается свободнымъ. Но мусульманскіе законы допускаютъ еще другой случай отпущенія на волю, такъ называемое освобожденіе по условію. Этотъ случай примѣнимъ къ рабамъ обоего пола. Рабу дается свобода заранѣе въ принципѣ, за уплату вознагражденія, которое взи-

мается потомъ. Такое освобожденіе въ принципѣ не отмѣняетъ совершенно рабства и освобожденный остается рабомъ до тѣхъ поръ, пока онъ не заплатитъ всего выкупа. Господинъ, обремененный долгами, теряетъ право освобождать своихъ рабовъ, очевидно, потому, что рабы, вмѣстѣ съ прочимъ его имуществомъ, должны гарантировать его долгъ.

Но въ мусульманскихъ обществахъ существуетъ не одно только рабство, а также и крѣпостничество въ довольно широкихъ размѣрахъ. Невѣрные въ побѣжденныхъ странахъ получали названіе «dhimmi», т.-е. находящіеся подъ покровительствомъ; они были прикрѣплены къ землѣ и обязаны были воздѣлывать ее, но зато они были ограждены отъ всякаго новаго нашествія мусульманъ. Но крѣпостное состояніе у мусульманъ въ началѣ не было тягостнымъ и мусульмане предпочитали его тяжелымъ условіямъ греческихъ поселеній, такъ что угнетенное населеніе греческихъ провинцій было всѣмъ сердцемъ на сторонѣ арабскихъ завоевателей, предпочитая ихъ справедливость несправедливости грековъ. Въ Египтѣ копты помогали завоевателямъ, слѣдуя правилу: нашъ врагъ, это нашъ господинъ. Однако снисходительность мусульманскихъ владѣльцевъ въ концѣ концовъ превратилась въ суровость. Въ Турціи, въ Египтѣ, сельское населеніе подвергается всевозможнымъ поборамъ и дурному обращенію. Шейхи и паши прежде всего вербовщики солдатъ и сборщики податей. Отъ нихъ требуется извѣстное количество солдатъ и извѣстная сумма налоговъ; и то, и другое они добываютъ безъ всякаго стѣсненія, выколачивая изъ населенія налоги, хватая людей и насильно превращая ихъ въ солдатъ. Такія похищенія и грабежи имѣютъ періодическій характеръ. Налоги уплачиваются натурой и самъ хлѣбопашецъ долженъ доставить такой налогъ въ общественные магазины. Главнымъ собственникомъ все-таки является государство, въ лицѣ властителя. Крестьяне получаютъ участки земли въ свое пользованіе, но оброкъ, который они должны выплачивать, устанавливается самымъ произвольнымъ образомъ. Грабительство фиска таково, что многіе землевладѣльцы предпочитаютъ отдавать свои владѣнія мечетямъ, оставляя только право за собою и своими потомками пользоваться землей. Отданныя мечетямъ земли считаются священными, что составляетъ большое преимущество, такъ какъ въ такомъ случаѣ онѣ избавляются отъ налоговъ. Въ Турціи треть территоріи такимъ образомъ освобождается отъ оброка, но казна отъ этого ничего не теряетъ, такъ какъ расплачиваться приходится христіанскому населенію, которое не имѣетъ возможности уклониться подъ такимъ благочестивымъ предлогомъ. Въ Египтѣ тиранія такой системы доведена до крайности, такъ что у феллаховъ едва остается столько, чтобы не умереть съ голоду. Но этого мало; въ долинѣ Нила сохранились еще въ полной силѣ повинности, существовавшія въ древнемъ Египтѣ. Въ отношеніи притѣсненій, безчеловѣчности и презрѣнія къ человѣческой жизни, методъ, употреблявшійся при прорытіи Суэзскаго канала, можно назвать вполнѣ типич-

нымъ, такъ какъ онъ во всемъ рабски подражаетъ тому, который былъ въ употребленіи въ Египтѣ, во времена фараоновъ, когда они строили свои пирамиды. Самую большую и самую нездоровую часть канала вырыли феллахи, сгоняемые сюда толпами. Мужчины, женщины и дѣти всѣ принимали участіе въ этомъ гигантскомъ трудѣ, работая подъ градомъ палочныхъ ударовъ, терпя всевозможныя лишенія и часто оставаясь даже безъ крова и пищи. Смертность среди этихъ несчастныхъ была громадна; около трети (30.000 изъ 100.000 рабочихъ) погибло, но это обстоятельство нисколько не встревожило общественнаго мнѣнія и въ европейской печати не раздалось ни одного звука протеста; громадные размѣры ожидаемыхъ дивидендовъ заранѣе извиняли и оправдывали эти ужасы. Еще лишній разъ, какъ это вообще слишкомъ часто бываетъ въ нашихъ такъ называемыхъ цивилизованныхъ обществахъ, когда дѣло идетъ объ эксплуатаціи такъ называемыхъ низшихъ расъ—жизнь и страданія цѣлаго населенія приносятся въ жертву звонкому золоту безъ малѣйшаго зазрѣнія совѣсти.

Вслѣдствіе своего географическаго положенія, арабы долгое время оставались внѣ всякаго болѣе или менѣе значительнаго общенія съ древними египетскими и мессопотамскими цивилизаціями, поэтому можно было изучать ихъ въ то время, когда ихъ историческая и соціологическая эволюція еще не очень подвинулась впередъ. Этого нельзя сказать относительно маленькаго еврейскаго народа, очевидно происходящаго изъ Азіи и близкаго родственника арабовъ номадовъ, бедуиновъ и странствующихъ племенъ, описываемыхъ поэмою Антаръ. Единственнымъ серьезнымъ источникомъ, изъ котораго мы можемъ черпать наши свѣдѣнія о народѣ Израиля, служитъ Библія, но она говоритъ намъ только объ этнической группѣ, уже испытавшей на себѣ разныя внѣшнія вліянія, идущія изъ Египта, Ассиріи и Персіи, такъ что трудно отдѣлить въ нравахъ еврейскаго народа первобытныя черты отъ такихъ, которыя возникли подъ давленіемъ обстоятельствъ. Но зато, наоборотъ, въ Священномъ Писаніи мы встрѣчаемъ массу свѣдѣній, касающихся происхожденія рабства и соціальнаго положенія еврейскаго раба.

Въ Іудеѣ, какъ и повсюду, главнымъ источникомъ рабства явилась война. Нравы древнихъ евреевъ въ этомъ отношеніи мало чѣмъ отличались отъ первобытныхъ арабовъ и даже были еще болѣе жестоки, такъ какъ жестокость по отношенію къ побѣжденному врагу была обязательной. Пощаженные плѣнные, обыкновенно женщины и дѣти, обращались въ рабство, но кромѣ такихъ рабовъ, чужеземцевъ, купленныхъ или взятыхъ въ плѣнъ, въ Израилѣ были и свои собственные рабы, судьба которыхъ, однако, была совсѣмъ иная. Еврей могъ сдѣлаться рабомъ по разнымъ причинамъ, и эти причины, мы встрѣчали и у другихъ народовъ. Бѣднякъ можетъ продать себя, но въ такомъ случаѣ Моисеевъ законъ предписываетъ обращаться съ нимъ не какъ съ рабомъ, а какъ съ наемникомъ, и отпускать его на волю вмѣ-

стѣ съ семействомъ при наступленіи юбилейнаго года. Если еврей совершилъ воровство и не могъ заплатить за него, то его самого можно было продать судебнымъ порядкомъ; точно также онъ могъ быть проданъ за долги, и дѣти несостоятельнаго должника отвѣчали за него и также могли быть проданы въ рабство. Отецъ имѣлъ право продать свою дочь и т. д. Но законъ дѣлалъ все-таки же большое различіе между туземнымъ рабомъ и рабомъ чужеземнымъ. Первый остается рабомъ лишь въ теченіе короткаго періода шести лѣтъ, такъ какъ юбилейный годъ возвращаетъ ему свободу, и не только ему, а также его женѣ и дѣтямъ, если онъ былъ женатъ до того, какъ сдѣлался рабомъ. Если же его господинъ далъ ему жену, то получаетъ свободу только онъ одинъ, а семья остается во владѣніи господина, такъ какъ, въ сущности, господинъ только ссужаетъ жену своему рабу, чтобы получить отъ него потомство.

Бывало, что при наступленіи юбилейнаго года рабъ отказывался отъ свободы и выражалъ желаніе оставаться рабомъ своего господина. Обыкновенно такія желанія заявлялись тѣми изъ рабовъ, которыхъ господинъ ссудилъ женами. Бѣдные рабы не могли рѣшиться разстаться со своими подругами и товарищами по несчастью и своими дѣтьми. Совершенно понятно поэтому, отчего еврейскіе рабовладѣльцы всегда давали женъ своимъ временнымъ рабамъ. Жены служили могущественною связью, заставлявшею раба добровольно отказываться отъ свободы, такъ что господинъ въ данномъ случаѣ дѣйствовалъ исключительно лишь въ своихъ интересахъ.

Много было говорено о великодушіи невольничьяго режима въ Іудеѣ, гдѣ дѣйствительно законы оказывали нѣкоторое покровительство рабамъ туземнаго происхожденія. Но, тѣмъ не менѣе, эти самые законы лишь въ слабой степени ограждали раба отъ произвола и дурного обращенія.

Въ Іудеѣ женщины, такъ-называемыя свободныя, положеніе которыхъ одинаково во всѣхъ дикихъ или варварскихъ обществахъ напоминаетъ положеніе раба, пользовались сравнительно хорошимъ обращеніемъ съ точки зрѣнія труда. Онѣ занимались преимущественно домашними работами, крупный же соціально-необходимый трудъ возлагался обыкновенно на мужчинъ.

Жизнь іудеевъ, въ особенности до эпохи царей, отличалась необыкновенною простотой. Всѣ, даже вожди, вели пастушескій и крестьянскій образъ жизни. Лошади были рѣдкостью и составляли роскошь, доступную только аристократамъ; ихъ замѣнялъ оселъ, который и служилъ обыкновенно для верховой ѣзды, даже для парадной ѣзды. Однако, въ Израилѣ уже очень рано образовался классъ неимущихъ рабочихъ, получающихъ заработную плату. Моисеевы законы относятся очень сострадательно къ этимъ послѣднимъ, да и вообще положеніе какъ рабочаго, такъ и раба въ странѣ Израиля было лучше, чѣмъ въ магометанскихъ странахъ, но разница, конечно, выражается всего рѣзче

въ отношеніи рабовъ евреевъ. Во всякомъ случаѣ, обычай отпущенія на волю въ юбилейный годъ составляетъ очень важное облегченіе положенія раба, чего нѣтъ у арабовъ. Но зато, съ другой стороны, у евреевъ замѣчается чрезвычайное развитіе духа первобытнаго клана и крайняго партикуляризма, проявляющагося во всѣхъ ихъ отношеніяхъ къ чужеземцамъ.

Переходя къ городамъ, важнѣйшимъ торговымъ центрамъ семитическаго міра, къ ихъ колоніямъ и древнимъ ассирійскимъ монархіямъ, мы видимъ, что рабство существовало вездѣ. Страсть къ наживѣ всегда дѣйствовала притупляющимъ образомъ на нравственныя чувства, и въ древности, какъ и теперь, люди, движимые стремленіемъ къ обогащенію, совершали много несправедливостей и зла. Мореплаватели Тира и Сидона, конечно, оказали не мало услугъ цивилизаціи, распространяя открытія и изобрѣтенія и приводя въ соприкосновеніе другъ съ другомъ великія первобытныя цивилизаціи, часто помимо ихъ воли. Это полезное дѣло они совершали исключительно лишь въ видахъ наживы, доказывая такимъ образомъ, что торговля, несмотря на свои исключительно эгоистическія цѣли, можетъ одна оказать всѣ тѣ услуги цивилизаціи, которыя такъ охотно приписываются войнѣ ея проповѣдниками. Однако, стремясь къ наживѣ, эти древніе мореплаватели поддерживали и развивали рабство, занимаясь въ то же время морскими разбоями и подавая такимъ образомъ очень вредный примѣръ древнимъ грекамъ. Они высаживались гдѣ-нибудь на берегу и, если чувствовали себя болѣе сильными, то совершали набѣгъ на ближайшія деревни, грабили и сожигали и уводили въ плѣнъ преимущественно женщинъ и дѣтей, которыхъ они потомъ продавали на рынкахъ Востока. Въ своихъ городахъ, какъ въ Тирѣ, такъ и въ Сидонѣ, финикійцы держали многочисленныхъ рабовъ, съ которыми обращались очень жестоко, отчего часто происходили возмущенія рабовъ. Будучи очень смѣлыми мореплавателями, финикійцы были довольно плохими воинами. Поглощенные промышленностью и торговлей, финикійцы сами не любили военнаго ремесла и держали наемное войско, хотя у нихъ у самихъ не было недостатка въ личномъ мужествѣ, на что указываетъ, между прочимъ, героическое сопротивленіе, оказанное Тиромъ всемогущему Александру. Въ Карѳагенѣ земледѣльческій трудъ и всѣ вообще общественныя работы возлагались на рабовъ. Въ Ливіи огромные участки земли воздѣлывались цѣлымъ населеніемъ рабовъ, закованныхъ въ цѣпи и иногда въ числѣ 20.000 человѣкъ. Несчастные рабы, работавшіе въ серебряныхъ рудникахъ, подвергались такой же безпощадной эксплуатаціи, какъ и египетскіе рабочіе. Карѳагенцы, вообще суровые и жестокіе со всѣми, обращались со своими рабами въ полномъ смыслѣ этого слова безъ всякой жалости и состраданія, и весьма вѣроятно, что у нихъ и мысли не являлось о какомъ-либо покровительствѣ, которое можетъ быть оказано рабу законами страны.

Презрѣніе къ человѣческой жизни, въ особенности къ жизни побѣжденнаго и раба, который также часто бываетъ или самъ побѣжденнымъ, или потомкомъ побѣжденнаго, присуще всѣмъ дикарямъ и варварамъ какой бы то ни было расы, но оно въ особенности было развито у многихъ семитическихъ народовъ древности и отличалось, повидимому, особенною жестокостью. Въ Ассиріи режимъ абсолютной монархіи довелъ это презрѣніе до максимума. Намъ очень мало извѣстно о домашнихъ нравахъ и вообще объ ассирійской соціологіи, но нѣкоторые историческіе факты дозволяютъ думать, что въ Месопотаміи положеніе раба было ужасно. Ассирійскіе монархи обращались съ побѣжденными съ бѣшеною яростью! На ниневійскихъ барельефахъ можно видѣть изображенія такихъ оргій побѣдителей, дававшихъ волю своей ярости. Расходившіеся побѣдители подвергали побѣжденныхъ страшнымъ истязаніямъ, заживо сдирали съ нихъ кожу и т. д. Въ концѣ же концовъ становились ногою на шею плѣнника, которому даровали жизнь. Караваны рабовъ въ древней Ассиріи очень напоминаютъ современные караваны въ Африкѣ. Цѣлыя населенія, не взирая на полъ и возрастъ, были обращены въ рабство; люди закованы въ ручные и ножные кандалы и привязаны другъ къ другу цѣпью или веревкой, пропущенной въ кольца, продѣтыя въ ноздри или губы. Королевскіе дворцы, повидимому, были переполнены рабами обоего пола; въ особенности много было евнуховъ, которые всегда сопровождали монарха. Въ домахъ вельможъ рабыни были танцовщицами, играли на флейтѣ, а самыя красивыя изъ нихъ предлагались гостю, котораго хотѣли почтить. Ассирійскія досчечки часто заключаютъ въ себѣ договоры, указывающіе, что торговля рабами была очень оживленна въ Ассиріи. Такимъ образомъ въ древнемъ семитическомъ мірѣ рабство представляло много аналогичныхъ чертъ съ рабствомъ у другихъ человѣческихъ расъ, и эволюція его была болѣе или менѣе одинакова, только прогрессъ въ гуманитарномъ отношеніи сильнѣе обнаружился въ Іудеи и рабство, по крайней мѣрѣ для евреевъ, приняло временный характеръ. Въ Финикіи и въ особенности въ Ассиріи, несмотря на значительный прогрессъ общей цивилизаціи, одержали верхъ все-таки свирѣпые инстинкты; въ Финикіи духъ торгашества заглушилъ всякое человѣческое чувство по отношенію къ рабу, а въ Ассиріи къ такому же результату привело учрежденіе великой варварской, теократической и абсолютной монархіи, послѣдствія которой были еще болѣе отвратительны. На это обстоятельство слѣдуетъ обратить вниманіе, такъ какъ оно указываетъ, что прогрессъ промышленной цивилизаціи и политической организаціи можетъ прекрасно уживаться съ настоящимъ регрессомъ въ нравственномъ отношеніи.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ТРЕТІЙ №.

РАЗСКАЗЪ.

I.

Они сидѣли у настежъ открытаго огромнаго окна, въ отдѣльной комнатѣ, за которую внесли пятьдесятъ рублей больничному казначею еще недѣлю тому назадъ. Держа другъ друга за руки и приблизивъ свои молодыя лица, они говорили шепотомъ.

Судя по одеждѣ и выраженію лицъ, оба принадлежали къ интеллигентному классу, оба были красивы и здоровы, по виду, и казалось страннымъ, зачѣмъ попали они сюда, въ это мрачное царство безвѣстныхъ страданій, незримыхъ слезъ и смерти?

Майское солнце щедро лило свои знойные лучи въ окно палаты № I. Со двора доносились звонкіе голоса служительскихъ дѣтей, игравшихъ въ пескѣ, на самомъ припекѣ; запахъ крупной сирени, цвѣтущей у самаго входа въ густой садъ, какъ бы манившій подъ свою тѣнь, и немолчное жизнерадостное щебетанье птицъ врывались въ тихую палату и словно дразнили печальную, молодую парочку. Глазу было больно отъ жаркой, безоблачной синевы неба. За воротами, по мостовой гремѣли тяжелые возы ломовыхъ, нагруженные разнокалиберной мебелью. Кто-то перевозился на дачу... „Счастливцы"!.. думали Березины, каждый про себя. Контрастъ между радостно-торопливой, шумной жизнью внѣ стѣнъ больницы и жуткой зловѣщей тишиной и скорбью внутри ея, казался имъ слишкомъ жестокой ироніей.

Николаю Васильевичу Березину было подъ тридцать лѣтъ. Онъ состоялъ учителемъ въ казенныхъ женскихъ училищахъ. Болѣзнь его началась два года тому назадъ, вскорѣ послѣ того, какъ онъ, по страстной любви, женился на своей бывшей и любимой ученицѣ. Эта болѣзнь не мѣшала его занятіямъ, и многіе даже не подозрѣвали о ней, видя его такимъ ровнымъ и аккуратнымъ на работѣ. Но онъ желтѣлъ, худѣлъ и силы его уходили. Много денегъ переплатилъ онъ докторамъ, не умѣвшимъ

понять его болѣзни, и, наконецъ, послѣ долгихъ колебаній, послѣ мучительныхъ переходовъ отъ надежды къ отчаянію, онъ рѣшился на операцію.

II.

Березинъ вынулъ часы, и на лицѣ его отразилось недоумѣніе.

— Что это значитъ? Обходъ палатъ докторами въ двѣнадцать, а теперь уже часъ пополудни...

Они ждали осмотра главнаго врача, чтобы знать, когда назначатъ операцію.

Изъ корридора, несмотря на затворенную дверь, чутко доносились звуки. Всѣ больные изъ общихъ палатъ были переведены въ лѣтніе бараки, а въ зимнихъ помѣщеніяхъ шли передѣлки. Только этотъ корридоръ, гдѣ лежали отдѣльно платные больные, былъ заселенъ въ настоящее время.

Нянька прошла мимо, неся обратно пустыя блюда отъ завтрака и гремя посудой.

— Палагея, - донесся ея голосъ,— ты куды запропала?

— Ась?

— Второй номеръ звонилъ...

— А ты чего зѣваешь?

— Чего зѣваешь?!. Мнѣ отъ 3-го номера отойтить невозможно... прости Господи!.. Накажетъ Господь такимъ больнымъ.

Березины молча прислушивались. До нихъ вотъ уже съ полчаса какъ долетали странные звуки: какой-то мужской голосъ пѣлъ развязно, безпорядочно, начиная русской пѣсней, потомъ сразу переходя къ заупокойному „Святый Боже", и все безъ конца, безъ смысла и связи,—потомъ сразу обрывалъ... И словно пользуясь этой короткой паузой пѣвца, другой мужской голосъ говорилъ что-то страстно, убѣдительно, съ озлобленіемъ и такъ быстро-быстро, словно боялся, что ему помѣшаютъ высказаться... Это производило странное впечатлѣніе... Не то ссора, не то исповѣдь наболѣвшаго сердца...

Наташа улыбнулась мужу, желая ободрить его:

— Вотъ видишь, Коля, какіе у тебя веселые сосѣди!.. Пѣвецъ какой!... Ты съ ними познакомься.

— Счастливецъ!..—слабо усмѣхнулся Березенъ.—Должно быть, ему ужъ сдѣлали операцію.

А голоса все не умолкали, возвышаясь, и когда пѣвецъ останавливался, говорившій что-то кричалъ и очевидно сердился.

— О, Господи!.. и чего они наговориться не могутъ?—нервно воскликнула Наташа.

Когда ручка замка повернулась, они оба вздрогнули всѣмъ тѣломъ.

Нянька просунала въ дверь свое подобострастное, умилвное лицо. Она инстинктомъ угадывала хорошую награду отъ этого номера. „Господа настоящіе“, рѣшила она, въ первый же разъ, увидавъ Березиныхъ.

— Вы что же? кушать развѣ не будете?—удивилась она, замѣтивъ нетронутыя остывшія блюда.

— Кто это тамъ поетъ?—спросилъ Березинъ.

— А это восьмой номеръ,—отозвалась нянька, принимая посуду.

— Ему, должно быть, сдѣлали операцію?— сосредоточенно спрашивала Наташа.

— Въ четвергъ сдѣлали... Самъ „главный“ дѣлалъ...

Мужъ и жена переглянулись, полные одной мыслью, и вздохнули съ завистью.

— А кто это другой съ нимъ разговариваетъ?

Нянька прислушалась, поднявъ руку съ салфеткой и хлѣбомъ.

— Да это онъ самый и говоритъ. И говоритъ, и поетъ; безперечъ, значитъ... Начнетъ ругаться еще... Ужъ и ругатель же, не приведи Господи!.. Морякъ, сказываютъ, въ отставкѣ... Дочь при немъ тутъ... Лѣтъ шестьдесятъ ему будетъ... Бредитъ, стало быть...—Березины вздрогнули.

— Такъ это... это бредъ?

Наташа сидѣла блѣдная, уронивъ руки.

— Вотъ ужъ вторыя сутки въ одномъ положеніи... Какъ, значитъ, придетъ въ себя, молчитъ, только стонетъ, а тамъ опять за пѣсни, да ругачку...

Нянька вышла.

Березины сидѣли молча, избѣгая глядѣть другъ на друга... Имъ казалось, что комната вдругъ накалилась солнцемъ, и нечѣмъ дышать.

— Пойдемъ въ корридоръ, Наташа... Спросимъ кого-нибудь, будутъ ли доктора? Что-жъ такъ то сидѣть?

Они вышли, притворивъ за собой дверь, и остановились. Восьмой номеръ былъ какъ разъ противъ нихъ, и они, съ расширенными отъ ужаса зрачками, стояли неподвижно, не имѣя силы двинуться, какъ-бы притягиваемые тайной, неотразимой силой.

Теперь этотъ дикій, безсвязный бредъ долеталъ до нихъ уже явственно. Можно было различить нѣкоторыя слова въ этомъ безостановочномъ, горячечномъ потокѣ рѣчей.

„Святыхъ ликъ обрѣте источникъ жи-изни,—и дверь райскую“ — (пѣлъ больной).

Снѣжки бѣ-ѣлые, пушистые
Покрываютъ всѣ поля,

затянулъ онъ, почти безъ перерыва, и вдругъ протяжно вздохнулъ.

„Пресвятая Богородице, заступи, спаси и помилуй... О-о-охъ!..“

Столько муки слышалось въ этомъ воплѣ, что Березины поблѣднѣли.

— Какой ужасъ!..—прошептала Наташа.

— Уйди, уйди!.. Тебѣ вредно... Не волнуйся!..

— Нѣтъ, постой!..

Она стиснула руку мужу и слушала, затаивъ дыханіе, какъ бы наслаждаясь, съ какимъ-то страннымъ, необъяснимымъ сладострастіемъ ужаса.

Вдругъ съ этихъ страдальческихъ устъ больного, какъ бы изъ грязной клоаки, полились богохульства, проклятія и площадная брань.

Березинъ силой отвелъ Наташу, и они начали ходить по коридору, охваченные сквознымъ вѣтромъ, свободно гулявшимъ подъ каменными сводами. Березинъ молчалъ, невольно прислушиваясь къ бреду. Наташа это замѣчала и потому говорила сама торопливо, лихорадочно, сбиваясь, о разныхъ пустякахъ, о знакомыхъ, нервно смѣялась, вспоминая нѣкоторыя мелочи...

Дверь восьмого номера внезапно отворилась. Оттуда вышла растрепанная, неряшливо-одѣтая женщина, съ молодымъ, интеллигентнымъ и заплаканнымъ лицомъ...

— Не стучите, ради Бога!..—раздражительно крикнула она,— больной заснуть не можетъ...

Березины сконфузились, стихли и, ступая наципочкахъ, прошли мимо.

До слуха ихъ донеслись глухія рыданья. Они обернулись.

Въ концѣ корридора, уронивъ голову на плетеную спинку диванчика, молодая женщина рыдала, очевидно, забывъ объ ихъ присутствіи.

Съ минуту Березины растерянно глядѣли на нее и на ципочкахъ, стараясь пройти незамѣченными, вернулись въ свою палату.

— Какая бѣдняжка!.. Не правда ли, Наташа? Это, должно быть, и есть его дочь...

Наташа молчала. Горе этой чужой ей женщины не трогало ея.

— „Ну что жъ? Если и умретъ старикъ, жизнь дочери не будетъ разбита... А если умретъ Коля“...

Она хрустнула пальцами.

Она навѣрное пожалѣла бы эту женщину, не будь она сама несчастна... Ей казалось, что нѣтъ никого несчастнѣе ея.

Одного лишь не покрыли
Горя лютаго мово...

доносилось пѣніе больного.

И вдругъ что-то загремѣло, застучало...

Чьи-то шаги торопливо, испуганно пробѣжали по корридору... Дверь напротивъ открылась и хлопнула вновь, но въ этотъ короткій мигъ страшный вопль нечеловѣческаго страданья, словно безумный ревъ агонизирующаго животнаго, вырвался изъ восьмого номера и промчался по корридору, потрясая весь воздухъ подъ гулкими, каменными сводами.

Наташа вскочила, дрожа отъ ужаса всѣмъ тѣломъ, и кинулась на грудь мужа.

— Уйдемъ!.. Уйдемъ!.. Я не могу...—зарыдала она. Весь блѣдный, Березинъ увелъ жену въ другой корридоръ, гдѣ шли передѣлки и гдѣ палаты пустовали. Имъ попалась та же нянька Марья.

— Умираетъ онъ, что ли?

Нянька сразу поняла, о комъ рѣчь, но сдѣлала невинное лицо.

— И глупости какія, баринъ!.. У насъ тутъ, слава Богу, не умираютъ... Это въ общихъ только...

Часы надъ роскошной парадной лѣстницей показывали два.

— Не будетъ, что ли, докторъ нынче?

Нянька на нихъ руками замахала.

— Давно всѣ ушли... Вѣдь нонче воскресенье... на дачу спѣшатъ... И вамъ-то охота здѣсь сидѣть, въ духотѣ!.. Прокатились-бы въ Сокольники...

— А развѣ можно уйти?—воскликнула Наташа, вдругъ расцвѣтая улыбкой.

— Отчего-же не можно?.. Завтра къ одиннадцати пожалуйте... Самъ „главный" обходъ дѣлаетъ...

Они бѣжали изъ больницы, какъ школьники, вдругъ вырвавшіеся на свободу, смѣясь и радуясь каждому пустяку. Опять они чувствовали себя „людьми", а не безпомощными и придавленными, какъ тамъ, въ больницѣ. И никогда, казалось, солнце не свѣтило такъ ярко, небо не дышало такимъ зноемъ, зелень такъ чудно не ласкала глазъ, какъ въ этотъ послѣдній день ихъ свободы... Грозное, загадочное *завтра* стояло за плечами, но они о немъ не хотѣли думать... Судьба дала имъ отсрочку, и они были ей благодарны...

Они взяли съ угла лихача и помчались въ Петровскую академію.—„Скорѣй, скорѣй!.." торопила Наташа... Тамъ, въ ресторанѣ Лопашева, среди зелени, въ виду чарующаго огромнаго зеркала пруда, они пообѣдаютъ, покатаются въ лодкѣ, насладятся дò-сыта чуднымъ вечеромъ и потомъ вернутся домой... Послѣдняя, послѣдняя ночь!..

III.

Въ понедѣльникъ, утромъ, Березины ѣхали назадъ, въ больницу, оба блѣдные, словно пришибленные—одинъ ожиданіемъ близкихъ физическихъ мукъ, другой—нравственныхъ.

— Тише!.. куда ты спѣшишь?—сердилась Наташа на извозчика, и когда мужъ удивленно посмотрѣлъ на нее, она, краснѣя, объяснила, что ей вредны толчки по мостовой...

На встрѣчу спѣшили прохожіе. Всѣ казались имъ неизмѣримо счастливѣе ихъ. Наташа позавидовала даже нищему, который низко кланялся имъ, стоя на перекресткѣ... „Вѣдь ему операціи дѣлать не будутъ“...

Со двора больницы выѣзжала наемная коляска. Въ ней сидѣлъ какой-то господинъ съ испитымъ, мертвеннымъ лицомъ, весь обложенный подушками, въ тепломъ пальто, несмотря на двадцать градусовъ тепла.

„Выздоровѣлъ, уѣзжаетъ“, думалъ Березинъ, провожая его завистливымъ взоромъ. Первымъ вопросомъ Березина, когда онъ встрѣтилъ няньку, былъ:

— А что? Умеръ восьмой номеръ?

— Чудной баринъ!..—засмѣялась Марья,—всѣхъ хоронить выдумалъ...

„Слава Богу“, съ облегченьемъ подумала Наташа. Она знала, что если умретъ сосѣдъ, то она не будетъ спать отъ страха, и эта мысль отравляла и такъ уже наболѣвшую душу ея.

Операцію назначили на вторникъ, потому что главный докторъ спѣшилъ заграницу.

— Тѣмъ лучше!..—говорилъ Березинъ, но ему было жутко.

Наташѣ разрѣшили жить съ мужемъ въ палатѣ и ходить за нимъ. Это значительно облегчало ихъ положеніе; разлука былабы хуже всего.

Весь день, чтобы унять тревогу, бившую ихъ, Березины суетились, раскладывая по полкамъ шкафа бѣлье и вещи, привезенныя изъ дома. Березинъ совсѣмъ упалъ духомъ и все у него изъ рукъ валилось.

Стараясь сдѣлать это незамѣтно, они, тайкомъ другъ отъ друга, тревожно прислушивались, нѣтъ ли движенія въ восьмомъ номерѣ?

Но тамъ было тихо, какъ въ могилѣ. Только вечеромъ, когда Наташа устраивала себѣ постель на узкомъ, деревянномъ диванчикѣ, изъ восьмаго номера послышался тихій, протяжный стонъ, потомъ долгій, долгій хрипъ,—и все стихло.

Наташа выронила подушку изъ рукъ.

— Коля!.. Что это?

— Видишь, живъ еще,—съ усиліемъ отвѣчалъ Березинъ и отвернулся.

На ночь онъ взялъ ванну. Наташа рано потушила лампу, и они легли спать.

— Наташа,—въ темнотѣ окликнулъ Березинъ,—а что, если бы мы теперь удрали?

— Какъ удрали?

— Да совсѣмъ... Плюнуть и на деньги, и на операцію?.. а?

Голосъ его звучалъ какъ бы послѣднимъ отблескомъ надежды, онъ замиралъ...

— О, Коля...

Но свѣтъ совсѣмъ угасъ въ душѣ Березина. Это была только слабая агонія свѣта, безсильнаго бороться съ обступавшимъ отовсюду мракомъ отчаянія. Онъ покорился.

Тяжело шлепая босыми пятками по полу, Наташа перешла комнату, сѣла на кровать и долго молча цѣловала лицо и волосы мужа.

Онъ почувствовалъ на своихъ щекахъ ея слезы.

— О чемъ ты, глупенькая?

— Не обращай вниманія... Это нервы про-про-клятые,— всхлипнула Наташа и, нащупавъ въ темнотѣ карманъ платья, брошеннаго на стулъ, громко высморкалась.

— Не плачь... Вѣдь опасности никакой нѣтъ... Я боюсь только, что *они* плохо захлороформируютъ, и я все буду чувствовать...

— О, вздоръ!..

Она боялась не того. Ей думалось, напротивъ, что, по небрежности или оплошности докторовъ, ему дадутъ слишкомъ сильную дозу хлороформа, и это убьетъ его.

Разумѣется, она молчала.

Березинъ улыбнулся какой-то покорной, кроткой улыбкой.

— Бойся, не бойся, все равно теперь отъ ножа не уйдешь... Да ты не безпокойся, Наташа... Мнѣ теперь, право, легче, чѣмъ было прежде.

И онъ говорилъ правду.

Березинъ долго ворочался съ боку на бокъ и, наконецъ, заснулъ. А Наташа все еще сидѣла въ одной рубашкѣ на своемъ диванчикѣ и спрашивала себя: что ждетъ ее завтра?

Ночью Наташа вдругъ проснулась, повинуясь какому-то безотчетному побужденію. Въ корридорѣ слышался тяжелый, хотя и осторожный топотъ нѣсколькихъ человѣкъ, скрипъ двери и чей-то шепотъ. Наташѣ показалось, что она узнала голосъ няньки. Съ бьющимся сердцемъ она спустила на полъ голыя ноги.

Изъ восьмого номера выносили что-то тяжелое; потому, дол-

жно быть, носильщики двигались съ трудомъ. Наташа беззвучно повернула ручку замка и выглянула въ корридоръ.

Она видѣла, что четверо людей сворачивали за уголъ... Они несли на носилкахъ черный, большой, на-глухо закрытый ящикъ... Марья свѣтила имъ. За ними по стѣнамъ и полу бѣжали ихъ длинныя, безобразныя тѣни, волнуясь при колебавшемся свѣтѣ, и словно кивали огромными головами...

Забывая о всѣхъ больничныхъ правилахъ, Наташа заперла дверь на ключъ и сѣла на диванчикъ, дрожа всѣмъ тѣломъ.

Она знала, что̀ было въ этомъ ящикѣ.

IV.

Утромъ, во вторникъ, Наташа проснулась рано, пока Березинъ еще спалъ. Она наскоро накинула блузу и вышла. Въ восьмомъ номерѣ было тихо. Дверь стояла открытой и въ настежъ распахнутое окно лилась свѣжесть майскаго утра.

Номеръ былъ пустъ.

Все было выметено, вычищено, убрано. На постели красовалось чистое бѣлье. Комната была готова для пріема новаго жильца. Неуютная, пустынная, нѣмая, она ничего не говорила о драмѣ, которую видѣли ея стѣны.

Въ корридорѣ нянька мела полъ, и щетка ея гулко стучала по каменнымъ плитамъ. Поравнявшись съ Наташей, нянька такъ и ахнула:

— Что съ вами, барыня? На васъ лица нѣтъ... Наташа молча вернулась въ палату. Фигура молодой женщины, которая рыдала вонъ тамъ, упавъ головой на спинку дивана, ярко встала въ ея памяти, и больно кольнула сердце Наташи.

„Надо, чтобъ Коля не зналъ объ этомъ",—было ея первой заботой.

Но Березинъ и не вспомнилъ о безпокойномъ сосѣдѣ.

Операція была назначена въ часъ. Все утро больной безостановочно бродилъ по комнатѣ, присаживаясь на минуту, блѣдный и растерянный, безпрерывно раскуривая папиросу и послѣ двухъ затяжекъ бросая ее, чтобы вновь черезъ минуту закурить другую. О чемъ они говорили въ это утро, да и говорили ли вообще, никогда впослѣдствіи Наташа не могла припомнить. Часы проходили, какъ минуты, а минуты, когда Березинъ слѣдилъ за стрѣлкой, казались часами.

— Наташа, оправь сама постель,—вдругъ замѣчалъ онъ,— нянькамъ не довѣряй... И смотри, чтобъ бѣлье было наше, а не больничное.

Глотая слезы, украдкой вытирая ихъ, Наташа шла готовить постель.

Пробило часъ... Они обмѣнялись долгимъ взглядомъ и ждали, прислушиваясь.

„Буду я чувствовать или нѣтъ?“... спрашивалъ себя Березинъ. Его страшила неизвѣстность.

„Неужели умретъ? Неужели конецъ?..“ думала Наташа и тотчасъ отвѣчала себѣ: „Не можетъ быть... Это слишкомъ нелѣпо, слишкомъ жестоко“...

Пять минутъ второго, десять минутъ...

Что же *они* не идутъ? Какая пытка!..

— Какой бы ни былъ конецъ, лишь бы скорѣе,—прошепталъ Березинъ, тихо ломая пальцы.

Наташа молча взяла его руки и держала ихъ. Въ корридорѣ вдругъ послышались шаги. Березины поблѣднѣли и молча крѣпко обнялись. Марья распахнула дверь и остановилась на порогѣ.

— Пожалуйте,—произнесла она.

И это необычное суровое выраженіе на ея всегда умильно-улыбающемся лицѣ сильнѣе всего испугало Наташу.

Березинъ пошелъ къ двери, какъ-то особенно тщательно запахнувшись въ халатъ.

Никогда еще его красивая фигура не казалась женѣ такой безпомощной и жалкой, какъ въ эту минуту.

— Часы-то здѣсь оставьте,—напомнила нянька.

— Ахъ, да... Возьми, Наташа.

Онъ отстегнулъ цѣпочку и вмѣстѣ съ портсигаромъ положилъ на столъ. Руки его слегка дрожали и онъ боялся, что это замѣтятъ.

— Adieu,—оборачиваясь у самой двери, шутливымъ тономъ молвилъ онъ, но глаза его и печальная, покорная улыбка такъ и рѣзнули Наташу по сердцу.

Она беззвучно шевельнула губами и, не трогаясь съ мѣста, глядѣла ему вслѣдъ.

Только когда шаги его начали удаляться, она вскинулась вся и бросилась въ корридоръ.

— Коля!.. Коля!.. Обними меня...

Онъ былъ уже у лѣстницы.

Они обнялись опять и Наташа перекрестила мужа.

— Милый, милый... прощай!..—прошептала она.

Нянька смотрѣла на нихъ снизу, стоя на ступеняхъ.

— Къ чему *прощай?*—поправила она съ суевѣрнымъ испугомъ.—Надо сказать: до свиданья...

— До свиданья... Да, да... До свиданья, Коля!..—испуганно повторяла Наташа.

Когда они были уже внизу, молодая женщина перегнулась черезъ перила и крикнула:

— Помни, что я говорила тебѣ: я буду ждать здѣсь... И ты мнѣ засмѣйся, скажи что-нибудь, когда тебя понесутъ назадъ по лѣстницѣ...

— Хорошо, ступай!..

Они скрылись изъ глазъ. Наташа долго прислушивалась, затаивъ дыханье, къ замирающему гулу ихъ шаговъ... Дальше... дальше...

Ушли... Гдѣ-то далеко хлопнула дверь.

— Сейчасъ-сейчасъ начнутъ...

Она заломила руки и оцѣпенѣла въ ожиданіи... Минуты бѣжали. Онѣ казались ей безконечными... Сердце ея то начинало быстро и громко стучать, то замирало... Казалось, вотъ-вотъ остановится,—словно маятникъ въ испорченномъ механизмѣ часовъ...

Она вернулась въ палату, вспомнивъ, что надо закрыть окно; тамъ она старательно затворила ставни, аккуратно расправила складки на простынѣ и взбила подушки... Ей бросились въ глаза часы мужа на столѣ. Она потрогала ихъ машинально...

Что еще надо сдѣлать?

Она задумалась... Она была какъ-то внѣ времени, внѣ сознанія роковой дѣйствительности.

И вдругъ словно электрическій токъ пробѣжалъ по ея тѣлу. Вѣдь операція началась... Можетъ быть, уже все кончено, можетъ быть, онъ уже умеръ...

Словно кто толкнулъ ее въ спину. Она упала на колѣни, лицомъ касаясь пола.

— Господи!.. Господи... Господи...—безсвязно твердила она, задыхаясь, захлебываясь отъ слезъ, силясь молиться, убѣдить себя, вѣрить, но не находя ни словъ, ни вѣры, ни жара въ своей душѣ и только холодѣя въ этомъ безпросвѣтномъ мракѣ отчаянія.

Она поднялась съ колѣнъ разбитая, съ болью во всемъ тѣлѣ... Сколько времени прошло? Полчаса? Два часа? Она не знала...

Выйдя въ корридоръ, она увидала, что уже тридцать пять минутъ второго... Боже!.. Когда же конецъ?

„Конецъ?..“ Она вздрогнула всѣмъ тѣломъ. Можетъ быть, тамъ, въ той страшной, недоступной постороннимъ комнатѣ, гдѣ льется столько крови и слезъ,—въ эту минуту ея Коля лежитъ мертвый на столѣ, а она здѣсь, безпомощная, безсильная, одинокая ждетъ...

Чего?..

„Господи... Господи...“ шептала она, машинально крестясь. Мелкая дрожь сотрясала ее всю, съ головы до ногъ, колѣни подкашивались отъ слабости.

Далекій гулъ шаговъ внизу донесся до слуха Наташи.

Идутъ?.. Да, да... Идутъ нѣсколько человѣкъ... Ближе... ближе...

Свѣсившись черезъ перила, она глядѣла внизъ, щуря свои близорукіе глаза.

— Коля!..—радостно, порывисто крикнула она, разглядѣвъ знакомое лицо няньки. За ней четверо человѣкъ несли носилки.

Издали еще Наташа различала знакомые контуры кудрявой головы и тѣла въ одной ночной рубашкѣ.

— Коля!.. Ты живъ? Живъ?

— Тише!..—шикнула нянька, махнувъ на нее рукой.

— Что же онъ не отвѣчаетъ? живъ онъ или нѣтъ?—крикнула вдругъ Наташа, мѣняясь въ лицѣ.

— Живъ... Живъ... Господи, помилуй! Ступайте впередъ...

Наташу поразилъ этотъ зловѣщій шепотъ и серьезное, блѣдное даже лицо няньки. Молодая женщина вдругъ опять начала цѣпенѣть подъ вліяніемъ внутренняго холода, который почувствовала въ своихъ жилахъ и гдѣ-то въ мозгу... Машинально она пошла впередъ и отворила дверь.

Съ тяжелымъ топотомъ позади подвигались носильщики.

Яркій, безпощадный свѣтъ брызнулъ разомъ на ихъ равнодушныя лица, на ихъ нѣмую, недвижную ношу.

Крикъ вырвался изъ груди Наташи. Онъ былъ такъ страшенъ, что даже эти ко всему привычные люди дрогнули.

На носилкахъ былъ трупъ.

Голова съ бѣлымъ—совсѣмъ бѣлымъ, какъ простыня, лицомъ, безпомощно скатилась на бокъ. Руки висѣли какъ плети, по обѣимъ сторонамъ носилокъ, холодныя и вялыя...

— Онъ умеръ!.. Умеръ!.. Вы убили его...—какъ тигрица кинулась Наташа на входившаго фельдшера.

— Тише!.. Тише!..—испуганно зашикалъ онъ, хватая ее за руки.—Не будите его... Хуже вѣдь... Онъ живъ...

— Вы лжете!.. — взвизгнула Наташа. — Онъ... онъ... онъ мер—твый...

Она забилась въ истерикѣ.

Всѣ испуганно засуетились... Кто-то подалъ воду... Откуда-то явился пузырекъ съ эфиромъ.

Пока фельдшеръ укладывалъ тѣло на простынѣ, нянька твердила Наташѣ:

— Будетъ вамъ!.. Не хорошо... И себѣ вредъ, и его испугаете... Вы послушайте... вѣдь онъ дышитъ...

Наташа бросилась къ постели.

Всѣ вышли торопясь, толкаясь въ дверяхъ, спѣша оставить ее одну...

Какой страшный видъ!.. Неужели это Коля? Его словно подмѣнили, это другой—странно—знакомый и, въ то же время, чужой ей человѣкъ... Черты измученнаго и разомъ осунувшагося лица

вытянулись и заострились, ротъ безпомощно открылся... Черезъ весь животъ шла широкая, тугая перевязка... А эти бѣлыя-бѣлыя, такія страшныя ноги?.. Утромъ онѣ были такія полныя и теперь сразу стали худыми и безкровными...

Затаивъ собственное дыханіе, Наташа жадно, съ трепетомъ глядѣла въ эти мертвыя черты дорогого лица и, казалось, вотъ-вотъ сама жизнь замретъ и остановится въ ней самой...

Вдругъ на своемъ лицѣ она ощутила слабое-слабое, но мѣрное дыханіе...

Онъ былъ живъ... Да, онъ стоялъ уже на порогѣ къ вѣчности, но жилъ еще... Онъ спалъ подъ вліяніемъ наркотика,— спалъ мертвящимъ, страшнымъ сномъ, безъ видѣній и грёзъ...

Наташа упала головой на край постели и, содрогаясь всѣмъ тѣломъ, рыдала,—на этотъ разъ отъ счастья.

V.

Прошла недѣля. Березинъ поправлялся медленно и тяжело. Наташа знала, что въ этихъ случаяхъ чистота и уходъ—все, и не жалѣла себя. Вспоминая впослѣдствіи первые два дня и двѣ ночи послѣ операціи, когда больной, придя въ себя, началъ стонать отъ невыносимой боли, и когда оба они не сомкнули глазъ ни на минуту, Наташа спрашивала себя: гдѣ черпала она силы?

Памятна ей вторая ночь. Больной такъ безпокойно метался отъ боли, что нечаянно сдвинулъ перевязку. Показалась густая, черная кровь... Внѣ себя отъ испуга, Наташа бросилась къ нянькѣ, растолкала ее и послала за дежурнымъ фельдшеромъ. Но добудиться его не было возможности. Онъ былъ пьянъ, какъ винная бутылка; другого фельдшера не оказалось на квартирѣ... Наташа послала за дежурнымъ врачемъ. Онъ даже не потрудился придти, а велѣлъ передать ей, что онъ — не хирургъ, а спеціалистъ по женскимъ болѣзнямъ и не возьмется не за свое дѣло... Пусть ждутъ до утра, когда придетъ хирургъ!..

До утра!.. Каково ждать, когда человѣкъ рядомъ исходитъ кровью, когда каждая минута дорога!..

Но дѣлать было нечего. Ни протесты, ни угрозы, ни проклятія не помогли. Фельдшеръ явился только въ восемь часовъ.

Къ счастью, эта неосторожность прошла даромъ, если не считать потери крови, но Наташа не забудетъ этой ночи до сѣдыхъ волосъ.

А страхъ зараженія крови? Эта постоянная гложущая мысль, что жизнь человѣка виситъ на волоскѣ?.. И что никакія ухищренія науки, никакія деньги, слезы и молитвы не остановятъ гангрены?..

Оба они чувствовали себя въ то время обезличенными, безвольными и безсильными, во власти незнакомыхъ и равнодушныхъ докторовъ; они сознавали себя только частью огромнаго цѣлаго, номерами, а не людьми, статистическими единицами, до которыхъ никому нѣтъ дѣла, чьи страданья, слезы, — самая смерть которыхъ будетъ для всѣхъ безразличнымъ, повседневнымъ фактомъ, и это сознаніе было ужаснѣе всего.

Наконецъ, на третьи сутки наступилъ желанный и спасительный восьмичасовой сонъ. Прошло еще пять дней и всѣ ужасы первыхъ перевязокъ отошли вдаль, стали блѣднѣть. Рана выполнялась понемногу. Черезъ двѣ недѣли послѣ операціи Березинъ все еще былъ худъ, желтъ и страшенъ, но Наташа знала, что опасность миновала и что худшее осталось позади.

Сама Наташа за это время осунулась въ тѣлѣ и ослабѣла. Она никого не допускала ходить за мужемъ и даже черную работу съ любовью и неистощимымъ терпѣніемъ исполняла сама. Но мучилъ ее не уходъ, а характеръ мужа.

Всегда ровный и сдержанный прежде, не смотря на врожденную нервность, Березинъ теперь сдѣлался неузнаваемымъ. Онъ капризничалъ, раздражался, ничѣмъ ему нельзя было угодить.

Если Наташа болтала и смѣялась, онъ раздражительно пожималъ плечами:

— Какъ можешь ты смѣяться всякому вздору? — удивлялся онъ.—У тебя положительно нѣтъ сердца... Я лежу больной...

Когда она молчала, усталая и печальная, онъ желчно замѣчалъ ей:

— Ступай домой, отдохни... За мной и няньки приглядятъ... Тебѣ, я вижу, трудно стало.

Иногда онъ весь корчился, когда она, переваливаясь, проходила мимо.

— Вотъ походочка!.. Чистый медвѣдь. Сядь, пожалуйста, сядь!.. Ты мнѣ своимъ топотомъ на нервы дѣйствуешь...

Или начнетъ смотрѣть насмѣшливымъ, „критическимъ“ (какъ называла Наташа) взглядомъ, какъ она чай разливаетъ; а у нея подъ этимъ взглядомъ все похолодѣетъ внутри, руки затрясутся, и она либо чашку выронитъ, либо скатерть зальетъ... А онъ смѣется и такъ язвительно, что слезы—горячія слезы незаслуженной обиды—подступятъ къ горлу Наташи, и она стремглавъ кинется въ корридоръ.

Но и там негдѣ было плакать. Выздоравливающіе больные постоянно бродили тамъ. Всѣ почти знали Наташу. Завидѣвъ ее, они радостно и торопливо сообщали ей малѣйшія подробности о своей болѣзни, о родныхъ, о службѣ, свои опасенія и надежды. Они такъ рады были, что нашли свѣжаго слушателя, здороваго

человѣка, что даже не замѣчали, сколько равнодушія къ ихъ положенію въ сердцѣ этой молодой женщины, вѣжливо, по привычкѣ, выслушивающей эту, иногда наболѣвшую исповѣдь одинокаго человѣка.

Наташа уходила въ садъ и тамъ давала волю своимъ слезамъ. Неужели у Коли навсегда останется такой характеръ? Или онъ уже разлюбилъ меня за то, что я стала такая безобразная?

Но проходило полчаса, а Наташа уже искала оправданій мужу.

Бѣдняжка!.. Легко осуждать его!.. А какъ онъ мучился!..

Она вспоминала, содрогаясь, какъ онъ былъ близокъ къ смерти, и спѣшила обнять его и, плача, попросить у него прощенія за то, что она—смѣетъ обижаться.

Одинъ разъ, войдя въ садъ днемъ, Наташа испуганно остановилась. По длиннымъ дорожкамъ, въ тѣни орѣшника и липъ, бродили какіе-то бѣлые призраки въ саванахъ. Будь это въ сумеркахъ, Наташа заболѣла-бы съ перепуга... „Ахъ, это больные",—сообразила она и сѣла тутъ-же, на первую скамейку, снова вся подъ властью этого страшнаго любопытства, этого какъ бы сладострастнаго наслажденія, которое мы испытываемъ, глядя на чужія страданія, на чужія бѣдствія, на смерть, пожаръ, убійство, казнь, и которое разъ уже испытала Наташа, стоя у двери палаты № восьмой.

Она глядѣла на эти мертвенныя лица, на страшныя повязки на головахъ,—у нѣкоторыхъ поперекъ лица,—на эти полотняныя маски, на эти отвратительные саваны, и ей не было жаль этихъ людей. Мало того: она почувствовала только брезгливость до тошноты, когда представила себѣ эти зіяющія раны. И когда эти печальныя тѣни проходили мимо, съ тихимъ любопытствомъ глядя на красивую, незнакомую женщину, Наташа провожала ихъ враждебнымъ взглядомъ. „Зачѣмъ они тутъ съ своими перевязками и ранами, когда ей и такъ тяжело и хотѣлось бы развлечься, отдохнуть отъ впечатлѣній больницы?.." Она удивлялась на молодыхъ фельдшерицъ, которыя встрѣчались ей въ саду.—„Какіе надо имѣть нервы, чтобы вѣчно-вѣчно быть здѣсь и видѣть эти гадости?!." Она не прожила бы и трехъ дней по своей волѣ.

Все очарованіе этого густого тѣнистаго сада вдругъ исчезло для Наташи. Самый воздухъ казался ей теперь отравленнымъ зловоннымъ дыханіемъ этихъ страдающихъ людей...

Она спѣшила уйти.

VI.

Въ корридорѣ платныхъ больныхъ за эти двѣ недѣли произошло много перемѣнъ. Нѣкоторые жильцы выздоровѣли и уѣхали.

Отъѣздъ ихъ былъ радостнымъ событіемъ для нянекъ. Почти всегда уѣзжавшій дарилъ имъ ненужныя ему вещи, старое одѣяло, подушку, сапоги, матрацъ, чашку. Часто недовольныя раздѣломъ, онѣ ругались между собою цѣлыми днями, проклинали неблагодарнаго больного, рвали и метали, что называется, и срывали сердце на безотвѣтныхъ паціентахъ. Не менѣе радовались онѣ и смерти больныхъ, особенно, если покойный былъ со средствами. Тутъ уже все послѣ мертвеца оставалось въ полное наслѣдство ихъ, и, какъ вѳроны, чуя падаль, онѣ не отходили отъ тяжелобольныхъ, нетерпѣливо выжидая минуту, когда тѣ закроютъ глаза навѣки.

Ихъ цинизмъ и безсердечіе заставляли содрогаться Березиныхъ. Въ третьемъ номерѣ помѣстился недавно провинціалъ, притащившійся сюда изъ далекой глуши, въ злѣйшей чахоткѣ. Смутно слыхали Березины что-то отъ доктора, будто это бывшій профессоръ университетскаго города, уволенный и долго прожившій въ ссылкѣ. Не разъ хотѣлось имъ узнать что-нибудь опредѣленное о немъ. Но не было времени, да и мелочи жизни давили сознаніе, и о немъ забывали. Не разъ Наташѣ приходилось слышать, какъ Пелагея и Марья, хлопнувъ дверью, выходили изъ палаты № 3-й съ ворчаніемъ и проклятіями... Тонъ, какимъ онѣ говорили съ больнымъ, былъ такъ возмутительно дерзокъ, что Наташа вскакивала въ порывѣ негодованія и затыкала уши, чтобы не слышать. Одинъ разъ она не выдержила и замѣтила Марьѣ, что она поступаетъ безсердечно, что она не имѣетъ на это права.

— Какъ же, барыня-матушка, помилуйте,—сладкимъ голосомъ пѣла ей нянька,—вѣдь и мы не собаки... День-деньской маемся, и хоть бы тебѣ что!.. Хоть бы плюнулъ въ благодарность!.. Вѣдь онъ въ постели... За нимъ прими, да подотри, да подай... Разъ сорокъ на день звонитъ.

— Да вѣдь вамъ за это жалованье платятъ...

— А матушка-барыня! Велико ли наше жалованье? Мы только тѣмъ и сыты, что добрые господа дадутъ.

— А если у него нѣтъ ничего? Если онъ послѣднія деньги за палату внесъ.

— Ужъ надо полагать, что послѣднія,—негодующе подхватила Марья.—Тоже господа называются!.. Такъ и ложился бы въ общую. Тамъ и уходъ другой, тамъ не посмѣетъ поминутно няньку звать.

— Да неужели никого у него родныхъ нѣтъ?

— Вотъ то-то и горе наше, что нѣтъ. Ужъ чего намъ легче, когда при больномъ родные?.. А этому ни одна—прости Господи—собака письма даже не пришлетъ... либо онъ ужъ всѣмъ опостылѣлъ...

*

— Какъ вамъ не грѣшно, Марья? Чѣмъ онъ виноватъ, что бѣденъ и боленъ?

— А мы, барыня, чѣмъ причинны? Мы тоже не собаки... Вѣдь наша-то жисть каторжная...

— Коля, Коля... Какіе здѣсь люди!..—съ ужасомъ говорила Наташа мужу.—А еще находятъ, что женщина создана для ухода за больными, что у нея сердце мягче!.. Звѣри, и тѣ были бы добрѣе.

Березинъ горячо обнималъ жену, въ эти только минуты понимая, что онъ неизмѣримо счастливѣе другихъ, и какъ много значитъ не быть одинокимъ и совсѣмъ безъ средствъ въ больницѣ.

— Плати имъ, дорогая, плати больше... Не жалѣй, лучше заложить что-нибудь...

И Наташа щедро платила и четыремъ нянькамъ, хотя онѣ только убирали комнату и подавали обѣдъ, и швейцару, и ламповщику, и фельдшеру, дѣлавшему перевязки, и жалѣла только о томъ, что ничѣмъ не могла отблагодарить доктора, которому Березинъ былъ порученъ. Меньше двадцатипяти рублей нельзя было дать, а ихъ у нея не было, и деньги, вообще, плыли между рукъ.

Въ восьмомъ № теперь лежалъ съ сломанной ногой французъ, приказчикъ какого-то крупнаго магазина. Это былъ веселый, никогда не унывавшій толстякъ, умѣвшій комфортабельно устроиться даже въ больницѣ. Наташа случайно оказала ему услугу своимъ знаньемъ французскаго языка,—такъ какъ по-русски онъ почти не говорилъ,—и съ этого началось ихъ знакомство. Сорокалѣтній холостякъ искренно привязался къ молодой женщинѣ. Нерѣдко, когда Березинъ спалъ днемъ, она уходила въ палату № 8-й, писала подъ диктовку француза письма на его далекую родину, читала ему французскія газеты, ѣла конфекты и апельсины, которыми онъ угощалъ ее, и снисходительно выслушивала восторженные разсказы его о всемірной парижской выставкѣ. Она даже охотно шла къ нему, зная, что онъ своимъ юморомъ разсѣетъ ея тоску и вызоветъ улыбку на ея хорошенькомъ личикѣ.

Почти ежедневно Березина навѣщали друзья, товарищи по службѣ, знакомые, не говоря уже о родныхъ. Всѣ приносили фрукты, варенье, дорогое вино, цвѣты; съ пустыми руками не приходилъ никто, и если почему-либо никто не являлся въ теченіе двухъ-трехъ дней, Березинъ сердился, жаловался, что всѣ забыли его, и дѣлалъ сцены своей безотвѣтной сидѣлкѣ, которая ломала голову, чѣмъ бы ему угодить.

Но больше всего Березинъ любилъ общество фельдшера Иванова, приставленнаго наблюдать за ходомъ его болѣзни. Это было здоровое двадцатидвухлѣтнее животное, добродушное, самоувѣ-

ренное и глупое. Онъ получалъ при больницѣ комнату и грошовое жалованье, обѣдалъ по настоящему раза три въ мѣсяцъ, но всегда былъ веселъ и невозмутимъ. Слушать музыку въ Екатерининскомъ паркѣ и глядѣть на публику было для него верхомъ удовольствія, а объ выпивкѣ въ трактирѣ онъ мечталъ, какъ о чемъ-то недосягаемомъ. Онъ презиралъ и докторовъ, и науку, но былъ мастеромъ своего дѣла, на виду у начальства, и гордился этимъ. Наташа про себя удивлялась, какъ можетъ мужъ не скучать съ Ивановымъ, но молчала, видя, что при фельдшерѣ больной много спокойнѣе и ровнѣе. Впрочемъ, они только объ операціяхъ да болѣзняхъ и разговаривали.

VII.

Разъ вѣчеромъ они, по обыкновенію, были втроемъ въ палатѣ. Въ открытое окно лилась чудная свѣжесть. Солнце заходило и—вѣстники вёдра—рѣзвыя ласточки, съ радостнымъ свистомъ, мчались мимо, словно купаясь и ныряя въ расплавленномъ золотѣ лучей. Березинъ, обложенный подушками, пилъ чай съ вареньемъ и слушалъ разсказъ Иванова, какъ тотъ избавился отъ воинской повинности, отъ души смѣясь надъ своеобразнымъ языкомъ разсказчика. Наташа сидѣла за столомъ, гдѣ красовались огромные чайники и печенье въ изящной плетеной корзиночкѣ.

Дверь пріотворилась, и Марья просунула свою голову, дѣлая Иванову таинственные знаки.

— Что такое?—заинтересовался Березинъ.

— Сейчасъ вернусь...

Онъ, дѣйствительно, вернулся черезъ нѣсколько минутъ и продолжалъ свой разсказъ, допивая остывшій чай.

Словно кто подтолкнулъ Наташу. Съ той минуты, какъ фельдшеръ вернулся, она не сводила съ него глазъ.

— Васъ куда звали?

— Къ третьему №... Умираетъ... Позвольте мнѣ еще стаканчикъ, Наталья Николаевна... да покрѣпче.

Руки Наташи дрожали, когда она подавала ему стаканъ.

— А кто такой?—допрашивалъ Березинъ.

— Учитель... Откуда-то издалека... Сказывали, да позабылъ я... Лѣтъ сорокъ ему.

— Ахъ да! Тотъ самый...

— Что же вы ушли оттуда?—сурово перебила молодая женщина.

Ивановъ глуповато усмѣхнулся.

— Да что жъ тамъ сидѣть-то?.. Все равно, умретъ... Не удержишь, коли смерть пришла...

— Бѣдняжка!..—горячо вырвалось у Березина. — Это тотъ профессоръ... Каково-то умирать одинокому? а? Наташа...

Она не отвѣчала, отвернувшись.

— А что у него было? Наташа, дай-ка вареньица.

Она вздрогнула, машинально исполнила требуемое и сѣла опять у стола.

— Въ послѣднемъ градусѣ чахотка...

Фельдшеръ наклонился къ уху Березина и началъ шепотомъ, жестикулируя. Березинъ глядѣлъ вдаль, неопредѣленно улыбаясь и кивая одобрительно головой.

Наташа сидѣла, не шевелясь.

„Онъ умираетъ одинокимъ, этотъ третій №, нищимъ, въ больницѣ, безъ друга, безъ ласки, принимая даже въ эту минуту помощь, какъ милостыню, отъ грубой, наемной руки... Неужели же никого на свѣтѣ? Неужели совсѣмъ-совсѣмъ одинъ? Вѣдь вспоминаетъ же онъ кого-нибудь, зоветъ къ себѣ въ смертельной тоскѣ... Быть можетъ, проклинаетъ, быть можетъ, шепчетъ слова всепрощенія... Кто скажетъ?.. И вотъ теперь, сейчасъ, въ эти страшныя минуты, когда свѣтъ меркнетъ въ его очахъ, радъ ли онъ грядущему, таинственному мраку или жалѣетъ, страстно жалѣетъ объ этой жестокой жизни, ничего не давшей ему, кромѣ нищеты, смертельной болѣзни и этого одинокаго, безвременнаго конца?..“

— Наташа, возьми-ка стаканъ... Я больше не буду... Да вотъ ему налей... Вамъ съ сахаромъ?

Она двигалась растерянно, медленно, какъ автоматъ.

„Ты страдалъ, какъ Коля... хуже даже... Ты лежалъ безъ сна эти ужасныя, долгія ночи, покорно неся свой крестъ... Ты угасалъ безъ слезъ, безъ стоновъ... Мы не слыхали ихъ, и этого было довольно!.. Мы жили рядомъ, тутъ же, мы все знали и не пришли... Мы проходили мимо, бережно, какъ сокровище, неся свое личное горе“...

Дверь скрипнула опять.

Наташа сорвалась съ мѣста и вдругъ словно застыла, глядя въ лицо Марьѣ.

Поздно...

— Пожалуйте,—какъ-то рѣшительно молвила нянька.

Ивановъ вышелъ.

Прошла минута, другая...

— Наташа,—окликнулъ Березинъ.—О чемъ ты задумалась? Поди, поцѣлуй меня... Мнѣ грустно что-то...

Блѣдная, она молча подошла и, судорожно обнявъ голову мужа, прижала ее къ своей груди.

Ивановъ вошелъ опять.

— Умеръ...—хладнокровно сказалъ онъ на вопросительный взглядъ больного, и началъ новый разговоръ объ операціи.

Наташа съ минуту постояла въ нерѣшимости, закрывъ глаза рукою, и, какъ тѣнь, выскользнула въ корридоръ.

Ея ухода не замѣтили.

Корридоръ былъ пустъ.

У двери палаты № 3-й Наташа постояла немного, перемогая леденящій страхъ, потомъ широко перекрестилась и взялась за ручку замка.

Она вошла, повинуясь чему-то, что было сильнѣе ея.

Удушливый, застоявшійся воздухъ, полный зловонныхъ испареній и тяжелый запахъ іодоформа, словно ударили ей въ лицо, но она этого не сознавала.

На порогѣ она остановилась, какъ вкопанная, и расширенные ужасомъ зрачки ея приковались къ постели.

Мертвецъ лежалъ навзничъ, въ одной рубашкѣ, какъ-то странно раскинувъ ноги, одна изъ которыхъ была согнута въ колѣнѣ и острымъ угломъ обрисовывалась подъ скомканной простыней. Одна рука судорожно скрюченными пальцами вцѣпилась въ матрацъ, другая захватила простыню и сорвала ее съ груди, въ которой не хватило воздуха. Запрокинутая голова тяжело ушла въ подушки. Ротъ широко открылся. Пряди жидкихъ, чуть сѣдѣющихъ волосъ слиплись и пристали ко лбу и вискамъ, покрытымъ клейкимъ, холоднымъ потомъ. Жидкая, острая бородка торчала вверхъ.

Въ комнатѣ стояла жуткая тишина. Только у стекла запертаго окна билась и жалобно жужжала большая, синяя муха, словно просясь на просторъ и свѣтъ, туда, гдѣ кипѣла жизнь, гдѣ грѣло солнце...

Пламя заката проникало въ комнату и румянило всѣ предметы. Брызги алаго золота сыпались изъ сверкавшаго на столѣ графина съ водой. Одинъ робкій лучъ доползъ до постели и какъ бы ласкалъ мертвую руку, какъ бы желалъ согрѣть ея остановившуюся, цѣпенѣющую кровь.

Притягиваемая какъ бы магнитомъ, не имѣя силы отвести взгляда, вся побѣлѣвъ отъ ужаса, Наташа медленно подходила все ближе и, наконецъ, заглянула въ мертвое лицо.

Печать торжественнаго покоя и той суровой красоты, какую мы видимъ на лицахъ покойниковъ, еще не легла на эти черты. Онѣ еще были полны земной муки, смертной тоски и отчаянія... Искривленныя страшной гримасой губы, втянувшіяся щеки, изломанная страдальчески линія бровей, вся поза, наконецъ, все говорило о долгой и страшной агоніи. Тѣло было еще тепло, совсѣмъ тепло... Казалось, мертвецъ дышалъ... Эта жизненная теп-

лота непрерывнымъ, но слабѣющимъ токомъ выходила изъ открытаго рта покойника, и Наташа чувствовала ее на своемъ лицѣ...

Глаза мертвеца были открыты. Тусклые, какъ бы подернутые въ зрачкахъ какой-то слизью, они недвижно глядѣли помимо Наташи...

Куда?

Вытянувъ шею, Наташа стояла въ нѣсколькихъ шагахъ отъ постели и все глядѣла, словно спросить собиралась, и все ждала-ждала, вотъ-вотъ зашевелятся эти безкровныя уста и дадутъ отвѣтъ на мучительную, роковую загадку...

Свѣтъ уходилъ изъ комнаты. На небѣ блѣднѣлъ румянецъ и безшумно крались сумерки, тихонько заглядывая въ стынувшія мертвыя черты.

Наташа стояла недвижно, не въ силахъ уйти. Страха не было теперь въ ея душѣ. Она дотронулась до руки мертвеца; эта рука уже холодѣла.

Сердце ея, это узкое сердце, полное однимъ только человѣкомъ, вдругъ открылось для любви и жалости. Чужое страданіе, вотъ ужъ цѣлый мѣсяцъ, какъ тайный червь, точившій стѣны, за которыя ушла она отъ міра съ своей личной радостью и личной скорбью, сдѣлало потихоньку свое дѣло.

Какъ могла она, считавшая себя такой доброй и честной, равнодушно проходить мимо тѣхъ, кто бредетъ одиноко по жизненной дорогѣ, кому негдѣ пріютиться, кому нечего ѣсть, кто на порогѣ вѣчности, глядя въ ея таинственную, далекую мглу, знаетъ, что ему не на что оглянуться и нечего пожалѣть?

По щекамъ Наташи бѣжали крупныя слезы. Она нагнулась, закрыла мертвые глаза своей нѣжной рукой и поцѣловала влажный, холодный лобъ покойника.

На цыпочкахъ Наташа пошла къ двери, беззвучно взялась за ручку замка, какъ бы боясь нарушить непробудный сонъ смерти. На порогѣ она оглянулась, словно навѣки желая запечатлѣть въ памяти эту суровую, скорбную картину.

Она уходитъ отсюда обновленная, съ этой минуты для нея началась новая жизнь...

Мертвецъ лежалъ одинокій по прежнему. Закатъ угасъ. Сумерки задумчиво окутывали даль. Могильныя тѣни обступили постель и набросили синеву на застывшія черты...

А. Вербицкая.

ТАБОРИТЫ.

(По К. Каутскому).

Л. Давыдовой.

I.

Въ XIV столѣтіи ни одна страна, кромѣ Англіи, не была такъ развита въ экономическомъ отношеніи, какъ Богемія. Въ Англіи быстрый ростъ ея промышленнаго богатства находился въ зависимости отъ ея торговли шерстью и удачныхъ разбойничьихъ набѣговъ во Францію; въ Богеміи же онъ обусловливался открытіемъ серебряныхъ рудниковъ, среди которыхъ особенно славились Куттенбергскіе, бывшіе вплоть до XV вѣка самыми богатыми рудниками въ Европѣ.

Благодаря этимъ рудникамъ, въ Богеміи развилась промышленность и торговля, науки и искусства. Столица Богеміи Прага называлась тогда «золотой Прагой». Первый университетъ на германской территоріи былъ основанъ въ Прагѣ въ 1348 г. Церковь получала львиную долю изъ всего этого благосостоянія. Церкви и монастыри въ Богеміи обладали огромными богатствами, особенно во время царствованія императора Карла IV, извѣстнаго подъ именемъ «поповскаго императора». Эній Сильвій, впослѣдствіи папа Пій II, человѣкъ, хорошо освѣдомленный относительно церковныхъ имуществъ, писалъ въ своей «Исторіи Богеміи»: «Я думаю, что въ наше время ни въ одной странѣ не было такого обилія величественныхъ и богато украшенныхъ церквей, какъ въ Богеміи. Храмы высоко подымались къ небесамъ... Алтари гнулись подъ тяжестью золота и серебра, одѣянія священнослужителей были затканы жемчугомъ, церковная утварь отличалась необыкновенной роскошью. И такія церкви встрѣчались не только въ городахъ, но и въ деревняхъ».

Развитіе товарнаго производства и торговли должно было и въ Богеміи привести къ такимъ же результатамъ, какъ и вездѣ: на ряду съ антагонизмомъ между католической церковью и массою населенія, возникъ антагонимъ между торговцами и потребителями, между мастерами-хозяевами и подмастерьями, между капиталистами и ремесленниками. Антагонизмъ между землевладѣльцами и крестьянами имѣлъ особенно острый

характеръ. На рубежѣ XIV и XV столѣтій крѣпостное право въ Богеміи фактически уже не существовало, но многіе землевладѣльцы, тѣмъ не менѣе, дѣлали частныя попытки вернуть прежній порядокъ вещей и опять закабалить крестьянъ. Подобныя попытки были одной изъ главныхъ причинъ все растущаго народнаго недовольства.

Но особенно сильно было недовольство мелкихъ дворянъ, доходы которыхъ немногимъ превышали доходы богатыхъ крестьянъ, и которые не обладали властью крупныхъ бароновъ, дающей этимъ послѣднимъ возможность выжимать соки изъ крестьянъ; между тѣмъ, съ развитіемъ товарнаго производства эти мелкіе дворяне быстро сбросили съ себя свои прежнія скромныя деревенскія привычки и стали подражать образу жизни бароновъ и богатыхъ купцовъ. Къ концу XIV столѣтія большинство ихъ было уже разорено.

Кромѣ всѣхъ этихъ соціальныхъ антагонизмовъ въ Богеміи существовалъ еще крупный *національный* антагонизмъ, который, какъ и въ Англіи, сливался съ антагонизмомъ церковнымъ.

Въ XIII вѣкѣ Богемія бюла экономически очень отсталою страною. Ея западныя сосѣди—нѣмцы, далеко обогнали ее въ смыслѣ общественнаго развитія. Блестящій расцвѣтъ промышленности и торговли, наукъ и искусствъ, послѣдовавшій за открытіемъ Куттенбергскихъ рудниковъ, могъ осуществиться только благодаря тому, что Богемія привлекала къ себѣ выходцевъ изъ Германіи. Любимые короли богемскихъ патріотовъ—Оттокаръ II и Карлъ I болѣе всего сдѣлали въ этомъ отношеніи и всячески притягивали въ Богемію нѣмецкихъ крестьянъ, нѣмецкихъ ремесленниковъ и купцовъ, художниковъ и ученыхъ.

Куттенбергъ, подобно нѣкоторымъ другимъ горнымъ городамъ, напр., Иглау, былъ чисто-нѣмецкимъ городомъ. Во многихъ городахъ нѣмецкій элементъ былъ такъ силенъ, что городское управленіе всецѣло сосредоточивалось въ ихъ рукахъ. Они являлись тамъ представителями высшихъ сословій—купцовъ и богатыхъ ремесленниковъ. Низшіе ремесленники, поденщики и вообще такъ-называемое «простонародье» были чехами.

Пражскій университетъ также находился въ рукахъ нѣмцевъ. Построенный по парижскому образцу, пражскій университетъ распадался на четыре «націи». Университетъ представлялъ самоуправляющуюся общину, и каждая изъ націй имѣла по одному голосу въ управленіи. Но въ парижскомъ университетѣ французы фактически имѣли три голоса, потому что націи, входившія въ составъ его, были слѣдующія: французская, пикардійская, нормандская и англійская. Между тѣмъ въ пражскомъ университетѣ чехи имѣли только одинъ голосъ: университетъ состоялъ изъ чешской, баварской, саксонской и польской націй, причемъ въ составъ послѣдней тоже входило большинство нѣмцевъ изъ Силезіи и другихъ восточныхъ провинцій. Такимъ образомъ, нѣмцы въ пражскомъ университетѣ играли ту же роль, какъ французы

въ парижскомъ. А въ тѣ времена университеты были огромной политической и общественной силой. Въ Прагѣ, какъ и въ Парижѣ, университетскія зданія вмѣстѣ съ помѣщеніями для профессоровъ и студентовъ, занимали цѣлый особый кварталъ, и число учащихся еще въ началѣ XV столѣтія простиралось до многихъ тысячъ.

Эній Сильвій въ своей «Исторіи Богеміи» сообщаетъ, что въ 1408 г. въ пражскомъ университетѣ было 200 докторовъ и магистровъ, 500 бакалавровъ и 36.000 студентовъ.

Чешскіе ученые горько жаловались на то, что они принуждены довольствоваться скромными мѣстами сельскихъ учителей, между тѣмъ какъ ихъ нѣмецкіе коллеги забираютъ себѣ лучшія мѣста въ университетѣ. Когда возникали какіе-нибудь конфликты между чехами и нѣмцами, университетъ всегда становился на сторону послѣднихъ.

Церковь, также какъ и университетъ, находилась въ рукахъ нѣмцевъ. Невыгодныя мѣста сельскихъ священниковъ великодушно предоставлялись чешскому духовенству. Но богатые монастыри и высшія духовныя должности были заняты нѣмцами.

Такимъ образомъ, большинство народа—низшіе классы городовъ, низшее духовенство, все деревенское населеніе, включая сюда крестьянъ и крупныхъ землевладѣльцевъ — постоянно сталкивались съ нѣмцами, или какъ съ эксплуататорами, или какъ съ конкуррентами по эксплуатаціи. Борьба противъ эксплуатаціи церкви съ одной стороны, и борьба за церковныя имущества—съ другой, сливались воедино въ борьбѣ противъ нѣмцевъ и ихъ преобладанія въ странѣ.

Въ XIV столѣтіи въ Богеміи пробудилось сознаніе своей національности.

Въ каждой странѣ это сознаніе, при возникновеніи своемъ, проявляется различно, въ зависимости отъ причинъ, обусловливающихъ его. Въ Италіи и въ Германіи національное чувство возникло изъ стремленія къ государственному единству націи и выразилось въ Италіи въ культѣ папы, въ Германіи—въ мечтѣ о могущественной имперіи, во Франціи и въ Англіи національное чувство вначалѣ выражалось, главнымъ образомъ, въ ненависти къ враждебной націи; въ Богеміи же оно вылилось въ своеобразную форму *классовой борьбы.*

На этой почвѣ возникло въ Богеміи враждебное нѣмцамъ и католичеству движеніе, извѣстное въ исторіи подъ именемъ гуситства.

II.

При возникновеніи гуситское ученіе заимствовало главныя положенія свои у Виклефа. Когда ученіе англійскаго реформатора проникло въ Богемію, оно тотчасъ же было тамъ подхвачено и получило широкое распространеніе. Но нельзя все-таки утверждать, что ученіе Виклефа породило гуситское движеніе. Оно только снабдило это ученіе

важнѣйшими аргументами и повліяло на формулировку требованій, выставляемыхъ гуситами, но причины, сила и цѣли этого движенія коренились въ соціальныхъ условіяхъ тогдашней Богеміи.

Король Карлъ IV, Венцель (1378 — 1419), по мѣрѣ силъ старался примирить различные враждующіе элементы своей страны. Онъ покровительствовалъ чехамъ, но въ тоже время не могъ не признавать того факта, что въ рукахъ нѣмцевъ находилась главная экономическая сила Богеміи и что его собственная власть въ значительной степени опирается на нихъ. Покровительствуя чехамъ, онъ не хотѣлъ также и затрогивать нѣмцевъ и не допускалъ, чтобы ихъ интересы страдали. Этимъ объясняются постоянныя колебанія, характеризовавшія его царствованіе: такъ, напр., въ университетскомъ вопросѣ онъ то становился на сторону чеховъ, то измѣнялъ имъ и отдавалъ преимущество нѣмцамъ.

Во всякомъ случаѣ, его примирительная политика сдерживала обѣ партіи, и дѣло дошло до взрыва только тогда, когда въ судьбы Богеміи вмѣшались внѣшнія силы.

Самый выдающійся представитель анти-католической и анти-нѣмецкой партіи, Іоаннъ Гусъ, одинъ изъ профессоровъ пражскаго университета, пользовался благосклонностью короля и былъ даже духовникомъ жены его, королевы Софіи. Университетъ, находившійся въ рукахъ нѣмцевъ, первый возсталъ противъ Гуса, проповѣдывавшаго съ каѳедры ученіе Виклефа. Ученіе это было объявлено еретическимъ. Вначалѣ споръ между Гусомъ и остальными представителями университета носилъ отвлеченный, академическій характеръ, но мало-по-малу онъ перешелъ на національную почву. Чехи были на сторонѣ Гуса и требовали церковныхъ реформъ. Наконецъ, въ дѣло вмѣшался король и предоставилъ чехамъ три голоса въ университетскомъ совѣтѣ, а остальнымъ націямъ вмѣстѣ взятымъ—только одинъ. Тогда большинство нѣмецкихъ профессоровъ и студентовъ покинули Прагу, и перебрались въ Лейпцигъ, гдѣ основали новый университетъ. Такимъ образомъ, побѣда осталась за Гусомъ, который былъ избранъ ректоромъ пражскаго университета.

Но теперь ему пришлось имѣть дѣло съ пражскимъ архіепископомъ и даже съ самимъ папою. Какъ извѣстно, одно изъ основныхъ положеній ученія Виклефа заключалась въ протестѣ противъ той роскоши, которою окружали себя папа и католическое духовенство. Виклефъ доказывалъ, что служителя церкви должны подражать Христу и жить въ бѣдности, раздавъ свои имѣнія и богатства неимущимъ. Понятно, что такое ученіе не могло нравиться духовенству: борьба между Гусомъ и церковью все болѣе и болѣе разгоралась. Особенно обострилась она въ 1411 году, когда папа Іоаннъ XXIII, нуждаясь въ деньгахъ, устроилъ торгъ индуальгенціями. Торгъ этотъ совершался и въ Прагѣ. Гусъ горячо возсталъ противъ этого и съ пламеннымъ краснорѣчіемъ громилъ папу,

рѣшившагося, изъ корыстолюбивыхъ видовъ, на такое униженіе религіи. Началась энергичная борьба между чехами — послѣдователями Гуса, — сжигавшими папскія буллы, и правовѣрными католиками-нѣмцами.

Можно было думать, что дѣло уже дойдетъ до открытаго столкновенія. Но вмѣшательство короля опять возстановило миръ. Онъ выслалъ Гуса изъ Праги, но вскорѣ вслѣдъ затѣмъ подвергъ той же участи четырехъ правовѣрныхъ католическихъ теологовъ. Временно все успокоилось.

Въ 1414 году въ Констанцѣ собрался вселенскій соборъ, на которомъ, между прочимъ, обсуждалась и «гуситская ересь». Гусъ предсталъ передъ соборомъ, вполнѣ увѣренный въ побѣдѣ. Какъ многіе идеологи до него и послѣ него, онъ видѣлъ только недоразумѣнія и разногласія въ мнѣніяхъ тамъ, гдѣ въ дѣйствительности скрывался глубокій, непреоборимый антагонизмъ. Стоитъ только устранить недоразумѣнія, выяснить ошибочность господствующихъ взглядовъ, и свѣтозарная истина, скрытая въ его рѣчахъ, станетъ для всѣхъ очевидной. Но Гусу не удалось убѣдить благочестивыхъ отцовъ церкви ни въ необходимости апостольской бѣдности для служителей Христа, ни въ томъ, что всякій представитель власти, духовной или свѣтской, король или папа долженъ быть лишенъ этой власти, разъ онъ повиненъ въ какомъ-нибудь смертномъ грѣхѣ.

Эти демократическія теоріи вызвали сильную оппозицію среди членовъ собора.

Тотъ фактъ, что чехи, между прочимъ и чешское дворянство, такъ рѣшительно высказывали свое сочувствіе Гусу, дѣлало его крайне опаснымъ члевѣкомъ, съ которымъ нужно было поступить по всей строгости. Долгимъ заточеніемъ и всяческими угрозами старались заставить Гуса отречься отъ своихъ заблужденій. Когда-же все это не помогло,— соборъ, осудивъ его и его ученіе, передалъ его въ руки свѣтскаго судьи. Расположенный къ Гусу, король Венцель уже не былъ больше королемъ Богеміи: онъ ранѣе еще былъ лишенъ престола нѣмецкими курфюрстами и мѣсто его занялъ его братъ Сигизмундъ, который былъ очень заинтересованъ въ подавленіи гуситской ереси, такъ какъ, въ случаѣ распространенія ея, Богеміи грозило не только отлученіе отъ церкви, но и отдѣленіе отъ имперіи. Поэтому Сигизмундъ, вопреки данному ранѣе слову, не вступился за Гуса, и Гусъ былъ приговоренъ къ сожженію на кострѣ.

Теперь Богеміи предстояло только два выхода: или возстаніе, или полное подчиненіе. Она избрала первое.

Уже во время процесса противъ Гуса наиболѣе рѣшительные изъ его сторонниковъ открыто отдѣлились отъ церкви. Поводомъ къ отдѣленію послужило слѣдующее: въ католической церкви вошло въ обыкновеніе при причастіи, вмѣсто хлѣба и вина, давать только одинъ хлѣбъ;

чаша съ виномъ употреблялась только при причащеніи духовныхъ лицъ. Гуситы, возстававшіе противъ привилегій духовенства вообще, должны были возстать и противъ этого внѣшняго знака отличія. Чаша сдѣлалась символомъ гуситовъ. Въ общераспространенныхъ учебникахъ исторіи Гуситскія войны обыкновенно объясняются этой борьбой изъ-за «причастія подъ двумя видами». Въ дѣйствительности же «чаша» играла для гуситовъ такую же роль, какъ разные флаги и цвѣта играютъ въ настоящее время для націй и политическихъ партій: она была знаменемъ, вокругъ котораго они объединялись, но никакъ не объектомъ, не цѣлью ихъ борьбы.

Казнь Гуса вызвала сильное волненіе въ народѣ. Въ Прагѣ началось возстаніе среди низшихъ классовъ населенія, не ограничившихся уличными манифестаціями, и приступившихъ прямо къ изгнанію священниковъ и монаховъ, къ разоренію церквей. Это движеніе было очень на руку чешскому дворянству. Не даромъ оно было самымъ пламеннымъ сторонникомъ ученія Гуса. Чтобы отомстить за смерть Гуса, они объявили войну церкви, и начали грабить монастырскія и церковныя имущества.

III.

До тѣхъ поръ, пока гуситская ересь считалась въ Богеміи запрещеннымъ ученіемъ, всѣ классы населенія были объединены противъ общаго врага—католической церкви и поддерживавшихъ ее чужестранцевъ-нѣмцевъ. Когда же послѣ смерти Гуса общій врагъ былъ побѣжденъ и восторжествовало «чистое слово Божіе», то очень скоро оказалось, что различные классы населенія съ ихъ различными интересами различнымъ образомъ толкуютъ это «слово Божіе».

Въ самомъ гуситствѣ скоро обозначилось два главныхъ теченія, и каждое изъ нихъ, также какъ и старокатолическое теченіе, сосредоточивалось въ извѣстномъ городѣ. Центрами религіознаго движенія въ Богеміи были въ то время три города: Прага, Таборъ и Куттенбергъ.

Нѣмецкіе горнопромышленники Куттенберга, естественно, должны были остаться на сторонѣ католицизма. Никто больше ихъ не могъ бы пострадать отъ побѣды гуситовъ. Поэтому они были фанатическими врагами новаго ученія. Кромѣ Куттенберга, было еще нѣсколько городовъ съ преобладающимъ нѣмецкимъ населеніемъ, которые остались вѣрны католичеству. Во время гуситскихъ войнъ эти города, такъ же какъ и самъ Куттенбергъ, попали въ руки чеховъ, и католическая партія, изгнанная изъ своей прежней твердыни, перенесла свои дѣйствія въ нѣмецкій городокъ Пильзенъ.

Кромѣ этихъ городовъ, вѣрной католичеству оставалась еще небольшая часть дворянства, отчасти изъ страха передъ демократической окраской гуситства. Но большинство дворянства твердо держалось ученія Гуса. Ихъ идеаломъ была аристократическая республика. Въ центрѣ этого

аристократическаго движенія стояла Прага. Но, кромѣ аристократіи, въ Прагѣ группировалась и высшая буржуазія, которая, такъ же какъ и дворянство, получила большую выгоду при расхищеніи церковныхъ имуществъ. Вся эта буржуазія, такъ же какъ и низшіе классы населенія Праги, симпатизировала аристократіи, потому что Прага была по преимуществу городомъ роскоши. Ея промышленность и торговля процвѣтали, благодаря расточительности придворныхъ круговъ. Гуситское дворянство, сосредоточившееся въ Прагѣ, образовало «умѣренную партію» въ средѣ гуситовъ. На ряду съ умѣренной партіей выдѣлялась такъ называемая демократическая партія, сторонниками которой являлись, главнымъ образомъ, крестьяне. Крестьяне составляли самый многочисленный классъ населенія Богеміи. Гуситское движеніе особенно рѣзко обнаружило антагонизмъ, существующій между ними и землевладѣльцами. Для дворянъ конфискованныя церковныя земли не имѣли никакого значенія безъ крестьянъ, которые были прикрѣплены къ этой землѣ. Но крестьяне не для того возстали противъ церкви, чтобы промѣнять одного господина на другого, еще болѣе строгаго. Они хотѣли быть свободными крестьянами, свободными землевладѣльцами. Революція сверху неминуемо должна была вызвать и революцію снизу. Сразу рухнули всѣ преграды, которыя до сихъ поръ отдѣляли враждующіе классы другъ отъ друга. Крестьяне чувствовали, что теперь насталъ моментъ сломить владычество дворянства. Къ крестьянамъ примкнули ремесленники и городской пролетаріатъ. Демократическая партія, составленная изъ всѣхъ этихъ разнообразныхъ элементовъ, называлась партіей таборитовъ, въ честь основаннаго ею коммунистическаго города Табора. Вообще, эта демократическая партія имѣла сильную коммунистическую окраску.

IV.

Въ Богеміи, такъ же какъ и во всѣхъ другихъ странахъ, развитіе товарнаго производства и торговли вызвало появленіе коммунистическихъ идей. Распространеніе шерстяного ткачества въ XIV столѣтіи особенно содѣйствовало укрѣпленію и росту этихъ идей.

Когда въ Богеміи восторжествовали идеи Гуса и произошелъ открытый разрывъ съ папскою церковью, — туда отовсюду стали стекаться послѣдователи преслѣдуемыхъ коммунистическихъ сектъ—вальденцы, пикарды, и др. Въ основныхъ своихъ требованіяхъ эти коммунистическія секты сходились со всѣми остальными ересями: всѣ онѣ проповѣдывали возвращеніе къ первобытному христіанству, возстановленіе ученія Христа въ его первоначальной чистотѣ.

Казнь Гуса и послѣдовавшія за нею народныя волненія привели къ полному перевороту въ общественныхъ и имущественныхъ отношеніяхъ Богеміи, благодаря конфискаціи церковныхъ имуществъ, перешедшихъ въ новыя руки. Это было самое подходящее время для раз-

витія коммунистическихъ сектъ. До сихъ поръ онѣ скрывались отъ преслѣдованій, и въ неизвѣстности влачили свое существованіе. Теперь же онѣ подняли голову, и тутъ только современники могли убѣдиться, какое широкое распространеніе имѣли эти коммунистическія ереси.

Въ Прагѣ коммунисты были слабы, или, вѣрнѣе, противники ихъ были слишкомъ сильны. Но иначе обстояло дѣло въ маленькихъ городахъ.

Наступило царство Христа — провозглашали коммунистическіе проповѣдники. Прага, подобно Содому, будетъ уничтожена небеснымъ пламенемъ, но истинные христіане найдутъ себѣ прибѣжище въ другихъ городахъ. Туда снизойдетъ Христосъ и оснуетъ новое царство, гдѣ не будетъ ни господъ, ни слугъ, ни нужды, ни грѣха, гдѣ не будетъ никакихъ законовъ, кромѣ законовъ свободнаго духа.

Въ нѣкоторыхъ городахъ дѣло дошло до организаціи коммунистическихъ общинъ. О коммунистическихъ организаціяхъ въ деревняхъ нѣтъ никакихъ указаній. Повидимому, попытки проведенія въ жизнь коммунистическихъ идей происходили только въ городахъ. Среди этихъ городовъ особенно замѣчательны Пизекъ, Воднянъ и Таборъ. Въ Таборѣ коммунисты достигли полнаго господства.

Городъ Таборъ былъ основанъ невдалекѣ отъ городка Аусти, на Лужнѣ, извѣстной своими золотоносными жилами. Золотой промыселъ обусловливалъ развитіе промышленности и торговли въ Аусти, и связаннаго съ ними соціальнаго антагонизма. Въ началѣ XV в. тамъ постоянно находили себѣ прибѣжище всевозможные коммунистическіе агитаторы. Но въ Аусти была и сильная католическая партія, и въ 1419 г., въ періодъ временнаго торжества реакціи коммунисты были изгнаны изъ города. Тогда они всѣ избрали себѣ мѣстожительствомъ одинъ изъ холмовъ на берегу Лужны, выступающій впередъ въ видѣ полуострова съ крутыми, отвѣсными берегами, и построили тамъ свою крѣпость, названную ими Таборомъ. Таборъ сдѣлался теперь центромъ, куда со всѣхъ сторонъ стекались коммунисты.

Историкъ гуситскихъ войнъ, Палацкій, слѣдующимъ образомъ описываетъ одно изъ собраній коммунистовъ въ Таборѣ, на которое собралось 42.000 человѣкъ изъ разныхъ концовъ Богеміи и Моравіи:

«Собраніе это, происходившее 22 іюля 1419 г., даже врагами таборитовъ изображается какъ трогательный, возвышающій душу и сердце, идиллически-религіозный народный праздникъ. Все прошло въ полномъ порядкѣ и спокойствіи. Со всѣхъ сторонъ двигались стройныя процессіи пилигримовъ, несущихъ знамена; на горѣ ихъ радостно привѣтствовали устроители праздника и указывали имъ ихъ мѣста. Каждый приходящій былъ «братомъ» и «сестрой». Различія сословій не существовали. Духовныя лица подѣлили между собою работу: одни проповѣдывали въ различныхъ мѣстахъ, отдѣльно мужчинамъ и женщинамъ; другіе исповѣдывали, третьи причащали подъ двумя видами. Такъ шло время до обѣда. Затѣмъ приступили къ общей трапезѣ: подѣлили всѣ припасы,

принесенные съ собою гостями, и сообща съѣли; недостатокъ у однихъ восполнялся избыткомъ другихъ; братья и сестры съ горы Таборъ не знали разницы между *моимъ* и *твоимъ*. Такъ какъ все собраніе было охвачено глубоко-религіознымъ настроеніемъ, то вездѣ царила тишина; о музыкѣ, танцахъ и играхъ никто и не помышлялъ. Остатокъ дня прошелъ въ бесѣдахъ; строились всевозможные планы относительно того, какъ обезпечить свободу «слову Божьему». Къ вечеру собраніе мирно разошлось».

Черезъ 8 дней послѣ этого собранія, въ Прагѣ произошло возстаніе: низшіе классы народа, предводительствуемые Яномъ Жижкой, завоевали городъ, а король былъ такъ потрясенъ этимъ событіемъ, что умеръ отъ удара. Пражское возстаніе послужило сигналомъ для гуситскихъ войнъ. Теперь коммунистамъ уже нельзя было ограничиваться простыми демонстраціями и коммунистическими пикниками. Они принялись за дѣло и стали организовывать коммунистическія общины.

Ученіе таборитовъ заключало въ себѣ 76 пунктовъ, большинство которыхъ, согласно духу времени, носило чисто богословскій характеръ. Но среди нихъ есть два пункта, въ которыхъ ясно обнаруживается коммунистическій характеръ этой ереси. Пункты эти гласятъ:

«На землѣ не будетъ больше ни короля, ни властителя, всѣ подати будутъ уничтожены, никто не будетъ насиловать другого, всѣ будутъ равными, братьями и сестрами.

«Въ городѣ Таборъ нѣтъ ни «моего», ни «твоего», а все общее; всякій, кто хранитъ частную собственность, совершаетъ смертный грѣхъ».

Коммунизмъ таборитовъ воплощался въ слѣдующей организаціи.

Каждая община имѣла общую кассу, куда каждый вносилъ все, что имѣлъ. Такія кассы существовали въ трехъ городахъ—въ Таборѣ, Пизекѣ и Роднянѣ. Братья и сестры распродали все свое имущество и отдали деньги въ распоряженіе завѣдующихъ кассою. Но, хотя въ завѣдующіе кассою выбирались самые почтенные и извѣстные своей честностью люди, все-таки такого рода коммунизмъ не могъ долго просуществовать. У таборитовъ онъ еще менѣе былъ осуществимъ, чѣмъ у первыхъ христіанъ, такъ какъ они не были нищими, какъ первые члены христіанской общины, а рабочими, живущими трудами рукъ своихъ. Трудъ тогда находился въ стадіи ремесла и мелкаго крестьянскаго хозяйства, что совершенно исключаетъ всякій коммунизмъ. Всякій работалъ отдѣльно, продавалъ продукты своего труда и отдавалъ деньги въ общую кассу, откуда уже покупались предметы потребленія для всѣхъ. Такимъ образомъ, производство было основано на чисто индивидуалистическихъ началахъ, и коммунизмъ касался только потребленія. На практикѣ скоро убѣдились въ неудобствѣ такого порядка и дѣло свелось къ тому, что каждая семья работала на себя и только излишки отдавала въ общую кассу.

Это, конечно, вызвало протестъ со стороны наиболѣе крайнихъ и послѣдовательныхъ коммунистовъ. Но при тогдашнихъ условіяхъ производства общность имуществъ не могла быть иначе осуществлена. Крайніе коммунисты видѣли главное препятствіе торжеству своихъ идей въ семейномъ строѣ и поэтому требовали уничтоженія семьи. Уничтожить семью можно двояко: или установивъ безбрачіе, или же допустивъ такъ называемую «общность женъ». Строгіе коммунисты среди таборитовъ избрали послѣдній выходъ: у нихъ образовалась секта такъ называемыхъ адамитовъ, которые проповѣдывали возвращеніе къ первобытнымъ нравамъ нашихъ прародителей въ раю. Разсказывали, что на ихъ собраніяхъ, происходившихъ въ особомъ помѣщеніи, называемомъ «раемъ», всѣ являлись въ обнаженномъ видѣ.

Адамиты возбуждали противъ себя страшное негодованіе остального населенія. Единобрачіе слишкомъ глубоко вкоренилось въ міросозерцаніи народа и слишкомъ соотвѣтствовало его потребностямъ, чтобы можно было разсчитывать на успѣшную борьбу съ нимъ. Уже одно это обстоятельство осуждало коммунизмъ на неминуемую гибель. Огромная масса таборитовъ рѣшительно возстала противъ новой секты. Дѣло вскорѣ дошло до открытаго столкновенія и адамиты были изгнаны изъ Табора. Триста человѣкъ ихъ удалились въ лѣса на берегу Лужны. Тамъ на нихъ напалъ Жижка со своимъ войскомъ и забралъ большую часть ихъ въ плѣнъ. Онъ пробовалъ заставить ихъ отречься отъ своихъ заблужденій, но они упорствовали. Тогда Жижка приговорилъ 50 человѣкъ къ сожженію. Разсказываютъ, что они со смѣхомъ шли на смерть. Нѣкоторымъ адамитамъ удалось скрыться на одномъ изъ острововъ на Лужнѣ, но Жижка и тамъ розыскалъ ихъ и безъ всякой жалости истребилъ всѣхъ безъ остатка: часть была убита въ сраженіи, остальные сожжены.

Такимъ образомъ, адамиты были побѣждены, и эта попытка строгаго осуществленія коммунистическихъ началъ кончилась ничѣмъ. Болѣе умѣренная форма коммунизма еще довольно долгое время господствовала въ Таборѣ.

Куда же тратились поступленія въ общественную кассу, или, вѣрнѣе, въ общественную кладовую таборитовъ, такъ какъ платили большею частью натурою?

Въ первыхъ христіанскихъ общинахъ, служившихъ образцомъ для таборитовъ, избытки однихъ шли на помощь нищетѣ другихъ членовъ. Въ Таборѣ для этого не было никакой надобности. Тамъ господствовало приблизительное равенство въ средствахъ существованія между всѣми членами общины. Равенство это было тѣмъ легче установить, что награбленныя церковныя имущества помогли всѣмъ таборитамъ обзавестись довольно зажиточнымъ хозяйствомъ. На бѣдныхъ таборитамъ нечего было тратить, но они должны были заботиться о своихъ священникахъ. У нихъ не было особаго священническаго сословія.

Каждый могъ сдѣлаться священникомъ: они избирались общиной, и въ свою очередь, избирали изъ своей среды епископовъ. Ихъ обязанности, какъ и всего средневѣкового духовенства, соотвѣтствовали обязанностямъ нашихъ судей, чиновниковъ и учителей: они судили, завѣдывали дѣлами общины, вели сношенія съ другими общинами и занимались обученіемъ дѣтей. Табориты придавали большое значеніе хорошей постановкѣ народнаго образованія. Эній Сильвій замѣчаетъ по этому поводу: «Итальянскіе священники должны бы стыдиться: ни одинъ изъ нихъ навѣрное даже не прочелъ цѣликомъ Новаго Завѣта. Между тѣмъ среди таборитовъ не найдешь даже женщины, которая не изучила бы основательно Ветхій и Новый Завѣтъ. Эта вредная порода людей имѣетъ только одно достоинство: они любятъ просвѣщеніе (literas)».

Заботы таборитовъ о народномъ образованіи какъ будто противорѣчатъ ихъ отрицательному отношенію къ «учености», которое выразилось, между прочимъ, въ томъ, что они заставляли ученыхъ людей, присоединявшихся къ нимъ, избрать себѣ какое-нибудь ремесло. Но это противорѣчіе только кажущееся. Табориты не любили ученыхъ, отдалившихся отъ народа и враждебныхъ къ нему, въ чьихъ рукахъ знаніе являлось орудіемъ для эксплуатаціи низшихъ классовъ. Мелкая промышленность слишкомъ исключительно поглощаетъ всѣ силы рабочаго; поэтому онъ не можетъ пріобрѣсти образованіе безъ того, чтобы не выйти изъ своего класса. Ученые являлись какъ бы нарушителями того равенства, которое предписывалось ученіемъ таборитовъ, между тѣмъ какъ извѣстный минимумъ образованія признавался ими очень желательнымъ.

Но главная забота таборитовъ заключалась въ ихъ военной организаціи. Эта маленькая община, такъ смѣло выступившая противъ церкви и государства, могла отстаивать свое существованіе только удачными военными дѣйствіями. Имъ приходилось вести вѣчную войну съ врагами, которыхъ они могли разбить, но никогда не могли осилить. Въ концѣ концовъ они все-таки должны были погибнуть, несмотря на всѣ свои побѣды, потому что ихъ коммунизмъ не соотвѣтствовалъ тогдашнимъ условіямъ производства.

Но ихъ военная сила все-таки дала имъ возможность продержаться нѣкоторое время. Вся организація ихъ была приноровлена къ войнѣ. Они распадались на двоякаго рода общины: военныя и домашнія. Домашнія общины жили на мѣстѣ и работали на себя и на военныя общины. Послѣднія занимались исключительно войной и всегда были вооружены. Общины постоянно мѣнялись ролями: возвращавшіяся съ поля битвы принимались за хозяйство, а остававшіяся дома шли на войну, вмѣстѣ съ женами и дѣтьми.

Военная организація таборитовъ была превосходна, и, воодушевленные религіознымъ энтузіазмомъ, они одерживали неслыханныя побѣды

надъ своими врагами и заставляли трепетать передъ собою всю страну. Ихъ вождь Жижка былъ, конечно, однимъ изъ величайшихъ военныхъ геніевъ міра, котораго можно поставить наравнѣ съ Кромвелемъ и Наполеономъ.

V.

Послѣ пражскаго возстанія, бывшаго отвѣтомъ народа на казнь Гуса, гуситское дворянство вступило въ переговоры съ преемникомъ короля Венцеля—Сигизмундомъ. Они склонялись теперь къ компромиссу, потому что ихъ смущала растущая сила таборитовъ. Если бы дѣло шло, только о причастіи подъ двумя видами, то компромиссъ, вѣроятно, и состоялся бы. Но здѣсь былъ замѣшанъ вопросъ о церковныхъ имуществахъ, и на этомъ пунктѣ гуситы никакъ не могли сговориться съ представителями церкви. Церковь и слуга ея Сигизмундъ оказывались такими-же непримиримыми, какъ и табориты. Каликстинцы — такъ называло себя гуситское дворянство — принуждены было отказаться отъ мысли о примиреніи, и, скрѣпя сердце, продолжали свой союзъ съ таборитами.

Здѣсь не мѣсто давать исторію гуситскихъ войнъ. Напомнимъ только, что 1-го марта 1420 г. папа Мартинъ V издалъ буллу, въ которой призывалъ всѣхъ христіанъ къ крестовому походу противъ гуситовъ, и что съ 1420 до 1431 г. было пять крестовыхъ походовъ, кончавшихся полнымъ пораженіемъ крестоносцевъ и торжествомъ гуситовъ. Случалось, что при одномъ извѣстіи о приближеніи гуситовъ, паническій ужасъ охватывалъ арміи крестоносцевъ, и они бросались въ бѣгство, даже и не видѣвши врага. Военная слава таборитовъ росла и внутри государства ихъ противники—дворяне постепенно утрачивали свою прежнюю позицію. Табориты одерживали побѣды и надъ внѣшними, и надъ внутренними врагами.

Но тутъ-то и обнаружилось, какъ мало значенія имѣютъ военныя побѣды, если побѣдители ставятъ себѣ задачи, находящіяся въ противорѣчіи съ экономическимъ развитіемъ. За величайшимъ тріумфомъ таборитовъ немедленно послѣдовало ихъ паденіе.

Побѣды таборитовъ, конечно, ставили въ очень трудное положеніе ихъ противниковъ—каликстинцевъ, не говоря уже о католикахъ. Папа и король также были ими очень озабочены. Переговоры между ними не прекращались съ самого начала гуситскихъ войнъ, но послѣ послѣдней рѣшительной побѣды таборитовъ при Таусѣ эти переговоры, наконецъ, увѣнчались успѣхомъ. Папа созвалъ въ Базелѣ соборъ (1433 г.), на которомъ было постановлено признать законность конфискаціи церковныхъ имуществъ. Такимъ образомъ, миръ между церковью и каликстинцами былъ заключенъ. Церковь даже послала своимъ новымъ союзникамъ значительную сумму денегъ, чтобы поддержать ихъ въ борьбѣ съ таборитами.

Въ то время, какъ внѣшніе враги таборитовъ собирались съ силами для борьбы съ ними, въ ихъ средѣ происходили также внутренніе раздоры, которые были для нихъ несравненно опаснѣе.

Коммунисты изъ Табора всегда составляли лишь незначительную часть демократической партіи, которую называли таборитскою. Правда, она была самой энергичной, неустрашимой и во всѣхъ отношеніяхъ передовой частью ея. Но большинство партіи составляла мелкая городская буржуазія и крестьяне, которые довольно равнодушно относились къ коммунистической программѣ. Долгая война была для нихъ крайне невыгодна. Отъ нея страдала не только торговля, но и ремесло, и земледѣліе. Разорялись не только дворяне и богатые граждане Праги, но и крестьяне, и мелкая буржуазія. Во всей Богеміи чувствовалось глубокое утомленіе войною; такъ какъ непримиримые табориты представлялись единственнымъ препятствіемъ къ заключенію мира, то естественно, что во всѣхъ классахъ населенія росло озлобленіе противъ нихъ. Маленькой горсточкѣ таборитовъ было очень трудно удерживать за собою первенствующее значеніе въ странѣ. Тамъ, гдѣ дворянство возставало противъ таборитовъ, оно въ большинствѣ случаевъ встрѣчало поддержку въ народѣ.

Судьба Табора представляетъ для насъ величайшій интересъ. Она показываетъ намъ, какая участь постигла бы послѣдователей Θомы Мюнцера и анабаптистовъ, если бы они держали военную побѣду надъ своими врагами.

Причина неудачъ коммунистовъ XV вѣка заключалась въ томъ, что ихъ коммунизмъ основывался на потребностяхъ бѣдняковъ, но не соотвѣтствовалъ тогдашнимъ условіямъ производства. Среди бѣдняковъ развивалось стремленіе къ коммунизму, а условія производства требовали частной собственности. Поэтому коммунизмъ не могъ сдѣлаться господствующимъ въ обществѣ, и среди бѣдняковъ потребность въ коммунизмѣ должна была исчезнуть, какъ только они перестали быть бѣдняками. Такъ и случилось съ таборитами. Какъ только у нихъ появилось извѣстное благосостояніе, — ихъ коммунизмъ дѣлался все слабѣе и слабѣе. Прежнее равенство исчезло, въ Таборѣ появились бѣдные и богатые и послѣдніе были все менѣе склонны дѣлиться своими избытками.

Этому въ значительной степени содѣйствовалъ наплывъ въ Таборъ новыхъ элементовъ. Война, главной своей тяжестью ложившаяся на таборитовъ, сильно ослабила ихъ численность. Но выбывавшіе изъ строя тотчасъ же замѣнялись новыми пришлецами. Въ Таборъ со всѣхъ сторонъ стекались коммунисты всевозможныхъ оттѣнковъ и легко находили себѣ доступъ въ общину. Кромѣ того, военная слава Табора привлекала къ нему множество искателей приключеній, которые съ полнымъ равнодушіемъ относились къ его коммунистическимъ идеаламъ и искали только возможности поживиться. Военная сила таборитской арміи не

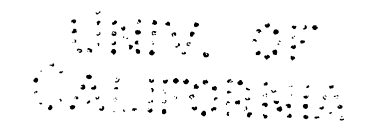
особенно страдала отъ наплыва этихъ новыхъ элементовъ, но характеръ ея совершенно измѣнился. Не стало прежняго воодушевленія, прежней неподкупности. Какъ только дворяне поднялись противъ таборитовъ и стали собирать наемное войско для борьбы съ ними, такъ въ рядахъ таборитовъ начались измѣны и предательство.

30-го мая 1434 г. около деревни Липанъ произошло рѣшительное сраженіе между таборитами и каликстинцами. Численный перевѣсъ былъ на сторонѣ дворянской партіи: она выставила 25.000 вооруженныхъ людей противъ 18-тысячной арміи таборитовъ. Долгое время побѣда склонялась то на одну, то на другую сторону; наконецъ, побѣдили каликстинцы, не столько благодаря своей храбрости и военному искусству, сколько благодаря измѣнѣ одного изъ военачальниковъ таборитовъ, который предалъ ихъ въ руки враговъ. Началась ужаснѣйшая рѣзня: 13.000 таборитскихъ солдатъ (изъ 18.000!) были убиты. Это страшное пораженіе совершенно подломило силу таборитовъ.

Владычество Табора надъ Богеміей прекратилось. Дворянство, въ союзѣ съ пражскою буржуазіей, снова взяло власть въ свои руки. Сигизмундъ былъ признанъ королемъ, а табориты были довольны и тѣмъ, что онъ не тронулъ самостоятельности ихъ города.

Эній Сильвій, посѣтившій Таборъ въ началѣ 50-хъ годовъ, даетъ слѣдующую картину этого города: «Дома въ Таборѣ,—говоритъ онъ,— построены изъ дерева и глины и разбросаны кругомъ безъ всякаго плана. Нѣкоторые жители обладаютъ огромными богатствами, красивыми домами и роскошною утварью. Здѣсь скопилась военная добыча, захваченная во многихъ странахъ. Сначала они хотѣли жить по евангельскому образцу и у нихъ все было общее; они называли другъ друга братьями, и чего не хватало у одного, то доставлялось другимъ. Теперь же всякій живетъ для себя, и одни голодаютъ въ то время, какъ другіе утопаютъ въ роскоши. Любовь къ ближнему, подражаніе жизни апостоловъ длились не долго. Табориты награбили чужого имущества, и то, что каждый захватилъ силою, онъ уже не хотѣлъ дѣлить съ другими. А такъ какъ теперь они уже не могутъ больше грабить, то они опустились и ослабѣли, боятся своихъ сосѣдей и занимаются разными темными дѣлишками. Въ городѣ живутъ 4.000 мужчинъ, которые могли бы быть воинами, но они сдѣлались ремесленниками и въ большинствѣ случаевъ занимаются шерстянымъ ткачествомъ».

Посѣщеніе Энія Сильвія относится къ 1451 г. Какъ видитъ читатель, къ этому времени въ Таборѣ уже не осталось и слѣда прежняго коммунизма и воинской доблести. Вскорѣ затѣмъ въ Таборъ явился Георгъ Подибрадъ и именемъ короля потребовалъ выдачи таборитскихъ священниковъ въ видахъ окончательнаго пресѣченія таборитской ереси. Таборъ подчинился, и этимъ былъ положенъ конецъ независимому существованію республики таборитовъ.

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

А. Осиповичъ (А. О. Новодворскій), «Собраніе сочиненій».—Общее впечатлѣніе.—«Эпизодъ изъ жизни ни павы, ни вороны» и «Карьера».—Типъ лишняго человѣка переходной эпохи.—Художественный талантъ Осиповича въ его лучшихъ разсказахъ: «Тетушка», «Исторія», «Наканунѣ ликвидиціи».—Судъ надъ Пушкинымъ и мрачная философія «оправданія добра» г. Влад. Солевьева.—Какъ параллель ему—г. Розановъ.—«Натанъ Мудрый» Лессинга (по поводу новаго изданія).

Едва ли многимъ изъ современныхъ читателей знакомо имя писателя, поставленное въ заголовкѣ. И въ свое время оно не пользовалось особой извѣстностью, промелькнувъ метеоромъ на страницахъ «Отечественныхъ Записокъ» и не оставивъ замѣтнаго слѣда въ душѣ читателя. Отчасти причиной была кратковременность писательской дѣятельности Осиповича, умершаго три года спустя послѣ появленія его перваго очерка «Эпизодъ изъ жизни ни павы, ни вороны». Очеркъ былъ напечатанъ въ 1880-мъ году, а въ 1882-мъ Осиповича уже не стало. Главная, однако, причина заключается въ неясности содержанія этого писателя, произведенія котораго похожи на стонъ, вырвавшійся изъ измученной груди. Но что исторгло этотъ стонъ, что мучило человѣка, кто такой самъ человѣкъ,—осталось невыясненнымъ и недоговореннымъ. Жизнь быстро стерла это впечатлѣніе, и только теперь небольшой томикъ очерковъ и разсказовъ, собранныхъ, повидимому, заботливой рукой друга, даетъ возможность ближе познакомиться съ авторомъ, вникнуть въ его литературную физіономію и опредѣлить ему мѣсто въ ряду общественныхъ явленій своего времени.

Невелико наслѣдство послѣ Осиповича,—всего восемь небольшихъ разсказовъ, и изъ нихъ два чисто автобіографическаго характера, именно «Эпизодъ изъ жизни ни павы, ни вороны» и «Карьера». Они-то и даютъ больше всего матеріала для выясненія Осиповича, какъ общественнаго типа. Но и въ остальныхъ—герой, въ сущности, все онъ же. Проникающая ихъ субъективная нотка, постоянная жалоба на безвременное и ноющее сознаніе своего безсилія, составляетъ характернѣйшую черту этихъ разсказовъ. Читая ихъ въ настоящее время, когда исчезло уже настроеніе, вызвавшее ихъ къ жизни, испытываешь щемящее чувство безпросвѣтной тоски и леденящей безнадежности. Предъ нами словно живой человѣкъ, зарытый въ могилу, безсильно бьется о крышку гроба и съ истерическимъ смѣхомъ, съ судорожно перекошеннымъ лицомъ, рветъ на себѣ саванъ. Ни одного проблеска свѣта, ничего жизнерадостнаго, бодрящаго не выносишь изъ чтенія Осиповича. Это исповѣдь мертваго человѣка, у котораго не было уже, когда онъ вздумалъ подѣлиться съ читателями своими думами, ни одной живой мысли, никакихъ страстей и желаній. Сильный, могучій талантъ создалъ бы при такомъ настроеніи потрясающую эпопею борьбы, картину великой души, изнывающей и гибнущей подъ давленіемъ мрака и безъисходнаго отчаянія. Но у Новодворскаго было ровно настолько таланта, чтобы повѣдать міру муки личнаго неудовлетвореннаго существованія и—умереть. Потому

что нельзя жить, вѣчно изнывая отъ сознанія своей ненужности и мелочности, постоянно рыдая и плача, и, главное, будучи не въ силахъ дать себѣ отчетъ, да въ чемъ же дѣло, наконецъ?

Изъ отмѣченныхъ выше автобіографическихъ разсказовъ мы узнаемъ прежде всего,—впрочемъ, не узнаемъ, а догадываемся, потому что у Осиповича такая же путаница въ разсказѣ, какъ въ головѣ и сердцѣ. Этотъ изломанный и исковерканный человѣкъ не умѣетъ, не можетъ говорить просто. Онъ постоянно ломается, силится острить, хочетъ быть развязнымъ, какъ застѣнчивый юноша, попавшій въ незнакомое общество и желающій во что бы то ни стало скрыть свою робость. Его смѣхъ переходитъ въ судорогу, развязность и натянутыя остроты непріятно рѣжутъ слухъ и глаза. Васъ заражаетъ его нервность, вамъ становится невыносимо тяжело и непріятно и хочется прикрикнуть на бѣднаго автора, чтобы онъ пересталъ кривляться.

Итакъ, мы догадываемся, что автора удручало прежде всего бѣдность, что семейная обстановка была куда не весела, что онъ бѣгалъ по грошевымъ урокамъ и ѣлъ конину. Словомъ, предъ нами интеллигентный пролетарій. Типъ давно знакомый, неоднократно фигурировавшій въ литературѣ. Но у Осиповича онъ самъ себя описываетъ, что и придаетъ его исповѣди характеръ человѣческаго документа. Жалкая, удручающая бѣдность, съ одной стороны, съ другой—сознаніе своей интеллигенціи, какъ нѣкоторой миссіи, возложенной на ея носителя. Миссія эта—быть героемъ, чуждымъ всего личнаго, всецѣло отданнымъ служенію высшей правдѣ. Но вотъ роковой для героя вопросъ, гдѣ эта правда и что она сама по себѣ? Запертый въ глухомъ, удушливомъ уголку, среди такихъ же несчастныхъ и жалкихъ существованій, онъ не знаетъ ни жизни, со всей сложностью ея проявленій, ни людей, съ ихъ многообразіемъ страстей, нуждъ и желаній. Горячечная мечта, вынесенная изъ чтенія, смутные образы литературныхъ произведеній, высокія слова и чужія мысли—вотъ весь его душевный багажъ, съ которымъ онъ хочетъ пуститься въ міръ на борьбу за правду и добро. Результатъ очевиденъ заранѣе. При первой же попыткѣ, когда надо проявить *себя, свою* силу, а не чужой, вычитанный изъ хорошей книги опытъ, все рушится и бѣдный «герой» превращается въ самую заправскую мокрую курицу.

Таково смутное содержаніе «Эпизода изъ жизни ни павы, ни вороны». Говоримъ—смутное, потому что нельзя передать яснѣе эту удивительную исторію, въ которой фигурируютъ герои Тургенева, Пушкина, Лермонтова на ряду съ похожденіями героя разсказа. Все вмѣстѣ производитъ впечатлѣніе горячечнаго бреда, безъ начала и конца. Видно одно, что самъ авторъ страдаетъ, мучится жгучей болью, которую силится прикрыть судорожной улыбкой и натянутыми, неудачными остротами. Героизмъ, вычитанный изъ книжки, не выдержалъ перваго испытанія. Герой, какъ подобало тогда, идетъ въ «народъ», становится рабочимъ и приступаетъ къ миссіи «отдать долгъ народу», въ данномъ случаѣ таскать дрова на баркѣ. Смѣшавшись съ кучей рабочихъ, онъ то проникается ихъ нехитрымъ весельемъ, то начинаетъ вмѣстѣ съ ними углубляться въ толкованіе апокалипсиса. Наступаетъ моментъ работы и вмѣстѣ съ тѣмъ разочарованіе, описаніе котораго приводимъ, какъ очень характерное и для «героя» тогдашняго времени, и для манеры Осиповича, какъ писателя.

«Моя душа начала настраивать сердце, пробуя то ту, то другую ноту и располагая сыграть камаринскую, но въ эту минуту раздался рѣзкій крикъ съ барки:

«Эй, вы принимайся!

«Рабочіе встали, перекрестились, скинули съ себя верхнюю одежду и принялись за работу. Два бѣлорусса подавали бревна, остальные—каждый по одному—носили ихъ по перекинутой съ барки доскѣ на берегъ.

«Въ какомъ-то сладострастномъ опьяненіи подошелъ и я къ полѣну, но... въ этой минутѣ, казалось сосредоточились, какъ въ фокусѣ, всѣ предшествовавшіе, разрозненные элементы скандала: полѣно было очень тяжело, такъ тяжело, что, при попыткѣ поднять его, меня всего бросило въ жаръ...

«Задержанное движеніе всегда превращается въ теплоту», плаксиво притворился я, якобы хладнокровно размышляю, но собственно никакихъ мыслей въ головѣ не было: было одно только чувство...

«Ахъ, какое это было чувство, «прекрасная читательница»!.. Если бы съ молодой дѣвушки, въ первый разъ выѣхавшей въ *свѣтъ*, въ самый разгаръ бала свалилось платье; если бы только что обвѣнчавшійся, страстно влюбленный юноша, выводя изъ церкви новобрачную, вдругъ почувствовалъ, что на ласки любимой женщины можетъ отвѣчать только слезами отчаянія—ни та, ни другой, навѣрное, не испытали бы такого жгучаго стыда, такого пламеннаго желанія провалиться сквозь землю.

«— Ну, ну!.. раздавались ободрительные голоса.

«Я употребилъ нечеловѣческое усиліе и поднялъ. Въ спинѣ что-то хрустнуло. Согнувшись въ три погибели, едва не провалившись съ доски, дотащилъ я бревно до берега и принялся за другое. Оно, это другое, было еще тяжелѣе. У меня не хватило силъ донести его; я пошатнулся, выпустилъ свою ношу и самъ повалился на доски барки...

«— Э, да что ты?..

«— Ха, ха! Небось, не сладко?—слышались голоса товарищей.

«Я смутно сознавалъ все, происходившее вокругъ. Мнѣ было невыносимо жутко.

« — Ну, парень,—серьезно проговорилъ старикъ рабочій,—это, видно, не твое дѣло; тебѣ бы сюды не соваться... Дай, помогу, что ли!

«Но мнѣ не нужна была его помощь. Я всталъ, молча поднялъ упавшую съ головы шапку и тихо, шатаясь, пошелъ прочь...

«Полнѣйшій хаосъ въ головѣ. Я брелъ на удачу, едва различая предметы: въ глазахъ дрожали слезы, въ ушахъ раздавалось: «хворый, хворый»... «Бѣдный, несчастный, тряпка!» Мною вдругъ овладѣло бѣшенство. «Отдайте мнѣ мое здоровье, варвары!» крикнулъ я, сжавъ кулаки. Къ кому я обращался? Кого винилъ? Я и самъ не сознавалъ. Голосъ мой, т. е. не мой, а какое-то тончайшее сопрано, прозвучалъ весьма минорно и заставилъ меня опомниться. Проходившая мимо баба съ корзиной въ рукѣ остановилась и сосредоточенно уставилась на меня удивленными глазами; пепельный салопъ, сѣрый платокъ, вся какая-то сѣрая, лицо морщинистое, доброе, съ выраженіемъ: «хворый, бѣдняжка!»... Пробѣжала куцая собака, съ глазами, говорившими какъ нельзя болѣе ясно: «проходи знай, проходи, не трону: найдемъ и получше, ежели зубы почистить захочется». Проѣхалъ ломовой извозчикъ; у лошади узда была мочалкой перевязана—надо полагать, колечко потерялъ, какая-то кокарда, какой-то красный кушакъ, шляпка...

«Я очутился на мосту, оперся о перила и сталъ глядѣть внизъ. «Ты—скала... Придешь за мною? Я вѣдь ничего не боюсь... Нѣтъ, лучше не приходи, несчастный: куда тебѣ»!..

«Пронеслась лодка, проплыла доска, отъ барки, должно быть: гвозди торчали, щепка какая-то... Я тупо смотрѣлъ на все это. «А что, если бы этакъ шарахнуться?»...

«Какая-то сладострастная судорога, послѣднее ясное ощущеніе и послѣдняя ясная мысль»...

Далѣе, уже ничего нельзя понять. «Долгъ народу» такъ и остается не уплаченнымъ, и «герой», убѣдившись въ своей неспособности къ героизму, проникается жгучей злобой къ жизни.

«Эпизодъ изъ жизни ни павы, ни вороны», по замыслу, долженъ былъ изобразить муки рефлектирующаго интеллигента-пролетарія, который отъ одного

*

берега отсталъ, но къ другому не присталъ. Съ одной стороны, громадная ноша, этотъ непонятный «долгъ народу», съ другой—полное ничтожество, не позволяющее ни къ чему приложить безсильныя руки.

Отсюда вѣчный бредъ «души усталой и больной», бредъ, продолжающійся и въ другомъ разсказѣ «Карьера», еще болѣе автобіографическомъ. Къ сожалѣнію, передать сущность этого «разсказа» нѣтъ никакой возможности, потому что сущность заключается въ непрерывныхъ вопляхъ, терзаніяхъ себя и другихъ, покаянныхъ стонахъ и прочей,—sit venia verbo,—чепухѣ. Но и самъ авторъ не болѣе высокаго мнѣнія о своей жизни и прямо заявляетъ, что «съ одной стороны, мерещится мнѣ чепуха, но съ другой—нельзя не принять и того во вниманіе, что

Тьмы низкихъ истинъ мнѣ дороже
Насъ возвышающій обманъ»...

Для героя разсказа это не только иронія, не просто горькая фраза, сорвавшаяся въ покаянную минуту,—это вѣрное признаніе факта. Онъ все время носится съ «возвышающимъ обманомъ», за отсутствіемъ реальнаго содержанія жизни. Чѣмъ ниже, грязнѣе окружающая жизнь, тѣмъ заманчивѣе, выше и шире иллюзіи, въ которыхъ витаетъ его больной умъ. Все въ концѣ концовъ опять разрѣшается сплошнымъ бредомъ, въ которомъ «было много реальной правды».

Очень вѣроятно, что реальная правда открывалась въ бреду герою Осиповича, но читатели должны ему вѣрить на слово. Манера Осиповича писать недомолвками, многоточіями, дѣлая тысячи отступленій, хитрыхъ намековъ и ироническихъ выходокъ по адресу читателя,—приводитъ къ тому, что скука, самая сѣрая и безутѣшная скука овладѣваетъ вами, и, вмѣсто симпатіи и жалости, вы испытываете желаніе поскорѣе закрыть книгу. Не слѣдуетъ думать, что это результатъ непониманія, вполнѣ возможнаго теперь, когда мы такъ далеки отъ настроенія героевъ Осиповича. Можно быть вполнѣ чуждымъ настроенію автора и тѣмъ не менѣе вполнѣ понимать его. Вся народническая литература не имѣетъ теперь ни малѣйшаго обаянія и развѣ какой-нибудь обомшѣлый троглодитъ, пережитокъ добраго, стараго времени, прочувствуетъ настроеніе героевъ г. Златовратскаго. Смѣшно и развѣ немножко неловко становится, когда, напр., читаешь теперь, что для того, чтобы «народъ» тебя понялъ, надо быть «несчастнымъ», какъ категорически завѣряетъ одинъ изъ излюбленныхъ персонажей г. Златовратскаго. Все же мы ихъ отлично понимаемъ, ясно можемъ себѣ представить, чего хотятъ, къ чему стремятся эти темныя души, по своему ищущія свѣта.

Иное дѣло герои Осиповича, вѣрнѣе—онъ самъ, потому что у него, какъ у чистаго субъективнаго писателя, его *я*—все. Оно заслоняетъ весь міръ, а этотъ міръ—темный уголъ, сырой и затхлый, населенный фантомами горячечнаго бреда. Разбираться въ нихъ нѣтъ ни интереса, да, правду говоря и не зачѣмъ. Осиповичъ для насъ получаетъ смыслъ и значеніе не самъ по себѣ, а какъ представитель цѣлой группы «лишнихъ людей», которыми такъ богата каждая переходная эпоха. Можетъ быть, для такого, въ сущности незначительнаго писателя это слишкомъ много. Но, намъ кажется, въ немъ съ особой яркостью проявились черты этой группы, разсѣянныя въ произведеніяхъ его болѣе талантливыхъ товарищей. У ближайшаго къ нему по духу Гаршина, напр., насъ слишкомъ подкупаетъ талантъ, блескъ котораго многое заслоняетъ. Ослѣпленный читатель не видитъ этихъ особенностей Гаршина такъ ясно, какъ у Осиповича, который въ этомъ отношеніи гораздо благодарнѣе. Онъ мельче и одностороннѣе, и потому эти особенности выпуклѣе и рѣзче.

«Коснулось, милостивый государь! И надъ нашимъ угломъ пронеслось!» Такими словами начинается одинъ изъ лучшихъ разсказовъ Осиповича «Исторія».

Простой человѣкъ, лѣсничій большого сахарнаго завода на югѣ, разсказываетъ, какъ въ его нехитрую, несложную жизнь вторглось новое вѣянье и опрокинуло, казалось, ея незыблемые устои. Такая же бѣда стряслась и надъ Осиповичемъ, «коснулось» и его, только жизнь Осиповича, конечно, много сложнѣе, и потому результаты «касанья» вышли иные, и «исторія» его болѣе поучительна, получая общественный смыслъ и значеніе.

Время, когда Осиповичу пришлось выступить въ литературѣ, было одной изъ тѣхъ переходныхъ эпохъ, въ которыхъ и старое, и новое перемѣшано въ дикомъ хаосѣ, гдѣ концовъ не соберешь. Требуется большая умственная и нравственная дисциплина, чтобы не потеряться при ежедневныхъ столкновеніяхъ самыхъ противорѣчивыхъ началъ и не пасть жертвой того или иного недоразумѣнія или не принять однотонной окраски одного изъ «ученій», къ какимъ такъ падки малокультурныя общества. Большинство, какъ всегда и вездѣ, идетъ въ направленіи наименьшаго сопротивленія, проще говоря, руководствуется мелкими интересами дня, не давая себѣ отчета въ какихъ-либо цѣляхъ и стремленіяхъ. Но есть избранное меньшинство, которое думаетъ и стремится, не мирясь съ окружающей жизнью. Оно ищетъ правды, которая освѣтила бы эту жизнь и вывела всѣхъ на надлежащую дорогу. Къ сожалѣнію, жизнь такъ сложна, такъ запутана, что никакого ни ближайшаго, ни отдаленнаго выхода не видно. На помощь являются уже готовыя идеи изъ другой жизни, изъ другой исторической обстановки, гдѣ онѣ доказали свою правду и сослужили великую службу. Какъ же не ухватиться за нихъ, не примѣнить ихъ къ себѣ? Это такъ просто и естественно. Является сознаніе великой миссіи—быть вождемъ и пророкомъ жизни, жажда подвига, который сразу и всѣхъ подыметъ на высоту и всѣмъ укажетъ, гдѣ цѣль, гдѣ дорога. И кто же выполнитъ его, какъ не носители идеи, т. е. «мы, интеллигенція»? А если сюда добавить ближайшее прошлое, только что уничтоженное крѣпостное право, то вотъ и основа для пресловутаго «долга» передъ народомъ.

Получается цѣлая система мышленія и дѣйствія, которой нельзя отказать въ цѣльности и стройности. Вся ошибка въ исходномъ пунктѣ, который лежитъ не въ условіяхъ *нашей* дѣйствительности, а *чужой*. Эта маленькая подстановка въ уравненіе со многими неизвѣстными приводитъ въ концѣ концовъ къ неопредѣленному рѣшенію, но такой выводъ становится ясенъ только потомъ, когда жизнь безпощадно разрушитъ одно за другимъ звенья системы и ея творцы окажутся внѣ житейской дѣйствительности. Разочарованіе со всѣми его послѣдствіями начинается уже потомъ, а въ началѣ всѣ просто, все понятно, героически-упоительно. Поднять на своихъ плечахъ ношу міра—развѣ не хорошо? Однимъ могучимъ взмахомъ спасти «народъ» отъ всѣхъ его удручающихъ золъ! Можно ли думать о чемъ-либо въ такіе моменты, кромѣ подвига? Но вотъ первый шагъ сдѣланъ, «полѣно» оказалось не по силамъ,—и вполнѣ естественно, — герой безъ всякой подготовки съ вершинъ «критической мысли» падаетъ въ неприглядную обстановку текущаго дня. Можно ли представить большую душевную драму?

Драму, пережитую героемъ Осиповича, такъ или иначе переживали очень многіе, которымъ послѣ дней великаго разочарованія пришлось остаться «безъ руля и безъ вѣтрилъ». И нѣтъ въ этомъ для нихъ ничего ни позорнаго, ни оскорбительнаго. Такова судьба интеллигенціи вездѣ, гдѣ общественныя условія еще недостаточно выяснились и расчленились. За порывомъ къ подвигу, всегда благороднымъ и плодотворнымъ, хотя бы въ смыслѣ уясненія его невозможности, наступаетъ реакція, настроеніе безнадежности и тоски, когда дни кажутся такими сѣрыми, жизнь—безцвѣтной и скучной. Осиповича жизнь захватила именно на границѣ между концомъ неудачнаго подвига и началомъ этой реакціи. Отсюда его безжизненный тонъ и тоска, отчаянье и отсутствіе желанія борьбы. Тамъ, гдѣ-то далеко отъ него еще шла борьба, уже слабѣющая и остывающая, но въ глубинѣ, откуда черпались для нея силы, уже остылъ порывъ, ослабѣла

вѣра въ достижимость всего однимъ ударомъ, и назрѣвала реакція, которая должна была повести на первыхъ порахъ къ презрѣнію къ себѣ и скептицизму. Этимъ презрѣніемъ Осиповичъ преисполненъ. Все, что онъ ни описываетъ, представляется ему такимъ ничтожнымъ и ненужнымъ въ сравненіи съ тѣмъ, что ему рисовалось въ погибшихъ мечтахъ. Глубокой болью проникается онъ всякій разъ, когда эти мечты всплываютъ въ памяти и наталкиваютъ на сравненіе съ тѣмъ, что осталось. Онъ съ трепетнымъ уваженіемъ относится къ памяти жертвъ, и въ лучшихъ его разсказахъ «Тетушка» и «Исторія» это отношеніе обрисовано удивительно тонко и мастерски, захватывая сердце самаго нечувствительнаго читателя.

Какъ эти два разсказа, такъ и другіе—«Мечтатели» и «Наканунѣ ликвидаціи»,—обнаруживаютъ въ Осиповичѣ оригинальный, хотя и некрупный талантъ. Сколько любви и нѣжности, напримѣръ, въ маленькомъ, крошечномъ разсказѣ «Тетушка»! Это—одна изъ многочисленныхъ безвинныхъ жертвъ борьбы, къ которымъ у Осиповича особая горячая симпатія. Разсказъ съ художественной стороны удивительно выдержанъ, строгъ и объективно сухъ. Но проникающее автора чувство безграничной нѣжности къ этой тетушкѣ, оплакивающей отнятую у нея Женичку, наростаетъ съ первой и до послѣдней страницы. Въ несложности разсказа, въ его эпической простотѣ еще ярче и сильнѣе выступаетъ сущность драмы. Авторъ мимоходомъ становится ея свидѣтелемъ и также мимоходомъ сообщаетъ ее читателю, не позволяя добавить себѣ ни единаго слова.

Цѣломудренная сдержанность этого разсказа, никакихъ отступленій и эпическій тонъ рѣзко выдѣляютъ его среди остальныхъ произведеній Осиповича, въ которыхъ онъ не выдерживаетъ и дѣлаетъ постоянныя вылазки въ сторону, какъ, напр., въ «Исторіи» и «Наканунѣ ликвидаціи». Въ «Исторіи» тема приблизительно такая же, какъ и въ «Тетушкѣ». Разсказъ, какъ мы видѣли выше, ведется отъ перваго лица. Личность разсказчика вырисована великолѣпно, съ начала и до конца ни одного фальшиваго или лишняго штриха, онъ весь передъ читателемъ съ его простой психологіей и немудрымъ содержаніомъ. Драма, коснувшаяся его стороной, разыгрывается у него въ домѣ, и въ его несложной передачѣ получаетъ почти трагическій оттѣнокъ роковой неизбѣжности. Можно сказать, что «Исторія» была бы своего рода шедевромъ, если бы не была испорчена отступленіями, которыя такъ характерны для Осиповича. Какъ только авторъ начинаетъ для поясненія «исторіи» вести разсказъ отъ себя, впечатлѣніе моментально улетучивается, и ясный тонъ разсказа, проникнутый живительнымъ юморомъ въ устахъ разсказчика лѣсничаго, смѣняется чѣмъ-то больнымъ, ноющимъ и натянутымъ. Авторъ то и дѣло остритъ въ отступленіяхъ, силится стать на высшую точку зрѣнія, съ которой и онъ, авторъ, и читатели должны уподобиться ничтожествамъ предъ чѣмъ-то высшимъ, героическимъ, чему «числа, ни мѣры нѣтъ».

Но это таинственное нѣчто, о чемъ мы должны догадываться, здѣсь вводный эпизодъ, оно мелькаетъ за сценой, на которой отражаются только его послѣдствія, и главное мѣсто занимаетъ живая жизнь, что примиряетъ съ авторомъ, и общее впечатлѣніе получается въ его пользу. То же самое и въ разсказѣ «Наканунѣ ликвидаціи», въ которомъ бесподобно описана разоренная дворянская семья. Авторъ прекрасно распоряжается матеріаломъ, который онъ черпаетъ изъ своихъ наблюденій, выхваченныхъ изъ жизни. Слабѣе всего выведенная совсѣмъ некстати фигура ноющаго интеллигента, рыцаря печальнаго образа, не находящаго себѣ мѣста въ природѣ. Опять передъ нами излюбленный «герой» Осиповича, подводящій итоги неудачному геройству, жалующійся и проклинающій, философствующій и резонирующій. Среди жалкихъ словъ есть, впрочемъ, и одно мѣткое замѣчаніе, вѣрно опредѣляющее одну общую черту интеллигенціи переходнаго времени. «Это—преимущественно головная сторона, на фундаментѣ чувства. Начиная съ себя, постоянно копаясь въ собственной душѣ, человѣкъ доходитъ,

наконецъ, до вредной роскоши совершенства. Мнѣ, напримѣръ, кажется, что я чувствую малѣйшее колесо, малѣйшій винтикъ въ своей мозговой машинѣ и вижу тоже у другихъ. Это равняется неспособности дѣйствовать; это—крайность». Болѣзнь точно и вѣрно указана. «Критически мыслящая личность» именно страдала избыткомъ самоанализа, въ ущербъ дѣйствію и чувству, непосредственности ощущенія. Не ея, конечно, это была вина, такъ какъ въ условіяхъ дѣйствительности не находилось работы, отвѣчающей настроенію интеллигенціи. Работа мысли обращалась внутрь и доводила субъекта до горячечнаго бреда, образчики котораго даетъ Осиповичъ въ «Эпизодѣ» и «Карьерѣ».

Тотъ же избытокъ самоанализа погубилъ, какъ намъ кажется, и талантъ Осиповича, не давъ послѣднему просто подойти къ жизни, вдумчиво всмотрѣться въ нее, заинтересоваться и въ образахъ передать свои выводы и наблюденья. Впрочемъ, трудно придти къ опредѣленному выводу, въ виду его ранней смерти. Онъ «расцвѣлъ и отцвѣлъ въ утрѣ пасмурныхъ дней», что и наложило на все его творчество отпечатокъ мертвенности. Но современный читатель ничего не потеряетъ, познакомившись съ нимъ ближе. Изъ писателей конца 70-ыхъ и начала 80-ыхъ годовъ Осиповичъ самый характерный и яркій, отразившій въ своихъ произведеніяхъ настроеніе многихъ «малыхъ сихъ», которые по своему искали правды и уже по этому одному заслуживаютъ благодарнаго вниманія.

Исканіе правды всегда поучительно и освѣжающе дѣйствуетъ на человѣка и во всякомъ случаѣ болѣе его возвышаетъ, чѣмъ горделивое сознаніе, что эта правда имъ достигнута. Въ особенности, когда съ высоты этой яко бы обрѣтенной правды онъ начинаетъ творить безпощадный судъ надъ бѣднымъ человѣчествомъ, какъ это продѣлываетъ г. Вл. Соловьевъ надъ Пушкинымъ въ сентябрьской книгѣ «Вѣстника Европы», въ статьѣ «Судьба Пушкина». Трудно передать, какое тягостное впечатлѣніе выносишь изъ чтенія этой статьи, проникнутой безграничнымъ высокомѣріемъ и самодовольной увѣренностью въ своей правотѣ. Г. Соловьевъ не пишетъ, а изрекаетъ категорическія положенія, вѣщаетъ и пророчествуетъ, ни мало не стѣсняясь съ исторической правдой и даже не справляясь, насколько укладываются факты въ его построенія. Свой судъ надъ Пушкинымъ онъ совершаетъ въ повелительномъ тонѣ, не допускающемъ ни малѣйшихъ сомнѣній въ правотѣ изрекающаго приговоръ.

Вся статья представляетъ рядъ схемъ, къ которымъ авторъ подгоняетъ факты и на которыхъ строитъ заранѣе готовый выводъ. Схема первая,—что есть судьба?

«Есть нѣчто, называемое *судьбой*—предметъ, хотя не матеріальный, но тѣмъ не менѣе вполнѣ дѣйствительный. Я разумѣю подъ судьбою тотъ *фактъ*, что ходъ и исходъ нашей жизни зависитъ отъ чего-то, кромѣ насъ самихъ, отъ какой-то превозмогающей *необходимости*, которой мы волей-неволей должны подчиниться. Какъ фактъ, это безспорно, *существованіе* судьбы въ этомъ смыслѣ признается всѣми мыслящими людьми, независимо отъ различія взглядовъ и образованія. Слишкомъ очевидно, что власть человѣка, хотя бы самаго упорнаго и энергичнаго, надъ ходомъ и исходомъ его жизни имѣетъ очень тѣсные предѣлы. Но вмѣстѣ съ тѣмъ легко усмотрѣть, что власть судьбы надъ человѣкомъ при всей своей несокрушимой *извнѣ* силѣ обусловлено, однако, *извнутри* дѣятельнымъ и личнымъ соучастіемъ самого человѣка».

Давъ такое опредѣленіе судьбы, г. Соловьевъ вскользь замѣчаетъ, что «для полнаго а методическаго оправданія» вѣры въ судьбу потребовалась бы цѣлая «метафизическая система», которой онъ пока еще не даетъ и приглашаетъ вѣрить на слово, а для полной убѣдительности долженъ служить «историческій примѣръ» истиннаго характера того, что называется судьбой. Таковъ ба-

зисъ, на которомъ авторъ возводитъ дальнѣйшія построенія, не менѣе спорныя и требующія доказательствъ, какъ и самое опредѣленіе судьбы.

«Геніальность обязываетъ»,—это вполнѣ справедливое положеніе, не блещущее особымъ глубокомысліемъ, ставится во главу угла осужденія Пушкина, который не оказался на требуемой авторомъ высотѣ. «Высшее проявленіе генія требуетъ не всегдашняго безстрастія, а окончательнаго *преодолѣнія* могучей страстности, торжества надъ нею въ рѣшительные моменты».

Пушкинъ не былъ способенъ къ такому «преодолѣнію», и это-то и была сила «извнутри», которая повела къ катастрофѣ, надвигавшейся «извнѣ». Насколько высоко парилъ онъ въ порывѣ вдохновенія, настолько низменно относился къ жизни, унижая свой геній, легко поддаваясь чувствамъ обиды и оскорбленія. Свидѣтельствуютъ объ этомъ его эпиграммы. Въ нихъ г. Соловьевъ видитъ «главную бѣду» Пушкина и сурово морализируетъ по этому поводу. Особенно ему не нравится сатира «На выздоровленіе Лукулла», «очень яркое и сильное по формѣ стихотвореніе, но по смыслу представлявшее лишь грубое личное злословіе на счетъ тогдашняго министра народнаго просвѣщенія, Уварова». Эпиграммы обнаружили нравственную слабость поэта, и на нее-то стали бить враги его, постоянно раздражая его самолюбіе и дразня.

«Дурное дѣло обиды, для котораго Пушкинъ злоупотреблялъ своимъ талантомъ и унижалъ свой геній, было такъ естественно и потому легко для его враговъ. Они были тутъ въ своей сферѣ, исполняли свою роль; для нихъ не было паденія,—паденіе было только для Пушкина. На низменной почвѣ личной злобы и вражды всѣ выгоды были на ихъ сторонѣ, ихъ побѣда была здѣсь необходима». Все это, конечно, справедливо, и не свяжись поэтъ съ пошлымъ обществомъ, онъ бы уцѣлѣлъ. Но и онъ былъ, говоря словами самого же г. Соловьева, не только геній, а и человѣкъ. Не всякому доступна та «нравственная высота», съ которой судитъ и рядитъ г. Соловьевъ, признавшій за Пушкинымъ *обязанности* генія и отказывающій ему въ *правахъ* простого смертнаго.

«Нѣтъ такого житейскаго положенія, хотя-бы возникшаго по нашей собственной винѣ, изъ котораго нельзя бы было при доброй волѣ выйти достойнымъ образомъ. Свѣтлый умъ Пушкина хорошо понималъ, чего отъ него требовали его высшее призваніе и христіанскія убѣжденія; онъ зналъ, что долженъ дѣлать, но онъ все болѣе и болѣе отдавался страсти оскорбленнаго самолюбія съ ея ложнымъ стыдомъ и злобною мстительностью.

«Потерявши внутреннее самообладаніе, онъ могъ еще быть спасенъ постороннею помощью. Послѣ первой не состоявшейся дуэли его съ Геккерномъ, императоръ Николай Павловичъ взялъ съ него слово, что въ случаѣ новаго столкновенія онъ предупредитъ государя. Пушкинъ далъ слово, но не исполнилъ его. Ошибочно увѣрившись, что непристойное анонимное письмо писано тѣмъ же Геккерномъ, онъ послалъ ему (черезъ его отца) свой второй вызовъ въ такомъ изысканно оскорбительномъ письмѣ, которое дѣлало кровавый исходъ неизбѣжнымъ. Между тѣмъ, при крайней степени своего раздраженія, Пушкинъ не дошелъ все-таки до того состоянія, въ которомъ прекращается вмѣняемость поступковъ и въ которомъ данное слово могло быть просто забыто. Послѣ дуэли у него найдено было письмо къ графу Бенкендорфу съ изложеніемъ новаго столкновенія, для передачи государю. Онъ написалъ это письмо, но не захотѣлъ отправить его. Онъ думалъ, что чей-то пошлый и грязный анонимный пасквиль можетъ уронить его честь, а имъ самимъ сознательно нарушаемое слово—не можетъ. Если онъ былъ тутъ «невольникомъ», то не «невольникомъ чести», какъ назвалъ его Лермонтовъ, а только невольникомъ той страсти гнѣва и мщенія, которой онъ весь отдался.

«Не говоря уже объ истинной чести, требующей только соблюденія внутренняго нравственнаго достоинства, недоступнаго ни для какого внѣшняго по-

сягательства,—даже принимая честь въ условномъ значеніи согласно свѣтскимъ понятіямъ и обычаямъ, анонимный пасквиль ничьей чести вредить не могъ, кромѣ чести писавшаго его. Если бы ошибочное предположеніе было вѣрно, и авторомъ письма былъ дѣйствительно Геккернъ, то онъ тѣмъ самымъ лишалъ себя права быть вызваннымъ на дуэль, какъ человѣкъ, поставившій себя своимъ поступкомъ внѣ законовъ чести; а если письмо писалъ не онъ, то для вторичнаго вызова не было никакого основанія. Слѣдовательно, эта несчастная дуэль произошла не въ силу какой-нибудь внѣшней для Пушкина необходимости, а единственно потому, что онъ хотѣлъ покончить съ ненавистнымъ врагомъ.

«Но и тутъ еще не все было потеряно. Во время самой дуэли, раненый противникомъ очень опасно, но не безусловно-смертельно, Пушкинъ еще былъ господиномъ своей участи. Во всякомъ случаѣ, мнимая честь была удовлетворена опасною раною. Продолженіе дуэли могло быть дѣломъ только злой страсти. Когда секунданты подошли къ раненому, онъ поднялся и съ гнѣвными словами: «Attendez, je me sens assez de force pour tirer mon coup!» недрожащею рукою выстрѣлилъ въ своего противника и слегка ранилъ его. Это крайнее душевное напряженіе, этотъ отчаянный порывъ страсти рѣшилъ его земную участь. *Пушкинъ убитъ не пулею Геккерна, а своимъ собственнымъ выстрѣломъ въ Геккерна*» (курсивъ автора).

Вотъ обвинительный актъ, написанный по всѣмъ правиламъ прокурорскаго искусства. Защищать Пушкина отъ этого «объективнаго» разбора его послѣднихъ минутъ мы не видимъ никакой надобности. Пристрастіе «абсолютной нравственности», съ точки зрѣнія которой новоявленный праведникъ судитъ поэта,—слишкомъ очевидно. Отмѣтимъ развѣ одну курьезную подробность, которую допустилъ нелицепріятный судья въ пылу рвенія. Откуда извѣстно г. Соловьеву, что рана Пушкина была «не безусловно смертельная», и что только «крайнее душевное напряженіе» раненаго сдѣлало ее смертельной?

Излишнее рвеніе всегда вредно даже и для праведника. Нѣтъ ничего опаснѣе этихъ абсолютныхъ точекъ зрѣнія, не желающихъ ни съ чѣмъ считаться, ничего принимать во вниманіе. Разъ взобравшись на нее, человѣкъ теряетъ критерій по отношенію къ самому себѣ, что и произошло съ г. Соловьевымъ, который, не обинуясь, принимаетъ на себя роль провидѣнія. Осудивъ безпощадно Пушкина, онъ далѣе признаетъ, что такой исходъ дуэли былъ для поэта *самымъ лучшимъ*. «Вотъ судьба Пушкина. Эту судьбу мы по совѣсти должны признать, во-первыхъ, *доброю*, потому что она вела человѣка къ наилучшей цѣли—къ духовному возрожденію, къ высшему и единственно достойному его благу; а во-вторыхъ, мы должны признать ее *разумною*, потому что этой наилучшей цѣли она достигла простѣйшимъ и легчайшемъ въ данномъ положеніи, т.-е. наилучшимъ способомъ». Надо, поистинѣ, отрѣшиться отъ жизни, чтобы придти къ такому невѣроятному выводу. По мнѣнію г. Соловьева, «Пушкинъ послѣ катастрофы жилъ бы только для дѣла личнаго спасенія, а не для прежняго служенія чистой поэзіи». Онъ ушелъ бы въ монастырь, на Аѳонъ, или предпринялъ что-либо въ этомъ родѣ. Абсолютная нравственность г. Соловьева не допускаетъ иного пути для возрожденія человѣка, хотя бы и глубоко согрѣшившаго. Это отдаетъ совсѣмъ уже средневѣковой моралью.

Какъ параллель статьѣ г. Соловьева, показывающую, до какихъ геркулесовыхъ столбовъ чудовищности можно договориться, исходя изъ подобныхъ абсолютовъ, внѣ времени и пространства, позволимъ себѣ указать на статью г. Розанова въ «Рус. Обозрѣніи», на которую указываетъ авторъ «Общественной хроники» въ той же сентябрьской книжкѣ «Вѣстника Европы», справедливо возмущаясь какъ методомъ разсужденія г. Розанова, такъ и его выводами. «Почти черезъ годъ послѣ катастрофы на Ходынскомъ полѣ—слѣдовательно, не подъ первымъ потрясающимъ впечатлѣніемъ страшнаго бѣдствія,—г. Розановъ выступаетъ

на сцену съ параллелью между этой катастрофой и цареубійствомъ 1-го марта, усматривая въ первой какъ бы искупленіе послѣдняго. «Да будетъ же благословенно— восклицаетъ онъ — «18.е мая 1896 г.! Да будетъ благословенна пролившаяся тамъ кровь!.. Раной народною 18-го мая исцѣлѣлъ грѣхъ изъ народа вышедшаго класса... Великое искупленіе совершилось; оно совершилось не внѣшнимъ образомъ, не какъ только фактъ, или, точнѣе, вовсе не какъ фактъ; нѣтъ, фактъ составляетъ только его наружную сторону...» Не видя, или не желая видѣть, что ничего, ни въ чемъ, послѣ 18-го мая 1896 г. не измѣнилось, г. Розановъ старается проникнуть не только въ тайны чужого сердца, но и въ тайны Провидѣнія. Жертвы, павшія на Ходынскомъ полѣ,—это, по словамъ г. Розанова, «символы въ миніатюрѣ, въ малости и въ грѣхѣ, крестной смерти Спасителя». «Не есть-ли въ самомъ дѣлѣ,—читаемъ мы дальше,—пропятіе Единаго Безгрѣшнаго за цѣлокупный грѣхъ міра—прототипъ всякаго исцѣленія; разгадка, пожалуй, и всякаго на землѣ страданія? Не грѣшное по преимуществу страдаетъ; такъ оно наказывалось бы, и наказывается; но этимъ еще не искупляется. Міру же нужно искупленіе, этимъ злымъ нужно быть искупленными. Спаситель указалъ, и уже безспорнымъ фактомъ, безспорными чертами въ фактѣ, методъ всякаго вообще искупленія: *именно* безгрѣшнаго, *именно* страданія» (курсивъ въ подлинникѣ). *Методъ* искупленія! Въ сочетаніи этихъ словъ ярко сказалась вся фальшь пророческихъ измышленій г. Розанова», замѣчаетъ почтенный хроникеръ.

Мы не видимъ особой разницы между «да будетъ благословенно 18-ое мая» г. Розанова и признаніемъ судьбы Пушкина «доброю и разумною» г. Соловьева. Оба событія глубоко скорбнаго характера, и людямъ, не посвященнымъ въ тайны Провидѣнія, остается только жалѣть какъ о тысячахъ, погибшихъ на Ходынскомъ полѣ, такъ и о безвременной кончинѣ великаго поэта, который, по словамъ Достоевскаго, «умеръ въ полномъ развитіи своихъ силъ и безспорно унесъ съ собою въ гробъ нѣкоторую великую тайну». Изувѣрство г. Розанова и мрачное «оправданіе добра», хотя бы оно и проявлялось въ смерти и гибели, г. Соловьева равно чужды простому человѣческому чувству, которое не мирится съ несправедливостью, возмущается ею и въ этомъ находитъ вѣчный стимулъ къ борьбѣ за жизнь и правду. Философія же г. Соловьева ведетъ къ квіетизму и аскетизму, что, въ сущности, одно и то же.

Когда отъ мистическаго мрака г. Соловьевъ переходишь къ «Натану Мудрому» Лессинга, чувствуешь себя словно выпущеннымъ на волю. Жизнью, свѣтомъ и благоволеніемъ ко всему человѣчеству вѣетъ со страницъ этой мудрой книги, вѣчно юной, глубокой по содержанію и жизнерадостной по настроенію. Какъ нельзя болѣе во-время появляется теперь третье изданіе превосходнаго перевода г. Крылова, вмѣстѣ съ его статьей, посвященной Лессингу и его «драматическому стихотворенію», какъ назвалъ Лессингъ своего «Натана Мудраго». Пріятно также, что это изданіе выполнено со всею роскошью, какая возможна въ типографскомъ искусствѣ *), и внѣшняя сторона книги, не оставляя желать ничего лучшаго, какъ бы подготовляетъ читателя къ богатству внутренняго содержанія, которое онъ встрѣчаетъ на каждой страницѣ.

«У нѣмца сердце радуется, когда онъ ведетъ рѣчь о Лессингѣ, — говоритъ Геттнеръ,—Лессингъ есть мужественнѣйшій характеръ въ исторіи нѣмецкой литературы. Вся его жизнь была нескончаемой войной и побѣдой... Эта война и

---

*) «Натанъ Мудрый», драматическое стихотвореніе Г. Э. Лессинга. Переводъ съ нѣмецкаго Виктора Крылова. Съ историко-литературнымъ очеркомъ, примѣчаніями къ переводу и библіографическимъ указателемъ. Съ 35 рисунками въ текстѣ и 11 эстампами. Спб. Изд. А. Ф. Маркса. 1897 г. Ц. 6 р.

побѣда доставили нѣмцамъ обладаніе свободною наукой и произвели проникновеніе ея въ нравы и умонастроеніе общества». «Ни одинъ нѣмецъ не можетъ произнести имя Лессинга безъ того, чтобы болѣе или менѣе оно не отозвалось въ его сердцѣ», говоритъ Гейне. И, навѣрное, то же впечатлѣніе будетъ производить оно и на русскаго читателя, хорошо познакомившагося хотя бы только съ его «Натаномъ», въ которомъ заключена сущность лессинговыхъ воззрѣній. «Натанъ» написанъ въ концѣ жизни Лессинга и представляетъ какъ бы сводъ того, что служило предметомъ думъ и борьбы для Лессинга въ теченіе цѣлой жизни, и въ тоже время—его завѣтъ потомству.

Сущность этого драматическаго стихотворенія, безъ сомнѣнія, извѣстна каждому образованному читателю, если не изъ самого «Натана», то изъ любой исторіи литературы. Но для правильнаго пониманія произведенія во всемъ его объемѣ, рекомендуемъ двѣ превосходныхъ статьи, посвященныхъ Лессингу и его «Натану» преимущественно. Одна, именно г. Крылова, составляетъ введеніе къ настоящему изданію; другая принадлежитъ В. Лесевичу—«Лессингъ и его «Натанъ Мудрый», вошедшая въ составъ его «Этюдовъ и очерковъ». Безъ такого предварительнаго знакомства съ критическимъ разборомъ «Натана», многое ускользнетъ у читателя.

«Натанъ Мудрый» не только художественная проповѣдь вѣротерпимости, это—цѣлая философія жизни, для русскаго читателя получающая особое значеніе, такъ какъ на каждомъ шагу ему приходится сталкиваться съ началами совершенно противоположнаго характера. Уже въ первыхъ сценахъ открывается основной взглядъ Лессинга на жизнь, въ его спорѣ съ дочерью и ея служанкой, которыя въ спасеньи первой изъ огня усматриваютъ вмѣшательство Провидѣнія и не хотятъ мириться съ мыслью, что не само Божество послало имъ нарочитаго спасителя. «Ты не уважаешь твоего Бога, хочетъ сказать Натанъ,—замѣчаетъ г. Крыловъ въ своемъ разборѣ пьесы,—ты не высоко цѣнишь твою святыню, если обращаешься съ ней такъ за-панибрата. Одна мысль, что ты дѣлаешься какъ будто лучше, низводя ангеловъ съ неба на твои послуги, уже одна эта мысль есть богохульство и оскорбленіе; оставь Бога и ангеловъ на небѣ. Если ты любишь и цѣнишь Ихъ, ты должна ставить Ихъ настолько высоко, чтобъ и безъ личнаго Ихъ участія могла совершаться надъ тобой Ихъ воля. Мало того: Натанъ указываетъ и вредъ этихъ мечтаній. Вы вмѣшиваете въ ваши жизненныя явленія Бога и ангеловъ, говоритъ онъ, потому что съ Ними легче всего расплатиться. Ни труда вамъ не нужно, ни малѣйшей непріятности вы не встрѣтите въ вашемъ обращеніи съ ангеломъ; напротивъ, вы тѣмъ доставляете себѣ только наслажденіе поэтической мечтательностью, тогда какъ, если бы вы предполагали спасителемъ Рэхи (пріемной дочери Натана) человѣка, этотъ случай невольно побуждалъ бы васъ самихъ на такую же полезную другимъ дѣятельность». Натанъ заключаетъ свою рѣчь великолѣпными словами:

Пойми же,
Насколько легче набожно мечтать,
Чѣмъ поступать и честно и разумно.
Такъ, вялый, неразвитый человѣкъ
Съ любовью набожно мечтаетъ,—только
Чтобъ не посмѣть
На дѣлѣ быть хорошимъ человѣкомъ.

Во всемъ произведеніи, затѣмъ, развивается основная мысль о необходимости дѣятельной любви къ другимъ не во имя отвлеченныхъ принциповъ, а ради самой жизни. Натанъ постоянно проводитъ идею, что терпимость коренится въ общихъ свойствахъ человѣческой души, помимо религіозныхъ или національныхъ различій. «Не мы себѣ народъ свой выбирали, и мы еще народъ не составляемъ», замѣчаетъ онъ въ отвѣтъ на гордое замѣчаніе храмовника, что Натанъ—еврей.

Евреи, христіане!..
Да прежде-то всего мы вѣдь люди.
Ахъ, еслибъ мнѣ и въ васъ пришлось найти
Хотя однимъ бы человѣкомъ больше,
Которому довольно и того,
Что носитъ онъ званье человѣка.

Великолѣпный въ художественномъ отношеніи разсказъ о трехъ кольцахъ, составляющій центральный пунктъ произведенія, звучитъ какъ заключительный аккордъ, являясь выводомъ, къ которому читатель постепенно подготовляется. Онъ не придѣланъ къ произведенію, а вытекаетъ естественно изъ всего дѣйствія, развертывающагося передъ нами.

«Лессингъ, — говоритъ г. Крыловъ, — сводитъ людей съ различными вѣроисповѣданіями въ одну семью родныхъ по крови и по правиламъ жизни. У нихъ у каждаго своя святыня, и это не мѣшаетъ имъ любовно и родственно взглянуть другъ на друга, потому что ихъ благоговѣйное отношеніе къ святынѣ не заставляетъ ихъ низводить ее съ высоты недосягаемой на пролагаемую общими силами дорогу жизни; правила нравственности создаются въ нихъ повседневной жизнью, религія только осѣняетъ ее. Оттого эти правила и въ различныхъ религіяхъ могли оказаться одними и тѣми же, и тѣмъ крѣпче и сильнѣе будутъ они, что все въ нихъ пережито, передумано, провѣрено опытомъ, а не досталось случайно. При такихъ данныхъ, никакое суевѣріе или заблужденіе долго удержаться не можетъ; оно падаетъ само собой, безъ всякаго насилія, безъ всякаго навязыванія чего-либо лучшаго, отъ одного развитія и образованія. Кромѣ того, для всякаго вѣрующаго, это завоеваніе правилъ добродѣтели,— гдѣ человѣкъ—сознательное лицо, а не слѣпое орудіе божества, — возвышаетъ понятіе о самомъ божествѣ. Вѣра жаждетъ всюду видѣть присутствіе Бога,— это понятно, естественно, правдиво; Лессингъ хочетъ только, чтобы люди признавали это участіе Бога въ непостижимомъ созданіи законовъ, на основаніи которыхъ движется и совершенствуется жизнь, въ созданіи средствъ, данныхъ человѣку для борьбы и добыванія истины, а не въ непосредственномъ вмѣшательствѣ свыше. Благодаря такимъ воззрѣніямъ, всѣ религіи должны слиться въ общемъ стремленіи на благо человѣка безъ злобы, и безъ вражды привести всѣхъ къ единству святыни».

Эти простыя истины облечены въ чудную художественную форму, увлекающую самаго неподготовленнаго читателя, который уже самъ долженъ извлекать изъ нея воззрѣнія на жизнь и людей, иллюстрируя мысли Натана исторіей и дѣйствительностью. Пьеса заканчивается полной гармоніей, но и въ ней, какъ противовѣсъ Натану и его философіи, представлена и обратная философія, въ лицѣ Патріарха, взывающаго къ мечу и кострамъ, требующаго во имя той же высшей правды отнять дочь у Натана, конфисковать его имущество, сжечь еврея, хотя бы онъ и спасъ отъ гибели христіанскаго ребенка,—

Затѣмъ, что лучше въ бѣдствіяхъ погибнуть,
Чѣмъ къ вѣчному грѣху спастись.

Тѣмъ болѣе даже—еврея, осмѣлившагося сдѣлать это:

Еврея, оторвавшаго насильно
Младенца христіанскаго отъ церкви,
Съ которой связанъ онъ своимъ крещеньемъ.
И чтожъ, какъ не насиліе все то,
Что дѣлаютъ съ безпомощнымъ младенцемъ?
Ну, такъ сказать, конечно, исключая
Того, что церковь дѣлаетъ.

Въ борьбѣ съ философіей такого рода «Натанъ» Лессинга, по словамъ г. Крылова, является какъ бы «побѣднымъ возгласомъ, прославляющимъ то, что уже сдѣлано, прорицающимъ то, что предстоитъ сдѣлать». По справедливости, —

заканчиваетъ онъ свою прекрасную статью словами Куно Фишера,—названо это стихотвореніе «Натанъ Мудрый»; оно въ истинномъ и глубокомъ смыслѣ слова книга мудрости, которой Лессингъ имѣлъ полное право дать эпиграфомъ изреченіе: «войдите! — и здѣсь боги», — не кровожадные и мрачные, требующіе жертвъ и костровъ, а кроткіе и милостивые, полные любви къ бѣдному человѣчеству и благожелательной снисходительности къ его недостаткамъ.

А. Б.

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

На родинѣ.

Миссіонерскій съѣздъ въ Казани. Въ началѣ августа въ Казани, въ мѣстной духовной академіи происходилъ всероссійскій съѣздъ миссіонеровъ, созванный для выработки мѣръ противъ распространенія раскольничьихъ и сектантскихъ ученій. На съѣздѣ принимало участіе около 200 человѣкъ священниковъ, преподавателей изъ духовныхъ семинарій и учителей церковно-приходскихъ школъ, занимающихся миссіонерской дѣятельностью. Подробные отчеты о засѣданіяхъ съѣзда печатались въ казанскихъ газетахъ, въ которыхъ изложены всѣ мѣры борьбы съ сектантствомъ и расколомъ, выработанныя на съѣздѣ, какъ желательныя.

Изъ многочисленныхъ докладовъ, сообщеній и записокъ, внесенныхъ на обсужденіе съѣзда участниками его, выяснилось, что распространеніе раскола и сектантства, несмотря на всѣ старанія миссіонеровъ и правительственныя мѣропріятія, нетолько не ослабѣваетъ, но даже усиливается. Особенно сильно распространяется штундизмъ, существовавшій ранѣе только на югѣ Россіи, теперь же имѣющій многочисленныхъ послѣдователей въ средѣ населенія восточныхъ губерній, какъ, напр., Самарской, Саратовской и даже Уфимской губерній. Кромѣ того, въ послѣднее время появилось много новыхъ сектъ, ранѣе неизвѣстныхъ. Эти послѣднія секты частью представляютъ какъ бы отпрыски уже вкоренившихся въ народѣ сектъ, частью же являются возникшими самостоятельно и ничего общаго съ старыми не имѣющими.

Къ числу новыхъ сектантскихъ ученій съѣздъ отнесъ и религіозно-нравственныя воззрѣнія графа Льва Толстого, признавъ, что послѣдователи его составляютъ «вполнѣ сформировавшуюся секту». Признавая вмѣстѣ съ тѣмъ, что эта секта вполнѣ подходитъ подъ опредѣленіе сектъ, «особенно вредныхъ для церкви и государства», съѣздъ постановилъ просить святѣйшій синодъ войти съ представленіемъ къ правительству о примѣненіи къ послѣдователямъ ея установленнаго въ отношеніи «особенно вредныхъ» сектъ закона. Что касается распространенія другихъ сектъ, а также раскола, то для ослабленія ихъ съѣздъ призналъ необходимымъ принятіе слѣдующихъ мѣръ: воспретить раскольникамъ открывать школы для обученія своихъ дѣтей и закрыть всѣ имѣющіяся у нихъ въ настоящее время школы; объявить принадлежность къ «особенно вреднымъ» сектамъ,—«порочащимъ обстоятельствомъ», чтобы дать этимъ право крестьянскимъ обществамъ подвергать исключенію изъ своей среды и ссылать въ Сибирь тѣхъ изъ своихъ членовъ, которые будутъ замѣчены въ принадлежности къ вредной сектѣ; признать изданія лютеранскихъ богослужебныхъ книгъ на русскомъ языкѣ «опасными»; воспретить сектантамъ принимать въ работники или

въ услуженіе лицъ православнаго вѣроисповѣданія, не достигшихъ совершеннолѣтняго возраста, а за совершеннолѣтними, поступающими въ работники или въ услуженіе къ сектантамъ, учреждать надзоръ черезъ приходскихъ священниковъ. Въ виду того, что штундисты, лишенные съ 1894 года права собираться на моленія, стали въ послѣднее время посѣщать съ этой цѣлью лютеранскія церкви, имѣющіяся вблизи мѣстъ ихъ осѣдлости, причемъ пасторы совершаютъ для нихъ богослуженія на русскомъ языкѣ, съѣздъ постановилъ просить черезъ св. синодъ правительство о запрещеніи отправленія богослуженій на русскомъ языкѣ въ лютеранскихъ церквахъ, находящихся въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ живутъ штундисты. Наконецъ, въ виду того, что въ дѣйствующемъ нынѣ уложеніи о наказаніяхъ, въ статьѣ, воспрещающей проповѣдываніе раскола и сектантскихъ ученій, говорится, что отвѣтственности за это подлежатъ лишь лица, распространяющія упомянутыя ученія «публично», съѣздъ постановилъ просить св. синодъ обратиться въ коммиссію, занятую въ настоящее время составленіемъ новаго уложенія о наказаніяхъ, съ предложеніемъ исключить это слово «публично» изъ указанной выше статьи или замѣнить его какимъ-нибудь другимъ словомъ, такъ какъ оно даетъ судебнымъ установленіямъ поводъ толковать эту статью въ томъ смыслѣ, что воспрещаются проповѣди раскола и сектантскихъ ученій только на площадахъ и улицахъ.

На съѣздѣ обсуждались также вѣроученія двухъ малоизвѣстныхъ сектъ—*немоляковъ* и *іеговистовъ*.

Секта немоляковъ, по докладу нижегородскаго миссіонера о. Фалковскаго, нашла себѣ мѣсто въ Семеновскомъ уѣздѣ, Нижегородской губерніи, въ приходахъ: Быдревскомъ, Богоявленскомъ, Рождественскомъ и сосѣднихъ съ ними. Появилась она тамъ лѣтъ 20 тому назадъ. Первымъ проповѣдникомъ ея былъ крестьянинъ деревни Олнихи М. Ив. Шипулевъ (нынѣ умершій). Немоляки въ своей жизни руководствуются только библіей и никакого другого писанія не признаютъ. По ихъ мнѣнію, библія написана Св. Духомъ единовременно подъ разными именами. Храмы и иконы они отрицаютъ. Сына Божія называютъ Словомъ Божіимъ. Властей они не признаютъ. По сужденію Иларіонова, нѣтъ грѣха даже убить человѣка. Постовъ не соблюдаютъ. Брачныя сожитія ими, по словамъ докладчика, свободно нарушаются. О сектѣ іеговистовъ докладывалъ екатеринбургскій миссіонеръ Романовскій. По его свѣдѣніямъ, эта секта существуетъ въ Верхотурскомъ уѣздѣ, въ заводахъ: Баранчинскомъ, Нижне-Баранчинскомъ, Верхне-Туринскомъ, Кушвинскомъ и Нижне-Тагильскомъ, насчитывая до 500 человѣкъ послѣдователей, называемыхъ въ простонародіи субботниками, потому что ими празднуется вмѣсто воскресенья суббота. Іеговисты отвергаютъ основные догматы христіанства—ученіе о Св. Троицѣ, о духовности существа Божія, о воплощеніи Сына Божія, о почитаніи св. иконъ, не признаютъ постовъ и, вообще, отвергаютъ всѣ обряды церкви, понося церковь и ея служителей, и отвергаютъ гражданскую власть. Г. Романовскій въ доказательство этого привелъ выдержки изъ брошюръ іеговистовъ, во множествѣ распространяемыхъ по губерніямъ: Пермской, Вятской, Оренбургской и Херсонской. Собранія іеговистовъ многолюдны. На нихъ поются гимны, направленные къ порицанію православной церкви. По окончаніи собранія бываетъ общая трапеза. Іеговисты всѣми мѣрами стараются пропагандировать свое ученіе, по которому наборъ людей къ Іеговѣ будетъ продолжаться только 1.000 лѣтъ. Если кто изъ іеговистовъ въ теченіе семи лѣтъ не обратитъ никого въ свое клеврето-ангельское братство, тотъ лишается высшей награды въ раю.

О духоборахъ на съѣздѣ, по словамъ «Петербургскаго Духовнаго Вѣстника», было доложено слѣдующее:

Особеннаго расцвѣта духоборчество достигло между 1864 и 1886 годами, когда во главѣ ихъ стояла умная, энергичная, красивая женщина Лукерья Ва-

сильевна (ихъ «богородица»). Со смерти ея начались смуты и раздоры среди самихъ духоборцевъ изъ за выбора новаго управителя. Образовались 2 партіи, изъ нихъ одна, большая, выбрала себѣ любовника Лукерьи Васильевны—Петра Веригина. Послѣ того, какъ послѣдній открыто сталъ называть себя духоборческимъ царемъ и пророкомъ, онъ былъ высланъ правительствомъ въ Архангельскую губернію. Но сюда ему его собратья высылали много денегъ и онъ жилъ здѣсь безбѣдно. Духоборцы старались его вернуть, но напрасно: отказы правительства на домогательства духоборцевъ относительно возвращенія Веригина крайне озлобили послѣднихъ. Между тѣмъ, Веригинъ въ ссылкѣ познакомился съ толстовскимъ ученіемъ, увлекся имъ и склонялъ къ тому своихъ послѣдователей. Многіе изъ духоборцевъ приняли толстовство подъ вліяніемъ писемъ Веригина и дѣятельной пропаганды толстовщины со стороны князя Хилкова, Алехина и другихъ.

Произошла невообразимая ломка въ воззрѣніяхъ старой секты. Веригинская партія распалась на двѣ, выдѣливъ изъ себя духоборъ «постниковъ», принявшихъ всю до мелочей толстовскую теорію, съ вегетаріанствомъ включительно. Духоборы-толстовцы перестали наниматься въ работники и сами не нанимали прислуги, на базарахъ ничего не покупали, завели артельныя мастерскія, артельную обработку полей, допущена общинная уборка хлѣба, уравнены денежныя имущества и скотъ, уплачены долги, перестали ѣсть мясо, мужья развелись съ женами и рѣшили вести аскетическую жизнь. Какъ выраженіе идеи непротивленія и въ знакъ отрицанія войны и насилія, все оружіе, которое было въ домахъ постниковъ, они собрали, сложили въ костеръ и зажгли. Между тѣмъ до начальства дошелъ слухъ, что духоборы вооружились, губернаторъ вызвалъ солдатъ, которые и были свидѣтелями, какъ духоборы жгли съ пѣніемъ псалмовъ оружіе. На неоднократную просьбу властей разойтись по домамъ, духоборы отвѣчали молчаніемъ. Тогда ихъ силою разогнали. Но духоборы не успокоились, возвратили по начальству всѣ ополченскія свидѣтельства, бывшіе же въ рядахъ войскъ сложили оружіе къ ногамъ командировъ.

Словомъ, духоборы теперь отрицаютъ всю государственную власть и всѣ гражданскіе законы. Одинъ у насъ царь, говорятъ они, одинъ законодатель, одинъ судья — это Богъ. Всѣ эти воззрѣнія толстовскіе поклонники облекли въ особый духоборскій катехизисъ. Вотъ, напр., вопросы и отвѣты изъ этого катехизиса.—Что ты за человѣкъ?—Человѣкъ я Божій.—По какому ты виду проживаешь?—По Божьему виду, по правдѣ Христовой, по разуму Іисусову.—Какого ты племени?—Всеязычнаго.—Есть ли у тебя царь?—Нашъ царь Отецъ Небесный, а управитель—Христосъ Спаситель и т. п. Послѣ оказаннаго неповиновенія начальству, въ 1895 г. назначено было слѣдствіе и духоборы, въ количествѣ 4 тысячъ, разселены по грузинскимъ селеніямъ, а другая часть въ Карскую область. Въ теченіе двухъ лѣтъ они здѣсь попрежнему держатся анархическаго образа мыслей, отказываются платить всѣ подати, кромѣ поземельной, не принимаютъ присяги и т. п. Правительственнымъ разрѣшеніемъ общаго вопроса о духоборческой сектѣ въ настоящее время занята особая коммиссія изъ г. оберъ-прокурора св. синода, министровъ внутреннихъ дѣлъ и юстиціи и г. главноначальствующаго гражданскою частью на Кавказѣ.

На съѣздѣ было установлено, что штундизмъ, баптизмъ и пашковщина очень схожи между собой; различіе, главнымъ образомъ, касается вопроса толкованія св. писанія и св. таинствъ. Затѣмъ, на съѣздѣ было достаточно выяснено, что всѣ три секты имѣютъ довольно хорошую и прочную организацію какъ въ дѣлѣ своей пропаганды, такъ и благотворительности. Недавно еще у нихъ было сильное желаніе устроить заграницей особую колонію, были даже разосланы особыя воззванія русскимъ и заграничнымъ братьямъ съ просьбою о пожертвованіяхъ на покупку земли заграницей для новыхъ христіанъ. Въ Ру-

мыніи, въ Тульчѣ, собрался кружокъ передовыхъ дѣятелей штунды, каковы, напримѣръ, Павловъ, воспитанникъ гамбургской баптистической семинаріи, Прохановъ, студентъ-технологъ и др. Здѣсь издаются два журнала: одинъ на русскомъ языкѣ—«Бесѣда», подъ ред. Проханова, а другой—на нѣмецкомъ языкѣ издаетъ Павловъ.

Но наряду съ хорошей организаціей въ сектантствѣ, мы видимъ въ немъ, съ другой стороны, постоянное разложеніе на разные отдѣльные толки. Послѣднее, конечно, благопріятно, хотя и отчасти, для православной миссіи. Когда между сектантами происходятъ несогласія, то недовольные часто уходятъ въ другія мѣста и здѣсь начинаютъ свою пропаганду. При этомъ движеніе сектантства идетъ съ юга и изъ сѣверной столицы въ центральныя губерніи. Новые толки, выдѣляемые сектантствомъ, бываютъ иногда съ крайне отрицательнымъ направленіемъ, до атеизма включительно, или же переходятъ иногда въ болѣзненный мистицизмъ, какъ это мы видимъ въ малеван щинѣ, этой прямой отрасли штундизма. Кромѣ того, новѣйшіе сектанты ведутъ свою пропаганду безнаказанно среди старыхъ, чѣмъ, разумѣется, увеличиваются ряды новѣйшихъ сектъ. Такъ, извѣстно не мало случаевъ перехода изъ хлыстовщины въ скопчество, изъ молоканъ въ баптистовъ, изъ штундистовъ въ толстовцевъ.

При этомъ еще установлено было на съѣздѣ, что сильными распространителями штунды и баптизма являются очень часто солдаты. Нѣкоторыми миссіонерами была представлена переписка солдатъ, изъ коей видно, какъ ведется пропаганда сектантства среди военныхъ.

Въ ряду полезныхъ для борьбы съ сектантствомъ мѣръ, на съѣздѣ обсуждались, между прочимъ, слѣдующія: исходатайствованіе изданія закона, на основаніи котораго можно было бы отбирать отъ раскольниковъ и сектантовъ ихъ дѣтей, причемъ для воспитанія ихъ въ православной вѣрѣ устроить въ каждой епархіи особые пріюты. Обсужденіе этой мѣры отняло у съѣзда почти цѣлое засѣданіе одного дня, но въ концѣ концовъ мѣра эта была отвергнута, въ виду тѣхъ затрудненій, которыя духовному вѣдомству неизбѣжно пришлось бы встрѣтить при устройствѣ пріютовъ для воспитанія раскольничьихъ и сектантскихъ дѣтей. Архіепископъ рязанскій, высокопреосвященный Мелетій, посѣтившій одно изъ засѣданій съѣзда, рекомендовалъ вниманію съѣзда одну также очень важную и, по его мнѣнію, весьма полезную для успѣха миссіонерскаго дѣла мѣру: это—конфискацію имущества раскольниковъ и сектантовъ.

Послѣднія два предложенія привели въ негодованіе князя Мещерскаго: «Неужели это могло быть?»—недоумѣваетъ авторъ.

«На обсужденіе вопроса объ отбираніи дѣтей у раскольниковъ и сектантовъ съѣздъ посвятилъ цѣлый день, и мѣра эта была отклонена только потому, что не предвидѣлось средствъ къ учрежденію и содержанію такихъ епархіальныхъ воспитательныхъ заведеній для отбираемыхъ у раскольниковъ и сектантовъ дѣтей. Изъ этого слѣдуетъ, что если бы средства для такихъ воспитательныхъ заведеній имѣлись бы въ виду у съѣзда, то казанскій миссіонерскій съѣздъ рѣшился бы ходатайствовать у того самаго Государя, который только что ему заповѣдывалъ заботу о церковной проповѣди въ истинно-христіанскомъ духѣ, издать законъ, на основаніи котораго, съ цѣлью противодѣйствовать расколу и ереси и во славу православной церкви, дѣти насильственно отбирались бы у родителей раскольниковъ и сектантовъ для воспитанія на средства епархіи.»

Князь Мещерскій отказывается вѣрить всему этому; онъ думаетъ, что все «злая неправда, направленная противъ казанскаго съѣзда, требующая опроверженія», онъ не можетъ вѣрить, чтобы *«не нашлось ни единаго православнаго человѣка на этомъ съѣздѣ, чтобы во имя Христа протестовать противъ предложенія, столь полнаго отрицанія Его завѣтовъ любви и милосердія»*...

«Невообразимо тяжелыя думы навѣваютъ на душу эти извѣстія о миссіонерскомъ съѣздѣ въ Казани,—продолжаетъ князь Мещерскій.—Вѣдь, очевидно, на этомъ съѣздѣ созваны были самые лучшіе представители церковной іерархіи, самые усердные и самые просвѣщенные ревнители православія, и тогда говоришь себѣ: если при этомъ лучшемъ и отборномъ наличномъ составѣ миссіонерскаго съѣзда онъ могъ безпрепятственно и съ легкимъ сердцемъ цѣлый день посвятить на обсужденіе такихъ мѣръ, какъ отбираніе дѣтей и конфискованіе имуществъ раскольниковъ и сектантовъ, то что же должно происходить во имя интересовъ православія и въ дѣлѣ борьбы его съ расколомъ и ересью въ тѣхъ многихъ темныхъ уголкахъ русской земли, гдѣ живутъ и дѣйствуютъ не лучшіе и не отборные, а обыкновенные церковные люди?

«И затѣмъ, что должно произойти въ душѣ этихъ многихъ обыкновенныхъ церковныхъ людей, когда они узнаютъ изъ газетъ, что̀ на миссіонерскомъ съѣздѣ въ Казани предлагаютъ члены его для успѣха миссіонерскаго дѣла и для славы православной церкви? На что они пойдутъ въ сношеніяхъ съ раскольниками и сектантами, если сверху, откуда для нихъ приходятъ свѣтъ и примѣръ, предлагаются столь не согласныя съ истинно-христіанскимъ духомъ мѣры?

«Вѣдь, обѣ мѣры исходить могутъ только отъ ненависти... А ненависть можетъ только порождать ненависть».

Читатели народной библіотеки. Въ газетѣ «Донъ» помѣщена очень интересная статья одной изъ библіотекаршъ Кольцовской библіотеки въ Воронежѣ, г-жи Е. С—вой, которая сообщаетъ свои наблюденія надъ читателями библіотеки. Главный контингентъ послѣднихъ состоитъ изъ мастеровыхъ и рабочихъ, стекающихся въ библіотеку со всѣхъ окраинъ города. По словамъ г-жи С., читателей изъ рабочаго класса можно раздѣлить на три группы: читатели первой группы требуютъ книгъ религіознаго содержанія: житія святыхъ, проповѣди, дневникъ Іоанна Кронштадтскаго, и пр. Перечитавши всѣ духовныя книги, такіе читатели съ видимой неохотой берутся за свѣтскія. Ко второй категоріи принадлежатъ лица, смотрящія на чтеніе, какъ на средство для самообразованія. Такой читатель съ пренебреженіемъ относится къ беллетристикѣ: если библіотекарь вздумаетъ предложить ему такую книгу, онъ, перелиставъ ее, возвращаетъ, говоря: «это все романы для забавы, а намъ дайте что-нибудь подѣльнѣе». Книги они выбираютъ долго, тщательно и большею частью по исторіи, путешествія, медицинѣ, біографіи знаменитыхъ людей. Много читаются произведенія Астырева («Въ волостныхъ писаряхъ», «Сельское хозяйство въ Воронежской губерніи» и др.), вообще—все, что имѣетъ какой-либо практическій или образовательный интересъ. Часто предъявляются требованія по физикѣ, особенно со стороны желѣзнодорожныхъ мастеровыхъ.

Читатели третьей и самой многочисленной группы читаютъ исключительно беллетристику. Эта группа, въ свою очередь, распадается на двѣ категоріи: одни ищутъ въ книгахъ только интересныхъ приключеній, увлекаются Жюль Верномъ, Майнъ-Ридомъ; другіе, болѣе развитые, читаютъ новые журналы, произведенія лучшихъ русскихъ и иностранныхъ писателей. Болѣе всего читаются историческіе романы Соловьева, Данилевскаго, Мордовцева, Сенкевича; «Война и миръ» тоже пользуется большой популярностью, тогда какъ остальныя произведенія Толстого почти не читаются. Очень читаются романы Шпильгагены и «Углекопы» Золя. Впрочемъ, это единственный изъ его романовъ, имѣющій успѣхъ въ рабочей публикѣ; вообще же Золя не пользуется ихъ расположеніемъ.

Но что дѣйствительно составляетъ кумиръ для мастеровыхъ, такъ это «Спартакъ» Джіованіоли, разсказываетъ г-жа С.; это произведеніе никогда не бываетъ въ библіотекѣ, такъ какъ все время обращается въ рукахъ читателей; изъ десяти подписчиковъ шесть-семь начинаютъ требованія со «Спартака». Однажды

«Спартакъ» былъ принесенъ однимъ мастеровымъ для обмѣна; ожидавшій здѣсь своей очереди слесарь, увидавъ эту книгу, съ оживленіемъ воскликнулъ:

— А, «Спартакъ»! Насилу-то я до него добрался! Спрашивалъ, спрашивалъ и терпѣнье потерялъ. Теперь уже я возьму его!—и, подхвативъ книгу, онъ съ восторгомъ побѣжалъ домой.

Часъ, другой прошелъ, является еще мастеровой и требуетъ тоже «Спартака».

— Этого нѣтъ,—говорю я.

— Нѣтъ—есть,—возражаетъ тотъ,—вы, пожалуйста, посмотрите на полкѣ.

— На полкѣ нѣтъ,—повторила я.

— Нѣтъ, вы, пожалуйста, посмотрите,—настаиваетъ мастеровой,—я очень хорошо знаю, что есть.

Меня очень насмѣшила его увѣренность, но я все-таки подошла къ полкѣ и осмотрѣла ее; «Спартака», конечно, не оказалось, и это я ему опять подтвердила.

— Какъ же нѣтъ?—удивился мастеровой.—Я хорошо знаю, что сегодня вамъ его принесли.

— Да, принесли,—отвѣтила я,—но сію же минуту онъ былъ взятъ другимъ лицомъ.

Надо было видѣть досаду его! Обманувшись въ своихъ надеждахъ, онъ даже не хотѣлъ выбирать себѣ ничего и на мой вопросъ, что ему дать—съ сердцемъ проворчалъ: «Да ужъ теперь все равно, что-нибудь!»

Къ стихамъ многіе рабочіе относятся пренебрежительно; другіе, напротивъ, съ видимымъ удовольствіемъ читаютъ по нѣскольку разъ Никитина, Пушкина, Некрасова и другихъ писателей, изображающихъ въ яркихъ картинахъ многія стороны русской жизни. Авторы же съ расплывчатымъ или субъективнымъ характеромъ поэзіи не пользуются популярностью, напр.: Надсонъ, Козловъ, Минскій въ полномъ забросѣ.

Вообще замѣчено, что стоитъ только какому-нибудь произведенію понравиться хотя одному рабочему—дальнѣйшій успѣхъ этой книги вполнѣ обезпеченъ, такъ какъ рабочій передаетъ свое впечатлѣніе товарищамъ, и у тѣхъ, въ свою очередь, возникаетъ желаніе прочитать это же.

Произведенія, рисующія народный бытъ, напр., сочиненія Успенскаго, Григоровича, и др., большимъ успѣхомъ не пользуются. Оно и понятно, замѣчаетъ, г-жа С.. Какой интересъ можетъ представлять для рабочаго описаніе той же среды, гдѣ онъ вращается всю жизнь и знакомъ съ ея проявленіями лучше и, такъ сказать, осязательнѣе, чѣмъ это онъ найдетъ въ книгѣ? Онъ ищетъ описанія другой жизни, другой среды, гдѣ живутъ люди совершенно другими интересами; онъ знакомится такимъ образомъ со многими сторонами общественной жизни, борьбу, горе и нужды которой онъ въ дѣйствительности не можетъ непосредственно наблюдать. Въ этомъ заключается все великое значеніе книги, съ помощью которой у человѣка пробуждается мысль и мало-по-малу расширяется умственный кругозоръ. Могъ ли бы достигнуть человѣкъ какого-нибудь развитія, если онъ и въ жизни, и въ книгахъ вращался бы, какъ заколдованный, всегда въ одномъ и томъ же кругу?

Есть также читатели, любящіе одно только фантастичное, чудесное; каждая книга съ мало-мальски заманчивымъ, таинственнымъ заглавіемъ притягиваетъ ихъ, какъ яркій цвѣтокъ — бабочекъ, напр.: «Панъ Твардовскій», «Конецъ міра», «Путешествіе Гуливера» и др. берутся ими съ живымъ любопытствомъ.

Что касается газетъ, то спросъ на нихъ очень развитъ: многіе берутъ книги раза два-три въ мѣсяцъ, за газетами же являются каждый день, и непремѣнно требуютъ газетъ «поновѣе да посвѣжѣе». По правиламъ библіотеки, газеты должны отпускаться не раньше недѣли со дня полученія, но если бы этого придерживаться на практикѣ, то какой бы гвалтъ подняли подписчики! Въ

этомъ отношеніи они очень избалованы, и газету, полученную дня четыре тому назадъ, они уже не желаютъ брать, послѣдніе же номера чуть не рвутъ другъ у друга. При всемъ желаніи библіотекаря имъ угодить, все-таки приходится очень многимъ отказывать; нѣкоторые недовольные молча уходятъ съ обиженнымъ видомъ, другіе, напротивъ, поднимаютъ ропотъ: «Почему другимъ даете, а мнѣ нѣтъ?! сколько разъ просилъ я послѣдній номеръ, а вы все не даете» и т. п. Между ними, впрочемъ, есть и такіе педанты, что не любятъ бѣгать за новинкой, но требуютъ послѣдовательно номеръ за номеромъ и нерѣдко отстаютъ отъ прочихъ недѣли на три; на предложеніе библіотекаря взять ближайшій номеръ, они выражаютъ даже неудовольствіе.

— Отъ насъ не уйдетъ!—говорятъ они при этомъ.—А то возьмешь черезъ номеръ и пропустишь что-нибудь интересное; притомъ и спокойнѣе: старые-то номера всегда у васъ дома, а новые всѣ хотятъ на перебой.

На основаніи всѣхъ своихъ наблюденій г-жа С. приходитъ къ выводу, что рабочіе прекрасно способны понимать и цѣнить художественную литературу и созданіе какой-то особой «народной» литературы является совершенно излишнимъ. Зато крайне желательно было бы изданіе дешевыхъ научно-популярныхъ книгъ, въ которыхъ чувствуется большая потребность.

Усердный становой. «Вятскій Край» сообщаетъ слѣдующій любопытный фактъ изъ просвѣтительной дѣятельности администраціи въ глухихъ уголкахъ. Въ первыхъ числахъ августа вятская губернская земская управа разослала въ уѣздныя управы копіи съ слѣдующаго предложенія вятскаго губернатора: «По возбужденному мною вопросу о томъ, могутъ ли быть допускаемы къ чтенію въ безплатныхъ народныхъ читальняхъ, открытыхъ по правиламъ 15 мая 1890 г., книги, не помѣщенныя въ изданный въ 1896 г. министерствомъ народнаго просвѣщенія каталогъ, но одобренныя комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія къ употребленію въ этихъ читальняхъ какъ до изданія каталога, такъ и послѣ изданія его,—г. управляющій департаментомъ народнаго просвѣщенія, отъ 8 іюля за № 162, увѣдомилъ меня, что на основаніи § 4 правилъ о безплатныхъ народныхъ читальняхъ 15 мая 1890 г., книги, одобренныя ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія до изданія симъ министерствомъ каталога книгъ для упомянутыхъ читаленъ, но не включенныя въ каталогъ, не могутъ быть допускаемы къ употребленію въ читальняхъ. Что же касается книгъ, одобренныхъ ученымъ комитетомъ къ употребленію въ народныхъ читальняхъ послѣ изданія сказаннаго каталога, то такія книги могутъ быть допускаемы въ читальни впредь до выхода въ свѣтъ новаго изданія каталога или прибавленія къ нему». Не успѣло еще это губернаторское предложеніе дойти до малмыжской земской управы, какъ послѣдняя получаетъ отъ завѣдующаго одной сельской библіотекой-читальней извѣщеніе, что мѣстный становой приставъ, явившись 1 августа въ эту библіотеку читальню, изъялъ изъ обращенія 46 экземпляровъ книгъ, какъ не значащихся въ послѣднемъ министерскомъ каталогѣ. Книги эти приставъ хотѣлъ опечатать и препроводить къ исправнику, но послѣ разъясненія завѣдующаго библіотекой, что большинство намѣченныхъ къ изъятію книгъ—духовно-нравственнаго содержанія и учебники, и что первыя изъ нихъ могутъ быть допущены въ библіотеку, какъ одобренныя духовной цензурой, а вторыя—какъ допущенныя и даже рекомендованныя для ученическихъ библіотекъ, рѣшилъ пока оставить въ библіотекѣ съ тѣмъ условіемъ, чтобы книги эти не выдавались для чтенія и пользованія впредь до разрѣшенія исправника. Къ числу книгъ, признанныхъ становымъ запрещенными для сельскихъ библіотекъ-читаленъ, между прочимъ, отнесены были слѣдующія: Д. Соколова—«Священная исторія ветхаго и новаго завѣта» и «Ученіе о богослуженіи православной церкви»; Невскаго—«Избранныя мѣста

*

изъ твореній св. Іоанна Златоуста» 2 выпуска, Фаррара — «Жизнь Іисуса Христа», «Сокровище духовное св. Тихона Задонскаго», Пушкина—«Русланъ и Людмила» и «Сказка о мертвой царевнѣ»; Гоголя—«Старосвѣтскіе помѣщики», Лубенца— «Сборникъ ариѳметическихъ задачъ», Малинина и Буренина — «Руководство алгебры» и друг.

Ясли въ деревнѣ. Въ минувшее лѣто въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ въ деревнѣ Раевѣ, Московскаго уѣзда дѣйствовали ясли, открытыя московскимъ уѣзднымъ обществомъ попеченія о неимущихъ дѣтяхъ. Какъ сообщаютъ «Рус. Вѣд.», это были первыя ясли въ Московскомъ уѣздѣ. Потребность яслей сознавалась уже давно. Еще въ 1880 году д-ръ П. А. Песковъ на уѣздномъ земскомъ санитарномъ совѣтѣ поднималъ вопросъ объ устройствѣ земствомъ яслей въ деревняхъ на время лѣтнихъ работъ. И спеціальныя санитарныя изслѣдованія по Московскому уѣзду, и многочисленныя такія же изслѣдованія въ Московской и въ другихъ губерніяхъ, и наблюденія участковыхъ врачей въ амбулаторіяхъ лѣчебницъ постоянно указываютъ на плохія условія вскармливанія и воспитанія грудныхъ дѣтей въ деревняхъ, особенно въ страдную пору. Въ самомъ дѣлѣ, у крестьянъ нѣтъ понятія о различіи между желудкомъ ребенка и желудкомъ взрослаго, и малютку начинаютъ пичкать чѣмъ попало чуть не со дня его рожденія. И кислый квасъ, и соленый огурецъ, и жеваный хлѣбъ, и отвратительный коровій сосокъ, и гнилое яблоко, — все поступаетъ въ ротъ грудного ребенка, а когда послѣдній отнятъ отъ груди, то его лишаютъ даже молока въ постные дни. Немудрено, что среди крестьянскихъ дѣтей сильно развиты кишечныя разстройства, которыя въ лѣтнее время принимаютъ тяжелый септическій характеръ, почему дѣти мрутъ массами.

Деревня Раево находится въ 12 в. отъ Москвы, въ сторонѣ отъ желѣзныхъ и шоссейныхъ дорогъ. Это—сравнительно глухое селеніе, жители котораго преимущественно занимаются земледѣльческимъ трудомъ. Оно находится верстахъ въ двухъ отъ села Медвѣдкова, гдѣ развита дачная жизнь. Въ Раевѣ есть земская школа, на лѣто пустующая. Земство уступило Обществу на лѣтніе мѣсяцы эту школу для устройства въ ней яслей. Зданіе школы предварительно было продезинфецировано, затѣмъ вычищено и выбѣлено. Обстановка яслей была самая скромная: простые столы, табуреты, скамьи, 4 кровати для прислуги; всѣ эти вещи доставлены изъ земской мытищенской лѣчебницы. Для дѣтей были пріобрѣтены простыя корзины, и 3 корзины на колесикахъ для катанья. Для постояннаго наблюденія за яслями была приглашена г-жа Виноградова, которая раньше много лѣтъ служила акушеркой въ мытищенской лѣчебницѣ и которую все населеніе Раева прекрасно знаетъ. Въ медицинскомъ отношеніи ясли находились въ вѣдѣніи земскаго врача Д. И. Орлова. Всего израсходовано было на ясли въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ около 200 руб.

Всѣхъ дѣтей въ ясляхъ перебывало 22; изъ нихъ 21 были изъ Раева и 1 ребенокъ изъ сосѣдней деревни Сабурова. Возрастъ ихъ былъ различный: отъ 6-ти дней и до 4-хъ лѣтъ. Больше всего было по одному ребенку со двора; но было пять дворовъ, изъ которыхъ приносили въ ясли по два ребенка. Ясли дѣйствовали всѣ дни, за исключеніемъ праздниковъ. Число дѣтей, приносимыхъ въ ясли, колебалось отъ двухъ до 16. Всѣхъ дней работы яслей было 49. Нѣкоторыя дѣти воспользовались яслями очень слабо, посѣтивши ихъ всего только 2—3 раза; зато были дѣти, которыя вполнѣ успѣшно воспользовались услугами яслей; такъ, были дѣти, посѣщавшія ясли 30, 35 и даже 40 и болѣе разъ.

Порядокъ веденія яслей былъ такой. Рано утромъ матери приносили въ ясли своихъ дѣтей. Ихъ тотчасъ мыли въ ваннѣ и переодѣвали въ чистое бѣлье яслей. Весь день проводили дѣти въ ясляхъ, гдѣ ихъ кормили и забавляли. Груднымъ дѣтямъ давалось кипяченое молоко цѣльное или разбавленное кипя-

ченою водой, а старшіе получали, сверхъ того, супъ, хлѣбъ и кашку. Не менѣе двухъ разъ въ день приходили матери покормить грудью своихъ дѣтей. Прислуги было четыре человѣка: кухарка, нянька и двѣ дѣвочки подростка въ помощь нянькѣ. Вечеромъ матери разбирали своихъ дѣтей, причемъ дѣти переодѣвались въ свое бѣлье, а снятое съ нихъ поступало въ стирку. Одной матери очень не понравилось, что ея ребенку давали молоко, разбавленное водою, и она взяла малютку изъ яслей; изъ пользовавшихся услугами яслей умеръ только одинъ ребенокъ, который поступилъ въ ясли истощеннымъ и умирающимъ. Нѣкоторыя дѣти были съ ясно выразившимся рахитизмомъ; они значительно поправились и окрѣпли. Самыя маленькія дѣти развивались правильно и хорошо.

Встрѣченныя недовѣрчиво вначалѣ, ясли вскорѣ завоевали къ себѣ расположеніе женщинъ, которыя проводили надзирательницу съ выраженіемъ большого сочувствія и при прощаніи высказывали сильное желаніе, чтобы ясли были открыты и въ будущее лѣто. Нѣкоторыя женщины изъ Сабурова очень упрекали себя за то, что не воспользовались яслями теперь, и высказали надежду, что въ будущемъ году ихъ дѣти не встрѣтятъ препятствія къ поступленію въ раевскія ясли. Сознанная крестьянами польза яслей заставляетъ высказать желаніе, чтобы не только ясли вновь открылись въ Раевѣ будущимъ лѣтомъ, но чтобы онѣ были устроены также и еще въ нѣсколькихъ селеніяхъ.

Подобныя-же ясли начинаютъ устраиваться и въ другихъ мѣстахъ. Такъ, по словамъ «Волжско-Камскаго края», нынѣшнимъ лѣтомъ среди состава елабужской земской управы возникла мысль основать въ ближайшемъ къ гор. Елабугѣ (около 8 верстъ) селеніи Качкѣ, на время лѣта, пріютъ-«ясли» для крестьянскихъ дѣтей, главнымъ образомъ грудныхъ, гдѣ бы они находили себѣ полный уходъ и здоровое питаніе въ отсутствіи своихъ матерей, отлучающихся изъ села почти на цѣлыя сутки, иногда и болѣе, въ поле для уборки хлѣба. И вотъ, въ началѣ іюля мѣсяца, состоялось открытіе этого симпатичнаго учрежденія, благодаря которому не одно деревенское дитя, оставляемое, обыкновенно, подъ призоръ какой-нибудь няньки въ лицѣ 5—6-ти-лѣтней сестренки или же старухи-бабушки, часто такой же безпомощной, какъ и ввѣряемое ея попеченію дитя, найдетъ для себя разумный уходъ и не подвергнется тѣмъ различнымъ несчастнымъ случайностямъ, отъ которыхъ оно не гарантировано, оставаясь дома безъ родителей.

«Сынъ Отечества» сообщаетъ, что въ Воронежской губ., Землянскаго уѣзда, на средства мѣстнаго земства были организованы ясли въ селѣ Муромкѣ. Иниціаторомъ этого дѣла явилась женщина-врачъ, г-жа Ростовцева, которая выхлопотала у земства 200 р. и на эти небольшія деньги устроила ясли, въ которыхъ перебывало болѣе 100 дѣтей. Г-жа Ростовцева разсказываетъ, что въ началѣ крестьяне отнеслись къ яслямъ недовѣрчиво, какъ ко всякому новшеству.

Въ первый день пришло только 8 дѣтей, но къ вечеру явилось 22 человѣка, на-завтра — 75, потомъ 82 и т. д., все увиличивалось число приводимыхъ, прибѣгавшихъ и даже приползавшихъ увѣчныхъ дѣтишекъ.

За время отъ 2 іюня до 26, за періодъ страды, кромѣ праздничныхъ дней, перебывало въ ясляхъ 1.184 человѣка, т. е. среднимъ числомъ 62 человѣка въ день.

Всѣ крестьяне душевно благодарили свою «докторицу», а состоятельные хозяева давали кормъ натурой, т. е. приносили пшено, горохъ, муку и т. д., а матери приводили дѣтей чисто вымытыми и одѣтыми.

Открытіе женскаго медицинскаго института. 15-го сентября начались занятія въ женскомъ медицинскомъ институтѣ, а 14-го сентября, въ присутствіи директора института, профессоровъ и слушательницъ, былъ отслуженъ молебенъ

по случаю начала занятій. Послѣ молебна директоръ института, проф. Анрепъ, обратился къ слушательницамъ со слѣдующей рѣчью, текстъ мы заимствуемъ изъ «Новостей»:

«Милостивыя государыни, поздравляю васъ съ поступленіемъ въ институтъ и желаю вамъ всѣмъ успѣшно преодолѣть всѣ трудности изученія медицинскихъ наукъ. Большинство изъ васъ уже доказало, что трудъ васъ не пугаетъ, что вы обладаете достаточною энергіею, чтобы достигать намѣченныхъ цѣлей; многія изъ васъ уже освоились и съ самостоятельнымъ научнымъ трудомъ и потому можно почти навѣрно ожидать, что дѣло у васъ пойдетъ хорошо, что отсталыхъ и неуспѣвающихъ будетъ немного. Въ силу необходимости торжественное открытіе института должно быть еще отложено на нѣкоторое время. Но отсутствіе торжественной обстановки не умаляетъ значенія совершающагося событія. Институтъ нашъ является первымъ и единственнымъ въ Европѣ. Россія первая признала равенство женщинъ и мужчинъ въ области медицины *). Открытіе всякаго учебнаго заведенія, въ особенности въ странѣ бѣдной ими, является шагомъ впередъ по пути народнаго развитія,—открытіе же высшаго учебнаго заведенія, подобнаго нашему, является несомнѣнно торжествомъ для всѣхъ стремящихся къ свѣту и знанію, для всѣхъ, кому не безразличны немочи и недуги народные. Нѣтъ такой области человѣческаго знанія, которая бы такъ непосредственно, такъ широко могла удовлетворять требованіямъ ума и сердца, какъ медицина. Необъятныя задачи естествознанія и медицины могутъ удовлетворить самый пытливый и неутомимый умъ, открывая все новые и новые горизонты, маня безпрерывно въ таинственную даль познанія существа жизни; проявленія любви, сердечнаго сочувствія къ горю ближняго нигдѣ не найдутъ такого широкаго примѣненія, какъ въ дѣятельности врача; душевныя потребности въ этой дѣятельности находятъ тѣмъ большее удовлетвореніе, что она быстро ведетъ къ цѣли, устраняя и облегчая страданія и болѣзни. Не обольщайтесь только надеждою на матеріальное благополучіе; его достигаютъ лишь исключительно рѣдкіе. Медицина кормитъ плохо и врачи всю жизнь перебиваются изо-дня въ день. Но сколько бы ни было путей для обогащенія, сколько бы ни было способовъ для обезпеченія своего существованія, всегда не мало будетъ людей, стремящихся къ врачебной дѣятельности, потому что эта дѣятельность можетъ дать такое нравственное удовлетвореніе, какъ никакая другая. Вы, конечно, знаете, что устройство института встрѣтило не мало препятствій. Какъ при всякомъ новомъ дѣлѣ, пришлось бороться съ предубѣжденіями и съ изстари установившимися взглядами на назначеніе и положеніе женщины. Много времени и много энергіи было потрачено лицами, заинтересованными въ созданіи института, и между этими лицами на первомъ мѣстѣ стоятъ Л. А. и Альф. Леоп. Шанявскіе. Своимъ существованіемъ институтъ обязанъ имъ такъ много, что можно сказать, если бы не было Шанявскихъ — много бы еще прошло лѣтъ, пока устроился бы институтъ. Они доставили значительныя суммы, больше половины всего, что имѣетъ институтъ, они же въ теченіе 10-ти лѣтъ съ безпримѣрною энергіею прилагали всѣ усилія къ преодолѣнію препятствій, мѣшавшихъ открытію института. Никогда не забывайте, съ какими затрудненіями создался институтъ. Помните, что къ институту и къ вамъ будутъ зорко присматриваться и други, и недруги. Помните, что вы прокладываете дорогу тысячамъ русскихъ женщинъ въ стремленіи ихъ къ высшему образованію и къ равноправности въ различныхъ знаніяхъ и областяхъ дѣятельности. Отъ васъ будетъ во многомъ зави-

*) Это невѣрно. Швейцарія, Америка и Англія—*первыя* признали «равенство женщинъ и мужчинъ въ области медицины», допустивъ *совмѣстное* изученіе медицины для женщинъ и мужчинъ въ университетахъ, и первая русская женщина-врачъ, г-жа Суслова, была докторомъ Цюрихскаго университета. *Ред.*

сѣть способствовать осуществленію этихъ стремленій или затормазить ихъ на долгое время. Не упускайте также изъ виду, что то, что въ учрежденіяхъ, составившихъ себѣ репутацію, можетъ проходить почти безслѣдно, будетъ сильно отражаться на будущности нашего института. Вамъ предстоитъ положить начало хорошей или дурной славѣ института. А, вѣдь, вы знаете, какъ быстро распространяется дурная слава и какъ трудно возстановить потерянное довѣріе. Строгимъ исполненіемъ всѣхъ правилъ, добросовѣстнымъ отношеніемъ къ вашимъ обязанностямъ вы нетолько исполните вашъ долгъ, но заслужите благодарность слѣдующихъ за вами и столь же жадно стремящихся къ образованію русскихъ женщинъ.

«Гг. профессора, не могу не выразить вамъ отъ имени института глубокой благодарности, что вы откликнулись на нашъ призывъ и изъявили согласіе посвятить институту ваши знанія и время. Я твердо увѣренъ, что общими усиліями намъ удастся упрочить положеніе института въ ряду его старѣйшихъ собратій и что въ недалекомъ будущемъ онъ съумѣетъ завоевать себѣ общее уваженіе и симпатіи».

Новое зданіе женскихъ медицинскихъ курсовъ, постройка и отдѣлка которыхъ только надняхъ окончены, помѣщается на Петербургской сторонѣ, по Архіерейской ул. Красивое четырехъ-этажное зданіе построено въ обычномъ стилѣ подъ руководствомъ архитектора министерства путей сообщенія г. Воротилова и снабжено прекрасной вентиляціей. Во всѣхъ помѣщеніяхъ зданія, какъ-то: въ аудиторіяхъ, кабинетахъ, залахъ и пр. имѣется достаточно свѣта и воздуха. Всѣ эти помѣщенія уже распредѣлены и имѣютъ свои назначенія. Аудиторіи разсчитаны на 125 человѣкъ каждая, причемъ скамьи для слушательницъ расположены въ нихъ амфитеатромъ, что, однако, благодаря высотѣ комнатъ, не лишаетъ ихъ достаточнаго количества воздуха и свѣта. Особенно хорошо устроенъ операціонный залъ, гдѣ операціонные столики помѣщены у оконъ, а полъ изъ ксилолитовыхъ плитъ устроенъ покатымъ для стока жидкостей; для сохраненія труповъ устроенъ возлѣ анатомическаго театра небольшой ледникъ, изъ котораго трупы будутъ доставляться на подъемныхъ машинахъ; стѣны ледника—полыя для лучшаго предохраненія труповъ отъ вліянія внѣшней температуры. Верхніе этажи зданія отведены для аудиторій, кабинетовъ и актовой залы, а нижній—для канцеляріи и квартиры директора. Начатое постройкой возлѣ главнаго зданія курсовъ общежитіе для слушательницъ, какъ намъ передали, будетъ окончено въ будущемъ году. Оффиціальное открытіе курсовъ послѣдуетъ въ октябрѣ мѣсяцѣ.

Привѣтствуя открытіе института отъ имени мужчинъ-врачей, журналъ «Врачъ» замѣчаетъ: «Такимъ образомъ, исправлена, наконецъ, печальная ошибка тѣхъ, которые, съ такимъ легкимъ сердцемъ и такимъ невѣдѣніемъ потребностей русскаго общества, 15 лѣтъ тому назадъ убили славное, молодое, полное жизни и силъ дѣло образованія женщинъ-врачей... Да здравствуетъ,—заканчиваетъ почтенный журналъ,—и цвѣтетъ Женскій медицинскій институтъ на многіе, многіе годы, а первымъ піонеркамъ его да позволено намъ будетъ сказать словами Плещеева:

Впередъ, безъ страха и сомнѣнья,
На подвигъ доблестный друзья!»

Отъ всей души присоединяясь къ пожеланіямъ «Врача», позволимъ себѣ замѣтить лишь, что говорить о «подвигѣ» въ настоящее время не вполнѣ умѣстно. То, что лѣтъ двадцать пять тому назадъ было, пожалуй, подвигомъ, теперь—простое житейское дѣло.

Воспоминанія о Лермонтовѣ. Газета «Кавказъ» печатаетъ интересныя воспоминанія генерала Мамацева объ офицерскихъ годахъ Лермонтова. Въ 1840 г. на Кубани шла борьба изъ-за обладанія Лабою. Въ это время Мамацевъ, тогда

еще подпоручикъ, познакомился съ Лермонтовымъ, который служилъ въ Тенгинскомъ полку и командовалъ въ отрядѣ особою охотничьей командою, составленною изъ казаковъ и татаръ—самыхъ отчаянныхъ головорѣзовъ. Лермонтовъ скоро сошелся съ молодымъ Мамацевымъ.

«Я хорошо помню Лермонтова,—разсказываетъ Мамацевъ,—и какъ сейчасъ вижу его передъ собою то въ красной канаусовой рубашкѣ, то въ офицерскомъ сюртукѣ безъ эполетъ, съ откинутымъ назадъ воротникомъ и переброшенною черезъ плечо черкесской шашкой, какъ обыкновенно рисуютъ его на портретахъ. Онъ былъ средняго роста, съ смуглымъ или загорѣлымъ лицомъ и большими карими глазами. Натуру его постичь было трудно. Въ кругу своихъ товарищей, гвардейскихъ офицеровъ, участвовавшихъ вмѣстѣ съ нимъ въ экспедиціи, онъ былъ всегда веселъ, любилъ острить, но его остроты часто переходили въ мѣткіе и злые сарказмы, не доставлявшіе особаго удовольствія тѣмъ, на кого были направлены. Когда онъ оставался одинъ или съ людьми, которыхъ любилъ, онъ становился задумчивъ, и тогда лицо его принимало необыкновенно выразительное, серьезное и даже грустное выраженіе; но стоило появиться хотя одному гвардейцу, какъ онъ тотчасъ же возвращался къ своей банальной веселости, точно стараясь выдвинуть впередъ одну пустоту свѣтской петербургской жизни, которую онъ презиралъ глубоко. Въ эти минуты трудно было узнать, что̀ происходило въ тайникахъ его великой души. Онъ имѣлъ склонность и къ музыкѣ, и къ живописи, но рисовалъ однѣ каррикатуры, и если чѣмъ интересовался, такъ это шахматною игрою, которой предавался съ увлеченіемъ. Онъ искалъ, однако, сильныхъ игроковъ, и въ палаткѣ Мамацева часто устраивались состязанія между нимъ и молодымъ артиллерійскимъ поручикомъ Москалевымъ. Послѣдній былъ, дѣйствительно, отличный игрокъ, но ему только въ рѣдкихъ случаяхъ удавалось выиграть у Лермонтова».

Какъ замѣчательный поэтъ, Лермонтовъ давно оцѣненъ по достоинству, но какъ объ офицерѣ о немъ и до сихъ поръ идутъ безконечные споры. Мамацевъ полагаетъ, впрочемъ, что Лермонтовъ никогда бы не сдѣлалъ на этомъ поприщѣ блистательной карьеры,—для этого у него недоставало терпѣнія и выдержки. Онъ былъ отчаянно храбръ, удивлялъ своею удалью даже старыхъ кавказскихъ джигитовъ, но это не было его призваніемъ, и военный мундиръ онъ носилъ только потому, что тогда вся молодежь лучшихъ фамилій служила въ гвардіи. Даже въ походѣ онъ никогда не подчинялся никакому режиму, и его команда, какъ блуждающая комета, бродила всюду, появляясь тамъ, гдѣ ей вздумается, въ бою она искала самыхъ опасныхъ мѣстъ,—и, какъ увидимъ, находила ихъ чаще всего у орудій Мамацева.

Первое горячее дѣло, въ которомъ пришлось участвовать Мамацеву и которое составило ему репутацію лихого артиллерійскаго офицера, произошло 11-го іюля, когда войска проходили дремучій Гойтинскій лѣсъ. Мамацевъ съ четырьмя орудіями оставленъ былъ въ аріергардѣ, и въ теченіе нѣсколькихъ часовъ одинъ отбивалъ картечнымъ огнемъ бѣшеные натиски чеченцевъ. Это было торжество хладнокровія и ледяного мужества надъ дикою, не знающею препонъ, но безразсудною отвагою горцевъ. Подъ охраной этихъ орудій войска вышли, наконецъ, изъ лѣса на небольшую поляну, и здѣсь-то, на берегахъ Валерика, грянулъ бой, составляющій своего рода кровавую эпопею нашей кавказской войны. Кто не знаетъ прекраснаго произведенія Лермонтова, озаглавленнаго имъ «Валерикъ» и навѣяннаго именно этимъ кровавымъ побоищемъ.

Выйдя изъ лѣса и увидѣвъ огромный завалъ, Мамацевъ съ своими орудіями быстро обогнулъ его съ фланга и принялся засыпать гранатами. Возлѣ него не было никакого прикрытія. Оглядѣвшись, онъ увидѣлъ, однако, Лермонтова, который, замѣтивъ опасное положеніе артиллеріи, подоспѣлъ къ нему съ своими охотниками. Но едва начался штурмъ, какъ онъ уже бросилъ орудія и верхомъ

на бѣломъ конѣ, ринувшись впередъ, исчезъ за завалами. Этотъ моментъ хорошо врѣзался въ память Константина Христофоровича.

Лермонтовъ, не имѣвшій ни одного ордена, представленъ былъ за это дѣло прямо къ Владиміру 4 й степени, но въ Петербургѣ въ наградѣ ему отказали.

27-го октября произошелъ жаркій бой въ Автуринскихъ лѣсахъ.

Войскамъ пришлось проходить по узкой лѣсной тропѣ подъ адскимъ перекрестнымъ огнемъ непріятеля; пули летѣли со всѣхъ сторонъ, потери наши росли съ каждымъ шагомъ, и порядокъ невольно разстраивался. Послѣдній аріергардный баталіонъ, при которомъ находились орудія Мамацева, слишкомъ поспѣшно вышелъ изъ лѣса, и артиллерія осталась безъ прикрытія. Чеченцы разомъ изрубили боковую цѣпь и кинулись на пушки. Въ этотъ мигъ Мамацевъ увидѣлъ возлѣ себя Лермонтова, который точно изъ земли выросъ съ своею командой. И какъ онъ былъ хорошъ въ красной шелковой рубашкѣ съ косымъ разстегнутымъ воротомъ, рука сжимала рукоять кинжала. И онъ, и его охотники, какъ тигры, сторожили моментъ, чтобы кинуться на горцевъ, если бы они добрались до орудій. Но этого не случилось.

Не менѣе жаркій бой повторился 4-го ноября и въ Алдинскомъ лѣсу, гдѣ колонна лабинцевъ дралась въ теченіе восьми съ половиною часовъ въ узкомъ лѣсномъ дефиле. Только уже на выходѣ изъ лѣса попалась, наконецъ, небольшая площадка, на которой Мамацевъ поставилъ четыре орудія и принялся обстрѣливать дорогу, чтобы облегчить отступленіе аріергарду. Вся тяжесть боя легла на нашу артиллерію. Къ счастью, скоро показалась другая колонна, спѣшившая на помощь къ намъ съ лѣваго берега Сунджи. Раньше всѣхъ явился къ орудіямъ Мамацева Лермонтовъ съ своею командой, но помощь его оказалась излишнею: чеченцы прекратили преслѣдованіе.

Николай Александровичъ Варгунинъ.

(Некрологъ).

11 сентября многотысячная толпа, въ которой перемѣшались представители всѣхъ классовъ и состояній, но преимущественно состоявшая изъ простого, сѣраго рабочаго люда,—провожала въ могилу гробъ на кладбище такъ-называемаго Шлиссельбургскаго тракта. Масса депутацій отъ всякихъ обществъ и комитетовъ, масса металлическихъ дорогихъ вѣнковъ, огромная толпа—все это мы видимъ не разъ, и не это выдѣляло описываемые похороны изъ ряда другихъ, придавало имъ особый, торжественный и грустный, въ то же время величаво-трогательный, хватающій за сердце характеръ. Удрученный видъ толпы, не скрываемое горе на лицахъ всѣхъ, маленькіе, грошевые вѣнки чуть не въ рукахъ каждаго изъ рабочихъ, вѣнки, купленные, быть можетъ, на послѣднюю копѣйку,—показывали, что каждый изъ провожавшихъ хоронилъ нѣчто ему родное, дорогое и близкое, что въ этомъ гробу на рукахъ толпы заключалась частица и его сердца.

Хоронили не знатнаго, именитаго человѣка, славнаго громкими дѣлами, а большую нравственную силу, служившую при жизни центромъ лучшихъ помышленій, надеждъ и желаній рабочихъ людей, которымъ Николай Александровичъ Варгунинъ посвятилъ свою жизнь. Общее горе и непритворныя слезы ихъ служатъ лучшею оцѣнкою этой дѣятельности, познакомить съ которой читателей мы считаемъ нашимъ долгомъ предъ памятью покойнаго.

Сынъ основателя Невской писчебумажной фабрики Александра Ивановича Варгунина, Николай Александровичъ родился въ Петербургѣ 3-го апрѣля 1850 года.

Проведя дома первые годы дѣтства, 7-ми лѣтъ отъ роду онъ былъ отданъ на полный пансіонъ въ частное, въ то время очень извѣстное, учебное заведеніе Дюперона, въ которомъ обучался два года, подготовляясь къ поступленію въ коммерческое училище.

Обладая прекрасными способностями, Николай Александровичъ 16 лѣтъ окончилъ коммерческое училище съ золотою медалью. Такое образованіе, въ тѣ вре-

Н. А. Варгунинъ.

Родился 3 апрѣля 1850 г., умеръ 8 сентября 1897 года.

мена и для той среды, изъ которой вышелъ Николай Александровичъ, могло считаться вполнѣ достаточнымъ, но отецъ его, человѣкъ недюжинный, нисколько не препятствовалъ сыну продолжать образованіе, и Николай Александровичъ, находясь отчасти подъ вліяніемъ своего двоюроднаго брата, нынѣ покойнаго извѣстнаго Владиміра Павловича Варгунина, не соблазнился предстоявшей ему привольною

и богатою жизнью, а пожелалъ поступить въ университетъ на административное отдѣленіе юридическаго факультета. Хотя родители покойнаго были люди очень зажиточные, тѣмъ не менѣе, они не баловали нашего студента, и онъ былъ принужденъ ежедневно съ Лиговки ходить пѣшкомъ въ университетъ, сберегая свои скудныя средства для посѣщенія оперы, имъ страстно любимой; скромныя сбереженія ,однако, не позволяли ему спускаться въ театрѣ ниже галлереи. Въ 1871 г. Николай Александровичъ окончилъ университетъ и за представленное имъ сочиненіе на тему «О рабочихъ союзахъ въ Англіи» удостоенъ степени кандидата правъ; достойна вниманія тема кандидатскаго сочиненія, ясно указывающая, что рабочій вопросъ интересовалъ Николая Александровича уже съ самыхъ раннихъ поръ его жизни.

По окончаніи университета, покойный, по желанію отца, началъ заниматься въ конторѣ фабрики, но не эта работа наполняла его жизнь и придавала ей смыслъ и значеніе. 20-го октября 1871 года, т.-е. въ годъ окончанія Николаемъ Александровичемъ университета, открыло свои дѣйствія Фарфоровское приходское попечительство во главѣ со своимъ предсѣдателемъ, Владиміромъ Павловичемъ Варгунинымъ. Учрежденіе это, съ весьма обширною программою и преслѣдующее широкія просвѣтительныя цѣли, понятно, заинтересовало покойнаго, и хотя онъ не попалъ въ число членовъ попечительства, тѣмъ не менѣе, дѣятельность попечительства ему была знакома съ перваго момента его существованія: онъ такъ ею интересовался, что, по собственному признанію, во время засѣданій, происходившихъ въ квартирѣ Владиміра Павловича, съ разрѣшенія послѣдняго, находился въ смежной комнатѣ, подготовляясь ко вступленію на поприще общественной дѣятельности.

26 октября 1875 года Николай Александровичъ былъ избранъ въ число членовъ попечительства. Обладая всѣми данными обѣщавшими ему блестящую карьеру, дававшими ему возможность жить и наслаждаться, покойный избралъ иную дорогу, и съ этого времени начинается его самоотверженная, не знающая устали дѣятельность на пользу рабочихъ, съ особенною яркостью проявляющаяся по вопросамъ народнаго образованія. Въ первый же годъ, по вступленіи въ число членовъ Фарфоровскаго попечительства, Николай Александровичъ избирается въ комитетъ по завѣдыванію дневнымъ пріютомъ, при которомъ въ слѣдующемъ же году было открыто, по иниціативѣ покойнаго, первое на Шлиссельбургскомъ трактѣ, содержимое на частныя средства, училище. Въ 1880 году Николай Александровичъ былъ избранъ въ комитетъ по постройкѣ каменнаго зданія въ память 25-ти-лѣтія царствованія Императора Александра II; зданіе это въ 1881 году было окончено при значительныхъ пожертвованіяхъ покойнаго *), дѣятельность котораго уже въ то время была настолько выдающейся, что 24 іюня 1881 года попечительство постановило, «въ признательность за значительныя пожертвованія и личные труды по возведенію новаго каменнаго зданія и внутреннему его устройству, учредить въ открываемомъ училищѣ двѣ стипендіи имени Николая Александровича Варгунина».

Учрежденіемъ перваго училища при Фарфоровскомъ попечительствѣ было положено прочное начало дѣлу народнаго образованія на Шлиссельбургскомъ трактѣ, которое, благодаря неустаннымъ заботамъ и значительнымъ матеріальнымъ пожертвованіямъ покойнаго, стало быстро расти. Поставивъ вполнѣ прочно обученіе дѣтей грамотѣ, Н. А., поддерживаемый Владиміромъ Павловичемъ, нашелъ для себя новую арену дѣятельности.

Развитіе фабрично-заводской промышленности на трактѣ вызвало громадный наплывъ рабочихъ изъ среднихъ губерній Россіи, гдѣ взрослое населеніе, не

*) Съ 1875 г. Николай Александровичъ владѣлъ уже значительными средствами.

говоря уже о его женской части, 15 лѣтъ тому назадъ, было почти поголовно безграмотно. Вотъ эти-то «взрослыя дѣти» обратили на себя вниманіе покойнаго. Обученіе ихъ представляло громадныя трудности; прежде всего нужно было найти учебный персоналъ, пріохотить взрослыхъ учиться и имѣть для организаціи этого дѣла матеріальныя средства. 30-го октября 1883 года на Шлиссельб. трактѣ, гдѣ обитаетъ масса темнаго и нуждающагося фабричнаго люда, была открыта *первая* воскресная школа Фарфоровскаго попечительства. Въ первое же время въ школу записалось 250 человѣкъ; вслѣдствіе наплыва учащихся, 20-го ноября того же года пришлось открыть *вторую* школу. На иниціаторовъ, а изъ нихъ особенно на Н. А., падала масса хлопотъ по сношенію съ учебнымъ начальствомъ, по устройству помѣщеній, по пріобрѣтенію инвентаря. Только тотъ, кто знаетъ это дѣло, пойметъ, сколько средствъ, труда и энергіи требуется затратить при приведеніи его въ исполненіе! Сколько разочарованій, сколько огорченій нужно перенести, связанныхъ у насъ вообще со всякой общественной дѣятельностью и особенно съ просвѣтительною. Но энергія и упорство Николая Александровича въ достиженіи намѣченной имъ цѣли не знала границъ, и основанныя имъ учрежденія, переживъ массу невзгодъ, находятся и до настоящаго момента въ цвѣтущемъ состояніи, развиваясь и дополняясь все новыми и новыми учрежденіями, иниціаторомъ которыхъ является опять-таки Николай Александровичъ.

Отлично сознавая, что мало научить грамотѣ рабочихъ—надо еще позаботиться, чтобы они могли совершенствоваться далѣе, обезпечить имъ возможность къ дальнѣйшему самообразованію, Н. А. 7-го февраля 1884 года открываетъ особую библіотеку при первой воскресной шкокѣ; въ 1886 году, вмѣсто двухъ воскресныхъ школъ, существуетъ уже 4; параллельно съ увеличеніемъ школъ увеличивается и число библіотекъ, въ которыхъ къ 1-му іюня 1892 года состояло 2.128 книгъ. Число учащихся также быстро расло, и къ 1893 году доходило до 1.001 человѣка. 30-го октября 1893 года истекло десять лѣтъ существованія воскресныхъ школъ на Шлиссельбургскомъ трактѣ. За 10 лѣтъ, т. е. съ 1883 по 1893 годъ, въ нихъ обучалось 5.042 человѣка, изъ которыхъ 317 получили свидѣтельство на льготу по отбыванію воинской повинности; содержаніе этихъ школъ, при безплатномъ трудѣ 195 учащихъ, обошлось въ 49.141 р. 40 к., изъ которыхъ 24.307 р. 98 к. пожертвовано Николаемъ Александровичемъ. Не довольствуясь существующими воскресными школами, Н. А., при участіи своихъ сотрудниковъ по этимъ школамъ, открылъ спеціальные вечерно-воскресные классы, обезпечивъ ихъ содержаніе изъ своихъ средствъ.

Многообразная дѣятельность Н. А. по народному образованію ничуть не мѣшала ему заниматься и другими дѣлами попечительства, предсѣдателемъ котораго, за смертью Владиміра Павловича, онъ состоялъ съ 27-го ноября 1888 г.

Глубоко уважая своего двоюроднаго брата, бывшаго предсѣдателя Фарфоровскаго попечительства, и сознавая громадную пользу, приносимую учрежденіями этого попечительства, Н. А. съ особеннымъ рвеніемъ подерживалъ богадѣльню въ память А. И. и П. И. Варгуниныхъ, родильный пріютъ, народныя чтенія, участвуя вездѣ не только матеріально, но всюду внося свой личный трудъ, знаніе и опытность, съ любовью относясь ко всему, что могло послужить на пользу темнаго и непросвѣщеннаго люда.

20-го октября 1896 года истекло 25 лѣтъ существованія Фарфоровскаго попечительства; такое выдающееся событіе, въ виду исключительнаго положенія попечительства, не могло пройти незамѣченнымъ: особая коммиссія выработала программу празднованія этого знаменательнаго дня, причемъ само празднованіе сводилось главнѣйше къ чествованію Николая Александровича. Узнавъ объ этомъ, онъ категорически отказался отъ всякаго чествованія и просилъ разрѣшенія и

ему принять участіе въ занятіяхъ коммиссіи; такая постановка дѣла, конечно, исключала возможность личнаго характера этого праздника. Коммиссія приняла предложеніе Н. А. и ради него охотно шла на всѣ уступки, заявивъ, однако, что единогласное постановленіе собранія членовъ попечительства, избравшаго эту коммиссію, о постановкѣ портрета Н. А. въ залѣ засѣданій, такимъ образомъ, не можетъ быть измѣнено; и Николай Александровичъ послѣ долгихъ и настоятельныхъ просьбъ вынужденъ былъ дать свое согласіе на это. Еще ранѣе, именно 11-го апрѣля 1895 года, Императорское вольно-экономическое общество, пожизненнымъ членомъ котораго Николай Александровичъ состоялъ съ 1883 года, присудило ему большую золотую медаль.

Перечисленнаго, казалось, вполнѣ было бы достаточно, чтобы наполнить жизнь далеко недюжиннаго человѣка, но Н. А. искалъ для себя все новой и новой работы. Побуждаемый любовью къ дѣлу народнаго образованія, онъ вступилъ въ въ ряды гласныхъ с.-петербургской городской думы, его дѣятельность началась тамъ съ 1881 года и сосредоточилась главнѣйшимъ образомъ въ училищной коммиссіи, гдѣ онъ явился рьянымъ поборникомъ самаго широкаго распространенія народнаго образованія. Какъ второй замѣститель предсѣдателя коммиссіи по народному образованію, Н. А. завѣдывалъ 2-ю безплатною читальнею въ память Пушкина со времени ея открытія, принималъ дѣятельное участіе въ устройствѣ ея и въ составленіи правилъ и порядка завѣдыванія безплатными читальнями.

Состоя до своей смерти с.-петербургскимъ уѣзднымъ и губернскимъ земскимъ гласнымъ, Н. А. всецѣло отдавался дѣлу народнаго образованія, всегда на стражѣ интересовъ—мучениковъ этого дѣла—народныхъ учителей.

Масса учрежденій и обществъ пытались привлечь къ себѣ Н. А., но, измученный непосильнымъ трудомъ, онъ не могъ удовлетворить этихъ желаній, такъ напр., избранный въ 1893 году предсѣдателемъ комитета грамотности, онъ вынужденъ былъ отказаться отъ этой чести.

Императорское русское техническое общество, Высочайше утвержденная коммиссія по народнымъ чтеніямъ, общество доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ, общество артельной мастерской женскихъ рукодѣлій, общество распространенія коммерческихъ знаній, всѣ учрежденія Шлиссельбургскаго тракта считали его пожизненнымъ или почетнымъ членомъ, оказывавшимъ нетолько матеріальную поддержку, но и принимавшимъ активное участіе въ дѣлахъ этихъ обществъ. Имъ также разработанъ былъ уставъ общества содѣйствія народному образованію на очень широкихъ началахъ; къ сожалѣнію, общество не осуществилось по причинамъ спеціальнаго характера.

Убѣдившись, что дѣло народнаго образованія на Шлиссельбургскомъ трактѣ поставлено вполнѣ прочно, Николай Александровичъ приступилъ къ новому дѣлу, именно—отвлечь народъ отъ пьянства и дать ему возможность разумно и съ пользою для себя проводить часы досуга. Съ этою цѣлью, въ сообществѣ другихъ лицъ, учреждается Невское общество устройства народныхъ развлеченій. 27-го октября 1891 г. общество открыло свои дѣйствія и, благодаря Николаю Александровичу, съумѣвшему собрать матеріальныя средства и привлечь лицъ, съ любовью отдающихъ свой трудъ новому дѣлу, общество это сразу стало на твердую почву, за короткій пока промежутокъ своей жизни явившись образцомъ для нѣсколькихъ подобныхъ обществъ, открытыхъ въ разныхъ концахъ Россіи.

Владѣя громаднымъ и прекраснымъ паркомъ, зимнимъ и лѣтнимъ театромъ, устраивая танцовальные вечера, различнаго рода народныя развлеченія, народныя читальни, общество считаетъ своихъ посѣтителей многими сотнями тысячъ.

Зимній театръ общества оказывался слишкомъ малымъ и не могъ удовлетворить всѣхъ желающихъ имъ пользоваться. Николай Александровичъ задумалъ тогда постройку большого зданія народныхъ гуляній, съ читальнею, гимнасти-

ческимъ заломъ, концертнымъ и зрительнымъ на 1.600 человѣкъ. Громадная стоимость такого зданія до 150.000 руб. не могла остановить задуманнаго дѣла; со свойственной Н. А. энергіею, онъ взялся за собираніе нужныхъ средствъ; блестящіе результаты увѣнчали это дѣло: въ теченіе года имъ собрано около 90.000 руб. Эта солидная сумма была еще далеко недостаточною, но вотъ въ августѣ текущаго года состоялось Высочайшее повелѣніе объ отпускѣ Невскому обществу пособія по тысячѣ рублей ежегодно въ теченіе 5 лѣтъ. Эта царская милость, явившись свѣтлымъ лучемъ, разсѣявшимъ черныя тучи, нависшія надъ обществомъ, рѣшила безповоротно вопросъ о постройкѣ зданій народныхъ гуляній, закладка котораго была назначена на 8-е сентября текущаго года.

Судьба, однако, не дала Николаю Александровичу увидѣть осуществленіе его завѣтной мечты: заболѣвъ весною текущаго года, вслѣдствіе перенесеннаго имъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ страшнаго нервнаго потрясенія, онъ умеръ 8-го сентября 1897 года, въ 4 часа пополуночи, въ тотъ самый день, когда была назначена закладка зданія народныхъ гуляній. Предполагавшееся въ этотъ день празднество было отмѣнено, но торжество закладки комитетъ общества не отмѣнилъ, дабы увѣковѣчить день смерти этого рѣдкаго человѣка и положить начало памятнику, которымъ послужитъ для него народный театръ.

Такова въ краткихъ чертахъ жизнь и дѣятельность этого человѣка, безвременно прерванная. Но дѣло его, которому онъ служилъ безкорыстно и беззавѣтно, живетъ и будетъ жить. Со смертью Николая Александровича исчезъ центръ, все объединявшій и вдохновлявшій всѣхъ, но остающіеся должны въ памяти о немъ искать поддержки къ дальнѣйшему развитію его работы, внося въ нее ту же иниціативу и неослабную энергію, которыя, на ряду съ любовью, составляли главную черту въ дѣятельности Николая Александровича Варгунина.

XII международный медицинскій конгрессъ въ Москвѣ.

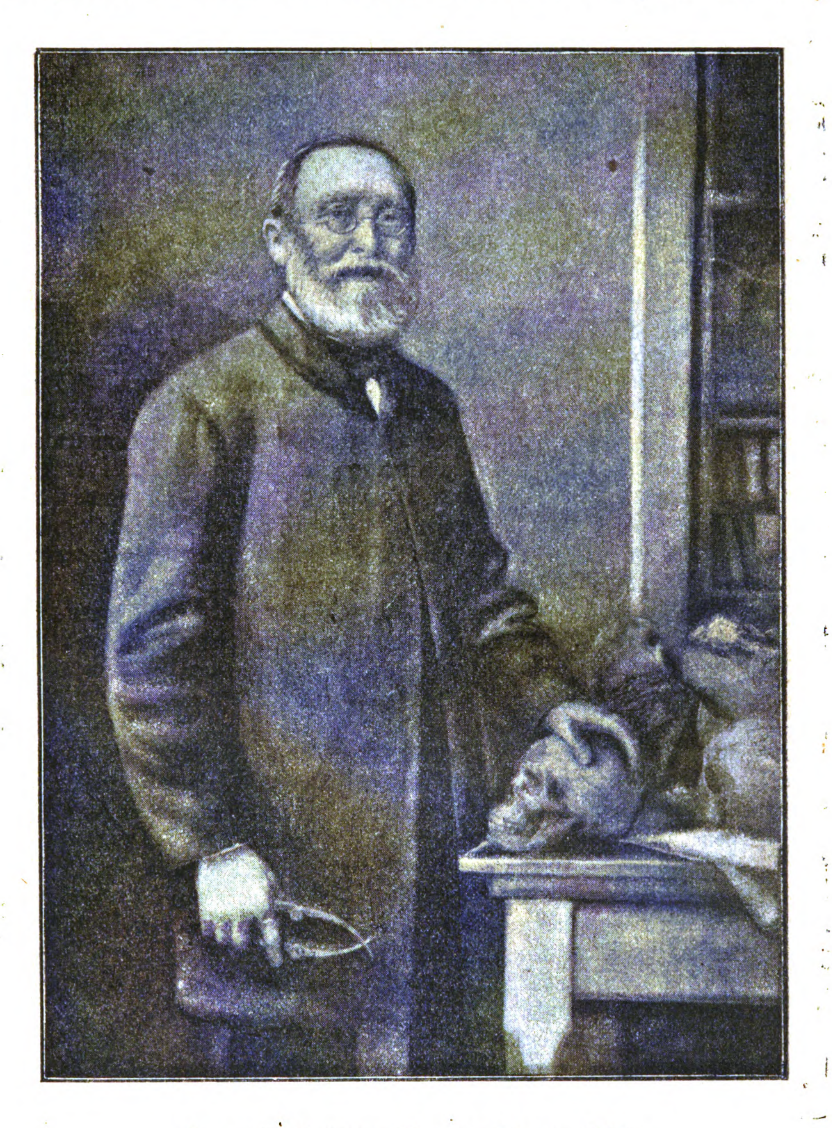
Общая картина конгресса.—Преобладаніе нѣмецкихъ ученыхъ.—Научная сторона конгресса.—Ея слабость.—Рѣчи Вирхова, Ламброзо и Лейдена.—Чахотка и санаторіи.—Борьба съ алкоголизмомъ.—Необходимость гигіеническихъ знаній.—Новыя завоеванія медицины. — Лучи Рентгена и серотерапія. — Заболѣваемость въ войскахъ.—Премія города Москвы.

На XI международномъ конгрессѣ въ Римѣ было принято предложеніе проф. Склифасовскаго объ устройствѣ XII конгресса въ Москвѣ. Въ виду неопытности русскихъ, ихъ непривычки къ общественнымъ собраніямъ, а также вслѣдствіе внезапнаго выхода проф. Эрисмана изъ организаціоннаго комитета, возникли опасенія, что и московскій конгрессъ не будетъ отличаться благоустройствомъ, какъ и предшествовавшій въ Римѣ. Эти опасенія, однако, не оправдались, и съ внѣшней стороны конгрессъ удался вполнѣ. Не смотря на небывалый наплывъ членовъ,—свыше 5.000,—порядокъ во всемъ былъ образцовый, и иностранные гости разъѣхались очарованные, если не русской медициной, то русскимъ гостепріимствомъ. Правда, и относительно первой мы слышали болѣе чѣмъ лестные отзывы, которые, уже въ значительно смягченномъ видѣ, теперь появляются въ медицинскихъ иностранныхъ органахъ, съ нѣкоторыми, вполнѣ, на нашъ взглядъ, вѣрными оговорками, что въ Москвѣ «мы, иностранные врачи, видѣли казовую сторону, и судить по ней о русской медицинѣ вообще мы не беремся».

Общій тонъ и окраску давали нѣмецкіе врачи, преобладавшіе не только численно, но и качественно, такъ какъ во главѣ ихъ стояли такія первоклас-

сныя свѣтила, какъ Вирховъ, Крафтъ-Эбингъ, Лейденъ, Сенаторъ, Гергардтъ, Цимсенъ и другіе, имена которыхъ составляютъ гордость науки *).

Обзоръ научныхъ результатовъ послѣдняго конгресса, поневолѣ, долженъ быть кратокъ, такъ какъ мы имѣемъ возможность коснуться только болѣе

Рудольфъ Вирховъ. Родился 13 окт. 1821 г.

*) Сверхъ всякаго ожиданія, французовъ на съѣздѣ оказалось мало—не болѣе 200, причѣмъ изъ «знаменитостей» явился одинъ д-ръ Калло, прославившійся лѣченіемъ горбовъ. Но что удивительнѣе всего, такъ это нескрываемое неудовольствіе и всякія претензіи, которыя выражаютъ теперь французскіе врачи по адресу русскихъ вообще и съѣзда въ частности. Почтенный журналъ «Врачъ», приведя въ 37 № рядъ глупо-безтолковыхъ выходокъ французовъ противъ съѣзда, изъ французскихъ изданій, справедливо замѣчаетъ: «Недовольство французскихъ товарищей московскимъ съѣздомъ понемногу начинаетъ проявляться въ печати все сильнѣе и сильнѣе... Вообще, мы не понимаемъ многаго изъ жалобъ французскихъ товари-

общихъ вопросовъ, затронутыхъ на съѣздѣ, причемъ до появленія печатныхъ трудовъ съѣзда трудно судить о большей или меньшей основательности положеній, краткимъ изложеніемъ которыхъ приходилось докладчикамъ въ большинствѣ случаевъ ограничиваться. Однако, теперь уже можно замѣтить, что *новаго* слова не было сказано, о *новомъ* блестящемъ открытіи не было сообщено.

Изъ рѣчей, произнесенныхъ на общихъ собраніяхъ, для большой публики могутъ представлять интересъ рѣчи Вирхова, Ламброзо и Лейдена.

Вниманіе всѣхъ возбудила, конечно, рѣчь перваго, этого учителя учителей современной медицины, произнесенная, къ тому же, на излюбленную Вирховымъ тему о связи медицины съ біологіей, и названная «непрерывность жизни, какъ основа біологическихъ воззрѣній».

Медицина,—говорилъ Вирховъ,—должна занять мѣсто въ ряду біологическихъ наукъ, такъ какъ патологія представляетъ одну изъ отраслей біологіи. Вѣдь для того, чтобы быть больнымъ, надо быть живымъ — вотъ простая истина, которая указываетъ на принадлежность патологіи къ біологіи. Признанія этой идеи трудно ждать въ скоромъ времени, и только нынѣшнему молодому поколѣнію, какъ надѣется Вирховъ, въ наступающемъ XX вѣкѣ, вѣроятно, уже суждено присутствовать при торжествѣ этой мысли. Трудность дѣла объясняется всѣмъ ходомъ развитія медицины, всѣми господствовавшими въ разное время теоріями, оказывавшими большое вліяніе на медицинскія воззрѣнія. Еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія, благодаря чисто спекулятивному направленію медицины, возможно было возникновеніе ученія о животномъ магнетизмѣ. Успѣхъ этого ученія былъ огромный. Животный магнетизмъ разрабатывался въ Парижѣ, въ Вѣнѣ, имѣлъ своихъ представителей въ университетахъ, а въ берлинскомъ—даже двухъ.

Тѣмъ не менѣе, начало современнаго научнаго направленія медицины надо искать еще въ среднихъ вѣкахъ. Въ эпоху реформаціи, когда человѣческая мысль получила извѣстную свободу, возможно было приступить къ изученію жизни, ея сущности. Парацельсъ, современникъ Везалія, занявшись этимъ вопросомъ, пришелъ къ заключенію, что жизнь проявляется въ двухъ формахъ, что нужно различать жизнь цѣлаго индивида (vita communis) и жизнь отдѣльныхъ его частей (vita prorpia). Великое открытіе Гарвея обосновало этотъ взглядъ. Гарвей направилъ медицину на путь реальнаго изслѣдованія. Открывъ кровообращеніе, показавъ, что сосуды наполнены кровью, а не воздухомъ, какъ думали до него, Гарвей однако не могъ объяснить, какъ переходитъ кровь изъ артерій въ вены. Мальпигію, наблюдавшему подъ микроскопомъ кровообращеніе въ лягушечьей лапкѣ, первому удалось увидать волосные сосуды, соединяющіе артеріи съ венами, онъ же открылъ кровяныя тѣльца. Благодаря Гарвею и Мальпигію медицина приблизилась къ разряду біологическихъ наукъ. Но и послѣ этихъ открытій роковой, никогда не оставляющій людей вопросъ о томъ, что такое жизнь, гдѣ ея начало, въ чемъ ея сущность,—получалъ всевозможныя рѣшенія, въ зависимости отъ господствующихъ воззрѣній даннаго времени. Въ эпоху расцвѣта математики и механики, хотѣли и жизни дать механическое объясненіе, причемъ всю ея сущность видѣли въ дѣятельности мышцъ, съ развитіемъ химіи надѣялись въ тонкихъ химическихъ процессахъ найти объясненіе сути жизни. Новѣйшее увлеченіе серотерапіей какъ будто воскрешаетъ оставленныя гумо-

---

щей, а нѣкоторыя заявленія намъ кажутся просто сочиненными. Повидимому, главное недоразумѣніе въ томъ, что французскіе товарищи ожидали политическихъ манифестацій, которымъ вовсе не мѣсто на международныхъ съѣздахъ». — Читая всѣ эти выходки французскихъ врачей, невольно вспоминаешь мѣткую харатеристику французовъ у Никитенки: «Французъ сухъ и фальшивъ... Онъ приторно-любезенъ, когда это ему нужно и выгодно, но разъ онъ не находитъ этого нужнымъ, трудно найти человѣка болѣе грубаго, дерзкаго и наглаго». *Ред.*

ральныя теоріи, и какъ бы это весьма понятное увлеченіе не сбило насъ съ истинно-научнаго пути. Однихъ теоретическихъ разсужденій, безъ участія эксперимента, для рѣшенія всѣхъ волнующаго вопроса, недостаточно. На основаніи такихъ разсужденій, было создано ученіе о самопроизвольномъ зарожденіи (generatio aequivoca). Это ученіе, плодъ спекулятивнаго метода, конечно, оставлено совсѣмъ, съ тѣхъ поръ, какъ вошелъ во всеобщее употребленіе микроскопъ. Геніальному Пастеру удалось показать, что даже бактеріи, эти безконечно малыя существа, тоже имѣютъ споры. И ростъ нашего собственнаго тѣла объяснялся самопроизвольнымъ зарожденіемъ первичныхъ элементовъ, но наблюденія показали, что всякая новая клѣтка можетъ появиться только тогда, когда другая клѣтка ей дастъ жизнь, что существуетъ преемственность жизни—omnis cellula e cellula *). Живое происходитъ отъ живого, и другого источника жизни нѣтъ—это должно сдѣлаться общимъ убѣжденіемъ. Законъ о преемственности, непрерывности жизни имѣетъ огромное значеніе, знаніемъ его мы обязаны микроскопу, но нельзя сказать, чтобы вопросъ о сущности жизни былъ окончательно разрѣшенъ. Грядущимъ поколѣніямъ предстоитъ еще много работы въ этомъ направленіи.

Проф. Ломброзо нарисовалъ картину тѣхъ завоеваній, которыя сдѣлала современная психіатрія, и тѣхъ безконечныхъ горизонтовъ, которыя открываются предъ взоромъ научно-образованнаго изслѣдователя-психіатра. Подъ вліяніемъ научнаго развитія психіатріи, мѣняются многія понятія не только медицинскія, но и общественныя. Только благодаря этимъ изслѣдованіямъ, медики получили ясную картину истеріи, психіатрія же занялась изученіемъ этіологіи алкоголизма, открыла цѣлый рядъ вырожденій въ кретинизмѣ, зобѣ и указала на способы предупрежденія, а иногда и лѣченія этихъ вырожденій.

Какъ, благодаря изслѣдованіямъ первыхъ знаменитыхъ психіатровъ конца прошлаго столѣтія, многіе такъ-называемые «одержимые», бѣсноватые, колдуны и т. д., въ большихъ количествахъ сжигавшіеся на кострахъ, были признаны несчастными больными, такъ и въ наше время психіатріи удалось показать, что масса преступниковъ представляетъ собой людей больныхъ. Вслѣдствіе такого воззрѣнія, должно было измѣниться и положеніе преступниковъ, должна измѣниться и система наказаній.

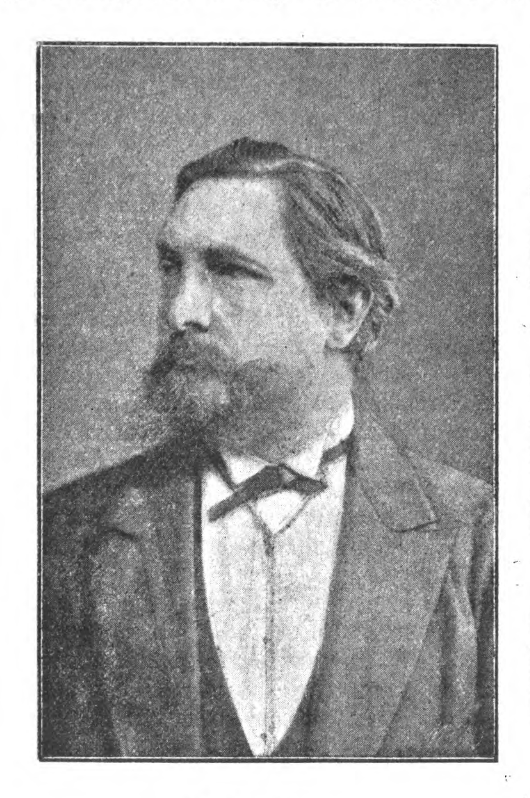
Во многихъ случаяхъ наказаніе потеряло теперь первоначальный характеръ позора и жестокости, заботятся больше объ удаленіи преступника, не примѣняя къ нему суровыхъ мѣръ. На другихъ болѣе раціональныхъ основаніяхъ ведется борьба съ алкоголизмомъ, разсматриваемымъ какъ болѣзнь. Экспериментальная психіатрія оказала вліяніе нетолько на общественно-юридическія отношенія, но сильно подвинула впередъ изученіе психологіи, гдѣ при помощи цѣлаго ряда остроумныхъ приборовъ удалось измѣрить скорость мысли, ея замедленія. Факты изъ области психіатріи дали возможность объяснить многое въ механизмѣ мышленія. Изученіе гипнотизма, измѣненіе настроенія загипнотизированнаго наложеніемъ магнита, наконецъ, внушеніе на разстояніи — все это показываетъ, что мысль связана съ законами молекулярнаго движенія мозговой коры. Въ законахъ движенія, по мнѣнію Ломброзо, придется искать объясненія многихъ, теперь еще неясныхъ, психическихъ и жизненныхъ явленій.

Рѣчь проф. Лейдена была посвящена чахоткѣ, которой вообще на конгрессѣ удѣлено было, по праву, очень много вниманія. Человѣчество, можетъ быть, не имѣетъ болѣе ужаснаго бича, чѣмъ чахотка. Одна седьмая часть людей умираетъ отъ этой болѣзни. Ни одна война, ни одна самая жестокая эпидемія не уноситъ столько жертвъ, сколько ихъ беретъ чахотка, постоянно среди насъ находящаяся и дѣлающая свою разрушительную работу изо дня въ день, изъ года

*) Всякая клѣточка происходитъ изъ клѣточки.

въ годъ. Поэтому неудивительно, что о чахоткѣ была рѣчь и въ секціи внутреннихъ болѣзней, и въ секціи гигіены, и что о ней же трактуетъ рѣчь проф. Лейдена, о которой мы и скажемъ въ связи со всѣми дебатами о чахоткѣ.

Въ секціи внутреннихъ болѣзней докладчикомъ по вопросу о лѣченіи чахотки выступилъ знаменитый проф. Цимсенъ, который послѣ долголѣтняго опыта пришелъ къ заключенію, что самымъ раціональнымъ надо признать климатическое лѣченіе. Профессора Лейденъ и Гергардтъ, отдавая должное климатическому способу лѣченія чахотки, указывали на то, что одного его мало, что не слѣдуетъ забывать о другихъ способахъ и средствахъ. Проф. Дегіо обратилъ вниманіе на то, что такіе прекрасные курорты, для холоднаго лѣченія чахотки, какъ Халила въ Финляндіи и Линдгеймъ въ Лифляндіи, почему-то мало извѣстны обще-

Проф. Лейденъ.

ству, а между тѣмъ лѣченіе въ этихъ курортахъ даетъ поразительные результаты. Проф. Крокъ въ своемъ докладѣ о причинахъ чахотки придаетъ большое значеніе наслѣдственности, съ чѣмъ, какъ мы увидимъ ниже, не совсѣмъ согласенъ проф. Лейденъ. Въ секціи гигіены были заслушаны доклады на программную тему—«пути распространенія туберкулеза и общественно-санитарныя мѣры въ борьбѣ съ нимъ». Такъ какъ зараженіе очень часто получается, между прочимъ, черезъ молоко, и такъ какъ рогатый скотъ нерѣдко служитъ источникомъ распространенія туберкулеза, то вполнѣ понятными являются почти одинаковыя заключенія, къ которымъ пришли оба докладчика, проф. Vaughan и проф Nocard, выставившіе положенія: 1) Ни одинъ молочный торговецъ не долженъ имѣть права торговать молокомъ безъ надлежащаго на это разрѣшенія, которое выдается послѣ самаго тщательнаго осмотра коровъ

свѣдущимъ ветеринаромъ. 2) Всякое убитое животное также должно подвергаться тщательному осмотру. 3) Необходимо дезинфицировать мокроту лицъ, пораженныхъ туберкулезомъ легкихъ, причемъ эти лица никогда не должны выхаркивать свою мокроту на улицахъ и въ общественныхъ каретахъ. 4) Необходима дезинфекція домовъ, въ которыхъ жили чахоточные больные. 5) На обязанности правительства лежитъ устройство и содержаніе больницъ для чахоточныхъ. Къ занимающему насъ вопросу о чахоткѣ относится и докладъ д-ра Щепотьева, изъ Константинополя, врача при тамошней русской миссіи. Будучи сторонникомъ санаторій для чахоточныхъ, д-ръ Щепотьевъ приходитъ къ заключенію, что лѣченіе такого рода больныхъ возможно только въ спеціально-устроенныхъ заведеніяхъ, прекраснымъ мѣстомъ для которыхъ онъ признаетъ Принцевы острова близъ Константинополя. Д-ръ Щепотьевъ, какъ и другіе докладчики, признаетъ необходимымъ государственное и общественное вмѣшательство въ дѣлѣ лѣченія чахоточныхъ. Изъ преній по всѣмъ этимъ вопросамъ, между прочимъ, выяснилось важное значеніе туберкулина Коха въ распознаваніи туберкулеза у животныхъ. Не смотря на то, что, по мнѣнію проф. Буйвида и другихъ авторовъ, пораженныя туберкулезомъ животныя иногда и не реагируютъ на туберкулинъ, все же этотъ послѣдній является весьма надежнымъ діагностическимъ средствомъ.

Рѣчь проф. Лейдена, сказанная въ послѣднемъ общемъ собраніи, какъ бы резюмируетъ всѣ наши современныя знанія о чахоткѣ. Назвавъ чахотку, по ея распространенности и губительности, болѣзнью интернаціональной, настоящей народной болѣзнью, профессоръ перешелъ къ изложенію способовъ борьбы съ нею, причемъ вполнѣ справедливо замѣтилъ, что захваченная во время чахотка — излѣчима. Д-ру Бремеру, посвятившему всю жизнь на изученіе чахотки и устроившему въ Герберсдорфѣ свою знаменитую лѣчебницу, принадлежитъ заслуга доказательства излѣчимости чахотки. Съ несомнѣнностью установлено, что причина туберкулезнаго заболѣванія есть бацилла Коха, безъ этой бациллы никакое страданіе не можетъ считаться туберкулезнымъ, всякое заболѣваніе, вызванное бациллами Коха, есть туберкулезъ, и, наконецъ, туберкулезъ получается при проникании и развитіи бациллъ въ организмѣ или прямо отъ человѣка и животнаго къ человѣку, или чрезъ воздухъ, пыль, вещи. По мнѣнію Лейдена, наслѣдственно передается только расположеніе, наклонность къ заболѣванію, но не самая болѣзнь. Отдавая должное профилактическимъ мѣрамъ, къ которымъ надо отнести всякія гигіеническія мѣропріятія по улучшенію общихъ условій жизни и укрѣпленіе наслѣдственно ослабленныхъ организмовъ, что достигается разумнымъ воспитаніемъ и правильнымъ питаніемъ,—Лейденъ перешелъ къ вопросу о лѣченіи чахотки, остановившись на занимающемъ уже нѣсколько лѣтъ весь міръ специфическомъ лѣченіи этой болѣзни. Начиная съ нашумѣвшаго въ 1890 г. открытія Коха, затѣмъ Клебса, итальянскаго проф. Маральяно, и, наконецъ, новѣйшей попытки того же Коха,—до сихъ поръ не удалось найти такого могучаго средства, хотя лучшіе бактеріологи не перестаютъ работать въ этомъ направленіи и выражаютъ надежду на скорый успѣхъ. Предлагавшіяся въ большомъ количествѣ специфическія лѣкарства, какъ креозотъ, гваяколъ, ментолъ и т. д., тоже не оправдали возлагавшихся на нихъ надеждъ. Лучшимъ методомъ, по мнѣнію Лейдена, является бремеровская терапія, т. е. гигіенически-діэтетическая. Основы ея слѣдующія: 1) выборъ подходящаго климата, 2) чистый, свободный отъ пыли воздухъ, 3) достаточное питаніе, 4) движеніе, 5) методическое лѣченіе въ закрытыхъ санаторіяхъ и 6) лѣкарственное лѣченіе. Профессоръ не настаиваетъ на непремѣнномъ удаленіи больныхъ изъ мѣстъ ихъ постояннаго жительства, а напротивъ того, даже говоритъ, что съ успѣхомъ можно лѣчить больныхъ и въ условіяхъ нашего климата. Къ существеннымъ моментамъ бремеровскаго лѣченія относится «закаленіе» больныхъ, подъ

*

которымъ надо понимать укрѣпленіе больного организма, увеличеніе его сопротивляемости разнымъ вредоноснымъ вліяніямъ. Но описанное лѣченіе доступно отдѣльнымъ состоятельнымъ лицамъ, а между тѣмъ, чахотка чрезвычайно распространена въ бѣдныхъ классахъ, которымъ недоступно такого рода лѣченіе. На помощь несостоятельнымъ классамъ должно явиться общество и государство, и движеніе въ этомъ направленіи наблюдается уже во всѣхъ странахъ. Проф. Лейденъ отвергаетъ распространенныя въ обществѣ опасенія относительно того, что санаторіи могутъ принести вредъ лицамъ, находящимся въ начальномъ періодѣ заболѣванія и вообще населенію, живущему по близости санаторій. Никѣмъ и никогда до сихъ поръ не представлено никакихъ фактовъ въ пользу такихъ предположеній. Германія въ настоящее время насчитываетъ болѣе 20 лѣчебницъ для чахоточныхъ, для которыхъ устраиваются лѣчебницы и въ другихъ странахъ. Въ Россіи тоже существуетъ уже нѣсколько такихъ лѣчебницъ въ Финляндіи и Лифляндіи. Средства, необходимыя для устройства лѣчебницъ, не очень велики: кровать стоитъ около 1.200 р., а содержаніе въ день около рубля. Такое гуманное движеніе въ концѣ нашего вѣка должно получить восможно большее распространеніе, такъ какъ только такая борьба съ чахоткой можетъ дать плодотворные результаты *).

Вопросъ объ алкоголизмѣ, этомъ не менѣе, чѣмъ чахотка страшномъ бѣдствіи человѣческаго рода, косвенно подвергался обсужденію во многихъ секціяхъ, такъ какъ алкоголизмъ является сплошь и рядомъ основой многихъ физическихъ и душевныхъ страданій; спеціально же онъ обсуждался въ секціи гигіены. Нельзя сказать, чтобы съѣздъ открылъ какіе-нибудь новые горизонты въ этомъ вопросѣ, чтобы пришлось услышать здѣсь такую мысль, которая бы въ той или иной формѣ не обсуждалась уже и въ печатныхъ сочиненіяхъ, и въ ученыхъ собраніяхъ. Д-ръ П. Григорьевъ, знатокъ нашего русскаго алкоголизма, рядомъ цифръ пытался доказать, что душевое потребленіе спиртныхъ напитковъ у насъ значительно ниже, чѣмъ въ другихъ европейскихъ странахъ, и что онъ вообще замѣчаетъ наклонность къ отрезвленію, чему, будто бы, должна, между прочимъ, содѣйствовать вводимая теперь всюду у насъ казенная продажа вина. Такое оптимистическое заключеніе, идущее въ разрѣзъ съ фактической стороной вопроса, было встрѣчено на конгрессѣ болѣе, чѣмъ скептически. Попечительства о народной трезвости вліяютъ теперь и, при бо́льшемъ развитіи, будутъ еще сильнѣе вліять на уменьшеніе пьянства. Противъ пользы учреждаемыхъ спеціальныхъ лѣчебницъ для алкоголиковъ высказался одинъ докладчикъ изъ Франціи, полагающій, что только добрымъ примѣромъ и проповѣдью можно бороться съ алкоголизмомъ. Эта смѣшная, истинно французско-буржуазная точка зрѣнія, заимствованная изъ твореній приснoблаженной памяти Сея или Бастіа, не встрѣтила на съѣздѣ сочувствія и поддержки, вызвавъ среди слушателей ироническія замѣчанія. Д-ръ Ярошевскій, согласный со всѣми въ безусловномъ вредѣ алкоголя, проводилъ мысль, что устройство больницъ и лѣчебницъ для алкоголиковъ должно всецѣло лежать на обязанности тѣхъ, кто въ данной странѣ монополизируетъ производство и продажу питей, что требуется принципомъ экономической справедливости. По мнѣнію г. Ярошевскаго, уменьшеніе пьянства находится въ прямой зависимости отъ взгляда правительства на питейную торговлю. Д-ръ Коровинъ, много силъ посвящающій проповѣди воздержанія отъ алкоголя, находилъ, что главное мѣсто въ этой борьбѣ должно быть отведено врачу, который является самымъ компетентнымъ судьей въ дѣлѣ отравленія алкоголемъ. Важнѣе всего профилактика, которой должна заниматься гигіена.

*) По вопросу о лѣченіи чахотки въ санаторіяхъ редакція имѣетъ въ виду помѣстить въ одномъ изъ ближайшихъ номеровъ спеціальную статью: «Чахотка и народныя санаторіи», врача В. Бать.

Послѣдняя должна содѣйствовать полному изъятію изъ повседневнаго обращенія алкоголя, которому мѣсто, на ряду съ другими ядами, только въ аптекѣ. Международный конгрессъ долженъ санкціонировать участіе врачей въ борьбѣ съ алкоголизмомъ, принявъ два положенія: а) данная борьба заслуживаетъ не меньшаго вниманія со стороны врачей, чѣмъ борьба съ различными эпидеміями, и б) успѣхъ борьбы немыслимъ безъ активнаго участія врачей.

Вопросы гигіены находятся въ такой тѣсной связи съ общей культурой страны, что является весьма понятнымъ обсужденіе вопроса «о распространеніи гигіеническихъ знаній среди народа». Докладчикъ по этому вопросу д-ръ Бургерштейнъ изъ Вѣны выставилъ слѣдующія положенія: 1) ознакомленіе родителей съ гигіеной дѣтскаго возраста, начиная съ періода вскармливанія; для достиженія этой цѣли необходимо распространять краткія популярно написанныя брошюры, черезъ оффиціальныхъ лицъ, пользуясь для этого подходящими случаями, какъ бракосочетаніе, поступленіе въ школу и т. п.; 2) преподаваніе гигіены въ низшихъ и среднихъ школахъ, при надлежащей подготовкѣ учительскаго персонала въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ; 3) для этой же цѣли могутъ служить получившіе подготовку священники, странствующіе учителя, передвижныя выставки, содѣйствіе къ открытію обществъ грамотности, народныхъ библіотекъ; 4) открытіе каѳедръ и институтовъ гигіены во всѣхъ университетахъ для подготовки бо́льшаго числа врачей гигіенистовъ; 5) внесеніе въ бюджетъ страны спеціальной суммы, предназначенной для обученія народа гигіенѣ, и 6) избраніе временного международнаго комитета при XII международномъ съѣздѣ врачей для того, чтобы положить начало такому благому дѣлу. Присутствовавшіе могли только привѣтствовать всѣ пожеланія докладчика.

Школьная гигіена, въ связи съ вопросомъ о причинахъ дѣтской смертности, обсуждалась въ соединенномъ засѣданіи секцій гигіены и дѣтскихъ болѣзней. Всѣ ораторы находили неудовлетворительной дѣйствующую теперь въ школахъ педагогическую систему, недостатки которой формулированы ими слѣдующимъ образомъ: 1) отсутствіе гармоніи въ воспитаніи—преобладаніе умственной дѣятельности, 2) пренебреженіе къ культурѣ органовъ периферической нервной системы, 3) отсутствіе строгой системы въ преподаваніи и 4) несоотвѣтствіе программы среднимъ способностямъ учащихся. Изложенные недостатки школьной системы указываютъ и на способы борьбы со зломъ. Необходимо измѣнить программы преподаванія въ томъ смыслѣ, чтобы сдѣлалось невозможнымъ переутомленіе учащихся, во всѣхъ школахъ должна быть введена гимнастика, подвижныя игры на открытомъ воздухѣ, экскурсіи, ванны и души, необходимо участіе въ школьномъ дѣлѣ врача, направляющаго воспитаніе дѣтей слабыхъ, малокровныхъ, для которыхъ надо устраивать лѣтнія колоніи въ горахъ и на морскомъ берегу. Для женскихъ школъ, въ которыхъ гимнастика, по мнѣнію г-жи Виноградовой, не является средствомъ для развитія дисциплины, могутъ быть оставлены всякаго рода физическія упражненія въ видѣ игръ, пѣнія, танцевъ, катанья на конькахъ и т. д.

О дѣтской смертности, которая ужасаетъ своими размѣрами и почему-то многими непосвященными разсматривается какъ явленіе роковое и неизбѣжное, представлено было два доклада, одинъ изъ которыхъ предлагаетъ организовать, на подобіе «Краснаго Креста», международное общество для борьбы съ дѣтской смертностью. Общество это должно вербовать членовъ во всѣхъ слояхъ населенія, имѣть свой о́рганъ, содѣйствовать распространенію гигіеническихъ свѣдѣній, устраивать образцовые пріюты, санаторіи, дѣтскія колоніи и пр.

Больное мѣсто большихъ городовъ—дешевыя квартиры и жилища для рабочихъ—нашло откликъ въ нѣсколькихъ докладахъ, представленныхъ въ секцію гигіены. По свѣдѣніямъ знаменитаго статистика проф. Bertillon'a, въ Парижѣ насчитывается 14% дурныхъ квартиръ, въ Берлинѣ и Вѣнѣ—35%, въ

Петербургѣ—38%, въ Москвѣ—40—45%. Интереснымъ представляется взглядъ д-ра Фекста изъ Будапешта, который считаетъ безнравственнымъ вмѣшательство государства въ вопросъ о жилищахъ рабочихъ, которые могутъ работать и не нуждаются въ такой опекѣ. Роль государства должна только ограничиться полицейскимъ и санитарнымъ надзоромъ за нездоровыми жилищами. Докладчикъ настаиваетъ на томъ, что должны быть организованы ассоціаціи для устройства дешевыхъ квартиръ; дѣятельность такихъ ассоціацій должна находиться подъ контролемъ государства, которое заставило бы устроителей обществъ довольствоваться прибылью въ $3^{1}/_{2}$—4% съ затраченнаго капитала въ виду гуманныхъ цѣлей такого рода предпріятій.

За небольшой промежутокъ времени, отдѣляющій римскій конгрессъ отъ послѣдняго московскаго, медицина обогатилась двумя могучими факторами, которые сами по себѣ могутъ сдѣлать эпоху. Мы разумѣемъ лучи Рентгена и сывороточную терапію. Открытію Рентгена, всецѣло относящемуся къ области физики, суждено, однако, съиграть въ медицинѣ роль, размѣры которой сейчасъ даже трудно опредѣлить. Одна медицинская литература по поводу такъ-называемыхъ х-лучей такъ обширна, что можетъ уже теперь составить приличную библіотеку, и, между тѣмъ, буквально каждый день приноситъ новыя данныя, указывающія на расширяющуюся область примѣненія новыхъ лучей. Если уже теперь не можетъ подлежать сомнѣнію глубочайшее діагностическое значеніе х-лучей, при помощи которыхъ должна исчезнуть всякая діагностическая тайна въ человѣческомъ тѣлѣ, то, не будучи даже оптимистомъ, можно уже думать, по имѣющимся, правда, немногочисленнымъ даннымъ, что лучи эти, раскрывая тайны, способны принести и исцѣленіе. Неудивительно поэтому, что на слушателей произвели глубокое впечатлѣніе и докладъ, и снимки проф. Грунмаха, которому при помощи х-лучей удавалось діагносцировать самыя начальныя стадіи чахотки, циррозовъ печени, почекъ. Никакія другія діагностическія средства не могли способствовать столь раннему распознаванію. Понятно также заявленіе г. Березовскаго, что во время послѣдней греко-турецкой войны х-лучи оказывали неоцѣненныя услуги и что безъ надлежащаго аппарата врачу теперь уже нельзя отправляться на войну.

Что касается серотерапіи, теоретическія основанія которой лежатъ еще въ старинныхъ изслѣдованіяхъ Дженнера и въ новѣйшихъ изслѣдованіяхъ Пастера, то практическое примѣненіе она нашла въ послѣдніе годы. Извѣстная всему міру противодифтеритная сыворотка должна быть признана могучимъ средствомъ, какъ о томъ свидѣтельствовали на съѣздѣ многочисленныя сообщенія врачей изъ всѣхъ странъ свѣта. Если сывороточная терапія, повлекшая за собой опыты серодіагноза, находитъ среди врачей еще нѣкоторыхъ противниковъ, благодаря тому, что теоретическія основанія этой терапіи еще не совсѣмъ разработаны, то въ лицѣ знаменитаго проф. Мечникова, явившагося на съѣздъ въ качествѣ представителя Пастеровскаго института въ Парижѣ, серотерапія и вытекающія изъ нея новыя воззрѣнія въ медицинѣ нашли горячаго защитника. Глубокое впечатлѣніе произвела на слушателей прекрасная рѣчь профессора о чумѣ и заключительныя слова, что передъ отъѣздомъ профессора изъ Парижа въ институтѣ Пастера была добыта болѣе активная противочумная сыворотка. Въ виду послѣднихъ завоеваній науки, закончилъ профессоръ, всѣ обвиненія противъ науки, толки объ ея банкротствѣ падаютъ сами собой.

Этіологія прогрессивнаго паралича изложена была въ блестящей рѣчи знаменитымъ проф. Крафтъ-Эбингомъ, который въ числѣ причинъ этой тяжелой болѣзни, помимо извѣстныхъ органическихъ заболѣваній, называетъ весь современный строй культурнаго человѣчества, съ его жестокой борьбой за существованіе, съ его лихорадочной дѣятельностью, съ увеличивающимися жизненными потребностями и со все увеличивающейся трудностью удовлетворенія

этихъ потребностей. О гипнотизмѣ говорилъ представитель нансійской школы проф. Бернгеймъ, считающій гипнотизмъ не патологическимъ явленіемъ. Внушаемость—есть физіологическое стремленіе мозга реализировать каждую полученную мысль. Противъ внушенныхъ преступленій субъектъ сохраняетъ возможность бороться, и тѣмъ успѣшнѣе будетъ эта борьба, чѣмъ тверже нравственные устои человѣка. Преступнымъ внушеніемъ можно достигнуть только временнаго извращенія нравственнаго чувства.

Заслуживаютъ вниманія статистическія изслѣдованія проф. Сикорскаго о психической заболѣваемости въ войскахъ. Въ теченіе года изъ 136.246 человѣкъ въ Кіевскомъ военномъ округѣ заболѣло душевными болѣзнями 125 человѣкъ, причемъ, въ процентномъ отношеніи, заболѣваемость больше всего развита у евреевъ, затѣмъ—поляковъ, магометанъ и, наконецъ, русскихъ. Больше всего заболѣваетъ людей въ первый годъ службы. Во время преній по поводу этого сообщенія одинъ французскій врачъ замѣтилъ, что, по наблюденіямъ французскихъ психіатровъ, формы заболѣваній у нижнихъ чиновъ и у офицеровъ неодинаковы: среди послѣднихъ чаще наблюдается прогрессивный параличъ, что должно быть объяснено старшимъ возрастомъ офицеровъ и большей распространенностью среди нихъ сифилиса.

Разъ уже зашла рѣчь о военныхъ, то кстати будетъ указать на возбужденный въ секціи военной медицины вопросъ о распространеніи дѣятельности «Краснаго Креста» на море, такъ какъ до сихъ поръ флотъ не пользуется услугами этого благодѣтельнаго учрежденія.

Какъ высоко врачи цѣнятъ дѣятельность «Краснаго Креста», свидѣтельствуетъ присужденіе преміи на конгрессѣ. Дѣло въ томъ, что московская городская дума, въ ознаменованіе съѣзда, ассигновала суму въ 16.450 руб., проценты съ которыхъ должны выдаваться, по рѣшенію каждаго международнаго конгресса, лицу, оказавшему какія-нибудь значительныя услуги въ дѣлѣ практическаго или теоретическаго развитія медицины, въ дѣлѣ уменьшенія человѣческихъ страданій, — и 5.000 франковъ для выдачи преміи на настоящемъ XII съѣздѣ. Такимъ лицомъ на настоящемъ конгрессѣ единогласно, по предложенію Вирхова, былъ признанъ Анри Дюнанъ, основатель «Краснаго Креста», доживающій свой вѣкъ, какъ подобаетъ благодѣтелю людей, въ одиночествѣ и бѣдности. Въ прошломъ году, благодаря въ значительной мѣрѣ энергіи русскаго врача Идельсона, проживающаго въ Швейцаріи, заговорили объ Анри Дюнанѣ *) по поводу 68-ой годовщины его рожденія. Всѣ всполошились, всѣмъ какъ будто стыдно стало, что такъ небрежно относились до сихъ поръ къ скромному великому человѣку, и со всѣхъ сторонъ посыпались къ одинокому Дюнану адресы и почетные дипломы. Сознаніе важности великаго дѣла Дюнана и заставило международный медицинскій конгрессъ присудить свою первую премію проповѣднику мира и добра.

Помимо огромнаго количества докладовъ, съѣхавшимся врачамъ былъ предложенъ цѣлый рядъ выставокъ всевозможныхъ препаратовъ и инструментовъ. Особенно удачна была выставка, устроенная секціей кожныхъ болѣзней. Кромѣ того, врачамъ демонстрировались рѣдкіе и сложные случаи заболѣваній, много больныхъ было доставлено изъ разныхъ концовъ Россіи.

Врачъ **В. Бинштокъ**.

---

*) Объ Анри Дюнанѣ см. «М. Б.», 1896 г., іюнь, отд. «За границей».

За границей.

Европейскіе конгрессы. Нынѣшній годъ особенно изобиловалъ конгрессами всякаго рода; были и чисто научные, касающіеся какой-нибудь спеціальной отрасли знаній, и такіе, которые касались практической области или вопросовъ, представляющихъ общественный интересъ. Къ числу послѣднихъ принадлежитъ, конечно, VIII международный конгрессъ мира, происходившій въ августѣ мѣсяцѣ этого года въ Гамбургѣ.

Гамбургскій конгрессъ въ организаціонномъ отношеніи не оставлялъ желать ничего лучшаго. Всѣ вопросы до обсужденія въ общихъ засѣданіяхъ предварительно подвергались разсмотрѣнію одной изъ трехъ совѣщательныхъ коммиссій. Первая коммиссія должна была разсмотрѣть докладъ международнаго бюро мира о событіяхъ истекшаго года, вторая изслѣдовала предложенія юридическаго характера, третья исключительно занималась вопросами пропаганды мира.

Засѣданія конгресса открылись чтеніемъ адресовъ и поздравленій отъ различныхъ корпорацій и отдѣльныхъ лицъ. Г-жа Зуттнеръ привѣтствовала конгрессъ отъ имени «комитета для улучшенія отношеній между Германіей и Англіей». Г-жа Винцентъ принесла такія же поздравленія конгрессу въ качествѣ делегата 150 кооперативныхъ рабочихъ обществъ, отъ имени этихъ обществъ; г-жа Гофманъ говорила отъ имени нѣмецкихъ обществъ для поднятія уровня нравственности и т. д. Пренія открылись прекрасно составленнымъ докладомъ Арно объ успѣхахъ идеи международнаго третейскаго суда. Бразилія, Венецуэлла, Японія и негусъ Меникъ обязались прибѣгать къ посредничеству въ затруднительныхъ случаяхъ и согласились поставить идею третейскаго суда въ основу своихъ отношеній съ иностранными государствами. Какъ видимъ, успѣхи этой идеи пока ограничиваются экзотическими странами; въ Европѣ она прививается очень туго и врядъ ли скоро наступитъ время, когда европейскія государства начнутъ прибѣгать къ третейскому суду. Впрочемъ, европейскія государства выказали все-таки нѣкоторую готовность прибѣгать къ послѣднему въ своихъ столкновеніяхъ съ «неевропейскими» государствами, и Англія первая подала примѣръ, вступивъ въ переговоры съ Соединенными Штатами относительно заключенія третейскаго договора, а теперь Франція, Швейцарія и Бельгія также намѣрены послѣдовать ея примѣру. Докладчикъ видитъ въ этомъ доказательство, что идея третейскаго суда медленно, но вѣрно прокладываетъ себѣ дорогу въ нѣдра европейскихъ націй.

Въ слѣдующихъ засѣданіяхъ конгрессъ изслѣдовалъ вопросы, относящіеся къ пропагандѣ мира. Вотированы были сочувственныя резолюціи организаторамъ празднованія «Воскресенья мира» въ Англіи и Америкѣ и учредителямъ петицій въ пользу мира въ Скандинавіи. Высказано было также одобреніе идеѣ устройства письменныхъ сношеній между учениками и студентами различныхъ странъ. Затѣмъ было прочитано сообщеніе о желаніи туринскихъ студентовъ «друзей мира» собрать въ 1898 году конгрессъ, съ цѣлью организовать «всемірную федерацію студентовъ». Конгрессъ выразилъ одобреніе этой идеѣ и постановилъ, что въ будущемъ году, во всѣхъ странахъ, должна также состояться манифестація въ пользу мира, причемъ каждой странѣ предоставляется избрать для этого подходящее время.

На этомъ конгрессѣ, происходившемъ въ германскомъ городѣ, былъ затронутъ также и вѣчножгучій вопросъ Эльзаса и Лотарингіи, положимъ, въ весьма осторожной и деликатной формѣ. Французскій делегатъ Фредерикъ Пасси произнесъ рѣчь, въ которой сказалъ, между прочимъ, слѣдующее: «Около тридцати лѣтъ тому назадъ я написалъ статью, въ которой прославлялъ, какъ великую побѣду цивилизаціи, сооруженіе въ Страсбургѣ моста, соединившаго оба

берега Рейна. Мнѣ казалось тогда, что никакими усиліями вѣтра и волнъ не удастся поколебать громадные устои этого моста, глубоко вошедшіе въ землю... Мнѣ казалось, что никогда также никакія политическія грозы не въ состояніи будутъ разнуздать чувство ненависти между двумя націями, соединенными теперь этою связью изъ стали и камня... Но два года спустя мостъ рушился и кровь обоихъ народовъ, смѣшавшаяся вмѣстѣ, обагрила волны рѣки, которую Ламартинъ желалъ бы видѣть вѣчно текущей «свободной и прекрасной въ своихъ широкихъ берегахъ»... Это грустное прошлое, конечно, не исчезло изъ нашей памяти. Мы не забыли ни своихъ, ни вашихъ ошибокъ; наши надежды остались такими же, какъ прежде. Но почему же намъ не вѣрить въ будущее, когда мы видимъ, что уже теперь становятся возможны подобныя собранія, какъ сегодняшнее? Почему бы любви не излѣчить раны—какъ? какими средствами? я не знаю — раны, нанесенныя ненавистью въ тѣлѣ и сердцахъ нашихъ отечествъ?»

Конгрессъ обсуждалъ также вопросъ о дуэли. Предшествующіе конгрессы уже высказались достаточно опредѣленно, но Феликсъ Лаказъ, представитель двѣнадцати германскихъ академическихъ ассоціацій или студенческихъ обществъ, враждебныхъ дуэли, потребовалъ все-таки, чтобы конгрессъ постановилъ резолюцію, вмѣняющую въ обязанность членамъ обществъ мира воздерживаться отъ дуэлей. Предсѣдатель конгресса Годжсонъ Праттъ замѣтилъ, что предшествующимъ конгрессамъ не разъ приходилось высказывать свои взгляды на дуэль, но, конечно, слѣдуетъ поддерживать общества или государства, которыя послѣдовали бы примѣру Англіи, уничтожившей дуэль въ арміи. Англійское военное министерство объявило, что офицеръ, пославшій вызовъ на дуэль, будетъ немедленно разжалованъ, и эта мѣра встрѣтила сочувствіе какъ въ военномъ мірѣ, такъ и въ обществѣ.

Изъ числа болѣе или менѣе крупныхъ и интересныхъ вопросовъ, подвергавшихся обсужденію конгресса, наибольшаго вниманія заслуживаетъ предложеніе Годжсонъ Пратта объ учрежденіи комитетовъ международнаго примиренія. Въ блестящей рѣчи Годжсонъ Праттъ развивалъ мысль, что однимъ изъ главныхъ агентовъ, поддерживающихъ милитаризмъ и часто являющихся причиною войны, служитъ взаимное непониманіе и незнаніе истинныхъ намѣреній другъ друга. Недоразумѣнія часто создаются и поддерживаются печатью, и устранить ихъ могли бы именно такіе комитеты международнаго примиренія и соглашенія, которые были бы обязаны изо дня въ день исправлять ошибки печати и освѣдомлять правительства и общественное мнѣніе насчетъ истиннаго настроенія въ той или другой странѣ. Два другія предложенія, стоявшія на очереди: преобразованіе армій и организація международнаго языка—возбудили довольно горячія пренія, послѣ чего рѣшено было передать ихъ на разсмотрѣніе коммиссіи и доложить слѣдующему конгрессу. На послѣднемъ засѣданіи обсуждался также вопросъ о слѣдующемъ конгрессѣ. Онъ долженъ состояться въ будущемъ году, но гдѣ—это предоставлено рѣшить бернскому бюро мира, которое сдѣлаетъ запросъ по этому поводу различнымъ обществамъ мира.

Въ этомъ году въ Стокгольмѣ состоялся первый «конгрессъ религіозныхъ наукъ», который многіе смѣшиваютъ съ знаменитымъ чикагскимъ конгрессомъ религій. Между тѣмъ, самое названіе конгресса должно было бы разсѣять это недоразумѣніе. Устроители этаго конгресса вовсе не имѣли въ виду собрать оффиціальныхъ представителей различныхъ религій или вообще лицъ, принадлежащихъ къ различнымъ церквамъ, исповѣдующихъ различную вѣру, но также желающихъ братскаго объединенія всѣхъ религій и вѣрованій. Идея, заложенная въ основу стокгольмскаго конгресса, не имѣла практическаго характера и значеніе ея было болѣе научное. Приглашены были на конгрессъ по преимуществу ученые, посвятившіе себя спеціально изученію исторіи религій

и философіи религіи. Ученые могли подѣлиться здѣсь своими взглядами и открытіями и сообщить образованной публикѣ общіе выводы, къ которымъ они пришли на основаніи своихъ чисто научныхъ, спеціальныхъ изслѣдованій. Въ первомъ ряду ученыхъ, приглашенныхъ шведскимъ комитетомъ къ участію въ конгрессѣ, красуется имя Макса Мюллера, воплощающаго въ себѣ эту новую отрасль знаній—науку «религій».

Любопытно, что этотъ первый строго-научный конгрессъ религіозныхъ наукъ состоялся подъ предсѣдательствомъ духовнаго лица, епископа Шееле де-Визби. Нельзя сказать, чтобы духовенство другихъ государствъ и шведская церковь отнеслись благосклонно къ этой идеѣ. Попытка устроить конгрессъ, не носящій строго богословскаго характера, съ цѣлью свободнаго обсужденія разныхъ научныхъ религіозныхъ вопросовъ, встрѣтила очень сильный протестъ въ ультра-консервативной партіи церкви и въ піетистскихъ кружкахъ. Даже нѣкоторые ихъ шведскихъ священниковъ съ каѳедры громили идею этого конгресса, какъ оскорбляющую традиціи шведской церкви. Но однимъ изъ большихъ преимуществъ протестантской церкви служитъ то, что какъ бы она ни была нетерпима, но въ ней всегда существуютъ, какъ и въ свѣтскихъ учрежденіяхъ, правая, лѣвая и центръ и ни одна изъ этихъ группъ не имѣетъ права исключить другую, и вотъ почему, въ то время, какъ ультра-консерваторы метали громы и молніи противъ конгресса, епископъ Висби взялъ его подъ свое покровительство, упсальскій архіепископъ выразилъ ему сочувствіе, а шведскій король прислалъ привѣтственную и поздравительную телеграмму.

Епископъ Висби открылъ конгрессъ прекрасною рѣчью, въ которой гарантировалъ конгрессу полную свободу и независимость занятій, преній и сообщеній, выразивъ въ то же время увѣренность, что серьезное изученіе религій должно привести современемъ къ мирной побѣдѣ христіанской религіи, освобожденной отъ своихъ частныхъ формъ и вернувшейся къ своему идеальному и вѣчному началу.

Шведскіе богословы, вмѣстѣ съ стокгольмскимъ великимъ раввиномъ Клейномъ, очень ученымъ человѣкомъ, принимали въ работахъ конгресса большое участіе. Засѣданія конгресса, подчасъ утомительно длинныя, очень усердно посѣщались избраннымъ обществомъ Стокгольма, и обыкновенно въ залѣ конгресса собиралось не менѣе 400—500 слушателей. Къ сожалѣнію, Максъ Мюллеръ не могъ пріѣхать на конгрессъ, но его сообщеніе, называвшееся «Etude historique de la religion», было прочитано другимъ. Максъ Мюллеръ говоритъ, что историческое изслѣдованіе религіи, начатое уже почти сто лѣтъ тому назадъ, первымъ своимъ послѣдствіемъ имѣло развитіе вѣротерпимости и возбужденіе разумной симпатіи къ великимъ религіямъ и проблемамъ, которыя выдвигаются ими. Изученіе религіозныхъ феноменовъ заставляетъ насъ смотрѣть на религіи, какъ на нѣчто реальное, нѣчто такое, что мы не имѣемъ права игнорировать точно такъ же, какъ и всѣ другія явленія природы. Этотъ первый конгрессъ религіозныхъ наукъ, по мнѣнію Макса Мюллера, долженъ принести плоды и послужить толчкомъ къ дальнѣйшему развитію религіи. Онъ надѣется, что примѣръ вызоветъ подражанія и что сѣмя пуститъ ростки.

Во всякомъ случаѣ эту первую попытку устроить научный конгрессъ религій надо считать удавшейся и остается только пожелать вмѣстѣ со всѣми участниками конгресса, чтобы она не была послѣдней.

Ручной трудъ въ Швеціи. На стокгольмской выставкѣ почетное мѣсто отведено секціи такъ-называемаго «Slöjd», что въ переводѣ означаетъ: «ручной трудъ, употребляемый какъ средство воспитанія и направляемый въ духѣ національныхъ традицій».

Въ Швеціи ручной трудъ пользуется большимъ почетомъ и считается хо-

рошимъ средствомъ противъ мозгового переутомленія. Ловкость рукъ, вѣрность взгляда, находчивость—все это такія качества, которыя слѣдуетъ развивать въ каждомъ человѣкѣ, а не только въ такихъ, которые мало культурны и для которыхъ область умственной дѣятельности закрыта. Въ настоящее время «Slöjd» введенъ во всѣ школы, начиная отъ первоначальныхъ, кончая высшими, коллегіями, университетами, съ цѣлью содѣйствовать гармоническому развитію какъ физическаго здоровья, такъ и интеллектуальныхъ силъ. Въ пропагандѣ идеи ручного труда особенно дѣятельное участіе принимали шведскія женщины. Онѣ же основали также общество «сторонниковъ ручного труда», стремящееся къ поднятію отечественной промышленности и къ возстановленію старинныхъ національныхъ искусствъ, придавъ имъ, конечно, болѣе широкое развитіе, отвѣчающее современнымъ требованіямъ. Общество основало нѣсколько женскихъ школъ ручного труда, гдѣ обучались тканью, рѣзьбѣ на деревѣ, плетенію кружевъ и вышиванію, придерживаясь древнихъ образцовъ этого рода искусствъ, нѣкогда процвѣтавшихъ въ Сканіи и Далекарліи. Оригинальностью рисунка и красивымъ сочетаніемъ цвѣтовъ древніе образцы далеко оставляли за собою современные, что и дало поводъ идеѣ возрожденія древнихъ искусствъ. Насколько эта идея приблизилась къ своему осуществленію, доказываютъ образцы работъ, выставленныя въ секціи «Slöjd» въ этомъ году.

Рядомъ съ выставкою художественнаго «Slöjd'a», въ большой залѣ сѣвернаго музея находилась секція школьнаго «Slöjd'a». Первый шагъ ко введенію ручного труда въ школьное преподаваніе былъ сдѣланъ частнымъ лицомъ, землевладѣльцемъ Абрагамсономъ, открывшимъ у себя въ имѣніи маленькія мастерскія для обученія 15 юношей слесарному, кузнечному и др. ремесламъ. Вскорѣ къ этимъ мастерскимъ была присоединена первоначальная школа. Попытка оказалась настолько удачной, что примѣру Абрагамсона послѣдовали и другіе и во всѣхъ провинціяхъ стали открываться школы съ отдѣленіемъ «Slöjd'a», а первоначальная школа Абрагамсона въ его имѣніи «Nääs», превратилась въ институтъ для приготовленія преподавателей «Slöjd'a» въ другихъ школахъ. Въ настоящее время этотъ институтъ настолько пользуется извѣстностью, что туда зачастую поступаютъ иностранцы, желающіе подготовить себя къ преподавательской дѣятельности. Институтъ въ «Nääs» принялъ нѣсколько международный характеръ и на фасадѣ зданія рядомъ со шведскимъ флагомъ постоянно развѣваются иностранные флаги. Существуетъ обыкновеніе вывѣшивать національный флагъ каждаго иностраннаго студента, поступающаго въ институтъ. Курсъ годовой, но можно и въ болѣе короткое время усвоить основныя начала новой педагогики. Въ институтъ поступаютъ по преимуществу учителя первоначальныхъ школъ, которые получаютъ отъ государства прибавку жалованья за введеніе новой системы преподаванія. Теперь уже ручной трудъ введенъ въ 2.483 первоначальныхъ школахъ и движеніе это все разростается. Въ основу его заложена идея гармоническаго развитія человѣческой природы, его интеллектуальныхъ и физическихъ силъ, но, помимо этой теоретической подкладки, имѣется въ виду и громадная практическая польза, которую приноситъ народу знаніе различныхъ ремеслъ и развитіе въ немъ художественнаго вкуса.

Султанскій дворъ въ XIX вѣкѣ. Въ европейской печати слово «панисламизмъ» встрѣчается теперь довольно часто. Возрожденіе мусульманской идеи могло явиться вполнѣ естественнымъ послѣдствіемъ турецкихъ побѣдъ въ Греціи, но чтобы судить, насколько дѣйствителенъ призракъ мусульманской опасности, не мѣшаетъ нѣсколько поближе ознакомиться съ центромъ, въ которомъ сходятся всѣ нити мусульманскаго движенія.

Этимъ центромъ служитъ султанскій дворъ—«Ильдызъ-Кіоскъ» въ Константинополѣ. Неизвѣстный авторъ статьи въ «Revue des Revues», описывающій

жизнь султана и его приближенныхъ, говорятъ, что Абдулъ-Гамидъ давно уже работаетъ въ тиши надъ возрожденіемъ великой мусульманской идеи. Его вдохновителемъ и помощникомъ явился дервишъ по имени Абдулъ-Гуда, найденный гдѣ-то на улицахъ Алеппо губернаторомъ, желавшимъ угодить двору. Абдулъ-Гуда былъ астрологъ, предсказывалъ будущее, излѣчивалъ болѣзни и съ вдохновеннымъ видомъ говорилъ о религіи. Губернаторъ отправилъ его въ Ильдызъ совершенно такъ же, какъ отправлялъ туда въ даръ розовую эссенцію, мокка, страусовыя перья и другія сирійскія рѣдкости. Абдулъ-Гуда очень скоро овладѣлъ умомъ султана, вообще склоннаго размышлять о магометанскомъ величіи. Абдулъ-Гуда возвѣстилъ, что онъ прочелъ въ звѣздахъ о блестящей судьбѣ султана, которому предстоитъ быть величайшимъ калифомъ. Это подѣйствовало, и ловкому астрологу предоставлено было организовать проповѣдь панисламизма въ Египтѣ, Персіи, Индіи и т. д. Всѣ расходы по этой пропагандѣ погашались самимъ султаномъ, который владѣетъ теперь колоссальнымъ состояніемъ и распоряжается всѣми назначеніями въ Имперіи, даже на мѣста секретарей посольствъ. Абдулъ-Гуда—душа движенія, которое залило потоками крови Малую Азію и Арменію. Онъ всѣми средствами старается возбудить и поддержать мусульманскій фанатизмъ. Одно время онъ чуть было не впалъ въ немилость, когда послѣ армянскихъ избіеній не только Европа, но даже многіе изъ турокъ высказалась противъ султана, но теперь, когда его предсказанія побѣды и успѣха сбылись въ греко-турецкой войнѣ, его вліяніе на султана сдѣлалось еще могущественнѣе, чѣмъ прежде.

Извѣстный фаворитъ султана Иззетъ-бей креатура бывшаго дервиша. Абдулъ-Гуда сдѣлалъ Иззетъ-бея приближеннымъ султана. Иззетъ-бей тоже сиріецъ и происходитъ изъ арабскаго племени Галло. Онъ единственный изъ фаворитовъ султана, достигшій власти и значенія, который имѣлъ раньше достаточныя средства къ жизни и обладалъ нѣкоторымъ образованіемъ. Онъ самъ любитъ похваляться этимъ и говоритъ всѣмъ посѣтителямъ: «Я служу турецкому правительству не изъ личнаго интереса, а изъ патріотизма, такъ какъ имѣю средства вести привольную жизнь». Иззетъ-бей особенно искусенъ въ сплетеніи всякаго рода интригъ; онъ ведетъ въ Ильдызѣ дѣятельную жизнь и цѣлые дни принимаетъ разныхъ лицъ, пишетъ, диктуетъ разныя распоряженія и опрашиваетъ арестованныхъ. Но самъ онъ не пользуется свободой и точно плѣнникъ прикованъ къ Ильдызу; онъ занимаетъ во дворцѣ крошечную комнатку, откуда не можетъ выйти безъ разрѣшенія султана.

Изъ другихъ приближенныхъ султана пользуются вліяніемъ четыре брата Рагибъ, греческіе ренегаты; Наземъ-паша, начальникъ полиціи, въ жилахъ котораго течетъ смѣсь курдской и сирійской крови; Ахмедъ-паша, главный шпіонъ, и Мунирь-бей, бывшій шпіонъ французскаго посольства. Дѣло въ томъ, что всѣ посольства имѣютъ своихъ шпіоновъ, которые должны доносить обо всемъ, что предпринимается въ Ильдызѣ, но, какъ всегда бываетъ, шпіоны обманываютъ обѣ стороны, и по вечерамъ лучшимъ развлеченіемъ султана служитъ выслушиваніе докладовъ посольскихъ шпіоновъ насчетъ тайныхъ намѣреній державъ.

Съ перваго взгляда можетъ показаться удивительнымъ, что въ Ильдызѣ сталкивается столько разныхъ народностей. Сирійцы, греки, армяне, курды, турки и негры живутъ и дѣйствуютъ вмѣстѣ и даже выказываютъ извѣстную солидарность. Это объясняется очень просто. Султанъ зорко слѣдитъ за ними, а они, въ свою очередь, шпіонятъ другъ за другомъ и послѣ нѣсколькихъ лѣтъ опыта пришли къ убѣжденію, что имъ выгоднѣе не подкапываться другъ подъ друга, а дѣйствовать сообща съ тою цѣлью, чтобы всѣмъ одинаково можно было черпать изъ золотой рѣки, которая разливается широкимъ потокомъ въ Ильдызѣ для тѣхъ, кто умѣетъ пользоваться случаемъ.

Золото прежде всего доставляется продажею мѣстъ. Никакую должность нельзя получить безъ вмѣшательства фаворитовъ, а это вмѣшательство покупается на

вѣсъ золота. Надо платить нетолько за мѣсто, но и за то, чтобы сохранить его. Купля-продажа мѣстъ производится самымъ беззастѣнчивымъ образомъ и даже порою принимаетъ характеръ настоящаго аукціона. Кто больше дастъ! Взяточничество до такой степени развито въ Ильдызѣ, что буквально нельзя сдѣлать ни одного шага безъ платы. Степень могущества фаворитовъ всегда равносильна ихъ богатству. Нельзя сказать, что они выше законовъ, потому что вообще никакихъ законовъ въ Турціи нѣтъ. Фавориты могутъ не исполнять никакихъ правилъ и приличій, не платять за мѣста на желѣзной дорогѣ, за багажъ и т п.

Осыпанные богатствами, пріобрѣтенными цѣною смерти и изгнанія разныхъ лицъ, и чувствуя, что гибель султана была бы сигналомъ ихъ собственной гибели, фавориты плотной и преданной на смерть толпой окружаютъ султана. Ихъ привязанность къ нему и чувство солидарности, связывающее ихъ, усиливается, лишь только появляются признаки серьезной опасности. Тогда всѣ силы ума и энергіи направляются къ тому, чтобы предотвратить опасность и раздавить политическихъ враговъ существующаго режима. Султанъ и его фавориты связаны между собою на жизнь и смерть, и можно сказать, согласно одной древней персидской поговоркѣ, что они представляютъ «глаза, уши, руки и ноги Абдулъ-Гамида».

Въ Турціи очень распространена легенда, что Абдулъ-Гамидъ армянскаго происхожденія, что отцомъ его былъ армянскій часовщикъ, находившійся въ составѣ служащихъ въ павильонѣ Кехатъ-Хане, гдѣ жила долгое время въ изгнаніи одна изъ султаншъ. Какъ бы тамъ ни было, но извѣстно только, что Абдулъ-Гамидъ не зналъ своей матери, которая умерла вскорѣ послѣ его рожденія, и что въ дѣтствѣ всѣ во дворцѣ называли его «маленькимъ армяниномъ». Типъ у него дѣйствительно армянскій, и нѣкоторыя черты характера представляютъ большое сходство съ характеромъ армянъ; напримѣръ, у него существуетъ врожденная любовь считать деньги. Кромѣ того, по словамъ одного изъ его бывшихъ учителей, Абдулъ-Гамидъ не могъ никогда выносить даже вида армянскаго слуги и всегда приходилъ въ сильнѣйшее раздраженіе. Молодость Абдулъ-Гамидъ провелъ въ уединеніи, въ окрестностяхъ Константинополя, въ довольно дикой мѣстности. Онъ всегда отличался любовью къ музыкѣ, природѣ и чтенію романовъ Евгенія Сю, Понсонъ дю-Террайля и Габоріо, переведенныхъ на турецкій языкъ. Послѣдній писатель до сихъ поръ еще остается его любимымъ авторомъ.

Но султанъ также увлекается до сихъ поръ чтеніемъ исторіи великихъ калифовъ. Это чтеніе, вмѣстѣ съ чтеніемъ французскихъ романовъ, развило въ немъ страсть къ сложнымъ положеніямъ, ко всякаго рода запутаннымъ интригамъ, въ то же время возбудило ненасытное желаніе играть въ глазахъ міра роль героя, «обаятельнаго и страстнаго», служить воплощеніемъ великой мусульманской идеи. Чтобы достигнуть своей цѣли, Абдулъ-Гамидъ щедрою рукой сыплетъ золото. «Я покупаю души, какъ товаръ», говаривалъ онъ не разъ. И, дѣйствительно, надо только удивляться, откуда у него берется столько золота въ то время, когда турецкая казна страдаетъ хроническимъ истощеніемъ. Одинъ изъ чиновниковъ министерства финансовъ далъ по этому поводу слѣдующее любопытное разъясненіе: «Турція—это пустой мѣшокъ изъ подъ муки. Ты думаешь, что въ мѣшкѣ уже ничего не осталось? Возьми его, колоти, скручивай, встряхивай ,и мука будетъ сыпаться безконечно!».

Кромѣ всевозможныхъ государственныхъ доходовъ, въ которыхъ султанъ можетъ черпать пригоршнями, султанъ обладаетъ громаднымъ личнымъ состояніемъ, громадными помѣстьями въ Малой Азіи, пріобрѣтенными путемъ конфискаціи земель или покупки ихъ за минимальную цѣну, противъ которой владѣльцы не могли протестовать, такъ какъ она была назначена султаномъ. Однако, свое личное состояніе султанъ тратитъ съ большою осторожностью и даже выказываетъ въ своихъ личныхъ тратахъ изрядную разсчетливость. Съ самыхъ

юныхъ лѣтъ Абдулъ-Гамидъ обнаруживалъ склонность копить деньги, отличаясь этимъ отъ своего брата Мурада, который, наоборотъ, всегда выказывалъ большую расточительность. Оба брата ненавидѣли другъ друга, Мурадъ даже попросилъ перевести на турецкій языкъ Гарпагона Мольера и велѣлъ представить эту пьесу въ театрѣ, подъ названіемъ «Гамидъ-скупой». Весь городъ смѣялся. Когда Абдулъ-Гамидъ вступилъ на престолъ, то первымъ его дѣйствіемъ было уничтожить театръ, единственный въ Стамбулѣ, въ которомъ давалась эта пьеса.

Онъ дѣйствуетъ нетолько подкупомъ, но и обаяніемъ своего титула калифа, дѣйствующимъ на воображеніе мусульманъ. Онъ всегда старается произвести впечатлѣніе, ослѣпить блескомъ роскоши и великолѣпія, что дѣйствительно ему удается. На нѣкоторыхъ онъ дѣйствительно производитъ потрясающее впечатлѣніе. По словамъ автора статьи въ «Revue des Revues», Пьеръ Лоти чуть не упалъ въ обморокъ, когда Абдулъ-Гамидъ надѣлъ на него орденскую ленту. Что же должны чувствовать разные мелкіе людишки, передъ которыми внезапно появляется повелитель правовѣрныхъ во всемъ блескѣ и великолѣпіи?

Но султанъ, кромѣ того, умѣетъ очаровать своихъ посѣтителей любезностью, проницательностью, предупредительностью. И эта кажущаяся общительность многихъ вводитъ въ заблужденіе. Подъ этою заманчивою внѣшностью султанъ скрываетъ глубокое коварство и презрѣніе къ людямъ. Да и какъ ему не презирать ихъ, когда онъ видитъ кругомъ только продажность и раболѣпство? Онъ окруженъ людьми, которые обязаны ему всѣмъ, что имѣютъ, и судьба ихъ находится въ его рукахъ. Онъ, дѣйствительно, покупаетъ души, какъ товаръ, и съ этой точки зрѣнія смотритъ на всѣхъ людей, не исключая и иностранцевъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что онъ также относится и къ иностраннымъ посламъ и высокопоставленнымъ сановникамъ, которымъ онъ шлетъ подарки и жалуетъ ордена. Только одинъ разъ, быть можетъ, султанъ былъ приведенъ въ замѣшательство, когда теперешній англійскій министръ колоній Чэмберленъ отказался отъ пожалованнаго ему султаномъ ордена, заявивъ, что «эти вещи не носятся въ Англіи!»

Преобладающая мечта всей жизни султана, это—возрожденіе мусульманской имперіи. Слава калифовъ древности не даетъ ему спать спокойно. Терзаемый страхомъ за свою собственную жизнь, онъ готовъ былъ уже идти на уступки и произвести измѣненіе режима подъ давленіемъ возмущенной Европы. Но ему удалось оттянуть развязку, давленіе ослабѣло, между тѣмъ наступила греко-турецкая война и рядъ побѣдъ Турціи, заставившихъ духъ султана снова воспрянуть и снова отдаться мечтамъ о калифатѣ. Неудивительно, что султанъ заплакалъ отъ радости, узнавъ, что мусульмане Бомбея иллюминовали городъ въ его честь. Иностранныя державы, поддерживая султана и, слѣдовательно, существующій режимъ въ Турціи, помогая ему преобразовывать свою армію и флотъ, тѣмъ самымъ все болѣе и болѣе укрѣпляютъ въ его умѣ увѣренность, что его мечта должна осуществиться.

Изъ иностранныхъ журналовъ.

«Revue de Paris»—«Revue des Deux Mondes».

Когда въ 1863 году разнесся слухъ, что знаменитый компазиторъ и піанистъ Францъ Листъ постригается въ монахи и становится аббатомъ, то эта новость произвела не меньшую сенсацію въ европейскомъ обществѣ, чѣмъ какое-нибудь выдающееся политическое событіе. Никто не былъ подготовленъ къ такой развязкѣ. Листъ никогда не обнаруживалъ склонности къ монашеской созерцательной жизни, къ аскетизму, къ тому же, ни для кого не составлялъ

тайны его романъ съ княгиней Сайнъ-Витгенштейнъ,—романъ, длившійся много лѣтъ. Но какъ разъ тогда, когда послѣднія преграды рушились и католическая церковь, въ виду смерти мужа княгини, уже не могла болѣе препятствовать браку, Листъ, ко всеобщему удивленію, вмѣсто того, чтобы идти подъ вѣнецъ, отправился въ монастырь. Что побудило его къ этому рѣшенію—такъ и осталось тайной между нимъ и его бывшей подругой жизни.

Княгиня Каролина Сайнъ-Виттенштейнъ далеко не была заурядною героиней романа, да и самый романъ ея съ Листомъ отличался нѣсколько отъ другихъ любовныхъ исторій подобнаго рода. Авторъ статьи въ «Revue de Paris», посвященной ея памяти, отзывается о княгинѣ, какъ о замѣчательной женщинѣ по уму, образованію и своимъ интеллектуальнымъ способностямъ. Воспитанная своимъ отцомъ, очень умнымъ и образованнымъ человѣкомъ, Каролина Витгенштейнъ обнаруживала рѣдкую въ женщинѣ того времени эрудицію и ученость. Складъ ума у нея былъ также совсѣмъ мужской, но вмѣстѣ съ этимъ она проявляла иной разъ такія стороны, какія почему-то считаются неотъемлемой принадлежностью женскаго характера. Вотъ, напримѣръ, какъ о ней отзывается одинъ изъ людей, хорошо знавшихъ ее въ молодости. «Самое пикантное въ этой оригинальной личности представляетъ ея восторженный мистицизмъ и пареніе въ небесахъ, составляющій контрастъ съ чисто земною страстью ея къ Листу... Тонкая казуистка, она могла въ теченіе нѣсколькихъ часовъ бесѣдовать о грѣхахъ совершенно такъ же, какъ другіе бесѣдуютъ о чувствахъ. Она придавала богословскій характеръ всему, къ чему бы она ни прикасалась и каждый поступокъ становится у нея тотчасъ же актомъ совѣсти».

Вышедшая замужъ очень рано, княгиня была очень несчастлива въ семейной жизни. Ей пришлось перенести столько горя и преслѣдованій всякаго рода отъ своего мужа и членовъ его семьи, пускавшихъ въ ходъ всѣ интриги, чтобы только отнять у нея ея громадное состояніе, что она, наконецъ, рѣшилась воспользоваться тѣмъ, что она русская подданная, хотя и католичка, и начала дѣло о разводѣ, на основаніи какихъ-то погрѣшностей въ самой формѣ бракосочетанія. Однако, на дѣлѣ добиться отмѣны брачнаго союза оказалось весьма трудно. Неизвѣстно, по какимъ причинамъ императоръ Николай I вдругъ приказалъ пріостановить дѣло о разводѣ и конфисковалъ ея громадныя помѣстья. Послѣ этого княгиня уже не переступала болѣе никогда границъ русскаго государства и до самой смерти не соглашалась ровно ни на какія уступки, хотя бы и могла этою цѣной вернуть свое громадное состояніе.

Когда она познакомилась съ Листомъ, дѣло о разводѣ уже было начато. Она уже нѣсколько лѣтъ не жила съ мужемъ и считала себя нравственно свободной. Не думая, чтобы что-нибудь могло помѣшать ея разводу, она надѣялась быть совершенно свободной въ глазахъ людей и разсчитывала тотчасъ же повѣнчаться съ Листомъ. Потеря положенія нисколько ее не смущала и она охотно пожертвовала бы всѣмъ для любимаго человѣка. Но мечтамъ ея не суждено было сбыться. Не колеблясь, однако, ни одной минуты, княгиня послѣдовала за Листомъ, вполнѣ сознавая, что она поставила себя въ двусмысленное положеніе, и ея гордости и самолюбію придется, быть можетъ, вытерпѣть не мало щелчковъ. Впрочемъ, она всегда относилась съ величайшимъ равнодушіемъ къ мнѣнію свѣта и это не могло ее остановить. Она поѣхала за Листомъ въ Веймаръ, гдѣ Листъ получилъ мѣсто придворнаго капельмейстера у великаго герцога.

Въ Веймарѣ она прожила около 12 лѣтъ, и эти годы были самыми плодотворными годами для Листа. Княгиня ревниво оберегала его работу. Говорятъ, будто она даже имѣла обыкновеніе запирать его въ комнатѣ, когда онъ работалъ, чтобы никакія внѣшнія впечатлѣнія, всегда дѣйствовавшія очень сильно на его подвижную натуру, не могли бы отвлечь его вниманіе отъ ра-

боты. Нѣтъ сомнѣнія, что эти годы въ жизни артиста надо считать двойными, и творческая сила его таланта разцвѣла пышнымъ цвѣтомъ. Присутствіе Листа вернуло Веймару его прежнюю славу. Туда стали стекаться знаменитые артисты, художники, ученые, писатели, актеры и т. д. Утренніе и вечерніе концерты, дававшіеся въ Веймарѣ, пользовалась въ Европѣ громкою славой, княгиня Витгенштейнъ господствовала надъ всѣмъ веймарскимъ обществомъ, благодаря своей высокой образованности и уму. Когда она уѣхала изъ Веймара и вслѣдъ за нею отправился Листъ, блестящіе годы Веймара кончились навсегда.

Послѣ смерти императора Николая, разводъ, котораго такъ добивалась княгиня, былъ, наконецъ, доведенъ до благополучнаго окончанія. Бракъ объявленъ былъ расторгнутымъ, но княгиня была католичка и притомъ вѣрующая, и, чтобы обвѣнчаться съ Листомъ, ей необходимо было согласіе папы. Она отправилась въ Римъ лично хлопотать объ этомъ. Долго тянулась эта процедура и много мытарствъ пришлось испытать бѣдной женщинѣ, пока, наконецъ, Пій IX согласился объявить ея бракъ недѣйствительнымъ. Каролина Витгенштейнъ была въ восторгѣ; казалось, теперь ничто уже не препятствовало достиженію цѣли, къ которой она стремилась съ самаго начала сближенія съ Листомъ. Все было готово для вѣнчанія; въ церкви «San Carlo del Corso» былъ уже убранъ алтарь для этой церемоніи,—и вдругъ, въ послѣднюю минуту, изъ Ватикана получено приказаніе пріостановить бракосочетаніе. Что побудило Пія IX взять назадъ свое согласіе, объ этомъ никто ничего не зналъ. Говорили о какихъ-то постороннихъ вліяніяхъ, которые были пущены въ ходъ въ послѣдній моментъ, чтобы во что бы то ни стало помѣшать браку Листа съ княгиней. Называли какую-то румынскую княгиню, будто бы старавшуюся помѣшать этому браку и т. д. и т. д. Но ни одинъ изъ этихъ слуховъ не могъ быть провѣренъ; заинтересованныя стороны, Каролина Витгенштейнъ и Листъ, никому ничего не говорили объ этомъ. Злые языки утверждали, что самъ Листъ игралъ не послѣднюю роль въ этомъ внезапномъ оборотѣ дѣла. Подозрѣвала ли это княгиня? Во всякомъ случаѣ, она никогда и никому не обмолвилась объ этомъ. Впослѣдствіи она сказала только, что такой неожиданный ударъ, внезапно разразившійся надъ нею, она сочла знаменіемъ того, что Господь противится ея браку. Вскорѣ послѣ этого умеръ ея мужъ, препятствія къ браку сами собою рушились, но, какъ уже извѣстно, Листъ вступилъ въ монастырь, и люди, прожившіе вмѣстѣ болѣе пятнадцати лѣтъ, разстались навсегда. Тайна этой домашней драмы такъ и осталась тайной, тщательно хранимой обоими заинтересованными лицами.

Внезапное рѣшеніе Листа вызвало не мало толковъ въ обществѣ. Каролина знала, что этотъ поступокъ Листа объясняется невыгоднымъ для нея образомъ, говорили, что онъ не видѣлъ другого способа избѣжать брака съ нею, какъ уйти въ монастырь. Но всегда относившаяся совершенно равнодушно къ общественному мнѣнію, Каролина Витгенштейнъ и тутъ осталась вѣрна себѣ. Отношенія ея къ Листу приняли другой характеръ, но остались попрежнему сердечными и дружескими. Да и самъ Листъ, живя въ Римѣ, ежедневно навѣщалъ ее и совѣтовался съ нею обо всемъ. Его идея возрожденія церковной музыки находила горячую поддержку въ бывшей подругѣ. Впрочемъ, княгиня по прежнему жила его интересами, и онъ представлялъ для нея центръ, вокругъ котораго вращались всѣ ея помыслы. Она попрежнему окружала его попеченіемъ и заботами, старалась употребить все свое вліяніе, чтобы его духовная карьера шла быстрѣе, и огорчалась, что онъ не такъ преуспѣваетъ, какъ бы ей хотѣлось.

Была ли она счастлива? Безспорно Листъ цѣнилъ ея горячую, самоотверженную привязанность, но, быть можетъ, именно исключительность этой привязанности и пылкость тяготили его. При всѣхъ своихъ выдающихся достоинствахъ ума и сердца, Каролина совершенно не знала чувства мѣры. Востор-

женность ея часто доходила до экзальтаціи, она никогда не считала нужнымъ сообразовать свои мысли и поступки съ общепринятыми правилами. Кромѣ того, у нея несомнѣнно существовало много странностей и причудъ. Между прочимъ, она очень любила снимать съ себя фотографіи, и послѣ нея осталась цѣлая серія ея портретовъ, въ самыхъ разнообразныхъ позахъ и въ самой разнообразной обстановкѣ.

Старость ея была одинокой. Когда другъ ея уѣхалъ изъ Рима, она стала вести очень уединенный образъ жизни и принимала только самыхъ близкихъ людей. Религіозность ея, конечно, съ годами еще болѣе усилилась, но, тѣмъ не менѣе, все-таки не могла вытѣснить изъ ея сердца земную любовь. Она не уставала говорить о своемъ другѣ, и Листъ попрежнему служилъ любимою темою всѣхъ ея разговоровъ. Никогда никакой горечи не проскользнуло въ ея воспоминаніяхъ о Листѣ и ни разу во всю свою жизнь она не пожаловалась на него. Однажды лишь она сказала, что несчастьемъ всей ея жизни было его пристрастіе къ женщинамъ. Это было сказано совершенно спокойно, долго спустя послѣ того, какъ рушились всѣ ея надежды, но, вѣроятно, эта черта характера ея друга причинила ей не мало горя въ прежнее время. Одинъ изъ близкихъ ей людей спросилъ ее какъ-то, когда она уже жила въ Римѣ, въ одиночествѣ, почему она не вышла замужъ за Листа, когда умеръ ея мужъ. «Еслибъ я воспользовалась свободой, полученной мною такимъ путемъ, то этимъ самымъ я бы признала дѣйствительнымъ свой бракъ съ княземъ Витгенштейнъ», послѣдовалъ гордый отвѣтъ, и нескромный пріятель никогда больше не пробовалъ затрогивать этой темы.

Даже уѣхавъ изъ Рима, Листъ не прекратилъ сношенія со своею пріятельницей. Онъ ежегодно навѣщалъ ее, и ни болѣзнь, ни уговоры друзей, не могли заставить его уклониться отъ этой поѣздки.

— Ея душа такъ тѣсно связана съ моей, — говаривалъ онъ друзьямъ,— что если я умру первый, она не переживетъ меня.

Слова эти почти оказались пророческими, и въ тотъ же самый годъ, какъ умеръ Листъ, умерла и Каролина Витгенштейнъ, такъ сильно и много любившая его.

Въ августовской книжкѣ академическаго журнала «Revue des deux Mondes» появилась интересная статья Леруа-Больё о Россіи, озаглавленная «Les transformations sociales de la Russie contemporaine». Взгляды, высказываемые Леруа-Больё, не представляютъ ничего новаго для русскаго читателя: за послѣдніе годы они много разъ уже высказывались въ нашей литературѣ и служили поводомъ къ ожесточенной полемикѣ. Но они все-таки интересны, какъ свидѣтельство иностранца, стоящаго въ сторонѣ отъ нашихъ литературныхъ партій и споровъ.

«Можетъ ли Россія, заимствуя съ Запада его науку, машины и промышленность, сохранить неизмѣнными примитивныя формы своего соціальнаго строя, или она волей-неволей должна все болѣе приближаться къ европейскимъ государствамъ?»—вотъ вопросъ, который пытается разрѣшить статья Леруа-Болье.

Русскіе славянофилы и ихъ современные послѣдователи, называемые народниками, говоритъ Леруа-Болье, въ теченіе полустолѣтія твердили намъ, что въ русскомъ деревенскомъ «мірѣ» и общинѣ заключены элементы новой и высшей культуры, чѣмъ культура Запада. Нѣкоторые изъ нихъ рѣшались даже провозглашать общинный бытъ русской деревни единственнымъ средствомъ возродить старую, гніющую Европу. «Мы всегда возставали противъ этихъ взглядовъ — замѣчаетъ Леруа-Болье — и доказывали, что въ вѣкъ пара и электричества нельзя создать новую цивилизацію, основанную на первобытныхъ земельныхъ отношеніяхъ и свободную отъ борьбы классовъ. Мы всегда

доказывали, что въ настоящее время уже не можетъ быть цивилизаціи безъ большихъ городовъ и безъ крупной промышленнести. И вотъ, мы видимъ теперь, что утопія «мужицкаго царства» постепенно исчезаетъ въ самой колыбели славянофильскаго романтизма; мы видимъ, что Москва, эта древнепрестольная столица съ ея 400 церквами, опоясалась черной лентой фабрикъ и заводовъ, и эта новая Москва начинаетъ уже сознавать недостаточность аграрныхъ рецептовъ для лѣченія нашихъ современныхъ промышленныхъ обществъ. Развитіе русской цивилизаціи разбиваетъ пророчества защитниковъ первобытныхъ славянскихъ учрежденій и панегиристовъ древней Руси».

Далѣе-Леруа Болье указываетъ на то, что соціальный строй Россіи постепенно преобразуется. «Въ этомъ отношеніи славянофилы были правы,—замѣчаетъ онъ:—ошибка ихъ заключалась только въ томъ, что они думали, будто крестьянская община можетъ помѣшать соціальному развитію. Политическій строй находится въ тѣсной зависимости отъ экономической структуры страны. Современная Россія уже не можетъ быть названа исключительно земледѣльческою страной: она быстро становится промышленной страной, и эта эволюція ея отражается на всѣхъ сторонахъ народной жизни, даетъ себя чувствовать въ самыхъ глухихъ закоулкахъ. Вмѣстѣ съ возникновеніемъ крупныхъ фабрикъ, въ Россіи возникаютъ и другія соціальныя задачи, не имѣющія ничего общаго съ земельной общиной и періодическими передѣлами земли. Россія не можетъ уже разсматриваться, какъ огромная деревня, населенная крестьянами, подчиненными «власти земли» и не знающими другихъ заботъ, кромѣ урожая.

«Наряду съ общиною, хранительницей вѣковыхъ завѣтовъ, возвышается фабрика съ ея нововведеніями, и понемногу преобразуетъ старыя народныя привычки, создаетъ новый въ Россіи типъ рабочаго. Въ настоящее время въ такъ называемой промышленной полосѣ Россіи, въ центрѣ которой находится Москва, создается цѣлый классъ фабричныхъ рабочихъ, оторванныхъ отъ земли. Правда, большинство изъ нихъ еще сохраняетъ юридическую связь съ деревней, но фактически они уже далеки отъ нея. Этотъ классъ фабричныхъ рабочихъ имѣетъ весьма много общаго съ западно-европейскимъ промышленнымъ пролетаріатомъ, отсутствіе котораго еще такъ недавно считалось одной изъ счастливыхъ особенностей Россіи. Подъ вліяніемъ промышленнаго развитія русскіе рабочіе все болѣе и болѣе «европеизируются». Сдѣлавшись промышленымъ государствомъ, Россія поставила свое рабочее сословіе въ тѣ же условія жизни, какъ и западно-европейское рабочее сословіе, и обрекла его на ту же судьбу».

Промышленность — великая преобразующая сила, замѣчаетъ Леруа-Болье. Шумныя машины современной промышленности, съ ихъ винтами и зубчатыми колесами, преобразуютъ нетолько неодушевленную матерію—металлы, хлопокъ, шерсть, шелкъ; онѣ преобразуютъ также человѣческія общества, создавая новыя группировки людей, собирая ихъ огромными массами у подножія фабричной трубы, устанавливая между ними новыя отношенія, пробуждая въ нихъ новыя стремленія, новыя мысли, новыя потребности.

Въ тотъ день, когда Россія, въ силу неизбѣжныхъ законовъ эволюціи, завела у себя промышленность, подобную западно-европейской, она вступила на тотъ же путь, на которомъ стоитъ западная Европа, и теперь неминуемо должна пройти черезъ тѣ же стадіи развитія и пережить ту же классовую борьбу, какъ ея западная сосѣдка.

Однимъ изъ главныхъ отличій Россіи отъ старой Европы, говоритъ далѣе Леруа-Больё, было то, что до начала XIX в. Россія была чисто земледѣльческою страною, страною мужиковъ, управляемой дворянской бюрократіей. Въ ней не было ни буржуазіи, ни рабочаго класса. Что бы ни говорили русскіе націоналисты, эта особенность проистекала вовсе не изъ коренныхъ свойствъ русскаго духа, а объяснялась просто молодостью народа и служила доказатель-

ствомъ его отсталости въ экономическомъ и соціальномъ отношеніи. Русскіе патріоты льстили себя надеждой, что Россія не подчиняется тѣмъ соціальнымъ законамъ, какіе управляютъ «гнилымъ Западомъ», но исторія высказалась противъ нихъ, и въ настоящее время экономическое развитіе Россіи представляетъ намъ новое и блестящее доказательство единства и всеобщности экономическихъ законовъ; русскіе, также какъ германцы и нео-латины, должны признать фактъ ихъ существованія. Несмотря на горделивыя увѣренія славянофиловъ, въ современной Россіи появились уже буржуазія и рабочій классъ,—эти два продукта западно-европейской цивилизаціи. Новыя потребности современной Россіи требуютъ новыхъ соціальныхъ группъ. Здѣсь умѣстно будетъ вспомнить евангельское изреченіе, забываемое столькими русскими: «не вливайте вино новое въ мѣха старые».

Леруа-Болье говоритъ затѣмъ нѣсколько словъ о «наивной мечтѣ московскихъ патріотовъ, надѣющихся создать могущественную промышленность, въ которой рабочими являлись бы набожные и покорные мужики, навѣки прикрѣпленные къ міру и къ родной деревнѣ. Крупная промышленность несовмѣстима съ сельскими идилліями, замѣчаетъ онъ. Ей нужны рабочіе совсѣмъ другого типа».

«Нѣтъ привилегій для русской земли и ничто не спасетъ ее отъ послѣдствій промышленной эволюціи»,—такъ заканчиваетъ свою статью Леруа-Болье.

Намъ нечего добавить къ этимъ выводамъ Леруа-Болье. Можемъ только рекомендовать эту статью нашимъ народникамъ, которые все позабыли и ничему не научились, почему и эти примитивныя истины имъ покажутся откровеніемъ.

ЕЩЕ КЪ ВОПРОСУ О МАТЕРІАЛИЗМѢ.

(Отвѣтъ г-ну Карданусу).

Проф. **Г. И. Челпанова.**

Въ № 248 «Новостей» помѣщенъ отвѣтъ г. Кардануса на мою статью «Къ ученію матеріализма» («Міръ Божій», августъ-сентябрь 1897 г.). Въ этой статьѣ я доказывалъ, что г. Карданусъ, ученый обозрѣватель «Новостей», выступилъ съ обвиненіемъ всѣхъ русскихъ философовъ въ невѣжествѣ, не имѣя рѣшительно никакихъ философскихъ познаній, руководствуясь *только* *) лишь соображеніями здраваго смысла. Въ этой статьѣ я его обвинялъ въ томъ, что онъ *не знаетъ,* что̀ такое матеріализмъ, *не понимаетъ*, что мысль непротяженна и что онъ никогда, очевидно, не имѣлъ случая ознакомиться съ разсужденіями выдающихся философовъ по этому вопросу. Я доказывалъ, что такого философа, какъ Шопенгауеръ, онъ *не понимаетъ,*—не понимаетъ, что Шопенгауеръ говоритъ объ относительномъ оправданіи матеріализма въ области *естествознанія*, а не *философіи*; что онъ даже *читать* Шопенгауэра не умѣетъ, если думаетъ, что Animalität у Шопенгауера означаетъ *одушевленность.* Такъ можетъ переводить Шопенгауера только тотъ, кто при переводѣ смотритъ въ словарь, а не тотъ, кто должнымъ образомъ умѣетъ читать философовъ. Наконецъ, я утверждалъ, что онъ не знаетъ даже, что̀ такое *самонаблюденіе*, о которомъ говорится на первыхъ страницахъ любого учебника психологіи, что онъ *не понимаетъ* даже такого популярнаго писателя, какъ Милль. Теперь г. Карданусъ пишетъ отвѣтъ на эту статью.

Читатель, конечно, въ правѣ ожидать, что онъ станетъ оправдываться во взводимыхъ на него несправедливо обвиненіяхъ и докажетъ, что онъ *понимаетъ,* что̀ такое самонаблюденіе, что онъ *знаетъ*, что̀ такое матеріализмъ, и т. п. Ничуть не бывало. Г. Карданусъ въ своей полемической статьѣ пользуется тѣмъ пріемомъ, который называется argumentatio ad hominem и который состоитъ въ томъ, чтобы показать читателю, что онъ не долженъ мнѣ вѣрить потому, что я философъ еще очень «юный» и самъ еще ничего не знаю. Но, очевидно, г. Карданусъ забылъ, что argumentatio ad hominem всегда является признакомъ бѣдности доказательства. Но оставимъ личные счеты и разберемъ по порядку тѣ соображенія, которыя г. Карданусъ приводитъ въ доказательство того, что я философъ, которому не слѣдуетъ оказывать никакого довѣрія.

---

*) Я подчеркиваю въ данномъ случаѣ *только* здраваго смысла, потому что г. Карданусъ опять можетъ прикинуться непонимающимъ и станетъ увѣрять читателя, что я *отрицаю* значеніе здраваго смысла для философствованія.

Г. Карданусъ говоритъ, что я хотѣлъ уничтожить матеріализмъ слѣдующими аргументами: «во-первыхъ, онъ, — говоритъ г. Карданусъ обо мнѣ, — заявилъ, что явленія, относящіяся къ міру физическому, обладаютъ качествомъ протяженности, а явленія психическія этимъ качествомъ не обладаютъ. Можемъ ли мы, — восклицаетъ онъ въ своей статьѣ, — сказать, что *чувство голода обладаетъ какой-либо протяженностью.* Конечно, нѣтъ. Нельзя же сказать, что *голодъ круглый*, *четырехугольный* и т. п. Во-вторыхъ, цѣлымъ рядомъ соображеній ему хотѣлось доказать, что мысль не есть функція мозга. Я посмѣялся надъ дѣтскими упражненіями г. Челпанова и скромно (?!) спросилъ его: можемъ ли мы сказать: электричество круглое, четырехъугольное, длинное и т. д.»

Конечно, г. Карданусъ, философствующій *только* на основаніи здраваго смысла, посмѣялся надъ моими разсужденіями, потому что думалъ, что это *мои* «дѣтскія разсужденія», принадлежащія *мнѣ*, безвѣстному философу. Но если бы онъ зналъ, что это не *моя* мысль, а мысль, высказанная такими выдающимися писателями, какъ *Юмъ* и *Бэнъ*, я думаю,—онъ не рѣшился бы смѣяться, потому что нельзя же въ самомъ дѣлѣ о великомъ Юмѣ или знаменитомъ Бэнѣ сказать, что ихъ мысли представляютъ собою «дѣтское упражненіе». Такъ, напр., у Юма *) для доказательства непротяженности души, говорится: «*можетъ ли кто-нибудь постигнуть чувство (passion), обладающее ярдомъ длины, футомъ ширины и дюймомъ толщины*». Или вотъ, напр., слова *Бэна: «удовольствіе не имѣетъ ни длины, ни ширины, ни толщины»*. Итакъ, г. Карданусъ съ опроверженіемъ этихъ «дѣтскихъ упражненій» долженъ адресоваться не ко мнѣ, а къ Юму или Бэну. Если онъ не имѣлъ случая читать ни Юма, ни Бэна, то онъ, по крайней мѣрѣ, долженъ былъ бы передъ тѣмъ, какъ собирался мнѣ писать отвѣтъ, просмотрѣть мои ссылки, тогда онъ въ примѣчаніи на страницѣ 59 **) увидѣлъ бы, что фраза Бэна у меня приводится цѣликомъ. Можетъ быть, г. Карданусъ, увидя, что о непротяженности мысли, или психическихъ процессовъ *въ тѣхъ же выраженіяхъ*, въ какихъ говорю я, говорятъ и выдающіеся писатели, не посмѣялся бы надъ *моими* дѣтскими упражненіями, и не спросилъ бы меня скромно: «можно ли сказать: электричество круглое, четырехугольное и т. п.» ***).

Затѣмъ г. Карданусъ на основаніи одной фразы въ примѣчаніи (стр. 7—8 «М. Б». августъ) заявляетъ, что я этой фразой произнесъ смертельный приговоръ своей собственной теоріи и пришелъ къ философскому самоубійству. Очень сожалѣю, что мнѣ приходится просить вниманія читателя, чтобы показать, что г. Карданусъ не понялъ этой фразы, имѣющей, къ тому же, совершенно второстепенное значеніе въ моей статьѣ, и на этомъ основаніи сдѣлалъ выводъ о моей полной философской несостоятельности.

Говоря о *психическомъ*, я употреблялъ въ своей первой статьѣ выраженіе *явленіе*; это заставляло людей, не привыкшихъ къ философской терминологіи, тотчасъ противополагать имъ *физическія явленія*, электричество, теплоту, и спрашивать: а развѣ такія явленія какъ электричество, теплота, протяженны?

Постановкой вопроса въ такомъ видѣ слишкомъ затемняется сущность того, о чемъ идетъ рѣчь, потому что неопытный читатель не видитъ сразу, какъ это *физическія явленія* непротяженны? Дабы избѣжать такого противополо-

---

*) См. *Юмъ*. «Treatise of human nature» V. I. P. IV. Sect V. изд. Selby Bigge, стр. 234. *Бэнъ*. «Психологія». Спб. 1887. Введеніе.

**) «Міръ Божій», 1897, сентябрь.

***) Можетъ быть, г. Карданусъ напишетъ еще одинъ фельетонъ въ доказательство того, что Бэнъ и Юмъ говорятъ не то, что говорю я; что я говорю о чувствѣ голода, между тѣмъ какъ они говорятъ о чувствахъ вообще и о чувствѣ удовольствія. Съ него это можетъ статься.

женія, я рѣшилъ избѣгать самаго термина *явленія* въ примѣненіи къ психической реальности. Чтобы сдѣлалось понятнымъ моимъ читателямъ, почему я допустилъ такое измѣненіе, я въ указанномъ примѣчаніи къ статьѣ и дѣлаю слѣдующее разъясненіе. Я говорю, что нѣтъ надобности употреблять слово *явленіе* въ примѣненіи къ психической реальности, потому что оно способно ввести въ заблужденіе, такъ какъ психологъ употребляетъ терминъ явленіе въ одномъ смыслѣ, а физикъ въ другомъ, и тутъ же я стараюсь пояснить, почему въ данномъ случаѣ получается два разныхъ смысла.

Я говорю, когда психологъ употребляетъ слово *явленіе* для какого-нибудь чувства, мысли и желанія, то оно является для него непосредственной *реальностью*, когда же физикъ употребляетъ слово *явленіе*, то оно сводится на какія-нибудь *тѣла* и ихъ *перемѣщенія*, потому что всякій вѣдь знаетъ, что въ концѣ концовъ всѣ физическія *явленія* представляютъ собой только лишь перемѣщеніе матеріальныхъ частицъ. Это я выражаю въ своей статьѣ слѣдующимъ образомъ: «Въ физическомъ мірѣ истинной реальностью, по общепринятымъ воззрѣніямъ, обладаютъ тѣла, т. е. атомы и ихъ совокупность. Въ явленіяхъ физическихъ эти послѣднія реальности, т. е. атомы, только измѣняютъ свое положеніе въ пространствѣ, и этимъ обусловливаютъ то или другое физическое явленіе: теплоту, магнетизмъ и т. под. Истинная реальность въ мірѣ физическомъ, разумѣется, принадлежитъ только *тѣламъ*; что же касается физическихъ *явленій*, то они суть только лишь состоянія тѣлъ», т. е. это не значитъ, что они вовсе не реальны, а значитъ, что ихъ реальность мы *сводимъ* въ концѣ концовъ на реальность *тѣлъ*. Если такъ, то читателю не трудно понять, что, когда онъ *сравниваетъ* «психическое» съ «физическимъ», то правильнѣе всего было бы брать какое-нибудь чувство, мысль, желаніе и сравнивать его съ *тѣломъ* или *тѣлами*; тогда онъ понялъ бы, о чемъ рѣчь идетъ. Я, разумѣется, имѣю въ виду читателя, искренно желающаго оріентироваться въ вопросѣ, и говорю, что когда мы разсуждаемъ о томъ, протяженно или непротяженно психическое, и употребляемъ при этомъ выраженіе *психическое явленіе*, то не слѣдуетъ въ этомъ случаѣ ему противополагать *физическое явленіе*, потому что слово *явленіе* физикъ употребляетъ въ одномъ смыслѣ, какъ противоположеніе *тѣламъ*, а психологъ просто какъ извѣстную *реальность*. Если кто-нибудь ясно понялъ, о чемъ здѣсь идетъ рѣчь, то онъ безъ труда пойметъ мою фразу, которая, будучи вырвана изъ цѣлой статьи, можетъ, конечно, показаться неясной. Я говорю: «между *явленіями* физическими (т. е. между *понятіемъ* явленія, какъ его употребляетъ физикъ) и *явленіями* психическими (т. е. понятіемъ явленія какъ его употребляетъ психологъ) нѣтъ аналогіи, потому что психическихъ *тѣлъ* нѣтъ». Поэтому, если бы кто-нибудь, говоря о протяженности или непротяженности психическаго, употребилъ выраженіе психическое явленіе, вы не должны приводить ему въ возраженіе «а электрическія *явленія* протяженны?» Нечего вамъ для сравненія приводить непремѣнно *явленія*, правильнѣе будетъ, если вы приведете *тѣла*. Если вы послушаетесь моего совѣта и вмѣсто физическихъ явленій будете говорить о *тѣлахъ*, потому что явленія сводятся на тѣла, то тогда можно будетъ съ вами говорить о протяженности и непротяженности психическаго, и это я въ своей статьѣ кратко выражаю такъ: «поэтому сравненіе физическихъ *явленій* съ психическими... совсѣмъ неправильно», т. е., когда вамъ приходится сравнивать психическое съ физическимъ, то вы должны были бы сравнивать конечныя психическія реальности: чувство, мысли, желанія, съ *тѣлами*, которыя составляютъ конечныя *физическія* реальности.

Разсужденіе въ высшей степени простое, и, что всего важнѣе, послѣ появленія второй статьи всякій разговоръ о противоположеніи между физическими и психическими *явленіями* упраздняется, потому что вмѣсто нихъ вводится

сравненіе просто между *физическимъ* и *психическимъ*, а только что указанное мною примѣчаніе вставлено мною для того, чтобы показать, что я ввелъ новую формулировку, потому что прежнюю нашелъ неудобной, способной ввести въ заблужденіе читателя, неопытнаго въ философскихъ разсужденіяхъ.

Что же дѣлаетъ г. Карднаусъ? Онъ именно беретъ это примѣчаніе и въ немъ черпаетъ чрезвычайно важныя улики противъ меня и обрекаетъ меня на «философское самоубійство». По поводу фразы «истинная реальность принадлежитъ только *тѣламъ*, что же касается физическихъ *явленій*, то это суть только *состоянія* тѣлъ» г. Кардanусъ восклицаетъ: «Значитъ физическія явленія не истинная реальность?» Но я и не отрицаю реальности явленій, а думаю, что ихъ реальность *сводится* на реальность тѣлъ, и это именно я хотѣлъ сказать вышеприведенной фразой. Затѣмъ г. Кардanусъ началъ долго думать надъ этой фразой и спрашивать себя, къ какой философской школѣ я принадлежу? И рѣшилъ, что къ *матеріалистической*. Читатель, который узнаетъ обо мнѣ только по его цитатѣ, конечно рѣшитъ, что я, противникъ матеріализма, самъ матеріалистъ, да иначе и не можетъ подумать, потому что если кто-нибудь говоритъ, что «истинная реальность принадлежитъ *только* тѣламъ», то онъ, конечно, матеріалистъ. Но читателю, не читавшему моей статьи, я спѣшу заявить, что въ этой фразѣ г. Карданусъ, вѣроятно, для большей *убѣдительности выпустилъ* выраженіе «въ мірѣ физическомъ». (А я именно говорилъ о реальности въ мірѣ *физическомъ*). Конечно, при помощи такого *пріема* легко сдѣлать меня матеріалистомъ.

Убѣдивши читателя въ томъ, что я матеріалистъ при помощи *такого* пріема, а мы увидимъ, что онъ и еще будетъ примѣняться г. Карданусомъ,— онъ увѣряетъ читателя, что я «растерялся», что мое «положеніе сдѣлалось невыносимымъ», что оно «привело меня къ философскому самоубійству», о каковомъ собирается торжественно повѣствовать г. Карданусъ.

Когда онъ доходитъ до моего «философскаго самоубійства», то приходитъ въ неистовый восторгъ, радуясь моей философской кончинѣ, созданной мною самимъ. Въ чемъ же таилась моя погибель? Въ той самой фразѣ, которую я только-что коментировалъ и въ которой я только говорю, что замѣчанію философа, «что психическія *явленія* непротяженны», не слѣдуетъ противопоставлять сужденія, «а развѣ *явленія* физическія протяженны» по причинамъ, мною выше указаннымъ.

Г. Карданусъ, вѣроятно, для большей убѣдительности, и эту фразу видоизмѣнилъ, такъ какъ выбросилъ выраженіе, «потому что психическихъ тѣлъ нѣтъ». И безъ того вслѣдствіе своей сжатости плохо понимаемая фраза сдѣлалась совсѣмъ неясной *).

---

*) Обсуждая вопросъ о сравненіи между психическимъ и физическимъ, г. Карданусъ высказываетъ соображенія, которыя заслуживаютъ разсмотрѣнія. Что и дѣлаю въ этомъ примѣчаніи.

Г. Карданусъ разсуждаетъ на ту тему, что я, будто бы, одно и тоже слово употребляю въ различныхъ смыслахъ. «Я понимаю,—говоритъ онъ,—что два человѣка могутъ употреблять одно и то же слово въ разныхъ смыслахъ, но чтобы одинъ и тотъ же человѣкъ, въ одной и той же фразѣ употребилъ одно и то же слово въ двухъ различныхъ смыслахъ—это нѣчто неслыханное, даже у профессіональныхъ философовъ». Пока я не стану говорить о томъ, кто изъ насъ употребляетъ одно и то же слово въ двухъ различныхъ смыслахъ—я или г. Карданусъ, а только замѣчу, что одно и то же слово можетъ употребляться и дѣйствительно употребляется въ различныхъ значеніяхъ. Возьмемъ хоть тоже слово *явленіе*. Физика употребляетъ его для противоположенія *тѣламъ*, психологъ можетъ его употребить просто для обозначенія *реальности*. Можно употребить его еще въ третьемъ смыслѣ, именно говоря объ *явленіяхъ* въ противоположность *вещи въ себѣ*. Какъ думаетъ г. Карданусъ? Если бы я употребилъ слово *явленіе* въ одной и той же статьѣ какъ физикъ и какъ философъ, будетъ ли это слово употреблено въ одномъ и томъ же смыслѣ или нѣтъ?

Г. Карданусъ заявляетъ, что я, будто бы, въ этой фразѣ,—повторяю, имѣющей совсѣмъ второстепенное значеніе въ моей статьѣ,—договорился до того, что заявилъ, будто психическія явленія несравнимы съ явленіями физическими.

Конечно, если надергать отдѣльныя слова, подобрать ихъ, тогда, безъ сомнѣнія, мысли автора можно представить въ такомъ видѣ, что они читателю могутъ по-

Вотъ слово явленіе уже въ *трехъ* разныхъ значеніяхъ. Если бы я въ своей статьѣ имѣлъ случай говорить о картинѣ Иванова «Явленіе Христа міру», то слово *явленіе* было бы употреблено опять съ новымъ значеніемъ. «Четыре разныхъ значенія придаетъ одному и тому же слову въ одной и той же статьѣ одинъ и тотъ же авторъ», воскликнетъ г. Карданусъ. Да, конечно. Что дѣлать, такова ужъ судьба философіи, что *понятій* у нея много, а *словъ* немного, оттого приходится пользоваться одними и тѣми же словами для обозначенія различныхъ понятій. Философовъ это обыкновенно не смущаетъ, ибо, хотя они употребляютъ одни и тѣ же слова для обозначенія разныхъ понятій, но они всегда знаютъ, о чемъ идетъ рѣчь. Вотъ другое дѣло, если кто о философіи разсуждаетъ только на основаніи здраваго смысла, тотъ дѣйствительно всегда путаетъ, тому никакъ не угодишь; ему говоришь о психическихъ *явленіяхъ* въ смыслѣ психической реальности, а онъ къ тебѣ съ вопросомъ: «имѣютъ-ли электрическія *явленія* протяженность».

Если сказать, что психическія *явленія* непротяженны, то обыкновенно спрашиваютъ (разумѣется, философы вродѣ г. Кардануса): а развѣ такія *явленія*, какъ электричество, теплота и т. п. протяженны? «Но очевидно,—говорю я въ своей статьѣ,—что въ данномъ случаѣ слово явленіе *употреблено* въ двухъ различныхъ смыслахъ», т. е. я употребилъ слово *явленіе* въ одномъ смыслѣ, а философъ вродѣ г. Кардануса пристаетъ съ *явленіями* въ другомъ смыслѣ, думая, что онъ употребляетъ въ томъ же смыслѣ, какъ и я. Вотъ почему я сказалъ, что «это слово *употреблено* въ двухъ различныхъ смыслахъ», т. е. не *я* употребилъ въ двухъ различныхъ смыслахъ, *я* употребилъ въ одномъ смыслѣ, а г. Карданусъ присоединился ко мнѣ съ явленіемъ въ другомъ смыслѣ; значитъ виноватъ-то не я, а г. Карданусъ. Зачѣмъ же онъ взваливаетъ вину на меня?

Г. Карданусъ спрашиваетъ объ электрическихъ явленіяхъ—протяженны ли они, или нѣтъ. Пусть г. Карданусъ скажетъ, о чемъ онъ *думаетъ*, когда говоритъ объ электричествѣ, о какой-нибудь *силѣ*, внѣ тѣлъ находящейся? Конечно, нѣтъ. Онъ, какъ физикъ, знаетъ, что электричества *внѣ* электризуемыхъ тѣлъ не бываетъ. Употребляя слово электричество, онъ думаетъ объ электризуемыхъ *тѣлахъ*, о тѣхъ *матеріальныхъ* измѣненіяхъ, которыя совершаются въ нихъ; онъ думаетъ о тѣхъ или иныхъ перемѣщеніяхъ матеріальныхъ частицъ и т. п. Вѣдь г. Карданусъ согласится съ тѣмъ, что *матеріальныя частицы*, *перемѣщенія* и т. п.—все это нѣчто такое, къ чему вполнѣ примѣнима *категорія* протяженности. Вотъ почему можно сказать, что къ явленіямъ электрическимъ примѣнима категорія протяженности. Когда г. Карданусъ говоритъ о непротяженности электричества, то онъ, очевидно, думаетъ не о томъ, о чемъ долженъ думать натуралистъ, а имѣетъ въ виду только *слово* электричество, по отношенію къ которому, конечно, непримѣнимы категоріи протяженности.

Г. Карданусъ, по непривычкѣ къ философской терминологіи, никакъ не можетъ справиться съ терминомъ *категорія*. Когда я говорю о категоріяхъ протяженности, то имѣю въ виду, конечно, не только длину и ширину, но и *положеніе*, *движеніе*, *перемѣщеніе*, *совершеніе въ пространствѣ*. Поэтому, когда онъ противополагаетъ электрическія явленія явленіямъ психическимъ, то ему не слѣдовало ограничиться постановкой вопроса, имѣетъ ли электричество *длину*, *ширину*, *толщину*, но испробовать еще и другія *категоріи*, напр., *движеніе въ пространствѣ*, *совершеніе въ пространствѣ*. Можно ли, напр., спросить: «*совершается* ли электрическое явленіе въ пространствѣ, или же нѣтъ?» Я думаю, что физикъ долженъ отвѣтить на этотъ вопросъ утвердительно, а пусть попробуетъ г. Карданусъ спросить: совершается ли такое явленіе, какъ чувство голода, въ пространствѣ?

Но согласимся съ натуръ-философіей г. Кардануса, что электричество не имѣетъ протяженности, то вѣдь отсюда вовсе не слѣдуетъ, что голодъ и вообще все *психическое протяженностью обладаетъ*... Вѣдь г. Карданусъ, какъ философъ, знающій, о чемъ въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ, не долженъ былъ бы поставлять совсѣмъ такого вопроса; такая постановка вопроса простительна неопытному читателю, но вѣдь г. Карданусъ литераторъ, считающій себя призваннымъ искоренить «семинарскую философію» изъ университетовъ, вѣдь онъ знаетъ, какъ объ этомъ говоритъ *Декартъ*, *Лейбницъ*, *Юмъ*, *Спенсеръ*. Вѣдь разъ г. Карданусъ, для котораго истина всего дороже, не будучи матеріалистомъ, понимаетъ, что все психическое протяженностью не обладаетъ, для чего же онъ сбиваетъ съ толку читателя двусмысленностью словъ?

казаться самоубійственными. Конечно, при такихъ условіяхъ можно весьма легко одержать побѣду. «Развѣ это не самоубійство!—воскликнулъ г. Карданусъ.—Философъ посвящаетъ четыре статьи именно сравненію психическихъ явленій съ физическими, именно съ точки зрѣнія непротяженности, и тутъ заявляетъ, что такое сравненіе совсѣмъ неправильно. Это положительно самоубійство!» громко трубитъ г. Карданусъ. Но, хороня меня, сраженнаго трескучими фразами, г. Карданусъ чувствуетъ, что хоронитъ, но только не меня, а свою репутацію глубокомысленнаго философа, ибо чувствуетъ, что для того, чтобы убить меня, онъ не можетъ обойтись безъ какого нибудь *пріема*, и, какъ изобрѣтательный человѣкъ, такой пріемъ онъ находитъ. Этотъ пріемъ состоитъ въ *видоизмѣненіи* мыслей противника, сообразно съ обстоятельствомъ, дабы сдѣлать противника простоватымъ въ глазахъ читателя. Но чтобы читатель не подмѣтилъ его маневра, онъ спѣшитъ заявить читателю: «вотъ *подлинное* заявленіе самого г. Челпанова, вотъ оно во всей своей *неприкосновенности*». Посмотримъ же, въ какой *неприкосновенности* приводитъ мои слова г. Карданусъ. У меня сказано: «по мнѣнію большинства публики, и что хуже всего, по мнѣнію нѣкоторой части пишущей публики философствовать можно на основаніи здраваго смысла, что все то, что говорили Кантъ, Гегель, Спенсеръ и др. великіе мыслители, подлежитъ обсужденію *просто* на основаніи здраваго смысла.» Г. Карданусъ, цитируя это мѣсто, слово «*просто*» (равносильное слову *только*) *выпустилъ*, тогда истинный смыслъ мѣста потерялся: вышло такъ, что будто «я отрицаю столь необходимое орудіе при изученіи философовъ, какъ здравый смыслъ». Вѣроятно, для г. Кардануса такой *пріемъ* есть необходимое средство для самоспасенія. Но какъ называется такой пріемъ на житейскомъ языкѣ? Конечно, каждый пользуется тѣмъ средствомъ, которое онъ признаетъ наилучшимъ.

Разберемъ теперь разсужденіе г. Кардануса о Шопенгауэрѣ, разсужденіе, которымъ г. Карданусъ хочетъ возстановить свою репутацію знатока Шопенгауэра. Но цитированіе по нѣмецкому тексту можетъ только въ глазахъ неопытнаго читателя произвести эффектъ. Шопенгауэра можно не только *читать*; но его еще нужно *понимать*.

«Г. Челпановъ,—говоритъ онъ,—привлекаетъ въ число своихъ союзниковъ Шопенгауэра, утверждая, что этотъ философъ насмѣхался надъ матеріализмомъ, читатель, познакомившись съ руганью Шопенгауэра, можетъ подумать, что воззрѣніе Шопенгауэра на матеріалистическое ученіе имѣетъ какое либо сходство съ воззрѣніями г. Челпанова, что Шопенгауэръ также, какъ г. Челпановъ, не признаетъ мысли, какъ функціи мозга». Это мѣсто показываетъ, какъ мало г. Карданусъ знакомъ съ тѣмъ, о чемъ онъ такъ смѣло говоритъ.

Резюмируя ученіе матеріалистовъ въ своей статьѣ *), я говорю: «какъ мы видѣли, сущность матеріализма, какъ философской системы, сводится къ утвержденію, что *въ мірѣ есть только матерія*, и что мысль есть только продуктъ дѣятельности или движенія матеріи». Итакъ, матеріалисты думаютъ, что *въ мірѣ существуетъ только лишь матерія*—это во-первыхъ, и что *мысль есть только лишь функція мозга*. Это во-вторыхъ. Замѣтьте, дѣло идетъ о *двухъ* совершенно различныхъ вещахъ—*объ абсолютномъ существованіи матеріи* и о *мысли, какъ функціи мозга*. Первое положеніе называется *теоретико-познавательнымъ*; второе назовемъ *психологическимъ*. Я въ своей статьѣ, коснувшись перваго—*теоретико-познавательнаго аргумента*, имѣющаго своимъ предметомъ вопросъ *объ абсолютномъ существованіи матеріи* (а не о томъ, есть ли мысль функція мозга),—взялъ въ свои союзники Шопенгауэра, *нигдѣ*, ни единымъ словомъ не упоминая о томъ, какъ Шопенгауэръ относился къ матеріализму вообще, ибо это совсѣмъ не входило въ мою задачу. Шопенгауэръ,

*) «Мозгъ и мысль» «Міръ Божій», 1896, № 2, стр. 137.

разсуждая объ абсолютномъ существованіи матеріи по ученію матеріалистовъ, очень насмѣшливо говоритъ по ихъ адресу. Г. Кардanусъ, прочитавъ замѣчанія Шопенгауэра относительно того, что матеріализмъ, не смотря на его полную непригодность для философскаго пониманія міра, все-таки является, идеаломъ естествознанія, дѣлаетъ выводъ, что я не имѣю понятія о Шопенгауэрѣ, если думаю, что Шопенгауэръ *относился къ матеріализму насмѣшливо*. Въ отвѣтъ на это, я замѣтилъ г. Карданусу, что на основаніи *одного* мѣста судить о томъ, какъ Шопенгауэръ *относился* къ матеріализму нельзя. (Замѣтьте, рѣчь идетъ все время о томъ, какъ Шопенгауэръ *относился* къ матеріализму, а не о томъ, *былъ* ли онъ матеріалистъ, или нѣтъ. Я думаю, что г. Карданусъ долженъ отличать эти два понятія). Я сослался на тѣ мѣста изъ сочиненій Шопенгауэра, въ которыхъ онъ высказался о томъ, какъ онъ *относится* къ матеріалистамъ; Шопенгауэръ, когда какой-нибудь писатель былъ ему симпатиченъ по его воззрѣніямъ, не жалѣлъ такихъ выраженій, какъ безподобный, божественный, напр. о Кантѣ, о Платонѣ; когда же дѣло дошло до вульгарныхъ матеріалистовъ, онъ употребилъ самыя грубыя выраженія для того, чтобы показать, какъ онъ относился къ *матеріалистамъ* бюхнеро-молешоттовскаго пошиба, за ихъ, разумѣется, *матеріализмъ*.

Что же дѣлаетъ г. Карданусъ? Онъ не понимаетъ различія между *двумя* такими положеніями матеріализма, какъ то, *существуетъ ли матерія абсолютно, или нѣтъ*, и *есть ли мысль функція мозга*, и,—безпокоясь за читателя, какъ-бы онъ не подумалъ, что воззрѣнія Шопенгауэра на матеріализмъ въ какомъ-нибудь отношеніи сходны съ моими,—вопрошаетъ, а какъ Шопенгауэръ думалъ относительно того, есть ли мысль функція мозга? «Вѣдь именно всѣ нападки г. Челпанова на матеріалистовъ,—говоритъ г. Карданусъ,—какъ разъ направлены на то, что матеріалисты позволяли себѣ утверждать, будто мысль есть только функція мозга?» Карданусъ этимъ хочетъ сказать, что самъ Шопенгауэръ находилъ, *что мысль есть функція мозга и что я его напрасно беру себѣ въ союзники*. Но г. Карданусъ ошибается. Я въ союзники беру Шопенгауэра *только* лишь по вопросу *объ абсолютномъ существованіи матеріи* и нигдѣ не цитирую Шопенгауэра при доказательствѣ несостоятельности второго положенія. Г. Карданусъ смѣшиваетъ одно положеніе съ другимъ и, чтобы сразить меня окончательно, приводитъ общеизвѣстное мѣсто, которое можетъ быть истолковано въ матеріалистическомъ смыслѣ *).

Оказывается, что я говорю объ одномъ, а г. Карданусъ говоритъ о другомъ, но думаетъ, что я говорю о томъ же самомъ, и дѣлаетъ выводъ, что я «напрасно взялъ себѣ въ союзники Шопенгауэра», потому что Шопенгауэръ самъ матеріалистъ, какъ это убѣдительно доказываетъ г. Карданусъ, приводя мѣсто изъ

---

*) Г. Карданусъ такъ торжественно раскрываетъ ту истину, что Шопенгауэра можно, пожалуй, признать за матеріалиста, если разсмотрѣть тѣ его выраженія, въ которыхъ онъ говоритъ, что мозгъ есть функція мысли,—что можно подуматъ, будто онъ и въ самомъ дѣлѣ открылъ Америку. Между тѣмъ всѣмъ извѣстно, что у Шопенгауэра встрѣчаются мысли, *могущія быть истолкованными въ матеріалистическомъ смыслѣ*, и не *меня* поучать долженъ г. Карданусъ, ибо всѣ эти мѣста были мнѣ хорошо извѣстны до г. Кардануса, и это я могу доказать *документально*—ссылкой на мое сочиненіе «О воспріятіи пространства», вышедшее въ 1896 году. Ужъ очень давно въ философіи идетъ споръ о томъ, можно ли давать *психофизіологическое* толкованіе кантовской апріорности, или же нѣтъ. Какъ извѣстно, Шопенгауэръ первый далъ такое толкованіе, *желая дополнить Канта Кабанисомъ*. Ссылка на огромную литературу по этому вопросу имѣется въ моей книгѣ на стр. VI и тамъ, между прочимъ, указывается на книгу Лааса «Idealismus und Positivismus», въ которой собраны всѣ эти мѣста, могущія быть истолкованы въ матеріалистическомъ смыслѣ. Стало быть, все это было мнѣ извѣстно еще и до г. Кардануса. Если же я объ этомъ не говорилъ, то только потому, что не было никакихъ къ тому основаній.

Шопенгауэра, которое можетъ быть истолковано въ матеріалистическомъ смыслѣ, и находя, что мѣста, которыя я привожу, совсѣмъ не доказываютъ, что Шопенгауэръ относился насмѣшливо къ *матеріализму*, потому что, видите ли, могло случиться, что Шопенгауэръ даже очень *любилъ* матеріализмъ и матеріалистовъ, но только, когда онъ прочиталъ книги Молешотта и Бюхнера, то пришелъ въ такое огорченіе, что они скверно доказывали матеріализмъ, что нашелъ нужнымъ разразиться той бранью, о которой я говорю. Карданусъ увѣряетъ, что читатель все это *можетъ* подумать. Правда, неопытный читатель можетъ это подумать; но вѣдь г. Карданусъ читалъ Шопенгауэра на нѣмецкомъ языкѣ въ изданіи Фрауэнштетта и знаетъ, какъ дѣло было въ дѣйствительности: вѣдь г. Карданусъ могъ прямо сказать, что Шопенгауэръ больше всего въ мірѣ не терпѣлъ *матеріализма* и оттого о матеріалистахъ выражался такимъ образомъ, конечно, за ихъ матеріализмъ.

Г. Карданусъ цитируетъ мѣсто съ 21 стр. соч. Шопенгауэра «О волѣ въ природѣ», чтобы доказать, что Шопенгауэръ *былъ матеріалистъ*. Отчего же онъ, какъ добросовѣстный критикъ, не привелъ того, что находится не на 21, а на 1-й стр. того же сочиненія (Изд. Гризебаха, т. III, стр. 181), а тамъ имѣется нѣчто, что еще разъ ясно показываетъ, какъ Шопенгауэръ *относился къ матеріализму*. Сказано же тамъ слѣдующее: «Безпримѣрно усердныя занятія всѣми отраслями естествознанія со стороны тѣхъ людей, которые, кромѣ этого, ничему не учились, грозятъ привести къ пошлому и безсмысленному *матеріализму*, въ которомъ противна прежде всего не нравственная скотскость послѣднихъ результатовъ, а *невѣроятная безсмыслица основныхъ принциповъ*, ибо отрицается даже жизненная сила, и органическая природа низводится на степень случайной игры химическихъ силъ».

Вотъ, г. Карданусъ, мѣсто, которое несомнѣннымъ образомъ показываетъ, что Шопенгауэръ относился насмѣшливо къ матеріалистамъ за ихъ матеріализмъ, а не за то, что они плохо защищали матеріализмъ. Вѣдь надо полагать, что г. Карданусъ, въ *подлинникѣ* читавшій 21 стр. книги Шопенгауэра «О волѣ въ природѣ», читалъ и 1-ю и долженъ былъ бы знать, что говоритъ на этой страницѣ о матеріализмѣ Шопенгауэръ.

Зачѣмъ же г. Карданусъ морочитъ голову неопытнымъ читателямъ? Сказалъ бы прямо, что Шопенгауэръ *не былъ* матеріалистомъ и матеріалистовъ *не терпѣлъ*, а то послѣ долгихъ прелюдій относительно того, что Шопенгауэръ *былъ* матеріалистъ, г. Карданусъ благополучно заканчиваетъ заявленіемъ: «конечно, Шопенгауэръ *не былъ* матеріалистомъ». Къ чему же г. Карданусу было огородъ городить? Я беру Шопенгауэра въ союзники *) потому, что Шопенгауэръ былъ противникомъ матеріализма. Г. Карданусъ хочетъ доказать, что я совсѣмъ Шопенгауэра не знаю, что онъ былъ собственно матеріалистъ, что у него даже есть одна фраза совершенно матеріалистическая, а затѣмъ кончаетъ заявленіемъ, что, конечно, Шопенгауэръ не можетъ считаться матеріалистомъ. Что можетъ остаться въ головѣ у читателя послѣ такой философіи?

Совершенно такую же штуку продѣлалъ г. Карданусъ и со *Спенсеромъ*, и съ *Дю-Буа-Реймономъ*. Я въ своей статьѣ, чтобы отдѣлаться отъ нападокъ разныхъ г.г. Кардановъ, будто я оспариваю матеріализмъ на свой собственный страхъ, говорю, что въ настоящее время *всѣ выдающіеся философы и натуралисты высказывались противъ матеріализма*, въ числѣ ихъ я называю Спенсера и Дю-Буа-Реймона и беру ихъ, какъ выражается г. Карданусъ, въ союзники. Г. Карданусъ по этому поводу разражается негодованіемъ и употребляетъ три столбца. чтобы доказать, что они мнѣ не союзники, что они не противники матеріализма собственно; онъ даже приводитъ мѣста, одно мѣсто изъ Дю-Буа-Реймона и *одно*

*) Повторяю, въ теоретикопознавательномъ аргументѣ.

мѣсто изъ сочиненій Спенсера для доказательства того, что они собственно матеріалисты. Читатель уже готовъ обвинить меня въ недобросовѣстномъ цитированіи, какъ вдругъ г. Карданусъ объявляетъ, что онъ тоже, подобно мнѣ, думаетъ, что они не матеріалисты. Къ чему все это длинное разсужденіе? Если г. Карданусъ думаетъ, что и Дю-Буа-Реймонъ, и Спенсеръ не могутъ считаться матеріалистами, то нужно думать, что фразы, имъ приводимыя, только случайны, что они могутъ быть только истолкованы въ матеріалистическомъ смыслѣ.

А теперь, чтобы показать, почему я Спенсера считаю противникомъ матеріализма и своимъ союзникомъ, я приведу слѣдующія мѣста. Г. Карданусъ упрекаетъ меня: «Какъ можетъ г. Челпановъ, утверждающій полную *несравнимость* и несоизмѣримость *психическихъ* явленій съ *физическими*, ссылаться на Спенсера». На это я ему укажу слѣдующія мѣста, которыя показываютъ, что я имѣлъ всѣ основанія брать Спенсера въ свои союзники. «Психологія,—говоритъ Спенсеръ,—(по своему предмету), есть *наука совершенно единственная въ своемъ родѣ*, независимая отъ какихъ-либо другихъ наукъ и даже антитетически *противоположная* имъ. *Мысли* и *чувствованія*... представляютъ собою такое существованіе, какое *не имѣетъ себѣ мѣста между тѣми существованіями, съ которыми имѣютъ дѣло остальныя науки... Духъ* продолжаетъ оставаться для насъ чѣмъ-то, *не имѣющимъ ничего общаго* съ другими предметами, а потому наука, открывающая законы этого нѣчто при помощи сознанія, заглядывающаго внутрь самого себя, не представляетъ *никакого перехода*, состоящаго изъ незамѣтныхъ ступеней къ наукамъ, которыя открываютъ законы этихъ другихъ предметовъ. Что единица *чувствованій* не имѣетъ *ничего общаго* съ единицей *движенія* становится тѣмъ болѣе очевидно, какъ только мы поставимъ эти двѣ единицы рядомъ другъ съ другомъ»... Эти и многія въ этомъ родѣ мѣста изъ сочиненій Спенсера *) и были причиной того, что я взялъ Спенсера въ союзники, когда мнѣ нужно было доказать *абсолютное различіе между явленіями физическими и явленіями психическими*.

Точно также г. Карданусъ находитъ, что Дю-Буа-Реймонъ мнѣ не союзникъ. Дю-Буа-Реймонъ утверждаетъ по его словамъ, что съ «какой бы подробностью мы ни знали функцій мозговой клѣтки, мысль, какъ таковая, остается для насъ непонятной, но *между этимъ и тѣмъ, что проповѣдуетъ г. Челпановъ, нѣтъ ничего общаго*». Нѣтъ, между мною и Дю-Буа-Реймономъ есть общее, и оно заключается вотъ въ чемъ. Г. Карданусъ-матеріалистъ, говоритъ, что *нужно показать, что мысль не есть движеніе*, между тѣмъ вся рѣчь Дю-Буа-Реймона посвящена разъясненію того, что «никакимъ мыслимымъ расположеніемъ и движеніемъ матеріальныхъ частичекъ мы не можемъ *перебросить мостъ* въ область сознанія». Матеріалистъ-Карданусъ утверждаетъ, что «*движеніе можетъ превратиться въ ощущеніе* и что это есть одинъ изъ сильнѣйшихъ аргументовъ въ пользу матеріализма», а Дю-Буа-Реймонъ утверждаетъ, что «*движеніе* можетъ производить только *движеніе, а въ ощущеніе превратиться не можетъ*», т. е. то же самое, что утверждаю и я. Дю-Буа Реймонъ говоритъ, слѣдовательно, противъ вульгарнаго матеріализма и *постольку* является моимъ союзникомъ. Почему г. Карданусъ не обратилъ вниманія на то, что сторонники матеріализма были особенно недовольны его рѣчью. «Дюрингъ, напр., заподозрилъ Дю-Буа-Реймона въ спиритуализмѣ и мистицизмѣ, къ которому Дю-Буа-Реймонъ пришелъ съ самоуниженіемъ, недостойнымъ для натуралиста. Бюхнеръ тоже говорилъ съ неудо-

*) См. *Спенсеръ*, Осн. Психологіи Т. 1 §§ 56, 62, 63. На эти мѣста я уже указывалъ въ прошлой статьѣ, но г. Карданусъ такъ ведетъ полемику, что ему показывай, или не показывай—все равно.

вольствіемъ о томъ, что рѣчь Дю-Буа-Реймона вызвала одобреніе болтуновъ-спиритуалистовъ». Вотъ основанія, почему я беру Дю-Буа-Реймона въ союзники при оспариваніи матеріализма, а что у Дю-Буа Реймона могли быть *противорѣчія*, то объ этомъ читатели «Міра Божія» знаютъ изъ моей статьи (февраль 1897 г.) о Дю-Буа-Реймонѣ, въ которой я, изложивши то ученіе, гдѣ онъ опровергаетъ вульгарный матеріализмъ, пишу, что я «не считаю цѣлесообразнымъ поднимать вопросъ о томъ, можно ли во всемъ *согласиться* съ Дю-Буа-Реймономъ, и даже скажу больше, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ его рѣчи проглядываетъ *дилеттантизмъ*». Слѣдовательно, ни я, ни мои читатели не нуждаемся въ поученіи относительно того, что у Дю-Буа Реймона были противорѣчія; я его цѣню высоко, какъ противника вульгарнаго матеріализма, несмотря на тѣ противорѣчія, которыя были у Дю-Буа Реймона.

Спрашивается: къ чему это длинное разсужденіе, въ которомъ доказывается, что и Спенсеръ, и Дю-Буа-Реймонъ и были и не были матеріалистами? Разъ г. Карданусъ согласенъ со мною въ томъ, что Спенсеръ и Дю-Буа-Реймонъ не были матеріалистами, значитъ, я имѣлъ всѣ основанія считать ихъ своими союзниками.

Можетъ быть, г. Карданусу не о чемъ было писать въ отвѣтъ. Не думаю. Писать ему есть о чемъ. Читатели вправѣ отъ него ожидать доказательства того, что онъ дѣйствительно знаетъ, что такое *самонаблюденіе*, что онъ дѣйствительно *понимаетъ* Милля, что онъ знаетъ, что я одинъ утверждалъ непротяженность матеріи: вотъ это и многое другое въ этомъ родѣ пусть г. Карданусъ *докажетъ*, если не желаетъ оставаться въ долгу у своихъ читателей. Это онъ долженъ былъ доказать *прежде всего*, а не писать цѣлый фельетонъ въ доказательство того, что Шопенгауэръ, Спенсеръ *были* матеріалистами, чтобы въ концѣ его признать, что они собственно *не были* таковыми. Тогда, можетъ быть, читатели его повѣрили бы, будто я даже думаю, что для философіи не нужно совсѣмъ здраваго смысла.

Я спѣшу заявить моимъ читателямъ, что если бы г. Карданусъ еще что-нибудь написалъ о матеріализмѣ или обо мнѣ, то я отвѣчать ему больше не буду, потому что мы держимся разныхъ взглядовъ на пріемы и значеніе научной полемики. При правильномъ веденіи полемики, читатели могли бы извлечь для себя большую пользу; неправильное же веденіе полемики, конечно, нужно считать дѣломъ совершенно безполезнымъ. Г. Карданусъ пишетъ полемическія статьи *въ разсчетѣ, что его читатель не будетъ читать моего отвѣта*. Я такой пріемъ не считаю цѣлесообразнымъ и отъ веденія дальнѣйшей полемики съ г. Карданусомъ совершенно отказываюсь.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ
ЖУРНАЛА
„МІРЪ БОЖІЙ".
Октябрь 1897 г.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

Н. П. Маклецова. «Фаустъ». — *С. Г. Фругъ.* «Стихотворенія». — *И. Н. Захарьинъ.* «Люди темные».

Фаустъ. Трагедія Вольфганга Гете. Перев. Н. П. Маклецовой. Саратовъ. 1897 г. Ц. 1 р. «Фаусту» почему-то особенно повезло за послѣднее время. Вслѣдъ за смѣшнымъ до невозможности уродствомъ г-на Мамонтова, вздумавшаго обработать «Фауста» бѣлыми стихами,—появляется новый переводъ г-жи Маклецовой изъ Саратова. Въ противоположность г-ну Мамонтову, который, въ погонѣ за точностью передачи, дошелъ до потери всякаго смысла (см. образчики въ рецензіи о немъ, іюль, «М. Б.»), г-жа Маклецова, въ поэтическомъ увлеченіи, обращается съ «Фаустомъ» съ истинно-дамской безцеремонностью. Она выпускаетъ цѣлые стихи, сжимаетъ и растягиваетъ текстъ, то украшаетъ сжатый языкъ оригинала пышными фигурами, тропами и метафорами, то однимъ смѣлымъ словечкомъ, подчасъ даже знакомъ препинанья замѣняетъ цѣлую мысль. Напр., въ первой сценѣ явленія Мефистофеля куда-то исчезли три стиха, также въ вольномъ переводѣ хора духовъ пропало цѣлыхъ шесть стиховъ. И такъ почти во всякой сценѣ, хотя, кажется, языкъ Гёте и безъ того сжатъ до послѣдней степени. Выигрываетъ-ли отъ этого переводъ, можно судить по нѣсколькимъ образцамъ, которые приводимъ на выдержку изъ болѣе извѣстныхъ и чаще цитируемыхъ мѣстъ. Знаменитая жалоба Фауста: «Zwei Seelen wohnen, ach! in meiner Brust, die eine will sich von der andern trennen»,—переданъ такъ:

Но я, увы! я двѣ души
Въ груди единой совмѣщаю!
И все ихъ хочетъ раздѣлить:
Одна стремится къ сладострастью,
Другая жаждетъ воспарить,
Тоскуя о небесномъ счастьи!

Въ этихъ блѣдныхъ строкахъ едва-ли кто найдетъ страстную привязанность къ землѣ одной и могучій порывъ въ надзвѣздную высь другой души. Въ сценѣ, когда Фаустъ слышитъ хоры, воспѣвающіе воскресеніе Христа, совсѣмъ пропущенъ почему-то второй хоръ ангеловъ:

Христосъ воскресъ!
Кто средь мученья,
Въ тьмѣ искушенья
Ищетъ спасенья—
Миръ вамъ съ небесъ! (Пер. Холодковскаго).

Пѣсня Мефистофеля о блохѣ передана настолько вольно, что конецъ совсѣмъ не отвѣчаетъ подлиннику, вслѣдствіе чего теряется все остроумье пѣсенки. Вотъ второй куплетъ въ переводѣ Холодковскаго, очень близкомъ въ этой пѣсенкѣ:

Весь дворъ блоха кусаетъ—
И барынь, и господъ:
Царицу обижаетъ
И дамъ ея грызетъ.
Ей пригрозить боятся
Бѣдняжки и щелчкомъ...
А мы—посмѣй кусаться—
Прищелкнемъ и убьемъ!

Въ переводѣ г-жи Маклецовой послѣдніе четыре стиха переданы такъ:

Блоха кусаетъ больно
И горничныхъ, и дамъ,—
Мы чешемся невольно,
Проклятье всѣмъ блохамъ!

Это уже не переводъ, а собственное творчество, и нельзя сказать, чтобы удачное.

Такія «вольности» попадаются на каждомъ шагу, что, въ соединеніи съ тяжелымъ по большей части стихомъ, дѣлаетъ переводъ въ общемъ мало удовлетворительнымъ. И это зависитъ отъ легкомыслія г-жи переводчицы, которая, что называется, валяетъ по вдохновенью, не справляясь съ подлинникомъ, такъ какъ стихомъ она владѣетъ и при добросовѣстномъ отношеніи къ дѣлу могла бы хорошо переводить. Какъ образчикъ, приведемъ знаменитое проклятье Фауста:

Когда во мракъ моихъ страданій
Знакомый, дальній звонъ проникъ,
И цѣлый рой воспоминаній
Онъ оживилъ во мнѣ на мигъ,—
За то теперь всѣ обольщенья
Весь этотъ радушный туманъ—
Кляну, кляну безъ сожалѣнья
Жить заставляющій обманъ!
Кляну высокія стремленья,—
Онѣ опутываютъ умъ!
Кляну блаженство вдохновенья!
Кляну плоды высокихъ думъ!
Проклятье пламеннымъ мечтаньямъ!
Проклятье славнымъ именамъ
Всему, что манитъ обладаньемъ:
Женѣ, богатству и дѣтямъ!
Кляну Мамона, если злато
Ведетъ на подвиги людей!
Кляну роскошныя палаты!
Кляну веселье богачей!
Кляну любовь и наслажденье!
И утѣшителя—вино!
Надежду, вѣру и терпѣнье,—
Терпѣнье болѣе всего!

Здѣсь, что не стихъ,—все невѣрно, не говоря уже о блескѣ, картинности и силѣ выраженій гетевскаго стиха.

Мѣстами г-жа Маклецова употребляетъ пошлыя выраженія, совсѣмъ неумѣстныя, какъ, напр., въ сценѣ встрѣчи Фауста съ Маргаритой, которую у г-жи Маклецовой Фаустъ величаетъ «красоткой», тогда какъ въ подлинникѣ онъ ей почтительно и нѣжно говоритъ «schönes Frälein», т. е. «прекрасная и благородная дѣвица». Это мѣсто переводчица передаетъ просто комично:

Фаустъ.

Позвольте мнѣ вамъ руку предложить,—
Красотку-барышню до дому проводить?

Маргарита.

Я не красотка, мѣщанка простая,
Позвольте!—до дому дойду и одна я!

Точь-въ-точь, какъ если бы приказчикъ изъ гостинаго двора разлетѣлся къ франтихѣ-горничной.

Эти выписки можно умножить, сколько угодно, но достаточно и приведенныхъ, чтобы подтвердить высказанное мнѣніе о неудовлетворительности перевода. Гёте заслуживаетъ лучшей участи, и жаль, что на немъ пробуютъ силы неудачники-поэты. Каждый хорошій переводъ его безсмертнаго творенья, это цѣлое литературное событіе и подвигъ, для котораго требуются недюжинныя силы. Ихъ не замѣнишь бойкостью пера и развязностью, единственными качествами, которыми обладаетъ г-жа Маклецова,—качествами сомнительнаго достоинства, въ особенности въ данномъ случаѣ.

С. І. Фругъ. Стихотворенія. Томъ первый. Изд. третье. Спб. 1897 г. Ц. 1 р. 75 к. Физіономія г. Фруга, какъ поэта, вполнѣ опредѣленна. Она остается неизмѣнно такою же, какъ и была съ перваго момента появленія его пересказовъ изъ Библіи и перелицовки на русскій языкъ еврейскихъ мотивовъ. Нѣсколько суховатый, холодно-риторическій стихъ, правильная, строго выдержанная форма и односторонность содержанія—таковы, по нашему мнѣнію, болѣе характерныя черты его поэзіи. Какъ переводчикъ и комментаторъ библейскихъ сюжетовъ, г. Фругъ составилъ себѣ почтенное имя, на что указываетъ третье изданіе его произведеній. Онъ съумѣлъ проникнуться важностью мотивовъ библейскихъ сюжетовъ, съумѣлъ облечь ихъ въ строгую форму и придать имъ современный интересъ. Всѣ эти положительныя достоинства поэзіи г. Фруга особенно выдаются въ первой части настоящаго тома, «На библейскія темы». Можно бы признать безупречными нѣкоторыя изъ вошедшихъ сюда произведеній, если бы не присущая вообще г. Фругу нѣкоторая сухость и напыщенность. Ему недостаетъ простоты и силы, которыми такъ захватываютъ именно библейскіе сюжеты въ оригиналѣ. Пророки г. Фруга драпируются въ театральныя мантіи, они слишкомъ «вѣщаютъ» и мало говорятъ. Страстный и простой въ то же время языкъ пророческихъ книгъ превращается въ пересказѣ автора въ ходульность и манерность. Недостатокъ силы—основной недостатокъ поэзіи г. Фруга, которая не увлекаетъ и не захватываетъ читателя. Слишкомъ много въ этой поэзіи разсудочности и мало чувства.

Не богата она и содержаніемъ. Сущность ея заключается въ изображеніи страданій гонимаго племени или борьбы его съ врагами. Къ этимъ двумъ главнымъ мотивамъ примѣшивается плачъ и стенанія пророковъ, и только нѣсколько пьесъ лирическаго содержанія разнообразятъ монотонность книги г. Фруга. Но и лирика его такъ же суха, какъ и библейскіе мотивы, и легенды, и поэмы. Крайняя растянутость и многословье сильно портятъ вообще всѣ пьесы, что дѣлаетъ чтеніе ихъ утомительнымъ. Дѣланный паѳосъ этихъ длинныхъ разглагольствованій героевъ г. Фруга иногда разрушаетъ цѣликомъ эффектъ его произведеній, и вмѣсто сочувствія получается томящая скука. Такова, напр., поэма «Рабби-Амнонъ», въ которой почти нѣтъ дѣйствія, такъ какъ герои все время состязаются въ длиннѣйшихъ и скучнѣйшихъ монологахъ. Иногда авторъ порывается къ юмору, какъ, напр., въ поэмахъ «Диспутъ» и «Кусочекъ халы», но эти потуги разрѣшаются неудачными и бѣдными остротами.

Лучшими произведеніями въ вышедшемъ первомъ томѣ слѣдуетъ признать «Три книги», въ которыхъ г. Фругу очень удался переводъ «Пѣсни пѣсней», «Притчи» и «Экклезіастъ». Страсть, горечь жизни и тихое раздумье этихъ несравненныхъ твореній Соломона переданы г. Фругомъ въ общемъ вѣрно и просто, безъ лишняго многословья, натяжекъ и громкихъ словъ.

Люди темные. Очерки и разсказы изъ народнаго быта. И. Н. Захарьина (Якунина). Изд. второе. Спб. Изд. П. П. Сойкина. 1897 г. Ц. 1 р. Давно уже не приходилось намъ читать болѣе безобразной книги, какъ собраніе «народныхъ разсказовъ» г. Захарьина. На какого читателя они разсчитаны, трудно сказать, но, въ виду «второго» изданія, считаемъ долгомъ предупредить нашихъ читателей, которые могли бы соблазниться «народными разсказами». Чтобы судить о нихъ, довольно взять любой. Напр., въ разсказѣ «Огонекъ» повѣствуется, какъ крестьяне собрались вбить осиновый колъ въ могилу самоубійцы, который въ видѣ «огонька» блуждалъ по полямъ и пугалъ мужиковъ. На повѣрку оказалось, что роль «огонька» игралъ озорной парень, котораго по рѣшенію волостного суда и выдрали за это при глубокомъ сочувствіи г. Захарьина. Остальные разсказы въ томъ же родѣ. Убогое до наивности содержаніе чисто анекдотическаго характера и смѣхотворная по нелѣпости и дѣтской обработкѣ форма вотъ самый скромный и сдержанный отзывъ, возможный о книгѣ г. Захарьина. Чувствуетъ это и самъ авторъ, почему и счелъ нужнымъ снабдить ее «предисловіемъ», въ которомъ заявляетъ, что нѣкоторые изъ этихъ разсказовъ «очень понравились Льву Ник. Толстому, по желанію котораго нѣкоторые изъ нихъ и были потомъ изданы московскою фирмою «Посредникъ» для народа («Отходчивое сердце», «Дядя Гаврилычъ» и «Похороны»). Что «Посредникъ» издаетъ иногда невозможную дрянь, это давно извѣстно, но что разсказы г. Захарьина «очень понравились Л. Н. Толстому»—этому мы не вѣримъ.

ПУБЛИЦИСТИКА.

«Вопросы народнаго образованія въ Московской губерніи».— *I. Фудель*, «Народное образованіе и школа».

Вопросы народнаго образованія въ Московской губерніи. Составилъ зем. стат. В. В. Петровъ. Изд. москов. губ. земства. Москва 1897 г. Ц. 75 к. Московская губернія не принадлежитъ къ числу первыхъ по постановкѣ въ ней народнаго образованія, но за послѣднее время и въ ней сдѣланы большіе шаги впередъ въ этомъ направленіи. Любопытная брошюрка г. Петрова заключаетъ очень поучительныя въ этомъ отношеніи данныя, свидѣтельствующія о тѣхъ постоянныхъ заботахъ, которыя прилагаетъ земство къ дѣлу просвѣщенія народа. Въ то же время она говоритъ и о томъ, какъ много еще надо сдѣлать въ этой области, чтобы поднять образованіе народной массы хотя бы на первую ступень грамотности. Въ самомъ дѣлѣ, число всѣхъ обучающихся дѣтей въ земскихъ школахъ составляетъ 25.693 человѣка. Сравнительно за десять лѣтъ (съ 1883 г.) оно возрасло на 12.000, или 47%, что, конечно, не мало, но если прибавить сюда всѣхъ обучающихся въ церковно-приходскихъ и частныхъ школахъ, все же число учащихся едва ли даже удвоится. Для центральной губерніи, съ развитой фабричной промышленностью, это немного. Правда, московское земство именно теперь съ особой энергіей взялось за дѣло образованія и ставитъ вопросъ о такой постановкѣ дѣла, при которой «общедоступность начальнаго обученія получитъ свое осуществленіе въ теченіе какихъ-нибудь 3—4 лѣтъ». И это отнюдь не мечта, такъ какъ условія жизни въ губерніи настойчиво побуждаютъ земство не жалѣть ни средствъ, ни усилій въ достиженіи этой цѣли. По отчетамъ школьныхъ учителей, число поступающихъ растетъ въ такой прогрессіи, что въ существующихъ школахъ не хватаетъ мѣста. Жизнь требуетъ грамотности, съ этимъ приходится во что бы то ни стало считаться.

Въ то же время видно, что масса учениковъ не кончаетъ школы. Съ одной стороны, это явленіе совершенно правильно объясняется авторомъ экономической нуждой, побуждающей возможно скорѣе «ставить дѣтей на работу». Съ другой — охлажденіемъ къ школѣ, которая, при ближайшемъ знакомствѣ, не удовлетворяетъ ни родителей, ни учениковъ. Общая жалоба учителей—неудовлетворительность всей постановки школьнаго дѣла. Главнѣйшимъ недостаткомъ является требованіе программами грамматизма, формальная сторона обученія, безъ живого духа, безъ усвоенія знаній. На изученіе грамматики уходитъ большая часть времени, котораго почти не остается на остальное. Да и это остальное до того ничтожно, по программѣ, до того съужено, обезличено, сухо и безжизненно, что въ общемъ представляетъ не знаніе, а жалкіе обрывки, безъ системы и связи, которые сейчасъ же забываются по выходѣ изъ школы. «Нельзя не признать, — говоритъ авторъ,—совершенно своевременнымъ, чтобы было, наконецъ, обращено вниманіе на качество той «духовной пищи», которая теперь предлагается народу въ существующихъ школахъ, и позаботиться о томъ, чтобы школы эти были не только источникомъ народной грамотности, но и источникомъ народнаго образованія».

Нѣкоторымъ коррективомъ къ жалкой программѣ народной школы являются библіотеки, число которыхъ въ Московской губерніи растетъ очень быстро и о развитіи которыхъ земство усиленно заботится. За десять лѣтъ число сельскихъ библіотекъ съ 129 возрасло до 522, и нынѣ 90% всѣхъ школъ снабжены библіотеками. Но и здѣсь земскія усилія натыкаются на стѣну, въ видѣ крайне ничтожнаго выбора книгъ, допускаемыхъ въ сельскія библіотеки. Вслѣдствіе этого пропадаетъ интересъ къ чтенію, такъ какъ книги все однѣ и тѣ же, нѣтъ разнообразія и ихъ не берутъ. «Въ прежніе годы,—заявляетъ учитель,—многіе изъ мѣстныхъ жителей пользовались охотно библіотекою, книги читались съ удовольствіемъ. Въ настоящемъ году обращались за книгами немногіе, такъ какъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ книги однѣ и тѣ же и прочитаны по нѣскольку разъ». «Въ этомъ году мало пользовались библіотекой, такъ какъ всѣ книги, находящіяся въ ней, прочитаны». Такіе отзывы ясно указываютъ на больное мѣсто въ области народнаго образованія и на необходимое лѣкарство— увеличеніе списка книгъ, разрѣшаемыхъ для сельскихъ библіотекъ, хотя бы допущеніемъ туда всѣхъ изданій, разрѣшенныхъ цензурой.

Сильнымъ тормазомъ въ развитіи народнаго образованія служитъ еще одно хроническое бѣдствіе, именно въ высшей степени печальное положеніе учителей. Жалкое, ничѣмъ, въ смыслѣ прочности, необезпеченное существованіе, зависящее отъ тысячи случайностей, которыхъ ни предвидѣть, ни избѣгнуть нѣтъ возможности, ничтожное вознагражденіе и никакихъ надеждъ на обезпеченность въ будущемъ, на улучшеніе этого будущаго — вотъ условія жизни учителя. Среднее жалованіе его 302 р. въ Московской губ. и 294 р. для учительницы— прямо недостаточно. Неудивительно, что при первой возможности они разбѣгаются. Удивительно напротивъ, откуда набирается контингентъ этихъ «сѣятелей знанія на ниву народную». Велика, должно быть, нужда, если есть все-таки тысячи людей, готовыхъ закабалиться на такихъ условіяхъ, о которыхъ они сами говорятъ: «служба учителя—самая неблагодарная и въ матеріальномъ, и въ правовомъ отношеніи. Матеріальное положеніе таково: 20—25 р. въ мѣсяцъ, а впереди—одна голодная смерть. А правовое—въ любой моментъ могутъ прогнать безъ объясненія причинъ и съ волчьимъ паспортомъ». «Какою ироніей,— замѣчаетъ г. Петровъ,—должны звучать для такого учителя слова о «высокомъ призваніи сельскаго учителя», который долженъ «сѣять разумное, доброе, вѣчное», въ то самое время, когда семья его страдаетъ отъ всевозможныхъ лишеній, а будущность дѣтей не представляетъ ничего, кромѣ нищеты и невѣжества». Авторъ полагаетъ, что земство должно немедленно придти на помощь

учителю, улучшить его матеріальное положеніе. Конечно, это вѣрно; но развѣ земство можетъ поднять учителя въ нравственномъ отношеніи, учителя, который на вопросъ о своемъ положеніи далъ слѣдующій, приводимый г. Петровымъ, характерный отвѣтъ: «По этому вопросу страшно мнѣ изложить свою правдивую исповѣдь, чтобы не наложили на меня непомѣрно тяжелую эпитемію, которая можетъ меня преждевременно въ могилу вогнать». Прежде чѣмъ говорить о роли земства, надо создать условія, при которыхъ учитель созналъ бы въ себѣ человѣка и не трепеталъ при мысли о «непомѣрной эпитеміи», вгоняющей «преждевременно въ гробъ». Пока этого нѣтъ, немыслимо улучшить положеніе учителей, и вмѣстѣ съ тѣмъ невозможно поднять народную школу на ту ступень, на которой она соотвѣтствовала бы своему назначенію. До тѣхъ поръ всѣ наши пожеланія останутся платоническими, и, какъ таковыя, будутъ только раздражать своимъ безсиліемъ.

Народное образованіе и школа. Свящ. І. Фудель. Москва. 1897 г. Ц. 40 к. Изъ книги г. Петрова мы видѣли сейчасъ, какъ въ сущности медленно идетъ дѣло просвѣщенія даже въ одной изъ центральныхъ губерній, какъ въ сущности далеки мы отъ просвѣщенія въ истинномъ значеніи этого слова. Но и эти жалкіе успѣхи внушаютъ опасеніе ревнителямъ не по разуму, къ числу которыхъ несомнѣно сопричислился и священникъ І. Фудель. Его брошюрку, составленную изъ жиденькихъ статеекъ, печатанныхъ имъ на протяженіи нѣсколькихъ лѣтъ въ «Русскомъ Обозрѣніи» и «Русскомъ Словѣ», нельзя назвать иначе, какъ памфлетомъ, направленнымъ противъ школы вообще, а земской въ особенности. Какъ истинный гонитель свѣта, не исходящаго изъ упомянутыхъ выше просвѣтительныхъ органовъ, отецъ Фудель прежде всего обрушивается на злополучную интеллигенцію, это козлище отпущенія за всѣ мнимые и настоящіе грѣхи нашей общественной и государственной жизни. Въ главѣ «Интеллигенція и народъ» авторъ подвергаетъ интеллигенцію допросу съ пристрастіемъ, како вѣруешь? Приводится списокъ книгъ, разрѣшенныхъ многочисленными «наблюдательными» комитетами для народныхъ библіотекъ, и разсматриваются каталоги послѣднихъ, составленные разными интеллигентными издательствами. Оказывается, что въ нихъ количество книгъ духовно-нравственнаго содержанія колеблется отъ 10 до 20%, т. е. въ каждой библіотекѣ не менѣе 1/10 и не болѣе 1/5 части *всѣхъ* книгъ. Отмѣтивъ такой «ужасный» взглядъ интеллигенціи на просвѣщеніе, авторъ заявляетъ, что «нашъ народъ предпочтительно выбираетъ книги для чтенія духовно-нравственныя», и если интеллигентныя издательства выпускаютъ не болѣе пятой части всѣхъ книгъ такого содержанія, то, стало быть, «интеллигенція, объявившая крестовый походъ противъ невѣжества, считаться съ запросами народа отнюдь не желаетъ». И отсюда конечный выводъ — воззваніе къ власти предержащей, дабы во-время положить предѣлъ этой растлѣвающей дѣятельности интеллигенціи. Ибо «дѣло въ той великой лжи нашего времени, около которой, какъ около центра, располагается кругами современное просвѣтительное движеніе интеллигенціи. Ложь эта заключается въ томъ, что знанію придается абсолютная цѣнность, въ томъ, что знаніе смѣшивается съ просвѣщеніемъ». Далѣе слѣдуетъ сравненіе «знанія» и «просвѣщенія», какъ ихъ понимаетъ г. Фудель,—сравненіе удивительное по смѣшенію самыхъ противорѣчивыхъ понятій. Мы приводимъ его не потому, чтобы придавали какое-либо значеніе обскурантизму какого нибудь г. Фуделя, а какъ любопытный образчикъ взглядовъ, еще возможныхъ въ концѣ XIX вѣка. Мы увѣрены, что будущій историкъ русской культуры съ интересомъ остановится на этихъ взглядахъ, какъ на своего рода общественномъ атавизмѣ. «На самомъ дѣлѣ,—глубокомысленно вопрошаетъ г. Фудель,—что общаго между знаніемъ и просвѣщеніемъ? Знаніе, въ какомъ угодно размѣрѣ, начиная отъ начертанія буквы и кончая знаніями въ области высшихъ наукъ, есть не что иное, какъ знакомство съ фактами и соотношеніями этихъ фактовъ. Про-

*

свѣщеніе же есть *развитіе* духовной стороны человѣка, развитіе зерна Богоподобія, заложеннаго въ душѣ каждаго человѣка, проясненіе въ немъ образа Божія. Знаніе само по себѣ не даетъ человѣку ни нравственнаго руководства въ дѣятельности, ни смысла жизни. Просвѣщеніе даетъ и то, и другое. Можно достигнуть вершинъ человѣческаго знанія и имѣть въ своемъ сердцѣ ледяную пустыню и съ достигнутой высоты видѣть одну только голую пустыню. Съ другой стороны можно не знать, отчего громъ гремитъ, движется земля или нѣтъ и въ то же время быть нетолько просвѣщеннымъ человѣкомъ, но и свѣтить людямъ тихимъ сіяніемъ нравственнаго совершенства. Изъ различія понятій знанія и просвѣщенія вытекаетъ и различіе ихъ цѣнности въ жизни человѣка, также какъ и общества людей. Знаніе необходимо, конечно, въ общей суммѣ силъ и способностей, составляющихъ богатство страны, но оно не имѣетъ рѣшающаго значенія въ жизни отдѣльной личности. Просвѣщеніе же имѣетъ абсолютную цѣнность для каждаго, безъ исключенія». И прекрасно, готова возразить «испытуемая» интеллигенція, и мы тоже говоримъ, что знаніе ещё не весь человѣкъ, но въ то же время признаемъ, что оно необходимо и что его-то у народа нѣтъ. Но отецъ Фудель неумолимъ и тутъ же обрушивается на школу за то, что она даетъ «обрывки знанія». Интеллигенція еще болѣе рада: она именно это постоянно твердитъ. Тогда выдвигается Западная Европа, въ которой онъ усмотрѣлъ «реакцію противъ культа знанія». Западная Европа для такихъ «просвѣтителей», какъ гг. Фудели, служитъ всегда неисчерпаемымъ кладеземъ, какъ только потребуется авторитетъ для собственнаго обскурантизма. Мы охотно поможемъ г. Фуделю, приведя еще авторитетъ противъ знанія. Это калифъ Омаръ, который сжогъ александрійскую библіотеку на томъ основаніи, что «если въ книгахъ ея есть то, что заключается въ Коранѣ, то онѣ безполезны, если же въ нихъ нѣтъ того, что есть въ Коранѣ,—то онѣ вредны».

Въ словахъ Омара заключается сущность брошюрки отца Фуделя, и мы счастливы, что живемъ все же въ концѣ XIX в., когда пришествіе новыхъ Омаровъ немыслимо, а ихъ запоздалые поклонники обнаруживаютъ все безсиліе своей темной души, высказывая мысли, отставшія отъ современныхъ стремленій на тысячелѣтія. Есть сила, предъ которой никнутъ, какъ жалкая былинка, всѣ усилія гг. Фуделей и ихъ присныхъ,—эта сила—духъ жизни, о которомъ сказано: «Духъ, идеже хощетъ, дышетъ». Благо тѣмъ, кто почувствовалъ въ себѣ его живое дыханіе, которое одушевляетъ теперь народы въ ихъ стремленіи къ свѣту и правдѣ, уничтожая на пути всѣхъ микробовъ тьмы, невѣжества и неправды, хотя бы они и прикрывались лицемѣрнымъ стремленіемъ къ истинѣ, какъ старается прикрыться имъ и нашъ авторъ.

БІОГРАФІИ И МЕМУАРЫ.

С. Венгеровъ. «Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ».— «Воспоминанія Андрея Михайловича Фадѣева».

С. А. Венгеровъ. Критико біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ. (Отъ начала русской образованности до нашихъ дней). Т. V. Съ алфавитнымъ указателемъ ко всѣмъ пяти томамъ. Спб. 1897 г. Ц. 2 р. 50 к. Медленно двигается трудъ г. Венгерова, но все же двигается, и достигъ уже пятаго тома, въ которомъ составитель нѣсколько измѣнилъ прежнюю систему, помѣщая статьи по мѣрѣ ихъ поступленія въ редакцію, а не по алфавиту. Чтобы облегчить справки, добавляется къ каждому тому указатель. Можетъ быть, работа при этой системѣ ускорится, хотя едва ли, такъ какъ въ самомъ планѣ заключается причина медленности. Не говоря уже о

громадности самой работы — охватить *всѣхъ* писателей и ученыхъ, «отъ начала русской образованности до нашихъ дней»,—причина медленнаго хода заключается въ несоразмѣрности статей. Нѣкоторымъ авторамъ посвящаются цѣлыя монографіи, составленіе которыхъ уже есть особая работа, требующая огромныхъ усилій по отыскиванію нужныхъ справокъ и библіогрифическихъ указаній. Нечего и говорить, насколько отъ этого выигрываетъ самый словарь, но вмѣстѣ съ тѣмъ дѣло составленія и редакціи неминуемо затягивается; въ то же время растутъ и размѣры словаря, который въ концѣ концовъ готовъ превратиться въ истинную египетскую пирамиду. Въ пятомъ томѣ еще не закончена буква «Б» и вышло нѣсколько статей на буквы «В», «Г», «Д» и «К».

Особенно выдающихся статей въ пятомъ томѣ не заключается, если не считать обстоятельной и интересной статьи самого г. Венгерова о Дружининѣ. Характеристика послѣдняго съ критическимъ разборомъ его главныхъ произведеній принадлежитъ къ числу лучшихъ статей «Словаря» вообще. Признавая въ Дружининѣ художественный талантъ, тонкій критическій умъ и пониманіе авторовъ, г. Венгеровъ видитъ причину быстраго забвенія обществомъ этого даровитаго писателя въ его индифферентизмѣ къ общественной жизни, въ равнодушіи къ ней именно въ тотъ моментъ, когда эта жизнь забила ключемъ и общественные интересы, самые существенные, стали на очереди дня. Въ Дружининѣ не было энтузіазма къ жизни, не было стремленія «учить», искать путей къ истинѣ. «Что бы тамъ ни говорили проповѣдники «трезвой» и не «тенденціозной» критики,—замѣчаетъ г. Венгеровъ въ заключеніи,—время для нея еще не наступило, мы не настолько культурно богаты, чтобы позволить себѣ роскошь раздѣленія умственнаго труда. Въ Россіи всякій писатель воинъ той небольшой арміи піонеровъ, на долю которой выпало расчистить путь свѣту и правдѣ. Въ Россіи, гдѣ весь запасъ общественныхъ чувствъ всецѣло уходитъ въ литературу, всякій неиндифферентный къ этимъ чувствамъ писатель поневолѣ становится общественнымъ вождемъ и потому въ основѣ лучшихъ произведеній нашихъ лежитъ проповѣдь тѣхъ или иныхъ общественныхъ взглядовъ и воззрѣній. У насъ писатель долженъ пойти направо или налѣво, а писатель индифферентный къ «политикѣ», не имѣетъ у насъ ни вліянія, ни успѣха въ должной мѣрѣ. Дружининъ не захотѣлъ быть такимъ «учителемъ жизни», да и сказать ему было нечего, потому что онъ не имѣлъ интереса къ тому, что переходило за тѣсныя границы непосредственно-литературной жизни. И оттого его написанныя очень тонко и изящно, но лишенныя общественнаго значенія статьи никого не волновали ни при жизни, ни послѣ смерти. Вотъ почему онъ и попалъ такъ скоро въ разрядъ «забытыхъ талантовъ».

Такое объясненіе незначительности вліянія Дружинина въ общемъ вѣрно, но не выясняетъ, въ чемъ же слѣдуетъ видѣть причины равнодушія Дружинина къ общественной жизни? Нужно обладать совсѣмъ особой организаціей, чтобы уходить въ чистую эстетику и писать «тонкія и изящныя» статьи въ то время, когда все кругомъ кипитъ и волнуется, и волнуется именно въ границахъ непосредственно литературной жизни. Равнодушіе составляло основу природы Дружинина, его эпикурейство и склонность къ исканію «пріятностей жизни» напоминаютъ писателей екатерининской эпохи, когда на литературу смотрѣли какъ на «усладу» жизни. Диллетантъ, независимый въ средствахъ, свободный отъ всякихъ обязательствъ, хладнокровный, безъ всякихъ стремленій, всегда готовый шуточкой и анекдотцемъ отдѣлаться отъ слишкомъ назойливыхъ требованій жизни, Дружининъ представляетъ любопытный образчикъ таланта безъ темперамента. Лучшая его характеристика—это эпиграма Тургенева, приводимая г. Венгеровымъ:

Дружининъ корчитъ европейца,
Но ошибается чудакъ,

Онъ трупъ россійскаго гвардейца,
Одѣтый въ англійскій пиджакъ.

Обыкновенно, такіе люди кончаютъ озлобленіемъ къ обществу, которое за равнодушіе писателя къ его жгучимъ нуждамъ и желаніямъ платитъ тоже равнодушіемъ и презрѣніемъ. Изъ Дружининыхъ вырабатываются типы самыхъ злыхъ ретроградовъ и ханжей. Къ счастью, для Дружинина этого не случилось. Онъ умеръ во-время для своего добраго имени и чести.

Изъ другихъ статей пятаго тома любопытна небольшая замѣтка г. Венгерова о Ведровѣ, покойномъ цензорѣ петербургскаго цензурнаго комитета. Указавъ на незначительность его литературныхъ и ученыхъ трудовъ, г. Венгеровъ замѣчаетъ: «Если мы не ограничиваемся простой справкой, то потому, что Владиміръ Максимовичъ Ведровъ вполнѣ заслужилъ благодарнаго упоминанія о немъ въ литературномъ словарѣ, какъ одинъ изъ лучшихъ русскихъ цензоровъ. Исторія русской цензуры создала такія печальныя знаменитости, какъ Красовскій, пусть же не исчезнетъ память и о Ведровѣ, истинномъ другѣ литературы и литераторовъ, который дѣлалъ все возможное, чтобы смягчить суровость цензурныхъ постановленій. Мы бы оскорбили память покойнаго, если бы вздумали утверждать, что онъ дѣлалъ какія бы то ни было послабленія. Разъ человѣкъ взялся исполнять извѣстныя обязанности, онъ долженъ исполнять ихъ такъ, какъ этого отъ него ожидаютъ. Но мы, кромѣ того, проявили бы не мало наивности, если бы серьезно предположили, что у Ведрова была охота и возможность за свой страхъ дѣлать какія бы-то ни было крупныя облегченія. Если онъ и не двигался по служебной лѣстницѣ, то все же держался и выговоровъ не получалъ, значитъ, въ общемъ исполнялъ свои цензорскія обязанности какъ слѣдуетъ. Но именно исполнялъ только то, что полагалось, а не выскакивалъ, не старался отличиться. А это качество для цензора первостепеннаго значенія. Литераторы тоже не малые ребята и отлично знаютъ, что̀ въ данный моментъ можетъ «пройти» и что̀ до поры до времени должно остаться въ головѣ и сердцѣ писателя. Писать для одной цензуры радости мало. Ну, вотъ всякій и приспособляется какъ-нибудь. Но какъ вы ни будете приспособляться, вы совершенно безпомощны, когда попадаете къ человѣку, желающему отличиться, или, же по спеціальной терминологіи, «робкому», боящемуся вызвать самую мимолетную тѣнь на челѣ власть имѣющихъ. У васъ начинаютъ читать между строкъ и вычитываютъ то, что вамъ и во снѣ не снилось, къ вамъ начинаютъ примѣнять принципы послѣдней изступленной выходки «Моск. Вѣд.» или «Гражданина». Конечно, можно жаловаться,—и робкаго, какъ и ретиваго цензора хлѣбомъ не корми, а только жалуйся на его «строгость»,—но вѣдь нельзя же вѣчно жаловаться и хлопотать.

«Ведровъ былъ тѣмъ хорошъ, что авторъ, къ нему попавшій, могъ быть увѣренъ, что весь maximum свободы, предоставленный въ данный моментъ литературѣ, будетъ имъ использованъ. Ведровъ никогда не придирался къ словамъ и отдѣльнымъ мыслямъ, онъ вычеркивалъ только то, что совершенно не допускалось даннымъ цензурнымъ настроеніемъ. Сплошь да рядомъ онъ возстановлялъ уже зачеркнутое, если вы ему представляли *фактическій* доводъ, т. е. показывали, что зачеркнутые имъ факты были уже предметомъ научнаго изслѣдованія, или что онъ ложно понялъ вашу мысль и т. д.».

Къ этимъ словамъ почтеннаго историка литературы считаемъ долгомъ добавить, что и нашъ журналъ въ значительной степени обязанъ своимъ возникновеніемъ покойному Ведрову.

Воспоминанія Андрея Михайловича Фадѣева. 1790—1867 г.г. Въ двухъ частяхъ. Одесса. 1897 г. Ц. 2 р. 50 к. Записки Фадѣева не блещутъ особыми достоинствами и не вносятъ ничего новаго въ общую сумму свѣдѣній о времени Александра I и николаевской эпохѣ. Авторъ, не смотря на разнообразную дѣятельность, приводившую его въ столкновеніе со многими видными дѣятелями, какъ

Перовскій, князь Воронцовъ, Барятинскій и другіе, не даетъ ни интересныхъ характеристикъ, ни выдающихся или оригинальныхъ фактовъ. Живя въ эпоху апогея крѣпостного права и палочной администраціи, онъ какъ-то проглядѣлъ и то, и другое, и всецѣло почти сосредоточивается на мелкой и подчасъ скучной хроникѣ личной жизни. Женитьба, семейныя перипетіи, движеніе по службѣ, радости и горести повышеній и пониженій, изрѣдка два-три бѣглыхъ общихъ замѣчаній объ окружающей жизни и обществѣ,—вотъ сущность содержанія его воспоминаній.

Есть, конечно, и кое-что заслуживающее вниманія. Такъ, для исторіи нѣмецкихъ колоній, которыми управлялъ Фадѣевъ, его воспоминанія могутъ послужить довольно цѣннымъ матеріаломъ. Также нѣкоторыя свѣдѣнія объ Астраханскомъ краѣ, гдѣ Фадѣевъ начальствовалъ надъ инородцами, даютъ небезъинтересную картину вліянія русской «культуры». Служба на Кавказѣ познакомила его съ духоборцами, но ничего новаго о ихъ бытѣ авторъ не вноситъ. Преобладающая вездѣ личная точка зрѣнія мѣшаетъ Фадѣеву понимать духъ секты, къ которой онъ относится враждебно, удивляясь, какъ это не удается искоренить ее.

Вотъ и все, что можно отмѣтить болѣе или менѣе существеннаго въ воспоминаніяхъ Фадѣева. Остается еще часть, такъ сказать, анекдотическая, но и она или даетъ уже извѣстные факты, или же послѣдніе такъ мелки и ничтожны, что и говорить о нихъ не стоитъ. Напр., въ Кишиневѣ Фадѣевъ познакомился съ Пушкинымъ и изъ всѣхъ воспоминаній о немъ сохраняетъ для потомства преглупый анекдотъ о ссорѣ поэта съ какимъ-то Лановымъ, приводя, какъ нѣчто, должно быть, историческое, неприличный экспромтъ Пушкина. Самымъ интереснымъ намъ показалось письмо маленькаго сына Фадѣева, Ростислава (будущаго воинствующаго публициста-славянофила и шовиниста-политикана, много шумѣвшаго въ шестидесятые годы). Въ письмѣ описывается знаменитый пожаръ Зимняго дворца. Это описаніе очень характерно и читается не безъ интереса, какъ краснорѣчивая страничка изъ добраго прошлаго. Въ немъ говорится, между прочимъ, какъ гвардейскіе солдаты, отряженные спасать, что можно, «вламывались въ погреба и оттуда пьяными толпами устремлялись во внутренніе покои, гдѣ они, для своей забавы, били и ломали все, что имъ ни попадалось». Въ заключеніе обрушился потолокъ и придавилъ цѣлую роту пьяныхъ измайловцевъ. Это описаніе можно сопоставить съ другими, гдѣ велерѣчиво повѣствуется о рвеніи солдатъ, спасавшихъ дворецъ, который, какъ извѣстно, сгорѣлъ до основанія, чему не приходится удивляться при видѣ такого «рвенія».

СОЦІОЛОГІЯ.

В. Киддъ. «Соціальное развитіе».

Веніаминъ Киддъ. Соціальное развитіе (Social evolution). Съ предисловіемъ проф. Вейсмана. Перев. съ англ. М. Чепинской. Изд. Ф. Павленкова. Спб. Ц. 75 коп. Книга В. Кидда на русскомъ языкѣ выходитъ уже вторымъ изданіемъ: первымъ было изданіе ея въ составѣ «Культурно-исторической библіотеки» О. Н. Поповой, подъ заглавіемъ «Соціальная эволюція». Большой успѣхъ имѣла она и за границей, въ короткое время будучи переведена на всѣ главные европейскіе языки. Познакомившись съ ея содержаніемъ, не трудно понять и причину этого успѣха: не говоря уже о достоинствахъ изложенія, обиліи интересныхъ мыслей, оригинальныхъ сопоставленій и яркихъ парадоксовъ, она должна привлекать, если не симпатіи, то вниманіе представителей самыхъ противоположныхъ, повидимому, направленій мысли. Въ ней найдетъ сочувственное отно-

шеніе къ своимъ взглядамъ и сторонникъ біологическаго объясненія общественныхъ явленій, и послѣдователь теоріи научнаго соціализма, и почитатель началъ очищенной религіи. Правда, внимательное ознакомленіе съ аргументаціей и выводами автора заставитъ каждаго изъ нихъ убѣдиться, что всѣ эти разнообразныя точки зрѣнія принимаются лишь затѣмъ, чтобы послѣдовательно приносить ихъ въ жертву другъ другу или, точнѣе говоря, одной изъ нихъ, господствующей, но это уже результатъ позднѣйшаго анализа, разрушающаго первоначальное благопріятное книгѣ впечатлѣніе.

Что такое человѣческое общество и какія условія до сихъ поръ вызывали прогрессъ?—ставитъ себѣ вопросъ авторъ въ началѣ главы II-й. Собственно на первый вопросъ онъ не отвѣчаетъ ни здѣсь, ни впослѣдствіи съ достаточной опредѣленностью, а переходитъ непосредственно къ разсмотрѣнію второго, что составляетъ существенный пробѣлъ въ его работѣ. При разсмотрѣніи второго вопроса онъ исходитъ изъ положенія, «что истинное изученіе общественныхъ явленій должно имѣть свое реальное основаніе въ біологическихъ наукахъ» (16 стр.). Эти же послѣднія говорятъ намъ, что вездѣ, гдѣ есть жизнь, и съ самаго начала ея прогрессъ происходилъ одинаковымъ путемъ подбора и отбрасыванія. Авторъ всецѣло принимаетъ выводы теоріи Вейсмана (который, въ свою очередь, снабдилъ его книгу сочувственнымъ предисловіемъ), а именно онъ устанавливаетъ слѣдующія положенія: прогрессъ возможенъ лишь въ случаѣ накопленія природныхъ измѣненій, превышающихъ среднія условія и исключающихъ низшія видоизмѣненія: безъ постояннаго подбора, необходимаго при этомъ законѣ видоизмѣненій, всякая высокая форма жизни непремѣнно будетъ стремиться идти назадъ; человѣкъ не стоитъ внѣ этого общаго космическаго процесса; причиною человѣческаго прогресса также является подборъ, передача пріобрѣтеннаго превосходства по наслѣдству, а, слѣдовательно, неизбѣжное при существованіи подбора соревнованіе въ той или другой формѣ, борьба, напряженное усиліе удержаться на пути прогресса. Начало организаціи людей въ общества и послѣдовавшіе за этимъ вѣка должны были быть для человѣка эпохою безконечной борьбы между организованными группами, изъ которыхъ не мало должны были погибнуть, уступить мѣсто сильнѣйшимъ, въ виду ихъ болѣе успѣшной военной организаціи—пріобрѣтенному превосходству. «Въ болѣе позднихъ типахъ цивилизація условія борьбы значительно измѣнились; но, тщательно изучая то, что происходитъ передъ нашими глазами, мы видимъ, что самая борьба эта не прекратилась и не уменьшилась. Напротивъ, происшедшая перемѣна имѣла главнымъ своимъ слѣдствіемъ расширеніе этой борьбы, усиленіе ея вліянія, какъ причины прогресса; благодаря такой перемѣнѣ, борьба сдѣлалась легче и честнѣе между всѣми членами общества, которые теперь имѣютъ одинаковое оружіе (авторъ подразумѣваетъ здѣсь равныя политическія права) и поэтому могутъ сдѣлать (вести?) борьбу ожесточеннѣе, чѣмъ когда-либо» (30 стр.).

Прогрессъ продолжается, и слѣдствіемъ его является неизбѣжная неудача значительнаго числа индивидовъ, побѣжденныхъ въ борьбѣ за достиженіе высшаго положенія въ жизни. Вотъ съ этимъ-то и не можетъ примириться разумъ. Разумъ живущихъ поколѣній не можетъ одобрить принесеніе ихъ въ жертву будущаго общества, и можно положительно сказать, что условія жизни въ цивилизованныхъ обществахъ нашего времени, гдѣ господствуетъ тотъ же процессъ борьбы и подбора, безъ котораго немыслимъ общественный прогрессъ, не одобряются разумомъ большинства людей, населяющихъ землю. Это послѣднее обстоятельство и даетъ силу доктринамъ соціализма. А между тѣмъ ученія соціализма признаютъ своею цѣлью прекращеніе въ жизни личнаго соперничества и соревнованія, которое нетолько теперь, но и всегда, съ самаго начала жизни на землѣ, было основнымъ двигателемъ всякаго прогресса. Въ этомъ и заключается ихъ несостоятельность, по мнѣнію Кидда, и то, въ чемъ они расходятся

съ дѣйствительной тенденціей эволюціоннаго процесса. Эта послѣдняя заключается въ томъ, чтобы «довести конкурренцію, какъ необходимое условіе прогресса, до высшей степени, заставивъ всѣхъ людей принять участіе въ борьбѣ на равныхъ правахъ, допуская возможно болѣе свободную игру силъ внутри общества и давая возможность личности и индивидуальнымъ способностямъ развиваться самымъ широкимъ образомъ» (125 стр.).

Однако, спрашивается, если разумъ, подсказывающій личности только преслѣдованіе ея собственныхъ временныхъ интересовъ и игнорирующій интересы соціальнаго организма, не одобряетъ тѣхъ условій жизни, при которыхъ только и возможенъ прогрессъ, то что же, наконецъ, заставляетъ личность и цѣлые поколѣнія дѣйствовать, жить и сообразоваться съ этими самыми условіями жизни вопреки разуму? Здѣсь-то и раскрывается самая оригинальная черта въ соціологическомъ построеніи В. Кидда. Факторомъ, который одинъ дѣлалъ и дѣлаетъ возможнымъ совершавшійся ранѣе и совершающійся въ настоящее время процессъ общественнаго развитія является, въ его глазахъ, религія. Назначеніе религіозныхъ вѣрованій въ человѣческой эволюціи состоитъ въ томъ, чтобы давать сверхъ-разумную санкцію образу дѣйствій человѣка при условіяхъ, необходимыхъ для прогресса,—условіяхъ, которыя не могутъ санкціонироваться разумомъ. «Религія, по опредѣленію В. Кидда, есть форма вѣрованія, оправдывающая съ сверхъ-раціональной точки зрѣнія всѣ дѣйствія личности во всѣхъ случаяхъ, когда интересы индивидуальные и интересы общественнаго организма противорѣчатъ другъ другу, и подчиняющая первые послѣднимъ въ интересахъ великой эволюціи, совершаемой человѣческимъ родомъ» (55 стр.). Въ этомъ роль религіи въ эволюціи общества. Эта роль такъ велика, что именно характеръ религіозныхъ вѣрованій всегда составлялъ начало, опредѣлявшее типъ той или иной цивилизаціи. И та цивилизація, въ которой живемъ мы въ настоящее время,—«западная цивилизація», какъ называетъ ее Киддъ, имѣетъ въ основѣ своей богатый запасъ альтруистическихъ чувствъ, заложенный въ первые вѣка христіанской эры, получившій особое возбужденіе въ эпоху реформаціи и единственно объясняющій существенныя особенности нашей общественной и политической жизни. Такъ, именно вліяніемъ религіозной системы, на которой основана наша цивилизація, объясняется прогрессивное движеніе, благодаря которому мало-по-малу уравниваются условія борьбы за существованіе для всѣхъ людей, устанавливается такой строй общества, гдѣ не будетъ привилегированныхъ классовъ. Наиболѣе прогрессивными націями и являются тѣ, въ которыхъ наиболѣе развивается особый типъ индивидуальнаго характера, въ общежитіи называемый религіознымъ характеромъ. Посредствомъ этого типа всего лучше совершается подчиненіе временныхъ и эгоистичныхъ интересовъ отдѣльныхъ личностей будущимъ интересамъ всего общества. А такими націями по преимуществу являются прошедшія черезъ горнило реформаціи.

На стр. 55 мы находимъ слѣдующія положенія, служащія какъ бы резюме выводовъ автора о сущности соціальной эволюціи и силахъ, ее опредѣляющихъ. «Соціальная система представляетъ собою органическое тѣло, надѣленное опредѣленнымъ принципомъ жизни и развивающееся по законамъ, которые могутъ быть предметомъ точнаго изученія. Эта система не кроется ни въ политической организаціи, часть которой мы составляемъ, ни въ расѣ, къ которой мы принадлежимъ, ни въ совокупности развивающагося рода человѣческаго. Это органическое тѣло должно быть соціальной системой или типомъ цивилизаціи, основаннымъ на какой-нибудь формѣ религіознаго вѣрованія. Можно принять за законъ, что въ теченіе всего существованія этого организма въ немъ борются двѣ противоположныя силы: начало раздѣляющее, которое проявляется въ чувствѣ индивидуальной единицы, стремящейся утвердить свою личность и свой разумъ; начало объединяющее, которое выражается въ религіозныхъ вѣ-

рованіяхъ, оправдывающихъ общественную жизнь, и, притомъ, непремѣнно съ сверхъ-раціональной точки зрѣнія, имѣя въ виду всегда подчинять въ эволюціонной борьбѣ интересы личные болѣе широкимъ и болѣе долговѣчнымъ интересамъ общественнаго организма».

В. Киддъ, какъ мы видимъ, является своеобразнымъ сторонникомъ органической теоріи общества, не имѣющей въ настоящее время почти никакого авторитета въ научномъ мірѣ. На недавно происходившемъ конгрессѣ «Международнаго соціологическаго института», въ Сорбоннѣ, въ виду представленныхъ докладовъ, органическая теорія послужила предметомъ продолжительныхъ и одушевленныхъ преній. Защитниковъ ея на конгрессѣ было очень немного и, между прочимъ, такія архаическія научныя силы, какъ нашъ соотечественникъ П. Лиліенфельдъ, или такіе сомнительные, какъ Новиковъ. Франція выставила сторонникомъ теоріи Рене Вормса, труды котораго не составляютъ особой цѣнности въ соціологической литературѣ. Противниками теоріи явилось огромное большинство конгрессистовъ. Штейнъ, Штаркъ, Монэнъ, Крозъ, Тардъ, разобравши ее по косточкамъ, не оставили въ ней камня на камнѣ, доказали не только ея произвольность и безполезность, не и серьезную опасность для соціологіи. Тардъ, слушая возраженія органицистовъ, только пожималъ плечами, а Штейнъ, считая ихъ теорію навсегда похороненной, обѣщалъ въ близкомъ будущемъ написать ея исторію («Рус. Вѣд.», № 204). Противники органической теоріи общества прежде всего обратили вниманіе на странный характеръ теоріи, которая претендуетъ на строгую научность и въ то же время можетъ приводить къ такимъ противоположнымъ выводамъ и заключеніямъ, и объяснили эту странность только полнѣйшей произвольностью теоріи, отсутствіемъ въ ней какой бы то ни было научности. Блестящимъ тому подтвержденіемъ можетъ служить примѣръ того же В. Кидда, который, положивъ біологію въ основу объясненія соціальныхъ явленій, кончаетъ тѣмъ, что главный руководящій и опредѣляющій факторъ соціальнаго развитія видитъ въ силѣ, дѣйствующей сверхъ-раціонально. Разъ для объясненія самаго существеннаго вопроса въ теоріи соціальнаго развитія призывается сверхъ-разумное начало, можно ли говорить о примѣнимости въ этой области точнаго научнаго объясненія, какъ утверждаетъ это Киддъ («соціальная система...—органическое тѣло, развивающееся по законамъ, которые могутъ быть предметомъ точнаго изученія»). И съ этой точки зрѣнія, тѣ комплименты, которые удѣляетъ В. Кидду дѣйствительный біологъ Вейсманъ, намъ представляются положительнымъ недоразумѣніемъ. Сторонники органической теоріи полагаютъ, что, призвавъ на помощь объясненію общественныхъ явленій біологію, они окончательно порываютъ съ метафизикой и становятся на твердую научную почву. Но развѣ не рѣзкимъ отголоскомъ отживающихъ телеологическихъ взглядовъ звучитъ мысль, выраженная В. Киддомъ, слѣдующимъ образомъ: общественная эволюція, происходящая въ родѣ человѣческомъ, постоянно преслѣдуетъ будущіе интересы поколѣній, еще не родившихся, къ интересамъ которыхъ люди, живущіе въ данное время, совершенно равнодушны (155 стр.). Однимъ изъ основныхъ положеній В. Кидда является то, что нравственное поведеніе личности, образъ дѣйствій ея, имѣющій въ виду интересы общественнаго организма, можетъ имѣть объясненіе исключительно съ точки зрѣнія сверхъ-разумной санкціи. «Такъ какъ интересы соціальнаго организма противорѣчатъ и должны всегда противорѣчить индивидуальнымъ интересамъ, и такъ какъ общественные интересы должны стоять на первомъ планѣ, то никогда мы не увидимъ, чтобы индивидуальный разумъ одобрялъ образъ дѣйствій людей въ обществахъ, гдѣ господствуютъ условія прогресса». Всѣ попытки отъискать въ природѣ вещей раціональную санкцію для образа дѣйствій человѣка въ обществѣ, хотѣли разрѣшить неразрѣшимую задачу. «Всѣ философскія системы,—говоритъ Киддъ,—начиная съ Ѳа-

леса, Сократа, Платона и Зенона, Сенеки и Марка Аврелія, Спинозы, Канта, Фихте, Гегеля и Конта и кончая утилитаристами—Гоббсомъ, Локкомъ, Юмомъ, Бентамомъ, Миллемъ и Гербертомъ Спенсеромъ,—всѣ системы, при всѣхъ своихъ различіяхъ, сходны въ томъ, что ставили себѣ практическою цѣлью открыть въ природѣ вещей раціональную санкцію личнаго образа дѣйствій». И всѣ эти методы и системы потерпѣли неудачу, ихъ попытки были ненаучны, противорѣчили условіямъ жизни (44 стр.).

Ниспровергнувъ, такимъ образомъ, однимъ почеркомъ пера весь процессъ мысли, стремившійся отдѣлить нравственность отъ религіи и, повидимому, въ концѣ послѣднихъ двухъ вѣковъ установившій по этому вопросу мнѣніе, неоспариваемое самыми противоположными научными направленіями, В. Киддъ кладетъ въ основу нравственнаго поведенія личности сверхъ-раціональную санкцію религіи. Мнѣніе это болѣе чѣмъ не новое, оно представляетъ собою возвращеніе къ исходному моменту указаннаго процесса.

Намъ представляется одинаково недоказаннымъ какъ то, что религіозныя вѣрованія «оправдываютъ общественную жизнь» (55 стр.), въ условіяхъ развитія которой лежитъ законъ соревнованія, борьбы и отбрасыванія слабыхъ, такъ и то, что индивидуальный разумъ не можетъ одобрить подчиненіе индивидуальныхъ интересовъ интересамъ общественнаго организма. Тотъ же Дарвинъ, исходя изъ принциповъ подбора и соревнованія видовъ, намѣчаетъ раціональное объясненіе развитію общественныхъ инстинктовъ и нравственныхъ идей. В. Киддъ признаетъ, съ своей стороны, что съ ходомъ общественнаго развитія формы борьбы, происходящей въ обществѣ, измѣняются, «борьба дѣлается легче и честнѣе». Но развѣ не можемъ мы представить такой строй общества, при которомъ эта борьба приметъ настолько безкровную, невинную форму, при которой странно и говорить о несовпаденіи индивидуальныхъ и общественныхъ интересовъ. И имѣетъ ли право Киддъ говорить о вѣчномъ господствѣ этого противорѣчія между интересами живыхъ поколѣній и цѣлаго общественнаго организма, послѣ того, что онъ самъ пишетъ о будущемъ: «Великій потокъ роста промышленности, увлекающій всѣ цивилизованныя націи, медленно, но вѣрно разрушаетъ всѣ старыя преграды и готовитъ намъ новый міръ, гдѣ мы не найдемъ ничего изъ прежняго порядка вещей, какъ матеріальнаго, такъ и общественнаго и политическаго, гдѣ опытъ прошлыхъ временъ уже не въ состояніи будетъ служить намъ руководителемъ» (стр. 6).

Мы не будемъ подробно останавливаться на томъ психологически-загадочномъ соотношеніи, въ которомъ находятся у Кидда религіозныя вѣрованія и разумъ. То эти два начала являются у него борющимися и взаимно отрицающими (стр. 55), то вѣрованія эти являются «дополненіемъ къ нашему разуму» (стр. 62), то разумъ является въ «роли подчиненной и ограниченной» господствующею силой религіозныхъ вѣрованій (стр. 78), то, наконецъ, «религіозныя системы являются неизбѣжнымъ и необходимымъ спутникомъ нашего разума» (стр. 157). Намъ еще ясна роль религіи, какъ опредѣляетъ ее авторъ, но роль разума въ процессѣ общественной эволюціи является у него крайне слабо очерченной.

Нечего и говорить, что, несмотря на всѣ сомнѣнія, которыя возбуждаетъ книга Кидда, на всѣ несовершенства аргументаціи и шаткость построенія самой системы, его трудъ заслуживаетъ прочтенія. Авторъ глубоко проникнутъ современными теченіями мысли, его книга богата цѣнными идеями, прекрасно выраженными, но его ошибка заключается въ слабости синтеза, въ стремленіи согласить несогласимое.

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ.

М. Неймайръ. «Исторія земли».

Исторія земли проф. М. Неймайра. Переводъ со 2-го переработаннаго и дополненнаго проф. Улигомъ изданія съ дополненіями по геологіи Россіи и библіографическимъ указетелемъ В. В. Ламанскаго и А. П. Нечаева, подъ общею редакціей заслуж. ордин. проф. Спб. Императорскаго университета А. А. Иностранцева. Выпуски 1—10, стр. 1—472. Цѣна за 30 выпуск. 11 р.

Классическій трудъ проф. М. Неймайра «Erdgeschichte» оказалъ не малое вліяніе нетолько на развитіе геологическихъ знаній въ Германіи, но и на развитіе самой геологической науки; мы убѣждены, что появленіе русскаго перевода этой замѣчательной книги окажетъ большія услуги и нашему обществу.

«Исторія земли» состоитъ изъ двухъ громадныхъ томовъ in folio; въ первомъ авторъ трактуетъ вопросы динамической геологіи и петрографіи, второй посвященъ такъ-называемой исторической геологіи. Передъ нами пока 10 выпусковъ русскаго перевода этого сочиненія, они составляютъ большую половину перваго тома и заключаютъ въ себѣ слѣдующіе отдѣлы: историческій очеркъ развитія геологіи, основныя понятія геологіи, земля въ міровомъ пространствѣ, физическія свойства земли, землетрясенія, образованіе горъ и начало большого отдѣла «дѣятельность воды и воздуха».

Къ русскому переводу «Erdgeschichte» приложены три предисловія—проф. Иностранцева, проф. Неймайра и проф. Улига; всѣ они выставляютъ на видъ популярность и строгую научность даннаго сочиненія. Мы вполнѣ согласны, что «Исторія земли»—сочиненіе строго научное, но считаемъ необходимымъ остановиться на вопросѣ, насколько оно популярно для русской читающей публики. Самъ Неймайръ, съ обычной своей скромностью, говоритъ, «что и *спеціалистъ геологъ* *) найдетъ въ предлагаемой книгѣ нѣсколько новыхъ взглядовъ и послѣдовательную разработку тѣхъ теорій, которыя раньше высказывались лишь въ общихъ чертахъ». Проф. Улигъ, ученикъ Неймайра, переработавшій, послѣ смерти своего учителя, его капитальное сочиненіе, высказывается, конечно, опредѣленнѣе: «Неймайръ,—говоритъ онъ,—не ограничивается изложеніемъ вполнѣ установленныхъ фактовъ; во всѣхъ вопросахъ, которые только поддаются элементарному изложенію, онъ представляетъ читателю послѣднее слово науки и намѣчаетъ возможныя задачи дальнѣйшихъ изслѣдованій. Такимъ образомъ, всѣ открытые, еще не рѣшенные вопросы получаютъ всестороннее, лишенное предубѣжденій освѣщеніе и *образованные* **) читатели пріобрѣтаютъ возможность составить о нихъ свое сужденіе; съ другой стороны, широкія обобщенія автора представляютъ глубокій интересъ и для *спеціалистовъ...*» **). По мнѣнію проф. Улига, съ которымъ нельзя не согласиться, «Исторія земли», благодаря широкой точкѣ зрѣнія ея автора, не мало способствовала блестящему развитію нашей науки ***). Дѣйствительно, «Исторія земли» Неймайра безпристрастное, часто блестящее и всегда оригинальное изложеніе той обширной части естествознанія, которая зовется геологіей, но читателемъ его, по нашему глубокому убѣжденію, будетъ только человѣкъ *образованный въ естественно-историческомъ отношеніи.* Можетъ быть, въ Германіи почти вся такъ-называемая «большая публика» владѣетъ этимъ качествомъ, но не то у насъ, въ

---

*) Курсивъ нашъ.
**) Курсивъ нашъ.
***) Улигъ говоритъ о девятилѣтнемъ періодѣ, протекшемъ со времени выхода перваго изданія «Исторіи земли» до выхода 2-го, переработаннаго Улигомъ.

Россіи. Къ счастью для будущихъ судебъ нашего отечества, изъ глубинъ его уже катится, все болѣе и болѣе мощная за послѣдніе годы, волна читателей, жаждущихъ свѣта и знанія; большая жажда у этого читателя, но пока еще очень маленькій багажъ.

Такому читателю еще не подъ силу «Исторія земли» Неймайра: гдѣ жъ ему разобраться хотя бы въ такихъ главахъ, какъ: «форма и величина земли» (стр. 111), «температура внутри земли» (119), «толщина земной коры и состояніе внутренности земли» (131), «причины вулканическихъ явленій» (294), «способъ изслѣдованія землетрясеній» (349), «нарушеніе въ напластованіи слоевъ» (371), «сущность горообразующихъ процессовъ» (414) и нѣкоторыя другія; гдѣ же ему разобраться въ этой массѣ разнорѣчивыхъ фактовъ, гипотезъ, теорій, развѣ поможетъ ему тонкая критика автора «составить о нихъ свое сужденіе»?!

Нѣтъ, русская «большая публика» еще не доросла, къ сожалѣнію, до такой высоты, чтобы составлять «свое сужденіе» въ спорныхъ вопросахъ естествознанія, особенно если передъ ней развертываютъ цѣлую цѣпь такихъ вопросовъ; ей нужны пока не спорные, а рѣшенные вопросы; если же нельзя обойтись безъ спорныхъ, то пусть авторъ будетъ даже менѣе безпристрастенъ, но болѣе опредѣлененъ.

Все это мы говоримъ про нашу «большую публику» en masse; конечно и въ ней есть и верхи, и низы, и въ ней есть читатель для «Исторіи земли» Неймайра. Лицамъ, уже знакомымъ хотя бы съ основами естествознанія, привыкшимъ нетолько читать, но и работать надъ книгой и желающимъ познакомиться съ современнымъ состояніемъ геологіи, мы усиленно рекомендуемъ сочиненіе Неймайра, скажемъ больше, только это сочиненіе и можемъ рекомендовать.

Переводъ сдѣланъ весьма добропорядочно, хотя и попадаются нѣкоторыя шероховатости, напр., такія фразы: «нужно немного навыка, чтобы обращаться съ профилями» (стр. 52), «четвертый потопъ, на основаніи найденныхъ документовъ, распространился...» (стр. 146). Разныя дополненія, касающіяся геологіи Россіи и помѣщенныя въ выпускахъ, сдѣланы переводчиками толково и съ знаніемъ дѣла; но болѣе существенныхъ дополненій нужно ждать, конечно, въ тѣхъ выпускахъ, которые будутъ излагать историческую геологію; теперь же мы могли бы указать на то, что въ этихъ дополненіяхъ слѣдовало бы, по нашему мнѣнію, упомянуть въ соотвѣтственномъ мѣстѣ о простомъ и остроумномъ способѣ нахожденія гнѣзда землетрясенія, предложеннаго нашимъ извѣстнымъ кристаллографомъ Ѳедоровымъ; кромѣ того, мы были удивлены, что и проф. Улигъ и переводчики не присоединили къ изложенію теоріи Канта-Лапласса болѣе обстоятельной критики ея, а также изложенія и другихъ космогоническихъ теорій. Какъ видитъ читатель, недосмотры, указываемые нами, весьма несущественны и не мѣшаютъ «Исторіи земли» Неймайра и въ русскомъ переводѣ остаться такимъ же классическимъ и единственнымъ въ геологической литературѣ сочиненіемъ.

Издана книга роскошно—прекрасная бумага, крупный шрифтъ, масса великолѣпныхъ рисунковъ въ текстѣ и внѣ его, много хромолитографій, картъ, профилей. Вообще, можно сказать, что книгоиздательское товарищество «Просвѣщеніе» вполнѣ сдержало свое обѣщаніе и «сохранила внѣшнюю сторону изданія въ томъ видѣ, какъ и въ нѣмецкомъ оригиналѣ»—это лучшая похвала, которую можетъ сдѣлать тотъ, кто видѣлъ нѣмецкое изданіе «Исторіи земли» Неймайра.

МЕДИЦИНА И ГИГІЕНА.

И. Скворцовъ. «Гигіена со включеніемъ анатоміи и физіологіи».—*М. Мильманъ* «Общедоступная медицинская библіотека».—*И. Сѣченовъ.* «Физіологическіе очерки».

Проф. Ир. Скворцовъ. Гигіена, со включеніемъ анатоміи и физіологіи человѣческаго тѣла. Харьковъ, 1897 г. Единственно могучимъ факторомъ въ борьбѣ съ болѣзнями, по общему мнѣнію, признается, помимо улучшенія матеріальныхъ условій,—просвѣщеніе вообще и, въ частности, популяризація гигіеническихъ и медицинскихъ свѣдѣній среди народной массы. Къ великому сожалѣнію, однако, чтенія, бесѣды съ народомъ обставлены большими и лишь рѣдко преодолимыми затрудненіями. Понятно, насколько, при такомъ положеніи дѣла, должно быть привѣтствуемо появленіе въ свѣтъ всякой дѣльной популярно-медицинской книги, которая, поучая сельскую интеллигенцію и, главнымъ образомъ, сельскаго учителя, станетъ проводникомъ въ народѣ, преимущественно чрезъ посредство школы, здравыхъ гигіеническихъ и медицинскихъ свѣдѣній. Трудъ проф. Скворцова преслѣдуетъ именно эту цѣль; онъ посвященъ «Русскому народному учителю».

Въ предисловіи къ своей книгѣ проф. Скворцовъ указываетъ на громадное значеніе гигіены,—науки, имѣющей цѣлью предотвращеніе болѣзней благодаря нетолько индивидуальнымъ, но и общественнымъ мѣропріятіямъ, какъ-то: оздоровленіе почвы, воздуха, снабженіе доброкачественной водой и т. п. Рядъ гигіеническихъ мѣропріятій уменьшилъ въ теченіе настоящаго столѣтія смертность во многихъ европейскихъ государствахъ чуть ли не на $^1/_2$. Небезъинтересна аналогія и до нѣкоторой степени отожествленіе гигіены—этики тѣла—съ этикой души, что авторъ иллюстрируетъ такими словами: «Та и другая этика порицаютъ и запрещаютъ всякаго рода излишества, въ родѣ объяденія, разврата. Та и другая требуютъ отъ человѣка полезной дѣятельности, осуждая праздность, лѣнь. Та и другая указываютъ на необходимость взаимной помощи, на необходимость государственнаго, общественнаго и семейнаго порядка, на необходимость нетолько дѣятельной, но разумной и доброй жизни. Ставя человѣка въ возможно лучшія условія жизни, гигіена тѣмъ сберегаетъ силы человѣка для приложенія ихъ къ достиженію высшихъ умственныхъ и нравственныхъ цѣлей, чѣмъ, конечно, способствуетъ болѣе быстрому и совершенному развитію того или другого общества, той или другой страны и всего человѣчества. Та страна, которая наиболѣе гигіенично поставлена, т. е. страна, населеніе которой пользуется наилучшимъ здоровьемъ, навѣрное опередитъ другія страны и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ—нетолько въ экономическомъ, но и въ умственно-нравственномъ. Вообще, можно сказать, что здоровые люди добрѣе и справедливѣе больныхъ, вниманіе которыхъ, по необходимости, всегда и въ очень большой степени сосредоточивается на нихъ самихъ, на ихъ состояніи и потому въ сравнительно малой степени можетъ быть удѣляемо состоянію другихъ». Но авторъ не одностороненъ: онъ замѣчаетъ далѣе, что «разнаго рода гигіеническія мѣры только тамъ хорошо прививаются и только тамъ приносятъ надлежащую пользу, гдѣ населеніе можетъ хотя отчасти оцѣнить ихъ значеніе, гдѣ оно понимаетъ смыслъ общественной пользы и имѣетъ болѣе или менѣе обезпеченные кровъ и кусокъ хлѣба».

Книга проф. Скворцова посвящается не одной лишь гигіенѣ, но цѣлымъ четыремъ наукамъ: изъ 417 страницъ лишь меньшая часть посвящена собственно гигіенѣ, въ остальной же части авторъ старается познакомить читателя съ строеніемъ (анатоміей) и отправленіями (физіологіей) человѣческаго тѣла и многими болѣе или менѣе распространенными болѣзнями (патологіей).

Благодаря именно этому обилію содержанія, книга мѣстами грѣшитъ про-

тивъ основного требованія, которое должно быть предъявляемо къ популярному сочиненію—оно должно быть вполнѣ понятно. А между тѣмъ, уяснитъ ли себѣ мало-мальски читатель строеніе и отправленіе такого сложнаго органа, какъ ухо, когда всему этому вопросу посвящена лишь одна страничка? Что въ состояніи будетъ такой читатель-учитель передать дѣтямъ, кромѣ жалкаго набора медицинскихъ терминовъ? Или же, напримѣръ, что пойметъ читатель о бронхопневмоніи или о крупозномъ воспаленіи легкихъ, когда каждой изъ этихъ болѣзней посвящена какая-нибудь пара страничекъ? Подобныхъ примѣровъ можно привести не мало.

Во второй половинѣ сочиненія, посвященной собственно гигіенѣ, авторъ знакомитъ читателя съ воздухомъ и климатомъ, одеждой и ея обеззараживаніемъ, съ почвой и растительностью, жилищами—ихъ меблировкой, освѣщеніемъ, отопленіемъ, провѣтриваніемъ и обеззараживаніемъ. Далѣе, рѣчь идетъ о поселеніяхъ (деревняхъ и городахъ): ихъ устройствѣ, водоснабженіи и очищеніи, о базарахъ и промышленныхъ заведеніяхъ. Наконецъ, гигіена школъ, рабочаго труда, общественная благотворительность и т. п.,—всѣ эти вопросы въ понятной и интересной формѣ, болѣе или менѣе подробно, излагаются въ разбираемой нами книгѣ.

Особенно цѣнно сочиненіе проф. Скворцова въ томъ отношеніи, что каждый изъ перечисленныхъ вопросовъ трактуется примѣнительно къ нашей деревенской жизни и даетъ, такимъ образомъ, много поучительнаго и полезнаго для сельскаго населенія, между тѣмъ, какъ обычно сочиненія по гигіенѣ удѣляютъ чуть ли не исключительное вниманіе городамъ и интересамъ имущихъ классовъ.

Во внѣшнемъ отношеніи (бумага, печать, рисунки въ количествѣ 80) книга издана хорошо; стоимость ея 2 р. 50 к., а для учителей городскихъ и сельскихъ школъ, выписывающихъ отъ автора, 2 р. съ пересылкой, нельзя не признать высокой.

Общедоступная медицинская библіотека, выпускаемая докторомъ М. Мильманомъ. Выпускъ первый. Ученіе о заразныхъ болѣзняхъ. Инфлуэнца, тифъ, корь и скарлатина. Выпускъ второй. О ревматизмѣ. Г. Мильманъ имѣетъ въ виду своей общедоступной библіотекой просвѣтить темную въ медицинѣ публику, вызвать въ этой публикѣ больше довѣрія къ врачу и дать, такимъ образомъ, послѣднему возможность съ успѣхомъ выполнять свою высокую миссію. Цѣль, какъ видите, у г. Мильмана прекрасная, но, къ сожалѣнію, нельзя сказать, чтобы лежащія предъ нами двѣ тощія съ громкими названіями брошюрки могли содѣйствовать благимъ намѣреніямъ автора. Трудно даже угадать, на какую именно часть нашей публики разсчитаны брошюры д-ра Мильмана. Все, что излагается въ нихъ, хорошо—и даже въ лучшемъ изложеніи—извѣстно всѣмъ грамотнымъ читателямъ газетъ, общедоступныхъ календарей и т. д. Изложивъ «въ первой части» перваго выпуска на 20 небольшихъ страницахъ разгонистой печати ученіе о заразныхъ болѣзняхъ, г. Мильманъ оставляетъ для тифа, инфлуэнцы, кори и скарлатины ровно 3 страницы. Ученіе о заразныхъ болѣзняхъ, для изложенія котораго на такомъ маломъ пространствѣ необходимо имѣть большой популяризаторскій талантъ, представлено крайне поверхностно и—что всего хуже въ популярныхъ книжкахъ—не совсѣмъ вѣрно. Объ иммунитетѣ, или невоспріимчивости, самомъ интересномъ отдѣлѣ современной медицины,—гдѣ предлагающіяся гипотезы для объясненія невоспріимчивости не достигли еще достовѣрности теоріи,—нельзя сказать, что теорія Мечникова о фагоцитозѣ рѣшаетъ всѣ вопросы. Нельзя также такъ легко и свободно, какъ это дѣлаетъ г. Мильманъ, объяснить происхожденіе жара, повышенной температуры, наблюдающейся при многихъ инфекціонныхъ болѣзняхъ, потому что ученіе о лихорадкѣ—ученіе сложное и лучше его совсѣмъ не излагать, чѣмъ снабжать несвѣдущаго читателя невѣрными свѣдѣніями. Покончивъ съ общимъ ученіемъ о заразныхъ болѣзняхъ, г. Мильманъ, совсѣмъ ужъ по календарному

описываетъ отдѣльныя болѣзни, причемъ, говоря о тифѣ, почему-то совершенно обходитъ сыпной и возвратный, а останавливается только на брюшномъ.

Второй выпускъ цѣликомъ посвященъ ревматизму и лиманному лѣченію этой болѣзни. И тутъ встрѣчаются неточныя и невѣрныя свѣдѣнія. Напр., г. Мильманъ пишетъ, что хроническій суставной ревматизмъ отличается отъ остраго отсутствіемъ лихорадки. «Это одно,—говоритъ авторъ,—уже свидѣтельствуетъ о томъ, что хроническій ревматизмъ не заразная болѣзнь». Развѣ г. Мильману, какъ врачу, неизвѣстны завѣдомо заразныя болѣзни, протекающія всегда безъ лихорадки? Зачѣмъ же устанавливать такія невѣрныя положенія, которыя могутъ только спутать незнакомыхъ съ медициной читателей?

Въ видѣ приложенія ко второму выпуску помѣщено, занимающее одну только страницу, описаніе неврастеніи, съ которой, по словамъ г. Мильмана, многіе больные, по ошибкѣ, попадаютъ на лиманъ, и вотъ г. Мильманъ полагаетъ, что его болѣе чѣмъ краткое описаніе неврастеніи предостережетъ больныхъ отъ подобной ошибки.

И. Сѣченовъ. Физіологическіе очерки. Часть I. Изд. О. Н. Поповой. Образовательная библіотека. Уже одно имя автора названной книжки избавляетъ насъ отъ пространной рекомендаціи его новаго строго-научнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ популярнаго труда. Какъ ученый, проф. Сѣченовъ извѣстенъ далеко за предѣлами Россіи, какъ рѣдкій популяризаторъ онъ прославился еще въ 70-ыхъ годахъ, когда вышли составляющіе библіографическую рѣдкость «психологическіе этюды». И новая книжка отличается тѣми же достоинствами, какъ и прежніе труды профессора. Можно только удивляться, съ какой простотой и ясностью профессоръ излагаетъ самые сложные вопросы своей спеціальности. Въ составъ первой части вошло ученіе о крови, кровообращеніи, пищевареніи, дыханіи, дѣятельности железъ и о животной теплотѣ. Всякій образованный человѣкъ, по прочтеніи книжки проф. Сѣченова, получитъ массу свѣдѣній нетолько любопытныхъ, но и прямо полезныхъ.

УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА.

В. Острогорскій. «Руководство къ чтенію поэтическихъ сочиненій».—*А. Филоновъ.* «Русская хрестоматія».

В. Острогорскій. Руководство къ чтенію поэтическихъ сочиненій (по Л. Эккардту). Съ приложеніемъ краткаго учебника теоріи поэзіи. Для мужскихъ и женскихъ учебныхъ заведеній и самообразованія. Изданіе третье, вновь переработанное и дополненное. Спб. 1897 г. Ц. 1 р. Книга г. Острогорскаго представляетъ въ равной мѣрѣ цѣнное руководство какъ для учащихъ и учащихся, такъ и для лицъ, самостоятельно занимающихся самообразованіемъ. Это не учебникъ, а прекрасно составленное руководство для провѣрки и ознакомленія, болѣе глубокаго и сознательнаго, съ имѣющимся уже у читателя литературнымъ матеріаломъ. Мало прочесть извѣстное произведеніе или цѣлаго автора, надо разобраться въ немъ, вникнуть въ его духъ, выяснить себѣ сущность произведенія и литературную физіономію автора, изучить его главныя черты, что выдѣляетъ его изъ ряда другихъ и что сближаетъ. «Руководство къ чтенію поэтическихъ произведеній» именно преслѣдуетъ всѣ эти цѣли. Въ первой главѣ, служащей введеніемъ, г. Острогорскій, руководствуясь Эккардтомъ, разбираетъ вопросъ о чтеніи и о томъ, какъ именно слѣдуетъ читать, чтобы вынести изъ произведенія наибольшую пользу. Въ слѣдующей ставится рядъ вопросовъ, на которые предлагается читателю дать отвѣты, причемъ, для практики, приводятся лучшія произведенія русской и иностранной литера-

туры и ихъ разборъ. Впереди поставлены упражненія съ лирическими произведеніями, какъ болѣе легкія для начинающихъ, и попутно даются указанія на необходимыя пособія и книги, имѣющіяся въ русской литературѣ. Затѣмъ слѣдуетъ разборъ эпическихъ произведеній, басни и драмы. Для болѣе яснаго представленія о методѣ такой работы, приводимъ вопросы при чтеніи драматическихъ произведеній. «Вопросы относительно поэта и вида произведеній. Относительно содержанія и его источники. Источникъ «Макбета»—разсказъ изъ хроники Голиншеда. Внутренняя истина, драматичность, комичность и трагичность содержанія; дѣйствіе внутреннее и внѣшнее. Вопросы относительно характеровъ. Примѣрная характеристика Фортинбраса изъ «Гамлета». Примѣрная группировка характеровъ въ «Ревизорѣ», «Макбетѣ» и «Гамлетѣ». Сопоставленіе разныхъ характеровъ. Вопросы относительно дѣйствія и строя пьесы, завязки и развязки. Относительно идеи произведенія. Выясненіе идеи «Донъ-Карлоса». Вопросы относительно монологовъ, разсказовъ, разсужденій, сценичности, а также свойствъ таланта автора. Относительно языка и мѣстъ, наиболѣе трудно понимаемыхъ. Примѣрное объясненіе монолога Макбета (VII сцена I акта): «Ударъ... одинъ ударъ... будь въ немъ все дѣло»... Вопросы относительно впечатлѣнія, производимаго пьесой». Изъ этого перечня вопросовъ читатели могутъ видѣть, что, разобравъ произведеніе по этой программѣ самостоятельно, они дѣйствительно не только усвоиваютъ его, но,—что, по нашему мнѣнію, и составляетъ сущность подобной работы,—пріучаются *критически* читать и мыслить, т. е. анализировать автора и разбираться въ получаемомъ впечатлѣніи. А это и есть главная цѣль чтенія, какъ самаго могущественнаго фактора самообразованія.

Не менѣе полезно такое руководство и для учащихъ. Въ рукахъ умѣлаго и интересующагося своей работой учителя, книга г. Острогорскаго можетъ послужить прекраснымъ орудіемъ для возбужденія умственной энергіи учениковъ, осмысливъ трудъ чтенія, придавъ ему характеръ самостоятельности, исканія въ книгѣ мысли, и возбудивъ стремленіе къ критикѣ и анализу. Опытный учитель можетъ разнообразить темы, подбирая подходящія произведенія изъ родной и общей литературы. Насколько необходима такая работа, ясно всякому, кому доводилось имѣть дѣло съ воспитанниками нашихъ среднихъ учебныхъ заведеній. Какъ это ни прискорбно, но приходится констатировать непреложный фактъ—крайне жалкое литературное образованіе, выносимое ими. Этимъ и объясняется, почему первое время въ университетѣ посвящается обыкновенно усиленному чтенію, а отсутствіе навыка къ самостоятельной работѣ ведетъ къ тому, что читающій разбрасывается, глотаетъ книги безъ разбору и далеко не получаетъ ожидаемой пользы и наслажденія. Много тутъ виновата учебная постановка, бюрократическая точка зрѣнія на образованіе, преобладающая въ нашихъ гимназіяхъ, и чисто бюрократическое отношеніе учителей къ своей работѣ. Сорокъ лѣтъ тому назадъ указанная Пироговымъ цѣль воспитанія—готовить людей, а не чиновниковъ—остается до сихъ поръ идеаломъ, къ которому мы ни на шагъ за это время не приблизились. А для чиновника чтеніе есть лишнее и опасное бремя. Хорошо, если онъ грамотно пишетъ,—цѣль, которая далеко не всегда достигается гимназіей.

Приложенная къ «Руководству» краткая теорія поэзіи, составленная г. Острогорскимъ по лучшимъ источникамъ, отличается ясностью и простотой изложенія. Изъ извѣстныхъ намъ руководствъ оно заслуживаетъ вниманія хорошимъ подборомъ примѣровъ, что, по нашему мнѣнію, представляетъ главное въ теоріи поэзіи. Къ каждому роду поэзіи приложенъ указатель лучшихъ образцовъ, что для неопытнаго читателя важно въ смыслѣ облегченія работы. По нимъ онъ уже и самъ доберется до новѣйшихъ авторовъ и съумѣетъ отвести каждому надлежащее мѣсто.

Вообще, мы охотно рекомендуемъ настоящую книгу г. Острогорскаго именно

тѣмъ, которые стремятся къ самостоятельному ознакомленію съ изящной литературой и лишены возможности пользоваться указаніями и руководствомъ школы.

Русская хрестоматія съ примѣчаніями. Для высшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ Андрей Филоновъ. Часть вторая. Изд. 6-е исправленное и дополненное. Ц. 1 р. 25 к. Спб. 1897. (Стран. 466 + XII). Книга эта—добрая старая знакомая многихъ учащихся поколѣній. Еще болѣе тридцати лѣтъ назадъ (въ 1863—1864 г.), въ пору общаго оживленія русскаго общества, а вмѣстѣ съ тѣмъ и русской школы, вышли три книги г. Филонова: поэзія эпическая, лирическая и драматическая. Эти три обширные сборника, переиздаваемые и до сихъ поръ, представляютъ очень большой, разнообразный и со вкусомъ составленный выборъ произведеній поэзіи иностранной (въ лучшихъ переводахъ) и русской, расположенный по тремъ родамъ ея, въ хронологическомъ порядкѣ, и сопровождаемый цѣлой массой примѣчаній характера біографическаго, теоретическаго и критическаго, множествомъ темъ для письменныхъ работъ, сопоставленій пьесъ, болѣе или менѣе, однородныхъ или противоположныхъ сюжетовъ, ссылокъ и т. п. Въ первой части передъ читателемъ на примѣрахъ раскрывается, нѣкоторымъ образомъ, исторія эпоса, во второй—лиры, въ третьей—драмы. Въ свое время справедливо указывались недостатки этого обширнаго труда (неполнота, кое-какіе пробѣлы, не всегда удачный выборъ критическихъ отрывковъ и пр.); но, и при своихъ недостаткахъ, книги эти и по настоящее время остаются у насъ *единственными* школьными пособіями для, по крайней мѣрѣ первоначальнаго, ознакомленія юношества съ поэзіею иностранною, безъ знанія которой не можетъ быть и литературнаго образованія, столь необходимаго и почти отсутствующаго въ нашемъ юношествѣ. И если знакомство даже съ русской поэзіей и ея исторіей поставлено въ нашихъ гимназіяхъ болѣе чѣмъ неудовлетворительно, то по отношенію къ поэзіи иностранной школа наша не даетъ учащейся молодежи почти ровно ничего. Послѣдствія такого положенія дѣла весьма печальны и всѣмъ извѣстны. И въ молодежи, и въ обществѣ замѣчается поразительное отсутствіе художественнаго вкуса, даже равнодушія къ поэзіи, самыя легкомысленныя, чтобы не сказать невѣжественныя, сужденія о писателяхъ и творчествѣ.

А между тѣмъ «*потеря вкуса къ поэзіи*,—говоритъ справедливо Чарльзъ Дарвинъ—*равносильна потерѣ счастья, и, по всей вѣроятности, вредно отзовется на умственныхъ способностяхъ, а еще болѣе на нравственномъ складѣ характера, такъ какъ ослабляетъ чувствительную сторону нашей природы*». Поэтому-то и не можемъ не порадоваться новому изданію такой книги, которая хотя сколько-нибудь можетъ поспособствовать возбужденію интереса къ поэзіи и развитію изящнаго вкуса, и отъ всей души желаемъ, чтобы къ ней нельзя было примѣнить горькаго восклицанія древняго поэта: Quis legit haec (т. е. кто нынѣ будетъ читать ее?). Въ общемъ планъ и выборъ книги остался прежній, хотя прибавлено и много новаго, но всѣ библіографическіе указатели переработаны, увеличено количество литературныхъ примѣчаній, при многихъ произведеніяхъ указанъ годъ ихъ появленія въ свѣтъ и умножено число темъ. Обширное мѣсто (около четверти книги) отведено народной пѣснѣ (есть и украинскія, и литовскія, и сербскія, и словацкія, и греческія); въ художественной—встрѣчаемъ Анакреона, Борнса, Беранже, Гейне; элегія представлена въ образцахъ греческихъ, римскихъ и новѣйшихъ; затѣмъ слѣдуетъ ода, гимнъ, сатира (Горацій, Ювеналъ), эпиграмма и антологія, сонетъ и, наконецъ, большой выборъ разныхъ стихотвореній иностранныхъ и русскихъ, между которыми встрѣчаемъ хорошій выборъ изъ Фета, Щербины, Полонскаго, Тютчева, Хомякова, Некрасова, Плещеева, Жемчужникова, Полежаева и мн. др. Непонятно, почему исключена въ этомъ изданіи такая вещь, какъ знаменитое стихотвореніе Лермонтова «На смерть Пушкина».

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ

съ 15-го августа по 15-е сентября 1897 года.

Адольфъ Гаспари. Исторія итальянской литературы. Перев. К. Бальмонта. Т. II. Изданіе Солдатенкова. Москва. 1897. Цѣна 3 р.

Э. Лависсъ и А. Рамбо. Всеобщая исторія. Перев. В. Невѣдомскаго. Т. III. Изд. Солдатенкова. Москва. 1897. Ц. 3 р.

С. А. Венгеровъ. Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ. Т. V. Спб. 1897. Ц. отд. тома 2 р. 50 к.

Д. С. Милль. Система логики. Перев. В. Ивановскаго. Книга II. Изданіе магазина «Книжное Дѣло». Москва. 1897. Цѣна всего изданія (6 кн.) 3 р. безъ пересылки.

Грантъ-Алленъ. Жизнь растеній. Популярныя бесѣды (съ 50 рисунк. въ текстѣ). Изданіе магазина «Книжное Дѣло». Москва. 1897. Ц. 60 к.

Ив. Святскій. Исторія электричества. Изд. Сойкина. «Полезная библіотека». Спб. 1897. Ц. 50 к.

Ф. Нансенъ. Среди льда и ночи. Перев. В. Семенова. (Съ 27 рис., картою и портр.). Изд. Сойкина. «Полезная библіотека». Спб. 1897. Ц. 50 к.

Джонъ-Кельбсъ-Ингрэмъ. Исторія политической экономіи. Изд. 2-е. Перев. А. Миклашевскаго. Изд. Солдатенкова. Москва. 1897. Ц. 1 р. 50 к.

А. Гартлебенъ. Статистическая таблица всѣхъ государствъ земного шара. Сост. по новѣйшимъ даннымъ для каждаго отдѣльнаго государства. Пер. съ нѣмецк. подъ ред. П. Р. Фрейберга. Москва. 1897. Ц. 30 коп.

Отчетъ о дѣятельности первой мужской воскресной школы за время отъ 9 февр. по 4 мая 1897 г. Кіевъ. 1897.

Отчетъ о дѣятельности Кіевскаго Общества грамотности за 1896 г. Кіевъ. 1897.

Н. М. Геренштейнъ. Народное образованіе. Спб. 1897.

— Роль публициста. Спб. 1897.

Каталогъ Ессентукской библіотеки. Отчетъ по устройству разныхъ учрежденій, принадлежащихъ посѣтителямъ Ессентукской группы, и краткія свѣдѣнія изъ исторіи кавказскихъ минеральныхъ водъ. Москва. 1897.

П. Т. Дегтяревъ. По поводу положеній графа Л. Н. Толстого въ его сочиненіяхъ «Въ чемъ моя вѣра» и «Къ вопросу о свободѣ воли». Москва. 1898. Ц. 10 к.

Э. Каслинская. Поэтъ изъ народа — И. С. Никитинъ. Москва. 1897.

Густавъ Шмоллеръ. Наука о народномъ хозяйствѣ, ея предметъ и методъ. Перев. Е. Котляревской. Москва. 189?. Ц. 50 к.

Читатель. № 27—1897 г. «Поэтъ крестьянскаго труда»—И. И. Иванова. «Молнія»—И. Сергѣенко. «Честная семья»—Бьернстерне-Бьернсона. «Нарциссъ» — разск. Катулла Мендеса. Ц 50 к.

Отчетъ Общества попеченія о начальномъ образованіи въ г. Томскѣ за 1896 г. Томскъ. 1897.

Герб. Спенсеръ. Исторія визита. Спб. 1898. Ц. 15 к.

Матеріалы для характеристики современныхъ литературныхъ нравовъ. Спб. 1897.

М. Малыхинъ. Курсъ наглядной геометріи для трехъ низшихъ классовъ женскихъ гимназій и прогимназій министерства народнаго просвѣщенія. Съ 116 чертежами. Москва. 1897. Ц. 45 к.

Н. Гумилевскій. Сущность и цѣли питейной реформы въ Россіи. Спб. 1897. Ц. 30 к.

Н. К. Питейная реформа и народное благосостояніе.

Г. Э. Лессингъ. Натанъ Мудрый. Перев. съ нѣмецк. В. Крылова. Съ 35 рис. и 11-ю эстампами. Изданіе Маркса. 1897. Ц. 6 р., съ перес. 7 р.

А. Брэмъ. Жизнь животныхъ. Полн. перев. съ нѣмецк. 2-го изданія подъ редакціей д-ра зоологіи С. М. Переяславцевой. 80 выпусковъ или 3 тома въ 165 листовъ. 1.200 иллюстрацій въ текстѣ, съ біографіей А. Брэма и его портретомъ. Изд. М. Шапсовича. Одесса. 1897. Ц. 17 р. 60 к.

В. Заболотный. Философскій эскизъ на почвѣ субъективизма, или опытъ къ раціональному разрѣшенію вопроса: что такое счастіе? Варшава. 1897. Ц. 50 к.

ИЗЪ ЗАПАДНОЙ КУЛЬТУРЫ.

Ученый фарсъ.

Psycho-physiologie du genie et du talent, Par Max Nordau. Paris. 1897.

I.

Около пяти лѣтъ тому назадъ, въ газетѣ *Русскія Вѣдомости*, намъ случилось дать краткій отчетъ о романѣ *Комедія чувства*. Романъ былъ переведенъ съ нѣмецкаго и принадлежалъ автору, до тѣхъ поръ неизвѣстному намъ въ роли беллетриста. Мы были знакомы съ бойкими публицистическими сборниками афоризмовъ, гдѣ имѣлось немножко философіи и чрезвычайно много совершенно не философскаго суетнаго желанія ошеломить читателя какимъ-нибудь сверхъестественнымъ «парадоксомъ», неограниченно-откровеннымъ изобличеніемъ той или другой «общепринятой лжи». Выходилъ большой эффектъ — какъ разъ среди той самой публики, какую авторъ явно замышлялъ испугать и сбить съ толку героизмомъ внѣ всякихъ предразсудковъ. Надъ озадаченными филистерами и любителями словесной бойкости будто вновь воскресла тѣнь Жанъ-Жака, въ свое время не менѣе страшными откровенностями щекотавшаго обывательскіе фрондерскіе инстинкты самыхъ благополучныхъ и невинныхъ смертныхъ.

Все это мы знали и авторъ изображалъ въ нашихъ глазахъ менѣе всего серьезное зрѣлище, не лишенное интереса развѣ только въ качествѣ новѣйшаго эксперимента ловкаго литературныхъ дѣлъ мастера надъ скучающей простодушной толпой.

Вдругъ появляется *романъ*, подписанный тѣмъ же «громкимъ» именемъ и, конечно, съ не менѣе громкимъ заглавіемъ. Естественно, мы ждали новаго «пародокса», новой стремительной аттаки на какую-нибудь ложь, систематически замалчиваемую всѣмъ цивилизованнымъ человѣчествомъ, за исключеніемъ отважнаго автора.

И тема, повидимому, была взята самая благодарная. Ужъ если что дѣйствительно извращается и возрождается въ нашъ вѣкъ, то, конечно, *чувство* въ его чистѣйшей непосредственной формѣ. Тотъ же Жанъ Жакъ не находилъ его уже полтораста лѣтъ тому назадъ—на всемъ пространствѣ нашей планеты, кромѣ дѣвственныхъ лѣсовъ Америки. Дальнѣйшій ходъ исторіи и общественной жизни менѣе всего благопріятствовалъ возстановленію «правъ сердца», и «концу вѣка» пришлось влачить свои дни среди полнаго измельчанія и опошленія законнѣйшихъ дѣтищъ здороваго

чувства—декадентской поэзіи, символическаго искусства и «натуральной любви».

И запоздалые рыцари всѣхъ странъ не забывали и не забываютъ оплакивать великую драму... Что же долженъ извлечь изъ нея безпощадный гонитель фальши и лицемѣрія, безцеремоннѣйшій срыватель всевозможныхъ покрывалъ и масокъ! Мы ждали цѣлаго тріумфа оригинальности и свободомыслія.

Въ дѣйствительности вышло нѣчто совершенно другое, но въ высшей степени пріятное и даже поучительное.

Исторія простая и еще болѣе старая, чѣмъ всѣ прежнія, даже прежняя «парадоксальная» политика автора. Разсказывалось о томъ, какъ опытная дама, съ погибшей репутаціей и разбитой женской карьерой, замышляетъ пристроить свою судьбу на законномъ основаніи къ жизненному пути практически-наивнаго, но умственно почти геніальнаго юноши. Дайте эту тему самому простому смертному, съ самыми скромными рессурсами воображенія, и онъ вамъ, какъ по писанному, разскажетъ — что и какъ должно было произойти между героиней-артисткой и героемъ Донъ-Кихотомъ. Коллизія такого сорта, что сама жизнь, обыкновенно неистощимая въ творческихъ и крайне прихотливыхъ подробностяхъ, здѣсь все комическое и трагическое заключила въ опредѣленныя и неизмѣнныя рамки, просто потому, что психологическая основа и практическія средства и цѣль являются совершенно тожественными, разъ другъ противъ друга поставлены подобный герой и героиня.

И новый авторъ ни на шагъ не отступалъ отъ естественной программы. Безъ всякихъ притязаній на парадоксальность и головокружительное публицистическое наѣздничество онъ изложилъ, «какъ было дѣло». Вышла «старая сказка», но правдивая, сильная, занимательная, какъ всякая *tranche de vie*, взятая писателемъ просто и искренне.

Мы привѣтствовали *первый* опытъ автора на поприщѣ художества. Но спустя весьма короткое время оказалось, что мы ошибались—у автора существовалъ еще одинъ романъ, болѣе ранняго происхожденія, чѣмъ *Комедія чувства*. Въ письмѣ къ намъ авторъ сообщалъ, что романъ назывался *Die Krankheit des Jahrhunderts*, до появленія въ печати пережилъ довольно «романическую» исторію, былъ украденъ въ рукописи однимъ досужимъ издателемъ и опубликованъ безъ разрѣшенія автора, что послужило поводомъ къ громкому судебному процессу.

Вѣроятно, это приключеніе въ сильной степени способствовало блестящей карьерѣ романа. Авторъ сообщалъ, что *Болѣзнь вѣка* на одномъ нѣмецкомъ языкѣ выдержала пять изданій, переведена на французскій, итальянскій, шведскій и голландскій. Авторъ разсчитывалъ на не менѣе сочувственное вниманіе и со стороны русской публики...

Прочитавъ письмо, мы прежде всего отдали справедливость прекрасному качеству европейскаго человѣка, для насъ русскихъ—до сихъ поръ недоступному. Какую автору надо питать заботливость о судьбѣ своихъ произведеній, чтобы узнать о рецензіи *русской* газеты немедленно послѣ появленія! И мало узнать, а воспользоваться ею все ради тѣхъ же родительскихъ авторскихъ чувствъ. Мыслимо ли что-либо подобное у русскаго писателя?

Тургеневъ, напримѣръ, приходилъ въ несказанное изумленіе, слыша отъ французскихъ авторовъ свѣдѣнія о своихъ произведеніяхъ. Въ его сознаніе съ величайшимъ трудомъ входила мысль, что его читаютъ и знаютъ хотя бы даже въ культурнѣйшей странѣ европейскаго континента. И ужъ, конечно, великій художникъ и пальцемъ не пошевельнулъ, чтобъ подогрѣть свою европейскую славу. О гр. Толстомъ онъ заботится очень усердно, но тотъ, въ свою очередь, считаетъ это ни на что ненужнымъ. Искренне ли—нѣтъ, вопросъ другой,—но фактъ налицо: даже первостепенные русскіе писатели, имѣющіе всѣ данныя конкуррировать побѣдоносно на всемірномъ рынкѣ со всѣми иностранными знаменитостями, предоставляютъ свою иноземную славу въ распоряженіе случая и доброй воли какого-нибудь личнаго сочувственника.

Для западнаго писателя это варварскій пережитокъ, и даже Золя, тщательно высчитывающій контрибуцію съ иностранныхъ издателей и переводчиковъ, гораздо болѣе цивилизованный человѣкъ. Максъ Нордау одинъ изъ его достойныхъ соревнователей. И благодаря этому свойству, мы сейчасъ же познакомились съ *Болѣзнью вѣка.*

Опять—какая роскошная задача! Поистинѣ, одно изъ заглавій, рѣшающихъ судьбу цѣлой книги. И иной читатель, обольщенный первыми звуками, не скоро овладѣетъ критическимъ настроеніемъ и добрую часть книги пробѣжитъ, ища, надѣясь и даже увлекаясь самыми скромными и призрачными достоинствами.

Чтó-же такое *болѣзнь вѣка*?

Очень просто—возрожденіе *буддизма* на европейской почвѣ. Этимъ все сказано. А чтобы объяснить столь сложное явленіе, достаточно взять общеизвѣстныя истины буддистовъ, вложить ихъ въ уста молодого человѣка нѣмецкаго происхожденія, заставить его при этомъ испытать кое-какія непріятности отъ коварнаго женскаго пола,—и философско-психологическій романъ готовъ.

Правда, читатель не будетъ знать, почему вдругъ родился чистокровный буддистъ въ *Москвѣ* отъ родителя—нѣмца и матери—цыганки? Чтò собственно общаго между блѣдной немочью кудряваго юноши и нашимъ многострадальнымъ вѣкомъ? Не пойметъ читатель и болѣе существеннаго вопроса: зачѣмъ прирожденному поклоннику Нирваны влюбляться въ женщинъ, страдать и даже кончать самоубійствомъ. Ужъ если чтó должно оставаться внѣ буддистскихъ настроеній и созерцаній, то, несомнѣнно, чары женщины, тлетворнѣйшаго созданія матери всѣхъ иллюзій—Майи.

Но мы можемъ сколько угодно недоумѣвать и спрашивать, автору нѣтъ до насъ никакого дѣла. Онъ взялъ приступомъ новую крѣпость и никто его не разубѣдитъ въ побѣдѣ. Еще въ *Парадоксахъ* онъ ударомъ Александра Македонскаго покончилъ съ глубочайшей нравственной язвой современнаго человѣка, обозвавъ пессимизмъ умственной ограниченностью, лицемѣріемъ, глупымъ брюжжаніемъ, психопатіей. И попробуйте опровергнуть автора во всеоружіи какихъ угодно, отнюдь не психопатическихъ фактовъ и безусловно почтенныхъ именъ,—онъ изобличитъ васъ во «лжи» и сдѣлаетъ другой столь же побѣдоносный скачекъ въ какомъ угодно направленіи.

Дѣйствительно, трудно быть пессимистомъ въ компаніи съ

такимъ мыслителемъ. Чтó можетъ быть для человѣка утѣшительнѣе убѣжденія въ неограниченномъ могуществѣ его критическаго ума и въ неотразимой истинѣ противоположныхъ общихъ мѣстъ! Методъ чрезвычайно пріятный. Возьмите рядъ явленій дѣйствительности и придумайте *контрасты*, припомните нѣсколько по возможности общераспространенныхъ взглядовъ и поставьте всѣмъ имъ рѣшительные минусы,—вы явитесь обладателемъ *настоящей* правды и неподдѣльныхъ *научныхъ* аксіомъ.

До сихъ поръ авторъ дѣлалъ только опыты съ своимъ незамѣнимымъ открытіемъ, двинулъ его разомъ по всѣмъ пунктамъ современной жизни искусства и философіи въ объемистомъ трудѣ, опять поражавшемъ публику съ первой же заглавной страницей.

Вырожденіе... Величайшій курьезъ fin de siècle'я—это произведеніе безпощаднаго и страшнаго философа! Наши потомки должны будутъ изумляться, какъ они могли появиться на свѣтъ, когда уже въ концѣ XIX вѣка весь міръ представлялъ изъ себя сплошной сумасшедшій домъ, пріютъ для неизлѣчимыхъ идіотовъ и маніаковъ, знаменитый писатель провозглашалъ безповоротно—*Völkerdämmerung*—гибель народовъ,—на строго *научныхъ* основаніяхъ.

Если бы авторъ дѣйствительно пользовался серьезнымъ кредитомъ у своихъ читателей и самъ писалъ ради истины и свѣта, тогда его книгу слѣдовало бы признать опаснѣйшей отравой; вѣдь рѣшительно нѣтъ и, вѣроятно, даже не было на нашей планетѣ разумнаго существа, не заклейменнаго печатью вырожденія еще въ утробѣ матери!

Вы, напримѣръ, интересуетесь разными вопросами философіи, нравственности,—по цитатѣ изъ брошюры одного французскаго врача выходитъ, что именно сумасшедшихъ «постоянно мучаетъ множество вопросовъ»,—вы, слѣдовательно, готовый выродженецъ. Если вы отъ природы застѣнчивы, не умѣете всегда и вездѣ держаться *anständig*—явный признакъ ненормальности. Если, напротивъ, вы любите общество и, чтобы тѣснѣе сойтись съ людьми, образуете кружокъ,—вы подпадаете подъ замѣчаніе Шарко, *Les nerveux se cherchent*. Всего два слова,—для автора они стоятъ всѣхъ вашихъ вполнѣ вмѣняемыхъ рѣчей и дѣйствій. И такъ безъ конца! Въ финалѣ этой пѣсни проклятія выродженцами оказываются Золя, Ибсенъ и даже гр. Толстой. Почему? Да потому что авторъ *Войны и мира* любитъ художественныя описанія мелочей и подробностей, а это—«Симптомы болѣзни» по опредѣленію психіатровъ *).

«Все вырожденіе и истерія!»—заключаетъ авторъ, не открывъ, впрочемъ, по своему адрсу ни одной цитаты въ спеціальныхъ трактатахъ. А слѣдовало бы помнить, тѣмъ болѣе, что въ одномъ мѣстѣ книги авторъ былъ совсѣмъ близко къ своему «типу», разлагая характеристику хлестаковской натуры на клиническіе документы.

Итакъ, все рѣшено и установлено. Вѣкъ нашъ боленъ и земля скоро превратится въ кладбище или покроется «бандами преступниковъ», какъ авторъ именуетъ самую невинную «эстетическую» школу. Что же оставалось автору послѣ такого подвига? Логи-

---

*) *Entartung*. Berlin 1892, pp. 32, 35, 39, 48, 50, 55 etc.

чески—презрительное молчаніе, потому что безплодно говорить съ безумными и вступать въ серьезныя идейныя отношенія съ людьми, считающими Золя большимъ талантомъ, а гр. Толстого даже геніемъ.

Но такъ говоритъ логика, а не парадоксъ, и авторъ будетъ продолжать свою дѣятельность на зло геніямъ, вырожденцамъ и публикѣ-психопаткѣ. Предъ нами новый плодъ неутомимаго пера, и едва ли не самый любопытный, не по содержанію, а по психологическимъ откровеніямъ. Здѣсь предъ нами умъ и талантъ автора выступаютъ во всей естественной наготѣ, и Максъ Нордау, виновникъ поразительнѣйшихъ психологическихъ открытій и пророкъ потрясающихъ міровыхъ бѣдствій, является *исторической* фигурой, можетъ быть, даже неожиданно для самого себя, во всякомъ случаѣ независимо отъ степени оригинальности и блеска своихъ произведеній.

II.

На книгѣ напечатано: *психо-физіологія* генія и таланта, и книгу французы издали въ «библіотекѣ *современной* философіи». Какая, должно быть, здѣсь свѣжесть и смѣлость мысли! *Психо-физіологія*, наиновѣйшій терминъ, пока еще съ нѣкоторой оторопью употребляемый скромными учеными,—нашъ ученый ставитъ его прямо во главѣ своего не менѣе новѣйшаго произведенія, и посмотрите, какъ блистательно развиваетъ свои идеи!

Напримѣръ, что́ такое *альтруизмъ*? Основной вопросъ психологіи и нравственности. «Альтруизмъ не противоположность, а совершенствованіе и развитіе эгоизма, и человѣкъ пріобрѣтаетъ идеальное представленіе о солидарности, все равно, какъ онъ пріобрѣлъ матеріальное представленіе о полиціи и кадастрѣ, понимая ихъ пользу для себя».

Дальше, вопросъ другого порядка: что́ такое *воля?* Отвѣтъ: «ничто намъ не доказываетъ, что воля не есть нѣчто въ родѣ электричества, и центръ воли—родъ электрической баттареи».

Такъ рѣшены сложнѣйшіе вопросы духовной природы человѣка. Не правда ли, оригинально? Да, если опять оригинальность понимать *парадоксально*, т. е. перефразировку фразъ Гольбаха и другихъ матеріалистовъ XVIII вѣка считать «психо-физіологическимъ» изслѣдованіемъ.

Естественно, послѣ такихъ завоеваній, съ болѣе мелкими затрудненіями авторъ еще менѣе церемонится. Передъ читателемъ кружится цѣлый вихрь самыхъ, повидимому, ученыхъ словъ, но въ дѣйствительности лишенныхъ всякаго опредѣленнаго содержанія. Новый рыцарь легкой философіи, компилируя Гольбаха, пропустилъ поучительнѣйшую для себя страницу въ древней *Системѣ природы*.

Тамъ говорится слѣдующее: «Люди всегда думали помочь своему невѣдѣнію, изобрѣтая слова, которымъ они никогда не могли сообщить истиннаго смысла. Вообразили, будто вполнѣ изучили матерію, всѣ ея свойства, всѣ ея способности, ея силы и разнообразныя сочетанія, только потому, что подмѣтили нѣсколько поверхностныхъ свойствъ» *).

---

*) «Système de la nature». Paris, 1821. I, 95.

Дальше философъ XVIII вѣка съ большой проницательностью изобличаетъ легкомысліе скороспѣлыхъ разгадчиковъ тайнъ природы, ихъ поразительную способность факты подмѣнять звучными фразами, опыты—догадками и окончательно утрачивать путь серьезнаго знанія и мысли.

Максу Нордау настоятельно познакомиться съ этой пророческой характеристикой. Не сдерживаемый никакими благоразумными совѣтами болѣе зрѣлаго ума, онъ съ своими «центрами», «электрическими баттареями», «нервной жидкостью» договаривается въ полномъ смыслѣ до Фердинанда VIII. Но такова судьба парадоксовъ автора,—даже здѣсь, при всей головокружительной смѣлости идей, онъ снова попадаетъ въ старую колею, изъѣзженную вдоль и поперекъ не какимъ-нибудь философомъ, а просто нашимъ Писаревымъ.

Вы помните, какъ у этого богатыря «послѣдовательнаго реализма» съ чисто младенческой простотой объяснялась тайна художественнаго таланта. Всякій, кто угодно, можетъ сдѣлаться поэтомъ, беллетристомъ и вообще художникомъ, все равно, какъ ремесленникомъ: дѣло за упражненіемъ и навыкомъ. А собственно матеріалъ для поэта имѣется «у всѣхъ нормальныхъ и здоровыхъ экземпляровъ человѣческой породы».

Буквально то же самое возглашаетъ Нордау.

«Таланта,—говоритъ онъ,—не существуетъ. По крайней мѣрѣ, подъ этимъ словомъ не слѣдуетъ разумѣть ничего специфическаго. Существуетъ въ дѣйствительности только прилежаніе и случай, т. е. случай для упражненія и развитія. Всякій нормальный человѣкъ имѣетъ въ себѣ все, что необходимо для дѣятельности, именуемой обыкновенно талантливой. Для этого слѣдуетъ только отдаться исключительно или преимущественно этой дѣятельности».

Отчего же на самомъ дѣлѣ такъ мало талантовъ и, напримѣръ, идеальнѣйшій трудолюбецъ Тредьяковскій не могъ написать и десяти строкъ на человѣческомъ языкѣ?

Очень просто: онъ былъ ненормальный типъ. И такъ всѣ другіе, кто не проявилъ талантовъ: или они лѣнтяи, или выродженцы.

Спорить, конечно, съ философомъ излишне, потому что у него нѣтъ никакихъ доказательствъ и нечего, слѣдовательно, опровергать.

Легко представить, сколько можно сдѣлать открытій съ такимъ логическимъ оружіемъ и съ такой неустрашимостью, а главное, наговорить ослѣпительныхъ парадоксовъ и разоблачить ужаснѣйшихъ «лжей».

Напримѣръ, принято думать, что взгляды толпы или предразсудки, или банальности. Авторъ несогласенъ. Все, что сегодня предразсудокъ, когда-то было идеей генія, и поэтому «да здравствуетъ банальность! Она—сборникъ превосходнѣйшихъ вещей, какія только произвелъ человѣческій умъ до нашихъ дней». А потомъ,—слава вѣдь популярность среди толпы,—слѣдовательно, вниманіе толпы завѣтнѣйшая мечта генія.

Не правда ли, сильно сказано? И все было бы благополучно, если бы не одна маленькая неточность: совершенное пренебреженіе ко времени и пространству, необходимѣйшимъ даннымъ для всякаго здраваго разсужденія. Банальность конца XIX вѣка непремѣнно останется банальностью, хотя бы четыреста лѣтъ тому

назадъ она была очень смѣлой истиной, напримѣръ, движеніе земли вокругъ солнца, Съ другой стороны, геніи весьма часто мечтали о славѣ отнюдь не среди современной толпы. Однимъ и тѣмъ же словомъ, въ духовномъ смыслѣ, нельзя характеризовать толпу, сжигавшую Джордано Бруно и нѣсколько вѣковъ спустя открывавшую ему памятникъ. Такой, повидимому, ультра-школьническій софизмъ! А для нашего автора новое сокровище въ его копилкѣ «парадоксовъ». Совершенно съ такимъ же основаніемъ тоску безнадежно больного по южному небу и солнцу онъ сталъ бы укрощать словами, что и на берегу Ледовитаго океана есть и солнце, и небо...

Не менѣе «оригинально» понятіе автора и о геніяхъ. По его мнѣнію, геній только *количественно* отличается отъ таланта, все равно, какъ Монбланъ и ничтожная кучка песка. Слѣдовательно, и геній можно пріобрѣсти упражненіемъ и прилежаніемъ?

На основаніи извѣстной намъ психологіи, отвѣтъ несомнѣнно утвердительный. Но этого мало. Оказывается, толпа геніевъ, т. е. собранные вмѣстѣ «четыреста Шекспировъ, Ньютоновъ, Гёте, Лапласовъ, Пастёровъ» выскажутъ сужденія, достойныя какого-нибудь зауряднаго обывательскаго сборища. Таково вліяніе толпы, только-что прославленной!

По представленію философа выходитъ, будто геніальность нѣчто въ родѣ инороднаго тѣла въ духовномъ мірѣ человѣка. Оно выполняетъ свое особое назначеніе безъ всякаго отношенія къ психологіи и къ уму личности. Такъ, Шекспиръ обязанъ только сочинять трагедіи, а во всемъ остальномъ думать и дѣлать глупости не хуже какого-нибудь Санчо-Панса. Пастёръ будетъ открывать и изслѣдовать микробы, а въ общественныхъ вопросахъ играть жалкую роль филистера и простофили.

Все это авторъ поясняетъ буквами *a*, *b*, *c*, *d*, долженствующими означать различныя «количества» въ нравственной природѣ человѣка. Математика какъ нельзя болѣе простая, но опять дѣло за очень маленькой оговоркой. Можетъ быть, иные таланты дѣйствительно можно мыслить независимо отъ *всего* человѣка, только не таланты Шекспировъ и даже Гёте. Здѣсь талантливы не голосъ, какъ у ремесленника-пѣвца, не руки, какъ у піаниста, а цѣлая нераздѣльная личность. Да и даже низшіе таланты, въ родѣ сценическаго и музыкальнаго, непремѣнно оказываютъ свое вліяніе на психику личности и отнюдь не остаются какими-то отрѣшенными элементами *a*, *b*.

Казалось, механическія теоріи въ психологіи окончательно отошли въ область доброй наивной старины, и мы больше не будемъ имѣть дѣло ни съ флогистонами, ни съ животными магнетизмами. Выходитъ, именно самый «парадоксальный» философъ принимается перетряхивать древнимъ хламомъ, вѣроятно, разсчитывая на короткую память своихъ читателей или на особые «элементы» и «центры» ихъ умственной дѣятельности.

Этотъ разсчетъ у автора, повидимому, имѣлся въ виду, въ теченіе всего труда. Философъ до такой степени увлеченъ оригинальными перспективами своей «психо-физіологіи», что безпрестанно впадаетъ въ самозабвеніе восторга и пишетъ въ какомъ-то помраченіи памяти и смысла.

Вся книга трактуетъ о геніи, а между тѣмъ мы все-таки не

знаемъ, кто именно геній? Только что мы видѣли примѣрное перечисленіе геніальныхъ людей, поэтовъ и ученыхъ, но дальше, оказывается, поэты не имѣютъ права на это титло, или «ихъ право, по крайней мѣрѣ, кажется мнѣ сомнительнымъ», говоритъ авторъ.

Причина—«низшіе центры», управляющіе поэтической и вообще художественной дѣятельностью, т. е. впечатлѣнія, чувственныя волненія, а не умъ, сознаніе,—и задача искусства вызывать только эмоціи.

Опять вы напрасно будете указывать автору, что иной монологъ Гамлета или сцена короля Лира стоитъ, по обилію мыслей и силѣ ума, всѣхъ его парадоксовъ и всей «психо-физіологіи». Авторъ безповоротно упростилъ всѣ вопросы и отожествилъ все человѣческое творчество съ птичьимъ пѣніемъ, у «великихъ мыслителей» отнялъ волю, и этимъ отнялъ и у нихъ право на геніальность.

Вы, конечно, немедленно припомните, сколько мучениковъ мысли и науки видѣлъ нашъ міръ, и сколько, слѣдовательно, требовалось *воли,* чтобы мыслить. Не существуетъ, кажется, ни одного орудія казни и ни одного лишенія, не увѣнчавшаго на пространствѣ вѣковъ дѣла и слова того или другого буквальнаго «второстепеннаго» генія. И эти лишенія только мѣняютъ форму, но отнюдь не исчезаютъ и даже не уменьшаются по количеству и разнообразію на пути даже не великихъ мыслителей.

Все это извѣстно каждому грамотному человѣку, но именно поэтому-то авторъ и не согласенъ. Онъ признаетъ волю въ единственной формѣ—въ способности укрощать людей.

Да, высшіе геніи—«укротители людей», точное выраженіе нашего философа. Признакъ настоящихъ геніевъ—умѣнье пользоваться человѣчествомъ, какъ «матеріаломъ для осуществленія своихъ предначертаній».

Высшій геній «не говоритъ и не пишетъ, а дѣйствуетъ, т. е. распоряжается людьми и силами природы по своему усмотрѣнію. Такой геній становится среди людей тѣмъ, чѣмъ хочетъ, и дѣлаетъ то, что желаетъ».

Это опять идея въ писаревскомъ стилѣ. Русскій ненавистникъ «стиховъ и драмъ» предпочиталъ «великія дѣла» «всевозможнымъ иліадамъ и всевозможнымъ шекспировскимъ драмамъ», не желая считать все это вообще дѣлами. Нордау только пошелъ нѣсколько дальше. Писаревъ все-таки щадилъ «дѣятелей науки»,—новѣйшій философъ ничего не видитъ рядомъ съ Александромъ и Наполеономъ. Это его спеціальные геніи, совершеннѣйшіе продукты человѣческой природы. Что собственно онъ цѣнитъ въ этихъ герояхъ, ясно изъ сопоставленія ихъ съ Магометомъ.

Его можно причислить къ поэтамъ и мыслителямъ, тогда онъ попалъ бы во второй разрядъ,—Нордау ставитъ его рядомъ съ Наполеономъ, очевидно, за его военные подвиги. Геніи, слѣдовательно, полководцы, какъ не только укротители, а вѣрнѣе,—*истребители людей.* Неизвѣстно, по какому логическому основанію немного дальше Нордау напалъ на общественное уваженіе къ военнымъ людямъ, призналъ это фактомъ грубѣйшаго атавизма. Что же такое его образцовая геніальность, какъ не солдатскій героизмъ! И какъ назвать его культъ Наполеона и Александра?

По его мнѣнію, Наполеона сгубила русская зима, а Александра—болѣзнь; иначе эти «укротители» надѣлали бы удивительныхъ дѣлъ...

Трудно представить болѣе комическое приключеніе!.. Такой отчаянно-оригинальный мыслитель, рыцарственный гонитель всяческой лжи попадаетъ прямо на школьную скамью, да еще къ очень плохому учителю исторіи... Здѣсь и Гольбахъ, и даже Писаревъ являются чудесами премудрости и знанія. Никто бы изъ нихъ не преминулъ заинтересоваться столь гибельнымъ рокомъ избранныхъ героевъ, и не потребовалось бы особенныхъ усилій психологіи и учености, чтобы поставить точный діагнозъ болѣзни македонскаго завоевателя и опредѣлить дѣйствительную роль русской зимы въ катастрофѣ Наполеона.

Для насъ особенно любопытенъ одинъ фактъ.

Максъ Нордау, конечно, считаетъ себя очень либеральнымъ человѣкомъ и, въ доказательство своихъ гражданскихъ страданій, можетъ сослаться на не совсѣмъ свободное обращеніе своихъ сочиненій на всемъ континентѣ Европы. Знаемъ мы не менѣе откровенныхъ либераловъ и въ лицѣ другихъ поклонниковъ укротительной геніальности. Брандесъ, напримѣръ, даже фактически потерпѣлъ за свой либерализмъ отъ датскаго правительства. Его любимый поэтъ—Гейне—слыветъ чуть не апостоломъ изящной культуры и примѣрно—передовыхъ принциповъ.

И вотъ, всѣ эти апостолы, поэты и политики, лишь только дойдутъ до самаго безпримѣрнаго гасителя и деспота, немедленно впадаютъ въ гипнозъ благоговѣнія и совершенно школьническій бонапартизмъ.

«Наполеонъ перевязывалъ открытыя раны Франціи завоеваніями и непріятельскими знаменами!»

Какова фраза? Она принадлежитъ Брандесу и однимъ ударомъ кисти рисуетъ намъ своего рода литературнаго Манилова, утопающаго въ сладкихъ звукахъ безсмысленной, хотя и громкой фразы. Наполеонъ перевязывалъ раны Франціи! Кто же тогда наносилъ ихъ?

Гейне, въ качествѣ вдохновеннаго эстетика, далеко опередилъ критика. Въ нѣсколько пріемовъ онъ принимался рисовать современнаго сверхчеловѣка самыми пышными и вѣрноподданническими красками. Врядъ ли еще кому эстетика и чистое искусство оказали такую жестокую услугу. Остроумный поэтъ, будто въ сказкѣ, во имя бонапартизма, превратился въ маленькаго наивнаго ребенка, робко лепечущаго смутныя для его человѣческаго разумѣнія—слова молитвы.

«Что сталось со мною, когда я увидѣлъ въ первый разъ, увидѣлъ своими собственными высокоблаженными глазами—его самого, осанна! императора!..»

«Императоръ съ своею свитою ѣхалъ какъ разъ по срединѣ аллеи, деревья, вздрагивая, преклонялись при его приближеніи, солнечные лучи съ боязливымъ любопытствомъ проглядывали сквозь зеленыя вѣтви, а по голубому небу явственно плыла золотая звѣзда»...

И такъ далѣе, въ томъ же тонѣ религіознаго ясновидѣнія... Какъ возможна такая рѣчь, такое усладительное сочинительство, такая жертва человѣческимъ достоинствомъ и смысломъ въ устахъ «независимаго» поэта?

Неужели естественно могъ придти въ восторгъ самый обыкновенный смертный, съ скромнѣйшими задатками чувства и мысли, отъ картины, какъ «вся священная имперія заплясала бы» подъ свистъ Наполеона! Неужели можно было съ благоговѣніемъ на лбу Бонапарта читать «думы о будущихъ битвахъ»! Какъ поднялась рука у поэта, чтобы намалевать такую надутую, глубокорабскую и некультурную картину!

Несмываемымъ клеймомъ должны горѣть эти строки на самой громкой писательской славѣ и не смыть ихъ никакимъ поэтическимъ риѳмамъ и никакой острой изворотливости.

Но пусть Гейне—поэтъ, а поэты, говорятъ,—дѣти, хотя именно авторъ *Германіи* менѣе всего блисталъ дѣтскими добродѣтелями. Какъ нашъ философъ попалъ въ наихудшую толпу, какую только можно представить, — толпу, привѣтствующую барабанный бой, блескъ оружія и преклоняющую колѣна предъ символами крови и насилія!

Очевидно, двѣ совершенно разныхъ вещи—сочинять бойкіе парадоксы съ рѣзкимъ либеральнымъ букетомъ и быть дѣйствительнымъ либераломъ, перечитать бездну ученыхъ книгъ и владѣть серьезной вдумчивой мыслью, на эффектѣ и запальчивости построить себѣ имя и обладать настоящей идейной смѣлостью и чувствомъ человѣческаго достоинства.

А между тѣмъ, сколько простодушныхъ любителей книжной отваги и огорашивающихъ словесныхъ выходокъ попадаютъ въ сѣти подобныхъ героевъ! Всю психологію иного «психофизіолога» можно легко разложить на элементы Пигасова и Хлестакова, поймать чуть не на каждой страницѣ въ логической несообразности, въ невѣжествѣ, въ самопротиворѣчіи, и несмотря на все это, общій побѣдоносный тонъ импонируетъ читателю, и добрякъ даже страшится дать ходъ своимъ недоумѣніямъ, если они появляются. Такой, вѣдь, смѣлый и оригинальный писатель! Развѣ возможно, чтобы онъ объ исторіи судилъ по скверньмъ учебникамъ эпохи Наполеона III, а въ основныхъ вопросахъ психологіи повторялъ допотопныхъ авторитетовъ безшабашнаго матеріализма?

Но Максъ Нордау не былъ бы еще особенно опасенъ, если бы его писательская фигура не прикрывала собой цѣлаго психологическаго типа—независимо отъ талантовъ и степени ума. Неважно даже, что въ этотъ типъ входятъ поэты, подобные Гейне, и критики, въ родѣ Брандеса. Ничего не подѣлаешь, если сама натура человѣка требуетъ паразитскихъ ощущеній и творитъ себѣ боговъ изъ золота и желѣза. Несравненно важнѣе общій вопросъ: существуетъ ли, въ самомъ дѣлѣ, мѣрило для генія и величія? Есть въ нашемъ распоряженіи принципъ, приложимый къ оцѣнкѣ даровитости, духовной исключительности отдѣльныхъ людей?

Намъ думается,—есть: только искать его слѣдуетъ совершенно другимъ путемъ, чѣмъ искалъ нашъ парадоксальный философъ.

III.

Геніальность отнюдь не есть нѣчто абсолютное, сила самодовлѣющая и независимая. Геній—это даровитость личности плюсъ признаніе этого факта другими. Непризнанный геній все равно, что несуществующій: не даромъ самое наименованіе звучитъ комично. Признаніе, разумѣется, не должно непремѣнно состояться

среди современниковъ генія, но оно неизбѣжно рано или поздно: геніальность и слава такъ же нераздѣльны, какъ солнце и свѣтъ, молнія и громъ, мысль и слово.

Вопросъ, слѣдовательно, въ высшей степени усложняется. Шекспировскій Гамлетъ мучительно стремится отличить среди окружающихъ явленій «то, что есть» отъ «того, что кажется», въ сущности такая же задача предстоитъ всякому, кто берется провозглашать кого бы-то ни было великимъ человѣкомъ.

Мы только-что видѣли поразительный образчикъ эстетическаго ослѣпленія у поэта и критика. Поэтъ даже принялъ, повидимому, за правило предъ лицомъ геніевъ здравый смыслъ подмѣнять лирическимъ безпорядкомъ.

По поводу Гёте онъ продѣлалъ совершенно такіе же фокусы вдохновенной реторики, какъ и ради Наполеона. Но вѣдь это не приговоръ исторіи и не судъ потомства, обязаннаго произносить мотивированные и нелицепріятные приговоры. Это, по меньшей мѣрѣ, настроеніе психопата и человѣка толпы, поддающагося головокруженію отъ собственнаго шума и волненія.

Не происходятъ ли подобные аффекты въ гораздо бóльшемъ размѣрѣ и не только на той улицѣ, гдѣ Гейне бросался во прахъ предъ корсиканскимъ наѣздникомъ?

Отвѣтъ не подлежитъ сомнѣнію. Геній—явленіе такого же сложнаго состава, какъ, положимъ, монументъ, воздвигнутый генію: кромѣ статуи героя, имѣется еще пьедесталъ и именно онъ сообщаетъ статуѣ командующее положеніе. Геній также личность и публика, и именно отъ публики зависитъ діапазóнъ славы и, слѣдовательно, размѣры фактически-осуществленной, т.-е. признанной и оправданной геніальности.

Не принимать въ разсчетъ этого факта—значитъ разсуждать о совершенно призрачномъ предметѣ, оторванномъ отъ питательной почвы и жизненной атмосферы, психологію генія—человѣка превращать въ метафизику геніальности—понятія.

Теперь, рѣшите, какого разряда геніи по преимуществу являются достояніемъ толпы, какого рода дѣятельность чаще всего собираетъ и увлекаетъ улицу и, слѣдовательно, можетъ разсчитывать на самую громкую славу и самый эффектный пьедесталъ?

Опять отвѣтъ не подлежитъ сомнѣнію: онъ многократно и въ краснорѣчивѣйшихъ формахъ данъ древней и новой исторіей.

Это какъ разъ геніи, признанные у нашего философа перворазрядными, геніи—укротители людей, сверхчеловѣки, пользующіеся человѣчествомъ, какъ матеріаломъ. И—что особенно существенно—эти геніи *всегда* получаютъ полную мѣру славы при жизни, и вполнѣ ясно почему: они всѣмъ существомъ принадлежатъ современной толпѣ по своей дѣятельности и даже по своимъ идеаламъ. Это—микрокозмы низшихъ стихій человѣческой природы, матеріальной силы, неограниченнаго честолюбія, фантастическихъ, непремѣнно матеріальныхъ плановъ.

Возьмите самыхъ блестящихъ представителей этого рода геніальности—Александра, Цезаря, Наполеона. Они начинаютъ и кончаютъ по совершенно тожественной программѣ: сначала истребленіе людей во имя личной славы, потомъ, когда пьедесталъ готовъ—безумные замыслы весь міръ бросить подъ ноги все того же своего *я*.

И всѣ эти генiи переживаютъ одни и тѣ же стадiи психологическаго развитiя: сначала, пока предстоитъ борьба, генiй достаточно разсудителенъ и энергиченъ, даже скроменъ. Исторiя разскажетъ вамъ множество подчасъ трогательныхъ эпизодовъ о цезарѣ—проконсулѣ, Александрѣ—царѣ, Бонапартѣ — генералѣ. Но разъ цезарь—диктаторъ, Александръ—восточный деспотъ, Бонапартъ-Наполеонъ I,—мозгъ ихъ терпитъ рѣшительную катастрофу. Они утрачиваютъ ясное представленiе о дѣйствительности, ихъ взоръ будто мутнѣетъ и притупляется, предъ ними исчезаютъ всѣ краски и оттѣнки въ «человѣческомъ стадѣ».

Александръ провозглашаетъ себя сыномъ Юпитера и требуетъ божескихъ почестей, очевидно, задолго до физической болѣзни отъ вина и женщинъ, безнадежно заболѣвая нравственно. То же происходитъ съ цезаремъ: онъ бросаетъ оскорбленiями направо и налѣво, публично провозглашаетъ свой исключительный генiй, свое всемогущество и грозитъ всякому, кто забудетъ осторожность даже въ разговорѣ съ нимъ. Бонапартъ даетъ еще болѣе трагикомическiй спектакль. Ослѣпленный той самой звѣздой, какую воспѣваетъ Гейне, онъ съ безумнымъ упорствомъ влечетъ себя и миллiоны людей къ неминуемой пропасти, онъ самъ роетъ ея, независимо отъ какихъ бы ни было стихiй...

Поучительнѣйшiе уроки психологiи и исторiи! Надъ ними слѣдовало бы поразмыслить поэтамъ и философамъ раньше, чѣмъ украшать лаврами классическихъ героевъ войны и разрушенiя. А прежде всего настоятельно подумать надъ вопросомъ: если генiальность безусловно духовное свойство, великiй умъ и могучая натура, почему тогда какъ разъ самые блестящiе избранники славы оказываются именно на верху блеска *слабоумными* и *слабовольными?* Да, въ полномъ смыслѣ этихъ словъ. Познакомтесь съ рѣчами и дѣйствiями цезаря незадолго до смерти, оцѣните планъ Наполеона завоевать Россiю и практическое осуществленiе этого плана, и вы признаете вполнѣ законными впечатлѣнiя очевидца: это—головокруженiе, сумасшествiе.

Очевидно, высота оказывалась не по силамъ великимъ героямъ и немедленно обнажала ихъ нравственные и умственные изъяны. Герои жестоко расплачивались за нечистый и низменный источникъ своего величiя: за торжество надъ инстинктами толпы. На верху торжества они обнаруживали *плебейскую* сущность своего генiя, теряясь предъ непосильнымъ блескомъ легко и просто прiобрѣтенной славы.

Легко и просто сравнительно съ другой славой, гдѣ нѣтъ въ распоряженiи генiя столь изобильнаго и послушнаго матерiала.

Въ самомъ дѣлѣ, какая громадная разница устроить спектакль, съ такимъ вкусомъ описываемый Гейне, т. е. «небрежно сидѣть на сѣдлѣ, одною рукою высоко держать поводъ, другою—привѣтливо трепать по шеѣ лошади»,—и взывать къ сердцу и уму человѣческому,—даже не съ лошади, а изъ какого-нибудь заброшеннаго одинокого угла! Гейне съ перваго взгляда прочиталъ на лицѣ Бонапарта надпись: «ты никому не долженъ поклоняться, кромѣ меня»: такъ непосредственно понятна бонапартовская генiальность!

Можете ли вы припомнить, чтобы на лицахъ, неизмѣримо болѣе краснорѣчивыхъ мыслью, съ такою же легкостью читались

улицей столь лестныя приказанія? Не приходятъ ли вамъ на умъ совершенно другія внушенія, испытываемыя искони вѣковъ людскою толпой при видѣ пророческаго чела: «Распни его»! И она распинала, въ той или другой формѣ, распинаетъ и до сихъ поръ, хотя бы даже «психо-физіологическими» трактатами и «парадоксами».

Но слѣдуетъ ли изъ этого, что геніальность на крестѣ ниже и слабѣе генія на «бѣленькой лошадкѣ»? Иллюзія создана не величіемъ предмета, а сценой: въ одномъ случаѣ милліонная толпа, извергающая нечленораздѣльные звуки, въ другомъ — единицы избранныхъ, часто безмолвно-благоговѣющихъ предъ божественнымъ образомъ въ человѣкѣ.

И, оказывается, такая иллюзія въ состояніи разгорячить воображеніе и плѣнить разсудокъ не только у ремесленниковъ, столь презрительно изображенныхъ у Шекспира въ извѣстной сценѣ народа съ Коріоланомъ. Есть всюду плебейскія натуры, уличную толпу можно составить съ такимъ же успѣхомъ изъ авторовъ стиховъ и книгъ, какъ и изъ сапожниковъ и бродягъ.

Не это удивительно и печально, а то, что до нашихъ дней, послѣ столькихъ, повидимому, совершенно убѣдительныхъ опытовъ съ героями, все еще не переводятся добровольцы, готовые бросаться подъ тріумфальныя колесницы «земныхъ боговъ» и взывать «осанна!» «укротителямъ». И крики исходятъ не отъ жалкой толпы, тоскующей о хлѣбѣ и зрѣлищахъ, а отъ самыхъ передовыхъ изобличителей современныхъ общественныхъ несовершенствъ.

А между тѣмъ, весь нашъ девятнадцатый вѣкъ, если чего и достигъ положительнаго въ культурномъ смыслѣ, то именно устраненія «высшаго героизма», какъ его понимаетъ Нордау. И этотъ процессъ идетъ съ того самаго момента, когда палъ человѣкъ, заставлявшій, на потѣху Гейне, подъ свистъ плясать цѣлыя государства.

IV.

Да, нашему вѣку не надо больше героевъ въ классическомъ стилѣ. Это значитъ—новый міръ надѣется быть достаточно просвѣщеннымъ и здравомыслящимъ, чтобы обойтись безъ героическихъ посвистовъ и молніеносныхъ думъ.

Герой-укротитель ничто иное, какъ переворотъ, хаотическая борьба неудовлетворенныхъ законныхъ запросовъ прогресса съ безсмысленной косностью отжившаго порядка вещей. Каждое имя «великаго генія» непремѣнно революція, т. е. анархическое состояніе общества, величайшее бѣдствіе человѣчества, та комета, которая ведетъ на міръ язву, войну, всевозможныя стихійныя потрясенія.

А это возможно только при полномъ разложеніи общественнаго строя, утратившаго нравственное право на существованіе и продолжающаго существовать въ силу инерціи или злоупотребленія фактической давностью.

Тогда естественно накопляется въ самыхъ простыхъ и кроткихъ сердцахъ бездна обиды и злобы, и эти чувства ждутъ только случая воплотиться въ болѣе сильной и смѣлой личности. Складываются условія, какъ нельзя болѣе благопріятныя для картин-

ныхъ эволюцій на лошади, т. е. для разрушительнаго героизма. И Наполеонъ въ свѣтлыя минуты совершенно справедливо свою удивительную карьеру приписывалъ обстоятельствамъ.

Но весь смыслъ культурнаго прогресса заключается именно въ постепенномъ упраздненіи подобныхъ обстоятельствъ. Они въ исторіи человѣчества то же самое, что грандіозныя стихійныя явленія въ отдаленнѣйшія эпохи нашей планеты. Но даже если физическая природа стремится установить прочныя основы органическаго развитія, тѣмъ болѣе эта цѣль является высшей задачей нравственныхъ силъ человѣчества. И такъ называемые «великіе геніи» должны неминуемо стать наряду съ самыми нежелательными пережитками, фактами грубѣйшаго атавизма. И горе человѣчеству, если оно вѣчно будетъ воспитывать въ своей средѣ толпу, необходимую для побѣдоносныхъ укрощеній и сверхъестественныхъ воздѣйствій, если оно сознаніе, разумъ, чувство человѣческаго достоинства не превратитъ въ общее достояніе и, слѣдовательно, не истребитъ самую почву для цезаризма и бонапартизма.

Къ великому разочарованію эстетическихъ любителей героизма на лошади, исторія обнаруживаетъ безусловно опредѣленныя тенденціи, враждебныя варварскому культу.

Такъ называемое разочарованіе, переполнившее поэзію начала нашего столѣтія,—въ основѣ ничто иное, какъ тоска героическихъ мечтателей по невозвратному прошлому, былому разгулу личныхъ страстей предъ благоговѣйно созерцающей и безмолвно покорной толпой.

Тоска часто необыкновенно эффектна, она захватываетъ и увлекаетъ васъ, но въ глубинѣ ея скрываются два чувства: одно—злоба на людей, не признающихъ героя, другое—еще болѣе мучительное чувство, сознаніе гордаго человѣка, что онъ—лишній, непригодный къ новой жизни и осужденъ на невольное бездѣйствіе и одиночество.

Жестоко, нестерпимо это сознаніе, и герои стремятся заглушить его громовыми укоризнами толпѣ, человѣчеству, всему міру.

Послушайте всѣхъ этихъ Манфредовъ, Ренэ, «дѣтей вѣка»... Всѣ они на первый взглядъ производятъ одно и то же впечатлѣніе чего-то мощнаго, исключительнаго. Но это—обманъ зрѣнія. Сущность совершенно другая.

На самомъ дѣлѣ сильна только злоба и исключительно самообожаніе. Герои въ дѣйствительности—немощныя жертвы новыхъ историческихъ силъ. Каждый изъ нихъ не болѣе, какъ

Ненужный членъ въ пиру людскомъ,
Младая вѣтвь на пнѣ сухомъ.

Припомните исторію любого изъ этихъ героевъ, и вы сейчасъ же поймете, кто именно и за что выбросилъ ихъ за предѣлы живой общей жизни.

Вотъ онъ—потомокъ стараго поколѣнія, уничтоженнаго революціей, теперь—«сухого пня», потомокъ распущеннаго деспота, благородной піявки, сосавшей цѣлые вѣка народную кровь. Отецъ день и ночь проводилъ въ пирахъ и «укрощеніяхъ». Сыну не до пировъ. Нѣтъ прежняго раздолья. Вчерашній вьючный скотъ—сегодня человѣкъ. Что дѣлать герою, унаслѣдовавшему отъ цѣлаго ряда поколѣній всѣ недуги тунеядства и унаслѣдованной исключительности?

Вотъ его собственная исповѣдь:

Отъ раннихъ лѣтъ съ людьми я не сходился;
Ихъ взглядъ мнѣ былъ чужой...
Цѣль жизни ихъ мнѣ не служила цѣлью,
Мои страданья, радости, желанья
Съ людскими расходились постоянно.
Хотя носилъ я образъ человѣка,
Но между мной и братьями земными
Симпатій не было и въ цѣломъ мірѣ
Я близкаго не находилъ созданья.

Герой всю свою энергію тратитъ на слѣдующую оригинальную дѣятельность: взбирается на вершины высокихъ скалъ, гдѣ птица не смѣетъ вить гнѣзда, кидается въ пучину сердитаго потока, по ночамъ любуется звѣздами или слѣдитъ за блескомъ молній. Въ промежуткахъ занимается наукой, но столько же осмысленной и цѣлесообразной, какъ и путешествія по скаламъ. Наука—магическая, всѣми забытая, дающая власть надъ духами и тѣнями мертвецовъ...

И герой по своему правъ.

Выбора ему нѣтъ: или бродяжество и колдовство, или совмѣстная работа съ людьми. Но сколько ужаса въ этихъ словахъ для нашего полубога! Человѣческое общество на его языкѣ значитъ «людское стадо», а трудъ—«постыдное рабство». И великолѣпнѣйшій изъ этихъ героевъ—байроновскій Каинъ—будетъ сѣтовать на Бога прежде всего потому, что Богъ принуждаетъ работать.

Снимите размалеванную личину, вы распознаете вполнѣ естественное дѣтище вѣковой праздности, рожденнаго отвращенія къ жизненной культурной работѣ, увидите эгоизмъ сибарита и эстетика, разубранный метафизическими узорами и крикливой надменной рѣчью—обычной прикрасой театральнаго героизма.

Страдающая одинокая личность—такой завлекательный красивый образъ! Здѣсь не до того, чтобы вникать въ сущность страданій и причины одиночества. Поэтическая и вообще художественная фантазія слишкомъ часто довольствуется внѣшнимъ эффектомъ, и вы знаете, какимъ ореоломъ окружена фигура Наполеона у Байрона, Гейне, Гёте, Лермонтова—одно время—у Пушкина. Жесточайшій врагъ свободы и цивилизаціи собралъ вокругъ себя цѣлую свиту вдохновенныхъ пѣвцовъ!.. За что?

У благороднѣйшихъ изъ названныхъ поэтовъ только за то, что въ его судьбѣ можно было усмотрѣть вообще трагическую участь личности.

Поэты не прочь отожествить себя самихъ съ своимъ героемъ и его глазами смотрѣть на «толпу». Это оказалось тѣмъ легче, что «герои времени»—избранники поэтовъ были въ сущности такъ же безразличны для современной «толпы», какъ и развѣнчанный цезарь.

Геніальный русскій поэтъ, поддавшійся повѣтрію, стремится возстановить падшее величіе и унизить виновниковъ паденія. Онъ обращается къ французской націи:

Ты—жалкій и пустой народъ!
Ты—жалокъ потому, что вѣра, слава, геній—
Все великое, священное земли—
Съ насмѣшкой глупою ребяческихъ сомнѣній
Тобой растоптано въ пыли.

Слышите: «все великое, священное земли»... это о Бонапартѣ!

Такъ можно говорить только о своемъ идеалѣ; и другой русскій поэтъ, успѣвшій излѣчиться отъ недостойнаго увлеченія, въ двухъ словахъ раскрылъ психологію героическаго культа:

Мы всѣ глядимъ въ Наполеоны:
Двуногихъ тварей милліоны—
Для насъ орудіе одно.

Но это «орудіе» упорно перерождалось изъ «матеріала» въ дѣятельную самосознающую силу, и будущему принадлежитъ именно этотъ процессъ. Онъ, конечно, не устранитъ ни геніевъ, ни даже героевъ съ исторической сцены. Уничтожить *личность* невозможно. Это значило бы обязать природу создавать людей съ одинаковыми силами и способностями.

Это—безсмыслица. Личность не умретъ; умретъ эгоизмъ, исчезнетъ пропасть, отдѣлявшая старыхъ героевъ отъ толпы, и «укротители» смѣнятся «радѣтелями»!

Мы употребили, можетъ быть, нѣсколько неожиданное слово. Оно принадлежитъ одному изъ искреннѣйшихъ и правдивѣйшихъ русскихъ писателей, и смыслъ его разъясненъ съ поразительной психологической и философской полнотой. Это разъясненіе—лучшій отвѣтъ на вопросъ о будущемъ героизмѣ и геніальности.

Исторія въ высшей степени простая: она создана русской народной жизнью—темной и ровной, но также знающей своихъ героевъ.

Одинъ изъ нихъ «Родіонъ—Радѣтель».

Родіонъ жилъ въ деревнѣ переполненной грѣхами. «Житье было темное, пьяное, распутное». Родіонъ все это видѣлъ и глубоко страдалъ, вѣруя въ грядущее возмездіе. Онъ «зналъ, что нельзя оставить всѣ эти гибнущія христіанскія души безъ помощи, что надобно спасать эти души, если видишь, что онѣ погибаютъ, что нельзя молчать и быть равнодушнымъ ко всему этому, что не даромъ какой-то «невидимый гласъ» укоряетъ его дни и ночи во грѣхахъ людей, среди которыхъ онъ живетъ. Надобно спасать ихъ отъ погибели. Ему дана эта печаль отъ Бога, онъ не можетъ ее отогнать отъ себя. И вотъ впечатлительный Родіонъ неотразимо чувствуетъ, что ему пришло время исполнить Божіе повелѣніе».

И онъ исполняетъ, пользуясь религіознымъ чувствомъ народа.

Авторъ обобщаетъ фактъ и такъ изображаетъ истиннаго героя:

«Эта ясность и опредѣленность въ пониманіи своего дѣла по отношенію къ ближнему составляютъ непремѣнную черту всѣхъ нашихъ истинныхъ радѣтелей и борцовъ съ народнымъ невѣжествомъ и горемъ.

«Впечатлительный къ житейскимъ неправдамъ человѣкъ, честная душа, разъ она охвачена понятою ею скорбью, не уходитъ отъ зла, не стремится выдѣлить себя изъ оскорбляющей его среды, а именно потому, что ему Богъ далъ понять чужое безобразіе и грѣхъ, идетъ прямо сюда, въ эту разстроенную, грѣшную, грязную среду и беретъ на себя всю черную работу въ освобожденіи этихъ людей отъ ихъ несчастія и горя... Святой тотъ, кто работаетъ неустанно для бѣдныхъ, темныхъ и несчастныхъ».

Эта рѣчь—программа вообще новой героической дѣятельности. Ея основы—стремленіе человѣка найти исходъ своимъ силамъ на поприщѣ народнаго дѣла, глубокая вѣра въ нравственные задатки народа, жертва личными талантами гармоническому развитію общества. Оно—общество—цѣль, человѣкъ—орудіе.

*

И не думайте, чтобы здѣсь не было эффектныхъ зрѣлищъ и чтобы поэты не могли найти величественныхъ мотивовъ для героическаго вдохновенія. Напротивъ, гораздо больше и мотивы неизмѣримо благороднѣе, потому что герои и толпа здѣсь одинаково—люди.

Иллюстрацій можно бы привести сколько угодно. Мы возьмемъ двѣ—одна открыла поприще новаго героизма, другая — освятила его дальнѣйшее процвѣтаніе. Обѣ сливаются въ столь сильную картину, что предъ ней блѣднѣютъ всѣ древніе и новые наѣздники и укротители.

Вольтеръ послѣ долголѣтней просвѣтительной дѣятельности, переполненной опасностями и битвами въ защиту угнетенныхъ и гонимыхъ, ѣхалъ изъ своего замка въ Парижъ.

Уже по пути философъ видѣлъ, какъ его знаютъ и цѣнятъ люди, повидимому, далекіе отъ всякой философіи. Крестьяне захолустныхъ деревень привѣтствовали его криками: «Да здравствуетъ защитникъ Каласовъ!» Они помнили, какъ писатель поднялъ всю Европу на помощь этимъ жертвамъ католическаго фанатизма...

Что же послѣ этого произошло въ столицѣ? Короли французскіе давно не видали такихъ восторговъ. Вольтера всюду сопровождала ликующая толпа, наполняла окна и балконы на улицахъ, гдѣ онъ проѣзжалъ, издали привѣтствовала его, едва замѣтивъ карету, считала счастьемъ смотрѣть ему въ лицо, поцѣловать его руку.. Онъ, всю жизнь посмѣшливый или гнѣвный, не могъ теперь удержаться отъ слезъ...

Другая картина.

Между Валлійскимъ берегомъ и островомъ Эклези идетъ желѣзная дорога. Она проложена въ желѣзной трубѣ громадной величины, вѣсомъ въ два милліонна фунтовъ. Чтобъ устроить этотъ мостъ инженеръ Стефенсонъ воспользовался силой луннаго притяженія, т. е. морскимъ приливомъ. Море должно было поднять понтоны, на которыхъ была устроена труба, и уложить ее въ намѣченномъ направленіи. Стефенсонъ самъ описалъ «событіе».

Начался приливъ. На морѣ бушевала буря и волны неслись, не производя никакого дѣйствія на постройку. Наступилъ критическій моментъ. Начинался отливъ. «Мое сердце,—разсказываетъ Стефенсонъ,—перестало биться». Берега замерли... Но еще нѣсколько минутъ и море съ точностью выполнило предначертанія геніальнаго строителя.

Громкій радостный крикъ зрителей и рабочихъ прокатился по морю. Бросились поздравлять виновника, а онъ стоялъ на своемъ сооруженіи, охваченный глубокимъ волненіемъ.

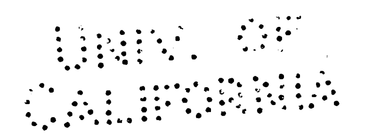
«Никогда я не чувствовалъ себя,—говоритъ онъ,—такимъ приподнятымъ и такимъ маленькимъ». Сознаніе торжества и невольное благоговѣйное чувство предъ законами природы боролись въ душѣ великаго человѣка...

Но толпа видѣла только приливъ—побѣду разума надъ стихіей.

Скажите, какія еще побѣды, возможныя въ мірѣ, и какіе тріумфы другихъ геніевъ могутъ сравняться съ такими могучими проявленіями божественныхъ силъ человѣка?

За ними все будущее, и на нихъ должны покоиться всѣ надежды благороднаго человѣческаго чувства и свободной культурной мысли.

Ив. Ивановъ.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

«Le Public et les hommes de lettres en Angleterre au XVIII siècle (1660—1744) Dryden, Adduson, Pope» par Alexandre Beljame, prof. adjoint à la Faculté des lettres de Paris, maitre de conférences à l'Ecole normale Supérieure (Hachette). (*Публика и литераторы въ Англіи въ XVIII вѣкѣ*). Подъ именемъ «литератора» авторъ подразумѣваетъ такого писателя, который своимъ перомъ добываетъ средства къ жизни и можетъ только посредствомъ своихъ произведеній добиться независимости и заслужить всеобщее уваженіе. Подъ «публикою» слѣдуетъ понимать просвѣщенныхъ людей, интересующихся всѣми произведеніями литетатуры и читающихъ и раскупающихъ книги. До тѣхъ поръ, пока въ какой-нибудь странѣ не образовалась такая публика, положеніе писателей будетъ непрочнымъ и необезпеченнымъ; они не могутъ имѣть вліянія и не могутъ пользоваться уваженіемъ въ обществѣ, такъ какъ это общество еще не научилось цѣнить литературнаго труда. Таково мнѣніе автора вышеназванной книги, задавшагося цѣлью прослѣдить, при какихъ условіяхъ образовалась въ Англіи просвѣщенная и любознательная публика, какое участіе принимали въ этомъ отдѣльныя личности и событія, какъ отразилось постепенное развитіе литературныхъ вкусовъ въ англійскомъ обществѣ на писателяхъ, ихъ произведеніяхъ и положеніи въ обществѣ. Исходною точкой своего труда авторъ избралъ вступленіе Карла II на престолъ въ 1660 г., такъ какъ съ этого времени начинается современный періодъ англійской литературы, выступаетъ на сцену литературная публика, и писатели, пройдя черезъ горнило всевозможныхъ испытаній и перипетій, постепенно возвышаются и пріобрѣтаютъ въ обществѣ то положеніе и уваженіе, которыя они занимаютъ въ данную минуту.

(Journal des Débats).

«Voltaire» (études critiques) par Edme Champion (A. Colin). (*Вольтеръ; критическіе опыты*). Авторъ находитъ, что Вольтера мало знаютъ даже тѣ, кто присваиваетъ себѣ громкое названіе его учениковъ, не говоря уже о его противникахъ. Исходя изъ этой точки зрѣнія авторъ доказываетъ, что у Вольтера можно заимствоваться не одними только полемическими пріемами и что въ его произведеніяхъ заключается масса поучительнаго, «до сихъ поръ не замѣченнаго даже тѣми, кто называетъ себя послѣдователями Вольтера». Разбирая Вольтера, авторъ хотя и признаетъ нѣкоторые его недостатки и несовершенства, но тѣмъ не менѣе въ каждой строкѣ его критическаго очерка сквозитъ восхищеніе и преклоненіе передъ великимъ умомъ знаменитаго французскаго писателя.

(Journal des Débats).

«Les Plantes dans l'antiquité et au mogeu âge»—Histoire, usage, et symbolism, par Charles Loret (*Растенія въ древности и въ средніе вѣка*). Очень интересная книга, авторъ которой, профессоръ университета въ Эксѣ, разсказываетъ исторію растеній классическаго востока (Египта, Халдеи, Ассиріи, Іудеи, Финикіи, Персіи и Индіи), ихъ употребленіе и символическое значеніе.

(Journal des Débats).

«Année psychologique» publiée par M. Binet, docteur ès sciences, laureat de l'Academie des sciences, directeur du laboratoire de psychologie de la Sorbonne, avec collaboration de MM. Beaunis et Th. Ribot (Schleiches frères). (*Психологическій ежегодникъ*). Этотъ толстый томъ указываетъ, что въ Сорбоннской лабораторіи работаютъ очень много.. Третій выпускъ ежегодника еще полнѣе предшествующихъ и въ особенности богатъ отдѣломъ экспериментальной психологіи. Вообще, это изданіе представляетъ огромный интересъ для спеціалистовъ, ученыхъ, философовъ, мыслителей и просто образованныхъ людей. Слѣдующія статьи: «О первыхъ воспоминаніяхъ дѣтства»; «О вліяніи музыки на эмоціи»; «О психологическомъ автоматизмѣ»; «О чувствахъ»; «Объ удовольствіи и страданіи»; «Объ импульсахъ», «Объ инстинктѣ», «О разстройствахъ движеній и рѣчи»; «О гипнотизмѣ и внушеніи», безъ сомнѣнія могутъ заинтересовать каждаго образованнаго читателя. Къ книгѣ приложенъ библіографическій указатель, имѣющій громадное научное значеніе. (Journal des Débats).

«Introductiou à la médicine de l'esprit par le docteur Maurice de Fleury, ancien interne des hôpitaux. (*Félix Alcan*). (*Введеніе въ медицину ума*). Трудъ раздѣляется на двѣ части: въ первой авторъ изучаетъ общія идеи, господствующія среди врачей психіатровъ за послѣднія 25 лѣтъ, говоритъ о лекціяхъ Шарко въ Сальпетріерѣ, объ отношеніяхъ медицины къ правосудію, литературѣ, искуствамъ и т. п. Вторая часть, носящая болѣе частный характеръ, посвящена клиническимъ наблюденіямъ и терапіи человѣческихъ страстей и эмоцій. Въ этой части заключаются слѣдующія главы: «Лѣность и ея лѣченіе», «Тоска и ея лѣченіе», «Медицина страстей», «Гнѣвъ и его лѣченіе», «Современная нравственность». Книга, безъ сомнѣнія, пріобрѣтетъ большой кругъ читателей, какъ какъ затрогиваетъ вопросы, интересующіе всѣхъ и каждаго. (Journal des Débats).

«Shakespeare the Boy. With Sketchen of the home and School life, the Games and Sparts, the Manners, Customs and Folk Lare of the Time» by Iames Rolfe. With farty one illustratione (*Chatto and Windus*). (*Шекспиръ мальчикъ*). Авторъ этой занимательной книги изображаетъ домашнюю и школьную жизнь въ Англіи въ тѣ времена, когда Шекспиръ былъ мальчикомъ. Свѣдѣнія о жизни Шекспира весьма скудны, поэтому авторы его біографіей всегда стараются дополнить ихъ свѣдѣніями объ окружавшей его обстановкѣ, условіяхъ среды, воспитанія и т. п. Вышеназванная книга представляетъ именно попытку, и притомъ весьма удачную, представить картины англійской жизни, нравовъ и обычаевъ во времена Шекспира. Читатель невольно переносится воображеніемъ въ ту отдаленную эпоху и обстановку, подъ вліяніемъ которой выросъ и воспитался великій англійскій писатель. Къ книгѣ приложены хорошо исполненныя иллюстраціи, сцены изъ тогдашней англійской жизни, портреты, виды и т. п. (Daily News).

«History of Armenia from the Earliest Ages to the Present time» (*Illustrated*) *by N. Ter Gregor* (*Iohn Heywood*). (*Исторія Арменіи съ древнѣйшихъ временъ до настоящаго времени*). Появленіе этой книги нельзя не назвать вполнѣ своевременнымъ, такъ какъ въ настоящее время армянская нація возбуждаетъ интересъ Европы, а между тѣмъ европейское общество очень мало знакомо съ исторіей этого народа. Въ книгѣ заключается очень много данныхъ, бросающихъ въ высшей степени любопытный свѣтъ на исторію востока вообще и Арменіи въ частности, (Bookseller).

«A Shart Popular History of Crete» by I. H. Freese (*Iarrold and Sons*). (*Краткая популярная исторія Крита*). Авторъ этой книги разсказываетъ исторію острова съ древнѣйшихъ временъ до настоящаго времени. Главы, посвященныя войнѣ за независимость, особенно интересны, также какъ и тѣ, которыя посвящены критскимъ пѣснямъ и легендамъ. Въ началѣ книги имѣется предисловіе, придающее ей современный характеръ, въ которомъ излагается исторія возникновенія критскаго вопроса и его современное положеніе. (Bookseller).

«L'Eternelle Utopie»: Etude du socialisme à travers les Ages» par A. von Kirchenheim. (*Le Soudies*). (*Вѣчная утопія*). Это обзоръ всевозможныхъ соціальныхъ ученій и идеальныхъ, но непрактичныхъ схемъ соціальнаго переустройства, начиная отъ Платона до современныхъ утопій и т. п. (Bookseller).

«Among the Dark Hairech-Race in the Flowery Landy» by Samuel B. Drake. (*Среди темноволосой расы въ странѣ цвѣтовъ*). Интересная маленькая книга, авторъ которой, баптистскій миссіонеръ въ Китаѣ, хорошо изучилъ семейную и домашнюю обстановку китайцевъ, ихъ общественную жизнь и т. д. Конечно, авторъ обращаетъ вниманіе главнымъ образомъ только на выдающіяся черты китайской жизни, а также на злоупотребленіе опіумомъ, распространеніе самоубійствъ и т. п, Книга изобилуетъ рисунками и фотографіями, служащими весьма полезнымъ дополненіемъ къ тексту. (Bookseller).

«Through a Pocket Lens» by Herwy Scherren. (*Черезъ карманную лупу*). Главная цѣль автора доказать, что сложные приборы и микроскопы вовсе не такъ ужъ необходимы для молодыхъ натуралистовъ, желающихъ заняться изслѣдованіями міра насѣкомыхъ и растеній; въ большинствѣ случаевъ можно обходиться съ одною только карманною лупой. Это должно облегчить задачу совсѣмъ юнымъ натуралистамъ-изслѣдователямъ, преимущественно интересующимся жизнью насѣкомыхъ и растеній. (Bookseller).

«Joseph Garibaldi» by R. Carlett Cowell. (*Іосифъ Гарибальди*). Прекрасно написанная біографія знаменитаго итальянскаго патріота. Авторъ обращаетъ вниманіе нетолько на одни выдающіеся факты изъ жизни героя, но стремится сдѣлать общіе выводы, касающіеся его жизни и дѣятельности. Біографія написана очень живо и замѣтно, что авторъ самъ сильно увлекался своимъ героемъ. (Bookseller).

«Shakespeare London. A study of London in the Reign of Queen Elizabeth», by F. Fairman Ordish (*Denta und C°*). (*Лондонъ временъ Шекспира*). Это описаніе Лондона и лондонской жизни временъ царствованія Елизаветы представляетъ цѣнный вкладъ въ литературу о Шекспирѣ, такъ какъ

даетъ понятіе о той обстановкѣ, въ которой надлежало дѣйствовать великому писателю. Но и помимо этого, описанія стариннаго Лондона представляютъ большой историческій интересъ. (Daily News).

«*Mohammedanism: Hus it any Future?*» *by Charles H. Robinson* (*Darton and C°*). (*Магометанство: имѣетъ-ли оно какое-нибудь будущее?*) Взгляды, высказываемые авторомъ этой любопытной книги, идутъ совершенно въ разрѣзъ съ тѣми, которые господствовали 50—60 лѣтъ тому назадъ. Тогда находили, что ученіе Магомета не заслуживаетъ вниманія, потому что въ самой основѣ его заключается ложь. Между тѣмъ авторъ этой книги, много лѣтъ пробывшій миссіонеромъ въ магометанскихъ странахъ западной Африки, далеко не раздѣляетъ такихъ взглядовъ. Онъ находитъ, что въ магометанствѣ заключается много элементовъ добра, хотя идеалы его ниже христіанскихъ. Что же касается будущности магометанства, то авторъ полагаетъ, что оно ея не имѣетъ и что мало-по-малу христіанство вытѣснитъ его во всѣхъ странахъ, такъ какъ уже теперь магометанство нетолько не дѣлаетъ успѣховъ, но съ трудомъ удерживаетъ свое прежнее положеніе. Этотъ взглядъ автора представляетъ особенный интересъ въ данную минуту, когда такъ много говорятъ о возрожденіи ислама и «магометанской опасности». (Daily News).

«*Little journeys to tue homes of Famous Women: Elizabeth Fry*» *by Elbert Hubbard*. (*Putnam's Sons*). (*Посѣщеніе домовъ знаменитыхъ женщинъ*). Въ этой небольшой книжкѣ заключается очеркъ жизни и дѣятельности Елизаветы Фрей и ея трудовъ въ области преобразованія тюремъ и пріютовъ для душевно-больныхъ. (Bookseller).

«*Sanitary and Social Questions the Day*» *by an Observer*. (*Cotton Tress*). (*Санитарные и соціальные вопросы нашего времени*). Анонимный авторъ этой небольшой книги съ большимъ знаніемъ дѣла разбираетъ нѣкоторые важные современные вопросы, имѣющіе первостепенное значеніе въ соціальной жизни. Въ первой части авторъ говоритъ объ уходѣ за дѣтьми и ихъ воспитаніи. Во второй онъ касается различныхъ санитарныхъ вопросовъ, законодательства, устройства жилищъ и т. д. (Bookseller).

«*The Story of Extinct Civilisation of the East*» *by Robert E. Anderson*. (*George Newness*). (*Исторія исчезнувшей цивилизаціи Востока*). Эта книга входитъ въ составъ изданій «Полезной библіотеки» и заключаетъ интересно написанное изложеніе новѣйшихъ открытій въ области египтологіи, ассиріологіи и т. п. На основаніи этихъ открытій авторъ воспроизводитъ передъ глазами читателя картины далекаго прошлаго. Книга прекрасно знакомитъ съ древнѣйшею исторіей человѣчества. (Bookseller).

Издательница А. Давыдова. Редакторъ Викторъ Острогорскій

